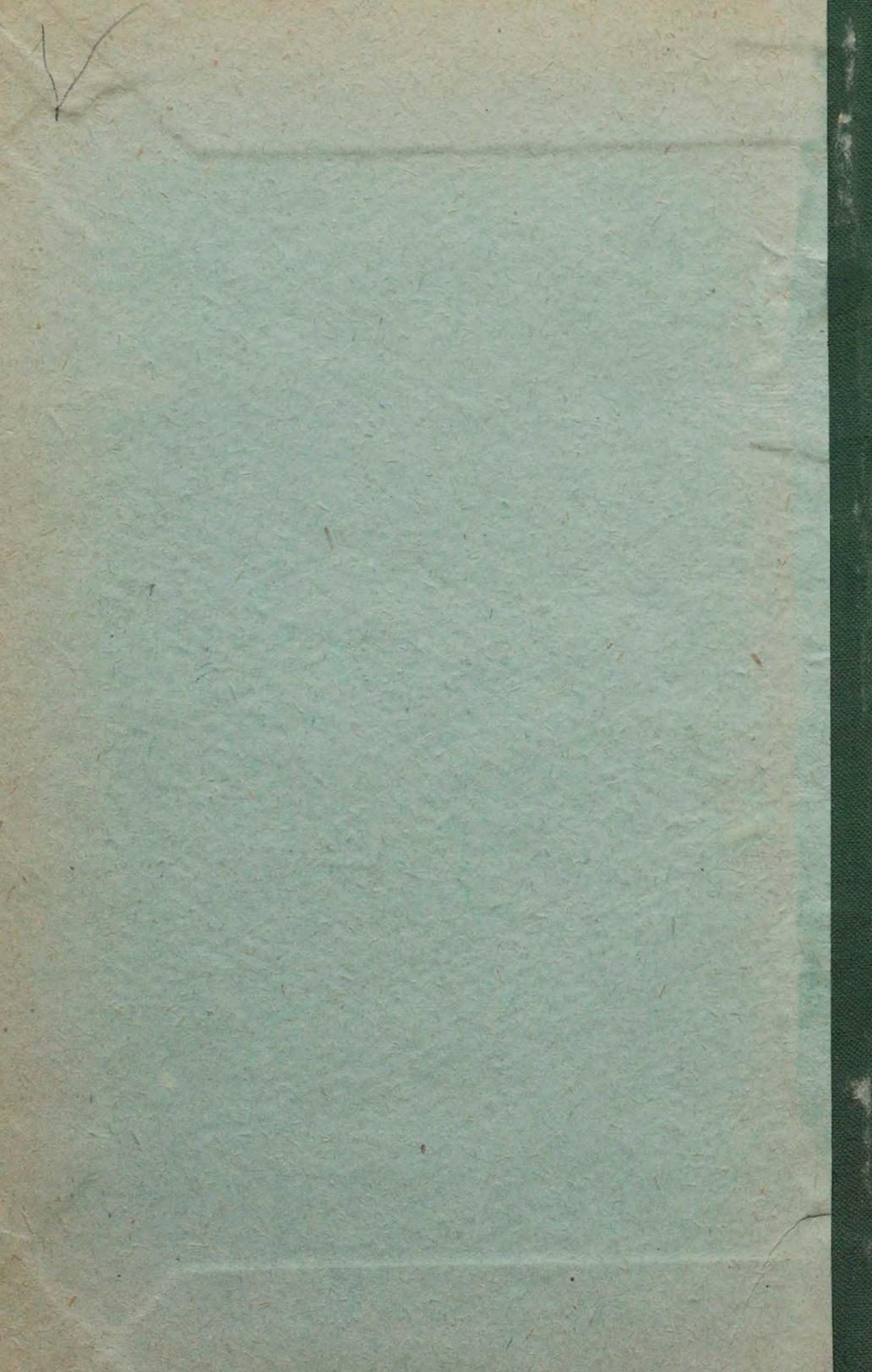
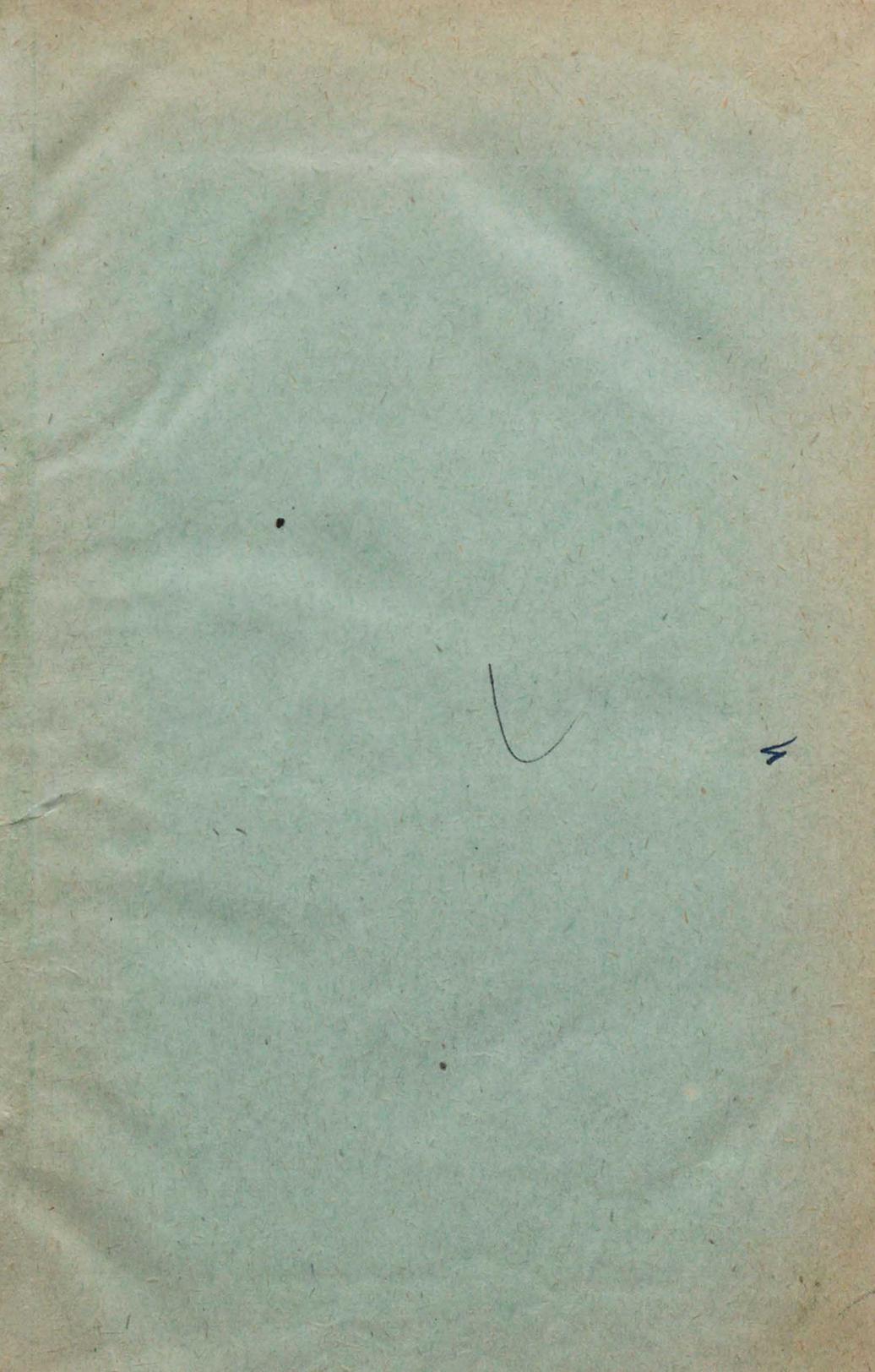

M 41
49

Изданіе Ф. Павленкова.

МЧ / 49

ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ.

Ю. Липперта.

ВЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛАХЪ.

Съ 83 рисунками въ текстъ.

ПЕРЕВЕЛИ СЪ НѢМЕЦКАГО

А. Острогорскій и П. Струве.

— Цѣна 1 руб. 60 коп. —

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Ю. Н. Эрлихъ, Садовая, № 9.

1894.

ИЗДАНИЯ Ф. ПАВЛЕНКОВА.

Продается во всех книжных магазинах. Главный складъ въ книжномъ магазинѣ П. Луковникова. (Спб. Лейтукъ пер., № 2).

Литература, публицистика и законо- вѣдѣніе.

СОЧИНЕНИЯ ЧАРЛЬЗА ДИККЕНСА. Полное собрание въ 10 томахъ. Цѣна каждого тома (равнаго 75 журна. листамъ)—1 р. 50 к.—До января 1894 г. вышли шесть томовъ: 1) Давидъ Копперфильдъ, 2) Домби и сынъ, 3) Холодный домъ и Повѣсть о двухъ городахъ, 4) Крошка Дорритъ и Большія ожиданія, 5) Нашъ общій другъ и Оливьеръ Твистъ, 6) Записки Никвизитскаго клуба и Тяжелыя времена. 7-й томъ печатается.

ГЕРОИ И ГЕРОИЧЕСКОЕ ВЪ ИСТОРИИ. Публичныя бесѣды Томаса Карейля. Перев. В. Яковенко. Ц. 1 р. 50 к.

ГРЯДУЩАЯ ПАСА. Фантастическій романъ. Эд. Бульвера. Перев. съ англ. Каменскаго. Ц. 50 к.

ИСТОРИЯ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ. И. Карно. Переводъ съ франц. подъ ред. и съ предислов. Р. И. Сементковскаго. Около 400 стр. Ц. 1 р.

ЕВРОПЕЙСКІЕ МОНАРХИ И ИХЪ ДВОРЫ. P. L'italiosa. Перевелъ съ англ. и дополнилъ В. Рандольфъ. Съ 16 портрет. Ц. 1 р.

ЧЕРЕЗЪ СТО ЛѢТЪ. «Соціологическій романъ». Э. Беллами. Переводъ съ 20 англ. изд., дополненный по 301 американ. изд. 3-е изд. Ц. 1 р.

ВЪ ТРУШОВАХЪ АНГЛИИ. (Планъ социалной борьбы съ экономическими язвима современнаго общества). Бутса. Цѣна 1 руб.

НАШИ ОФИЦЕРСКІЕ СУДЬБ. Ф. Павленкова. Цѣна 35 коп.

КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА. Повѣсть А. Пушкина. Роскошное изданіе, съ 188 рисунками. Ц. 60 к. Въ папкѣ 75 к. Въ перекл. 1 р.

СОЧИНЕНИЯ ПУШКИНА. Съ портретами, биографіей и 500 письмами. Полное собраніе въ 1-мъ томѣ и въ 10 томахъ. Цѣна 1-томнаго и 10-томнаго изданія одна и та же: безъ карт. 1 р. 50 к. Съ 44 картин.—2 р. 50 к. На лучшей бумагѣ—на 50 к. дороже. За переплетъ для 1-томнаго изданія—40 к. и 1 р. Для 10-томнаго (5 переплетовъ) 1 р. и 2 р.

БОЛЬШОЙ АЛЬБОМЪ къ „Сочиненіямъ Пушкина“: 44 иллюстр. съ подписями, портретомъ и снимкомъ съ почерка. Ц. въ папкѣ 1 р. 50 к.

МАЛЫЙ АЛЬБОМЪ къ „Сочиненіямъ Пушкина“. Тѣ-же иллюстраціи, но меньшаго формата. Цѣна въ календар. переплетѣ—1 р. 25 к.

СОЧИНЕНИЯ ЛЕРМОНТОВА (въ одномъ томѣ). Полное собраніе всѣхъ сочиненій. Съ портретами, биографіей, написанной А. М. Скабичевскимъ и въ 115 рисунками въ текстѣ. Ц. 1 р. въ простомъ перекл.—1 р. 40 к., въ коленкоромъ въ золотыхъ тисненіемъ—2 р.

СОЧИНЕНІЕ ЛЕРМОНТОВА (въ четырехъ томахъ). Полное собраніе всѣхъ сочиненій. Съ портретами автора, его биографіей и 115 рисунками въ текстѣ. Цѣна за всѣ 4 тома 1 р., въ двухъ простыхъ переплетяхъ—1 руб. 50 к., въ двухъ роскошныхъ переплетяхъ—2 р.

120 РИСУНКОВЪ КЪ ЛЕРМОНТОВУ. Художественный альбомъ М. Е. Машишева. Ц. въ папкѣ 50 к.

ГОЛОДЪ. Психологическій романъ Гамсуна. Переводъ съ норвежскаго. Ц. 60 к.

ЗАБОТА. Романъ Г. Зудермана. Перев. съ 14 нѣм. изд. Ц. 60 к.

ДО ПОТОНА. Романъ изъ жизни первобытныхъ людей. Рони. Съ 16 рис. Ц. 50 к.

НОВѢЙШІЕ РУССКІЕ ПИСАТЕЛИ. Хрестоматія для старшихъ клас. гимназій и книга для домаш. чтенія. А. Цвѣткова. Съ 72 портретами и биографіч. словаремъ. Ц. 3 р., въ пер. 3 р. 75 к.

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ И. Н. ПОТАНИЧЕНКО. Шесть томовъ. Цѣна каждого—1 р. Переплетъ для 2 томовъ мѣсто по 75 к.

СОЧИНЕНИЯ П. В. ШЕЛГУНОВА. Въ двухъ томахъ. Съ портретами автора и статей П. Михайловскаго. Цѣна за два тома 3 р. Переплетъ по 1 руб.

ВЪ НЕБЕСАХЪ (Uranie). Астрономическій романъ. К. Фламмариона. Съ 89 рис. 2-е изд. 75 к. **ИСТОРИЯ ПОСЛѢДНЕЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.** (1848—1892). А. М. Скабичевскаго. Цѣна 2 руб. **ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЦЕНЗУРЫ.** А. М. Скабичевскаго. Ц. 2 р.

СОЧИНЕНИЯ ГЛЪБА УСЕНСКАГО. Третье изданіе въ 2 большихъ томахъ, съ новымъ портретомъ автора и вступительной статьёй П. Михайловскаго. Цѣна за два тома—3 р. Переплетъ въ 50 к. и въ 1 р. Пересадка за 6 ф.

ЕГО-ЖЕ. Томъ 3-й Цѣна 1 р. 50 к. **СОЧИНЕНИЯ О. М. РЫБЕТНИКОВА.** Въ 2 больш. томахъ съ портр. автора и вступительной статьёй М. Протопопова. Ц. за все собраніе—2 р. 50 к. Переплетъ въ 50 к. и 1 р.

ВЪ РАЗДУМЬИ. Очерки и рассказы изъ жизни рус. интеллигенціи. Е. Соколовъ. Ц. 75 к.

СОЧИНЕНІЯ А. М. СКАБИЧЕВСКАГО. Критическіе очерки, публицистическіе этюды, литературныя характеристики. Съ портр. автора. Цѣна за все собраніе въ 2 томахъ (до 1700 стр.) 3 р. Переплетъ по 50 к. и впаке.—1 р.

ТУРГЕНЕВЪ О РУССКОМЪ НАРОДѢ. Чтенія для народа. Съ портретами И. С. Тургенева. Ц. 15 к.

ЛИТЕРАТУРА И ЖИЗНЬ. Письма о разныхъ равносѣяхъ Н. К. Михайловскаго. Ц. 1 р.

ВЪ ПОИСКАХЪ ЗА ИСТИНОЮ. Максис Нордау. Пер. съ 4 нѣм. изд. Эд. Зауерга. 3-е изд. Ц. 1 р. **СЧАСТЬЕ И ТРУДЪ.** Мантегацца. 2 изд. Ц. 75 к. **БОЛЬШАЯ ЛЮБОВЬ.** Гигиеніическій романъ. П. Мантегацца, 2-е изд. Ц. 50 к.

РОЛЬ ОБЩЕСТВЕННАГО МНѢНІЯ въ государствен. жизни. Проф. Гольцендорфа. Ц. 75 к. **ОЧЕРКИ САМОУПРАВЛЕНІЯ** (земскаго, городского, сельскаго). С. Приклонскаго. Ц. 2 р. **БОРЬБА СЪ ЗЕМЕЛЬНЫМЪ ХИЩНИЧЕСТВОМЪ.**

Бытовые очерки И. Тимоенкова. Ц. 1 р.

БРЮХО ПЕТЕРБУРГА. Общественно-физиологическіе очерки А. Вахтiarова. Цѣна 1 р. 50 к.

БЕСѢДЫ О ЗАКОНАХЪ И ПОРЯДКАХЪ С. Горякxой, подъ редак. И. Абрамова. Цѣна 15 к.

ЗАКОНЫ О ГРАЖДАНСКИХЪ ДОГОВОРАХЪ объяснены изложеніемъ и объясненіемъ. Составилъ Фармаковскій. 4-е изд. Ц. 1 р. 25 к.

ИСТОРИЯ КНИГИ НА РУСИ. А. Вахтiarова. Со многими рисунками. Ц. 1 р. 50 к.

РУССКІЕ ФЛАНЕРЫ ВЪ ПАРИЖѢ. Н. А. Попова. 2-е изд. Ц. 1 р.

ПО ПРАДАМЪ И ВЕСЬМАМЪ. Романъ Вологодина. (П. Засодимскаго). Ц. 1 р. 50 к.

ОБЛОМКИ РАЗВИТАГО КОРАБЛЯ. Сцены у мировыхъ судей. В. Никитина. Ц. 1 р.

Популярно-научныя книги.

ФИЛОСОФІЯ ГЕРБЕРТА СПЕНСЕРА въ сокращеніяхъ. Коллинса, Перев. съ англ. И. Москвитскаго. Ц. 2 р.

ЗАКОНЫ ПОДРАЖАНІЯ. Ж. Тарда. Переводъ съ франц. Ц. 1 р. 50 к.

НА ВСЯКІИ СЛУЧАЙ! Научно-практич. софитъ сельскимъ хозяевамъ. А. Альмедингена. Цѣна 50 к.

НА ВСЯКІИ СЛУЧАЙ! А. Альмедингена. Часть 2-я. Ц. 50 к.

ДОМАШНІЙ ОПРЕДѢЛИТЕЛЬ ПОДЪЕЛОВЪ. А. Альмедингена. Ц. 60 к.

ГИГИЕНА ЖЕНЩИНЪ. Д-рамед. Е. Тило. Ц. 40 к.

ГИГИЕНА СЕМЬИ. Гебера. Пер. съ нѣм. Ц. 50 к.

УХОДЪ ЗА БОЛЬНЫМИ ДѢТЬМИ. Д-ра Э. Перье. Пер. съ фр. Русаковой. Пересмотр. д-ромъ А. И. Добровольскимъ. Ц. 50 к.

ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ.

Ю. Липперта.

ВЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛАХЪ.

Съ 83 рисунками въ текстъ.

ПЕРЕВЕЛИ СЪ НѢМЕЦКАГО

А. Острогорскій и П. Струве.

Изданіе Ф. Павленкова,

— Цѣна 1 руб. 60 коп. —

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Ю. Н. Эрлихъ, Садовая, № 9.

1894.

Важнѣйшія опечатки.

	<i>Напечатано:</i>	<i>Слѣдуетъ читать:</i>
150 стран. 15 строка сверху	кровной мести	кровоавой мести
150 » 4 » снизу	кровную мечь	кровоавую мечь
157 » 3 » »	кровной мести	кровоавой мести
366 » 14 » »	о служеніи божеству	Заботы о служеніи божеству

41847-0

2007334170

О Г Л А В Л Е Н І Е.

О т д ѣ л ь I.

Забота о пропитаніи, одежда и жилище.

	стр.
Разселеніе людей.	2
Пропитаніе въ первобытныя времена и преданіе объ употребленіи молока. . .	7
Плоды и мясо.	10
Возникновеніе заботы о поддержаніи жизни.	16
Древнѣйшіе способы земледѣлія.	20
Орудія для приготовленія пищи.	26
Земледѣльческія орудія.	29
Животная пища.	32
Орудія и оружіе изъ камня.	37
Огонь и его ближайшее примѣненіе.	36
Искусство варки и его успѣхи.	57
Услава жизни.	63
Прирученіе животныхъ.	76
Домашнія животныя кочевниковъ.	87
Вино и растительное масло, пиво и коровье масло.	96
Выдѣлка кожъ и тканей.	99
Украшенія и одежда.	103
Жилища и постройки.	117
Обработка металловъ и ихъ распространеніе.	129
Торговля и кораблестроеніе.	137

О т д ѣ л ь II.

Общество: семья, собственность, правительство и судъ.

Развитіе формъ общественности.	145
Древнѣйшая форма семьи.	154
Остатки старины въ историческое время.	162
Раздвоеніе дома.	167
Патріархальная семья.	170
Переживанія, сохранившіяся изъ переходнаго времени.	174
Память о быломъ въ мифахъ и сагахъ.	183

	СТР.
Позднѣйшія формы заключенія брака	184
Полигамія	187
Семья составная (родъ) и простая	189
Изъ исторіи собственности	191
Рабство	198
Поземельная собственность	210
Дворянство	222
Древнѣйшая форма правительства	228
Новѣйшій типъ государственнаго устройства и правительства	236
Судъ	243

О Т Д Ъ Л Ъ III.

Духовная культура: языкъ, культъ и мифологія.

I. Языкъ, письмо и счисленіе.

Языкъ первобытнаго человѣка	255
Языки и племена	270
Письмо	281
Въ области чисель	291

II. Область культа.

Культъ, мифъ и религія	295
Вѣра въ души и духовъ	299
Зачатки культа	304
Посты и праздники	306
Позднѣйшая форма культа	309
Каннибализмъ	318
Искушенія	329
Фетишизмъ	332
Представленія о божествѣ	337
«Забота о спасеніи души» въ древнѣйшемъ ея смыслѣ	342
Колдовство	351
Высшія формы жречества	357
Нравственность и культъ	362
Мифологія и ея элементы	365
Созданіе мифологическихъ системъ	383

Указатель собственныхъ именъ	388
Предметный указатель	394

ОТДѢЛЪ I.

Забота о пропитаніи, одежда и жилище.

Исторія культуры есть исторія того труда, который поднялъ человѣчество изъ низменнаго и бѣдственнаго состоянія на занимаемую имъ теперь высоту.

Только благодаря суммѣ этого труда, человѣкъ, главнымъ образомъ, достигъ своего настоящаго положенія; правда, въ значительной степени онъ обязанъ этимъ возвышеніемъ своимъ природнымъ способностямъ, прослѣдить которыя до ихъ первоначальнаго появленія исторія культуры не въ состояніи. Силы человѣчества, сравнительно съ силами животнаго царства, незначительны и ограничены, но за то его способности могутъ развиваться безпредѣльно. Это-то и даетъ ему возможность вырваться надъ животнымъ царствомъ. Большое разнообразіе мѣстныхъ условій жизни заставило человѣка испытать свои способности. Побужденіе къ тому онъ находилъ въ постепенномъ расширеніи своего мѣстопробыванія и въ тѣхъ медленныхъ измѣненіяхъ, которыя производили человѣческіе перевороты даже въ предѣлахъ одной и той-же мѣстности. О судьбѣ многочисленныхъ животныхъ породъ, подвергавшихся тѣмъ-же измѣненіямъ, свидѣтельствуютъ ископаемые остатки «вымершихъ видовъ». Животныя, выросшія подъ болѣе теплымъ небомъ, не могли пережить подъ нашими широтами ледниковаго періода, точно такъ-же, какъ и сѣверныя животныя не могли приспособиться къ климату, становившемуся все болѣе теплымъ; одинъ и тотъ-же видъ животныхъ не могъ сначала питаться плодами пальмъ, а затѣмъ добывать себѣ пищу изъ ледяныхъ морей. Во время геологическихъ переворотовъ они по большей части вымерли, и новые виды возникали каждый разъ изъ видовъ, стоявшихъ на значительно низшей ступени животной лѣстницы. Но «ископаемый человѣкъ», какъ вымершій видъ, нигдѣ еще не былъ найденъ. Эти превращенія послужили для человѣка той школой, въ которой развивались его способности. Постоянное упражненіе въ достиженіи новыхъ цѣлей увеличивало силу просвѣтляющагося мышленія, и мысль человѣка одержала верхъ надъ враждебными силами природы, въ борьбѣ съ которыми погибли многіе виды животнаго царства. Прослѣдить этотъ процессъ въ его подробностяхъ и есть задача исторіи культуры.

Никакое умозрѣніе объ общихъ цѣляхъ культуры не могло указать человѣку путей для того труда, итогомъ котораго является современная культура. Эта работа началась гораздо раньше, чѣмъ человѣческая мысль могла объять ее во всей ея цѣлости. Многіе современные народы представляютъ тому самыя краснорѣчивыя доказательства. Побужденія къ человѣческой дѣятельности повидимому безконечно разнообразны и даже полны противорѣчій, но они все сводятся къ заботѣ о поддержаніи жизни. Съ этой цѣлью природа заключаетъ союзъ между матерью и ребенкомъ; эта забота заставляетъ человѣка придумывать способы добыванія и приготовленія пищи, изобрѣтать орудія и инструменты, приводить его къ общественной организаціи, побуждаетъ къ развитію языка, просвѣтляетъ этимъ его духъ и со-

здаетъ для его мыслей опредѣленные и строгія формы. Все предусматривающая забота о поддержаніи жизни создаетъ понятія и институты владѣнія, мира и права и въ нѣкоторой степени косвеннымъ образомъ понятіе о числахъ и новое вспомогательное средство — искусство письма. Она старается раскрыть причины явленій и при помощи аналогій изъ пріобрѣтеннаго запаса понятій создаетъ представленіе о мірѣ духовъ, установленія культа и религіозныя понятія. Подобнаго рода работа служитъ могущественнымъ средствомъ къ развитію нормальнаго мышленія, и такимъ образомъ, благодаря наслѣдственности, духовныя силы человѣчества все растутъ. Мы назвали только нѣкоторые изъ тѣхъ нитей, которыя образуютъ пеструю ткань культурной работы. Всѣ эти нити, не одна за другой, а одновременно и безконечно переплетаясь между собой, торопливо переносятся съ прыгающихъ веретенъ на ткацкіе станки. Но человѣческое искусство не въ силахъ представить общую картину этого движенія. Мы удовольствуемся тѣмъ, что прослѣдимъ одну нить за другой, предоставляя читателю постоянно имѣть въ виду одновременную дѣятельность всѣхъ частей механизма. Хотя, въ дѣйствительности, и матеріальная забота человѣка, до извѣстной степени, никогда не можетъ быть отдѣлена отъ духовной его дѣятельности, но мы и тутъ опять должны, ради удобства изложенія, раздѣлить одну нить на двѣ.

Такимъ образомъ въ первой части этого сочиненія мы коснемся развитія матеріальной культуры человѣчества во всѣхъ ея проявленіяхъ; во второй—прослѣдимъ исторію общественныхъ учрежденій; и, наконецъ, въ третьей остановимся на образованіи языковъ и письменности, закончивши исторіей религіи и міеологіи.

Въ предлагаемой первой части мы начнемъ наше изслѣдованіе изложеніемъ заботы о «насуцномъ хлѣбѣ», т. е. тѣмъ, съ чего, на самомъ дѣлѣ, началась работа человѣчества, и покажемъ, къ какимъ изобрѣтеніямъ и навыкамъ постепенно привела людей эта забота о поддержаніи жизни. Мы начинаемъ наше изложеніе съ самой существенной стороны исторіи человѣчества—съ той ступени развитія, на которой въ настоящее время находятся самыя отсталыя племена земнаго шара, и доводимъ это изложеніе приблизительно до той высоты, которой человѣчество достигло въ средніе вѣка.

Наша точка зрѣнія не даетъ никакого основанія для отдѣленія «первобытной исторіи» отъ послѣдующихъ періодовъ, такъ какъ одни и тѣ-же факторы дѣйствуютъ на протяженіи всей исторіи. Точно также расовыя и племенные отличія слишкомъ незначительны въ сравненіи съ общими импульсами человѣческой дѣятельности, чтобы вліять на раздѣленіе матеріала. Расовыя особенности чаще всего являются именно результатомъ разнообразія въ тѣхъ средствахъ, которыя природа давала отдѣльнымъ группамъ людей, стремившимся къ одной и той-же цѣли — поддержанію жизни.

Разселеніе людей.

Путешественникъ Беккеръ обогатилъ литературу путешествій типомъ философа-дикаря, давъ намъ описаніе одного африканскаго предводителя Кооморо. Этотъ чернокожій философъ отдавалъ предпочтеніе быку передъ человѣкомъ на томъ основаніи, что быкъ умѣетъ добывать себѣ вездѣ пищу, не *спья*, между тѣмъ какъ человѣкъ только путемъ значительныхъ усилій получаетъ все необходимое для своего пропитанія.

Въ этомъ разсужденіи вѣрно только одно—что въ этой большей ограниченности и вмѣстѣ съ тѣмъ въ большей одаренности заключается основное различіе между

обѣими группами существъ; здѣсь-же кроется и главный стимулъ человѣческаго прогресса. Человѣкъ далеко уступаетъ жвачному животному въ его способности превращать почти всякую растительную пищу въ матеріалъ, годный для возстановленія потерь его организма. Ему недостаетъ также мышечной силы, прирощеннаго оружія и ловкости хищнаго звѣря, для того, чтобы, подобно ему, добывать себѣ пищу. Поэтому человѣкъ, будучи лишенъ всѣхъ этихъ способностей, часто подверженъ лишеніямъ.

Въ этомъ смыслѣ царственный философъ съ береговъ Нила конечно совершенно правъ. Однако, и не собираясь вовсе оспаривать его знаніе людей, нельзя не замѣтить, что свѣдѣнія его объ естественной исторіи быка отличаются неполнотой. И это животное, надѣленное отъ природы такимъ совершеннымъ пищеварительнымъ аппаратомъ, легко можетъ очутиться въ бѣдственномъ положеніи вслѣдствіе недостатка пищи. Несомнѣнно, что африканскіе виды этого животного пережили подобную эпоху, когда, съ наступленіемъ нашего геологическаго періода, предѣлы африканской пустыни раздвинулись до настоящихъ ея границъ. Тѣ виды этихъ животныхъ, которые жили въ то время въ этой полосѣ, должны были погибнуть. Человѣкъ-же отстоялъ свое существованіе, какъ въ полярныхъ льдахъ, такъ и въ этой пустынѣ; лишенный обычныхъ средствъ пропитанія, онъ придумалъ новые способы для добыванія себѣ пищи и, хотя принужденный влачить бѣдственное существованіе, все-таки спасъ свой видъ отъ вымиранія.

Мы знаемъ изъ геологіи, что такое перемѣщеніе климатическихъ поясовъ дѣйствительно происходило на земномъ шарѣ. Не менѣе достовѣренъ и тотъ фактъ, что родъ человѣческій былъ свидѣтелемъ подобныхъ переворотовъ, совершавшихся однако настолько медленно, что постепенныя измѣненія климатическихъ условій ускользали отъ вниманія отдѣльныхъ поколѣній. Втеченіи подобныхъ геологическихъ и климатическихъ измѣненій особенно ярко проявляется та способность человѣка, благодаря которой онъ, очутившись въ совершенно измѣненныхъ жизненныхъ условіяхъ, отыскиваетъ новыя средства для поддержанія своего существованія, шагъ за шагомъ на этомъ пути подвигаясь впередъ. Но не всякій индивидуумъ, не всякая общественная группа или раса можетъ отстоять свое существованіе, переходя въ новыя условія, особенно, если такой переходъ совершается внезапно, какъ напр. при переселеніяхъ. Въ такихъ случаяхъ въ худшемъ положеніи окажутся тѣ, которые до сихъ поръ находились въ болѣе счастливыхъ жизненныхъ условіяхъ, потому что, именно благодаря этому, у нихъ не успѣли развиться въ достаточной степени извѣстная гибкость и умѣнье приспосабливаться.

Эта способность приспособляемости развивается только упражненіемъ, вслѣдствіе чего въ болѣе высокой степени обладаютъ ею тѣ, которые, живя на рубежѣ плодородныхъ странъ, должны были уже съ нѣкоторыми усиліями поддерживать свое существованіе. Но и независимо отъ геологическихъ переворотовъ, а только вслѣдствіе постепеннаго размноженія людей, они должны были доходить до этой черты и даже мало по малу расселяться все дальше и дальше за предѣлами ея. Это явленіе, по естественнымъ законамъ, должно было наступить скорѣе для обитателей тѣхъ мѣстностей, болѣе счастливыя естественныя условія которыхъ оказывались наиболѣе благопріятными для размноженія рода человѣческаго. Однако въ какомъ-бы мѣстѣ нашей планеты мы ни представили себѣ такую счастливую страну, все-же мы знаемъ, что этотъ рай не могъ простираться безпредѣльно. Обитатели, родившіеся на рубежѣ этого эдема, должны были увидѣть, что, при все увеличивающейся густотѣ населенія, легче вести борьбу противъ неблагопріятныхъ условій природы, чѣмъ про-

тивъ избытка населенія. Исторія указываетъ не мало фактовъ, могущихъ служить подтвержденіемъ этой мысли. На западномъ берегу Норвегіи условія для жизни гораздо болѣе благоприятны, чѣмъ въ безлѣсной Исландіи; однако, несмотря на это, уже съ конца IX вѣка начинается переселеніе туда норвежцевъ. Успѣвши уже испытать всю трудность борьбы за существованіе въ сѣверномъ климатѣ, они предпочли борьбу съ еще болѣе суровой и негостепріимной природой послѣдствіямъ скученности населенія на своей родинѣ. Потомки ихъ пошли еще дальше и отважились проникнуть на восточный ледяной берегъ Гренландіи, климатическія условія которой чуть-ли не самыя худшія на земномъ шарѣ.

Заключенія, которыя вытекаютъ сами собой изъ этихъ предположеній, совпадаютъ со взглядами антропологовъ и съ историческими свидѣтельствами, относящимися къ самой глубокой древности. Отдѣльныя расы очень замѣтно отличаются между собой среднимъ ростомъ, отношеніемъ длины конечностей къ длинѣ туловища, строеніемъ лица и черепа, волосами и, если не самымъ существеннымъ, то зато самымъ рѣзкимъ образомъ, окраской кожи, представляющей всевозможные оттѣнки между бѣлымъ и чернымъ цвѣтомъ. Современная наука не считаетъ однако достаточно существеннымъ ни одинъ изъ этихъ отличительныхъ признаковъ и думаетъ, что все они могли произойти подъ влияніемъ извѣстнаго климата и извѣстнаго образа жизни, изъ болѣе или менѣе случайныхъ тѣлесныхъ особенностей древнихъ обитателей земли. Въ тѣхъ семействахъ, гдѣ браки заключаются между близкими родственниками, часто можно замѣтить такіе отличительные признаки. Эта мысль можетъ показаться неправдоподобной только тому, кто станетъ сравнивать крайнія звенья цѣпи; напротивъ того, каждая раса представляетъ массу индивидуумовъ, которые въ одну или другую сторону настолько приближаются къ типу своихъ близкихъ родственниковъ, что опредѣленіе ихъ отличительныхъ признаковъ представляетъ затрудненіе даже для знатока этого дѣла.

Такимъ образомъ, если придерживаться взгляда о первоначальномъ единствѣ и постепенномъ видоизмѣненіи отдѣльныхъ вѣтвей, то придется предположить, что древнѣйшимъ мѣстопробываніемъ человѣческаго рода служило такое мѣсто на земномъ шарѣ, гдѣ плоды растутъ или росли въ дикомъ состояніи и въ такомъ изобиліи, которое давало возможность людямъ почти безъ всякаго труда поддерживать свою жизнь. И въ настоящее время на землѣ существуютъ такія мѣстности, поэтому естественно было-бы думать, что именно тамъ и находилась колыбель человѣчества, если-бы мы не знали, что человѣкъ оставилъ слѣды своего существованія на землѣ еще въ ту эпоху, когда геологическое строеніе и распредѣленіе климатовъ на земномъ шарѣ было совершенно иное. Но гдѣ-бы ни находился этотъ счастливый поясъ, одно только мы знаемъ достовѣрно, что и въ предшествовавшемъ геологическомъ періодѣ человѣческой родъ перешелъ далеко за эти счастливые предѣлы.

Люди жили напр. и въ нашихъ широтахъ въ то время, когда ихъ климатическія условія были близки къ теперешнему климату Исландіи и Гренландіи. Вопросъ о томъ, очутились-ли они тамъ вслѣдствіе естественнаго перемѣненія границъ распространенія человѣческаго рода, долженъ остаться открытымъ. Возможно вѣдь и то предположеніе, что это переселеніе произошло въ то время, когда въ нашихъ широтахъ росли древовидные папоротники. Потомъ, постепенно, неслышными шагами, приблизился ледниковый періодъ и заставилъ сына обратиться къ тѣмъ средствамъ самозащиты, которыя еще были неизвѣстны отцу. Можетъ быть, что, только благодаря накопавшемуся такимъ образомъ понемногу запасу предусмотрительности и приспособляемости, немногіе, пережившіе наступленіе этого періода,

смогли продолжать свое существованіе въ ледяныхъ пустыняхъ и соперничать изъ за пищи съ пещернымъ медвѣдемъ.

Впрочемъ, какъ-бы то ни было, несомнѣнно только то, что большая сумма на-выковъ и предпріимчивости для поддержанія жизни должна была явиться резуль-татомъ не простыхъ и благоприятныхъ, а наоборотъ, усложняющихся и неблаго-приятныхъ жизненныхъ условій. Эти менѣ щедро надѣленные отъ природы страны служили для будущихъ народовъ той школой, въ которой росли и развивались ихъ способности и накоплялся ихъ жизненный опытъ до тѣхъ поръ, пока они, такимъ образомъ закаленные въ трудѣ и вооруженные знаніемъ, рѣшились проникнуть въ соеднѣя богатая страны съ большими шансами на успѣхъ, чѣмъ какой-нибудь единичный обитатель пограничной полосы, который отважился-бы на подобную по-пытку. Разсматриваемое съ этой точки зрѣнія передвиженіе человѣчества можно было-бы сравнить съ круговращеніемъ воды, которая, расширяясь отъ теплоты, на-правляется отъ экватора къ полюсамъ, гдѣ она снова, сжимаясь отъ холода, по опредѣленнымъ путямъ возвращается къ экватору. Первая половина этого круго-вого движенія совершалась во мракѣ до-историческихъ временъ, зато вторая по-ловина его ясно обрисовывается при свѣтѣ исторіи. Какъ извѣстно, нашъ земной шаръ представляетъ собой спену, только нѣсколько одностороннюю, на которой разыгрываются дѣйствія міровой исторіи. Но мѣсто дѣйствій, за небольшими исклю-ченіями, сосредоточивается вокругъ сѣвернаго полюса; противоположная часть свѣта у южнаго полюса какъ-бы для насъ не существуетъ. Вслѣдствіе этого, обратное теченіе того кругового движенія человѣчества, первая часть котораго осталась для насъ невидимой, должно представляться намъ въ видѣ потока, стремящагося съ сѣ-вера къ югу.

Граница, отдѣляющая въ настоящее время темныя тропическія расы отъ свѣ-лыхъ сѣверныхъ, не всегда была въ этомъ положеніи. Она уже въ историческое время передвинулась на всемъ своемъ протяженіи съ сѣвера на югъ; и теперь мы видимъ если не распространеніе на всемъ земномъ шарѣ, то по крайней мѣрѣ гос-подство бѣлой расы. Жители южной Африки, низкорослые, темнокожіе бушмены, лишенные всякой предумотрительности и заботливости и представляющие всеѣмъ своимъ образомъ жизни вѣрный образчикъ полной некультурности, принимаются многими за остатки древняго населенія на черномъ материкѣ, отгѣсненнаго новыми пришельцами. Подтверженіемъ этого предположенія можетъ служить именно то обстоятельство, что до сихъ поръ еще можно встрѣтить разсѣянные въ разныхъ мѣстахъ Африки остатки этой маленькой расы. Нужно думать, что собственно не-гритянская раса, отгѣснивши готтентотовъ и бушменовъ къ южному берегу Африки, частью мало плодородному, частью совсѣмъ бесплодному, распространилась по всей территоріи материка. На сѣверъ-же, какъ показываютъ древнія изображенія егип-тянъ, у пороговъ Нила, непосредственно перель воротами Египта, стоялъ первый *черный* эфіопъ. Сюда-же, въ нижнюю долину Нила, по нильской дельтѣ проникла, очевидно съ сѣвера, раса съ *бронзовымъ* цвѣтомъ кожи и чертами лица, не пред-ставлявшими негритянского типа. Къ этой бронзовой расѣ принадлежатъ *египтяне*. Къ сѣверо-западу-же отъ нихъ появились «ливійцы», этотъ авангардъ бѣлой расы со смуглымъ цвѣтомъ кожи и голубыми глазами, по описанію древнихъ авторовъ. Съ того времени настоящая негритянская раса отгѣснена была далеко вглубь ма-терика. Негры покинули предѣлы сѣверной пустыни, въ которой повсемѣстно гос-подствуетъ смуглая вѣтвь бѣлой расы или еще болѣе смуглые, но не представляю-щіе негритяскаго типа обитатели. Населеніе-же съ бронзовымъ цвѣтомъ кожи рас-

пространилось далеко за предѣлы Нубіи, а съ восточнаго берега вглубь материка проникли смуглые арабы, принадлежащіе къ бѣлой расѣ.

Происходило-ли нѣчто подобное въ Европѣ—весьма сомнительно; едва-ли тамъ когда-нибудь была распространена черная или бронзовая раса, если не считать финикійскихъ колоній. Что-же касается Азіи, то относительно ея этотъ вопросъ можетъ быть рѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ. Какъ на берегу Персидскаго залива, такъ и у Средиземнаго моря подъ именемъ финикійцевъ былъ извѣстенъ народъ съ бронзовымъ или смуглымъ цвѣтомъ кожи, вслѣдъ за которымъ на мировую сцену выступили смуглые народы бѣлой расы—евреи и арабы. Далѣе къ востоку, у низовьевъ Тигра и Ефрата, мы находимъ, еще въ первоначальной исторической времена, пограничную черту *черной* расы. Ее, отъ чего дѣло мало измѣняется, предлагали назвать «древней кушитской», такъ какъ Библия называетъ настоящихъ эфіопянь кушитами. Но и здѣсь эту расу постигла та-же судьба, что и въ Африкѣ. Исторія показываетъ намъ, что съ сѣвера въ Азію проникли сумерійцы и аккады, принадлежащіе къ *желтой* расѣ, которые поступили съ чернокожими точно такъ-же, какъ въ Африкѣ бронзовые и бѣлыя расы поступили съ ихъ собратьями.

Отсюда черная линія тянется черезъ всю Азію къ востоку до самаго моря, и вездѣ эта линія уже въ историческія времена отступала все дальше къ югу. На крайнемъ востокѣ еще и теперь подвигается впередъ желтая раса, на всѣхъ-же остальныхъ пунктахъ побѣда осталась на сторонѣ бѣлыхъ. Такимъ-же образомъ аккады, которыхъ причисляютъ къ туранцамъ, были побѣждены семитическими вавилонянами и ассирійцами, а надъ ними въ свою очередь одержали верхъ арійскіе персы. Послѣднимъ еще было извѣстно первоначальное черное населеніе, и въ нѣкоторой степени это знакомство отразилось на ихъ вѣрованіяхъ, по которымъ дьяволъ представлялся у нихъ чернымъ. Одинъ изъ отпрысковъ этой свѣтлой расы направился въ Индію, гдѣ до того времени всецѣло господствовала черная раса. Съ водвореніемъ-же въ Индіи арійцевъ, чернокожіе отчасти смѣшались съ ними и составляютъ въ настоящее время низшую касту «цвѣтную», отчасти-же, подобно бушменамъ въ Африкѣ, были оттѣснены въ отдаленную мѣстность, какъ напр. народъ дравидовъ. То-же самое произошло также на южныхъ и восточныхъ группахъ острововъ Тихаго океана, гдѣ предприимчивые малайцы частью вытѣснили, частью подчинили себѣ болѣе темныя расы.

Америка-же, какъ предполагаютъ, съ самаго начала была занята на всемъ протяженіи отъ сѣвера къ югу краснокожей расой. Только впоследствии еще сюда переселились эскимосы. Но и здѣсь въ предѣлахъ одной и той-же расы происходили подобныя-же передвиженія. Темная раса тропическихъ странъ, уступая болѣе свѣтлымъ, пришедшимъ съ сѣвера, въ жизненномъ опытѣ и знаніяхъ, накопленныхъ ими на своей родинѣ, имѣетъ зато въ сравненіи съ ними одно существенное преимущество, являющееся результатомъ переходящей черезъ длинный рядъ поколѣній приспособляемости къ климату. Бѣлые, переселяющіеся въ тропическія страны, лишены этой способности. Такъ напр. климатъ Остъ-Индіи оказываетъ такое губительное вліяніе на живущихъ тамъ англичанъ и вообще европейцевъ, что имъ приходится для спасенія жизни своихъ дѣтей переселять ихъ въ другой климатъ отъ десятилѣтняго до двадцатилѣтняго возраста. Кромѣ того почти во всѣхъ тропическихъ странахъ, особенно-же въ мѣстностяхъ, изобилующихъ водой и растительностью, свирѣпствуютъ губительныя лихорадки, смертельныя для бѣлыхъ, между тѣмъ какъ темныя расы совершенно не подвержены этому вредному вліянію. Какъ извѣстно, эта

невоспрімчивость зависитъ отъ большого количества темныхъ пигментныхъ зеренъ, заложенныхъ въ мальпигіевомъ слоѣ кожи. Люди, переселившіеся изъ тропическихъ странъ въ болѣе умѣренный климатъ, легко и безъ всякаго вреда для себя могли обойтись безъ этого сомнительнаго украшенія; для тѣхъ-же, которые остались подъ тропиками, оно составляло необходимое условіе для сохраненія ихъ жизни. Мы видимъ, что существуютъ естественные предѣлы для оттѣсенія черной расы, но расширеніе владычества или протектората надъ нею не зависитъ отъ этихъ предѣловъ.

Это великое передвиженіе человѣчества, если можно сравнивать малое съ великимъ, во многомъ напоминаетъ хорошо извѣстное намъ образованіе нѣкоторыхъ государствъ. Древній Египетъ, какъ показываютъ научныя изслѣдованія, тоже началъ свою, столь знаменитую вполнѣ, исторію мирнымъ счастливымъ существованіемъ нѣсколькихъ маленькихъ племенъ на плодородныхъ островкахъ, лежащихъ въ устьѣ Нила. Тѣ-же, которые жили внѣ черты этого земного рая, тѣ, которые роковымъ образомъ оттѣсились къ предѣламъ пустыни, всего менѣ пользовались естественными благами счастливой природы. Будучи брошены въ болѣе суровыя условія жизни, они должны были создать себѣ столь манившія ихъ къ себѣ блага. Для достиженія этой цѣли требовалась съ одной стороны организованная работа для извлеченія изъ почвы тѣхъ выгодъ, которыя имъ доставлялись обыкновенно самой природой, съ другой стороны—дѣятельный отпоръ противъ набѣговъ племенъ, обитающихъ въ пустынѣ. И именно отсюда, изъ областей Геліополя и Мемфиса, вышли первые повелители надъ всѣмъ народомъ, населявшимъ благословенную нижнюю долину Нила. Египтяне, обитатели «черной» земли, называли эти неплодородныя области, находившіяся на рубежѣ пустыни, «красной» землей. Нѣмцы назвали-бы ихъ «марками» или «маркграфетами». Господство надъ Египтомъ почти всегда исходило изъ этихъ областей. Всегда изъ такихъ областей, вполнѣ напр. изъ Фивской и Эѳіопской, выходила та дисциплинированная сила, которая организовала трудъ въ болѣе плодородныхъ и ранѣ занятыхъ областяхъ. Точно такимъ-же образомъ и Германія нѣкогда управлялась юго-восточнымъ маркграфствомъ, и теперь она воздвигла себѣ новую столицу на территоріи сѣверо-восточнаго маркграфства. Во всѣхъ этихъ явленіяхъ, какъ крупныхъ, такъ и мелкихъ, мы видимъ одинъ и тотъ-же могущественный рычагъ—нужду и благотворный трудъ, побуждающій ее. Этотъ двигатель проходитъ черезъ всю исторію культуры отъ начала до конца.

Пропитаніе въ первобытныя времена и преданіе объ употребленіи молока.

Вопросъ о томъ, какого рода пища употреблялась первобытнымъ человѣчествомъ, легко можетъ быть поставленъ въ томъ смыслѣ, какъ его понимаетъ современный «вегетаріанизмъ». При такой постановкѣ вопроса найдется не мало фактовъ для разрѣшенія его въ смыслѣ ученія вегетаріанцевъ. Но, какъ мы увидимъ ниже, подобное рѣшеніе вопроса было-бы одностороннимъ и неправильнымъ. Нѣкоторые представляютъ себѣ первобытныя времена, какъ пріятную идиллію, и думаютъ, что младенческому періоду жизни человѣчества всего болѣе соответствуетъ употребленіе въ пищу молока; это и отвѣчало-бы вполнѣ природѣ. Къ сожалѣнію, человѣчество никогда не могло сообразоваться съ подобными требованіями; оно принуждено было пользоваться тѣмъ, что представлялось ему, и для человѣчества характерно именно

то, что оно пользовалось самым разнообразным материалом для достижения одной и той-же цели. Эта-то способность приспособляться къ самым различным родамъ пищи, съ одинаковой легкостью переваривать растительную и животную пищу, то комбинируя оба эти разряда пищевыхъ веществъ, то, въ случаѣ надобности, обходясь однимъ изъ нихъ, послужила человѣчеству великую службу.

Пищеварительные органы человѣка, правда, не представляютъ такого устройства, при которомъ переходъ отъ одного рода пищи къ другому обходился-бы безъ всякихъ послѣдствій для его организма. Но именно въ разнообразныхъ измѣненіяхъ, явившихся благодаря этому, и кроются тѣ успѣхи, которые позволили человѣчеству побѣдоносно распространиться по все большимъ и большимъ территориямъ. Поэтический вымыселъ, въ противоположность исторической истинѣ, утверждаетъ, что первую пищу первобытнаго человѣка составляло молоко животныхъ. Это мнѣніе совершенно неправильно; наоборотъ, употребленіе въ пищу молока животныхъ относится къ сравнительно позднему періоду человѣческой культуры, и только часть человечества дошла до него. Повидимому, мысль о томъ, чтобъ перенести кормленіе молокомъ ребенка съ матери его на животное, была-бы какъ нельзя болѣе проста и естественна, но неприрученное животное должно было оказывать сопротивление подобнымъ попыткамъ со стороны человѣка. Древній римскій мнѣ о волчицѣ, вскормившей Ромула и Рема, есть уже продуктъ извѣстной степени развитія культуры и не даетъ никакой точки опоры для сужденія о первобытной жизни. Даже послѣ того какъ люди достигли умѣнья приручать животныхъ, имъ нужно было еще много времени для того, чтобы научиться доенію и въ особенности сохраненію сладкаго молока. Зулусы съ полнымъ правомъ могутъ быть причислены къ самымъ лучшимъ скотоводамъ черной расы, но до настоящаго времени они не далеко ушли впередъ въ искусствѣ доенія. Они доятъ животныхъ слѣдующимъ образомъ: отсасываютъ молоко ртомъ и затѣмъ выпускаютъ его въ сосудъ, предназначенный для собиранія молока. Получаемое такимъ образомъ и, къ тому, еще сохраняемое всею чаще въ кожаныхъ мѣхахъ, оно очень короткое время остается въ свѣжемъ состояніи и быстро прокисаетъ. Такое молоко конечно не особенно охотно употребляется въ пищу. Каффы совершенно отказываются отъ употребленія его; и даже больше,—они пьютъ только сыворотку, но не простоквашу. По обычаямъ сесѣдьяго съ каффрами племени Амаклоза, употребленіе въ пищу сладкаго молока строжайше воспрещается всѣмъ вышедшимъ изъ дѣтскаго возраста. Этотъ обычай въ большей или меньшей степени распространенъ среди всѣхъ народовъ южной Африки, у которыхъ процвѣтаетъ скотоводство; только среди ничѣмъ не брезгающихъ готтентотовъ не только дѣти, но и взрослые пьютъ сладкое молоко. Ливингстонъ рассказываетъ, что, посѣтивши предводителя племени Муази въ Казунгу, къ западу отъ озера Ниаши, онъ увидѣлъ у него великолѣпныя стада бизонь, доить которыхъ однако никому не приходило въ голову. Но и въ сѣверо-западной части Африки, напр. у племени Бамбара, живущаго по берегамъ Нигера, до недавняго времени еще соблюдался старый обычай, не допускаявшій употребленія въ пищу молока. Предразсудокъ, распространенный еще съ древнихъ временъ по всему матеріку, не позволяетъ заключить, чтобы когда-либо молоко, какъ пищевое вещество, играло существенную роль въ Африкѣ. Наоборотъ, все указываетъ на то, что среди населенія существовалъ взглядъ, по которому веденіе молочнаго хозяйства вредно отзывается на животныхъ; очевидно, что скотъ держали не для полученія молока. Во всей восточной Африкѣ кипяченіе молока считается недозволительнымъ и преступнымъ, такъ какъ это вредно отражается на коровѣ.

На томъ-же основаніи тамъ, гдѣ употребленіе молока дозволяется, оно никогда не употребляется въ соединеніи съ такими веществами, которыя могутъ оказать на корову вредное вліяніе. Такъ напр., негръ-Барагуа ни за что не дастъ молока отъ своей коровы тому, кто употребляетъ соль или бобы. Повидимому слѣды подобныхъ предразсудковъ сохранились въ кулинарныхъ постановленіяхъ у евреевъ.

Едва-ли вѣроятно, чтобы древніе египтяне держались какой-нибудь иной точки зрѣнія. Судя по изображеніямъ, представляющимъ въ различные періоды времени ихъ попытки прирученія животныхъ, нужно думать, что эти попытки начались не съ тѣхъ животныхъ, отъ которыхъ можно было получать молоко. Гдѣ молоко употреблялось въ пищу еще въ глубокой древности, это въ передней Индіи; браминъ—вотъ истинный потребитель молока (кипяченое сладкое молоко онъ съ удовольствіемъ употребляетъ во всякое время дня); это объясняется однако особенными обстоятельствами: брамины всегда жили исключительно подаяніемъ благочестивыхъ индусовъ; они никогда не занимались земледѣліемъ, даже во времена процвѣтанія его. Браминъ всегда предпочитаетъ принесенную въ даръ корову пожертвованному клочку земли, и это вполне понятно: священная корова вездѣ сама находитъ себѣ пищу и въ свою очередь снабжаетъ еще молокомъ празднаго жреца, землю-же приходится обрабатывать въ потѣ лица своего.

Такую цѣну получило молоко для брамина только впоследствии; первоначально же, когда арійцы пришли въ Индію съ азіатскихъ плоскогорій, они были кочевниками и разводили лошадей. Такіе-же кочевники распространились изъ этихъ плоскогорій вплоть до самой Европы и даже внутрь ея. И въ позднѣйшее время многіе изъ нихъ доили кобылицъ и употребляли ихъ молоко. Но и у нихъ этотъ драгоценный напитокъ не былъ общепотребительнымъ, какъ средство питанія, но и какъ у зулусовъ, въ видѣ кислой сыворотки, служилъ лакомствомъ, доступнымъ только богатымъ людямъ. Этотъ обычай простирался до Литвы: у эстовъ, какъ разсказываютъ, было такое изобиліе меда, что его пили только бѣдняки и прислуга; богачи-же и короли лакомились кобыльимъ молокомъ. Мы видимъ слѣдовательно, что оно не употреблялось въ пищу, а служило напиткомъ наряду съ медомъ, не только освѣжающимъ, но и опьяняющимъ. И въ самомъ дѣлѣ, молоко употреблялось не въ свѣжемъ видѣ, а подвергнутое предварительно броженію, благодаря которому оно и превращалось въ опьяняющій напитокъ.

Все сказанное нами относится къ той части земного шара, гдѣ сравнительно рано стали употреблять въ пищу молоко животныхъ. Многочисленные племена, живущія въ Америкѣ, Австраліи и на островахъ Тихаго океана, до своего знакомства съ европейцами совершенно не знали примѣненія молока, да и послѣ того одни вовсе отказывались подражать европейцамъ, а другіе неохотно и неувѣренно слѣдовали ихъ примѣру. У американцевъ вообще не было домашнихъ животныхъ, кромѣ собаки; островитяне Тихаго океана смотрѣли на собаку и свинью, какъ на ручныхъ или полуручныхъ, а на крысъ—какъ на дикихъ животныхъ, годныхъ для употребленія въ пищу; поэтому у нихъ еще въ прошломъ столѣтіи не могло быть рѣчи объ употребленіи молока. Какъ извѣстно, попытка англичанъ улучшить положеніе островитянъ, научивъ ихъ разводить скотъ, окончилась полной неудачей. Правда, на многихъ островахъ стада успѣшно размножились, но они бродили въ горахъ въ дикомъ состояніи. И только отъ времени до времени предводители ихъ приказывали подстрѣлить нѣсколько животныхъ, чтобы, посоливъ ихъ мясо, продать его на европейскіе корабли.

Несмотря на старанія европейцевъ, молочное хозяйство однако не привива-

лось у этих туземцев; они осмѣивали этотъ отвратительный, по ихъ мнѣнію, обычай употребленія въ пищу молока и съ насмѣшкой спрашивали европейцевъ, отчего они не утилизируютъ съ этой-же цѣлью и свиней.

Плоды и мясо.

Изъ предыдущей главы читатель могъ убѣдиться въ томъ, что употребленіе молока животныхъ и способъ полученія его не были извѣстны первобытному человѣку, и что онъ принужденъ былъ избрать себѣ иные пути для отысканія пищи. Если принять во вниманіе, что даже черное населеніе Африки, среди котораго въ настоящее время процвѣтаетъ скотоводство, не всегда было знакомо съ лучшими способами веденія молочнаго хозяйства, и что египтяне, стоявшіе гораздо выше негровъ, переселившись въ Африку, не начали своихъ попытокъ прирученія животныхъ первоначально и исключительно съ молочнаго скота, то остается всего вѣроятнѣе предположить, что лишенія, встрѣтившія человѣка, отгѣненнаго къ негостепріимному сѣверу, научили его воспользоваться нѣкоторыми млекопитающими для полученія отъ нихъ молока. Но и до этого изобрѣтенія человѣчество могло дойти лишь послѣ того, какъ бронзовая раса могучимъ и стремительнымъ потокомъ распространилась по Америкѣ на всея ея громадномъ протяженіи; тогда еще, какъ надо думать, она сообщалась съ Азіей. Какъ бы великъ или малъ ни былъ этотъ періодъ, во всякомъ случаѣ несомнѣнно только то, что употребленіе молока не играло *никакой* роли въ первобытной исторіи человѣчества.

Такимъ образомъ намъ остается разсмотрѣть двѣ главныя группы пищевыхъ веществъ: растительныя вещества и мясо. Странники вегетаріанизма утверждаютъ, что человѣкъ отъ природы вегетаріанецъ, и что растительная пища—единственная, предназначенная ему природой и свойственная его организму. Однако историческія данныя, приводимыя вегетаріанизмомъ въ защиту этого положенія, не отвѣчаютъ сущности дѣла. Правда, бонзы въ Японіи и Китаѣ отлично преуспѣваютъ, несмотря на отсутствіе мяеной пищи. Точно также мы видимъ, что и пиагорейцы въ древности, и буддисты придерживаются вегетаріанизма. Но побудительная причина, дѣйствующая въ томъ и другомъ случаѣ, не имѣетъ ничего общаго съ ученіемъ вегетаріанцевъ. И пиагорецъ, и строгій буддистъ отказывались отъ употребленія мяса потому только, что они по своимъ религіознымъ вѣрованіямъ, совершенно чуждымъ намъ, смотрятъ на мясную пищу, какъ на одухотворенную, т. е., какъ на нѣчто, содержащее въ себѣ душу, которая нѣкогда, можетъ быть, обитала и въ человѣческомъ тѣлѣ. Отказъ отъ мяса мотивируется ими боязнью потревожить обитающую въ немъ душу. Древніе египтяне придерживались подобныхъ-же взглядовъ, но они для успокоенія своей совѣсти считали достаточнымъ не употреблять въ пищу голову животнаго, мѣстопробываніе души; послѣдующія-же поколѣнія, не заботясь о томъ, будетъ-ли кто-нибудь другой ѣсть запрещенную часть, продавали головы животныхъ греческимъ солдатамъ. Къ подобнымъ-же обычаямъ приближается обычай евреевъ не употреблять въ пищу крови, какъ заключающей въ себѣ душу; но, за исключеніемъ этихъ недозволенныхъ частей животнаго, египтяне и евреи употребляли въ пищу мясо. Не смотря на это, въ Библии сохранилось древнее еврейское преданіе, по которому первобытные люди не ѣли мяса. Кто внимательно прочтетъ книгу Бытія, тотъ найдетъ тамъ предположеніе, что Богъ первоначально предоставилъ людямъ въ пищу исключительно плоды земные и только послѣ потопа дозволилъ потомкамъ Ноя употребленіе мяса, за исключеніемъ крови.

Однако всё подобныя воспоминанія, какъ бы далеко они ни простирались вглубь времени, не доходятъ до собственно первобытнаго періода въ жизни человѣчества. Наука можетъ только по челюстямъ и внутреннимъ органамъ человѣка опредѣлить, что съ тѣхъ поръ, какъ она его знаетъ, онъ былъ или по крайней мѣрѣ могъ быть всеяднымъ. Если мы обратимся къ помощи опыта, доступнаго намъ еще и теперь, то увидимъ, что человѣкъ очень хорошо можетъ поддерживать свое существованіе, питаясь одной только растительной пищей, но опытъ вмѣстѣ съ тѣмъ показываетъ намъ, что люди, живущіе на крайнемъ сѣверѣ, питаются исключительно мясомъ, пользуются полнымъ здоровьемъ и хорошо переносятъ условія сѣвернаго климата. Въ послѣднее время въ наукѣ получила право гражданства мысль, которая, будучи нѣсколько расширена, могла-бы дать нѣкоторые указанія относительно того, въ какомъ приблизительно мѣстѣ земнаго шара слѣдуетъ искать родину первобытнаго человѣка. Современная наука, основываясь на различныхъ стадіяхъ развитія эмбриональнаго существа, заключаетъ по нимъ о свойствахъ, принадлежавшихъ существу того-же вида на болѣе раннихъ ступеняхъ его существованія. Невольно напрашивается мысль, нельзя-ли сдѣлать подобныя-же заключенія, разсматривая младенческой возрастъ человѣка или животнаго? Несмотря на то, что человѣкъ въ настоящее время во многихъ странахъ питается преимущественно, а въ нѣкоторыхъ даже почти исключительно, мясной пищей, онъ однако не представляетъ тѣхъ признаковъ хищнаго животнаго, которыми характеризуется напр. медвѣдь. А между тѣмъ мы знаемъ, что и этотъ послѣдній въ извѣстномъ періодѣ своей жизни живетъ преимущественно, если не исключительно, растительной пищей; да и вообще среди хищныхъ породъ очень мало такихъ, которыя не могли-бы временно довольствоваться одной растительной пищей. Собака хорошо развивается, питаясь одними растительными веществами. По аналогіи должны мы заключить отсюда, что и человѣкъ, въ случаѣ необходимости, могъ-бы обойтись только одной растительной пищей, а то обстоятельство, что ребенокъ почти всегда оказываетъ предпочтеніе растительной пищѣ и что склонность къ употребленію мяса усиливается въ немъ лишь въ юношескомъ возрастѣ, заставляетъ насъ предположить, что человѣку въ раннихъ, неизвѣстныхъ намъ періодахъ его существованія на землѣ была свойственна преимущественно растительная пища. Этому взгляду вполне соответствуетъ вы сказанное выше предположеніе о первоначальномъ ходѣ расселенія человѣчества. Съ этимъ взглядомъ также совершенно согласуется развитіе человѣческой руки и вертикальное положеніе туловища. Несмотря на все различіе въ устройствѣ челюстей, рука человѣка гораздо ближе подходитъ къ соответствующему органу лаящаго грызуна, чѣмъ хищнаго звѣря.

Такимъ образомъ, можно считать, если не вполне установленнымъ, то во всякомъ случаѣ весьма вѣроятнымъ, что первая забота человѣка о пропитаніи проявилась въ разысканіи съѣдобныхъ *растительныхъ* веществъ для немедленнаго употребленія въ пищу. Но изъ этого однако вовсе не слѣдуетъ, чтобы тѣмъ самымъ всегда исключалось употребленіе *животной* пищи въ какомъ бы то ни было видѣ. Наоборотъ, надо полагать, что съ самаго начала у человѣка существовала потребность отъ времени до времени употреблять мясную пищу въ видѣ лакомства. Въ доказательство этого предположенія можно опять-таки привести многочисленныя аналогіи изъ міра животныхъ. Мы уже видѣли, что, кромѣ кошачьихъ породъ, едва-ли можно найти какое нибудь хищное животное, которое совершенно отказалось-бы отъ всякаго рода растительной пищи; точно также мы не нашли-бы ни одного грызуна, для котораго мясная пища не составляла-бы лакомства, а по вре-

менамъ — прямо потребности. Невинная и кроткая съ виду бѣлка совершаетъ кроваваго нападенія на гнѣзда, а мышь любить не только сало, она жаждетъ нерѣдко свѣжаго мяса и удовлетворяетъ тогда своей потребности тѣмъ-же путемъ, какъ всѣ каннибалы. Если посадить мышей въ клѣтку и держать ихъ даже не на особенно скудной діетѣ, то оказывается, что отъ времени до времени одна изъ мышей исчезаетъ, и вмѣсто нея находятъ лишь шкуру и позвоночникъ: маленькіе каннибалы съѣли своего товарища.

Нѣкоторые факты изъ исторіи культуры заставляютъ предполагать, что чело-вѣкомъ, ведущимъ жизнь вегетаріанца, отъ времени до времени овладѣваетъ неудержимое стремленіе къ животной пищѣ, являющееся какъ-бы выраженіемъ недостаточности одной только растительной пищи и потребности пополнить этотъ недостатокъ. Человѣкъ добываетъ себѣ животную пищу конечно самыми разнообразными путями. У нѣмецкаго крестьянина, который еще въ первой половинѣ настоящаго столѣтія нерѣдко бывалъ вынужденъ вести жизнь вегетаріанца, является по праздникамъ непомѣрная жадность къ свѣжему мясу; болѣе равномерно распределенное удовлетвореніе этой потребности конечно составляло-бы извѣстный экономическій успѣхъ. У многихъ народовъ то-же подавленное стремленіе выражается въ болѣе ужасной формѣ—въ видѣ жажды крови въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Дѣйствительно, на низшихъ ступеняхъ культуры именно теплая кровь служить тѣмъ освѣжающимъ добавленіемъ къ растительной пищѣ, потребность въ которомъ повидимому по временамъ является у наиболѣе энергичныхъ натуръ. Нужно думать, что человѣческая кровь была не ближайшей, но высшей цѣлью этого стремленія. Въ самомъ дѣлѣ, мы видимъ, что людоедство было распространено именно среди самыхъ энергичныхъ дикихъ племенъ. Женщины большей частью не принимали въ этомъ участія; онѣ лакомились насѣкомыми и раковидными животными. Исторія людоедства у ацтековъ въ древней Мексикѣ, стоявшихъ такъ высоко во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, показываетъ, до какого безумнаго неистовства и озвѣренія можетъ довести эта страсть.

Конечно это звѣрство поддерживалось культомъ, но и для культа въ свою очередь почвой служить забота о поддержаніи жизни. Чрезмѣрное развитіе людоедства произошло въ древней Мексикѣ подъ вліяніемъ особенныхъ обстоятельствъ, напоминающихъ условія, среди которыхъ находятся тѣ мыши, заключенныя въ клѣтку, о которыхъ было говорено выше. Дикіе индѣйцы, окруженные въ степяхъ стадами бизоновъ, имѣютъ полную возможность удовлетворять являющейся у нихъ потребности въ мясѣ, но воинственное племя, покорившее себѣ въ Мексикѣ народъ, вся культура котораго основывалась на земледѣліи, не имѣло въ своемъ распоряженіи стадъ. Рыба и дичь могли удовлетворять подданныхъ, но не повелителей. Прирожденная жажда крови поддерживала въ нихъ охотничій инстинктъ, но, за отсутствіемъ бизоновъ въ культурной странѣ и въ горахъ, они прибѣгли къ человѣческому мясу для себя и для своихъ боговъ.

Такимъ образомъ мы видимъ, что природныя наклонности чело-вѣка въ своемъ постепенномъ развитіи породили различныя крайности. Мы остановимся лишь на короткое время на нѣсколькихъ ступеняхъ этого движенія и окинемъ взглядомъ путь, извивающійся между обѣими крайностями. Едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что если-бы чело-вѣкъ могъ удовлетвориться одной только растительной пищей, то онъ раньше достигъ-бы той степени культуры, которой совершенно чужды звѣрскія черты. Но эта культура естественнымъ образомъ была-бы очень ограниченной въ пространственномъ отношеніи. Несмотря на то, что естественная пови-

димому потребность человека въ мясѣ привела его первоначально къ отпаденію отъ культуры и, какъ мы покажемъ дальше, даже и борьбѣ съ ней, это отпаденіе и открыло культурѣ пути въ *новья*, болѣе широкія области, и именно тамъ увеличившееся бремя заботъ послужило для человека строгой и суровой школой. Съ этимъ мы также ближе познакомимся въ дальнѣйшемъ изложеніи.

Трудно разсчитывать на то, чтобы въ настоящее время можно было найти такой народъ, даже самый отсталый, жизнь котораго могла-бы служить вѣрнымъ образчикомъ первобытныхъ временъ. Первобытный строй жизни долженъ былъ значительно измѣниться съ открытіемъ огня, драгоценнѣйшее употребленіе котораго проникло почти ко всѣмъ народамъ земного шара вѣроятно задолго до нашихъ открытій, а можетъ быть даже распространилось изъ перваго центра расселенія человечества. Несмотря на то, какъ разъ въ тѣхъ широтахъ, которыя мы считаемъ первоначальной областью распространенія людей, находятъ довольно большое количество растений, годныхъ и въ настоящее время къ употребленію въ пищу въ *сыромъ* видѣ и могущихъ удовлетворять потребностямъ рѣдкаго населенія, разбѣянаго на большомъ пространствѣ и переходящаго съ одного мѣста на другое. Въ другихъ широтахъ, къ которымъ успѣлъ приспособиться организмъ человека, эта пища изъ дикихъ растений не можетъ отвѣчать его потребностямъ, но еще въ историческія времена ею удовлетворялись бушмены и готтентоты, австраійскіе негры, полинезійцы, нынѣ почти истребленные индѣйцы Колумбій и нѣкоторыя другія мелкія племена, хотя конечно такой пищей они не вполне удовлетворялись и отъ времени до времени чувствовали непреодолимую потребность въ мясѣ.

Такъ напр., первые путешественники не застали еще у готтентотовъ земледѣлія; для утоленія голода они разыскивали туземныя съѣдобныя растенія. Сюда относятся прежде всего клубни цинерусы (*Cyperus usitatus*), сѣмена американскаго орѣха (*Arachis*) и «готтентотская смоква» (*Mesembrianthemum exule*). Плоды этого растенія употребляются готтентотами для утоленія голода, а сокъ мясистыхъ листьевъ—для утоленія жажды.

И эти скудныя пищевыя вещества могутъ оказаться достаточными для поддержанія жизни, если при этомъ кормиться ихъ корнями въ то время года, когда нѣтъ плодовъ. Готтентоты съ теченіемъ времени увеличили свой выборъ пищевыхъ веществъ продуктами скотоводства; у бушменовъ-же до настоящаго времени главное занятіе и забота жизни заключается въ поискахъ за съѣдобными растеніями, а свою жадность къ мясу они удовлетворяютъ не разведеніемъ животныхъ, а случайно находимымъ трупомъ звѣря или предпринимаемой иногда охотой. Такими путями этимъ народамъ удалось, правда, отстоять свое существованіе до настоящаго времени, но низенькая, невзрачная фигура бушмена, преждевременно сморщенная кожа готтентота и судьба обоихъ этихъ племенъ, отбѣсненныхъ въ пустыню, на самый край материка,—все это въ достаточной степени характеризуетъ собой и этотъ образъ существованія. Путешественникамъ нѣрѣдко приходится слышать отъ туземцевъ, что по близости ихъ жили или живутъ подобныя отсталыя племена, находящіяся на самой низкой ступени развитія; они обыкновенно называются ими «народы - карлики». Такъ напр., мисіонеръ Крапфъ передаетъ разказы туземцевъ о племени Доко, ростомъ 4 фута, живущихъ къ югу отъ Шоа; ихъ пищу составляютъ сырые корни, змѣи и другія подобныя животныя. То-же самое передаютъ о племени Акка и нѣкоторыхъ другихъ мелкихъ племенахъ, которыя не знаютъ ни скотоводства, ни земледѣлія и, бродя по лѣснымъ чащамъ и берегамъ материка, разыскиваютъ себѣ пищу

Вообще говоря, въ настоящее время трудно найти такой народъ, который бы въ своей заботѣ о поддержаніи жизни не пошелъ въ томъ или другомъ направленіи дальше простыхъ поисковъ за пищей. Въ однихъ случаяхъ мы видимъ, что женщина придумала какія нибудь мѣры, обеспечивающія ей возможность во всякое время находить плоды, нужные для пропитанія; въ другихъ случаяхъ мужчина подобнымъ-же образомъ позаботился о мясной пищѣ, часто-же имѣетъ мѣсто то и другое. Но почти во всѣхъ этихъ случаяхъ забота о поддержаніи жизни представляеть во всей совокупности настолько внѣшнюю связь между своими отдѣльными частями, что весь этотъ хозяйственный механизмъ легко разложить на его составные элементы, изъ которыхъ каждый порознь можетъ дать намъ картину первобытныхъ временъ.

Въ гористой части юго-восточной Сахары живетъ племя Тубу-Решаде. Оттѣсненный въ безплодную скалистую горы этотъ стройный, съ бронзовымъ цвѣтомъ кожи, народъкъ долженъ былъ обратиться ко всевозможнымъ способамъ для поддержанія жизни; но, несмотря на всѣ прилагаемыя ими усилія, они принуждены владеть самое жалкое и бѣдственное существованіе среди пустынныхъ горъ. Постоянная тяжелая борьба съ суровой природой сдѣлала ихъ мрачными, нелюдимыми и въ высшей степени опасными для чужеземцевъ, но зато и чрезвычайно выносливыми. Тубу-решаде поддерживаетъ свое существованіе тремя способами, изъ которыхъ мы остановимся на двухъ, какъ наиболѣе интересныхъ для нашего предмета. Этотъ народъ отличается той подвижностью, которая въ первобытныя времена была свойственна человѣку, въ особенности-же мужчинѣ. Тубу-решаде напоминаетъ собою въ этомъ отношеніи перелетную птицу, въ извѣстное время перелетающую въ тѣ страны, гдѣ въ это время созрѣваетъ для нея кормъ. Этой подвижностью характеризуется въ извѣстномъ направленіи первая ступень заботы о поддержаніи жизни. На югозападномъ склонѣ тѣхъ горъ, пещеры которыхъ нерѣдко служатъ жилищемъ для тубу-решада, нѣсколько рѣчныхъ руселъ въ извѣстное время года наполняются водой. Пользуясь этимъ обстоятельствомъ, болѣе богатые тубу-решады завели здѣсь нѣсколько верблюдовъ и козъ—первые зачатки скотоводства. Далеко къ востоку отъ горъ, въ долинѣ Бардай, растетъ финиковая пальма. Туда направляются тубу-решады во время созрѣванія плодовъ. Финики и провяленное на солнцѣ мясо надорвавшего свои силы верблюда—вотъ свѣтлыя точки въ ихъ жизни. Остальная забота о пищѣ возложена на женщину, которая собираетъ для этой цѣли плоды думъ-пальмы ради ихъ корообразной скорлупы и съ величайшимъ трудомъ добываетъ сѣмена растенія, родственнаго просу нашихъ широтъ. Этотъ злакъ (*Panicum turgidum*) дико растетъ въ пустынѣ, но встрѣчается въ Египтѣ и въ культурномъ состояніи. Собираніе зеренъ его чрезвычайно затруднительно вслѣдствіе того, что отдѣльные стебли густо переплетаются между собою.

Нѣчто подобное этому мы встрѣчаемъ и въ Сѣверной Америкѣ. Въ то время какъ воздѣлываніе маиса успѣло уже проникнуть съ юга къ индѣйскимъ племенамъ по ту сторону Миссисипи, тѣмъ-же племенамъ не приходило на мысль воздѣлывать такъ называемый канадѣйскій рисъ (*Zizania aquatica* L.), а находя его въ дикомъ состояніи, даже ко времени открытія Америки, они довольствовались тѣмъ, что такъ же, какъ тубу въ Африкѣ, собирали зерна съ его вѣнчиковъ.

Такимъ образомъ мы встрѣчаемъ наряду съ болѣе совершенными способами добыванія пищи самые древніе и первобытные способы и видимъ, что природа сама служила руководительницей человѣку. Собственныя ощущенія должны были подсказать ему, что тотъ или другой видъ злаковъ больше отвѣчаетъ потребностямъ

желудка, чѣмъ, напр., упомянутые выше корни нѣкоторыхъ растений. Но эти корни можно найти въ любое время, между тѣмъ какъ сѣмена злаковъ созрѣваютъ только въ извѣстное время года. Это наблюденіе въ свою очередь должно было послужить для человѣка побужденіемъ къ тому, чтобъ увеличить цѣнность для него этихъ сѣмянъ; это и заставило его собирать сѣмена во время ихъ созрѣванія въ количествѣ большемъ, чѣмъ то, которое требуется ему въ данное время, съ тѣмъ, чтобы излишекъ спрятать гдѣ нибудь подъ камнемъ или въ ямѣ, выкопанной въ сухой землѣ, и, въ случаѣ надобности, воспользоваться этимъ запасомъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что эта степень предусмотрительности, практикуемая женщинами изъ племени Тубу-Решаде, предшествовала искусственному воздѣлыванію растений. Эта предусмотрительность, собственно говоря, стоитъ не выше инстинкта тѣхъ животныхъ, которыя тоже питаются сѣменами, созрѣваемыми только въ извѣстное время года. Такъ, напр., бѣлки и ящеры собираютъ запасы орѣховъ; лѣсные мыши устраиваютъ маленькіе благоустроенные склады изъ буковыхъ сѣмянъ, хомяки и суслики наполняютъ свои норы сѣменами злаковъ.

Мы видимъ такимъ образомъ, что человѣкъ въ своей заботѣ о поддержаніи жизни проходить черезъ цѣлый рядъ восходящихъ ступеней; но между тѣмъ какъ первыя ступени этой лѣстницы онъ еще занимаетъ наравнѣ съ животными, въ особенности съ грызунами, ни одно животное не въ состояніи слѣдовать за нимъ по дальнѣйшимъ ступенямъ, съ которыхъ начинается воздѣлываніе почвы, предпринимаемое въ видахъ все той-же предусматривающей заботы. Но человѣчество не вездѣ проходитъ однѣ и тѣ-же ступени въ своемъ развитіи, а потому и нѣтъ никакой возможности изобразить успѣхи, сдѣланные повсемѣстно человѣчествомъ въ этомъ отношеніи, въ видѣ цѣпи, повсюду состоящей изъ одинаковыхъ звеньевъ. Кромѣ того, забота о мясѣ нерѣдко шла рука объ руку съ заботой о растительной пищѣ, вслѣдствіе чего невозможно рѣшить, предшествовало-ли въ этихъ случаяхъ земледѣліе скотоводству, или наоборотъ. Обычное раздѣленіе народовъ на пастушескіе, охотничьи и земледѣльческіе всего менѣе пригодно для характеристики древнѣйшихъ условий жизни. Зато многіе обычаи культа вводятъ насъ въ исторію первобытнаго человѣчества дальше того, куда простирается нашъ непосредственный опытъ, потому что человѣкъ, поставленный лицомъ къ лицу съ могучими силами міра духовъ, лишь боязливо и съ большой осторожностью рѣшается допустить малѣйшія измѣненія, касающіяся ихъ умилостивленія. Здѣсь все остается по старому, или по крайней мѣрѣ старое еще долго продолжаетъ существовать наряду съ новымъ. Отсюда мы можемъ заключить, что нѣкогда почти повсемѣстно все хозяйство находилось на такомъ уровнѣ, при которомъ люди добывали себѣ пищу прямо съ дерева, потому что только этимъ является возможность объяснить себѣ сохранившійся обычай снабжать такимъ-же образомъ пиццей духовъ и боговъ. Желая предоставить плоды своимъ богамъ, человѣкъ не собираетъ ихъ, а ограничивается тѣмъ, что оставляетъ ихъ на деревѣ, потому что въ то время, когда возникла эта форма культа, онъ не зналъ другой житницы, кромѣ дерева или куста съ его вѣтвями и плодами.

Точно также вѣроятно нѣкогда «абрикосовое дерево С.-Доминго» (Маттео Амегисано L.) составляло главное пищевое средство для обитателей Антильскихъ острововъ, потому что впоследствии, когда они уже занимались земледѣіемъ, мясистые плоды этого дерева и предназначались только для умершихъ и боговъ. Путешественники, открывшіе острова Товарищества, нашли тамъ кучи папоротника, сложенные передъ «идолами» туземцевъ, которые сами находились въ очень благо-

пріятныхъ условіяхъ пропитанія; отсюда они должны были заключить, что было время, когда тѣ-же обитатели имѣли въ своемъ распоряженіи несравненно болѣе скудную пищу. Дѣйствительно, они скоро узнали, что на многихъ островахъ Тихаго океана, въ особенности-же въ Новой Зеландіи, существуетъ видъ папоротника (*Pteris esculenta* Forst), корни котораго служатъ главной пищей для ближайшихъ островитянъ.

Острова Тихаго океана вообще изобилуютъ многочисленными растеніями, корни которыхъ могутъ служить удовлетворительной пищей для населенія съ ограниченными потребностями. Такъ напр., путешественники встрѣчали на этихъ островахъ въ большомъ количествѣ нѣсколько видовъ арона и батара (*Taro, Dioscorea, Batate*), корни которыхъ вполне съѣдобны. Сахарный тростникъ былъ лакомствомъ для нихъ. Затѣмъ также росли здѣсь панданусы, бананы, очень цѣнная кокосовая пальма и хлѣбное дерево (*Artocarpus incisa*),—этотъ чудный даръ южной природы. Кромѣ того, легко добываемую пищу представляютъ отростки и сердцевина пальмы. На берегахъ Ганга и Нила съмена лотоса и еще болѣе распространенные дикіе стручковые плоды употреблялись въ пищу первобытнымъ населеніемъ, подъ названіемъ «бобовъ». Эти растенія, правда, не съѣлись, но съмена ихъ приходилось все-таки собирать. Поэтому-то они и въ эпоху процвѣтанія земледѣлія сохранили особенное мѣсто въ культурѣ.

Однако, несмотря на обиліе растительной пищи, предоставленной человѣку на этихъ островахъ, такъ щедро надѣленныхъ природою, и здѣсь сказалась потребность человѣка въ мясѣ. И въ этомъ отношеніи природа позаботилась о человѣкѣ еще раньше, чѣмъ онъ додумался до разведенія животныхъ. Древесныя личинки, ящерицы и молодыя птицы на сушѣ, и раки, моллюски и рыба въ морѣ составляли легко доступную пищу для туземцевъ. Охота-же на крысъ была предоставлена на Тонгайскихъ островахъ исключительно предводителямъ.

Возникновеніе заботы о поддержаніи жизни.

Различные виды растеній, употреблявшихся человѣкомъ въ пищу, смотря по своимъ свойствамъ, должны были направить человѣка на тотъ или другой путь заботы о существованіи. И дѣйствительно, искусственное разведеніе растеній началось именно съ тѣхъ видовъ, существованіе которыхъ отличается наименьшей продолжительностью и, переходя затѣмъ къ болѣе стойкимъ, дошло наконецъ до деревьевъ. Это зависело, съ одной стороны, отъ большой подвижности первобытнаго человѣка, который лишь съ теченіемъ времени и очень медленно пріучался къ продолжительности пребыванія на одномъ мѣстѣ и къ необходимости позаботиться о поддержаніи своей жизни на болѣе долгій срокъ; съ другой-же стороны, это обусловливалось и самыми растеніями. Если вырыть изъ почвы, поросшей папоротниками, даже большое количество этихъ растеній, то они не вполне исчезнутъ на этомъ мѣстѣ, потому что въ землѣ сохранились остатки корней, изъ которыхъ снова вырастутъ папоротники. Въ этомъ случаѣ законъ возобновленія останется незамѣченнымъ для безхитростнаго первобытнаго человѣка. Совершенно иное покажетъ ему ростъ однолѣтнихъ растеній, какъ напр. проса. Женщины, на обязанности которыхъ всегда лежало собираніе съѣдобныхъ растеній, должно быть, первыя подмѣтили, что возобновленіе такого растенія произойдетъ въ томъ случаѣ, если одно изъ сѣмянъ снова упадетъ на землю. Подмѣтивъ этотъ фактъ и направивъ свою заботливость въ эту сторону, человѣкъ тѣмъ самымъ вступилъ на путь къ земледѣлію. Удивительно, что женщины племени Тубу не сдѣлали этого шага, что впрочемъ находитъ себѣ объясненіе въ без-

плодіи каменистой почвы ихъ родины. Съ одной стороны, природа позаботилась о томъ, чтобы часть сѣмянъ осталась несобранной, съ другой-же стороны, очень трудно было бы выбрать надлежащую почву для сѣмянъ, вслѣдствіе чего женщины, можетъ быть, считали неблагоприятнымъ рисковать частью своихъ запасовъ, собранныхъ съ такимъ трудомъ, для опытовъ съ сомнительнымъ успѣхомъ. Въ этомъ случаѣ предусмотрительность являлась помѣхой возникновенію земледѣлія. Такимъ образомъ мы видимъ, что развитіе земледѣлія находится въ зависимости не только отъ наличности подходящихъ растений, но и отъ свойствъ почвы.

Пробуждающаяся забота о поддержаніи существованія, по мѣрѣ успѣховъ которой увеличивается пропасть, отдѣляющая человѣка отъ животнаго, проявляется иногда и тамъ, гдѣ она и приводитъ къ тѣмъ результатамъ, которыми мы привыкли оцѣнивать успѣхи въ отношеніи культуры. И по какимъ-бы путямъ она ни направлялась, вездѣ она встрѣчаетъ своего естественнаго (исконнаго) врага—человѣческую лѣность, для которой каждый успѣхъ въ этой области есть вторженіе въ сферу ея счастья, требующее отпора. Только то, что отвоевывается у этого врага въ борьбѣ, наполняящей собою всю исторію культуры, составляетъ дѣйствительное приобрѣтеніе.

Въ этой борьбѣ очень скоро обособляются группы по различію *пола* и способамъ пропитанія. Забота о растительной пищѣ очень скоро приводитъ къ бережливости, равномерному распредѣленію труда и дальновидной предусмотрительности; забота-же о мясной пищѣ, хотя и развиваетъ значительно ловкость и энергію, но ей въ той-же степени недостаетъ равномернаго напряженія труда, оно приучаетъ человѣка жить, не заботясь о будущемъ и ловя только минуту счастья. Въ то время, какъ природа своимъ собственнымъ примѣромъ учила человѣка сохранять сѣмена, только счастливая случайность могла навести его на мысль дѣлать запасы изъ мяса, для того чтобы продлить минутную пользу, извлекаемую изъ него. Въ противоположность растительной пищѣ, добываніе мяса втеченіи долгаго времени оказывало на человѣка дурное вліяніе въ воспитательномъ отношеніи. Всѣ путешественники сообщаютъ, какъ дикари боятся, что лакомые куски могутъ пропасть даромъ; еще ужаснѣе для нихъ мысль, что остатками ихъ пици могутъ воспользоваться имъ-же во вредъ ихъ злѣйшіе враги изъ міра духовъ или царства животныхъ.

Южные африканцы избѣгаютъ тѣлесныхъ напряженій и ни за что не сдѣлаютъ ни одного лишняго движенія; однако путешественникъ Моръ видѣлъ бушменовъ и каффровъ послѣ охотничьей трапезы, изнемогающихъ подъ тяжестью свѣжихъ кусковъ мяса; не будучи больше въ состояніи ѣсть, они готовы были скорѣе упасть подъ бременемъ, чѣмъ примириться съ ужасной мыслью, что ихъ враги, гіены, могутъ воспользоваться остатками такой роскошной трапезы. Мясо, добываемое охотникомъ, находящимся на этомъ уровнѣ культуры, и нерѣдко принужденнымъ терпѣть лишенія, доставляетъ ему минутное изобиліе, вслѣдъ за которымъ въ будущемъ его снова ожидаютъ лишенія; вслѣдствіе этого минутное наслажденіе становится для него цѣлью жизни. Такимъ образомъ этотъ способъ пропитанія только усиливаетъ природное легкомысліе человѣка; но тѣ-же условія дѣлаютъ его гостеприимнымъ, общительнымъ и щедрымъ,—качества, обратная сторона которыхъ всегда обнаруживаетъ отсутствіе хозяйственности. Человѣкъ не можетъ, какъ платье, сбросить съ себя тѣ свойства, которыя на предшествующей ступени его развитія тѣсно срослись съ самымъ его существомъ. Наслѣдственная передача его культурныхъ успѣховъ составляетъ могущественный рычагъ дальнѣйшаго прогресса.

Такъ напр., современный каффръ успѣшно занимается скотоводствомъ; несмотря

на это, онъ до сихъ поръ не прочь при случаѣ украсть скотину; эта наклонность, которую онъ раздѣляетъ со всѣми народами, стоящими на той-же ступени, сохранилась въ немъ, какъ рудиментъ, изъ тѣхъ временъ, когда онъ снискивалъ себѣ пропитаніе охотой. Но если каффръ вздумаетъ заколотъ животное изъ своего собственнаго стада и не пригласитъ всѣхъ своихъ собратьевъ раздѣлить съ нимъ трапезу, то вся община сочтетъ его за самаго безчестнаго вора.

Тотъ-же обычай господствуетъ у племени Намакуа, гдѣ все съѣтное дѣлится между всѣми соплеменниками. Эта черта повидимому очень привлекательна, но она-же развиваетъ обжорство, препятствуетъ всякому накопленію запасовъ и поддерживаетъ бѣдственное положеніе народа. Миссіонеръ Лоскиль, наблюдавшій жизнь индѣйцевъ-делаваровъ и прокезовъ, говоритъ, что и у этихъ племенъ, опередившихъ свою расу въ веденіи хозяйства и скотоводства, господствуетъ тотъ же пагубный обычай, дѣлающій невозможнымъ собраніе запасовъ. Во всей Америкѣ и Африкѣ распространенъ предрасудокъ, вошедшій нѣкоторомъ образомъ въ составъ культа, который требуетъ, чтобы послѣ трапезы ничего не оставалось. То, что переходитъ изъ поколѣнія въ поколѣніе въ видѣ обычая или взгляда, всегда получаетъ въ концѣ концовъ религіозную санкцію. Чего не знаетъ человѣкъ, то, по его мнѣнію, должно знать божество, если причина того, что хотя всегда и дѣлается, неизвѣстна однако человѣку, то она извѣстна божеству, и то, что совершается человѣкомъ по установившемуся обычаю, совершается потому, что «этого желаетъ божество». Эту санкцію въ глазахъ индѣйца получилъ и тотъ обычай, по которому добытая пища немедленно уничтожается и не оставляется до слѣдующаго раза. Сдѣлавъ еще одинъ шагъ дальше, онъ пришелъ къ заключенію, что «великій духъ» не желаетъ распространянія земледѣлія дальше тѣхъ предѣловъ, гдѣ оно уже примѣняется, и что такая предусмотрительность, превышающая потребности минуты, даже должна быть наказуема. Для подтвержденія этого положенія, которому нельзя отказать въ нѣкоторой логичности, никогда не было недостатка въ поводахъ. «Великій духъ» выражалъ свой гнѣвъ то градомъ, уничтожающимъ маисовыя поля, съ такимъ трудомъ воздѣланныя прокезскими женщинами, то опустошеніями полей, причиняемыми животными.

Человѣческому прогрессу приходится выдерживать самую тяжелую борьбу тамъ, гдѣ то, что онъ старается побороть, опирается на санкцію религіи; повсюду съ древнѣйшихъ временъ человѣческое мышленіе натывается на это препятствіе. Тѣ условія, которыя дѣйствовали въ этомъ направленіи съ самаго начала, продолжаютъ существовать на всемъ протяженіи исторіи, и еще въ настоящее время въ индѣйскихъ поселеніяхъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ самыми сильными противниками прогресса являются ихъ «врачеватели», носители древнихъ религіозныхъ воззрѣній. Обычай, выступающій вездѣ, какъ законъ божества, составляетъ благодѣяніе въ томъ случаѣ, когда онъ относится къ болѣе или менѣе высокой ступени культуры, и—несчастье тогда, когда онъ является остаткомъ безпомощныхъ первобытныхъ временъ. Послѣднее всегда имѣетъ мѣсто при медленномъ поступательномъ развитіи культуры, и, къ сожалѣнію, оно-то и есть нормальное.

Изобиліе дичи, попадавшей на каждомъ шагѣ охотнику-индѣйцу, безъ сомнѣнія, послужило причиной того, что индѣйская раса, слѣдуя овященному вѣками обычаю, не была вынуждена избирать другіе способы пропитанія и лишь незначительной своей частью переходила къ земледѣлію. Охотничьи племена внутренней части Америки даже (разрушили) уничтожили культуру, расцвѣтшую было въ Восточной части Сѣверной Америки; точно также на Антильскихъ островахъ была уни-

чтожена культура дикими карибами. Высокая степень безопасности осталась отличительной чертой сѣверо-американскаго индѣйца, составляющей главное препятствіе къ развитію въ немъ культурности. Эта безопасность простирается даже на тѣ стороны его дѣятельности, которыя имѣютъ для него наибольшее значеніе. По мѣткому наблюденію К. Андри, сѣверо-американскіе индѣйцы даже на охотѣ поступаютъ самымъ неразумнымъ образомъ. *Совершенно не думая о будущемъ*, они убиваютъ преимущественно беременныхъ самокъ и застрѣливаютъ дичи больше, чѣмъ они могутъ съѣсть или сохранить. Завидѣвъ птичье гнѣздо, они не могутъ удержаться отъ того, чтобы не убить птенцовъ и не уничтожить яйца.

Эта характеристика даетъ намъ вѣрную картину извѣстнаго періода изъ исторіи расы. Односторонность способовъ пропитанія развила въ индѣйцахъ избытокъ силы и отваги, направленный на разрушительныя цѣли. Несомнѣнные слѣды существовавшаго прежде въ этой расѣ, какъ на востокѣ, такъ и на западѣ между народами Кеніа, материнскаго права ясно указываютъ на то, что нѣкогда здѣсь въ большей степени господствовала забота женщины о способахъ пропитанія, и только впоследствии перевѣсъ остался на сторонѣ тѣхъ способовъ добыванія пищи, которыми пользовался мужчина. Здѣсь является вопросъ, приняла-ли бы эта сторона ихъ дѣятельности такіе-же размѣры и въ томъ случаѣ, если-бы охотничьи способности индѣйцевъ не сдѣлали-бы такихъ быстрыхъ успѣховъ, и если-бы они застали земледѣліе на болѣе высокой ступени развитія? Этого слѣдовало-бы ожидать тогда, если-бы человѣчество и въ Америкѣ съ самаго начала шагъ за шагомъ развивало-бы свои способности. Но этого не было, потому что, какъ показываютъ этнологическіе факты, раса, переселившаяся въ Америку, перешла туда уже изъ тѣхъ широтъ, гдѣ борьба за существованіе служитъ для человѣка суровой школой жизни. Хотя съ достовѣрностью извѣстно, что индѣйская раса не перенесла изъ тѣхъ широтъ умѣнья утилизировать молоко и приручать животныхъ для цѣлей пропитанія, но зато она несомнѣнно вынесла оттуда употребленіе огня, чтó составляетъ уже извѣстный успѣхъ въ культурѣ. Благодаря этому знанію, индѣецъ очень скоро овладѣлъ искусствомъ охоты въ странѣ, изобилующей дичью.

Богатство природы вообще настолько-же тормозитъ одну сторону заботы человѣка о пропитаніи—*сохраняющую*, насколько полное безплодіе тормозитъ другую сторону—*добывающую*. Негры въ Лоанго и Каконго издавна успѣшно занимались земледѣліемъ, никогда не забываясь однако о томъ, чтобы дѣлать запасы, вслѣдствіе чего имъ нѣрѣдко приходилось переносить голодь, несмотря на изобиліе природныхъ богатствъ. Въ противоположность этому мы видимъ, что менѣе плодородная почва очень рано заставила австралійскаго негра прибѣгнуть къ весьма остроумному средству предусмотрительности. Обычай запрещаетъ ему сорвать или вырыть растение, собирающееся цвѣсти, раньше, чѣмъ оно дастъ сѣмена. Какъ это часто бываетъ, и въ этомъ случаѣ религія послѣдовала за необходимостью. Какъ и вездѣ въ первобытныя времена, она и здѣсь запретила человѣку употребленіе извѣстнаго рода пищи—въ данномъ случаѣ животной, для того чтобы предоставить ее въ нераздѣльное пользованіе божества; и это запрещеніе касалось какъ разъ тѣхъ животныхъ, которыя всего болѣе нуждались въ такого рода охранѣ. Племя Ванка на восточномъ берегу Африки, по свидѣтельству Крапфа, отличается большой дикостью, но при этомъ поврежденіе кокосовой пальмы считается у нихъ преступленіемъ наравнѣ съ убійствомъ матери.

Извѣстно, что финиковая пальма, растущая теперь въ дикомъ состояніи, но нѣкогда культивируемая въ Африкѣ, пользуется такими-же преимуществами. Но

и въ этой области все предусматривающая заботливость чело­вѣка должна была бороться съ минутными его желаніями. Въ то время, какъ одни не могутъ удержи­ваться отъ того, чтобы не повредить дерева, съ цѣлью воспользоваться его опьяняю­щимъ сокомъ, другіе смотрятъ на каждое поврежденіе дерева, какъ на преступле­ніе. Обычаи Сѣверной Африки даже отъ враговъ требуютъ бережнаго обращенія съ финиковой пальмой. Въ Аравіи финиковая пальма даетъ населенію ежедневное про­питаніе, и, несмотря на то, что она недавно пересажена сюда, она все-таки нахо­дится въ полудикомъ состояніи. Въ Фецанѣ, какъ и въ Тибести, каждому дозво­ляется сорвать наиболѣе зрѣлые плоды финиковой пальмы для удовлетворенія го­лода, но онъ не имѣетъ права унести домой ни одного финика.

Культурные народы въ этомъ отношеніи стоятъ на точкѣ зрѣнія совершенно противоположной точкѣ зрѣнія некультурныхъ племенъ той-же расы; правда, и здѣсь она основывается на волѣ божества. Въ то время, какъ краснокожій дикарь устремляетъ свою энергію только на добываніе, уничтожая велѣдъ за тѣмъ только что прибрѣтенное, культурный обитатель древней Мексики считалъ не только не­позволительнымъ, но и опаснымъ, дать просыпаться и пропасть даромъ хотя-бы одному зернышку маиса, потому что «оно будетъ жаловаться божеству на прене­брежительное къ себѣ отношеніе». Итакъ, то, что божество краснокожаго уничто­жаетъ, культура сохраняетъ. У земледѣльческихъ народовъ это запрещеніе пере­носится въ особенности на запасы, отложенные для посѣва. Такъ напр., въ Камбоджѣ у племени Банаръ существуетъ повѣрье, что божество наказываетъ смертью вся­каго, кто позволитъ себѣ продать сѣмена, отложенныя для посѣва.

Древнѣйшіе способы земледѣлія.

Немногіе примѣры, приведенные нами выше, показали столько разнообразныхъ путей, по которымъ направлялся первобытній чело­вѣкъ, руководимый заботой о поддержаніи своего существованія, что вопросъ о томъ, какъ онъ додумался до того, чтобы возвращать землѣ часть сѣмянъ съ цѣлью обезпечить себѣ дальнѣйшее произ­растаніе полезныхъ растений, въ сущности представляется не стоящимъ разрѣше­нія. Мы тщетно будемъ искать въ исторіи разсказа о томъ, какъ чело­вѣкъ дошелъ до этого изобрѣтенія, потому что оно несомнѣнно было сдѣлано не въ одномъ мѣстѣ и не въ одно время. Это доказывается хотя-бы уже однимъ разнообразіемъ воздѣ­льваемыхъ растений, произрастающихъ въ совершенно различныхъ широтахъ.

Какъ мы видѣли уже выше, женщины племени Тубу, собиравшей сѣмена ди­каго проса, оставалось сдѣлать лишь одинъ шагъ, чтобы перейти къ воздѣлыванію растений, и только условія почвы и самаго растенія не благопріятствовали тому. Каменитая почва, какъ мѣсто произрастанія полезнаго растенія, не можетъ направ­ить мысль чело­вѣка на то, чтобы искусственно содѣйствовать размноженію сѣмянъ, а на плодородной дикой почвѣ болѣе теплыхъ широтъ и обильно растуція сорныя травы совершенно заглушили-бы всякое нѣжное растеніице, вродѣ нашихъ зла­ковъ. Очевидно, что прежде, чѣмъ чело­вѣкъ научился справляться съ сорными тра­вами, первые опыты воздѣлыванія должны были производиться въ болѣе роскош­номъ климатѣ надъ болѣе устойчивыми (плотными) растеніями.

Легко объяснить себѣ, какимъ образомъ маисъ, растущій въ тропическомъ поясѣ южной Америки и составляющій единственное хлѣбное растеніе, воздѣлывае­мое краснокожей расой, могъ обучить земледѣлію даже довольно тупоумнаго чело­вѣка. Початки и даже зерна этого растенія на столько велики, что они не могли,

подобно зернамъ проса, незамѣтно упасть на землю изъ рукъ собирающаго ихъ дикаря и послужить для новаго обѣмненія почвы; но зато онъ не могъ не замѣтить, что изъ майсоваго зерна, посаженнаго въ землю, въ одно лѣто вырастаетъ стебель, вышиною до 8 футовъ, прокладывающій себѣ путь, несмотря на всѣ окружающія его сорныя травы. При подобныхъ условіяхъ весь трудъ воздѣлыванія растений могъ ограничиться обѣмненіемъ почвы, что конечно значительно должно было облегчить первыя попытки человѣка. Точно такимъ-же образомъ можно представить себѣ первоначальныя опыты надъ воздѣлываніемъ въ тропическихъ широтахъ Азіи сахарнаго сорго (*Sorghum vulgare*, въ его видахъ *Durgha* и *Duchn*), которое въ настоящее время составляетъ главное хлѣбное растеніе внутри Африки. И эта «негритянская рожь» быстро вырастаетъ, въ короткое время достигая 16 футовъ въ вышину и заглушая всѣ сорныя травы. Она даетъ такой обильный урожай, что одного растенія достаточно для дневнаго пропитанія цѣлой семьи. Правда, что смолотое зерно черноватаго цвѣта, но люди первобытныхъ временъ обращали на это еще меньше вниманія, чѣмъ современные негры. *Рисъ* на своей родинѣ, въ южной Азіи, успѣшно отстаиваетъ свое существованіе, благодаря тому, что онъ растетъ въ водѣ, гдѣ могутъ произрастать лишь немногія растенія. Преимущества, представляемыя этими растеніями, были до того очевидны, способы воздѣлыванія ихъ настолько просты, что они сдѣлались настоящимъ питательнымъ средствомъ для людей въ жаркомъ поясѣ земнаго шара, который и долженъ считаться родиной человѣчества.

Въ Австраліи и на островахъ Тихаго океана не существовало подобнаго земледѣлія влѣдствіе отсутствія подходящихъ растеній, вродѣ перечисленныхъ выше. Зато на нѣкоторыхъ группахъ острововъ туземцы обезпечивали себѣ постоянный запасъ дикорастущихъ растеній съ съѣдобными корнями тѣмъ, что засѣивали ихъ, а кромѣ того оберегали отпрыски плодоносныхъ деревьевъ, въ особенности хлѣбнаго дерева. Такимъ-же образомъ поступали и съ нѣкоторыми другими растеніями туземцы на Авильскихъ островахъ до нашествія карибовъ.

Всѣ эти примѣры конечно не исчерпываютъ собою всѣхъ путей, по которымъ направлялись первыя попытки земледѣлія; для полноты изложенія слѣдуетъ еще упомянуть о нѣкоторыхъ видахъ проса, родиной которыхъ тоже считается Индія.

Во всякомъ случаѣ, только что перечисленные нами *культурныя* растенія можно считать представителями первобытнаго земледѣлія въ тропическихъ широтахъ. Центральная Америка и Южная Азія представляютъ два совершенно независимыхъ и отдѣльныхъ центра этого земледѣлія. Хотя мансѣ воздѣлывался и у многихъ индѣйскихъ племенъ, но въ Перу и въ Мексикѣ онъ составлялъ главное пропитаніе населенія. Въ наукѣ до сихъ поръ не установлено, существовали-ли въ Африкѣ какіе-нибудь туземные виды проса, сходные съ южно-азіатскими видами. Если-бы этотъ вопросъ былъ рѣшенъ въ отрицательномъ смыслѣ, то пришлось-бы допустить, что въ извѣстные ранніе періоды вся Африка была исключена изъ области разведенія сѣмянъ, подобно группамъ острововъ на Тихомъ океанѣ. Но между тѣмъ какъ всѣ эти воздѣлываемыя южно-азіатскія растенія нашли вторую родину въ Африкѣ, культура растеній, свойственныхъ *сѣвернымъ* широтамъ, проникла въ Африку лишь немногимъ дальше предѣловъ распространенія мѣднокрасной расы.

Переходя къ группѣ растеній, представителями которыхъ служатъ наши хлѣбныя злаки, мы, хотя и не знаемъ съ точностью родины каждаго вида въ отдѣльности, все-таки можемъ считать несомнѣннымъ, что эти растенія воздѣлывались рабами, прошедшими свою жизненную школу въ менѣе благоприятныхъ широтахъ.

Воздѣльваніемъ этихъ злаковъ занимались преимущественно египтяне и смуглая вѣтвь бѣлой расы, причѣмъ у тѣхъ и другихъ скотоводство играло второстепенную роль, между тѣмъ какъ у свѣтлой вѣтви бѣлой и желтой расы скотоводство очень долго занимало первое мѣсто, а довольно жалкое земледѣліе составляло побочное занятіе женщинъ.

Въ то время, какъ употребленіе риса, составляющаго и въ настоящее время главное пищевое вещество для большей части человѣчества, было распространено среди племенъ желтой расы, живущихъ въ восточныхъ долинахъ, *просо* составляетъ посредствующее звено между растеніями, воздѣльваемыми свѣтлыми и темными расами. Просо гораздо менѣе прихотливое растеніе, чѣмъ рисъ, и можно предположить, что оно перенесено первоначально изъ болѣе жаркихъ широтъ при постепенномъ передвиженіи первобытныхъ людей къ сѣверу, гдѣ они, найдя наши съвременныя злаки въ дикомъ состояніи, примѣнили къ этимъ растеніямъ уже извѣстные способы воздѣльванія. Просо имѣло въ древности значеніе, совершенно утраченное имъ въ настоящее время. Научкой съ достовѣрностью установлено, что самыя древнія остатки европейскаго населенія составляютъ тѣ народы, которые всего болѣе отодвинуты къ западу. Къ нимъ относятся иберійцы въ Испаніи и Аквитаніи, а они именно, какъ свидѣтельствуетъ Страбонъ, и занимались преимущественно культурой проса. Кельты тоже главнымъ образомъ воздѣльвали просо и даже въ Марсели Цезарь нашелъ всего больше запасовъ проса. Не только во всей Галліи, но и въ верхней Италіи культура проса была распространена кельтскимъ населеніемъ. Ксенофонтъ, упоминая объ одномъ племени, населявшемъ древнюю Фракію, называетъ его «употребляющимъ въ пищу просо».

Просо составляло также главную пищу сарматовъ и Понтійскихъ народовъ; теперешняя Венгрія во времена нашествія гунновъ производила вѣроятно преимущественно просо. Когда Прискъ, находясь въ свитѣ Атиллы въ качествѣ члена римскаго посольства, проѣзжалъ черезъ эту страну, ему вездѣ предлагали пищу изъ проса. Провіантъ гунновъ тоже состоялъ исключительно изъ проса. Возможно, что славяне отсюда перенесли въ свое позднѣйшее мѣстопробываніе культуру проса, оставшуюся болѣе или менѣе чуждой остальнымъ вѣтвямъ бѣлой расы—римлянамъ, грекамъ и германцамъ.

Интересно подмѣтить, какъ эта употреблявшаяся почти повсюду въ старину и теперь почти оставленная пища отразилась на религіозныхъ и праздничныхъ обычаяхъ славянъ—то и другое вѣдь находится въ тѣсной связи. Домашніе духи у нихъ оказываютъ особенное предпочтеніе пшеничной кашѣ, а славянскія свадьбы никогда не обходятся безъ этого неизбѣжнаго праздничнаго блюда, несмотря на то, что славяне давно уже привыкли къ лучшей пищѣ и почти не занимаются теперь воздѣльваніемъ проса.

Подобные-же факты показываютъ намъ, какимъ значеніемъ въ первобытныя времена пользовались *бобы* въ широтахъ, населенныхъ свѣтлыми расами. Въ качествѣ самаго питательнаго дико-растущаго растенія, они безъ сомнѣнія играли здѣсь такую-же роль, какъ у африканцевъ туземныя питательныя растенія, до тѣхъ поръ, пока они не ознакомились съ воздѣльваніемъ растеній изъ другихъ странъ, или, какъ у обитателей Востъ-индскихъ острововъ,—абрикосовое дерево С. Доминго. Бобы составляли ту пищу, отъ которой можно было, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ—даже должно было отказаться въ угоду божеству. Позднѣйшіе виды хлѣбныхъ злаковъ даже на корню всегда составляли чью-нибудь собственность; для того, чтобы пожертвовать ихъ, нужно было *подарить*, но бобы, эта древняя туземная пища,

были уже принесены въ даръ тѣмъ самымъ, что ихъ не собирали и не ѣли. Такъ, египетскіе жрецы никогда не смѣли употреблять бобовъ, и въ Германіи также обычай не дозволяетъ ѣсть ихъ въ извѣстное время. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что прежде съ названіямъ бобовъ соединяли болѣе широкое понятіе, включая сюда всѣ бобовидные плоды, даже и такіе, которые въ настоящее время считаются несъѣдобными. У кельтовъ въ Верхней Италіи бобы встрѣчались на ряду съ просомъ; но въ томъ или иномъ видѣ они произрастаютъ повсемѣстно; то-же самое слѣдуетъ сказать и о *рыль*.

Съ культурой хлѣбныхъ злаковъ въ болѣе тѣсномъ смыслѣ, — ячменя, пшеницы и полбы, съ одной стороны, и овса и ржи, съ другой, — начинается самостоятельная жизнь сѣвернаго умѣреннаго пояса; высколенная здѣсь раса съ этого момента побѣдоносно вступаетъ въ міровую исторію; эти хлѣбныя растенія составляютъ пріобрѣтеніе, самостоятельно сдѣланное ими въ годы борьбы и странствованія, а не наслѣдіе, дарованное щедрой рукой матери-природы. Первая изъ вышеназванныхъ группъ хлѣбныхъ злаковъ такъ-же тѣсно связана съ исторіей мѣдно-красной расы и смуглой вѣтви бѣлой расы, какъ вторая группа — съ свѣтлой вѣтвью бѣлой расы. Конечно, тѣмъ самымъ не рѣшается вовсе вопросъ о точномъ происхожденіи этихъ культурныхъ растеній, но онъ едва-ли и будетъ когда либо рѣшенъ, такъ какъ самая постановка его невѣрна. Что касается до овса, то возможно, что онъ происходитъ отъ какихъ-нибудь туземныхъ видовъ. Римляне, которые не занимались воздѣлываніемъ его, отождествляли его съ дико-растущимъ овсомъ. Остальные злаки по всей вѣроятности происходятъ изъ азіатскихъ степей.

Тамъ вѣроятно нѣкогда женщины собирали зерна, созрѣвшія въ жалкихъ колосьяхъ, тамъ вѣроятно онѣ изъ года въ годъ бросали небольшое количество зеренъ въ землю вблизи своего шалаша, для того чтобы не уходить слишкомъ далеко отъ жилья для собиранія своихъ ничтожныхъ запасовъ. Здѣсь не могло быть и рѣчи о земледѣліи — почва приносила слишкомъ мало плодовъ. Но именно скудость почвы и охраняла существованіе этихъ слабыхъ и нѣжныхъ растеній: на лучшей почвѣ они погибли-бы среди сорныхъ травъ. Въ азіатскихъ степяхъ растенія торопятся жить — ранней весной вся степь покрывается цвѣтами и кустами, которые, какъ-бы по мановенію волшебства, вырастаютъ изъ скрытыхъ и съ виду умершихъ клубней и луковицъ. Черезъ короткое время они снова умираютъ мимолетной смертью; кусты высыхаютъ и исчезаютъ; проходитъ еще нѣсколько времени, и цвѣтущая степь превращается въ пустыню съ потрескавшейся отъ сухости землей. Этимъ короткимъ промежуткомъ времени должны воспользоваться злаки; чѣмъ скорѣе совершается ихъ ростъ, тѣмъ больше шансовъ, что они успѣютъ созрѣть. Вѣроятно поэтому человѣкъ прежде всего обратилъ свое вниманіе на быстро растущій ячмень.

Исторія рассказываетъ намъ о передвиженіи многихъ народовъ и племенъ изъ азіатскихъ степей въ многоводныя долины, расположенныя къ югу и западу отъ нихъ.

Такой странствующій народъ, перейдя съ своими ничтожными запасами ячменя изъ степи въ безлѣсную равнину, прорѣзанную по всѣмъ направленіямъ густой сѣтью водныхъ артерій, орошающихъ и удобряющихъ почву, находилъ всѣ условія для успѣшнаго произрастанія злаковъ. Зерна, посаженныя на этой почвѣ, давали совершенно иной урожай, и понятно, что эти успѣшные результаты должны были поощрить человѣка къ расширенію земледѣлія. Такія условія представляла *Вавилонская низменность*.

Современная лингвистика доказала, что сюда очень рано проникли туранскія племена, вытѣснивши черную расу; а изъ исторіи извѣстно, что за ними послѣдовали племена бѣлой расы. вмѣстѣ съ тѣмъ мы знаемъ изъ описанія Страбона, что въ Вавилонской низменности не встрѣчается ни одного дерева, кромѣ финиковой пальмы, и что тамъ воздѣлывается исключительно *ячмень*, и въ такомъ большомъ количествѣ, какъ нигдѣ. Даже существуетъ сказаніе, что онъ давалъ здѣсь урожай самый-триста.

Подобное-же явленіе представляетъ знаменитая древняя земледѣльческая культура дельты Нила, на «черной землѣ», которая получила это названіе въ противоположность «красной землѣ» пустыни. Вполнѣ заслуженная слава Египта, какъ хлѣбной страны, особенно по сравненію съ Европой, объясняется не только его необыкновеннымъ плодородіемъ, но и тѣмъ, что, благодаря красной расѣ, земледѣліе процвѣтало здѣсь въ то время, когда во всѣхъ остальныхъ странахъ едва появлялись первые зачатки его въ видѣ непостоянныхъ посѣвовъ вокругъ жилья. Египетъ въ древнія времена потому и пользовался славой хлѣбной страны по преимуществу, что въ то время еще не было другой такой страны по всему побережью Средиземнаго моря.

На одномъ изъ египетскихъ изображеній представлено растеніе, принимаемое нѣкоторыми за сахарное сорго, но это мнѣніе оспаривается многими. По крайней мѣрѣ въ позднѣйшее время это грубое растеніе совершенно исчезло изъ Египта.

Возможно вѣдь и то, что оно вообще составляло туземное африканское растеніе, и что египтяне, найдя его здѣсь, понемногу вытѣснили его. Нѣчто подобное случилось съ двумя другими туземными растеніями — папирусомъ и лотосомъ (*Nymphaea Lotus L.*), которые вначалѣ употреблялись египтянами въ пищу, а по мѣрѣ развитія земледѣлія постепенно выходили изъ употребленія. Лотосъ шелъ въ пищу цѣликомъ съ сѣменами включительно, а въ папирусѣ съѣдобнымъ считался только корень. Оба эти растенія принадлежатъ къ той группѣ съѣдобныхъ растеній, которыя произрастали въ Африкѣ до начала земледѣлія. Съ тѣхъ поръ папирусъ совершенно исчезъ изъ Египта; что-же касается лотоса, то доказательствомъ того, что онъ нѣкогда составлялъ народную пищу, служитъ то обстоятельство, что древніе египтяне «посвящали» его Изидѣ и Озирису, этимъ общеизвѣстнымъ божествамъ.

Тѣ-же растенія, которыя въ противоположность названнымъ, культивировались египтянами, были перенесены ими при переселеніи изъ сѣверныхъ широтъ и никогда не переходили южной границы культурной области египтянъ, и теперь еще въ южномъ Египтѣ встрѣчаются наши хлѣбные злаки.

Если-бы бронзовая раса переселилась въ Египетъ изъ тропической Азіи и если-бы этимъ путемъ возможно было объяснить прежнее существованіе въ Египтѣ индійскаго проса, то съ еще большимъ правомъ слѣдовало-бы ожидать найти тамъ рисъ. Но онъ никогда не встрѣчался въ древнемъ Египтѣ, и, вообще говоря, древній міръ до Александра Великаго не имѣлъ никакого понятія о существованіи его, несмотря на то, что въ то время у низовьевъ Ефрата уже занимались разведеніемъ этого растенія. Предполагаютъ, что рисъ былъ перенесенъ сюда, равно какъ на верховья Аму-Дарьи во время персидскаго владычества, но возможно также и то, что онъ еще раньше воздѣлывался у низовьевъ Ефрата черной расой и что только впоследствии сюда-же съ сѣвера былъ перенесенъ ячмень. На то, что рисъ принадлежалъ именно этой расѣ, указываетъ намъ всего яснѣе примѣръ Индіи, по преимуществу считающейся его родиной; арийцы, переселившіеся туда въ качествѣ скотоводовъ,

еще долго отказывались от употребления риса; въ сборникъ древнѣйшей индѣйской поэзіи—Ригведа, даже не упоминается его имени.

Главнымъ хлѣбнымъ растеніемъ у египтянъ была *пшеница*; кромѣ нея, преимущественно воздѣлывался *ячмень*.

Та-же группа хлѣбныхъ растеній характеризуетъ собой и темно-бѣлую расу, притомъ какъ семитическую, насколько она занималась земледѣліемъ, такъ и пеласгическую вѣтвь. Евреи воздѣлывали только пшеницу—изъ нея изготовлялся жертвенный хлѣбъ—ячмень и полбу.

Въ Библии не упоминается ни о ржи, ни объ овсѣ. Эти-же самыя растенія, и въ особенности ячмень, принесли съ собой по всей вѣроятности пеласги, придя въ страну, населенную такими-же смуглыми народами, употреблявшими просо. Но въ то время, какъ послѣдніе направились по равнинамъ, расположеннымъ къ сѣверу отъ Чернаго моря, пеласги, избравъ путь южнѣе, съ острова на островъ перешли въ Европу. Въ Италіи оба эти теченія встрѣтились, при чемъ первые повидимому обошли на своемъ пути собственно Элладу. Момзень говоритъ, что для Рима слѣдуетъ считать самымъ древнимъ растеніемъ не ячмень и полбу, а просо; что-же касается до Крита и Элады, то тамъ, даже по воззрѣніямъ культа, самымъ древнимъ хлѣбнымъ растеніемъ считается *ячмень*. Это-же положеніе сохранилось за ячменемъ и въ ритуалѣ, въ которомъ всего яснѣе всегда отражается прошлое. Только стручковые плоды, и въ особенности бобы, составляютъ иногда еще болѣе древнюю пищу.

Германцы или по крайней мѣрѣ нѣкоторыя племена ихъ, при своемъ переселеніи, имѣли съ собою, кромѣ ячменя, вѣроятно незначительные запасы *ржи*. Возможно, что даже ячмень проникъ къ германцамъ только изъ римской имперіи, но онъ не остался, какъ полба, въ предѣлахъ прежняго римскаго государства.

Нѣмецкое названіе пшеницы (*Weizen*), что по готски значить «*бллая рожь*», показываетъ, что это хлѣбное растеніе было неизвѣстно древнимъ германцамъ, и что они назвали его такъ въ противоположность извѣстнымъ имъ болѣе чернымъ хлѣбнымъ растеніямъ. Но что болѣе черный видъ не былъ перенесенъ изъ Рима вмѣстѣ съ прочими хлѣбными злаками, это доказывается тѣмъ, что римляне позднѣйшихъ временъ, ознакомившись съ рожью, нашли ее некрасивой и даже несъѣдобной. Итакъ, мы лишены историческихъ свѣдѣній о происхожденіи ржи; во всякомъ случаѣ нужно допустить, что она была перенесена въ Европу славянами и германцами. Что-же касается до овса, то возможно, что утилизация его началась только въ Европѣ. Съ теченіемъ времени, по мѣрѣ того, какъ развивалась осѣдность, онъ сталъ главнымъ хлѣбнымъ растеніемъ въ особенности бѣдныхъ странъ сѣвера. Для древнихъ временъ какъ нельзя болѣе характерно, что пищу скандинавскихъ боговъ составляли «*сельди и овесъ*».

Подобнаго рода земледѣліе занимаетъ однако совершенно второстепенное мѣсто у бродячихъ народовъ, занимающихся правильнымъ *скотоводствомъ*, и для нихъ находимыя тамъ и сямъ дикія растенія сохраняютъ то значеніе, которое они давно утратили въ нашихъ глазахъ. Подобно тому, какъ первобытные египтяне брезгали лотосомъ и сытью (циперусомъ), точно такъ-же и у насъ въ Европѣ употреблялись дико-растущіе плоды яблони, груши, шиповника, бѣлаго боярышника, терновника, орѣшника, не говоря уже о множествѣ травъ, служившихъ въ качествѣ приностей. Но къ плодовымъ деревьямъ они причисляли также преимущественно букъ и дубъ, и не только благодаря маслу, заключаемому въ буковыхъ желудяхъ, или тому значенію, которое имѣютъ желуди дуба для откармливанія животныхъ. Въ бургунд-

ских законахъ оба эти дерева называются прямо плодовыми деревьями; въ баварскихъ законахъ плоды этихъ деревьевъ названы съѣдобными, и вообще древнимъ германцамъ представлялось дѣломъ, стоящимъ труда, собраніе доказательствъ, кому принадлежатъ желуди съ вѣтвей, перевѣшивающихся на чужую землю.

Славяне долгое время оставались въ странахъ съ древнескиѣскимъ населеніемъ; этому обстоятельству слѣдуетъ приписать то, что императоръ Маврикій, говоря о нихъ, называетъ ихъ народомъ, употребляющимъ въ пищу *просо*. Какъ уже было указано выше, они и въ послѣдствіи не измѣнили этой привычки. У нижнихъ лужичанъ, которые не съѣютъ больше проса, оно считается любимой пищей домашнихъ божковъ.

Орудія для приготовленія пищи.

Слѣдя за различными питательными растеніями, мы удалились отъ первобытнаго человѣка. Снова возвращаясь къ нему, мы видимъ, что по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ странахъ земного шара онъ могъ существовать болѣе или менѣе сносно безъ всякихъ искусственныхъ приспособленій, пользуясь только тѣми, которыя дала ему природа. Забота о пропитаніи являлась только тогда, когда люди, разсеяясь, приближались къ границамъ этихъ странъ. Животныя, на самыхъ низкихъ ступеняхъ развитія, обладаютъ въ большей степени способностью приспособляться своей несложной организаціей къ измѣнившимся условіямъ жизни. Съ развитіемъ органовъ, эта способность повидимому если не исчезаетъ совсѣмъ, то во всякомъ случаѣ ограничивается болѣе тѣсными предѣлами. Животный организмъ, стоящій на высокой степени развитія, будучи вырванъ изъ обычныхъ условій жизни, погибаетъ. Человѣкъ превосходитъ какое-бы-то ни было животное высокимъ совершенствомъ развитія своего организма; но его духъ открываетъ ему новые пути для преодоленія тѣхъ препятствій, которыя онъ встрѣчаетъ, какъ только переходитъ границу своей узкой области распространенія.

Если мы опять будемъ останавливаться только на матеріальной культурѣ, а важнѣйшіе моменты духовной культуры въ ихъ послѣдовательной связи разсмотримъ позже, то это дѣлается только ради удобства изложенія. На самомъ-же дѣлѣ ни одно изъ колесъ сложнаго механизма культуры не двигается само по себѣ, независимо отъ всѣхъ остальныхъ.

Какъ мы уже видѣли, въ южныхъ областяхъ человѣческаго распространенія не было недостатка ни въ растительной пищѣ, ни въ мелкихъ животныхъ, которыхъ человѣкъ могъ хватать руками и приспособлять для ѣды съ помощью зубовъ и пальцевъ. Даже такія растенія, какъ наши хлѣбныя, могутъ быть употребляемы въ пищу въ сыромъ видѣ, прямо со стебля, если они только не слишкомъ сухи и жестки; и если они въ такомъ видѣ не особенно вкусны, то зато питательны, чего не могъ не подмѣтить человѣкъ. Наши хлѣбныя растенія, употребляемыя въ сыромъ видѣ, вовсе не такъ не вкусны; мы знаемъ, что бѣдняки употребляютъ въ пищу сырой ячмень, несмотря на его твердую шелуху. Вспомнимъ библейскую Руфь: она выколачивала зерно изъ собранныхъ колосьевъ и, насытившись ими сама, приносила остатки своей свекрови.

Въ томъ случаѣ, когда сѣмена оказываются слишкомъ твердыми для человѣческихъ зубовъ, первобытный человѣкъ обращается къ первому изъ всѣхъ орудій—къ камню. Прибѣгнувъ къ помощи камня, человѣкъ тѣмъ самымъ навсегда оставляетъ позади себя своего соперника въ добываніи пищи—животное. Какъ ни грубо

само по себѣ это орудіе, оно способно принимать самыя различныя формы. Камень вмѣстѣ съ *палкой* составляли вначалѣ все для человѣка, и изъ соединенія ихъ произошли всѣ остальные орудія, которыми онъ пользуется вплоть до самыхъ высшихъ ступеней культуры. Повидимому камень является болѣе древнимъ орудіемъ, чѣмъ палка; человѣкъ могъ прибѣгнуть къ нему еще въ то время, когда ему не приходила въ голову предусмотрительная мысль ни о собираніи пищевыхъ веществъ, ни объ умноженіи ихъ путемъ искусственнаго воздѣлыванія. Палка-же является первымъ земледѣльческимъ орудіемъ.

Первый шагъ къ употребленію камня какъ нельзя болѣе простъ. Наши дѣти продѣлываютъ то-же самое, когда они, убѣдившись въ тщетности своихъ попытокъ прогрызть зубами скорлупу орѣха, пускаютъ въ ходъ камень. Ребенокъ не раздумываетъ о томъ, какъ устроить болѣе крѣпкія челюсти, какимъ путемъ создать «органическую нормальную проекцію». Онъ не думаетъ о томъ, что нижній камень представляетъ не что иное, какъ неподвижную верхнюю челюсть, а камень, который онъ опускаетъ на орѣхъ,—подвижную нижнюю челюсть, онъ инстинктивно копируетъ природу, какъ-бы предугадывая ея намѣренія и стремясь къ одной съ ней цѣли. До этого не доходило никогда ни одно животное, какъ-бы оно развито ни было; оно никогда не умѣло усилить чѣмъ-нибудь способности своихъ органовъ, оно никогда не придумывало даже самаго простѣйшаго орудія. Первые успѣхи въ новой области всегда самыя плодотворныя, какъ-бы ничтожны они ни казались; это первое завоеваніе свободной мысли было безконечно плодотворно. При этомъ мысль человѣка всегда работала, безразлично отъ того, ждалъ-ли человѣкъ, при достиженіи имъ чего-нибудь, полученныхъ результатовъ, или они являлись для него неожиданно. Такъ былъ изобрѣтенъ не только *молотокъ* съ его безконечно разнообразной утилизаціей, но и *ступка*, и *ручная мельница*,—углубленіе въ нижнемъ камнѣ образовалось само собою вслѣдствіе продолжительнаго его употребленія.

Благодаря этому изобрѣтенію, пригодность и цѣнность зерновыхъ плодовъ значительно увеличились; теперь ихъ можно было употреблять въ пищу, въ какомъ-бы состояніи зрѣлости и сохраняемости они ни находились. Несомнѣнно, что послѣ этихъ изобрѣтеній человѣкъ втеченіи долгаго времени не нуждался ни въ какихъ дальнѣйшихъ успѣхахъ культуры для того, чтобы сдѣлать пищу удобной и приятной для употребленія. Раздавленные или растертые зерна не требовали никакого дальнѣйшаго приготовленія для употребленія ихъ въ пищу, и для охотника они являлись желанной пищей въ періоды его несчастной охоты. Такъ напр., индѣйская полукультура на сѣверо-востокѣ Америки еще въ прошломъ столѣтіи знала двѣнадцать различныхъ способовъ пользованія плодами маиса. Прокезы и делавары, отправляясь на охоту, брали съ собой маисовую муку и ѣли ее въ сухомъ видѣ. Объ этомъ рассказываетъ намъ миссіонеръ Лоскиль. Этого одного изобрѣтенія—разбиванія зеренъ при помощи камня—было почти достаточно для приготовленія еще другого рода пищи. Такъ, индѣйцы, находясь въ дорогѣ, примѣшиваютъ къ мукѣ воду и небольшое количество сахара, отъ чего получается освѣжающій и питательный напитокъ. Этотъ способъ приготовленія съ прибавленіемъ сахару, или безъ него, несомнѣнно пользовался гораздо бѣльшимъ распространеніемъ въ древнія времена, потому что для него, кромѣ мельницы и сахару, нуженъ былъ только сосудъ. *Сосуды*-же оказались предоставленными человѣку щедрой рукой природы въ видѣ скорлупы разныхъ плодовъ, какъ только онъ обратилъ свое вниманіе на приисканіе подобныхъ вспомогательныхъ средствъ. Въ нѣмецкомъ языкѣ до сихъ поръ однимъ и тѣмъ-же словомъ «Schale» обозначаются скорлупа и сосудъ. Теперь еще во всѣхъ

жарких странахъ, какъ по эту, такъ и по другую сторону Атлантическаго океана, самымъ общепотребительнымъ сосудомъ служить «калабасса»—пустая скорлупа тыквы. Благодаря своей легкости, этотъ сосудъ особенно пригоденъ для первобытнаго человѣка, отличающагося подвижностью въ своемъ образѣ жизни. Тамъ, гдѣ растетъ кокосовая пальма, природа не только доставляетъ человѣку еще болѣе прочный сосудъ, но и научаетъ его, какъ имъ пользоваться; незрѣлый кокосовый орѣхъ представляетъ собою не только готовую, но и наполненную дорожную флягу—недостаетъ лишь ручки или веревки; но и это съ успѣхомъ замѣняется волокнами орѣховой скорлупы; не требовалось особенной сообразительности для того, чтобы догадаться обмотать эти волокна вокругъ руки. Тыква-же росла въ дикомъ состояніи и у вышеназванныхъ индѣйскихъ племенъ.

Индѣйцы уже сто лѣтъ тому назадъ умѣли варить сахаръ и превращать его въ куски большей или меньшей величины, которые удобно было переносить съ мѣста на мѣсто. Но это несомнѣнно не всегда такъ было; было время, когда они этого не умѣли дѣлать. Впервые открыли они сахарный сокъ въ дико-растущемъ сахарномъ кленѣ (*Acer saccharinum* L.). Когда деревья трескались отъ зимняго холода, то весной изъ нихъ вытекалъ обильный сладкій сокъ, на который слетались насѣкомыя, которыя и направили на него человѣка. Затѣмъ онъ, ударами молотка, самъ производилъ трещины въ корѣ дерева и давалъ стекать соку въ подставленный сосудъ, а вначалѣ, можетъ быть, просто подставлялъ ротъ. Возможно, что нѣкогда этотъ сокъ примѣшивался прямо къ пищѣ.

Собираніе сѣмянъ и сѣяніе ихъ лежитъ на обязанности *женщины*; мужчина, который направляетъ свои силы на борьбу съ животными, побуждаемый къ тому не только потребностью въ мясной пищѣ, но и соперничествомъ изъ-за земли, на которой онъ живетъ, не можетъ раздроблять свои силы на такія мелкія работы. Это естественное раздѣленіе труда продолжаетъ существовать и дальше, и всѣ изобрѣтенія, которыя женщина дѣлаетъ въ своей области, прежде всего увеличиваютъ *ея-же* работу. Вооруженная жерновомъ, она должна исполнять ту предварительную работу, которая, до изобрѣтенія его, производилась челюстями человѣка, и эта обязанность продолжаетъ лежать на ней до тѣхъ поръ, пока съ расширеніемъ и обогащеніемъ хозяйства по крайней мѣрѣ первая жена, стоящая во главѣ дома, не слагаетъ ее съ себя. Такъ, одинъ миѳическій римскій законъ освобождаетъ отъ этой обязанности жену патриція; у южныхъ-же славянъ еще и теперь дѣвушекъ посылаютъ на мельницу.

Основную часть мельницы составляетъ, какъ мы уже видѣли выше, подвижной камень. Онъ можетъ служить основаніемъ какъ для *ступки*, такъ и для *мельницы*, смотря по тому, чтѣ съ нимъ дѣлаютъ: ударяютъ-ли по немъ, или на него надавливаютъ. Часть африканскаго и азіатскаго населенія, имѣя въ своемъ распоряженіи подходящія породы дерева, предпочла деревянную ступку. Такъ напр., зерна риса во многихъ мѣстахъ вылуциваются въ ступкахъ. Гораздо большее распространеніе получила каменная мельница, которая въ своемъ первоначальномъ видѣ еще недавно употреблялась для растиранія красокъ. Усовершенствованіе этой мельницы произошло съ теченіемъ времени само собою, благодаря тому, что въ нижнемъ камнѣ понемногу образовалось углубленіе. Улучшеніе, сдѣланное самимъ человѣкомъ, состояло въ томъ, что онъ продолжилъ это углубленіе съ одной стороны до края камня для того, чтобы легко было собирать падающую отсюда муку, затѣмъ въ верхнемъ камнѣ были сдѣланы углубленія для того, чтобы удобнѣе было держать его въ ру-

кахъ. Такіе мукомольные камни находятся нерѣдко до сихъ поръ. Женщина, работающая такимъ камнемъ, становилась передъ нимъ на колѣни или на корточкахъ.

Дальнѣйшее усовершенствованіе, неизвѣстно когда сдѣланное, состояло въ томъ, что два камня съ гладкими или неровными поверхностями, прилаженные другъ къ другу, помѣщались одинъ на другомъ, причемъ верхній приводился какимъ либо способомъ въ вращательное движеніе. Дойти до этого могли различнымъ образомъ. Въ Сѣверной Шотландіи еще въ настоящее время встрѣчаются такія ручныя мельницы. Въ верхнемъ камнѣ близко къ его наружному краю продѣлано отверстіе, въ которое вставляется вертикальная палка. Для того чтобы удержать ее въ этомъ положеніи и вмѣстѣ съ тѣмъ производить верхнимъ камнемъ умѣренное давленіе на нижній, весь этотъ аппаратъ ставится подъ дерево и верхній конецъ палки привязывается къ какой-нибудь вѣткѣ его, благодаря чему всей машинѣ сообщается извѣстная эластичность. Когда нужно смолоть муку, женщина становится на колѣни и, начиная вертѣть палку, приводитъ въ вращательное движеніе верхній камень. Для большаго удобства по срединѣ подвижнаго камня пробивается дыра, черезъ которую во время работы подсыпаютъ новыя зерна, между тѣмъ какъ смолотая мука сыплется по краямъ камня на разостланный подъ нимъ платокъ. Таково въ главныхъ чертахъ устройство мельницы и до сихъ поръ; существенныя измѣненія, сдѣланныя въ немъ, касались лишь примѣненія той или другой силы, служившей двигателемъ камня. Сначала такимъ двигателемъ была мышечная сила женщины, потомъ для этой цѣли пользовались рабами, животными и наконецъ силой воды.

Въ то время какъ у арабовъ въ ихъ маленькихъ хозяйствахъ еще до сихъ поръ употребляется ступка, древніе евреи пользовались ручными мельницами съ вертикальной рукояткой. Такое устройство рукоятки представляло большія неудобства, такъ какъ работающій долженъ былъ непрерывно вертѣться вокругъ мельницы, вслѣдствіе чего эта работа по справедливости считалась тяжелой и низкой. Однако, несмотря на это, шумъ этихъ мельницъ считался признакомъ мирной культуры (Іеремія, 25, 10), и самыя мельницы съ теченіемъ времени сдѣлались до такой степени необходимыми въ жизни, что законъ воспрещалъ брать въ залогъ какую-бы то ни было часть домашней мельницы, потому что «тѣмъ самымъ ты берешь въ залогъ жизнь». Въ бѣдныхъ домахъ ручную мельницу вертѣла хозяйка дома, въ богатыхъ — рабыня. Какъ въ средніе вѣка враговъ, взятыхъ въ плѣнъ, ссылали на «галеры», такъ въ древности заставляли ихъ вертѣть ручныя мельницы. Римляне и греки для этой цѣли пользовались ослими.

Однако для того, чтобы достигнуть всехъ этихъ успѣховъ, человѣкъ долженъ былъ предварительно научиться искусству пробуравливать камни. Человѣкъ очень скоро долженъ былъ замѣтить, что одинъ камень, вращаясь на другомъ, понемногу дѣлаетъ въ немъ углубленіе даже въ томъ случаѣ, когда между ними положены сравнительно мягкія зерна. Когда-же онъ вмѣсто зеренъ сталъ брать болѣе острые предметы, напр. кристаллическій песокъ, а вмѣсто верхняго камня—острую кость, то легче достигалъ цѣли, а при извѣстномъ навыкѣ и опытности онъ скоро долженъ былъ дойти до искусства пробуравливать даже твердыя породы камня.

Земледѣльческія орудія.

Австралиецъ носить съ собой всегда заостренную палку, съ помощью которой онъ выкапываетъ изъ земли съѣдобные корни. Бушмены усовершенствовали это орудіе для копанія, насадивъ на остріе палки тяжеловѣсную шишку.

Благодаря этому, палка съ большей силой вонзается въ землю, а при вынима- ній ею можно дѣйствовать на подобіе рычага. Другія племена употребляютъ съ той же цѣлью кусокъ дерева, имѣющей форму ходули, на одной сторонѣ которой повыше острія сдѣлана выемка. Если вставитъ ногу въ это углубленіе, то остріе палки очень легко вдавливается въ землю. Это и есть заступъ. Если бушмену нужно сдѣлать свой заступъ болѣе острымъ, при чемъ онъ не заботится о его меньшей легкости, то онъ прибѣгаетъ къ весьма простому способу. Онъ разбиваетъ камнемъ трубчатую кость и насаживаетъ ее на свою палку. Это второе орудіе первобытнаго человѣка, представляющее не что иное, какъ удлиненную руку, заканчивающуюся болѣе твердымъ пальцемъ, можно значительно разнообразить. Путешественники, посѣтившіе Б. Антильскіе острова, нашли тамъ земледѣліе на высокой степени развитія. Обитатели этихъ острововъ пололи свой маисъ и маниокъ; во время созрѣванія маиса, они защищали его отъ птицъ и даже дошли уже мѣстами до введенія искусственнаго орошенія; но, несмотря на все эти успѣхи въ области земледѣлія, единствен- нымъ земледѣльческимъ орудіемъ у нихъ служила заостренная *палка*; ею они выкапывали корни и ею-же дѣлали въ землѣ углубленія для посѣва маисовыхъ зеренъ. Острыми раковинами пользовались они для того, чтобы придать палкѣ желаемую форму. Нубійцы употребляли уже для разрыхленія земли желѣзные орудія, но, вскопавши землю, они вслѣдъ затѣмъ острой палкой дѣлали въ ней углубленія для сѣ- мянъ. То-же самое мы видимъ и въ Кордофанѣ.

Позднѣе люди додумались до того, чтобы соединить камень съ палкой въ одно орудіе, дѣйствующее конечно съ значительно большей силой, на подобіе опускаю- щейся съ размаху руки съ тяжелымъ кулакомъ. Смотря по свойствамъ насаженнаго на палку камня, это орудіе превращалось въ молотъ, кирку или топоръ. Затѣмъ человѣкъ очень скоро долженъ былъ убѣдиться въ томъ, что гораздо легче разрых- лять землю заостренной палкой, обладающей вмѣстѣ съ тѣмъ тяжеловѣсностью молотка.

Для того чтобы получить подобное орудіе, нужно было только соединить подъ угломъ заостренную палку съ тупой. Такое орудіе можно было случайно встрѣтить въ природѣ, но его не трудно было сдѣлать самому: срубивъ часть ствола какого нибудь дерева, на немъ оставляютъ одинъ только сукъ и заостряютъ его. Такого рода примитивное орудіе въ древности употреблялось для воздѣлыванія земли также въ Швеціи, и еще теперь оно не совсѣмъ тамъ вывелось. Тайлоръ называетъ это орудіе «шведской киркой».

Имѣя это орудіе, человѣку не трудно было дойти до изобрѣтенія *плуга*. Разница между этими обоими орудіями состоитъ только въ способѣ ихъ употребленія. Тѣ народы, которые воздѣлывали тропическіе злаки, вроде маиса и проса, не превра- щали кирку въ плугъ, за исключеніемъ жителей Перуанскаго государства, инковъ, гдѣ земледѣліе производилось въ очень большихъ размѣрахъ; сѣверные-же индѣйцы остались при киркѣ, видоизмѣнивъ ее только въ томъ отношеніи, что они придѣлы- вали къ палкѣ сверху лопатку оленя или щитъ черепахи. Пролезскія женщины, вооруженныя такимъ орудіемъ, не только взрывали землю для посѣва, но и обка- пывали растенія, если сорныя травы слишкомъ густо разрастались вокругъ нихъ.

Съ этимъ-же встрѣчаемся мы и въ Африкѣ, особенно въ восточной ея части. Если растеніе дурро можетъ доставлять дневное пропитаніе цѣлой семьѣ, то, зная безпечный и лѣнливый характеръ дикарей, мы можемъ быть увѣрены, что они не станутъ трудиться надъ воздѣлываніемъ растеній въ количествѣ, превышающемъ ихъ насущныя жизненныя потребности. Не нужно было особенныхъ усилій для того,

чтобы приготовить киркой поле приблизительно для 400 растений и сдѣлать въ въ рыхлой землѣ углубленія для крупныхъ зеренъ, засѣвавшихся на довольно большомъ разстояніи другъ отъ друга.

Такимъ образомъ, при подобныхъ условіяхъ человѣческой изобрѣтательности, не приходилось изощряться надъ разрѣшеніемъ новыхъ задачъ. Во всей юго-восточной Африкѣ до сихъ поръ еще не знаютъ плуга, и, несмотря на это, женщины во многихъ мѣстахъ отлично понимаютъ сельское хозяйство и настолько въ немъ изощрились, что осушаютъ сырыя мѣстности, набрасывая кучи песку, и дѣлаютъ ихъ такимъ образомъ годными для земледѣлія. Негры на сѣверѣ Африкѣ точно также не знаютъ плуга; онъ извѣстенъ только въ странѣ Галла и Абиссиніи, куда онъ занесенъ несомнѣнно изъ Египта.

Кирка оказывается неудовлетворительной лишь при веденіи экстензивнаго хозяйства, какъ напр. въ Перу, гдѣ классъ народа долженъ былъ обрабатывать землю не только для себя, но для всѣхъ трехъ классовъ государства, или-же когда приходится воздѣлывать мелкіе злаки арійцевъ. Въ послѣднемъ случаѣ кирка должна быть устроена такимъ образомъ, чтобы можно было дѣлать не по одному углубленію для каждаго зернышка въ отдѣльности, а цѣлую борозду для многихъ зеренъ сразу; а такая кирка есть не что иное, какъ соха, т. е. та первобытная форма плуга, которую еще недавно употребляли въ Европѣ. Древне-перуанскій плугъ состоялъ изъ бревна, къ заднему концу котораго былъ прикрѣпленъ поперечный брусокъ, а за другой конецъ отъ 6 до 8 человѣкъ тащили плугъ по полю. При такомъ устройствѣ терялась сила удара, она замѣнялась тяжестью налегающаго на плугъ своимъ тѣломъ пахаря. Но въ этомъ отношеніи перуанецъ и египтянинъ дѣйствовали различно. Между тѣмъ какъ перуанецъ упирался ногой въ верхнюю часть поперечнаго бруска для того, чтобы вдавить остріе въ землю, египтянинъ, плугъ котораго извѣстенъ намъ по сохранившимся изображеніямъ, настолько удлинилъ кверху сошникъ, что земледѣлецъ, ухватившись за него руками и налегая всей тяжестью верхней половины своего туловища, вдавливалъ его въ землю. Такимъ образомъ египтяне или тѣ, которые первые придумали это улучшеніе, присоединили къ простому плугу рукоятку, доставивъ тѣмъ самымъ пахарю возможность спокойно ходить за плугомъ и управлять имъ. Это имѣло тѣмъ большее значеніе, что человѣкъ умѣлъ уже пользоваться животными, въ качествѣ двигающей силы. Для того чтобы корпусъ плуга былъ крѣпче соединенъ съ грядилемъ, они связывались еще крѣпкой веревкой. Точно также устойчивость лемеха усиливалась тѣмъ, что отъ его длиннаго основанія до сравнительно короткаго острія протягивалась веревка. Греки во времена Гезіода знали еще оба вида плуга — первобытный, простой и «сложный», который поэтъ называетъ лучшимъ. Простой плугъ состоялъ изъ упомянутого уже дерева съ заостреннымъ сучкомъ, а сложный — изъ дубоваго дерева; о желѣзномъ сошникѣ ничего не упоминается; грядиль этого плуга дѣлался изъ лавра или вяза, а рукоятки — изъ каменнаго дуба. За плугомъ, какъ въ Египтѣ, шелъ земледѣлецъ съ киркой, которой онъ разрыхлялъ глыбы земли и тутъ-же бросалъ въ нее сѣмена. У римлянъ плугъ уже представлялъ всѣ тѣ усовершенствованія, которыя въ существенныхъ чертахъ сохранились до настоящаго времени. Они придѣлали къ плугу

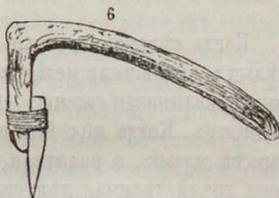

Рис. 1.—Мотыга патагонцевъ.

железный сошникъ, для разрыванія дерна присоединили къ нему рѣзецъ, а грядилъ плуга установили на колеса. Эти улучшенія совершенно измѣнили прежнюю форму плуга. Древнѣй видъ его является снова только съ переселеніемъ свѣтлыхъ расъ въ Европу. Но оба эти вида очень легко отличить: одинъ изъ нихъ представляетъ собой соху, другой—плугъ. Кирка характеризуетъ собой воздѣлываніе тропическихъ злаковъ; соха свидѣтельствуетъ о мелкомъ земледѣліи, второстепенномъ занятіи кочевыхъ народовъ; или скажемъ еще такъ: плугъ характеризуетъ земледѣліе, какъ занятіе вполнѣ осѣдлага мужчины, а соха—какъ занятіе сѣверной женщины. Для сохи у германцевъ и славянъ существуетъ свое названіе (Нога на готскомъ нарѣчій (по Гену) значитъ крюкъ, а «соха» у древнихъ славянъ значитъ колъ). Слово-же «плугъ» заимствовано тѣми и другими; впервые упоминаетъ его Плиній, какъ кельтическое названіе. Нѣмецкіе колонисты первые перенесли плугъ на востокъ. Въ настоящее время граница его распространенія находится внутри Россіи: малорось употребляетъ плугъ, подвижной великорось—соху. Въ русской Литвѣ еще недавно была въ употребленіи соха, по крайней мѣрѣ не что иное представляютъ ихъ деревянные плуги. Такъ какъ онѣ очень легко ломаются, то литовцы обыкновенно берутъ съ собой въ поле нѣсколько сохъ.

Животная пища.

Когда сѣверовосточные индѣйцы, для огражденія своей безопасности со стороны бѣлыхъ, заключили между собою оборонительный союзъ, они передали племени делаваровъ обязанность «жены», сказавъ имъ: «мы передаемъ въ ваши руки маисовый стебель и кирку». Когда индѣйцы обмѣниваются свадебными подарками, то родители невѣсты дарятъ *хлебъ*, а родители жениха—*мясо*. Отсюда мы видимъ, насколько разграничена хозяйственная дѣятельность обоихъ половъ, соотвѣтственно двумъ главнымъ категоріямъ пищевыхъ веществъ. Однако подобное раздѣленіе существовало не всегда, да оно и не мотивируется непосредственно природою вещей. Историческій человѣкъ всегда пользовался то животной, то растительной пищею, смотря по тому, что было въ его распоряженіи. Только особенныя условія вели къ исключительному ограниченію той или другой пищею. Житель Огненной Земли питается преимущественно раковинами, потому что онъ не находитъ ничего другого въ своей странѣ. Въслѣдствіе тѣхъ-же причинъ эскимось питается почти исключительно животной пищею, хотя онъ не пренебрегаетъ и растительной, если только находитъ ее. Въ совершенно противоположныхъ условіяхъ находятся жители странъ, богатыхъ рисомъ, такъ какъ, благодаря изобилію этого растенія, насущныя потребности удовлетворяются наименѣ обременительнымъ для нихъ образомъ; мѣстами даже это изобиліе ограничивало разведеніе другихъ питательныхъ растеній. Когда ко всему этому присоединяется еще мысль о возможномъ тождествѣ души человѣка и животнаго, то недалеко до религіознаго постановленія относительно полнаго исключенія животной пищи, если не для всѣхъ, то по крайней мѣрѣ для духовнаго сословія. Но все это не болѣе, какъ исключенія.

Точно также первоначально оба пола не могли избрать себѣ различный родъ пищи. До тѣхъ поръ, пока приходилось довольствоваться изъ животной пищи лишь той, какую можно было добыть невооруженной рукой, и женщина, и мужчина вѣроятно одинаково дѣйствовали въ этомъ направленіи. Первое раздѣленіе труда должно было зародиться только тогда, когда первоначальное орудіе—палка и камень—превратилось въ рукахъ мужчины въ оружіе, и наоборотъ, первоначальное

оружіе въ рукахъ женщины стало орудіемъ. Въ наукъ между прочимъ былъ поднятъ вопросъ о томъ, что было раньше изобрѣтено—орудіе или оружіе? Ноаре въ своей теоріи орудія высказываетъ мнѣніе о старшинствѣ послѣдняго. Но кто рѣшится раздѣлять то, что на самомъ дѣлѣ нераздѣлимо. Орудіе, съ помощью котораго выколачивались зерна изъ колоса дикаго риса, моментально превращалось въ оружіе при встрѣчѣ змѣи, а оружіе, которымъ убивалась змѣя, становилось въ ту же минуту орудіемъ, доставлявшимъ драгоцѣнную для дикаря мясную пищу. Мы оставляемъ слѣдовательно этотъ вопросъ открытымъ.

Въ окружающей природѣ не было недостатка въ мелкихъ животныхъ, которыя могли служить для первобытнаго человѣка предметомъ охоты, представлявшей такъ-же мало опасностей, какъ и собираніе плодовъ. Но подобно тому, какъ человекъ съ помощью изобрѣтенныхъ имъ орудій перешелъ отъ собиранія дикихъ растений къ воздѣлыванію ихъ, точно также онъ, благодаря охотничьимъ орудіямъ, т. е. *оружію*, и постепенно увеличивавшемуся вслѣдствіе упражненія навыку, въ обращеніи съ нимъ мало-по-малу переходилъ отъ мелкой охоты къ болѣе крупной. Вооруженный камнемъ и палкой, онъ сталъ безстрашно выступать на такихъ звѣрей, которые до сихъ поръ внушаютъ людямъ страхъ. Понятно, что женщина не могла сопровождать мужчину на такую охоту, она должна была отстать гдѣ-нибудь по дорогѣ, но не вслѣдствіе своей физической слабости, а потому, что на ней лежала обязанность нѣсколько лѣтъ кормить ребенка грудью и носить его на спинѣ. Обремененная ношей, женщина была-бы плохимъ товарищемъ мужчины во время опасной охоты. Эта дѣятельность требовала обдуманнаго совмѣстныхъ дѣйствій мужчинъ; дѣтей-же, неразлучно связанныхъ въ тѣ времена съ матерями, приходилось удалять и прятать въ безопасныхъ мѣстахъ. Вынужденная силою обстоятельствъ оставаться въ сторонѣ отъ охоты, женщина занялась безопаснымъ собираніемъ пищевыхъ веществъ. Впослѣдствіи, когда и это превратилось въ работу, которую для большей успѣшности пришлось раздѣлить между многими лицами, то совершенно естественно, что къ этой обязанности были привлечены опять-таки женщины, хотябы у нихъ и не было дѣтей. Но вмѣстѣ съ тѣмъ вполне естественно также и то, что мужчина, остававшійся дома за женской работой въ то время, какъ его товарищи окружили стадо буйволовъ, навлекалъ на себя всеобщее презрѣніе. Такимъ образомъ произошло раздѣленіе области труда обоихъ половъ, вызванное необходимою обобществленіемъ; на этомъ мы подробно остановимся ниже. Въ отношеніи добычя пища человѣку представлялись два способа, изъ которыхъ одинъ практиковался только на островахъ Тихаго океана. При ограниченности районовъ охоты на маленькихъ островахъ и скудости добываемой такимъ путемъ животной пищи, она составляетъ исключительное достояніе мужчинъ, для женщинъ она—«*tabu*», поэтому женщины и мужчины питались разной пищей и варили ее на разныхъ очагахъ. Въ совершенно противоположныхъ условіяхъ находились обитатели равнинъ Сѣверной Америки, гдѣ еще во время вторженія европейцевъ, охота бывала настолько богата, что множество дичи пропадало даромъ. Здѣсь выработался другой обычай: жена снабжала мужа въ дорогу мукой, а мужъ приносилъ женѣ съ охоты мясо.

Существуетъ большое количество животныхъ, употреблявшихся въ пищу въ древности и совершенно вышедшихъ изъ употребленія въ послѣдующія времена. По способу добыванія они занимаютъ среднее мѣсто между животной и растительной пищей. То обстоятельство, что они перестали идти въ пищу, отнюдь не служитъ оцѣнкой ихъ достоинства, какъ питательнаго вещества. И въ этой области болѣе,

чѣмъ привыкли думать, господствуетъ мода, законы которой обыкновенно не мотивируются. Такъ напр., мы не употребляемъ въ пищу насѣкомыхъ; первобытнѣе чело­вѣкъ не пренебрегаетъ этой пищей, а наоборотъ, считаетъ извѣстныхъ насѣкомыхъ, въ особенности-же ихъ личинки, за лакомство. Такъ какъ здѣсь еще нѣтъ упомянутого выше раздѣленія труда, то женщины наравнѣ съ мужчинами, а нерѣдко даже въ большей степени, чѣмъ послѣдніе, заняты разыскиваніемъ насѣкомыхъ. Силезецъ Аппунъ былъ женатъ на индѣянкѣ изъ Гвіаны; она вообще очень хорошо приспособилась къ вкусамъ своего мужа, но не могла только отказаться отъ пристрастія къ жирнымъ личинкамъ жуковъ. На ея родинѣ ихъ поджаривали, смѣшивали съ тѣстомъ и въ такомъ видѣ употребляли какъ особенное лакомство. Бѣдный силезецъ приходилъ въ ужасъ отъ этой пищи, но отъ голода ему приходилось ѣсть личинки и въ сыромъ видѣ. Наиболѣе любимой пищей индѣйца въ Гвіанѣ составляютъ жирныя безкрылыя самки *термитовъ*, употребляющіяся въ сыромъ видѣ; этотъ обычай былъ вѣроятно распространенъ повсюду, гдѣ только водились эти насѣкомыя. На островѣ Явѣ они продаются на базарахъ. Сохранившіеся остатки устарѣлыхъ обычаевъ показываютъ, что когда-то термиты имѣли въ нѣкоторыхъ мѣстахъ такое-же отношеніе къ культу, какъ въ растительномъ царствѣ абрикосовое дерево С. Доминго, бобы или лотосъ. Изъ этого можно заключить, что нѣкогда они составляли въ этихъ странахъ самое общераспространенное пищевое вещество изъ царства животныхъ. Подобно лотосу, они считаются «священными» въ нѣкоторыхъ мѣстахъ по западному берегу Африки, у нѣкоторыхъ народовъ Индіи, въ Сіамѣ и мн. др. Выше уже было упомянуто, что въ Новой Зеландіи нѣкоторые виды древесныхъ личинокъ употреблялись въ пищу.

Болѣе цѣннымъ пищевымъ веществомъ, чѣмъ термиты, является *саранча*, и притомъ она гораздо шире распространена. Это объясняется главнымъ образомъ тѣмъ, что она является по временамъ въ большомъ изобиліи, что даетъ возможность сдѣлать большіе запасы, предварительно высушивъ ее. Даже сѣверные индѣйцы, у которыхъ мясо всегда въ изобиліи, въ своей жадности къ перемѣнамъ, не пренебрегаютъ саранчей. Очень цѣнной пищей является она также въ южно-африканскихъ степяхъ, и даже голландскій колонистъ-боэръ признаетъ за ней извѣстный вкусъ. Какъ извѣстно изъ Библии, саранча употреблялась въ пищу въ Сиріи. Въ Аравіи она еще и теперь продается на рынкахъ, хотя и составляетъ пищу только бѣдняковъ; и у евреевъ также саранча была дозволенной пищей. «Но дозволено вамъ употреблять въ пищу тѣхъ изъ *летающихъ* гадовъ, которые ходятъ на четырехъ ногахъ и имѣютъ два бедра надъ ногами, чтобы прыгать по землѣ». И муравьи считаются у бушменовъ очень лакомымъ блюдомъ. Будины, вѣтвь свѣтло-бѣлой расы, жившіе во времена Геродота (IV. 109) среди прочихъ скивовъ въ Южной Россіи, питались, по его словамъ, паразитами чело­вѣческой кожи или еловыми шишками, смотря по тому, какъ понимать употребленное Геродотомъ слово, и, по словамъ Геродота, это былъ единственный ему извѣстный примѣръ такого рода. Во всякомъ случаѣ еловыя шишки менѣе удобоваримы, чѣмъ чело­вѣческіе паразиты. Если-же Геродотъ понималъ подъ этимъ словомъ тѣхъ паразитовъ, которые живутъ на чело­вѣческой кожѣ, то онъ ошибался, думая, что только будины любятъ питаться ими.

Для добыванія и приготовленія всей этой пищи не требуется ничего другого, кромѣ пальцевъ чело­вѣка. Хотя нѣкоторыя изъ названныхъ выше животныхъ, какъ напр. саранча у арабовъ и евреевъ, и искусственно приготовляются для употребленія въ пищу, но этотъ обычай не можетъ считаться ни самымъ древнимъ, ни са-

мым распространеннымъ. Находясь на этой ступени культуры, человѣку ничего не стоило рѣшиться попробовать сырое, нѣжное мясо ящерицы или змѣи, которыхъ легко убить палкой. Бушмены употребляютъ ихъ въ пищу вмѣстѣ съ лягушками, и еще у многихъ негровъ змѣи и теперь считаются лакомствомъ. Раковины и въ особенности устрицы такъ нравятся индѣйцамъ Канады, что прежде они ежегодно втеченіи нѣсколькихъ недѣль питались исключительно ими. Въ Восточной Азіи голотуріи до сихъ поръ считаются самымъ лакомымъ блюдомъ. Кромѣ того въ пищу шли крабы, саламандры и рыба. Огромное количество употребляемыхъ въ пищу сельдей, превышающее потребление всей почти рыбы, показываетъ, что мясо рыбъ можно ѣсть въ сыромъ видѣ. До изобрѣтенія новѣйшихъ способовъ консервированія селедки, единственнымъ средствомъ для сохраненія ея служило просушиваніе на воздухѣ. Но этимъ достигалось главнымъ образомъ предохраненіе припасовъ отъ порчи, а не увеличивалась удобоваримость мяса. Японцы не безъ основанія полагаютъ, что сушеное мясо составляло обыкновенную пищу ихъ предковъ. Цыгане, наворовавши рыбы изъ чужого пруда, разрываютъ ее по длинѣ пополамъ, раскладываютъ на разостланныхъ звѣриныхъ шкурахъ и просушиваютъ; этимъ ограничивается все ихъ приготовленіе.

Совершенно такимъ-же образомъ нѣкогда готовили мясо большихъ млекопитающихъ, которыхъ постепенно научались побѣждать то хитростью, то въ борьбѣ. *Сagne secca*, проявленное такимъ способомъ мясо, еще въ настоящее время составляетъ обычную, хотя и далеко не вкусную пищу крупныхъ скотовладельцевъ въ Южной Америкѣ. Съ этимъ способомъ приготовленія мяса мы уже мимоходомъ познакомились у тубовъ въ Африкѣ. Они разрѣзаютъ мясо верблюда на длинныя, узкія полоски и высушиваютъ ихъ на раскаленныхъ солнцемъ скалахъ. Приготовленную такимъ образомъ провизию очень удобно сохранять и брать съ собой въ дорогу, но очень трудно разжевывать. Поэтому женщина, для того, чтобы сдѣлать съдобнымъ это мясо, напоминающее собой скорѣе кожаные ремни, предварительно обрабатываетъ его камнемъ и получаетъ нѣчто вродѣ мясной каши, которая и употребляется въ пищу въ сыромъ видѣ. Въ разказахъ о народахъ, которые согрѣвали и разминали мясо подъ сѣдломъ во время верховой ѣзды, мы должны видѣть именно этотъ способъ приготовленія пищи. Одинъ римлянинъ, жившій въ III столѣтіи, передаетъ, что германцы разминали мясо руками и ногами и вслѣдъ затѣмъ ѣли его. Вѣроятно и здѣсь идетъ рѣчь о вяленномъ мясѣ.

И въ этомъ случаѣ мы опять-таки видимъ, что большинство вспомогательныхъ средствъ, предоставленныхъ человѣку природой для облегченія его жизни, составляли принадлежность жаркаго климата.

Въ нашихъ широтахъ солнце грѣетъ слишкомъ мало для того, чтобы можно было этимъ путемъ предохранить отъ порчи большія количества мяса, добываемаго въ то время года, когда охота особенно обильна (сѣверные индѣйцы охотятся на оленей съ сентября до января и на медвѣдей—съ января до мая). Въ сухомъ и жаркомъ климатѣ мясо быстро высыхаетъ на воздухѣ подъ влияніемъ жгучихъ лучей солнца, у насъ оно не успѣетъ высохнуть и подвергнется гніенію. Въ сѣверныхъ широтахъ этимъ способомъ можно предохранить отъ порчи только рыбу; для мяса-же пришлось прибѣгнуть къ искусственнымъ средствамъ, замѣняющимъ солнечное тепло.

Однако ошибочно было-бы предполагать, что человѣкъ началъ употреблять въ пищу мясо высшихъ животныхъ только послѣ того, какъ онъ научился готовить его. Онъ тогда никогда-бы и не дошелъ до этого искусства. Говорятъ, правда, что въ настоящее время уже нѣтъ народовъ, употребляющихъ сырую пищу, что

даже самыя дикія племена такъ или иначе готовятъ себѣ пищу. Однако такія общія положенія при провѣркѣ оказываются не совсѣмъ вѣрными. Папы долго не могли успокоиться, не есть-ли употребляемое нѣмцами копченое мясо—сырое и слѣдовательно недозволенное Библій. Да и теперь еще мы говоримъ о «сырой» ветчинѣ, къ которой нѣкоторые чувствуютъ даже пристрастие. Но и свѣжее мясо нерѣдко употребляется въ пищу въ сыромъ или полусыромъ видѣ. У полудикихъ народовъ мясо, при многихъ способахъ приготовленія, остается полусырымъ. Многія племена, слѣдую древнему обычаю, ѣдятъ извѣстныя части животнаго, напр. сердце, печень, почки,—въ сыромъ видѣ.

Множество обычаевъ, ведущихъ свое начало изъ глубокой древности и сохранившихся подъ охраной культа, не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что первоначально именно теплота, присущая организму животнаго и человѣка, заставляла дикаря, принужденнаго наполнять постоянно свой желудокъ холодной, прѣсной растительной пищей, жажда крови. Въ древности выраженіе «жажда крови» отнюдь не было риторической фигурой. Мы не будемъ говорить здѣсь о томъ значеніи, которое имѣло въ исторіи культа употребленіе крови, которое, въ соединеніи со взглядами древнихъ на мѣстонахожденіе души и жизни, повело къ людоедству. Но уже одно то, что древнія формы жертвоприношеній, сообразно духу времени, имѣли своей высшей цѣлью принесеніе въ даръ теплой крови, достаточно характеризуетъ собою тѣ давно прошедшія времена. Кто-бы ни приносился въ жертву—животное или человѣкъ—это было все равно; дикарь былъ равно безпощаденъ къ врагу, взятому въ плѣнъ, и къ животному, пойманному на охотѣ. Повидимому въ данномъ случаѣ присущая человѣку большая страстность стремленій заглушила инстинктъ, свойственный отдѣльнымъ видамъ животныхъ. Путешественники, посѣтившіе въ прошломъ столѣтіи Новую Зеландію, ознакомившіе съ взаимными отношеніями туземныхъ племенъ, были увѣрены въ томъ, что въ далекомъ будущемъ имъ предстоитъ быть съѣденными другъ другомъ. Имѣя въ своемъ распоряженіи лишь самыя скудныя пищевыя средства, каждый для удовлетворенія своего голода убивалъ кого-нибудь изъ сосѣдняго племени и съѣдалъ его. Такъ называемыя войны ацтековъ представляли собою тоже не что иное, какъ охоту на людей. Дань, которая взималась съ побѣжденныхъ, состояла въ доставленіи человѣческаго мяса. Впослѣдствіи идея культа придавала всему этому иное направленіе и упорно удерживала эту дикость при всякой попыткѣ человѣческаго духа отрѣшиться отъ нея. Когда-же человѣку наконецъ удалось стать выше этого, религія явилась съ своимъ требованіемъ «искупленія»; въ этомъ переживаніи культа проглядываетъ древній обычай. Почти всѣ древніе народы придерживались употребленія крови; у евреевъ, которымъ законъ запрещалъ употребленіе не только человѣческой, но и животной крови, она именно и составляла предметъ искупленія.

Повидимому у человѣка, питающагося сырой пищей, стремленіе къ крови, мозгу и почечному жиру составляетъ естественную потребность его организма. На западномъ берегу Африки жрецы, вслѣдствіе многихъ обѣтовъ воздержанія, ограничиваются чисто растительной пищей; вслѣдствіе этого обычай еще до сихъ поръ разрѣшаетъ имъ употребленіе свѣжей крови. Въ Полинезій еще 100 лѣтъ тому назадъ былъ въ силѣ древній обычай, по которому побѣдитель пилъ теплую кровь убитаго врага. Когда къ жадности первобытнаго человѣка присоединились извѣстныя возрѣнія культа, онъ сталъ съѣдать преимущественно «сердце и глаза»—мѣстонахожденіе души,—и конечно въ сыромъ видѣ. «Когда скиноѣ убиваетъ перваго непріятеля, онъ пьетъ его кровь», точно также поступали на противополож-

номъ концѣ земного шара ботокуды, считая свѣжую кровь самымъ лучшимъ лакомствомъ. Древнія Скандинавскія сказанія отличаются въ этомъ отношеніи большею откровенностью. Одному изъ героевъ «Эдды» дѣлается упрекъ въ томъ, что онъ съѣлъ съ медомъ «крававыя сердца» своихъ собственныхъ дѣтей, и «они принесли Гуннару на блюдѣ кровавое сердце изъ груди Гіаллиса». Рагинъ вырѣзалъ мечомъ сердце изъ груди убитаго Фафнира и «сталъ пить кровь изъ раны», но вслѣдъ затѣмъ Зигурдъ пьетъ его собственную кровь. По мнѣнію древнихъ, отъ смѣси крови съ медомъ получается здоровый напитокъ. Въ повѣрья о демонахъ переносятся черты древняго человѣка, хотя и въ искаженномъ, преувеличенномъ видѣ. Герои пьютъ кровь людей и животныхъ, но и дьяволъ Грендель въ сагѣ о Беовульфѣ высасываетъ кровь изъ жилъ. Кровь приносилась въ жертву Богу Израила, «тѣнямъ» грековъ; кровь проливалась передъ алтарями римлянъ и сѣверныхъ германцевъ.

Не менѣе лакомую пищу составлялъ для людей и боговъ почечный жиръ. Гомеръ говоритъ, что даже животные, питающіяся падалью, отдають ему особенное предпочтеніе; «они жадно ѣдятъ жиръ, облекающій почки» («Иліада». XXI. 204). Если мы вспомнимъ, какъ охотно мы приправляемъ наше блюдо изъ растительныхъ веществъ животнымъ жиромъ, то поймемъ тѣ ощущенія, которыми руководился первобытный человѣкъ, не умѣвшій еще приготавливать масла.

Орудія и оружіе изъ камня.

Чѣмъ болѣе человѣкъ въ добываніи мясной пищи удалялся отъ скромнаго собиранія мелкихъ животныхъ, тѣмъ настоятельнѣе для него становилась необходимость обзавестись искусственнымъ вооруженіемъ. Опять-таки трудно рѣшить, предшествовало-ли усовершенствованіе оружія въ тѣсномъ смыслѣ улучшенію орудій, или наоборотъ. Завлекши какое-нибудь крупное животное, вродѣ нашего волка, въ условія неблагоприятныя для его защиты, можно было убить его ударами камня или дубины. Попытки, дѣлаемыя въ этомъ направленіи, привели человѣка къ выкапыванію ямъ для ловли дикихъ звѣрей. Онѣ представляютъ собою прототипъ западни позднѣйшихъ временъ, точно такъ-же, какъ тѣ земляныя ямы, въ которыхъ проказы прятали свои маисовыя зерна—прототипъ позднѣйшихъ приспособленій для храненія запасовъ.

Когда убитаго крупнаго звѣря приходилось дѣлать на части, то простой камень оказывался недостаточнымъ для этой цѣли. Со змѣи или ящерицы еще можно было содрать кожу съ помощью зубовъ и ногтей—эту кожу вмѣстѣ съ тѣмъ можно было употребить для сумки, мѣшка для храненія зеренъ—но когда приходилось имѣть дѣло съ болѣе плотной шкурой, то ногти такъ-же мало приносили пользы, какъ кулакъ, пущенный въ ходъ противъ крупнаго звѣря. Но человѣкъ уже успѣлъ вступить на путь, ведущій къ разрѣшенію подобной задачи; на этомъ пути онъ находилъ камень настолько же *острый*, какъ ноготь. Этотъ камень послужилъ исходной точкой цѣлага ряда орудій и оружія. Въ природѣ можно было найти не мало подходящихъ для этой цѣли предметовъ: раковины, рыбы зубы, обломки ко-

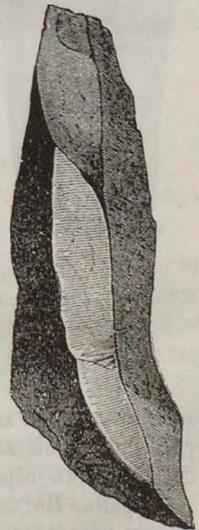

Рис. 2.—Каменный ножъ.

стей, острые камни. Изъ разнообразныхъ породъ камня особенно одна принесла чело­вѣку неоцѣнимую пользу. Это—*кремънь*, значительно распространенный въ при­родѣ и очень легко отдѣляющійся отъ окружающихъ его массъ песку и мѣла. Не­смотря на свою необыкновенную твердость, занимающую среднее мѣсто между стекломъ и ро­гомъ, онъ очень легко расщепляется на длинныя, плоскія пластинки, края которыхъ представляютъ рѣжущую поверхность, острую, какъ стекло. Тупой же край не трудно превратить въ острый, отбивая маленькіе кусочки, которые легко отдѣляются, давая раковидный изломъ. И въ этомъ случаѣ, природа въроятно послужила руководительницей чело­вѣку, какъ только онъ направилъ свое вниманіе

въ эту сторону. Внезап­ныя измѣненія темпера­туры легко могли произ­вести въ кремнѣ, находив­шемся на поверхности зем­ли, подобное расщепленіе на пластинки, которыми можно было воспользо­ваться въ качествѣ ин­струментовъ, замѣняю­щихъ собой зубы и ногти.

Назовемъ такой острый кусокъ камня первобыт­нымъ *клинкомъ*. Этотъ клинокъ долженъ считаться родоначальникомъ всѣхъ послѣдующихъ инструментовъ, снабжен­ныхъ рѣжущими поверх­ностями. Примѣненіе та­кого орудія чрезвычайно разнообразно: имъ можно надрѣзать по длинѣ шкуру животнаго, скоблить со­дранную съ звѣря шкуру, острымъ концомъ его мож­но сдѣлать дыру, при по­мощи сверлящихъ движе­ній можно продыривить

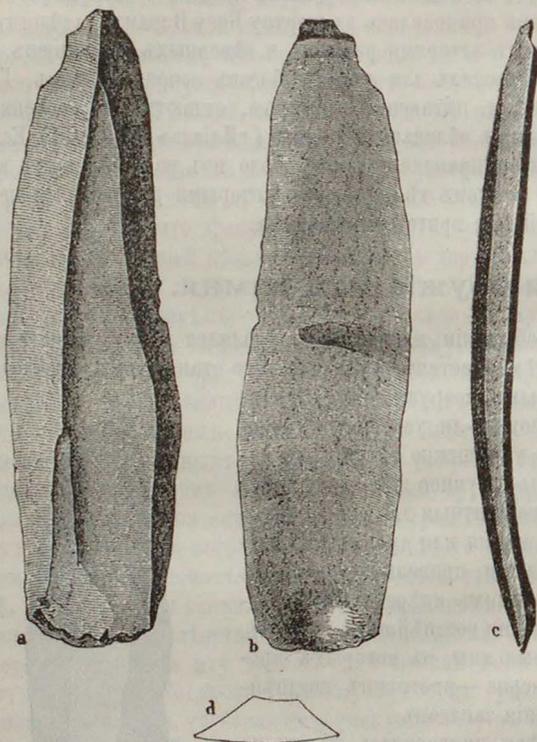

Рис. 3. *a, b, c и d.*— Каменные ножи.

даже кость. Для каждой изъ этихъ работъ выбирался такой клинокъ, который, по устройству той или другой своей части, всего болѣе подходилъ-бы къ данной цѣли; такимъ образомъ произошли каменные клинки: ножъ, скобель, долото, ши­ло, буравъ. Подходящій выборъ и способъ примѣненія превратили ихъ въ свою очередь въсплѣдствіи въ хирургическіе инструменты. Древніе мексиканцы брили себѣ бороду клинками изъ обсидіана (вулканическаго стекла); прокаезы употребляли заостренный кремънь для кровопусканій; у евреевъ извѣстный религиозный обрядъ исполнялся при помощи каменнаго ножа.

Когда каменный клинокъ, подобно простому камню, стали соединять съ палкой, то изъ этого соединенія получились новыя орудія. Насадивъ его на конецъ палки, по-

лучали копье или дротикъ. Древніе мексиканцы придали палкѣ сплошную рѣзкую поверхность, прикрѣпляя къ ней по всей ея длинѣ куски острыхъ камней; такимъ образомъ получился каменный мечъ, которымъ въ Мексикѣ пользовались еще въ XVI столѣтіи. Молотъ превратился въ каменный топоръ, когда прежде тушой камень былъ заостроенъ. Если прикрѣпить лезвіе поперекъ топорика, то получается тесло, которое служитъ или мотыкой, или для обработки дерева.

Человѣкъ, уже разъ направивши свое вниманіе на изготовленіе полезныхъ орудій, при своей наблюдательности легко могъ додуматься до новыхъ и лучшихъ методовъ. Такъ напр., при раскопкахъ находятъ не только простыя каменныя орудія, но и *шлифованныя* (рис. 4 и 5). Не трудно было также человѣку сдѣлать наблюдение, что продолжительнымъ треніемъ одного камня объ другой можно придать ему гораздо болѣе совершенную рѣзкую поверхность. Древніе не рѣдко достигали въ этомъ отношеніи поразительнаго совершенства. Читатель можетъ составить себѣ нѣкоторое представленіе объ этомъ по приведеннымъ рисункамъ каменныхъ топоровъ, найденныхъ Шлиманомъ во время раскопокъ у Трои.

Археологи, основываясь на чрезвычайно характерномъ признакѣ шлифовки, дѣляютъ всѣ каменныя орудія, согласно классификаціи, предложенной Леббоккомъ, на «палеолитическія» (древняго періода каменнаго вѣка) и «неолитическія» (новаго періода каменнаго вѣка). Этими названіями конечно опредѣляется послѣдовательность способовъ обработки; но не слѣдуетъ думать, что повсемѣстно за «старымъ» періодомъ каменнаго вѣка слѣдовалъ «новый», или что такое разграниченіе могло отдѣлять когда либо ступени развитія *всего* человѣчества. Даже весь такъ называемый «каменный вѣкъ» не можетъ быть разсматриваемъ въ этомъ смыслѣ какъ такой періодъ, потому что въ то время, какъ у однихъ племенъ этотъ періодъ продолжается по настоящій день, у другихъ—онъ закончился уже тысячелѣтія тому назадъ.

Зато мы можемъ предположить съ большой вѣроятностью, что съ самаго начала существовала связь между приготовленіемъ въ пищу растений и обработкой камня. Ничто не могло навести человѣка такъ легко на мысль *отшлифовать* камни, какъ процессы растиранія зеренъ между двумя камнями. Онъ не могъ не замѣтить, что, благодаря тренію, одинъ изъ камней пріобрѣтаетъ все болѣе гладкую поверхность, между тѣмъ какъ въ другомъ постепенно образовывается углубленіе. Оставалось только приступить къ этому извѣстнымъ образомъ, и изобрѣтеніе было сдѣлано. Тамъ-же, гдѣ, за недостаткомъ подходящихъ камней, раздробленіе зеренъ производилось съ помощью пестика и деревянной ступки, тамъ шлифованныя каменныя орудія должны были появиться другими, окольными путями.

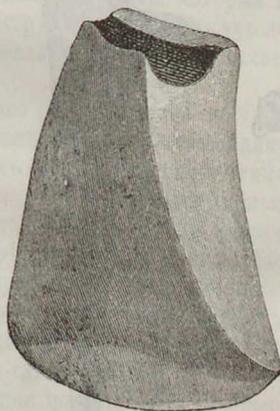

Рис. 4.—Обломокъ каменнаго обточенного топора.

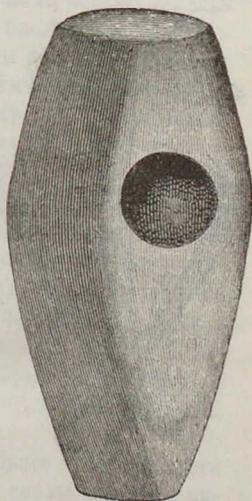

Рис. 5.—Каменный топоръ, обточенный.

Обтесывание и шлифование камня было для первобытного человека гораздо легче, чѣм придѣлывание къ нему рукоятки. На это указываютъ разнообразныя попытки, предпринятыя имъ въ этомъ направленіи (рис. 6). Бразилійскіе индѣйцы до настоящаго времени *привязываютъ* камень къ вѣткѣ, изогнутой на подобіе петли. Нѣсколько удобнѣе оказывается слѣдующій методъ. Для рукоятки выбирается палка, верхній конецъ которой представляетъ утолщеніе, затѣмъ берутъ каменный трехугольникъ, основаніе котораго отточено, а вершина представляетъ остріе, которое *вколачиваютъ* въ утолщеніе палки. Нѣкоторые изъ индѣйцевъ видоизмѣнили этотъ методъ въ томъ отношеніи, что они пользуются растущимъ деревомъ для придѣлыванія рукоятки. Они дѣлали въ деревѣ трещину и просовывали въ нее неровный, бугристый конецъ камня. Черезъ нѣкоторое время трещина эта заростала, и камень такимъ образомъ неподвижно укрѣплялся

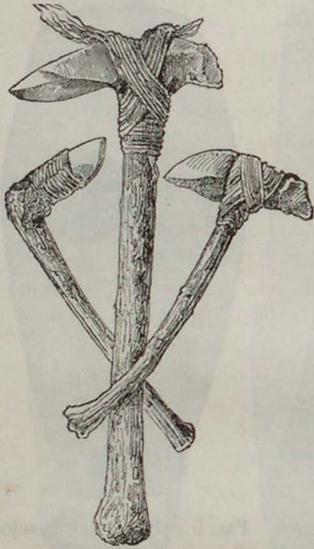

Рис. 6.—Каменные топоры.

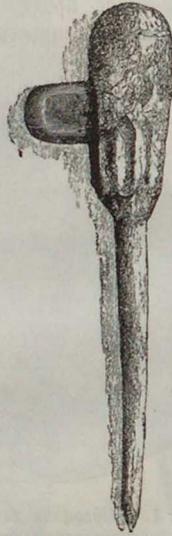

Рис. 7.—Каменный топоръ ботокудовъ.

въ деревѣ, оставшая только вырѣзать изъ ствола готовое орудіе (рис. 7). Этотъ способъ требуетъ меньшаго напряженія силъ и выдержки, зато онъ и предполагаетъ извѣстную дальновидность и предусмотрительность, вообще мало свойственную этимъ племенамъ; но надо думать, что признанная ими важность оружія натолкнула ихъ на это изобрѣтеніе. Послѣдній и самый лучшій способъ требуетъ за то большой настойчивости; онъ состоитъ въ томъ, что человекъ старается приспособить не рукоятку къ камню, а камень къ рукояткѣ. Съ этой цѣлью въ камень *пробуравливается* отверстие, въ которое вставляется рукоятка. Этотъ способъ сохранился и до настоящаго времени.

Только сознавши всю важность и необходимость подобнаго рода оружія, человекъ могъ обратиться къ пробуриванію камня, требующему значительнаго и продолжительнаго напряженія силъ. Какъ мы видѣли, на мысль пробуриванія человекъ попалъ во время размалыванія зеренъ, и возможности привести ее въ исполненіе онъ достигъ послѣ произведенія многихъ, часто повторявшихся опытовъ примѣненія для этой цѣли брусковъ изъ твердаго и остраго матеріала. А если даже употребляемая, какъ буравъ, напр. трубчатая кость въ то-же время и притупляется, то все-таки отъ сверленія ею остаются слѣды на камнѣ.

Въ наше время дѣлались опыты надъ дѣйствіемъ древнихъ топоровъ, и оказалось, что ими можно разрушить бревна умѣренной толщины. Но сѣверные индѣйцы, хотя и были въ древности вооружены продолговатыми треугольными ножами изъ кремня и каменными сѣкирами, никогда не пользовались этими орудіями для того, чтобы срубить дерево или наколоть дровъ; они употребляли ихъ только для убива-

нія, а также для сдиранія коры съ деревьевъ. Древніе германцы тоже преимущественно пользовались топорами, какъ оружіемъ; датчане-же еще въ XIII столѣтіи употребляли сѣкиры; въ позднѣйшемъ своемъ видѣ онѣ удержались еще дольше. Каменный топоръ не многимъ отличается отъ молотка, и одно и то-же орудіе можетъ исполнять это двойное назначеніе. На сѣверѣ за молотомъ долгое время сохранялось значеніе національнаго оружія; въ древнегерманскихъ поговоркахъ онъ играетъ роль самаго общепотребительнаго и распространеннаго домашняго орудія. Безъ сомнѣнія, рѣчь шла о *каменномъ* топорѣ, потому что древнее скандинавское названіе молота «*hamar*» обозначаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и скалу. Полинезійцы показали намъ, какую пользу можно извлечь изъ такого каменнаго орудія, если только примѣнять его настоящимъ образомъ. Они умѣли дѣлать доски и лодки, длиною въ 80 футовъ, пользуясь единственно своими каменными орудіями. Зеленые стволы подвергались у нихъ такому быстрому высушиванію, что въ нихъ образовывались продольныя трещины. Затѣмъ они расширяли эти трещины, вколачивая въ нихъ посредствомъ камней клинья все большей и большей величины до тѣхъ поръ, пока весь стволъ не раздѣлялся на отдѣльныя части, которыя затѣмъ обтесывались каменными сѣкирами и гладко обстругались. Изъ такихъ досокъ они дѣлали лодки. Для соединенія досокъ они пользовались кокосовыми волокнами, а для законопачиванія—смолой.

До какой степени часто трудно было отдѣлать *мечъ* отъ палки, показываетъ путаница, существующая въ названіяхъ. Путешественникъ Филиппъ, открывшій первыхъ австралійцевъ, нашелъ ихъ вооруженными «мечами», но «мечи были деревянные съ узкой рукояткою, и они внушали повидимому меньше страха, чѣмъ хорошая палка». Индѣйцы въ Виргиніи также употребляли «деревянные мечи», а жители Новой Калифорніи и Мексики прикрѣпляли къ клинку заостренные камни. Точно также нѣкоторыя племена Микронезіи нисколько не въ подражаніе другимъ, а совершенно самостоятельно, устроили свои мечи, причемъ, вмѣсто камней, они, какъ и въ остальномъ оружіи, употребляли зубы акулы.

Такой рѣжущій инструментъ, сдѣланный изъ кремня, рыбаго зуба или кости и прикрѣпленный къ кончику палки посредствомъ веревочки, смолы или чего нибудь другаго, почти повсемѣстно исполнялъ назначеніе *копья*, служившаго для удара или метанія. Инымъ путемъ и далеко не вездѣ былъ избрѣтенъ *лукъ*, второстепенное оружіе, служившее для метанія копья. Легкое копье, спущенное съ тетивы лука, превратилось въ *стрѣлу*. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ камни встрѣчались въ большомъ количествѣ, ихъ, вѣроятно уже очень рано, начали употреблять не только какъ ударное оружіе, но и какъ метательное оружіе. При бросаніи камня, сила его полета и удара зависитъ отъ величины радіуса размаха, т. е. отъ длины руки. То-же значеніе, какое для молота имѣетъ рукоятка, для метательнаго камня имѣетъ праща. Самый простой видъ пращи это кожаный ремень, оба конца котораго удерживаются въ рукѣ, между тѣмъ какъ въ сгибъ его помѣщается камень. Праща начинаетъ описывать круговое движеніе до той точки, откуда камень долженъ полетѣть по касательной; въ этотъ моментъ освобождается одинъ изъ концовъ ремня, зажатыхъ въ рукѣ, и камень летитъ по намѣченному направленію. Такимъ путемъ удается не только попадать въ животныхъ на разстояніи, но и сбивать съ деревьевъ кокосовыя орѣхи. Но всѣ эти второстепенныя орудія не получили такого всеобщаго распространенія, какъ первоначальные главные инструменты. Праща была неизвѣстна среди сѣверныхъ индѣйцевъ, а на островахъ Тихаго океана она была очень распространена. Въ Африкѣ она встрѣчается

рѣдко; арабы и евреи употребляли ее, но особеннымъ распространеніемъ она пользовалась въ Андахъ, въ Южной Америкѣ.

На крайнемъ югѣ у патагонцевъ праща встрѣчается въ измѣненномъ, усо-

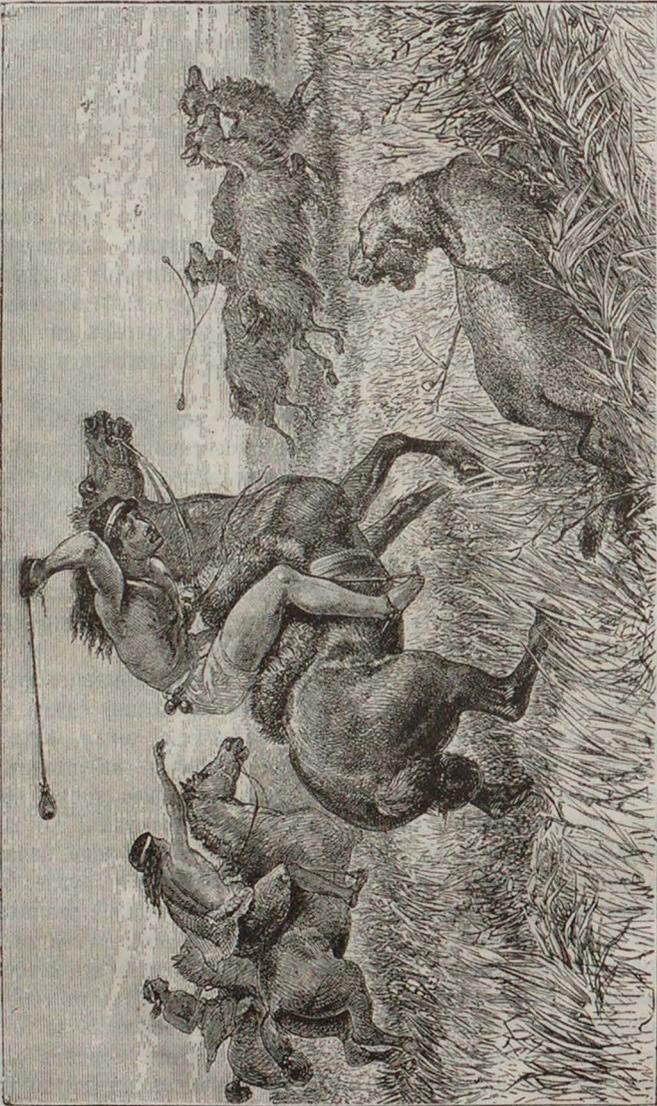

Рис. 8. — Тегуэльфе убиваетъ пуму боласомъ. Слѣва Тегуэльфе бросаетъ боласъ на шею убѣгающему гуанано.

вершенствованномъ видѣ. Они привязывали къ метательному камню крѣпкую нитку, служившую соединеніемъ между охотникомъ и добычей и не дававшую возможности скрыться раненому, но не убитому звѣрю. Какъ человекъ дошелъ до этого, мы

увидимъ ниже, а пока можемъ сказать, что патагонцы вѣроятно заимствовали этотъ способъ у культурныхъ народовъ, жившихъ въ Андахъ. У египтянъ также существовало это приспособленіе, унаследованное ими отъ населенія ихъ древней

Рис. 9.—Чиліецъ, готовящійся накинуть петлю.

родины. Патагонцы бросали въ звѣрей «боласы» (рис. 8), тяжелые шары, прикрѣпленные къ концу веревки, которая обвивалась вокругъ пораженнаго члена. На одномъ изъ египетскихъ изображеній представленъ фараонъ, набрасывающій такую-же веревку съ шарами быку на ноги. Многіе изъ народовъ Южной

Америку, перенявшие скотоводство у европейцев, как напр. арауканцы, замѣнили тяжесть шаровъ тяжестью самой петли и веревки, а про сѣверныхъ сарматовъ рассказываетъ Павзаній, что они, вооруженные подобной петлей, нападали на враговъ и брали ихъ въ плѣнъ. Этотъ народъ находился въ то время еще въ «каменномъ вѣкѣ» и питался преимущественно кониной. Съ этой ступени незначительнаго повидимому развитія открывается широкій кругозоръ ближайшаго будущаго. Андскіе народы, у которыхъ мы встрѣчаемъ это орудіе для ловли звѣрей (рис. 9), совершенно неизвѣстное въ Сѣверной Америкѣ и на берегахъ Тихаго океана, были единственные изъ всѣхъ этихъ племенъ, которыя сумѣли настолько приблизиться къ одному изъ туземныхъ полезныхъ животныхъ—ламбѣ,—что это можно было назвать зачатками скотоводства. А на другомъ полушаріи египтяне являются самыми древними представителями скотоводства; сарматы-же представляютъ собой прототипъ сѣвернаго кочевого народа. Не будетъ-ли слишкомъ смѣло предположить, что то, что заставило одну часть человѣчества обратиться къ кочевничеству и скотоводству, другую не сдѣлать этого шага, находилось въ связи со способомъ ловли, дававшимъ возможность въ любое время и безъ всякаго вреда для жертвы подчинить повидимому свободное животное власти человѣка? И все это, быть можетъ,

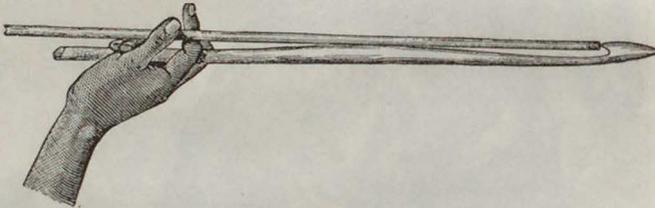

Рис. 10.—Австраійскій копьеметатель.

въ концѣ концовъ зависѣло съ одной стороны отъ существованія растенія, подходящаго для витья веревокъ. Для метанія копья съ самаго начала въ разныхъ мѣстахъ были сдѣланы различныя изобрѣтенія. Совершенно ошибочно мнѣніе Пешеля, что способы, не пользующіеся общимъ распространеніемъ, только вышли изъ употребленія въ отдѣльныхъ странахъ. Одно изъ такихъ приспособленій представляетъ собой не что иное, какъ пращу, приспособленную къ палкѣ, служащей для метанія. Образцомъ этого можетъ быть распространенный въ Австраліи «копьеметатель» (рис. 10). Онъ состоитъ изъ тоненькой дощечки или палочки, заканчивающейся выступающимъ крючкомъ. На эту дощечку кладутъ копьѣ такимъ образомъ, чтобы конецъ рукоятки упирался въ выступъ. Держа то и другое въ горизонтальномъ положеніи, бросаютъ копьѣ, тогда палка съ выступомъ слѣдуетъ сперва за нимъ, описывая полукругъ, а затѣмъ падаетъ по направленію руки. Такимъ образомъ въ точкѣ сопротивленія здѣсь проявляется та-же сила, что и въ пращѣ.

Копьеметатель пользуется меньшимъ распространеніемъ, чѣмъ лукъ, относящійся къ совершенно иному типу оружія. Это не есть подражаніе одному изъ органовъ человѣческаго тѣла; исходной точкой для устройства лука послужилъ образецъ, находящійся въ природѣ совершенно независимо отъ человѣка. Мы не можемъ не видѣть въ этомъ успѣхъ человѣческой способности къ мышленію. Будучи разсматриваемъ съ такой точки зрѣнія, лукъ, какъ первое орудіе этого рода, долженъ занять то мѣсто, которое принадлежитъ новѣйшимъ машинамъ, построеннымъ един-

ственно въ расчетъ на дѣйствіе механической силы, безъ всякаго подражанія человѣческимъ органамъ. Отсюда становится понятнымъ, почему мы не у всѣхъ племенъ находимъ лукъ, между тѣмъ какъ всѣ они до его изобрѣтенія шли почти по одному и тому-же пути. Весьма сомнительно, чтобы гдѣ-нибудь населеніе вывело изъ употребленія разъ уже извѣстные имъ приемы, не додумавшись до лучшихъ; зато существуютъ ясныя слѣды, указывающіе, что, наоборотъ, лукъ, какъ болѣе совершенное орудіе, вытѣснилъ пращу и копьѣметатель. Остатки послѣдняго орудія, правда, почти уже вышедшаго изъ употребленія, можно было встрѣтить еще у древнихъ мексиканцевъ, вооруженныхъ уже лукомъ; а ремень въ соединеніи съ копьемъ (pilum) римскихъ солдатъ также можетъ быть разсматриваемъ, какъ такое орудіе. Весьма вѣроятно, что поводомъ къ изобрѣтенію лука послужила замѣченная человѣкомъ во время его поисковъ за растительной пищей упругость вѣтвей деревьевъ. На островахъ Тихаго океана, въ Австраліи, Новой Зеландіи и Полинезіи лукъ неизвѣстенъ. Мы встрѣчаемъ его лишь въ Новой Гвинее, откуда онъ вѣроятно и распространился на острова Фиджи и въ Новой Каледоніи. На Антильскихъ островахъ у индѣйцевъ, преимущественно знавшихъ только растительную культуру, лукъ былъ неизвѣстенъ; онъ былъ перенесенъ туда только карибами. За то онъ издавна существовалъ на материкѣ Америки, въ Азіи, Европѣ и Африкѣ. Издѣсь онъ употреблялся больше или меньше, смотря по образу жизни. Чѣмъ больше народъ переходилъ къ скотоводству, тѣмъ болѣе лукъ превращался въ военное орудіе. Средневѣковый «самострѣлъ» представляетъ собою не что иное, какъ лукъ, устроенный такъ удобно, что его можно держать натянутымъ и готовымъ къ выстрѣлу, не обременяя нисколько руки.

Уже издавна старались усовершенствовать полетъ стрѣлы, насаживая на нее перья; можетъ быть такая стрѣла навела на мысль сдувать ее. Въ такомъ случаѣ кисть руки, сложенная въ полный кулакъ, послужила прототипомъ первой духовой трубки. Грудная кляпка, наполненная воздухомъ, въ соединеніи съ трубкой, представляющей ко рту, образуютъ первое «духовое ружье». Крупныя травы съ полыми стеблями содѣйствуютъ распространенію этого оружія, которое у насъ служитъ теперь только игрушкой, но которое имѣетъ еще большое значеніе для многихъ племенъ обитателей острововъ. Оно имѣетъ два главныхъ района распространенія: Юго-восточную Азію съ островами, включая сюда Новую Гвинею, и лѣсистыя тро-

Рис. 11.—Римскій солдатъ съ копьемъ.

пическія страны Южной Америки. Оно мало пригодно для охоты на крупную дичь, но весьма полезно при охотѣ на птицъ и мелкихъ животныхъ. Лукъ и духовая трубка не исключаютъ другъ друга. Такъ, арекуны въ Гвіанѣ, кромѣ лука, вооружены духовыми трубками, въ 16 футовъ длиною, изъ которыхъ они пускаютъ шестидюймовыя стрѣлы.

Огонь и его ближайшее примѣненіе.

Въ нашемъ распоряженіи нѣтъ ни одного факта, никакихъ данныхъ, по которымъ мы могли бы узнать, какъ долго первобытный человѣкъ поддерживалъ свое существованіе, обходясь безъ помощи огня. Онъ могъ однако жить безъ огня; все, что мы разсмотрѣли до сихъ поръ, онъ могъ создать безъ огня. Правда, ко времени нашихъ открытій новыхъ земель и народовъ уже почти не существовало остатковъ населенія, обходившагося безъ огня, или-же они встрѣчались настолькоъ рѣдко, что существованіе такихъ людей совсѣмъ отрицалось, но это, надо думать, не совсѣмъ справедливо. Такъ напр., Тиль (въ «Американскомъ натуралистѣ» 1884 г. стр. 229) утверждаетъ, что жители Фануа-Лоа не знали еще употребленія огня, когда 29-го января 1841 года на берегъ къ нимъ высадилась Тихоокеанская экспедиція Сѣверо-Американскихъ Штатовъ («Wilkes narrative» vol. II s. 10).

Тиль, участвовавшій въ этой экспедиціи, описывая туземцевъ, говоритъ, что они красивы, хорошо сложены, отличаются добродушнымъ, веселымъ характеромъ, большіе охотники до мѣновой торговли. Нигдѣ нельзя было найти у нихъ слѣдовъ очага, углей, золы; они ѣли все въ сыромъ видѣ. Искры при высѣканіи огня и дымъ отъ сигары приводили ихъ въ большой трепетъ, чѣмъ громъ пушечной пальбы.

Собственно говоря, они не вступили еще даже «въ каменный періодъ», что впрочемъ объясняется очень просто. Такъ какъ ихъ островъ состоитъ изъ коралловъ, то на немъ и нѣтъ никакихъ камней, не говоря уже о металлахъ; единственное, что можно тамъ встрѣтить, это обломки коралловъ. Самыми острыми орудіями у нихъ служили акулыя зубы и раковины; зато ихъ дома и лодки были очень хорошо построены; ихъ домашняя утварь и рыболовныя принадлежности отличались большимъ изяществомъ.

Правда, что во многихъ отношеніяхъ Полинезія и Австралія являются совершенно особымъ міромъ, въ большей своей части позднѣйшаго происхожденія, представляя коралловую почву, свободную отъ хищныхъ звѣрей—этого опаснаго бѣдствія для людей.

Пользуясь перечисленными выше орудіями, человѣкъ вступилъ повсемѣстно въ борьбу со звѣрями. Въ этой борьбѣ вспомогательными средствами ему служили смертельные растительные и змѣиные яды, которыми онъ напивывалъ остріе стрѣлы, пущенной въ звѣря. Низкорослый, тщедушный бушменъ не боится даже льва. Ни одно животное не можетъ сравниться съ нимъ въ умѣннѣ выслѣдить и преслѣдовать звѣря, но «ночь не можетъ быть другомъ ни одного человѣка», ночь, которую такъ любятъ хищные звѣри.

Пешель совершенно вѣрно замѣчаетъ, что человѣкъ навѣрно не могъ заимствовать въ первый разъ огонь свой отъ огня, зажженнаго молніей, потому что для этого онъ долженъ былъ успѣть ознакомиться съ его благотѣльными сторонами. Но такого рода опытъ пріобрѣтается чрезвычайно медленно. Это видно уже изъ того, что полинезійцы уже сто лѣтъ тому назадъ, несмотря на долгое употребленіе ими огня, еще не знали, что дѣлается съ водой отъ дѣйствія огня. Зато человѣкъ

очень скоро долженъ былъ сдѣлать наблюдение, что огонь внушаетъ сильный страхъ дикому звѣрю. Въ этомъ отношеніи островитяне, про которыхъ разсказываетъ Тиль, не далеко ушли отъ звѣрей. Поэтому весьма вѣроятно, что первое цѣлесообразное примѣненіе огня было сдѣлано человѣкомъ съ цѣлью защитить себя отъ дикихъ звѣрей.

Общераспространенный и сохранившійся до позднѣйшаго времени обычай поддерживать постоянный огонь и брать его съ собой всегда въ дорогу объясняется, быть можетъ, столько-же затруднительными первоначальными способами добыванія огня, какъ и желаніемъ обезопасить себя отъ нападенія хищныхъ звѣрей.

Изъ всѣхъ способовъ добыванія огня самымъ древнимъ считается добываніе посредствомъ *буравленія* (рис. 12 и 13). Всего вѣроятнѣе, что человѣкъ не изобрѣлъ, а случайно открылъ этотъ способъ при изготовленіи своихъ орудій; но нѣтъ ничего невѣроятнаго и въ томъ предположеніи, что этотъ способъ добыванія огня былъ изобрѣтенъ тогда, когда люди уже знали употребленіе огня. Вѣдь, кромѣ этого способа, было придумано еще высѣканіе огня и много другихъ способовъ для достиженія той

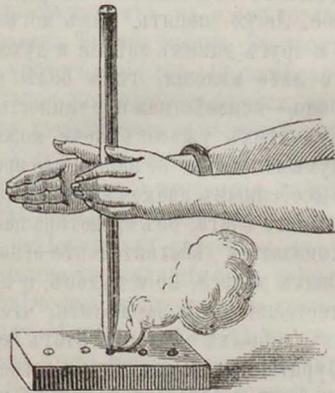

Рис. 12. — Буравъ для добыванія огня.

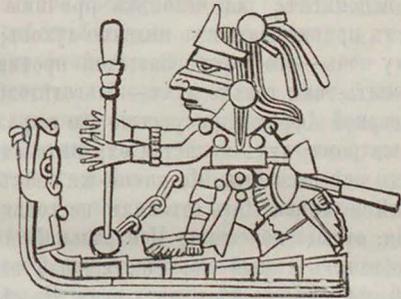

Рис. 13. — Буравъ для добыванія огня у древнихъ мексиканцевъ.

же цѣли, а между тѣмъ нельзя-же предположить, чтобы употребленіе огня было еще неизвѣстно человѣку. Возможно также, что огонь былъ непосредственно перенесенъ въ однѣ области человѣческаго распространенія, тогда какъ въ другихъ областяхъ онъ распространялся лишь съ изобрѣтеніемъ орудій для добыванія огня.

Природные источники огня—вулканы—распространены во всѣхъ поясахъ земного шара. Однако нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что человѣкъ еще менѣе могъ рѣшиться добыть себѣ въ первый разъ огонь изъ кратера, чѣмъ отъ предмета, зажженного молніей. Но временами вулканы представляютъ явленія иного рода, способныя навести человѣка на мысль воспользоваться огнемъ. Сто лѣтъ тому назадъ въ Исландіи потокъ лавы залилъ до краевъ всю горную долину рѣки Скапта и кромѣ того по острову разлились потоки, шириною до пяти англійскихъ миль. Подобное же изверженіе лавы произошло въ историческое время на островѣ Гавайѣ до самаго моря. Жители такихъ мѣстностей успѣли привыкнуть къ такимъ изверженіямъ гораздо раньше, чѣмъ могло остынуть ядро этихъ огненныхъ массъ. Нерѣдко даже лава продолжаетъ течь подъ остывшей уже корой. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ земной корѣ образуются трещины, и тогда стоитъ только, руководясь однимъ только естественнымъ любопытствомъ, уже безъ всякаго страха опустить въ трещину по возможности длинную палочку для того, чтобы получить на концѣ ея огонь. Кромѣ

того, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ происходитъ истеченіе газовъ, воспламеняющихся въ воздухѣ; такъ, извѣстны «огненные источники» у Каспійскаго моря. И здѣсь очень легко было съ помощью длинной палки получить «безсмертный огонь». — Человѣкъ началъ еще больше цѣнить пользу, приносимую ему огнемъ ночью, когда онъ сталъ разводитъ вблизи себя—для пользы, или для удовольствія—маленькихъ животныхъ. Для себя самого онъ въ случаѣ нужды устраивалъ безопасное убѣжище на деревѣ, на вѣтвяхъ котораго можно было провести ночь. По словамъ Нахтигала, еще теперь африканцы въ такъ называемыхъ языческихъ государствахъ ищутъ на деревьяхъ защиты отъ своихъ враговъ; тѣмъ естественнѣе допустить, что такія мѣры предосторожности предпринимались противъ звѣрей. Когда-же человѣкъ началъ собирать вокругъ себя живые запасы, то эти мѣры предосторожности должны были оказаться недостаточными. Поэтому умнѣе обходиться съ огнемъ должно считаться первымъ условіемъ для возникновенія кочевой жизни. Азіатскія плоскогорія, постоянно населенныя кочевыми народами, вмѣстѣ съ тѣмъ являются родиной культа огня, и это совпаденіе далеко не случайное. Легко понять, какъ могъ создаться этотъ культъ. Ночь—это врагъ человѣка и другъ дикихъ звѣрей и духовъ; чѣмъ непонятнѣе для человѣка причины какого либо явленія, тѣмъ болѣе онъ склоненъ приписывать ихъ явленію духовъ; духъ это—неизвѣстная причинность, и поэтому ночь—его другъ. Защитой противъ всѣхъ этихъ ужасовъ ночи можетъ быть опять—таки только духъ—благодѣтельный духъ дома. Еще по настоящее время въ Сѣверной Африкѣ присутствіе его выражается особеннымъ знакомъ передъ каждымъ шатромъ; духъ является охранителемъ домашняго очага, онъ предотвращаетъ отъ него всѣ несчастія. Но какой-же знакъ могъ оказаться дѣйствительнѣе огня въ жилищѣ человѣка? Онъ отгонялъ не только хищныхъ звѣрей, но и духовъ, и привидѣнія; отсюда кочевнику Центральной Азіи естественно было заключить, что въ огнѣ обитаетъ самый могущественный изъ всѣхъ добрыхъ духовъ. Этотъ ходъ мыслей привелъ его къ культу огня. На сѣверѣ буряты еще до сихъ поръ—огнепоклонники. Съ переселеніемъ арійцевъ этотъ культъ былъ перенесенъ на югъ. У персовъ въ ихъ борьбѣ съ первоначальными обитателями страны и родственными имъ мидянами онъ получилъ значеніе символа; въ Индію онъ былъ перенесенъ арійскими жрецами въ видѣ культа «Агни», но здѣсь новыя условія жизни одержали побѣду надъ старыми обычаями: масло и молоко вытѣснили грубый, опьяняющій напитокъ «сома», Брама—«слово» побѣдило огонь. Только въ парсизмѣ Гуджерата и Мультана продолжалъ существовать древній культъ кочевниковъ, въ его исключительности, а горящій кустъ и огненная гора аравійской пустыни озарены отблескомъ западнаго свѣта.

Весьма понятно, что при такомъ почитаніи огня его тщательно оберегали и поддерживали, и что онъ могъ очень далеко распространиться хотя-бы изъ одного центра. Исслѣдователи, посѣщавшіе Австралію, были очень удивлены тѣмъ, что австралийцы «поддерживаютъ постоянный огонь, почти всегда носятъ съ собой огонь или зажженный кусокъ дерева и безъ него не предпринимаютъ никакихъ путешествій, даже по водѣ». Тамонній губернаторъ Филиппъ приписалъ этотъ обычай тому обстоятельству, что они не умѣютъ легко и быстро добывать себѣ огонь, а Форстеръ объяснялъ это ихъ лѣнностью. Тѣмъ болѣе странно увѣреніе Гайкворта что «они очень легко зажигаютъ огонь»; къ тому-же постоянное поддерживаніе огня даже во время путешествій несомнѣнимо съ лѣнностью. Кромѣ того, во всей Австраліи и Полинезіи огонь не можетъ служить для устрашенія хищныхъ звѣрей, такъ какъ они тамъ не водятся. Кингъ, говоря о жителяхъ острова Норфолкъ,

передаетъ, что «ихъ всегда можно встрѣтить съ кусочками горящаго дерева въ рукахъ», что, по его мнѣнію, тоже объясняется «невѣроятной трудностью» добыванія тамъ огня. Однако новѣйшіе изслѣдователи не соглашаются съ этимъ мнѣніемъ; они говорятъ, что по крайней мѣрѣ въ жаркихъ и сухихъ странахъ Австраліи добываніе огня требуетъ всего нѣсколько минутъ времени. Обычай постоянного поддержанія и носенія огня распространенъ повсюду безъ всякаго отношенія къ легкости или трудности его добыванія, изъ чего слѣдуетъ заключить, что этотъ обычай указываетъ на древнѣйшій способъ добыванія огня путемъ перенесенія его съ мѣста на мѣсто.

Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ упоминанія преданіе муррейскихъ австралійцевъ, сообщенное К. Юнгомъ. По этому преданію, было время, когда они жили безъ огня. Онъ былъ принесенъ къ нимъ съ востока. Преданіе еще гласитъ, что огонь былъ принесенъ сюда въ травянистомъ стеблѣ, который дѣйствительно очень удобенъ для перенесенія тлѣющаго угля, легко воспламеняющагося въ сухой травѣ. Подъ «востокомъ» въ этомъ преданіи надо разумѣть одинъ изъ вулканическихъ острововъ Тихаго океана. Въ своихъ разсказахъ объ огнѣ дикари упоминали только объ употребленіи его для согрѣванія въ зимнее время, а не для пригволенія пищи. На такое-же перенесеніе огня, какъ древнѣйшій способъ его приобрѣтенія, указываетъ древній мифъ о похищеніи огня въ трубчатомъ стеблѣ бурьяна.

У древнихъ индѣйцевъ на сѣверѣ существовалъ тотъ-же самый обычай, возникшій безъ всякаго отношенія къ примѣру прочихъ странъ. «Въ прежнія времена они всегда носили съ собой огонь, они пользовались для этой дѣли трутомъ, который они поддерживали постоянно въ тлѣющемъ состояніи». Обычай-же поддерживать постоянно въ жилищѣ разъ добытый огонь принадлежалъ прежнимъ поколѣніямъ человѣчества; когда-же онъ сталъ понемногу вымирать, то все-таки сохранился въ культѣ. Алтарь Весты есть не что иное, какъ такой древній очагъ, и послѣдній отблескъ этого древняго пламени свѣтится въ «вѣчномъ огнѣ» католической церкви.

Повсюду, гдѣ только горитъ огонь, онъ освѣщаетъ собою ядро перваго поселенія; тамъ хотя-бы на короткое время поселяется группа людей, связанныхъ общимъ родствомъ и взаимной склонностью половъ, тамъ управляетъ мать, тамъ властвуетъ жена. Мужчина долженъ покинуть домашній очагъ и отправиться на охоту, а женщина съ дѣвухами и дочерьми поддерживаетъ дома благодѣтельный, согрѣвающий огонь до тѣхъ поръ, пока не вернутся мужчины, лица у огня защиты отъ холода и опасностей ночи. Мѣсто у огня—вотъ первый пріютъ человѣка; на первыхъ порахъ поддержаніе огня естественнымъ образомъ является дѣломъ женщины; по поднимающемуся столбѣ дыма изслѣдователи новыхъ странъ исчисляли ихъ населеніе, а по числу очаговъ у славянъ еще въ средніе вѣка производился счетъ семьямъ. Съ употребленіемъ огня въ одинаковой мѣрѣ возрасли и трудъ, и значеніе женщины, а то и другое находится въ тѣсной связи съ успѣхами общественной организаціи. Открытый очагъ поглощаетъ большое количество дровъ, и тамъ, гдѣ онъ сдѣлался для человѣка потребностью, онъ повлекъ за собой дисциплину работы.

Чѣмъ меньше горючаго матеріала было въ какой-нибудь мѣстности, тѣмъ большее значеніе приобрѣтало тамъ изобрѣтенное орудіе для добыванія огня, которое, особенно въ формѣ *бурава*, распространено почти по всему земному шару. Но эта форма была не единственной, а только самой лучшей. Дикіе австралійцы пользовались тремя способами для полученія огня, которые все основывались на треніи дерева и составляли результатъ наблюденій, сдѣланныхъ ими при различнаго рода занятіяхъ. Они всовывали пучки сухой травы въ щели какого-нибудь упавшаго гнилого

дерева и начинали съ большой быстротой тереть палкой до тѣхъ поръ, пока отъ тренія не загоралось дерево и съ нимъ сухая трава. Второй способъ получения огня состоитъ въ томъ, что австралець упиралъ полѣно однимъ концомъ въ землю, а другимъ—въ свою грудь и водилъ по немъ другимъ полѣномъ, точно скребкомъ. Пользующийся-же всеобщимъ распространеніемъ буравъ для получения огня состоитъ изъ дощечки съ небольшою зарубкой и палочки съ тупымъ концомъ. Нажимая на дощечку обѣими ногами и удерживая ее такимъ образомъ въ неподвижномъ положеніи, ее начинаютъ буравить палочкой, точно вращая руками мутовку (рис. 14). Пучокъ сухой травы держится на-готовѣ для того, чтобы немедленно подхватить появившуюся искру. Затѣмъ пучкомъ травы начинаютъ быстро размахивать по воздуху для того, чтобы раздуть сильное пламя. Не только для поддержанія огня, но и для получения его требуется развитіе извѣстной общественности въ людяхъ. Удобнѣе, когда въ добываніи огня участвуетъ еще одно лицо, которое держало-бы на-готовѣ пучокъ сухой травы, играющій роль зажигателя; въ холодномъ-же и сыромъ

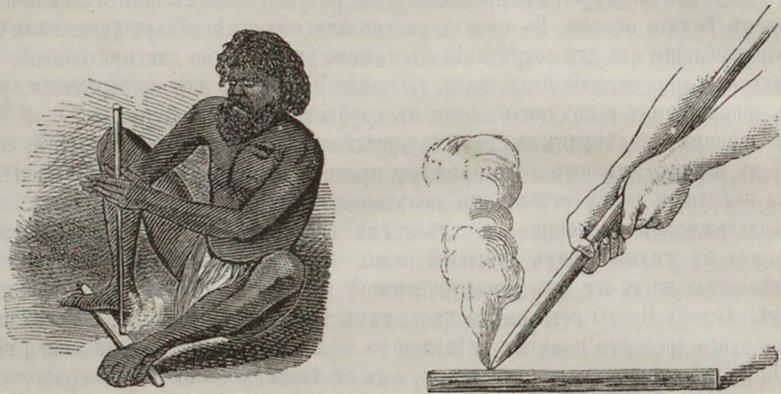

Рис. 14 и 15.—Добываніе огня въ Австраліи.

климатъ требуется столько времени для воспламененія дерева, что нѣсколько человекъ подрядъ должны смѣнить другъ друга въ этой работѣ раньше, чѣмъ получится огонь. Совершенно такимъ-же образомъ поступаютъ бушмены въ Южной Африкѣ, а Ливингстонъ нашелъ то-же самое орудіе для добыванія огня на берегахъ рѣки Замбези. Онъ видѣлъ, какъ при примѣненіи этого способа огонь былъ полученъ втеченіи одной минуты.

Между тѣмъ въ Полинезій большимъ распространеніемъ пользовался инструментъ съ двигающимся вверхъ и внизъ штифтомъ (рис. 15). На Антильскихъ островахъ, въ Гвианѣ, у дикарей Бразиліи, въ древней Мексикѣ, на островѣ Цейлонѣ, у эскимосовъ на крайнемъ сѣверѣ, въ Африкѣ существовалъ способъ получения огня посредствомъ *буравленія*. Въ индѣйскихъ гимнахъ ясно говорится о добываніи огня при помощи двухъ кусковъ дерева. У грековъ и римлянъ въ языкѣ сохранились соответствующія названія отдѣльныхъ частей древняго орудія для добыванія огня (*Eschara* и *tabula* — нижняя пластинка и *труранон*, *terebra* — буравъ). Римляне точно такъ-же, какъ и германцы, изрѣдка еще обращались къ этому старинному способу даже въ то позднѣйшее время, преданіе о которомъ передаетъ еще Плиній, время, когда уже было изобрѣтено высѣканіе огня изъ камня.

Разнорѣчивыя свѣдѣнія о большей или меньшей трудности добыванія огня находятъ себѣ объясненіе во вліяніи климата и случайныхъ колебаній температуры и погоды. Въ странѣ съ холоднымъ и сырымъ климатомъ нельзя было ни изобрѣсти, ни ввести способъ добыванія огня посредствомъ скребка. Но и буравъ могъ найти здѣсь примѣненіе только при тѣхъ улучшеніяхъ въ немъ, которыя были придуманы съ теченіемъ времени. Уже въ Африкѣ мѣстами на рукоятку бурава насаживали трубчатую кость съ тѣмъ, чтобы удобнѣе было держать ее въ рукахъ. Далѣе, трудъ вращенія существенно облегчился, когда вокругъ рукоятки стали обматывать ремень, оба конца котораго можно было тянуть въ ту и другую стороны. Этого способа придерживались сѣверные индѣйцы, напримѣръ ирокезы и племя Дакота. Въ самомъ простомъ видѣ эта работа требовала трехъ рукъ. Двѣ руки нужны были для того, чтобы тянуть концы ремня, а третья—для отдавливанія книзу бурава, который для этой цѣли оканчивался пуговчатымъ утолщеніемъ. Алеуты сумѣли обойтись двумя руками, благодаря тому, что захватывали зубами пуговку бурава и от-

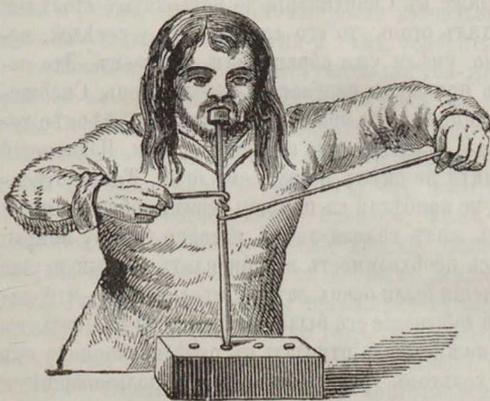

Рис. 16.—Буравъ съ ремнями.

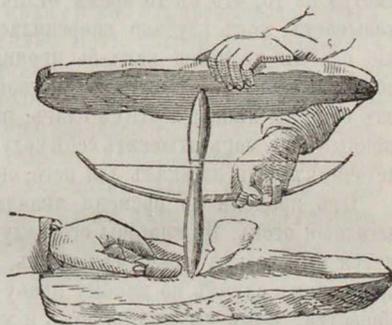

Рис. 17.—Буравъ съ лукомъ.

давливали его книзу, а обѣими руками тянули за концы ремня (рис. 16). При такомъ способѣ даже въ этой холодной странѣ, какъ свидѣтельствуетъ Шамиссо, сосновое дерево загорается втеченіи нѣсколькихъ секундъ. Той-же цѣли можно было достигнуть еще инымъ способомъ. Ремень замѣнялся тетивой лука, которую обматывали вокругъ рукоятки бурава; надавливая одной рукой на буравъ, другой тянули лукъ взадъ и впередъ (рис. 17). Такіе усовершенствованные буравы для полученія огня съ луками изъ точеной кости Норденшельдъ нашелъ у эскимосовъ; но въ это-же время у нихъ уже были въ употребленіи огниво и зажигательныя спички.

Нѣкоторыя привычки германцевъ и славянъ повидимому указываютъ на то, что съ теченіемъ времени сѣверными кочевыми народами были придуманы новые способы для добыванія огня. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ Мазуріи еще до сихъ поръ разъ въ годъ тушатся всѣ огни въ домахъ, и разводится новый огонь, отъ которыхъ всѣ жители берутъ нужный имъ огонь. Для полученія новаго огня употребляется гигантскій буравъ, устройство котораго прямо противоположно вышеописанному: онъ состоитъ изъ неподвижнаго стержня и подвижной пластинки. Устраивается онъ слѣдующимъ образомъ. Дубовый колъ вколачиваютъ въ землю, на верхушку его насаживается колесо, которое приводятъ въ движеніе смѣняющіеся работники до

тѣхъ поръ, пока колъ не загорится. Обычай ежегоднаго возобновленія огня былъ распространенъ встарину не только среди славянъ, но и среди германцевъ и кельтовъ. Остатки этого обычая сохранились еще въ этомъ столѣтїи въ извѣстномъ между прочимъ и въ Германїи «Notfeuer».

Получался онъ слѣдующимъ образомъ: между двумя горизонтальными брусками помѣщался валъ, приводившійся въ движеніе съ помощью веревки. Итакъ, мы видимъ, что въ одномъ случаѣ дѣйствуетъ колесо, въ другомъ—вѣчто вродѣ оси, и очень вѣроятно, что кочевые народы, употреблявшіе тяжелыя деревянные телѣги, были наведены на новый путь добыванія огня горѣніемъ деревянной оси послѣ того, какъ буравы, перенесенныя къ нимъ, оказались непригодными для ихъ климата.

Это проливаетъ повидимому нѣкоторый свѣтъ на своеобразный способъ получения огня, по крайней мѣрѣ у послѣднихъ изъ вышеназванныхъ племенъ. И у нихъ основной принципъ заключается въ томъ, чтобы поддерживать огонь на всѣхъ очагахъ и брать съ собой, если не огонь, то тлѣющіе уголья въ путешествія по сушѣ и водѣ. Такой обычай существовалъ даже въ Скандинавіи до настоящаго столѣтїя. Если гдѣ-нибудь по недосмотру потухалъ огонь, то его «занимали» у сосѣдей, несмотря на то, что въ то время отлично умѣли уже обращаться съ огнемъ. Это показываетъ, какъ глубоко вкоренилась привычка переносить самый огонь. Снабженіе огнемъ является какъ-бы проявленіемъ духа общности, или, вѣрнѣе говоря, потребность въ огнѣ содѣйствовала развитію духа общности. Изгнанный изъ общины лишался этихъ благъ; никто не смѣлъ подать ему огня. Такой отверженный еще могъ отыскать себѣ воду, не прибѣгая къ помощи своихъ собратьевъ, но источникъ огня изсякалъ для него; онъ жилъ вблизи людей, подобно дикому звѣрю.

Отъ времени до времени являлась необходимость возобновлять старый и уже негодный огонь. Но способы его полученія были очень затруднительны, и—что кажется мнѣ весьма важнымъ—огонь, и добываніе его были дѣломъ всей общины, въ противномъ случаѣ по какому праву можно было отказать въ огнѣ изгнанному изъ общества. Какъ у грековъ, такъ и у кельтовъ религіозные союзы, пользовавшіеся однимъ и тѣмъ-же источникомъ огня, простирались даже далеко за тѣсныя предѣлы общины. Повидимому неблагоприятныя климатическія условія тѣхъ странъ, которыя являлись колыбелью культурныхъ народовъ, привели къ тому,—что, благодаря общественной *организации*, человѣкъ преодолѣлъ трудность поставленныхъ ему жизнью задачъ. Слѣдовательно, и съ этой стороны огонь оказался могущественнымъ двигателемъ цивилизаціи.

Мы должны однако покинуть этотъ моментъ, открывающій намъ такія широкія перспективы, и вернуться къ первобытному очагу для того, чтобы разсмотрѣть тѣ ближайшія выгоды, которыя человѣкъ извлекъ для своего пропитанія изъ этого драгоценнаго дара. Очень легко доказать, какое вліяніе оказываетъ теплота огня на клѣтки пищевыхъ веществъ, какъ она, размягая ткани, облегчаетъ разжевываніе, содѣйствуетъ пищеваренію и такимъ образомъ сохраняетъ извѣстный запасъ энергіи, который можетъ быть направленъ на иныя цѣли. Но конечно не этими соображеніями руководствовался первобытный человѣкъ, помѣщая свою нищу вблизи огня. У насъ даже нѣтъ прямыхъ свѣдѣній о томъ, какъ онъ додумался до этого пріема; всего вѣроятнѣе, что онъ, случайно приблизивъ пищу къ огню для просушки ея, замѣтилъ, что отъ жара лопнула шелуха сухихъ сѣмянъ. Но вѣдь мы уже видѣли, что еще до изобрѣтенія огня человѣкъ занимался просушиваніемъ своихъ пищевыхъ веществъ и отдѣленіемъ ихъ отъ шелухи; узнавши же дѣйствіе огня, онъ постарался воспользоваться имъ взамѣнъ недостающей солнечной теплоты.

Само собой понятно, какое значеніе имѣла для охотника возможность сберечь часть своего избытка для нуждъ ближайшаго будущаго. Мы и видимъ, что какъ индѣйцы, такъ и африканцы научились искусству вялить мясо. Они достигали этой цѣли двоякимъ способомъ: во-первыхъ, подвергая мясо непосредственному дѣйствию солнечныхъ лучей, во-вторыхъ, раскладывая его на камняхъ, предварительно раскаленныхъ солнцемъ. Совершенно такимъ-же образомъ вначалѣ пользовались дѣйствіемъ огня. Первобытный человѣкъ конечно очень скоро могъ замѣтить, что непосредственное прикосновеніе огня уничтожаетъ пищевыя вещества. Слѣдовательно, необходимо было придумать средство, подвергая пищу дѣйствию огня, удерживать ее на надлежащемъ разстояніи, или-же защитить ее отъ разрушительнаго дѣйствія огня соотвѣтствующей промежуточной сферой. Позднѣе люди додумались до того, чтобы воспользоваться водой, этой лучшей средой. До тѣхъ же поръ они, слѣдуя другому пути, указанному самой природой, раскаляли при помощи огня землю или камни, затѣмъ высушивали на нихъ свою пищу. Этотъ способъ представлялъ тѣ преимущества, что имъ можно было воспользоваться во всякое время, а также по желанію увеличить силу огня и тѣмъ ускорить самый процессъ.

Бразильскія племена пользуются для той-же цѣли сѣткой изъ древесныхъ вѣтвей, висящей на четырехъ коляхъ, вбитыхъ въ землю. Подъ сѣткой раскладываютъ огонь, а на нее кладутъ мясо, которое подвергается дѣйствию тепла и въ то-же время достаточно ограждено отъ его разрушительнаго вліянія разстояніемъ и защитой вѣтвей. Тайлоръ говоритъ, что мясо, приготовляемое такимъ способомъ, сохраняется втеченіи долгаго времени. Тѣмъ самымъ оказывается достигнутой ближайшая цѣль. Вестъ-индскіе морскіе разбойники пользовались тѣмъ-же способомъ для приготовления своихъ мясныхъ запасовъ. Той-же цѣли можно достигнуть, хотя и въ меньшей степени, насаживая кусокъ мяса на палку, которая косо втыкается въ землю надъ огнемъ. Такъ поступаютъ сѣверные индѣйцы; въ сущности этотъ способъ есть не что иное, какъ жареніе на вертелѣ. Менѣе удачнымъ оказалось подсушиваніе мяса, но зато, приготовленное такимъ образомъ, оно представляло бѣльшія преимущества, чѣмъ сырое мясо. Дѣйствительнаго высушиванія мяса можно было достигнуть только въ томъ случаѣ, если его подвѣшивали очень высоко надъ огнемъ, въ то-же время направляя на него весь дымъ и всю теплоту огня. Этого можно было достигнуть только тогда, когда огонь разводился въ закрытомъ помѣщеніи. Это «копченіе» мяса практиковалось преимущественно сѣверными кочевыми народами.

Несмотря однако на всѣ эти успѣхи, человѣкъ все еще былъ далекъ отъ варки пищевыхъ веществъ въ водѣ. Всего нагляднѣе это видно на жителяхъ острововъ Тихаго океана, гдѣ еще до сихъ поръ во многихъ отношеніяхъ сохранились формы, свойственныя первоначальнымъ ступенямъ развитія. Выше уже было упомянуто о томъ, что австралійскіе негры не имѣли понятія о кипящей водѣ. Туземцы Новаго Южнаго Валлиса, намѣреваясь украсть рыбу, варившуюся въ котлѣ, были чрезвычайно неурядно изумлены, ощутивъ совершенно неизвѣстныя имъ до тѣхъ поръ свойства кипящей воды. Сравнительно культурные жители острова Таити тоже совершенно не имѣли понятія о варкѣ кушанья. Капитанъ Салмонсъ разсказываетъ, что обитатели Палаоскихъ острововъ, попавъ на Филиппинскіе острова, отказывались даже попробовать *варенный* рнсъ.

Въ названныхъ странахъ приготовленіе пицци при помощи огня ограничивалось только той степенью *поджариванія* ея, какая первоначально ему была нужна для провяливанія пицци. Въ этомъ отношеніи однако упомянутыя племена сдѣлали

своеобразные успѣхи. Они пользуются для приготовления пищи не непосредственно огнемъ, а землей или камнемъ, раскаленнымъ отъ огня, или даже горячей золой. Даже народы, успѣвшіе уже научиться варкѣ кушанья, не отказывались отъ другихъ способовъ приготовления пищи; мы знаемъ не мало такихъ способовъ.

Пастухи въ восточномъ Суданѣ накладываютъ камни на сложенное топливо, зажигаютъ его и, когда пламя потухнетъ, кладутъ на нихъ мясо, нарѣзанное тонкими ломтиками. Для той-же цѣли пользуются горячей золой, но далеко не съ такимъ успѣхомъ. Можно также соединить то и другое. Патагонцы, по наблюденіямъ Мустерса, слѣдующимъ образомъ приготовляли въ пищу желудокъ страуса: они клали въ желудокъ раскаленный предварительно на огнѣ камень и затѣмъ зарывали его въ горячую золу. Такой способъ дѣйствій легко могъ навести патагонцевъ на мысль примѣнить тотъ-же пріемъ къ приготовленію цѣлаго страуса. Они поступали при этомъ слѣдующимъ образомъ: въ грудную клѣтку опускали раскаленный камень, другая половина животного была для этого слишкомъ мясита, поэтому они вырѣзали позвоночный хребетъ, дѣлали поперечные разрѣзы черезъ мясо и наполняли ихъ горячими камнями. Начиненный такимъ образомъ страусъ завязывался, какъ мѣшокъ, кожей ногъ, и узелъ закрѣплялся маленькой костью; затѣмъ все это зарывали въ горячую золу.

Во многихъ странахъ этотъ способъ подвергся дальнѣйшему усовершенствованію, въ особенности-же это имѣло мѣсто у жителей острововъ Тихаго океана, вѣроятно благодаря тому, что они не знаютъ никакихъ иныхъ способовъ. Ихъ печь, которая по справедливости носить названіе австраійской или полинезійской печи, состоитъ изъ вырытой въ землѣ ямы, стѣнки и дно которой предварительно раскаляются, послѣ чего туда закапываются пищевыя вещества. Этотъ обычай практиковался у островитянъ почти повсемѣстно, съ незначительными видоизмѣненіями въ разныхъ мѣстностяхъ. Самый общепотребительный видъ печи состоялъ изъ земляной ямы, выложенной камнями. Въ этой ямѣ разводился огонь; когда онъ потухалъ, то золу сгребали къ стѣнкамъ, и въ согрѣтое такимъ образомъ пространство опускали предметы, предназначившіеся въ пищу, завернувши ихъ предварительно въ банановые листья. Такимъ образомъ поступали для приготовления въ пищу не только рыбы, кореньевъ, плодовъ, но и собакъ, поросятъ и даже цѣлыхъ свиней. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напр. на Тонгайскихъ островахъ, этотъ способъ комбинировали со способомъ патагонцевъ: тѣло животного, помѣщенного въ печь, предварительно наполняли раскаленными камнями. Кромѣ того, сверху на животное тоже накладывали камни и золу и затѣмъ на все это набрасывали землю. Черезъ часть или два яму открывали и вынимали изъ нея совершенно готовое уже кушанье. Если пищевыя вещества состояли изъ множества мелкихъ предметовъ, то они складывались въ ямѣ въ нѣсколько слоевъ, отдѣленныхъ одинъ отъ другого камнями и золой. Такой способъ практикуется въ Новой Зеландіи и въ Австраліи до самаго юга. Австралійскіе негры у рѣки Муррея, питающіеся преимущественно корнями одного изъ видовъ палочника, примѣняютъ пріемъ, составляющій нѣчто переходное между жареніемъ и варкой пищи; отъ времени до времени они обливаютъ содержимое въ печи водой, пары которой размягчаютъ твердую пищу.

Подобнаго рода печь не составляетъ однако исключительной принадлежности жителей Тихаго океана. Ливингстонъ говоритъ, что въ южной Африкѣ, въ области рѣки Замбези, практикуется совершенно тотъ-же способъ приготовления пищи, съ тою только разницей, что здѣсь этимъ способомъ жарятся несравненно болѣе крупные предметы, напр. ноги слона. Съ другой стороны, на островахъ Тихаго океана

не безызвѣстенъ способъ жаренія на палкѣ, косо поставленной надъ огнемъ. Тотъ же способъ практиковался и въ Бразиліи. Вообще нужно допустить, что встарину этотъ способъ пользовался наибольшимъ распространеніемъ. Въ нашихъ сѣверныхъ странахъ удержался обычай вырывать яму передъ открытымъ очагомъ, наполнять ее золой и варить въ ней пищу. У датчанъ это приспособленіе называется «груе»; сохранившійся въ сѣверной Германіи обычай, извѣстный подъ именемъ «Grudekochen», имѣеть по всей вѣроятности то-же происхожденіе. Съ другой стороны, духовая печь въ нашихъ кухняхъ, служившая до сихъ поръ не только для печенія, но и для жаренія, представляетъ собой не что иное, какъ ту-же усовершенствованную и приспособленную къ нашимъ потребностямъ земляную яму. Главнѣйшее удобство нашей печи состоитъ въ томъ, что она открывается не сверху, а сбоку. Островитяне-же Тихаго океана должны были каждый разъ разбирать свою печь сверху.

Рис. 18. — Полинезійская печь на островѣ Тонга.

Не на всѣхъ языкахъ существуютъ отдѣльные названія для словъ «печь» и «жарить». Въ сущности, въ обоихъ случаяхъ происходитъ одинъ и тотъ-же процессъ, и исторія обоихъ изобрѣтеній одинаковая. Съ одной стороны, вопросъ сводится къ тому, чтобы съ помощью огня отдѣлить растительныя вещества отъ окружающей ихъ твердой оболочки, что достигалось прежде механическимъ путемъ и съ далеко не удовлетворительнымъ результатомъ, а съ другой стороны—къ умѣнье высушивать и сохранять смѣсь изъ муки и воды. Раньше всего были придуманы способы для достиженія первой цѣли. Ирокезы и далавары поджаривали цѣликомъ початки недозрѣлаго маиса. Зрѣлыя-же зерна они пекли въ золѣ. Поджариваніе зеренъ сѣверныхъ злаковъ было въ обычаѣ и у древнихъ народовъ нашего материка. И у нихъ позднѣйшіе способы приготовленія не сразу вытѣснили болѣе старыя; и именно благодаря этому обстоятельству, могли возникнуть комбинаціи тѣхъ и другихъ спобовъ. Еще евреи употребляли въ пищу поджаренныя зерна, а «поджаренный ячмень» составлялъ существенный элементъ въ греческихъ жертвоприношеніяхъ, что служить доказательствомъ древности этого обычая. Если-бы умѣнье

пользоваться огнем предшествовало употребленію въ пищу зеренъ, то вѣроятно все развитіе остановилось-бы на этомъ пути.

Мы видѣли, что индѣйцы, находясь на охотѣ, пьютъ напитокъ, составленный изъ воды и маисовой муки. Находясь дома и располагая слѣдовательно болѣшими запасами муки, они сгущаютъ этотъ напитокъ до густоты киселя. Развѣ не естественно было индѣйцу попытаться примѣнить къ этому важному для него пищевому средству тотъ-же способъ сохраненія, который уже былъ изобрѣтенъ имъ для мяса? Результатомъ такой попытки явился *хлѣбъ*, который, по своему способу пригото- вленія, въ древности представлялъ не что иное, какъ сушеное мясо изъ группы растительныхъ веществъ. Тѣ-же ирокезы и делавары (маисъ не воздѣлывается по ту сторону Миссисипи) смѣшивали маисовую муку съ холодной водой и изъ получен- ной кашицы готовили лепешки величиной не болѣе ладони, въ два пальца тол- щины. Затѣмъ они, завернувши эти лепешки въ листья, клали ихъ въ горячую золу и покрывали горячими угольями—«и это ихъ хлѣбъ», говоритъ Лоскиль. Въ

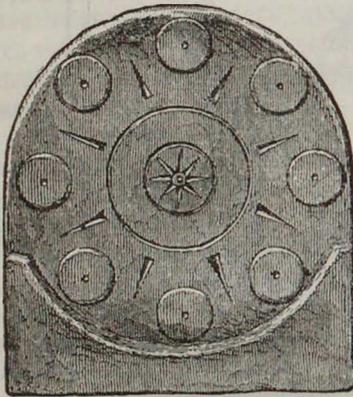

Рис. 19.—Камень, употреблявшійся для печенія и поджариванія въ Фордуиѣ, въ Англіи.

Европѣ и теперь еще мѣстами крестьяне нерѣдко пекутъ такой хлѣбъ, съ той толь- ко разницей, что они замѣняютъ верхній слой угольевъ поворачиваніемъ хлѣба въ золѣ. Приготовленный такимъ образомъ хлѣбъ представляетъ собою типъ древняго *прѣснаго* хлѣба, который у различныхъ народовъ готовился изъ различныхъ хлѣбныхъ растений. Нахтигаль въ Сѣверной Африкѣ ѣлъ именно такой ячменный хлѣбъ, испеченный въ горячей золѣ. Подобнаго рода прѣсный хлѣбъ употребляется въ настоящее время бедуинами, а евреи ѣли его, пока они вели кочевую жизнь. Только перейдя къ осѣдлому образу жизни, они ознакоми- лись съ квашеніемъ хлѣба, но все таки они не столько пекли хлѣбъ, сколько высу- шивали его «на горячихъ камняхъ» (1 Кн. Царст. 19. 6.) и попрежнему придавали ему форму плоскихъ лепешекъ (рис. 19). Вообще-же на востокъ повсемѣстно готовили хлѣбъ, печенный въ золѣ, который часто упоминается въ Библии, по способу индѣй- цевъ, помѣщая его между двумя слоями горячей золы. Въ случаѣ нужды, эту золу получали, сжигая коровій и верблюжий пометъ. Кромѣ того пользовались также зем- ляной ямой, согрѣтой раскаленными булыжниками. Интересно прослѣдить дальнѣй- шую судьбу этихъ обоихъ главныхъ вспомогательныхъ средствъ—земляной ямы и раскаленнаго камня. Съ теченіемъ времени земляная яма преобразилась въ духо- вую печь, а раскаленный камень—въ чрезвычайно своеобразный горшокъ, напоми- нающій нашу грѣлку; такой грѣлкой, въ сущности, былъ тотъ горшокъ съ пылаю- щими углями, который согрѣвалъ зимній домъ Соломона. Это оригинальное изобрѣ- теніе ограничивается предѣлами югозападныхъ азіатскихъ степей,—обстоятельство, ясно указывающее на то, что недостатокъ въ топливѣ послужилъ толчкомъ къ этому изобрѣтенію. Оно представляетъ собой каменный горшокъ или кувшинъ, приблизительно въ 3 фута вышиною, внутри котораго зажигаютъ дрова или пометъ. Когда огонь догораетъ, то отверстие горшка закрывается, а на горячія стѣнки его накладываютъ лепешки изъ тѣста. Такъ какъ и въ Греціи можно встрѣтить подоб-

ную утварь, то надо допустить, что она была перенесена туда из Азии. Выпеченный такимъ образомъ хлѣбъ напоминаетъ, по своимъ качествамъ, хлѣбъ богемскихъ крестьянъ, которые еще до сихъ поръ изготовляютъ его слѣдующимъ первобытнымъ способомъ: они медленно подсушиваютъ свои лепешки изъ тѣста съ обѣихъ сторонъ на открытой горячей пластинкѣ.

Значительно позже перешли къ печенію *кислаго* хлѣба. Родиной его долженъ считаться Египетъ, гдѣ, благодаря обширному производству пива, существовалъ обильный матеріалъ для закваски, перешедшей потомъ въ видѣ квашенаго тѣста въ сосѣднія страны. У грековъ существовалъ и кислый, и прѣсный хлѣбъ; древніе италики вѣроятно не знали ни того, ни другого. Римляне переняли это искусство отъ грековъ, а кельты—отъ римлянъ. Оттуда оно перешло уже къ германцамъ и славянамъ. У грековъ горшокъ для печенія хлѣба назывался «клибаносъ», отсюда готское—«Hlaifs», нѣмецкое—«Laib», а славянское—«хлѣбъ». Славяне сравнительно поздно перешли къ печенію хлѣба, что объясняется тѣмъ предпочтеніемъ, которое они долгое время оказывали воздѣлыванію проса.

Искусство варки и его успѣхи.

Искусство варки было изобрѣтено сравнительно поздно, несмотря на то, что многіе народы подходили очень близко къ разрѣшенію этой задачи. У однихъ народовъ причиной тому служилъ недостатокъ подходящей посуды, другіе-же сумѣли обойти это препятствіе. Обитатели Новой Зеландіи не могли не знать кипящей воды и ея свойствъ, благодаря тому, что ихъ страна изобилуетъ горячими источниками. Новозеландцы еще и теперь варятъ въ этихъ источникахъ рыбу, опуская ее туда въ сѣтяхъ. Но какъ бы давно ни былъ извѣстенъ этотъ приемъ, распространеніе его, по необходимости, ограничивалось предѣлами распространенія горячихъ ключей. Въ другихъ мѣстахъ, напр. въ Патагоніи, роль посуды играла тыква, которую ставили въ горячую золу. Обитатели Маршалльскихъ и Гильбертовыхъ острововъ помѣщали довольно высоко надъ огнемъ скорлупу кокосовыхъ орѣховъ. Но всѣ эти предметы, игравшіе роль посуды, не въ состояніи были выдержать непосредственное дѣйствіе огня и слѣдовательно не годились для настоящей варки кушанья.

Другого рода попытки утилизировать горячую воду производились опять-таки при помощи раскаленныхъ камней. Когда австралійцы обливали водой раскаленные камни своихъ печей, то имъ не могло не броситься въ глаза появленіе горячихъ водяныхъ паровъ. Многіе народы уже издавна знали водяные пары по тому дѣйствію, которое они производятъ на кожу; точно также вѣдь и огонь оцѣнили всего раньше, благодаря его вліянію на тѣло человека. Подобнаго рода паровыя бани составляли одно изъ самыхъ древнихъ изобрѣтеній и пользовались большимъ распространеніемъ среди некультурныхъ народовъ. Ихъ знали какъ индѣйцы, такъ и скифы, позднѣе мы находимъ ихъ въ Скандинавіи и въ Россіи. Индѣйцы поступали при этомъ слѣдующимъ образомъ: они вырывали въ землѣ яму, клали въ нее горячіе камни и сами садились туда, послѣ чего надъ ними закрывали отверстие ямы. Отъ времени до времени они поливали водой раскаленные камни, и тогда водяные пары наполняли всю яму. Во время такой паровой ванны они нѣсколько разъ выскакивали изъ нея, окунались въ холодной водѣ и снова влѣзали въ яму, «послѣ чего они съ наслажденіемъ покуривали свои трубки». По словамъ Геродота (IV; 73), скифы поступали такимъ-же образомъ, съ той только разницей, что они ограничи-

вали небольшое пространство при помощи кольевъ и шерстяныхъ одѣялъ, ставили туда вмѣстилище, наполненное водой, и бросали въ него раскаленные камни.

Такимъ путемъ можно было дойти до того, чтобы довести до кипѣнія воду въ любомъ сосудѣ. Такъ поступаютъ нѣкоторыя индѣйцы, ассенибонны, которые варятъ пищу въ земляныхъ ямахъ, высланныхъ звѣриными шкурами; на дальнемъ западѣ нѣкоторыя племена употребляютъ для той-же цѣли деревянные сосуды. Есть основаніе предполагать, что и въ Европѣ нѣкогда былъ извѣстенъ этотъ обычай. Мѣстами среди народныхъ массъ еще до сихъ поръ распространенъ предразсудокъ, заставляющій ихъ такимъ способомъ кипятить или согрѣвать молоко, какъ симпатическое средство.

Такимъ образомъ понемногу можно было дойти до понятія о варкѣ пищи; но собственно варка, въ нашемъ смыслѣ, была возможна не раньше изобрѣтенія огнеупорной посуды. Въ древности посудой служили подходящіе предметы, находимые въ природѣ. Единственной посудой у бушменъ была скорлупа страусоваго яйца; въ другихъ мѣстахъ для той-же цѣли употреблялась скорлупа кокосоваго орѣха; наибольшимъ-же распространеніемъ пользовалась шелуха тыквы. Раковина черепахи служила чашей для воды, маленькія четвероногія животныя—мѣхомъ для воды. Для этого достаточно было, надрѣзавши кожу у шеи, осторожно содрать ее и связать узломъ кожу ногъ. Для той-же цѣли можетъ служить кусокъ коры, содранной съ дерева. Человѣческой черепъ тоже очень легко могъ быть превращенъ въ чашу. Уже австралийцы умѣли законопачивать смолой отверстія въ такой чашѣ и придрѣлывать къ ней ручку изъ растительныхъ волоконъ.

Очень возможно, что именно такія попытки сдѣлать портативными природные сосуды навели человѣка на мысль сплести изъ растительныхъ волоконъ легкіе сосуды.

Индѣйцы предпочли изготовлять такіе сосуды изъ дерева, африканцы-же дошли до совершенства въ искусствѣ плетенія посуды. И теперь еще большая часть ихъ посуды плетеной работы. Она настолько-же изящна, насколько прочна и непроницаема для воды. Африканцы пользуются для плетенія посуды подходящими растеніями, обильно произрастающими на ихъ родинѣ. Для того, чтобы сдѣлать такую посуду непроницаемой для воды, они размачиваютъ ее въ водѣ и треплютъ до тѣхъ поръ, пока петли не примкнутъ плотно одна къ другой. Почти во всей южной Африкѣ въ такихъ плетеныхъ мискахъ подаютъ не только кашу, но также молоко и напитки всякаго рода. Въ древности эта техника имѣла вѣроятно значительно большій районъ распространенія, потому что еще въ Одиссеѣ (IX, 247) упоминается о кисломъ молокѣ, поданномъ въ «плетеныхъ корзинахъ».

Если даже посуда, сдѣланная изъ кости, требуетъ искусственныхъ средствъ для увеличенія ея непроницаемости, то тѣмъ болѣе это необходимо для плетеной посуды. Для этой цѣли, кромѣ смоль, пользовались еще жирной глиной. Указанія на это встрѣчаются въ Библии, гдѣ говорится, что корзинка, въ которой Моисей былъ спущенъ въ воду, была законопачена «глиной и дегтемъ». Дальнѣйшій ходъ этого изобрѣтенія можно прослѣдить, пользуясь двоякаго рода фактами, которые показываютъ, что люди покрывали деревянные или плетеные сосуды снаружы слоемъ глины, съ цѣлью предохранить ихъ отъ вреднаго дѣйствія огня. При этомъ случаѣ легко было замѣтить, что огонь превращаетъ глину въ камень. Ознакомившись съ этимъ свойствомъ глины, оставалось только, покрывши внутреннюю поверхность какого нибудь плетенаго сосуда глиной (рис. 20), подвергнуть его дѣйствію огня, для того чтобы получить уже глиняный сосудъ, украшенный вдобавокъ рисункомъ

сгорѣвшей плетенки. Впослѣдствіи стали пробовать дѣлать прямо небольшіе глиняные сосуды, обходясь безъ помощи первоначальнаго плетенаго остова. Африканскія женщины научились дѣлать отъ руки красивыя большіе сосуды—вся эта работа выпала опять-таки на долю женщинъ. Въ древнемъ Египтѣ эта работа производилась при помощи деревяннаго диска, приводимаго во вращеніе вокругъ своей оси. Этотъ вращающійся дискъ и превратился въ гончарный кругъ. Евреи тоже пользовались имъ для производства своей посуды, вполне пригодной для варки пици и даже нерѣдко покрытой глазурью. Гончарное производство очень рано было распространено и въ южной Азіи. Шлиманъ нашелъ среди памятниковъ въ Малой Азіи огромныя глиняныя вазы (рис. 21), которыя нѣкогда помѣщались въ ямахъ, вырытыхъ въ землѣ, и служили резервуарами для воды. Въ пещерахъ Франціи, въ которыхъ находятъ слѣды человѣка, жившаго здѣсь вмѣстѣ съ оленями, не встрѣчаютъ остатковъ глиняныхъ сосудовъ. Вообще-же они разсѣяны по всей Европѣ и показываютъ, что умѣнье работать на гончарномъ станѣ постепенно и лишь очень медленно распространялось съ юга на сѣверъ и востокъ; въ восточную Пруссію это искусство перешло одновременно съ христіанствомъ.

Научившись изготовлять глиняную посуду, люди могли приступить къ варкѣ пици на огнѣ. Съ этого момента человѣкъ вступаетъ въ совершенно новый фазисъ своего пропитанія. Еще одна нить, связывавшая его до сихъ поръ съ животнымъ, обрывается теперь. Новое изобрѣтеніе оказывается особенно важнымъ по отношенію къ растительной пищѣ; и это не можетъ остаться безъ вліянія на развитіе земледѣлія. И это повышеніе уровня хозяйственности опять таки совершается въ районѣ дѣятельности женщины—опять на ея долю падаетъ все бремя примѣненія новаго искусства, мужчина пользуется только плодами его. Но это вмѣстѣ съ тѣмъ и послѣднее приобрѣтеніе подобнаго рода, послѣдующія изобрѣтенія совершались въ болѣе широкой области организациі, и это уже есть поле дѣятельности мужчины.

Культъ древнихъ еще до сихъ поръ напоминаетъ намъ о томъ времени, когда въ пицу употреблялся молотый ячмень, подсушенныя ячменные зерна и смѣшанная съ солью полба, совмѣстное употребленіе которой нѣкогда совершалось въ знакъ совмѣстной жизни, теперь-же вареная каша характеризуетъ собою современную кухню. Еще въ настоящее время у южныхъ славянъ принято обсыпать невѣсту хлѣбными зернами, а по старому франкскому законодательству (*Lex salica*, XLVII), каждый, въ доказательство вступленія своего въ общее съ кѣмъ-нибудь владѣніе, долженъ былъ въ присутствіи трехъ свидѣтелей съѣсть кашу. Это характеризуетъ собою періодъ, отблѣгающій время употребленія въ пицу поджареннаго зерна отъ того времени, когда стали употреблять хлѣбъ. Когда японцы говорятъ о жизни своихъ предковъ, то они упоминаютъ о сушеной рыбѣ, евреи въ такихъ случаяхъ говорятъ о прѣсномъ хлѣбѣ и о неразрѣзанномъ мясѣ, цѣликомъ жарив-

Рис. 20.—Глиняный сосудъ съ слѣдами плетенки, бывшей на немъ.

шемся надъ огнемъ, а въ сказаніяхъ и обычаяхъ славянъ и германцевъ ту-же роль играетъ праздничное блюдо изъ каши. Славяне преимущественно употребляли пшеничную кашу, а сѣверные германцы и скандинавцы—овсяную кашу. Но между тѣмъ какъ въ Скандинавіи появленіе новыхъ и болѣе вкусныхъ хлѣбныхъ злаковъ постепенно вытѣснило употребленіе овсяной каши во время празднествъ, она на сѣверо-востокѣ удержалась до сихъ поръ. Въ Вестфалии и даже въ Норвегіи чужеземный рисъ вытѣснилъ овсяную кашу; теперь у крестьянъ на свадебныхъ пиршествахъ угощаютъ рисовой кашей съ тушеными сливами. Домашнимъ-же духамъ въ Норвегіи предназначается рисовая каша съ треской и колбасой.

Характернымъ отличіемъ современной жизни служить то, что она стремится соединить разрозненныя до сихъ поръ пищевыя вещества въ одну *нормальную* ежедневную пищу. Конечно это не всегда вполне удается, не вездѣ можно достигнуть того, чтобы эта комбинированная пища была вполне совершенна, такъ какъ съ одной стороны нужна, съ другой стороны желаніе полакомиться заставляютъ употреблять отдѣльно тотъ или другой родъ пищевыхъ веществъ.

Въ настоящее время идеальнымъ считается кухонное меню, состоящее изъ киселя или каши съ прибавленіемъ жира и говядины и приправы изъ свѣжихъ растительныхъ веществъ съ солью или чѣмъ-нибудь сладкимъ. Правда, человекъ и до сихъ поръ употреблялъ всѣ эти пищевыя вещества, но отдѣльно и въ зависимости отъ разныхъ временныхъ случайностей; избытокъ одной пищи всегда вызывалъ въ немъ потребность въ другой; теперь въ благоустроенномъ хозяйствѣ всѣ эти различные роды пищевыхъ веществъ комбинируются вмѣстѣ въ извѣстномъ правильномъ состояніи, взаимно другъ друга дополняя. Существуетъ множество національных блюдъ, приближающихся къ этому идеалу. Образцомъ этого рода можетъ считаться національное блюдо въ Суданѣ, подъ названіемъ «аишъ». Для приготовления его, кромѣ культурнаго сахарнаго сорго, идутъ разныя дикорастущія травы, какъ напр. нѣкоторые виды встрѣчающейся у насъ подтрянухи. Изъ всѣхъ этихъ растений готовятъ муку и изъ нея варятъ нѣчто вродѣ каши или киселя, который обливаютъ затѣмъ соусомъ, носящимъ у арабовъ названіе калу (что значитъ листъ). Этотъ соусъ состоитъ не только изъ свѣжихъ растительныхъ веществъ: листьевъ, плодовъ, бобовъ, маслянистыхъ сѣмянъ, но и изъ сушеннаго мяса, которое предварительно размачивается въ деревянныхъ ступкахъ. Въ соусъ прибавляютъ поваренную соль, за неимѣніемъ же послѣдней—соотвѣтствующій продуктъ, получаемый изъ растительной золы. Все это наконецъ обливается жидкимъ масломъ. Такимъ образомъ почти ежедневно туземцы употребляютъ смѣшанную пищу.

Такое нормальное блюдо было въ употребленіи уже у цивилизованныхъ индѣйцевъ; они готовили его изъ хлѣбныхъ зеренъ съ сушенымъ мясомъ и рыбой, или же изъ каши со свѣжимъ мясомъ. Такая-же приблизительно смѣшанная пища составляетъ нормальное блюдо китайцевъ. Самой существенной частью этого кушанья служитъ рисъ. «Вмѣстѣ съ тѣмъ они ѣдятъ сало, рыбу или красноватый плодъ... кромѣ того они ѣдятъ зелень, которая подается въ отдѣльной чайной чашкѣ вмѣстѣ съ рисомъ» (по Осбеку). Древніе германцы и скандинавцы, употребляя въ пищу овсяный кисель съ селедкой или треской, съ колбасой или сливами, въ сущности слѣдовали тому-же принципу, потому что колбаса есть не что иное, какъ особенная форма консервированія мяса и сала.

Такимъ образомъ искусство варенія повлекло за собой мало по малу весьма существенное, хотя и до сихъ поръ недостаточное опѣненное измѣненіе въ жизни человека; оно пріучило его къ равномернo распределенной смѣшанной пищѣ, для

полученія которой и мужчина, и женщина въ одинаковой степени вносятъ свою долю труда. Нельзя не видѣть, насколько отъ этого нововведенія выигрываетъ веденіе

Рис. 21.—Глиняная амфора.

хозяйства, въ смыслѣ большаго единообразія. Въ Полинезій, гдѣ не умѣли варить пищу, и возникло раздѣленіе половъ у очага и за трапезой.

Внѣшніе приемы ѣды тоже не могли не испытать на себѣ вліянія этого нововведенія. Чѣмъ ближе человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ стоялъ къ природѣ, тѣмъ шире

онъ пользовался въ этихъ случаяхъ ничѣмъ невооруженной рукой. Бушмены, готтентоты и эскимосы еще въ настоящее время пользуются самымъ древнимъ способомъ для принятія въ пищу мяса. Они хватаютъ кусокъ мяса за одинъ конецъ зубами, за другой рукой и, туго натягивая его, перерѣзаютъ кусокъ другой рукой непосредственно передъ ртомъ. На болѣе высокой ступени культуры, тоже уже оставленной нами въ настоящее время, считается за правило, чтобы мясо еще до приготовления разрѣзалося на небольшіе куски. Такъ поступаютъ въ Сѣверной Африкѣ и Азій. При этомъ конечно оказываются излишними особыя орудія для принятія пищи, да они и не были въ обычаѣ въ тѣ времена. Жертвенный пасхальный агнецъ, цѣликомъ приготовленный, уже у евреевъ считался воспоминаніемъ глубокой древности; вмѣстѣ съ искусствомъ варки вошло въ обычаи подавать мясо, разрѣзанное на мелкіе куски. Но зато въ западно-европейской культурѣ съ изобрѣтеніемъ острыхъ столовыхъ приборовъ снова вошелъ въ употребленіе обычай подавать неразрѣзанное жаркое. Въ настоящее время границей распространенія обоихъ этихъ способовъ можетъ считаться рѣка Лейта. Мадыры сохранили слѣды древнихъ временъ не только въ своей одеждѣ, напоминающей старыя франкскія костюмы, повязки котораго сдѣлались украшеніемъ, и въ своихъ топорахъ, напоминающихъ не что иное, какъ древнее боевое оружіе, но и въ обычаѣ крошить мясо передъ приготовленіемъ на мелкіе куски и обливать острымъ прянымъ соусомъ.

Упомянутый выше «аишъ» еще до сихъ поръ дѣлать въ Африкѣ пальцами. Миска, наполненная кушаньемъ, ставится на землю, участники трапезы на короткаяхъ усаживаются кругомъ и пальцами вытаскиваютъ изъ миски по кусочку. Они обмакиваютъ предварительно каждый кусокъ въ соусъ, затѣмъ разминаютъ его въ рукѣ, чтобы придать ему соответствующую форму, и тогда уже отправляютъ его въ ротъ. Нахтигаль рассказываетъ, что когда онъ очутился въ первый разъ за такой трапезой, у него не оказалось достаточной ловкости въ пріемахъ, вслѣдствіе чего сосѣди его были такъ любезны, что разминали для него куски пищи, придавая имъ подходящую форму. Какъ бы ни была матеріальна какая либо дѣятельность, она все-таки воспитываетъ въ человѣкѣ извѣстные обычаи, переходящіе за сферу чисто матеріальнаго. Такъ и въ данномъ случаѣ мы видимъ, что эти грубые, безпомощные пріемы ѣды все же связаны съ развитіемъ нѣкоторой общечеловѣческой общности.

У африканцевъ существуетъ обычай не торопиться во время ѣды, потому что эта поспѣшность можетъ оказаться невыгодной для прочихъ участниковъ трапезы. Болѣе или менѣе сходныя соображенія требуютъ, чтобы африканецъ послѣ ѣды извѣстными акустическими знаками далъ бы понять присутствующимъ, что онъ насытился. Та-же степень вниманія по отношенію къ соучастникамъ заставляетъ его мыть свои руки. Правда, первобытный человѣкъ охотно ищетъ освѣженія въ водѣ, но эта любовь къ купанью вовсе не служитъ признакомъ его чистоплотности. Наоборотъ, у первобытнаго человѣка скорѣе отсутствуетъ это качество, и часто до такой степени, что оно составляетъ существенное затрудненіе при опредѣленіи отѣтѣнкости кожи. Тотъ коричневый цвѣтъ, который представляютъ видимыя части тѣла бушменовъ и готтентотовъ, ни въ какомъ случаѣ не есть натуральный цвѣтъ кожи. Итакъ, при новомъ способѣ ѣды мытье рукъ начинаетъ становиться настоятельной необходимостью. Пользующійся болѣе широкимъ распространеніемъ обычай мыть руки передъ ѣдой есть только шагъ къ чистоплотности, но не служитъ еще доказательствомъ ея.

Въ одно время съ возникновеніемъ этихъ обычаевъ, а можетъ быть и раньше

или позже, возникъ еще одинъ обычай. У большинства народовъ произошло раздѣленіе труда между правой и лѣвой рукой: правая служила для принятія пищи, а лѣвая—для исполненія другихъ, болѣе низкихъ обязанностей. Поэтому, рассказывая объ африканской ѣдѣ, Нахигаль прибавляетъ, что «лѣвая рука на очень дурномъ счету». По этому вопросу между многими народами произошло какъ бы молчаливое соглашеніе, въ силу котораго правой рукѣ отдается предпочтеніе, не оправдываемое природными свойствами рукъ и не находящее себѣ аналогіи въ животномъ мірѣ. Вполнѣ естественно, что правой-же рукой пользовались для обѣднн прѣвѣтствіями и что работы, требовавшія чистоты, какъ напр. въслѣдствіи писаніе и рисованіе, тоже стали производиться правой рукой. Вѣроятно всѣ народы руководствовались этимъ соображеніемъ при такомъ раздѣленіи труда между обѣими руками.

Народы Восточной Азіи, начавши употреблять тѣ-же способы приготовленія пищи, пошли по нѣсколько иному пути въ пріемахъ для ѣды. Они не только употребляютъ палочки для ѣды, но каждому изъ обѣдающихъ кушанье подается въ отдѣльной чашечкѣ. Японскіе рабочіе лѣвой рукой держатъ передъ ртомъ чашечку, а правой отправляютъ въ ротъ содержимое ея при помощи двухъ палочекъ. Знатные японцы тоже не знаютъ другихъ столовыхъ приборовъ. Ножъ, изобрѣтенный уже раньше для другихъ цѣлей, оказался первой частью столоваго прибора. За нимъ послѣдовала *ложка*, необходимость въ которой оказалась тогда, когда въ числѣ кушаній появилась жидкая рисовая каша. Позже другихъ была изобрѣтена *вилка*.

Усилада жизни.

Обращаясь теперь къ тѣмъ предметамъ, которые человекъ искалъ исключительно ради вкусовыхъ ощущеній или для приправы къ своимъ кушаньямъ, потребность къ которой вызывалась однообразіемъ въ его средствахъ пропитанія, мы тѣмъ самымъ отнюдь не слѣдуемъ хронологическому порядку. На самомъ дѣлѣ человекъ никогда не прилагалъ большого усердія къ разысканію питательной пищи, чѣмъ къ нахожденію лакомыхъ кусковъ. Это соотношеніе между стремленіями человека къ удовольствію и удовлетворенію необходимыхъ потребностей находить себѣ аналогіи во всѣхъ сторонахъ его существованія. Такъ напр., даже у тѣхъ народовъ, которые теперь являются носителями культуры, воздѣлываніе хлѣбныхъ растений прививалось очень медленно; между тѣмъ какъ разведеніе табаку въ самое короткое время успѣло проникнуть даже во внутрь Африки.

Такимъ именно древнѣйшимъ вкусовымъ веществомъ въ тѣсномъ смыслѣ служилъ медъ, вырабатываемый наськомыми. Съ той-же жадностью, настойчивостью и находчивостью, съ которой въ наше время предоставленные самимъ себѣ мальчики ищутъ на луку шмелиныя гнѣзда или-же гонятся за самими шмелями, чтобъ завладѣть ихъ медомъ, пастушескія племена и народы, патавшіеся только тѣмъ, что находили въ природѣ, охотились за сладкой пищей пчелъ; такимъ образомъ слава страны, изобилующей медомъ, всегда вмѣстѣ съ тѣмъ характеризуетъ извѣстную ступень развитія ея обитателей. Въ древности нѣкоторыя страны славились такимъ изобиліемъ меда, что войска съ трудомъ могли подвигаться по нимъ изъ-за массы пчелиныхъ роевъ. На языкѣ исторіи культуры это обозначаетъ необработанныя страны съ бродячимъ населеніемъ.

Однако еще неизвѣстно, не искалъ-ли себѣ человекъ необходимой пищи, когда онъ впервые наткнулся на лакомство, сдѣлавшееся для него источникомъ наслажде-

ній. Зная, какъ усердно первобытный человѣкъ охотился за гусеницами, мы можемъ предположить, что онъ точно также не пренебрегалъ и пчелами и, благодаря этому, попалъ на медъ. Но онъ еще не былъ такъ избалованъ, чтобы, найдя лакомство, пренебрегать необходимой пищей. Если представить себѣ, какое множество негодной клѣтчатки долженъ былъ поглотить человѣкъ, питавшійся корнями папоротника, для того, чтобы извлечь изъ всего этого хоть небольшое количество питательныхъ веществъ, то намъ представится наиболѣе вѣроятнымъ, что первобытный человѣкъ не отдѣлялъ меда и личинокъ отъ пчелиныхъ сотовъ. Все это вмѣстѣ доставляло ему пожалуй еще больше удовольствія. Жало пчелы вовсе не было для него непреодолимымъ препятствіемъ. И имель вооруженъ жаломъ, тѣмъ не менѣе мальчики-пастушки умѣютъ безъ большой для себя опасности овладѣвать ихъ сотами, и кромѣ того австралійская пчела, такъ высоко цѣнимая на своей родинѣ, вовсе не имѣетъ жала. Австраліецъ разыскиваетъ ихъ гнѣзда почти такъ-же, какъ и наши пастухи—гнѣзда шмелей. Когда шмели вылетаютъ за добычей, мальчики преслѣдуютъ ихъ до тѣхъ поръ, пока они не исчезнутъ, скрывшись въ какой-нибудь ямкѣ. Тогда, припавъ къ землѣ ухомъ, они узнаютъ, есть-ли тамъ живыя существа. Точно также австраліецъ преслѣдуетъ пчелу до дерева, въ дуплѣ котораго находится улей. Вотъ что слѣдуетъ понимать подъ такъ называемъ «пчеловодствомъ» дикихъ народовъ, которымъ занимались также и древніе германцы и которое находилось еще въ цвѣтущемъ состояніи у литовцевъ и славянъ въ то время, какъ у германцевъ оно уже отступало на задній планъ.

Евреи, находясь еще въ кочевомъ состояніи, мечтали о странѣ, текущей медомъ. Во времена классической древности богатыми медомъ считались страны по ту сторону Дуная и въ Скиіи, слѣдовательно лежавшія за предѣлами тогдашней культуры. Тамъ находили пчелъ въ скалахъ и дуплахъ дубовъ; тамъ-же пчелы находили себѣ обильную пищу въ необозримыхъ липовыхъ лѣсахъ, которые тянулись отъ Дуная по отрогамъ Карпатовъ и несомнѣнно простирались до Чехіи, гдѣ еще до сихъ поръ сохранились слѣды такой растительности на скалистыхъ гребняхъ среднихъ ея горъ. Множество воску и меду, которымъ славилась Литва, получалось еще въ XVII ст., по свидѣтельству Франка, отъ дикихъ пчелъ. Въ средніе вѣка въ Чехіи и Германіи существовалъ налогъ на воскъ и медъ, нававший исключительно на бѣдныхъ людей, что показываетъ, что они и въ тѣ времена все еще должны были искать удовлетворенія своимъ потребностямъ въ лѣсу. Но съ теченіемъ времени это становилось затруднительнымъ, потому что пчелиный рой пересталъ быть собственностью всякаго нашедшаго его. Напротивъ того, уже древніе германскіе законодательные сборники установили то правило, что первый нашедшій пчелиное гнѣздо можетъ отмѣтить его и пользоваться имъ. Такимъ образомъ могло возникнуть стремленіе обезпечить за собой пчелиные ульи, перенося ихъ по ближе къ жилью.

Вѣроятно первый улей былъ устроенъ слѣдующимъ образомъ. Нашедшій дерево, въ которомъ пчелы устроили свой улей, подпилить пустой сукъ съ сотами сверху и снизу, чтобы поставить его у своего жилья и тѣмъ обезпечить себѣ пользование медомъ, такъ какъ при все усиливавшемся выжиганіи лѣсовъ нельзя было болѣе надѣяться во всякое время находить медъ въ лѣсахъ. Однако пчеловодство, какъ занятіе простыхъ людей, не пользовалось особеннымъ почетомъ, откуда и идетъ поговорка: «пчелы рождаются только у бѣдныхъ». Хотя такимъ образомъ и началось настоящее пчеловодство, но тѣмъ не менѣе какъ древности, такъ и среднимъ вѣкамъ недоставало того знанія дѣла, которымъ обладаетъ современный пчеловодъ.

Древніе одинаково говорили о царѣ пчелъ, какъ мы о «царицѣ-маткѣ», и всѣ древніе законодательные сборники, даже Швабское Зерцало, совершенно безъ всякаго пониманія устанавлюють раздѣленіе пчелиныхъ роевъ.

Если медъ первоначально составлялъ любимое пищевое вещество, то въ періодъ «варки» онъ сдѣлался любимѣйшей приправой къ смѣшанной пищѣ. По крайней мѣрѣ, безъ него не обходились праздничныя блюда, его прибавляли въ манную и пшеничную кашу; намазывали имъ плоскіе пироги или примѣшивали его къ мукѣ, изъ которой они пеклись. Такимъ образомъ и явился медовый пирогъ, который мы теперь называемъ пряникомъ. Такое широкое употребленіе меда происходило отъ недостатка въ пряностяхъ въ туземной флорѣ, такъ какъ въ началѣ среднихъ вѣковъ были еще почти неизвѣстны всѣ пряности нашего времени. Изъ перечня травъ, посѣянныхъ въ огородахъ Карла Великаго, мы видимъ, что множество растений, находящихся у насъ въ полномъ пренебреженіи, очень цѣнились нашими предками, какъ приправа къ ихъ пищѣ. Нѣкоторыя изъ нихъ до сихъ поръ сохранили за собою славу цѣлебныхъ травъ и все еще употребляются ежегодно весной, т. е. какъ разъ тогда, когда наши предки съ нетерпѣніемъ ожидали свѣжей зелени. Теперь они вытѣснены разными привозными пряностями и находятъ въ пренебреженіи, но и изъ этихъ послѣднихъ нѣкоторыхъ уже постигла та-же участь.

Сладкій сокъ, хотя и уступающій въ достоинствѣ меду, добывается на тропикахъ изъ сахарнаго тростника, а въ другихъ мѣстностяхъ—изъ весеннихъ соковъ деревьевъ, какъ напр. клена, березы и др. И эти соки деревьевъ нѣкогда такъ высоко цѣнились людьми, что славяне и литовцы называли начало весны по этимъ деревьямъ.

Какъ только человѣкъ получилъ возможность сохранять эти сладкіе соки въ судахъ, хотя-бы то были звѣриныя шкуры, какъ онъ открылъ во многихъ изъ нихъ рѣдкое свойство. Соки приходили въ броженіе, и хотя они отъ этого не становились пріятнѣе для непривычнаго еще къ тому вкуса, но зато ихъ употребленіе влекло за собою опьяненіе, и мы знаемъ, что вездѣ и всегда человѣкъ имѣлъ склонность искать этого опьяненія и связаннаго съ нимъ сомнительнаго удовольствія. Самые разнообразныя опьяняющіе напитки, приготовляемые часто совершенно некультурными народами, извѣстны были почти повсюду, и если мы не находимъ ихъ у какихъ-нибудь народовъ, то средство, служащее имъ замѣной, весьма ясно указываетъ на то, что человѣкъ ищетъ во всѣхъ этихъ средствахъ именно опьяняющаго дѣйствія. Такъ напр. опьяняющихъ напитковъ не было какъ разъ въ тѣхъ странахъ, гдѣ было извѣстно употребленіе табаку.

Табакъ вовсе не составляетъ изобрѣтенія и характернаго признака избытка культуры, но возникающая потребность въ немъ указываетъ на переходъ человѣка къ извѣстной степени культурности, хотя то, въ чемъ онъ выражается, должно быть разсматриваемо скорѣе, какъ шагъ назадъ. Хищный звѣръ наравнѣ съ человѣкомъ умѣетъ пользоваться лакомымъ медомъ—но дальше этого животное и не идетъ; только человѣкъ предается опьяненію и ищетъ его—въ противоположность общепринятому взгляду—на низшихъ ступеняхъ развитія гораздо больше, чѣмъ на высшихъ.

Быть можетъ сравненіе между человѣкомъ и животнымъ, къ которому мы такъ часто прибѣгаемъ, дастъ намъ ключъ къ уразумѣнію этого удивительнаго, или какъ принято говорить, унижительнаго явленія. Мы не отказываемъ вѣдь животному въ нѣкоторой способности мыслить, хотя оно и не умѣетъ выражать свои мысли словами, но вмѣстѣ съ своими мыслями оно унаслѣдовало и способъ ихъ сопоста-

вленія. Не такъ было съ человѣкомъ, который, избрѣвши первое орудіе, сдѣлалъ то, чего онъ не могъ ни унаслѣдовать, ни непосредственно передать въ наслѣдство слѣдующимъ поколѣніямъ, потому что это орудіе находилось внѣ его. Съ этой минуты началась для него умственная работа, незначительная на нашъ взглядъ, но для него огромная и утомительная по своей новизнѣ. Онъ осторожно и ощупью совершалъ первые робкіе шаги въ этой новой для него области, останавливаясь и отступая каждый разъ, когда онъ не находилъ искомаго результата въ своемъ ходѣ мыслей, снова подвигался впередъ, когда ему казалось, что онъ нашелъ его, и снова отступалъ для того, чтобы изслѣдовать причину, заставившую его все-таки ошибиться въ своемъ расчетѣ. Но это дается легко и безъ усилій только человѣку, унаслѣдовавшему это умѣнье черезъ цѣлый рядъ поколѣній, но не тому, кто впервые дѣлаетъ подобную попытку. Все-таки было время, когда человѣкъ находился только въ началѣ этой дѣятельности, потому что, какъ-бы щедро онъ ни былъ наделенъ отъ природы, орудіе потому именно и является таковымъ, что оно не дается человѣку природой при его рожденіи. Сюда присоединяется еще постоянное, хотя и медленно прогрессирующее повышеніе уровня его внѣшняго существованія, что равносильно увеличенію заботы о поддержаніи жизни, которая и ложится тяжелымъ бременемъ умственной работы на человѣка, одареннаго стремленіемъ впередъ. Кому не извѣстенъ хотя-бы одинъ изъ безчисленныхъ случаевъ неудачи благороднѣйшихъ повидимому стремленій и попытокъ осчастливить благами культуры человѣка, стоящаго значительно ниже ея. Въ такихъ случаяхъ всегда увеличеніе жизненной заботы для осчастливленнаго становится бременемъ, гораздо болѣе невыносимымъ и тяжелымъ, чѣмъ лишеніе соответствующихъ благъ культуры. Сотни такихъ людей убѣгали отъ культуры и, сбросивъ съ себя одежду, находили снова свое счастье въ своей наготѣ. Счастье не есть нѣчто объективное, а наоборотъ—субъективное, и культура сама по себѣ не есть еще счастье. Итакъ, наряду съ громаднымъ значеніемъ прибрѣтеній человѣчества, которыя были разсмотрѣны нами до сихъ поръ, нужно поставить еще духовную работу,—работу не меньшаго значенія.

Она, какими-бы именами мы ее ни называли, даетъ себя чувствовать человѣку всей своей тяжестью, именно какъ работа, и отъ нея-то человѣкъ хочетъ отдохнуть, или-же, по крайней мѣрѣ, избавиться отъ связанныхъ съ нею заботъ. Легкое опьяненіе не можетъ помѣшать осуществленію того, что уже рѣшено, но оно освобождаетъ человѣка отъ мучительныхъ мыслей, наполняющихъ промежутки между рѣшеніемъ и приведеніемъ въ исполненіе какого-нибудь дѣла; оно отвлекаетъ духъ отъ тяжелыхъ заботъ и даетъ ему возможность спокойно наслаждаться минутой; вотъ чего онъ ждетъ отъ опьяняющаго напитка. У меня было знакомый, который совершенно бросилъ куреніе еще въ студенческіе годы. Черезъ много лѣтъ, когда на него обрушились тяжелые удары судьбы и чрезмѣрные заботы, онъ сталъ отчаяннымъ курильщикомъ. Сѣверные американцы не умѣли вовсе готовить опьяняющихъ напитковъ, но зато они употребляли табакъ. У каждаго народа было то или другое средство къ облегченію заботъ, если только природа совершенно не лишала его такого средства. Они существуютъ и существовали всегда въ такомъ изобиліи, что ихъ вовсе и невозможно перечислить. Мы приведемъ здѣсь только нѣсколько примѣровъ для того, чтобы показать, какими путями шло человѣчество и въ этомъ случаѣ. Въ поясѣ пальмъ, особенно въ пустыняхъ и степяхъ Сѣверной Африки, а также и на югѣ у Замбези, пробуравливаютъ стволъ пальмы и изъ добытаго предварительно перебродившаго сока готовятъ опьяняющій напитокъ «Lagbi». То-же самое дѣлаютъ въ Фецанѣ; только житель Марокко считаетъ такой

способъ, портящій плодоносное дерево, преступнымъ; жители-же Замбези продѣлываютъ то-же самое съ вѣробразной пальмой (Borassus). Сѣверные униоро готовятъ такой напитокъ изъ зеленыхъ плодовъ райской смоковницы, обливая ихъ водой. На родинѣ восточныхъ арійцевъ дѣлали изъ неизвѣстныхъ намъ теперь травъ весьма пріятный опьяняющій напитокъ, называвшійся «Нота», извѣстный впоследствии въ Индіи подъ именемъ «Soma». Въ Индіи не было этой травы и, подобно тому, какъ арійцамъ, переселившись туда, пришлось во многомъ измѣнить свои обычаи, то они и перестали употреблять это «Soma», какъ опьяняющее средство. Но онъ, какъ всегда, продолжаетъ существовать въ религіозныхъ обрядахъ и пѣсняхъ; подчиняясь непреклонному закону, онъ скоро пересталъ служить человѣку, сдѣлавшись любимымъ напиткомъ боговъ, но и то только тѣхъ боговъ, которые были покровителями народовъ во время ихъ переселеній, а не тѣхъ, которые стали почитаться только въ новой странѣ. Индѣйцу, вѣрному воспоминаніямъ старины, не казалось непристойнымъ представлять себѣ бога, Индра, неисправимымъ пьяницей, неразлучнымъ съ чашей «Soma». То-же самое можетъ быть сказано о «Kava» полинезійцевъ. Этотъ напитокъ приготовлялся слѣдующимъ образомъ. Корни *Piper methisticum* разжевывались и затѣмъ разводились въ водѣ. Отцѣженный сокъ этотъ и производилъ сильное опьяненіе, но, за рѣдкостью этого растенія, онъ былъ доступенъ только «господамъ». Подобный-же способъ приготовленія мы встрѣчаемъ у американскихъ индѣйцевъ въ Гвіанѣ: они пекли родъ хлѣба изъ маниоковой муки или корней кассавы, разжевывали и затѣмъ, обливши водой, ставили въ пустой пень. Послѣ трехдневнаго броженія напитокъ былъ годенъ къ употребленію. Этотъ кислый «Паивари» дѣйствуетъ освѣжающимъ образомъ, но выпитый въ большомъ количествѣ производитъ тяжелое опьяненіе. Еще крѣпче другой напитокъ тѣхъ-же индѣйцевъ, подъ названіемъ «Паива».

Индѣйцы въ то время умѣли уже воздѣлывать маниокъ, и можно думать, что опьяняющіе напитки принадлежать къ обрабатывающей культурѣ; такое предположеніе кажется тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что изъ всѣхъ хлѣбныхъ растеній можно получить опьяняющій напитокъ. Но этому противорѣчатъ какъ вышеприведенные примѣры, такъ и широкое употребленіе меду съ той-же цѣлью. Обитатели всѣхъ тѣхъ странъ, гдѣ водились дикія пчелы, сдѣлались потребителями меда. (Нѣмецкое Honig и Meth по-русски переводится одинаково—медъ.) Но не слѣдуетъ думать, что подъ этимъ названіемъ подразумѣвался всегда опредѣленный способъ приготовленія. Уже на западѣ Азіи у кочевыхъ народовъ былъ въ общемъ употребленіи напитокъ, приготовлявшійся изъ меда, воды и еще какой-то пряности. Вовсе не трудно было додуматься до того, чтобы разбавлять медъ водой, потому что, воспринятый въ большомъ количествѣ, онъ затруднялъ пищевареніе. А разъ его стали разбавлять водой для питья, то броженіе уже явилось само собой.

Отъ восточныхъ предѣловъ Африки до Скандинавіи и отъ азіатскихъ степей до Галліи медъ является общераспространеннымъ напиткомъ до тѣхъ поръ, пока здѣсь не было осѣдлага населенія, главнымъ источникомъ пропитанія котораго было земледѣліе. Медовый кувшинъ можетъ служить гербомъ для пастушескихъ народовъ, какъ позже для земледѣльческихъ — пивная кружка; и даже тамъ, гдѣ съ небольшими промежутками времени слѣдовало за земледѣліемъ и винодѣліемъ, слѣды употребленія меда сохранились, какъ остатокъ старины. Древній Крновскъ грековъ по видимому, являясь вторымъ Индра, былъ большимъ любителемъ меда; онъ, какъ показалъ Генъ, основываясь на одномъ орфическомъ отрывкѣ, иногда чрезмѣрно насадившись медомъ, отдыхалъ подъ дубами — картина нравовъ людей того вре-

мени. Въ одной старинной поэмѣ, легендарный сюжетъ которой древнѣ сюжета Илиады, герои угощаются напиткомъ изъ «воды и меда».

За предѣлами Греціи изобиліе пчель влекло за собою употребленіе меда. Аристотель рассказываетъ, что одинъ иллирійскій народъ добывалъ медъ изъ сотовъ и изъ меда приготавливалъ напитокъ, на подобіе вина, и вообще медъ былъ извѣстенъ, какъ «скиѣскій» напитокъ. Страбонъ замѣчаетъ, что въ Галліи приготавливали напитки изъ хлѣбныхъ зеренъ, частью изъ меду. У гунновъ, которыхъ Прискъ посѣтилъ въ нынѣшней Венгріи, точно также существовали оба рода напитковъ, но меду отдавалось предпочтеніе. И первобытные германцы, внѣ всякаго сомнѣнія, сдѣлались осѣдлыми, зная уже напитокъ медъ, и если они постепенно переходили къ хлѣбному напитку, то онъ, какъ и у гунновъ, прежде всего былъ мало цѣннымъ суррогатомъ; это слѣдуетъ уже изъ того, что добываніе хлѣба было дѣломъ женщины, а меда — мужчины. Съ появленіемъ плуга исчезаютъ пчелы, а затѣмъ и является пиво, и съ тѣхъ поръ вѣмцы примирились съ его низкимъ происхожденіемъ. Дальше оставался медъ обычнымъ напиткомъ у сѣверныхъ германцевъ, литовцевъ и славянъ.

Человѣкъ вѣроятно медленно и постепенно дошелъ до искусства дѣлать подобный-же опьяняющій напитокъ изъ хлѣбныхъ зеренъ. Мы видѣли, какъ пролезъ, находясь въ пути, прибавляетъ къ водѣ маисовой муки и подкрѣпляется этой смѣсью. Подобный напитокъ употребляютъ обыкновенно негры въ Борну; они прибавляютъ къ водѣ довольно грубо истолоченныхъ зеренъ сахарнаго сорго и получаютъ, по словамъ Нахтигала, пріятный прохладительный напитокъ. Стоило только заготовить большой запасъ такихъ напитковъ, чтобъ открыть процессъ броженія и тѣ условія, при которыхъ можно получить наилучшіе результаты.

То-же самое мы видимъ въ Восточной Африкѣ вплоть до самаго юга, и повсюду, гдѣ разводится сахарное сорго, приготавлиется подобнаго рода напитокъ подъ различными именами. Въ средней Африкѣ онъ весьма распространенъ подъ именемъ «помбе». Ливингстонъ рассказываетъ объ одномъ военачальникѣ Маренга, большомъ любителѣ этого «помбе», котораго можно было-бы показывать въ Европѣ, какъ диковинку. Онъ употреблялъ этотъ напитокъ ежедневно и чуть-ли не впродолженіи цѣлаго дня, и, что удивительно, напитокъ этотъ производилъ на него всегда опьяняющее дѣйствіе. Приготовленіе этого напитка составляетъ уже успѣхъ въ пивоваренномъ искусствѣ. Индѣйцы употребляютъ на муку только половину зеренъ собираемой ими ржи, вторую половину, размачивая, дѣлаютъ годной для прозябанія и затѣмъ толкутъ. Потомъ все это перевариваютъ два или три раза и, процѣдивъ этотъ отваръ, даютъ ему перебродить; напитки разливаютъ въ плетеную посуду и пьютъ чрезъ тростникъ. Абанту и бечуана приготавливаютъ такой-же напитокъ; но послѣдніе его называютъ «боялва»; матебелы-же—«юалла». Моръ говоритъ, что этотъ кисловатый напитокъ, напоминающій своимъ запахомъ свѣжій хлѣбъ, очень пріятенъ на вкусъ.

Однимъ словомъ, можно сказать, что въ Африкѣ повсюду, гдѣ только разводилось просо, извѣстно было въ нѣкоторой степени при самомъ низкомъ уровнѣ культуры искусство приготавливанія пива. Почему-же какъ разъ исключить изъ этого область Египта? Правда, въ Египтѣ уже въ доисторическія времена южныя хлѣбныя растенія были вытѣснены породами умѣреннаго пояса. Но развѣ перестали поэтому варить пиво? Конечно нѣтъ. Напротивъ того, если употребляютъ всевозможные сорта растеній для того, чтобы приготовить изъ нихъ напитки, то то-же самое попробовали конечно сдѣлать и съ сѣвернымъ хлѣбнымъ растеніемъ; такимъ образомъ египтяне первые, насколько намъ извѣстно, стали употреблять ячменное

пиво. Но не слѣдуетъ думать, что для приготовленія всѣхъ этихъ различныхъ родовъ пива, о которыхъ мы говорили, употреблялся хмѣль, какъ это дѣлается теперь; они скорѣе напоминали собою наше неотстоявшееся бѣлое пиво.

Различнаго рода памятники древности и писатели свидѣтельствуютъ о широкомъ употребленіи пива у древнихъ египтянъ, не отличавшихся ни меланхолическимъ нравомъ, ни аскетическимъ образомъ жизни. О египтянахъ хлѣбородныхъ низменностей Геродотъ говоритъ, что они не знали, за исключеніемъ воды, никакого другого напитка, «кромя ячменнаго» вина. То-же самое сообщаетъ о нихъ Діонъ. Они, говоритъ онъ, очень любили этотъ напитокъ, и у бѣдныхъ людей онъ продолжалъ употребляться даже съ появленіемъ вина. Онъ назывался «цитосъ». Только что упомянутые обитатели равнинъ, которыхъ Геродотъ совершенно справедливо называлъ самыми интеллигентными людьми, сдѣлали еще одинъ шагъ впередъ на поприщѣ пивовареннаго искусства. Они стали приправлять свой напитокъ сахарнымъ индѣйскимъ корнемъ (*Siser*, *Sium Sisarum* L) и лупиномъ. Если-бы имъ былъ извѣстенъ хмѣль, они, безъ сомнѣнія, 3000 лѣтъ тому назадъ изобрѣли-бы наше пиво.

Какъ только въ Испаніи среди древне-кельтическаго населенія стало распространяться земледѣліе, быть можетъ и въ самой незначительной степени, мы встрѣчаемся съ употребленіемъ пива по всей странѣ; только во времена Страбона вино, но и то въ самой незначительной мѣрѣ, стало проникать въ Испанію. И пастушескій народъ лигурійцевъ въ Верхней Италіи употреблялъ хлѣбный напитокъ. Во всей Европѣ и передней Азіи въ предѣлахъ земледѣльческой культуры было распространено употребленіе пива, за исключеніемъ Греціи, жители которой занимались винодѣліемъ; но, несмотря на сосѣдство грековъ, фракіяны и фригіяны тѣмъ не менѣе, какъ показалъ Генъ, оставались вѣрны пиву, и самъ Ксенофонтъ пилъ его у армянъ и нашелъ его не особенно отвратительнымъ. Здѣсь еще въ этомъ напитокѣ плавали ячмень и его пили, какъ въ Кацембѣ, черезъ тростникъ. И въ Венгріи во времена переселенія народовъ уже было извѣстно употребленіе пива, но вторгавшіеся въ предѣлы страны варвары предпочли ему медъ.

Въ Галліи кельты вмѣстѣ съ земледѣліемъ обратились къ пивоваренію и такимъ образомъ явились и въ этомъ предшественниками германцевъ, которые долѣе держались своей медовой воды. Въ Испаніи пиво носило имя «*Сегеа*». Плиніи впервые называетъ его «*Cervesia*». Съ началомъ нашего лѣтосчисленія земледѣліе у германцевъ нѣсколько расширилось, прежде всего на западѣ у римской границы; къ этому времени и относится упоминаніе Тацитомъ ячменнаго вина, о которомъ Цезарь еще не говорить. Только позже могъ этотъ напитокъ проникнуть и на востокъ, и на западъ. Полагаютъ, что нѣмецкое слово «*Bier*» (пиво) происходитъ отъ латинскаго «*biberē*» (пить), и что такимъ-же образомъ употребляемое на сѣверѣ названіе пива—эль (*Oel*, *Ale*) происходитъ отъ латинскаго «*oleum*» (масло). Древніе восточные пруссы не знали этого напитка въ IX столѣтіи.

Въ общемъ получается впечатлѣніе, что нѣкоторыя хлѣбныя растения переходили вмѣстѣ съ извѣстными расами, насколько это позволялъ климатъ. Поясъ произрастанія винограда былъ гораздо ограниченнѣе. — Но и въ предѣлахъ этого пояса виноградъ не переходилъ съ человѣкомъ съ мѣста на мѣсто, какъ мы это сказали о хлѣбныхъ растеніяхъ. Мы знаемъ, что древніе мореплаватели во время продолжительныхъ путешествій часто приставали къ берегу и оставались тамъ до тѣхъ поръ, пока изъ посѣянныхъ ими сѣмянъ не выросли новые хлѣбные злаки. При благоприятныхъ условіяхъ не приходилось долго дожидаться жатвы ячменя. Поэтому охотничьимъ и пастушескимъ племенамъ при переходѣ ихъ на новыя мѣста

не приходилось особенно долго дожидаться, пока жены их, укрывши дѣтей въ безопасномъ мѣстѣ, быстро засѣвали ячменемъ нѣсколько полосъ. Но никому не могло придти въ голову посадить во время такихъ переходовъ какое нибудь плодое дерево или виноградъ. А поэтому и это позднѣйшее культурное растеніе могло получить свое распространеніе только совершенно другимъ образомъ у осѣдлыхъ народовъ. Граница произрастанія полбы осталась до сихъ поръ въ Германіи на томъ же мѣстѣ, гдѣ она была положена римлянами, и точно также рожь и овесъ не перешли границы своего мѣстороженія; виноградная лоза представляла собою во время переселеній народовъ только дикій ягодный кустъ, и онъ сталъ переходить отъ одного народа къ другому, только когда они стали осѣдлыми; слава о немъ, распускаемая въ особенности греками и римлянами, сдѣлала его повсюду извѣстнымъ и доставила ему широкое распространеніе.

Предѣлы, въ которыхъ мы первоначально встрѣчаемъ виноградъ, какъ туземное растеніе, были не особенно велики. Вся Европа, за исключеніемъ Греціи, равнымъ образомъ Африка, Восточная Азія и Индія и какъ сѣверныя (аравійскія), такъ и южныя (туранскія) степи передней Азіи были лишены виноградной лозы. Такимъ образомъ родиной винограда слѣдуетъ считать Малую Азію, Сирію и страну южнѣе Кавказа. Здѣсь еще теперь находятъ дикую виноградную лозу, которая, быть можетъ, была распространена повсюду, гдѣ находила благоприятныя условія для своего существованія, подобно тому, какъ наши дикія плодовые деревья, принадлежа къ туземнымъ растеніямъ, распространены однако не повсемѣстно. Когда евреи пришли изъ аравійскихъ степей въ Сирію, то они уже застали винодѣліе у этого первобытнаго населенія и, покоривъ его, сами принялись за разведеніе винограда. Они придавали особенное значеніе этому культурному растенію. Намъ ничего неизвѣстно о приготовленіи пива у евреевъ; будучи сами кочевымъ народомъ и покоривъ это культурное племя, они прямо перешли отъ меда къ вину. Въ этомъ всего яснѣе отразилось отличіе евреевъ отъ родственныхъ имъ племенъ, продолжавшихъ вести въ степяхъ свою кочевую жизнь; они относились къ вину съ презрѣніемъ, видя въ немъ признакъ культурнаго рабства, въ которое впадаетъ также и господствующій классъ населенія, когда оно становится осѣдлымъ. Такъ напримѣръ, кочевое племя рехабитовъ (Иеремія гл. 35) сохраняло эту черту еще во время паденія Іудеи и, не сдѣлавшись никогда осѣдлымъ, относилось всегда съ презрѣніемъ къ напитку городскихъ жителей; то-же отношеніе видимъ мы у еще не осѣдлыхъ германцевъ къ вину римлянъ. Несомнѣнно до евреевъ распространителями этой культуры явились финикійскія племена, которыя и перенесли ее въ Египетъ, гдѣ вино мѣстами получило распространеніе среди богатыхъ, между тѣмъ какъ бѣдные продолжали наслаждаться пивомъ. Употребленіе вина, неразведеннаго водой, не могло удовлетворять привычной потребности ни тѣхъ, которые перешли къ вину отъ пива, ни тѣхъ, которые до того пили медъ; поэтому первоначально вино повсюду служило только эссенціей, изъ которой, прибавляя воду, получали соотвѣтствующій напитокъ. Что касается Европы, то введеніе въ употребленіе вина въ доисторическія времена принадлежитъ только Греціи. Между тѣмъ какъ древній эллинскій Кроносъ, если вѣрить преданію, еще любитъ медъ, герои Гомера временъ Зевса и Аполлона уже пьютъ вино—мы ничего не знаемъ объ употребленіи тамъ ячменнаго напитка, и Эллада всегда считала его чѣмъ-то варварскимъ. Но ни Зевсъ, ни Аполлонъ не ввели употребленія вина; эта честь принадлежитъ, какъ гласитъ преданіе, одному чужеземному богу, который переходилъ отъ одного народа къ другому, никому изъ нихъ не принадлежа, но встрѣчая повсюду радушный пріемъ. Элліны не были

для пеласгической Греціи новымъ населеніемъ, а тѣмъ-же древнимъ, лишь вновь организованнымъ подъ властью завоевательныхъ дружинъ или небольшихъ племенъ. Такимъ образомъ факты, сообщаемые намъ преданіями, указываютъ уже на существованіе вина до наступленія господства эллиновъ; такъ что вино такимъ образомъ принадлежало еще до-Эллинскому періоду культуры, представительницей котораго и является въ греческомъ культѣ—Деметра. Въ такомъ случаѣ какой-же чужеземный народъ принесъ его впервые въ страну грековъ? Наиболее справедливымъ предположеніемъ слѣдуетъ считать то, которое указываетъ на финикійцевъ, которые задолго до эллиновъ старались организовать трудъ туземнаго населенія вокругъ своихъ факторій.

Религіозные обычаи представляютъ всегда наилучшую путеводную нить. Въ Греціи, по всѣмъ вѣроятіямъ, вино явилось вскорѣ послѣ введенія сѣверныхъ хлѣбныхъ растений, такъ какъ умершимъ и богамъ приносили въ жертву одновременно медъ и вино. Въ Римѣ-же, какъ свидѣтельствуетъ объ этомъ Плиніи, вино было исключено изъ употребленія при возліаніяхъ однимъ древнимъ религіознымъ обычаемъ, сохранившимся въ такъ называемомъ законѣ Нумы; онъ гласилъ, что не слѣдуетъ окроплять виномъ жертвеннаго костра. Итакъ, мы встрѣчаемся у древнихъ италиковъ съ тѣмъ-же отношеніемъ къ вину, какое мы видѣли у рехавитовъ и позже у древнихъ германцевъ. Но во времена Софокла и Геродота Нижняя Италия представляла уже собой страну вина, но она въ то-же время была заселена греческими колоніями. Такое переселеніе, которое тотчасъ перешло въ прочное и постоянное мѣстопробываніе, конечно весьма способствовало перенесенію винодѣлія.

Отсюда винодѣліе распространилось на сѣверъ въ Ломбардскую низменность и перешло на горы Реціи, область Валтелины и Тироль. Августъ и Виргилій были любителями именно этого вина. Уже въ эпоху позднѣйшей республики на италійскій рынокъ свозился хлѣбъ изъ римскихъ провинцій, а въ самой Италиіи занимались преимущественно винодѣліемъ, приготовляя вмѣстѣ съ тѣмъ вино и для вывоза. Эта торговля и способствовала распространенію самой виноградной лозы.

Во Франціи родиной винодѣлія является Марсель, колонія мало-азійскихъ грековъ. Отсюда оно распространилось дальше, но сосредоточиваясь вначалѣ только въ укрупненныхъ торговыхъ пунктахъ скорѣе какъ отрасль городской, чѣмъ деревенской культуры. Покореніе Галліи Цезаремъ также не оставалось безъ вліянія на это: въ первомъ столѣтіи императорскаго періода почти вся Франція стала страной, производящей виноградъ. Вино, будучи предметомъ наслажденія только богатыхъ людей, прельщало, какъ средство наживы и обогащенія. Этой торговлѣ впрочемъ въ нѣкоторой степени мѣшало значительное неудобство сохраненія южныхъ винъ, и что удивительно всего, это то, что для сохраненія его обратились прежде всего къ тѣмъ-же средствамъ, которыя употреблялись для мяса: вина стали варить, коптить и приправлять пряностями. При тѣхъ-же условіяхъ распространилось винодѣліе почти во всѣхъ странахъ, лежащихъ къ югу отъ Европы; въ Марокко и Испаніи оно простиралось до береговъ Атлантическаго океана. Финикійцы, по всѣмъ вѣроятіямъ, распространили виноградную лозу до мыса Спартель, въ Марокко, нѣкогда называвшагося Амелузійей, а теперь извѣстнаго подъ именемъ «винограднаго мыса».

Въ Римскую эпоху вино проникло и по ту сторону Рейна, но новѣйшія изслѣдованія заставляютъ сдѣлать заключеніе, что тамъ было извѣстно только вино, но не виноградная лоза. Распространеніе ея послѣдовало скорѣе только во времена Франкскихъ королей изъ рода Меровинговъ. Италия сама относилась недоброжела-

тельно къ винодѣлю ея собственныхъ провинцій, такъ какъ вино представляло наилучшее средство для привлеченія въ изобиліи всѣхъ продуктовъ производства пограничныхъ варварскихъ странъ. Торговля виномъ у римлянъ напоминаетъ намъ въ этомъ отношеніи торговлю ромомъ среди индѣйцевъ, и народы, которые поняли все значеніе этой торговли, противились ввозу этихъ продуктовъ. Въ Венгрии, когда она превратилась въ римскую провинцію Паннонію, распространилось винодѣліе такимъ образомъ раньше, чѣмъ въ Германіи.

Культура во всей своей совокупности не можетъ быть предметомъ дара: ее нужно пріобрѣсти цѣною медленнаго постепеннаго труда. Какая нибудь отдѣльная часть вооруженія, заимствованная изъ ея богатаго арсенала, только тогда можетъ быть полезной человѣку, если онъ сумѣетъ обратить ее въ оружіе для жизненной борьбы, въ противномъ случаѣ это оружіе окажется для него или совершенно бесполезнымъ, или-же оно обратится противъ него-же самого. Никто конечно не станетъ объяснять эту своеобразную высшую культуру, которая развилась какъ разъ въ вышеописанныхъ областяхъ винодѣлія, или, чтобы дать болѣе близкій примѣръ, культуру Палестины и Греціи—вліяніемъ единственно винодѣлія; но въ ряду причинъ, способствовавшихъ развитію культуры, ему конечно должно быть отведено извѣстное мѣсто. И евреи и греки многимъ обязаны финикійцамъ, но евреи больше заимствовали у нихъ и мало прибавили своего, такъ какъ они рано утратили свою самостоятельность. Контрастъ между земнымъ и небеснымъ, мысль о которомъ теперь невольно возникаетъ въ умѣ при этихъ именахъ, не разъединялъ этихъ народовъ, пока евреи сами составляли замкнутый въ себѣ самомъ, полный жизни народъ.

Только побѣдоносныя стремленія священническаго сословія образовать изъ себя замкнутую касту, уничтоженіе царской власти и утвердившееся первенствующее положеніе этой касты распространили какой-то религіозный полусвѣтъ вокругъ народа, который нѣкогда наслаждался земнымъ счастьемъ и испытывалъ не меньше земныхъ радостей, чѣмъ другіе народы. Еще въ книгѣ Судей мы видимъ, какъ этотъ народъ въ началѣ своей національной жизни велъ свои героическія войны, въ «Пѣсняхъ пѣсней» мы слышимъ отголоски того, до какого яснаго наслажденія жизнью, до какой высоты лучшихъ чувствъ возвысился духъ народа во время его счастливой жизни. Этимъ жизнерадостнымъ чувствомъ евреи приближаются къ грекамъ больше, чѣмъ это принято думать. Оба эти народа являются хотя и младшими представителями той культуры въ южномъ умѣренномъ поясѣ, которая, правда, и существовала уже тысячелѣтія, но въ этомъ видѣ несомнѣнно только здѣсь впервые проявилась на землѣ, такъ какъ она своимъ основаніемъ имѣла всю совокупность успѣховъ, которые только порознь составляли принадлежность всѣхъ прочихъ народовъ, жившихъ внѣ этихъ предѣловъ. Въ этой суммѣ условій развитія культуры, впервые въ жизни человѣчества соединившихся въ одномъ мѣстѣ, нелишнее значенія мѣсто занимаетъ вино.

Нельзя считать маловажнымъ то обстоятельство, что въ этой культурной области мы впервые видимъ человѣка, пользующагося правильно приготовляемой, безъ излишней затраты силъ и времени, смѣшанной пищей, въ составъ которой, какъ мы увидимъ ниже, вноситъ свою долю и животное царство, причемъ способъ, которымъ это совершается, составляетъ параллель правильному разведенію растений. Въ послѣднемъ отношеніи эта культура, совершенно независимо отъ сравненія эпохъ, далеко превосходитъ ту культуру, которая развилась на новомъ материкѣ, въ плоскогоріяхъ Центральной Америки. Она не сумѣла включить животное въ правиль-

ную кухонную организацію человѣка; потому при всей своей красотѣ она заятнана клеймомъ каннибализма, между тѣмъ какъ культура Запада мало по малу выдвинула идею неприкосновенности человѣческой личности. Нельзя не обратить должнаго вниманія на то, что силы человѣка, окрѣпшія въ служеніи заботѣ о пропитаніи, въ значительной степени стали свободными, благодаря правильному веденію кухни. Не трудно опредѣлить вліяніе, произведенное на человѣка тѣмъ или другимъ наслажденіемъ, которому онъ отдалъ свои освободившіяся силы. Какъ это ни покажется тривіальнымъ, но нѣтъ никакого сомнѣнія, — какаѣ существенная разница заключалась въ томъ, чѣмъ люди наполняли свои желудки; былъ-ли то кислый «помбе» или легкій, менѣе возбуждающій напитокъ, который освѣжалъ тѣло и приводилъ духъ въ радостно возбужденное состояніе.

Вино во всякомъ случаѣ участвовало въ развитіи культуры и поэтому всегда оставалось съ ней въ тѣсной связи. Отдѣльные индивиды могли злоупотреблять имъ, но для культуры оно всегда оставалось благотельнымъ. Греки употребляли его, только смѣшивая съ водой; практичный римлянинъ умѣлъ извлечь пользу даже изъ худшаго продукта — уксуса, названіе котораго заимствовали все народы у римлянъ или византійцевъ; римскій солдатъ бралъ его съ собою въ походъ, прибавляя его ко всякой водѣ и превращая ее тѣмъ самымъ въ здоровый и освѣжающій напитокъ, зато въ предѣлахъ области винодѣлія почти всюду употребленіе вина уже на первыхъ порахъ является злоупотребленіемъ его. Отсюда — обычай германцевъ пить вино, не разбавляя его водой, т. е. употреблять эссенцію вмѣсто приготавлиаемаго изъ нея освѣжающаго напитка. Этотъ обычай объясняется вліяніемъ болѣе холоднаго климата. Вѣдь и мы въ сущности не перестаемъ придерживаться его.

Сосудомъ для сохраненія вина на Востокѣ служили еще мѣхи изъ звѣриныхъ шкуръ; равнымъ образомъ греки употребляли еще мѣхи изъ козихъ шкуръ; но на ряду съ этимъ у нихъ уже была въ употребленіи и глиняная посуда. Съ деревянной посудой римляне встрѣчаются только у кельтовъ, жившихъ въ лѣсныхъ мѣстностяхъ.

Область винодѣлія образуетъ какъ-бы островъ среди западной половины Стараго свѣта. Для этой области характерно не употребленіе опьяняющаго напитка и не привычка къ нему жителей, а только то, что совершенно особаго рода растеніе разводится здѣсь исключительно для этой цѣли. Въ этомъ то и состоитъ отличіе этой области отъ прочихъ, потому что стоитъ только перешагнуть черезъ предѣлы этой области на востокъ, какъ мы тотчасъ-же встрѣчаемся, какъ съ общимъ правиломъ, что человѣкъ употребляетъ для приготовленія опьяняющаго напитка растенія, служація ему для пропитанія. Жители Запада узнали уже отъ спутниковъ Александра, что въ Индіи готовится изъ риса напитокъ, похожій на ячменное пиво. Однако не въ одной только Индіи, но и во всей области произрастанія риса происходитъ то-же самое, хотя и изготовляемый изъ риса сивушный напитокъ находился на различныхъ степеняхъ совершенства, пока онъ превратился въ то, что извѣстно подъ именемъ арака. Почти совершенно то-же мы видимъ въ области произрастанія сахарнаго тростника, гдѣ наряду съ аракомъ является ромъ. И древнимъ мексиканцамъ было извѣстно пиво изъ маиса, но аналогію виноградному вину въ культурѣ американскаго плоскогорья представляетъ напитокъ подъ названіемъ «Pulque», приготавлиаемый изъ нѣкоторыхъ видовъ туземнаго растенія агавы.

Какъ ни несовершенны наши указанія, но ихъ вполне достаточно, чтобы показать, какъ ограниченны были представленія древнихъ, полагавшихъ, что «варвары»

приготавливают свои напитки из плодовъ, стараясь подражать вину. Конечно, въ достиженіи этой цѣли все человѣчество шло по одному пути, и только различныя средства, встрѣчаемыя имъ, привели его къ различнымъ результатамъ. Другая группа веществъ, утилизируемыхъ человѣкомъ отчасти для замѣны опьяняющихъ напитковъ, отчасти-же наряду съ ними, показываетъ, что человѣка влекла къ нимъ не столько жажда, сколько желаніе привести себя въ состояніе пріятнаго опьяненія.

Къ съдобнымъ зернамъ, которыя нѣкогда собирались человѣкомъ въ дикомъ состояніи, а потомъ, благодаря разведенію, распространились изъ своей первоначальной родины на болѣе далекія пространства, принадлежали также льняное сѣмя, макъ и, въ извѣстной степени, конопляное сѣмя. Свѣдѣнія, существующія о нихъ, даютъ намъ право сдѣлать предположеніе, что эти растенія сѣялись и собирались первоначально только изъ-за ихъ зеренъ. Но и это уже даетъ намъ почти возможность причислить ихъ къ вкусовымъ веществамъ, такъ какъ они привлекали къ себѣ человѣка, главнымъ образомъ, своимъ масломъ, котораго совершенно не было въ хлѣбныхъ растеніяхъ, и человѣку поэтому приходилось замѣнять его жиромъ животныхъ, который не всегда можно было имѣть. Такая замѣна являлась тѣмъ желательнѣе въ особенности для классическихъ народовъ, что они, какъ мы это увидимъ ниже, не умѣли добывать отъ своихъ громадныхъ стадъ того жира, который мы извлекаемъ теперь изъ молока. Наши предки считали одинаково цѣннымъ какъ льняное, такъ и буковое масло, и теперь еще въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Чехіи пироги, приправленные этимъ масломъ, считаются лакомымъ блюдомъ. Въ Абиссиніи еще по сю пору льняное сѣмя употребляется только въ пищу, въ Индіи въ древности разводили ленъ только изъ-за его масла. Такимъ-же образомъ греки изъ маковыхъ и сезамовыхъ зеренъ или-же изъ льняного сѣмени, свареннаго съ медомъ, приготавливали приправу къ печению. Отправляясь въ походъ, греки запасались толченымъ льнянымъ сѣменемъ, которое употребляли въ пищу; точно также въ Верхней Италиіи было, по всей вѣроятности, извѣстно древне-кельтійское блюдо изъ льняного сѣмени. Такимъ образомъ ленъ былъ издавна извѣстенъ, какъ съдобное растеніе въ европейскихъ областяхъ винодѣлія; оно, надо полагать, принадлежитъ флорѣ этого пояса. Но только изъ Египта и Колхиды у Чернаго моря распространилась впослѣдствіи техническая обработка льняныхъ волоконъ.

Зато конопля не принадлежитъ къ этому поясу культуры; древній Египетъ, Финикія, Палестина и древняя Эллада не знали этого растенія. Оно скорѣе свойственно той области, которая отдѣляется отъ только что разсмотрѣнной нами области культуры горными цѣпями Арменіи, Персіи и Бактріи,—той странѣ Азіатскихъ степей, которая, какъ мы увидимъ ниже, является родиной кочевого скотоводства. Оно представляетъ собой такимъ образомъ культуру болѣе высокую и свойственную сѣвернымъ странамъ. Такъ, греки, какъ сообщаетъ Геродотъ, заимствовали это растеніе у скивовъ, этого европейскаго авангарда степныхъ народовъ. Еще теперь конопля растетъ въ дикомъ состояніи у Аральскаго и Каспійскаго морей; въ такомъ-же состояніи, какъ говоритъ Геродотъ, встрѣчалась она у оракійцевъ и сѣялась только въ незначительномъ количествѣ. Скивы употребляли конопляное сѣмя, какъ средство наркотическое, причемъ способъ его употребленія напоминалъ скорѣе куреніе; они въ своихъ баняхъ насыпали, на пылающіе камни конопляныя сѣмена и въ этомъ дымѣ выли отъ удовольствія. Какъ видно, имъ также былъ извѣстенъ уже родъ опьяняющаго экстракта изъ конопли.

По всей вѣроятности при разведеніи этого растенія въ болѣе дикой странѣ скивовъ жители первоначально руководствовались тѣми-же соображеніями, какъ въ

области винодѣлія при разведеніи льна и мака, ибо въ Россіи еще до настоящаго времени весьма употребительно взамѣнъ жира конопляное масло для приготовления постной пици. Подобно тому, какъ греки не знали проса и сѣверныхъ хлѣбныхъ растений, которыя распространялись вмѣстѣ съ народами, пришедшими изъ сѣверныхъ широтъ, точно также была имъ неизвѣстна конопля, хотя она была въ употребленіи у всѣхъ сѣверныхъ кочевыхъ народовъ, пастбища которыхъ, начинаясь отъ индо-арійцевъ, персовъ и мидянъ и проходя черезъ туранскія и русскія степи вплоть до Западной Европы, описывали какъ-бы дугу вокругъ древнихъ народовъ, знавшихъ винодѣліе. По крайней мѣрѣ у кельтовъ въ Галліи конопля появляется уже очень рано. Еще несомнѣннѣе, что здѣсь конопля преимущественно дѣнилась, какъ опьяняющее средство. Древніе персы обозначаютъ состояніе опьяненія тѣмъ же именемъ, которымъ индо-аріецъ называлъ коноплю. Изъ Азіи конопля и конопляные напитки были впоследствии перенесены въ Африку, и въ настоящее время число людей, подверженныхъ дѣйствію «гашиша», считается отъ двухсотъ до трехсотъ милліоновъ. Главная часть этого экстракта, который чаще употребляется для куренія, чѣмъ въ пицу, состоитъ изъ смолистаго коноплянаго вещества. Вмѣстѣ съ тѣмъ гашишъ употребляется въ южныхъ степяхъ Азіи вмѣсто вина, запрещеннаго бедуину.

Остается еще прибавить, что то-же самое употребленіе было сдѣлано изъ усыпительнаго мака (блага м.), растущаго въ Персіи въ дикомъ состояніи.

Теперь не трудно будетъ уразумѣть внутреннее средство между питьемъ и куреніемъ. Только у сѣверныхъ индѣйцевъ первоначально исключительно существовало одно взамѣнъ другого. Употребленіе душистаго курительнаго порошка было распространено во всей Америкѣ, и до сихъ поръ еще въ восточной Азіи, при вступленіи гостя въ домъ, мексиканецъ въ честь его посыпаетъ уголья курительнымъ порошкомъ, точно такъ-же, какъ древніе германцы оказывали гостю почетъ, подавая ему какой нибудь напитокъ. Но наряду съ этимъ у мексиканцевъ существовали и свои опьяняющіе напитки, а въ Южной Америкѣ для той-же цѣли жуютъ листья кока. Въ Ст. Доминго, Ньюкатанѣ, Флоридѣ и дальше къ сѣверу европейцы нашли въ употребленіи у туземцевъ одну траву съ такими сильными наркотическими свойствами, что она стояла внѣ всякой конкуренціи съ другими подобными средствами. Только европейцу предоставлено было испробовать и удержать все; онъ могъ въ одно и то-же время предаться куренію, нюханію и питью. Никогда еще ни надъ однимъ растеніемъ, вошедшимъ въ кругъ культуры, не тяготѣло столько проклятій, ни одно растеніе не преслѣдовалось столь суровыми законами, какъ табакъ, и, несмотря на все это, онъ побѣдоносно распространился по всему земному шару. Этотъ успѣхъ всего лучше доказываетъ, насколько въ человѣкѣ всегда преобладало и преобладаетъ влеченіе къ наслажденію надъ требованіями заботы о поддержаніи жизни. То обстоятельство, что табакъ — растеніе однолѣтнее, только способствовало его распространенію. Благодаря этому, онъ могъ и у дикарей сдѣлаться однимъ изъ первыхъ культурныхъ растеній. Кораны въ Африкѣ не занимаются землѣдѣіемъ, но тѣмъ не менѣе имъ разводятъ табакъ. Только табакъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и былъ въ состояніи показывать мужичнѣ цѣну землѣдія.

Негръ у верхняго теченія Нигера, при всей своей лѣности, ходитъ однако за своимъ табакомъ, разсаженнымъ на грядкахъ, и не считаетъ для себя труднымъ поливать ихъ дважды въ день.

Способъ употребленія табаку не повсюду былъ одинъ и тотъ-же, и во всякомъ случаѣ нашъ способъ не можетъ считаться древнѣйшимъ. Древнѣйшіе курильщики,

жители Антильскихъ острововъ, употребляли тростникъ, который, какъ вилка, оканчивался двумя пустыми трубками; они клали табакъ на уголья и проводили дымъ черезъ такой тростникъ прямо въ носъ. Въ южной Африкѣ клали табакъ въ какое нибудь отверстіе земли и, давъ ему истлѣть, черезъ трубки втягивали въ себя оттуда дымъ. Затѣмъ уже не трудно было придѣлать къ концу трубки маленькую жаровню и удобоносимый курильный алтарь; такимъ образомъ и возникла наша курительная трубка.

Не говоря объ обычномъ жеваніи табаку, мѣстами даже само куреніе приблизилось къ питью. Такой опытъ могли легко сдѣлать народы, которые до тѣхъ поръ достигали опьяненія путемъ употребленія напитковъ. Примѣръ такого употребленія и вмѣстѣ съ тѣмъ самаго высокаго почитанія этого растенія и бережливѣйшаго пользованія имъ представляютъ намъ вадшиши у озера Таганайки въ Южной Африкѣ. Куда бы они ни пошли и гдѣ-бы они ни были, они возятъ съ собой табакъ въ тыквѣ, а на шеѣ у нихъ висятъ металлическіе или деревянные тиски. Отъ времени до времени они наполняютъ тыкву водою и набираютъ полную горсть настоявшейся на табакѣ воды. Они втягиваютъ ее по немногу въ носъ и тщательно зажимаютъ тисками ноздри для того, чтобы ничего не вытекло изъ нихъ. Но этотъ примѣръ повидимому нашелъ себѣ мало раздражителей.

Прирученіе животныхъ.

Между воздѣлываніемъ растеній и прирученіемъ или разведеніемъ животныхъ нельзя провести строгой параллели. Врядъ-ли человѣкъ когда нибудь трудился надъ разрыхленіемъ земли для посѣва сѣмянъ, имѣя въ виду что либо другое, кромѣ своего пропитанія. Это побужденіе привело его къ земледѣлію, но не оно заставило его обратиться къ скотоводству. Человѣкъ сталъ приручать къ себѣ животныхъ, руководясь самыми разнообразными побужденіями, и только позднѣйшіе, болѣе предусмотрительные народы, смотря по обстоятельствамъ, сдѣлали полезный для себя выборъ. Такимъ образомъ глава о скотоводствѣ не относится къ исторіи человѣческаго пропитанія въ той-же степени, какъ глава о земледѣліи, почему мы и отодвинули ее нѣсколько на второй планъ.

Врядъ-ли когда удастся исторіи прослѣдить съ самаго начала стремленіе человѣка подчинить себѣ животное; стремленіе это трудно отдѣлимо отъ какой то дѣтской наклонности къ забавѣ, свойственной первобытному человѣку. Въ лѣсахъ Гвіаны можно встрѣтить совершенно дикихъ индѣйцевъ, окруженныхъ всевозможными прирученными животными, которые раздѣляютъ ихъ и безъ того скудную пищу, не принося имъ взамѣнъ рѣшительно никакой пользы. Развѣ исключеніе составляютъ только пестрыя птицы, перьями которыхъ дикарь любитъ себя украшать, но онъ боится употреблять въ пищу, какъ ихъ мясо, такъ и яйца. Подобныя побужденія дикарей находятъ себѣ аналогію и въ поступкахъ современныхъ людей. Такъ напримѣръ, и теперь еще часто охотникъ приноситъ домой молодую лисицу только затѣмъ, чтобъ позабавить своихъ дѣтей. Дикарю конечно гораздо чаще, чѣмъ намъ, представлялся случай овладѣть молодымъ животнымъ, ему не трудно было сдѣлать такой опытъ, тѣмъ болѣе, что дѣтеныши животныхъ какъ бы сами давались ему въ руки: молодой бизонъ слѣдуетъ за охотникомъ, который убилъ его мать, въ его охотничью хижину и не покидаетъ ея болѣе—при всемъ томъ у индѣйца никогда не было желаніе приручать къ себѣ эту породу. Ему скорѣе иногда доставляетъ удовольствіе воспитывать волка. И въ самомъ дѣлѣ, исключая большихъ кошекъ,

очень мало такихъ животныхъ, которыхъ нельзя было-бы поодинокѣ приручить. Во всякомъ случаѣ болѣе труднымъ, чѣмъ прирученіе, является для человѣка разведеніе скота. Первымъ условіемъ такого разведенія является успѣшная борьба съ нежеланіемъ животныхъ размножаться въ неволѣ. Но опять таки, ясно, что и это гораздо легче было преодолѣть первобытному человѣку, чѣмъ намъ. Всѣ наши такіе опыты не удаются только потому, что мы, при всей заботливости, которой окружаемъ пойманныхъ нами животныхъ, не можемъ ихъ поставить въ тѣ-же жизненные условія, какія имъ доставляетъ природа. Къ тому-же человѣкъ еще самъ не жилъ въ той неволѣ, которую должно раздѣлять съ нимъ теперь домашнее животное. Человѣкъ, еще самъ не осѣдлый, оторвалъ прирученное животное отъ его природныхъ условій жизни лишь настолько, что приучилъ его не бояться огня и пожалуй даже цѣнить его теплоту въ холодныя ночи и пользоваться объѣдами человѣка.

Во всякомъ случаѣ, буйволъ или бизонъ не годился для такого прирученія: чѣмъ могъ-бы его привлечь человѣкъ къ мѣсту своей трапезы? Это очевидно должно было быть прирученіе совсѣмъ другого рода. Напротивъ того, къ такому прирученію и развившемуся вмѣстѣ съ нимъ разведенію животныхъ способомъ было такое животное, которое могло вмѣстѣ съ человѣкомъ привыкнуть ко всякаго рода пицѣ. Всѣ свидѣтельства согласно утверждаютъ, что собака есть первое изъ тѣхъ животныхъ, которыя на долгое время привязались къ человѣку, или, какъ мы скажемъ теперь, собака есть первое домашнее животное.

Главнымъ образомъ слѣдуетъ различать троякую цѣль разведенія человѣкомъ собаки, какъ только вообще такая цѣль присоединилась къ первоначально безцѣльной забавѣ. Человѣкъ держалъ у себя собаку или для того, чтобы пользоваться ея мясомъ, когда это ему будетъ нужно, или, чтобы извлечь пользу изъ ея природной способности къ охотѣ. Но обѣ эти цѣли не всегда представлялись для человѣка осуществимыми. Была впрочемъ еще третья цѣль, на которую до сихъ поръ почти не обращали вниманія, хотя она имѣетъ мѣсто не только при разведеніи собаки. Эта цѣль, какъ это ни покажется страннымъ и необыкновеннымъ, была въ своемъ основаніи религіозная. Она служила главной причиной разведенія животныхъ у цѣлыхъ народовъ и имѣла громаднѣйшее вліяніе на развитіе качествъ прирученныхъ животныхъ.

При открытіи Новой Зеландіи тамъ были найдены всего два четвероногихъ животныхъ: собака и крыса. Но такъ какъ крыса по своимъ свойствамъ слегка напоминаетъ амфибій, то можно пожалуй допустить, что эта страна сама не произвела, не говоря о летучихъ мышахъ, никакихъ мѣстныхъ млекопитающихъ, и что собака также пришла туда вмѣстѣ съ человѣкомъ. Такъ-же одиноко стоитъ собака по своей породѣ среди совершенно своеобразной австралійской фауны.

Здѣсь повсюду собака появляется въ обществѣ человѣка и пользуется его расположеніемъ. Австралійская собака или динго (рис. 22) довольно близко стоитъ къ волку и походить на своего полудикаго собрата въ Индіи. Возможно, что она еще болѣе одичала вслѣдствіе вытѣсенія жителей изъ страны, такъ какъ Австралія, въ противоположность Новой Зеландіи, представляла ей различнаго рода пицу. Если динго и служить своему господину для охоты, то все-таки главнымъ образомъ человѣкъ пользуется его мясомъ и сообразно съ этимъ динго представляетъ собой на различныхъ островахъ, въ большей или меньшей степени, настоящій убойный скотъ.

Австралійскій негръ, бродящій по лѣсу со своими собаками, представляетъ со-

бой уже въ нѣкоторой степени кочевника, правда довольно примитивнаго: онъ водить съ собой чрезвычайно удобнымъ для себя образомъ живой провіантъ.

Собаки новозеландцевъ показалиcя первымъ европейцамъ некрасивыми и низкорослыми. Онѣ «живутъ у людей, которые приучаютъ ихъ только затѣмъ, чтобы употреблять ихъ мясо въ пищу». Собаки питались здѣсь только рыбой, а на островахъ Товарищества онѣ превратились въ совершенныхъ вегетаріанцевъ: «ихъ кормили не мясомъ, а только плодами хлѣбнаго дерева, кокосовыми орѣхами, ямомъ и всякими другими такими-же растеніями». Но наряду съ собакой на этихъ островахъ появляется, какъ убойный скотъ, также свинья, хотя предпочтеніе отдавалось мясу собакъ, которое путешественники сравнивали даже съ бараниной. Отсюда распространяется этотъ способъ разведенія собакъ до юго-восточныхъ острововъ Азіи. Если мы допустимъ, что собака, какъ предметъ пищи, подобно свиньѣ, или вѣрнѣе говоря, наоборотъ, переходила отсюда черезъ Тихій Океанъ въ Австралію, то этимъ еще не сказано, что такимъ-же путемъ необходимо шло и переселеніе народовъ. На островахъ Товарищества можно было ясно различить господствующее племя побѣдителей отъ древнѣйшаго народонаселенія. Собаки и свиньи могли появиться только вмѣстѣ съ побѣдителями, какъ это и видно на островѣ Гаити, гдѣ свиное мясо всегда оставалось пищей господствующаго класса.

Но нельзя однако не признать, что побудительная причина прирученія собаки имѣла на нее свое замѣтное вліяніе. Извѣстными умственными способностями собака обладала во всякомъ случаѣ и уже во время своей дикости. Одицавшій въ лѣсу динго перенялъ повидимому нѣкоторыя уловки отъ лисы, и теперь онъ является для насущныхъ тамъ овечьихъ стадъ совершеннѣйшимъ волкомъ. Спутники Кука замѣтили въ новозеландской собакѣ слѣды особенной привязанности къ своему господину. Проданныя имъ старыя собаки отказывались отъ корма и только молодыя принимали пищу. Впрочемъ возможно, что въ данномъ случаѣ не безъ вліянія была и перемѣна пищи. Но вообще то, что говоритъ Георгъ Форстеръ о домашней собакѣ на островахъ Тихаго Океана, значительно отличается ее отъ нашей собаки, при всемъ сходствѣ этихъ породъ. «Въ Новозеландіи и, какъ передаютъ древніе мореплаватели, также на островахъ Тихаго Океана (между тропиками) собаки представляютъ собой самое глупое и неразумное животное, какое только можно себѣ представить. Онѣ тамъ повидимому ничуть не умнѣе нашихъ овецъ». Форстеръ показалъ еще одно замѣчательное различіе между ними, выведенное имъ отчасти изъ опыта. Новозеландская собака, подобно своему господину, отличается каннибализмомъ, чего никакъ нельзя сказать про нашу собаку. Такое наблюденіе легко было сдѣлать, потчуя собакъ собачьимъ мясомъ. Когда нашимъ собакамъ бросали собачье мясо или косточку, то онѣ не дотрагивались до него; новозеландскія-же собаки жадно набрасывались на это мясо.

Эта черта, общая собакамъ и ихъ хозяевамъ, едва-ли можетъ быть разсматриваема, какъ простая случайность. На сѣверѣ Новозеландіи была найдена такая образцовая, достойная удивленія земледѣльческая культура и настоящая кустарная промышленность, весьма своеобразная правда,—но въ своемъ родѣ высоко развитое искусство,—что мы должны сравнить эту область юго-восточной культуры съ культурой Мексики. И какъ разъ здѣсь, какъ и тамъ у народа, высоко стоящаго, но исключительно существующаго рыбной ловлей и земледѣліемъ, господствуетъ людоедство, какъ-бы неизбѣжный жизненный законъ, между тѣмъ какъ болѣе сѣверные острова сохранили его только какъ принадлежность культа. И точно такъ-

же тамъ является каннибаломъ въ своемъ родѣ и собака, для которой эта страна не произвела никакого другого теплокровнаго животнаго.

Древніе египтяне имѣли въ своемъ хозяйствѣ различныя породы собакъ, и между тѣмъ какъ въ различныя времена, по свидѣтельству памятниковъ, появлялись все новыя породы, исчезали старыя, разведеніе которыхъ менѣе удержалось. Нѣкоторыя изъ этихъ «собакъ» только прирученіемъ отличаются отъ дикихъ африканскихъ породъ собаки.

Одну изъ такихъ собакъ, а именно «лисю собаку», по весьма вѣрному обозначенію Ленормана, мы, принимая во вниманіе совершенно особый способъ ея разведенія, назвали-бы священной собакой. Не однимъ только египтянамъ свойственно было считать любимымъ мѣстопробываніемъ отдѣлившейся отъ тѣла души не только

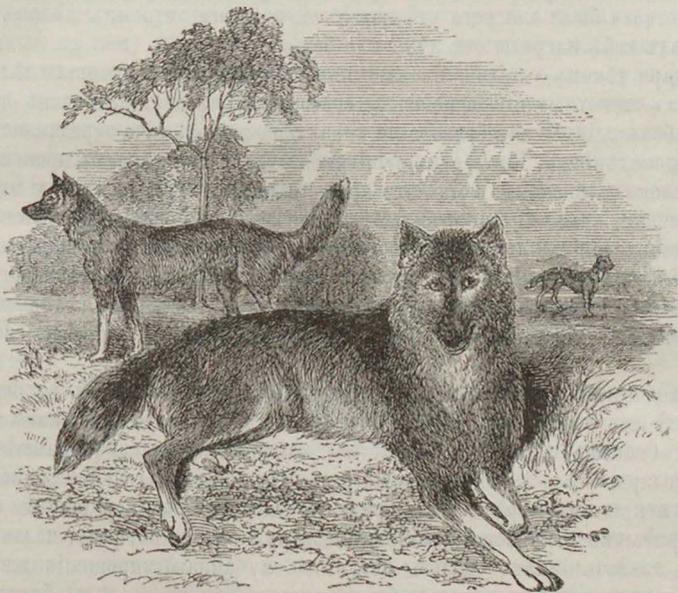

Рис. 22.—Динго (*Canis Dingo*).

безжизненные предметы, но и извѣстныхъ животныхъ. При этомъ совершенно безразлично, высокое или низкое положеніе занимаетъ душа въ іерархіи божествъ и вообще существуетъ-ли послѣдняя у даннаго народа, или нѣтъ. Къ животному относится съ благоговѣніемъ, разъ оно разсматривается какъ мѣстопробываніе какого-либо духа; если угодно, можно это назвать «богопочитаніемъ», но такое обозначеніе все-таки очень неточно.

Этотъ видъ богопочитанія существуетъ у всѣхъ первобытныхъ народовъ; у всѣхъ народовъ, которымъ извѣстна змѣя, она является тѣмъ животнымъ, лѣнивое и повидимому не имѣющее никакихъ потребностей тѣло котораго съ особенной любовью избирается душами и духами для своего мѣстопробыванія. Но индѣецъ считаетъ такими животными также ворона, бобра и др., каждое племя придерживается своего мнѣнія на этотъ счетъ. То-же самое происходило и въ древнемъ Египтѣ, какъ объ этомъ свидѣлствуетъ множество фактовъ. Но въ одномъ только этотъ

древній культурный народ опередил другіе первобытные народы, придерживающіеся одинаковыхъ съ нимъ взглядовъ. Древній индѣецъ или бупимень довольно стѣмъ, что, встрѣтясь съ такимъ священнымъ животнымъ, боязливо уступаютъ ему дорогу и во всякомъ случаѣ не употребляютъ въ пищу того животного, обитающій въ которомъ духъ можетъ впоследствии отблагодарить его за это. Древній египтянинъ сдѣлалъ еще шагъ впередъ. Если ему изъ стариннаго преданія было извѣстно, что какой-либо духъ, къ которому онъ стоялъ въ извѣстномъ религіозномъ отношеніи, любитъ покойно прохладяться въ рѣкѣ во чревѣ крокодила или же грѣться на солнышкѣ, то онъ со всей заботливостью старался доставить ему эти удобства; для этого онъ выбиралъ какой-нибудь лучшей экземпляръ изъ этой породы животныхъ, окружалъ его величайшей заботливостью, не стараясь извлечь изъ него въ свою очередь какую нибудь пользу или услугу; уже одна близость этого животного была для него утѣшительна, и за все, что онъ дѣлалъ для него, онъ ожидалъ себѣ награды отъ духа или божества.

Благодаря такому ухаживанію за дикими животными, произошли цѣлыя группы *домашнихъ* животныхъ; своеобразные способы ихъ разведенія очень часто оставались не безъ вліянія на образованіе характера животныхъ, передававшагося слѣдующимъ поколѣніямъ. Какъ разъ египтяне, культура которыхъ простирается еще до тѣхъ далекихъ временъ, когда эти представленія господствовали у нихъ въ такой-же степени, какъ и у первобытныхъ народовъ, производили въ самыхъ различныхъ направленіяхъ попытки подобнаго прирученія; но, въ зависимости отъ породы животныхъ, это вліяніе или распространялось только на отдѣльнаго индивидуума, или же создавало особия породы домашнихъ животныхъ, которыя мы однако можемъ найти и у другихъ народовъ, какъ происшедшія изъ того-же способа прирученія.

Въ такомъ родѣ ухаживало за крокодиломъ маленькое племя въ Файумѣ; божество всей ихъ мѣстности называлось у нихъ тѣмъ-же именемъ, какъ крокодилъ, а именно: «Себекъ». Отдѣльные индивиды, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ Страбонъ, легко приручались; но если даже это мало привлекательное животное, пойманное въ открытомъ морѣ, и едва чувствуя свою неволю, передало-бы своему потомству привычки и качества, свойственныя ручному животному, человѣчество не сумѣло-бы извлечь никакой пользы изъ этого случайнаго укрощенія животного, и поэтому такое прирученіе не могло-бы никогда выйти за предѣлы ближайшей его цѣли. При болѣе благоприятныхъ условіяхъ такіе результаты могли имѣть свое значеніе, выходящее далеко за предѣлы культа.

Какъ-бы переходную ступень въ этомъ направленіи составляетъ древнѣйшій способъ разведенія собакъ у египтянъ, который еще исключительно относился къ области культа. Въ это время какъ всѣ другія породы собакъ, воспитываемыя человекомъ только для практическихъ цѣлей, встрѣчаются на памятникахъ только съ теченіемъ времени, упомянутая нами «лисыя» собака появляется на «памятникахъ всѣхъ періодовъ съ древнѣйшихъ временъ существованія древняго государства». Благодаря ей острокопечной мордѣ, торчащимъ кверху ушамъ, густому хвосту и рыжеватого-желтой шкурѣ, ее трудно отличить отъ лисицы, а голова ее особенно напоминаетъ голову шакала. Эта собака появляется на памятникахъ не какъ помощникъ человѣка на охотѣ, а какъ спутникъ его; наиболѣе важнымъ свидѣтельствомъ въ пользу такого положенія собаки въ домѣ человѣка является то обстоятельство, что, при раскапываніи древнихъ могилъ, находятъ *мумии* именно этой породы собакъ. Однимъ словомъ, эта сабака почиталась, какъ фетишь, въ мѣстности, извѣ-

стной поклоненіемъ божеству «Анубисъ», гдѣ одинаково считались «священными» какъ собака, такъ и шакаль.

Шайки полуодичавшихъ собакъ, которыя бродятъ по базарамъ египетскихъ городовъ, въ особенности Каира, ведутъ свое происхожденіе именно отъ этихъ собакъ. И онѣ не находятъ себѣ никакого примѣненія, да и какъ настоящіе потомки извѣннаго животнаго, слишкомъ для того лѣнны и пользуются дурной репутаціей.

Этотъ особенный родъ прирученія собаки имѣеть мѣсто, какъ позднѣйшее явленіе, еще въ другой странѣ, въ Персіи, и только вмѣстѣ съ персами, перенесшими его, распространился изъ азіатскихъ степей черезъ Иранъ по передней Азіи. У зендскаго народа собака достигла положенія фетиша во-первыхъ, потому что она пожирала трупы и такимъ образомъ воспринимала въ себя ихъ души, а во-вторыхъ, потому что она, подобно огню, служила стражемъ человѣка. Древній персъ спокойно умиралъ только въ присутствіи живой собаки, такъ какъ онъ былъ увѣренъ, что благосклонный къ нему духъ, живущій въ тѣлѣ ея, защититъ отходящую отъ него душу отъ злыхъ духовъ, которые ее подстерегаютъ. Сила этого духа фактически проявлялась въ той защитѣ, которую онъ доставлялъ стадамъ наряду съ огнемъ. Для народовъ, живущихъ исключительно скотоводствомъ, собака должна была наравнѣ съ огнемъ казаться хранителемъ всего міра. «Свѣтъ держится ея разумомъ» (Вендидадъ XIII). Поэтому священныя книги персовъ полны попеченія о собакѣ. Бить извѣстныя породы собакъ считается величайшимъ грѣхомъ, дурное кормленіе своей собаки приноситъ несчастье и болѣзни, зато кормить чужихъ собакъ весьма похвально. Новорожденную собаку нужно окружать попеченіями и заботливымъ уходомъ, охранять втеченіи двухъ недѣль отъ жары и холода; дѣвушка, которая ее затѣмъ кормитъ, приобрѣтаетъ себѣ такія-же заслуги, какъ за охраненіе священнаго огня.

Поэтому-то и остатокъ этого культа, который въ послѣдствіи былъ перенятъ арабами, господствовавшими надъ Египтомъ и Персіей, есть наслѣдство отъ персовъ или, по крайней мѣрѣ, отъ сѣверныхъ кочевыхъ племенъ. Никто толкомъ не знаетъ, какое значеніе на востокѣ имѣютъ стада полудикихъ собакъ; но какъ и въ нищенствующихъ монахахъ каждый находитъ въ нихъ что-то «святое» и считаетъ добрымъ дѣломъ заботиться о нихъ. Поэтому само собой понятно, что въ обѣихъ этихъ областяхъ, какъ въ Египтѣ, такъ и въ Персіи, не употребляли собаку въ пищу. Затѣмъ, можетъ быть, это отличіе распространялось и на тѣхъ собакъ, которыхъ приручили къ дому изъ практическихъ, а не религіозныхъ цѣлей. Между собаками, державшимися для охоты, встрѣчаемъ мы и теперь еще весьма распространенную въ Южной Африкѣ «собаку-гіэну». Прирученіе ея тоже относится къ древнѣйшему времени, и съ ней удалось достигнуть того, что она въ неволѣ стала размножаться и слѣдовательно стала настоящимъ домашнимъ животнымъ. Но уже ко времени такъ называемаго «Средняго Царства» она исчезаетъ съ памятниковъ. Нужно предположить, что она или была совершенно вытѣснена другими породами, или-же что отъ скрещиванія съ ними возникли такія породы, въ которыхъ мы не можемъ болѣе узнать это дикое животное.

Ни одно животное не было такъ же рано и повсемѣстно приручено, какъ собака, ни одно также животное не было разводимо для столь различныхъ цѣлей. Въ обществѣ съ собакой встрѣчаемъ мы прежде всего *свинью*. Она, какъ и собака, обладаетъ благопріятными качествами: неразборчивостью въ пищѣ и большой плодовитостью. Однако къ прирученію и разведенію ея обращались только тамъ и сямъ, и до сихъ поръ еще очень трудно представить картину ея распространенія.

Изъ такого обзорѣнія прежде всего слѣдуетъ исключить Америку. Красная раса не пошла дальше собаки въ прирученіи звѣрей, и въ своей заботѣ о постоянной мясной пищѣ она не шла дальше охоты. Но и Африка оставила безъ вниманія преимущества свиньи; и у негрской расы туземныя породы животныхъ ограничиваются, за незначительными исключеніями, только лѣсной дичью. Первые слѣды разведенія свиньи находимъ мы въ Полинезіи. Далѣе на сѣверо-западъ, на Маріанскихъ островахъ, путешественникъ Байронъ нашелъ дикихъ свиней той-же породы въ такомъ множествѣ, что онъ велѣлъ ихъ переловить живыми и наполнилъ ими корабли. Такимъ образомъ параллельно съ прирученіемъ животныхъ шла охота на нихъ. Свиноводство является характернымъ отличіемъ всей области распространенія малайской расы и отсюда переходитъ на сѣверъ по восточному берегу Африки. Первымъ племеннымъ животнымъ слѣдуетъ, какъ думаютъ, считать «индійскую свинью».

Арійцы, въ своемъ завоевательномъ шествіи, мало по малу подвигаясь впередъ по Индіи, считали свинью, которую они здѣсь нашли, только дикимъ животнымъ и мясо его несъѣдобнымъ. Древній Египетъ нигдѣ не обнаруживаетъ знакомства съ этимъ животнымъ, и точно также запрещеніе ѣсть свинину у евреевъ и арабовъ, изъ обычая ставшее религиознымъ постановленіемъ, показываетъ намъ только, что юго-западные азіатскіе номады не разводили свиней и, можетъ быть, первоначально и вовсе не знали ея, такъ какъ она—скорѣе животное плодосныхъ лѣсовъ, чѣмъ открытыхъ степей. Но и собственно сѣвернымъ народамъ она осталась неизвѣстной, и потому лапландецъ чувствуетъ такое-же отвращеніе къ свининѣ норвежской кухни, какъ и еврей, который, благодаря освященію этого чувства религіей, удерживался отъ многихъ искушеній принять участіе въ чужихъ жертвоприношеніяхъ.

Это стало необходимымъ уже при первомъ разселеніи народа, такъ какъ даже въ Египетъ проникли, до сихъ поръ неизвѣстно откуда, народы, разводившіе свиней, и одно такое племя, отличающееся употребленіемъ необыкновенной пищи, водворилось на довольно продолжительное время въ Среднемъ Египтѣ. Какъ это все ни мало выяснено до сихъ поръ въ деталяхъ, одно достоверно извѣстно, что какъ эти жители Средняго Египта, такъ и вообще чужеземные народы, жившіе на сѣверовостокъ отъ Египта, считались приверженцами злого бога Сеть (Тифонъ). Это злое божество, Сеть, поглощающее души благомыслящихъ египтянъ, изображается въ видѣ нильской лошади, но вмѣстѣ съ тѣмъ оно является и подъ видомъ свиньи, и со временъ XVIII династіи—около половины второго тысячелѣтія до Р. Х.—на изображеніяхъ уже появляются стада свиней.

И скифы, жившіе въ нынѣшней Южной Россіи, также не занимались, какъ сообщаетъ Геродотъ, разведеніемъ свиней. Зато свиноводство является вмѣстѣ съ началомъ культурнаго состоянія у всѣхъ европейскихъ народовъ, начиная отъ Средиземнаго моря вплоть до сѣверныхъ предѣловъ, заселенныхъ желтой расой. Народы южной, болѣе темной расы повидимому начали свою культурную жизнь, имѣя собаку, свинью и козу. Греческій культъ Деметры ясно показываетъ намъ, что раньше героической эпохи эллиновъ «пеласгійскій» народъ жилъ хозяйствами, основанными женщиной, и что женщины первыя обратились къ земледѣлю и свиноводству. Поэтому-то въ этомъ культѣ свинья и осталась жертвеннымъ животнымъ. То-же самое мы видимъ у древнихъ италійковъ, хотя въ культѣ древнѣйшей эпохи мы встрѣчаемъ только собаку и козу. Но у древнихъ римлянъ свинина считалась праздничнымъ блюдомъ, и поминки всегда уже обязательно сопровождались закалываніемъ этого животного. Такимъ образомъ въ древнемъ Римѣ свиноводство совершенно вытѣснило собаку, какъ убойный скотъ, и значительно понизило значеніе козъ.

Повсемѣстное распространеніе въ древности собаки объясняется тѣмъ, что она употреблялась не только какъ убойный скоть; зато разведеніе свиней ограничивается только двумя большими областями, въ которыхъ это животное является туземнымъ и широко распространеннымъ. Исключеніе составляетъ Африка съ прилегающими къ ней степями Южной Азии. Остается невыясненнымъ еще вопросъ, соединились-ли гдѣ-нибудь эти области на сѣверѣ и въ какомъ мѣстѣ, а также, какъ образовалась та клинообразная полоса земли, заселенная народами, разводимыми свиней, которая нѣкогда вѣзлась въ древній Египетъ.

Такимъ-же путемъ, надо думать, человѣкъ дошелъ до разведенія козы. Естественное ея распространеніе по большей части не совпадаетъ съ распространеніемъ свиньи, а гдѣ такое совпаденіе повидимому имѣетъ мѣсто, тамъ весьма рѣзко различаются эти двѣ животныя породы въ зависимости отъ мѣстныхъ условій. Въ Сѣверной Африкѣ были извѣстны различныя породы дикихъ козъ, между ними каменный козель (козерогъ). Бензоаровая коза встрѣчается еще и теперь, какъ дичь, въ Малой Азии, Персіи и греческихъ островахъ, а винторогоя коза попадаетъ въ Афганистанъ и Кашмиръ, на Гиндукушъ и Гималаѣ.

Если мы присоединимъ сюда еще родственныхъ антилопъ, то египетскіе памятники весьма ясно покажутъ намъ на этихъ животныхъ, какъ человѣкъ, подобно новичку, производилъ попытки прирученія на различныхъ неблагодарныхъ породахъ животныхъ, пока болѣе пригодныя для этого породы такъ размножились въ его хижинѣ, что онъ нашелъ для себя выгоднымъ отказаться отъ прежнихъ неудачныхъ попытокъ. Животныя этого рода, разведеніемъ которыхъ занимались древніе египтяне, суть вообще туземныя дикія породы, и это разведеніе только шагъ за шагомъ постепенно отходить отъ охоты. Она простирается на тѣхъ звѣрей, которые отъ природы живутъ стадами или стаями, и мы можемъ представить себѣ переходъ отъ нея къ разведенію животныхъ, если обратимъ наше вниманіе на старанія нашихъ охотниковъ удерживать дичь въ области, на которую распространяются ихъ охотничьи права. То, чего теперь достигаютъ для сохраненія немногихъ оставшихся дикихъ животныхъ въ европейскихъ странахъ, окружая мѣсто, гдѣ водится дичь, оградой и превращая лѣсъ въ звѣринецъ, то достигалось по отношенію къ козымъ стадамъ однимъ только присмотромъ за ними.

Какъ-бы то ни было, мы встрѣчаемъ тамъ и сямъ на картинахъ изображенія животныхъ, принимающихъ пищу изъ рукъ человѣка, но это еще не обозначаетъ состоянія особеннаго прирученія, такъ какъ и нашъ чубарный олень въ полудикомъ состояніи легко принимаетъ пищу изъ рукъ человѣка. Иногда пастьхъ идетъ за стадомъ, неся на рукахъ молодое животное, для того чтобы не дать отстать отъ стада матери,—такъ постепенно шагъ за шагомъ идетъ человѣкъ впередъ.

Такимъ образомъ древнѣйшіе египтяне приблизительно за 4000 лѣтъ до начала нашего лѣтосчисленія приручили козерога и три породы антилопы, а именно газель, сабельную антилопу и дефазу. Четвертый видъ антилопы обыкновенно встрѣчается только въ изображеніяхъ охотничьихъ сценъ, но на одной картинѣ онъ представленъ ручнымъ стадомъ. Козы и овцы, которыя съ тѣхъ поръ навсегда остались ручными, появляются въ обществѣ этихъ антилопъ. Но уже въ такъ называемомъ «Среднемъ Царствѣ», около 3000 года до Р. Х., практика прирученія животныхъ повела къ ограниченію разведенія извѣстныхъ породъ. По прежнему приручаются козы и овцы, между тѣмъ какъ больше не разводятся газели, дефазы, но сабельную антилопу еще продолжаютъ приручать. Но въ «Новомъ Царствѣ», уже приблизительно отъ 1800 г. до Р. Х. слѣдовательно послѣ вторженія тѣхъ неизвѣстныхъ

чужеземныхъ народовъ, которые привели съ собою свиней, исчезаетъ изъ стадъ и эта послѣдняя порода антилопъ, вѣроятно потому, что эти чужеземцы предпочли болѣе испытанныхъ и болѣе плодовитыхъ животныхъ. Одна изъ нихъ уже намъ извѣстна, а о другой мы сейчасъ будемъ говорить.

Одно изъ древнихъ греческихъ сказаній говорить о народѣ, который, подъ предводительствомъ козы, пришелъ къ берегамъ материка и оцѣстилъ ихъ на далекое пространство. Такія преданія обыкновенно обозначаютъ народовъ, у которыхъ божество, покровительствующее имъ, находится въ указанномъ уже нами отношеніи къ этому животному. Но предположеніе, что переселенцы съ острововъ на самомъ дѣлѣ перенесли съ собою это животное на материкъ, тѣмъ вѣроятнѣе, что, какъ думаютъ, коза водилась въ дикомъ состояніи на этихъ островахъ. Подобнымъ-же образомъ, надо полагать, явилось это животное въ Италиі. Въ обѣихъ этихъ странахъ разведеніе это было очень распространено.

Исторія распространенія *овцы* почти во всемъ та-же, что и козы, съ которой она во многомъ сходна, только распространеніе ея пошло гораздо дальше на сѣверъ. У жителей южныхъ степей Азіи—арабовъ и евреевъ—мы такъ-же рано находимъ стада козъ и овецъ. Европа и Африка произвели только одну породу овецъ, тогда какъ въ горныхъ странахъ Азіи мы встрѣчаемъ нѣсколько такихъ породъ, которыя вѣдь легко поддаются прирученію. Поэтому мы видимъ ихъ въ Европѣ и Азіи съ самыхъ раннихъ временъ подъ присмотромъ человѣка.

Домашнее хозяйство человѣка сдѣлало еще одинъ шагъ впередъ съ распространеніемъ того-же самого способа прирученія на нѣкоторыя породы *крупнаго* скота. Привлекая его мало по малу къ исполненію работъ, человѣкъ пріобрѣлъ также орудія и двигателей новаго рода. Но до этой высшей ступени опять-таки достигла только часть человѣчества, и большинство областей оставалось позади этой высокой культуры.

Такимъ образомъ мы можемъ различить три главныхъ группы этихъ животныхъ и столько-же областей ихъ распространенія, только мѣстами пересѣкающихся между собою. Область сѣвернаго полюса характеризуется *сѣвернымъ оленемъ*, который нѣкогда былъ гораздо распространнѣе, чѣмъ теперь. Изъ области первоначальнаго распространенія рогатаго скота слѣдуетъ исключить Южную Америку, Австралію и Полинезію, Африка и Южная Азія имѣютъ свои туземныя, маленькія, проворныя и изящныя породы рогатаго скота; въ болотистыхъ низменностяхъ Юго-восточной Азіи первоначальной туземной породой является буйволъ, а черезъ среднюю Азію и Европу проходитъ поясъ крупнаго и сильнаго рогатаго скота, который встрѣчается въ большомъ количествѣ также въ Сѣверной Америкѣ. Повсюду, за исключеніемъ Америки, человѣкъ въ то или другое время старался обезпечить себя этими стадами такимъ-же приблизительно образомъ, какъ это дѣлалъ древній египтянинъ съ антилопами. Говоря о *лошади*, слѣдуетъ опять на первое время исключить Америку, Австралію и Полинезію, а также Южную Африку и Азію. Почти съ такимъ-же основаніемъ можно присоединить сюда и большую часть Европы; зато большія средне-азиатскія степи являются родиной дикихъ лошадей. Здѣсь, какъ и повсюду, человѣкъ бралъ то, что ему давала природа, а потому ему и удалось приручить лошадей, и по мѣрѣ того, какъ отсюда выходили различныя племена бѣлой и желтой расы, вмѣстѣ съ ними или черезъ посредство ихъ и распространялось коневодство.

Небольшія животныя, которыхъ впервые приручилъ еще довольно безпомощный и мало одаренный человѣкъ, были всеядныя животныя, которыя вслѣдствіе этого и могли за нимъ повсюду слѣдовать. Къ такимъ всеяднымъ животнымъ можно, пожа-

лүй, отнести и козу, принимая во вниманіе, что она ёсть всякія растенія, но крупный скоть ищетъ болѣе однообразной пищи, и такъ какъ онъ и въ дикомъ состояніи живеть дѣлыми стадами, то онъ потребляетъ и поѣдаетъ такое множество корма, что вынужденъ втеченіи года нѣсколько разъ мѣнять пастбище. А такъ какъ не человекъ доставляетъ животному пищу, а наоборотъ самъ отъ него получаетъ ее, то ему и приходилось въ этихъ областяхъ слѣдовать за животнымъ въ его переходахъ—это и есть начало того кочевого состоянія, которое обще извѣстному культурному кругу человечества и ни въ какомъ случаѣ не представляетъ неизбѣжную ступень, предшествующую осѣдлости.

Индѣецъ также былъ весьма близокъ къ этому состоянію, но онъ все-таки не сдѣлался настоящимъ кочевникомъ. И ему приходилось слѣдовать за стадомъ бизонъ въ ихъ переходахъ съ одного мѣста на другое; но индѣйцу нужно было только мясо бизона, а не молоко его, онъ также и не утилизировалъ его для работъ; поэтому ему и не приходилось нести никакихъ заботъ о стадѣ, и его главнымъ занятіемъ оставалась по прежнему охота. Въ Африкѣ и Южной Азіи вслѣдствіе изобилія растеній, годныхъ для пищи, человекъ рано былъ вынужденъ ограничить свою свободу передвиженія, вслѣдствіе чего ему пришлось вмѣстѣ съ тѣмъ озаботиться объ удержаніи въ предѣлахъ своего пребыванія звѣрей, за которыми онъ охотился; такимъ образомъ и произошелъ тотъ переходъ отъ ухода животныхъ къ ихъ разведенію, который представленъ на древнеегипетскихъ изображеніяхъ. Сюда присоединилось, но только въ этой области, пользованіе молокомъ животныхъ. Въ всякаго сомнѣнія, что обитатель Старого Свѣта дошелъ до этого отличнаго вспомогательнаго средства своего пропитанія только послѣ многихъ постепенныхъ переходовъ. Доеіе кобылы и самки бизона до того затруднительно, что эти животныя не могли поощрить человека къ пользованію молокомъ. По всей вѣроятности человекъ сдѣлалъ первыя попытки въ этомъ направленіи на маленькихъ животныхъ, скорѣе всего на козѣ. Если въ странахъ Тихаго океана бывали случаи, что бѣдная женщина сама вскармливала дѣтнышей погибшаго животнаго, отъ котораго она прежде кормилась, то и наоборотъ, при противоположныхъ условіяхъ могло быть сдѣлано такое-же наблюденіе относительно годности молока животныхъ для вскармливанія дѣтей. А разъ человекъ узналъ пользу, которую ему можетъ приносить укрощенное животное, — а это знаніе и могло распространиться по всей Азіи, благодаря разведенію козы, — то онъ и могъ попробовать извлечь ту-же пользу и изъ крупнаго скота, пока это ему дѣйствительно и удалось наконецъ.

Чѣмъ больше такой уходъ за дикимъ животнымъ приближается къ дѣйствительному его прирученію, тѣмъ болѣе измѣняется первоначальное отношеніе человека къ животному. Опытъ показалъ, что нѣкоторыя животныя, сдѣлавшись ручными, мѣняютъ свои инстинкты отчасти даже въ ущербъ себѣ самимъ. Между тѣмъ какъ животное прежде само отыскивало попеременно новыхъ пастбищъ, и человекъ только слѣдовалъ за нимъ, теперь этотъ инстинктъ животнаго уступилъ мѣсто умѣію кочевника найти подходящее пастбище; въ качествѣ пастуха, онъ долженъ заботиться о томъ, чтобы переходить со своимъ стадомъ съ мѣста на мѣсто. Прежде онъ только слѣдовалъ за своимъ животнымъ, теперь онъ ведетъ его; чѣмъ болѣе его домашнее благоустройство основывается на богатствѣ скотомъ и чѣмъ рѣзче становится разница между пользой, извлекаемой имъ изъ стада и изъ скудной растительности сѣверныхъ странъ, тѣмъ онъ дѣлается менѣе осѣдлымъ. Живой провіантъ облегчаетъ ему существованіе во время частыхъ переходовъ, къ которымъ его побуждаетъ страсть къ приобрѣтенію. Свободный и независимый кочевникъ признаетъ только

свое право на стадо, чужія стада все еще остаются для него предметомъ добычи. Но съ точки зрѣнія другихъ эта охота есть не что иное, какъ грабежъ, а потому разбойничьи набѣги изъ-за добычи неразрывно связаны съ хозяйственной дѣятельностью настоящаго кочевника. Этотъ грабежъ только тогда не есть честный промыселъ, когда группы номадовъ дошли до взаимнаго признанія права владѣнія на еще недавно дикое животное, словомъ, пока не заключили между собой мирнаго союза.

Само собою понятно, что обстоятельства складывались иначе тамъ, гдѣ, вслѣдствіе благоприятныхъ мѣстныхъ условій, воздѣлываніе растений давало человѣку вполне достаточное пропитаніе. Здѣсь скотоводство даже въ высшемъ своемъ развитіи явилось только вспомогательнымъ средствомъ, не измѣнивъ вовсе образа жизни населенія, плотность котораго увеличилась, благодаря осѣлости. Въ такомъ положеніи находились въ древнее время жители Нижняго Египта, Ханаана въ его плодородныхъ частяхъ, Месопотаміи и восточно-азиатскихъ рисовыхъ странъ. Чѣмъ интенсивнѣе въ этихъ странахъ велось земледѣліе, тѣмъ болѣе оно исключало скотоводство. Это всего нагляднѣе выразилось въ Японіи, гдѣ крупный скотъ употреблялся для работы; убой-же скота изъ-за мяса считалось преступнымъ.

Эта несплошная полоса древняго земледѣлія (оставляя въ сторонѣ Африку) соприкасается съ двумя наиболѣе важными областями кочевничества, центрами которыхъ являются Аравія и Туранъ. Важнѣйшія черты послѣдующей исторіи человѣчества въ Старомъ Свѣтѣ обуславливаются этими фактами. Земледѣлецъ, благодаря своей осѣлости, становится усерднымъ пріобрѣтателемъ, изобрѣтаетъ полезныя искусства и научается сохранять накопляющіяся богатства, но, лишенный свободы передвиженія, онъ не можетъ передать дальше добытаго имъ; онъ со всеми своими пріобрѣтеніями остается слишкомъ тѣсно связаннымъ съ своей почвой. Поэтому-то древнѣйшая культура въ эпоху ея расцвѣта оставалась въ полнѣйшей замкнутости, она не распространялась, не переходила въ другія страны.

Совершенно въ другомъ положеніи былъ кочевникъ; онъ по самому роду своего занятія былъ вынужденъ всегда стремиться къ границамъ своей страны и, выйдя за ея предѣлы, становился властителемъ культурной страны, навязывая ей законы своихъ степей. Такова была неизбѣжная судьба всѣхъ древнихъ культурныхъ странъ; но не всѣ кочевыя племена становились въ этихъ странахъ господствующимъ населеніемъ. Тамъ-же, гдѣ произошло такое соединеніе земледѣлія со скотоводствомъ, мы видимъ дальнѣйшее, болѣе могущественное развитіе культуры. Всегда эти побѣдители подчинялись духовному вліянію побѣжденныхъ, они воспринимали ихъ образъ мыслей, перенимали ихъ стремленія и даже самый языкъ, но съ своей стороны присоединяли къ трудолюбію и стойкости земледѣльца свой духъ предпримчивости и силу организаціи. Номадъ внѣ предѣловъ своей общины—настоящій разбойникъ, но за то только у кочевниковъ и получило свое полное развитіе понятіе господства. На этомъ именно понятіи и покоится вся организація, созданная безпомощнымъ древнимъ міромъ, и за все, что было сдѣлано для распространенія культуры за предѣлы ея возникновенія, мы опять-таки обязаны тому суровому принципу, который выработался въ борьбѣ съ зубромъ, дикимъ быкомъ и дикою лошадыю.

Если мы отсюда еще разъ бросимъ взглядъ на приведенные нами факты изъ исторіи человѣчества, мы ясно увидимъ ихъ связь между собою. Древнѣйшій Египетъ не представлялъ собой ничего другаго, какъ рядъ областей, издавна заселенныхъ отдѣльными большими семьями—родами. Власть, соединившая ихъ въ одно цѣлое, явилась съ окраинъ пустыни, изъ нагорныхъ Өивъ и наконецъ даже изъ Эіопіи. Но передъ тѣмъ съ сѣверо-востока вторглись номады и овладѣли государствомъ,—тѣ

самые кочевники, которые привели съ собой въ Египеть свинью, вѣроятно также и лошадь, какъ новыхъ домашнихъ животныхъ. Въ Ханаанѣ мы видимъ уже въ древнѣйшія времена богатый промышленный народъ, занимающійся винодѣліемъ, пока не явились кочевники аравійскихъ степей—евреи, которые, завладѣвъ страной, соединили отдѣльныя области въ одно государство. Точно также съ древнѣйшихъ временъ ведутъ тихую, дѣятельную жизнь черные «уркушиты» въ долинахъ рѣки Евфрата; но затѣмъ подобно волнамъ, набѣгающимъ на берегъ, сюда пришли одинъ за другимъ изъ сѣверныхъ степей аккады и сумерійцы,—племена, принадлежація, какъ думаютъ, къ желтой расѣ, далѣе—«халдеи», неизвѣстной расы, и за ними кочевники мидяне и персы съ своими лошадьми. За предѣлы Египта вплоть до самой Греціи прошли они въ своемъ побѣдоносномъ шествіи. Но безуспѣшно обратили они свое оружіе культуры противъ кочевыхъ народовъ, жившихъ на югъ отъ нихъ,—скивоовъ, изъ среды которыхъ они сами нѣкогда вышли. Другая вѣтвь этихъ кочевыхъ народовъ завладѣла индійскою низменностью; въ такое-же самое отношеніе стали на востокъ монголы къ китайцамъ. Въ Европѣ культурныя центры были еще малы и неразвиты, но повсюду мы видимъ разрушительное шествіе галловъ. Граница Рима совпала съ границами культуры; но влѣдъ за тѣмъ Римская имперія на западѣ подвергается набѣгамъ германцевъ, а позже на востокъ—набѣгамъ славянъ. Но и германцы подчинились вліянію культуры и стали осѣдлыми; затѣмъ изъ неизмѣримой пустыни, точно изъ бездоннаго моря, какъ волна за волной, нахлынули авары, мадьяры и монголы. Въ то-же время произошло движеніе и въ южныхъ степяхъ, откуда нѣкогда двинулись евреи въ плодородныя «долины». Между тѣмъ южная степь приобрѣла отъ сѣверной лошадь. Вся передняя Азія, Сѣверная Африка и большая часть Южной Европы подпали подъ иго арабовъ, а въ Восточной и Средней Африкѣ ихъ завоеванія въ тиши продолжаются и до сихъ поръ: ихъ привлекаетъ каждый культурный оазисъ кочевниковъ.

Домашнія животныя кочевниковъ.

Настоящее черное населеніе Африки живетъ своею особой кочевой жизнью, имѣющей много общаго съ жизнью кочевниковъ другихъ странъ. Но въ Африкѣ скотоводство ограничивается туземной маленькой породой рогатаго скота, и культура осѣдлага состоянія не сдѣлала значительныхъ успѣховъ. Поэтому тотъ-же процессъ развивается здѣсь не съ той-же энергіей, и государственныя организаціи рѣдко переживаютъ своихъ основателей. Родина болѣе энергичныхъ кочевниковъ находится въ сѣверныхъ широтахъ, и это объясняется исключительно той болѣе суровой жизненной школой, которую должны были пройти здѣсь болѣе сѣверные народы. То, чтó мы называемъ духовными признаками расы, въ сущности могло сформироваться подъ различными внѣшними вліяніями; въ самой-же расѣ нѣтъ никакого первоначальнаго предназначенія къ тому или другому образу жизни.

Измѣненіе привычекъ и наклонностей племень и теперь еще происходитъ въ зависимости отъ внѣшнихъ требованій жизни, и такимъ образомъ чуть-ли не на нашихъ глазахъ происходитъ обособленіе племень подобно тому, какъ происходитъ раздѣленіе между дикими и ручными породами одного и того-же животнаго. Еще только сто лѣтъ тому назадъ миссіонеръ Лимъ могъ говорить о дикихъ стадахъ рогатаго скота, которыя водились въ Сѣверной Норвегіи и составляли предметъ охоты для лапландцевъ. На ряду съ этимъ существовали и ручныя, и полуручныя животныя той-же породы. Одни оставались и лѣто, и зиму подъ открытымъ небомъ,

и забота человѣка о нихъ простиралась только на столько, что онъ во время зимы, во избѣжаніе собственнаго ущерба, тщательно защищалъ эти стада своими собаками отъ волковъ, водившихся тамъ въ громадномъ количествѣ; другія-же, дикія не пользовались такой защитой. Вслѣдствіе этой предосторожности прирученныя животныя размножались гораздо быстрее, чѣмъ дикія. Это одно уже можетъ намъ объяснить, почему дикія животныя начинаютъ такъ вымирать въ какой-нибудь области, какъ только человѣкъ начинаетъ тамъ приручать часть животныхъ этой породы. Но норвежскіе крестьяне запирали свои рабочій скотъ на зиму въ сараи, и сами собирали для нихъ бѣлый мохъ (*Cladonia rangiferina*). Вообще скотоводство повсюду постепенно прошло такіа ступени.

Никто не сомнѣвается, что все лапландцы Норвегіи принадлежатъ къ одному племени, но уже въ прошломъ столѣтіи однако различали горныхъ и морскихъ лапландцевъ, точно это были совершенно различные люди, и дѣйствительно одни изъ нихъ—настоящіе номады, другіе—нѣтъ. Горные лапландцы постоянно находились съ своими стадами оленей въ передвиженіи и разбивали свои палатки все на новыхъ мѣстахъ, но все-таки такъ, что зиму они всегда проводили въ горахъ внутри страны, гдѣ гораздо больше было мху, лѣтомъ-же спускались къ морю, чтобы пользоваться нѣсколько болѣе разнообразной пищей. Другіе-же, такъ называемые морскіе лапландцы, находили, что море во всякое время можетъ доставить имъ пищу, если заняться только ловлей, и, хотя они вмѣстѣ съ тѣмъ выгоняли на пастбище маленькое стадо оленей и лѣтомъ то тамъ, то здѣсь разбивали свои шалаши, они все-таки всегда возвращались на зиму въ свои постоянныя жилища. Такимъ образомъ эти морскіе лапландцы нѣсколько приблизились къ осѣлости, что и могло ихъ мало по малу отдалить отъ своихъ единоплеменниковъ.

Въ такомъ-же точно положеніи находятся въ настоящее время башкиры. Часть ихъ вмѣстѣ съ своими лошадьми ведетъ кочевой образъ жизни, весною покидая свои зимнія жилища. Но вслѣдствіе ограниченности земель, удобныхъ для перекочевыванія, они уже привыкли постоянно возвращаться въ тѣ-же хижины, тѣмъ болѣе, что они оставили здѣсь подъ защитой стараго сторожа и нѣсколькихъ собакъ маленькое богатство—своихъ гусей. Другая часть этого народа еще болѣе призвана къ своему мѣстопробыванію; вокругъ жилища на плодородной черной землѣ возрѣваютъ здѣсь кой-какія хлѣбныя растенія, которыя зимой доставляютъ имъ нужную пищу. Если они и пасутъ свой скотъ лѣтомъ на свободѣ, то кругъ ихъ пастбищъ всегда ограничивается только разстояніемъ отъ $\frac{1}{2}$ до 4 миль отъ ихъ зимнихъ жилищъ;—здѣсь, слѣдовательно, видимъ мы уже постоянное жилище, при немъ—пашни, а за ними и далѣе кругомъ нихъ—пастбища. Такимъ образомъ и кочевникъ постепенно приходитъ къ осѣлости, и послѣ такой школы ему едва-ли возможно взять на себя всю тяжесть исполнительнаго работъ, но при нѣкоторомъ умѣньи ему не трудно разыгрывать роль господина въ области культуры.

Индійскій быкъ или зебу (*Bos indicus* L.) произошелъ въ этой странѣ отъ прирученія дикой породы горбатыхъ быковъ, принадлежавшихъ къ туземной фаунѣ Бенгаліи. Видъ всякаго сомнѣнія, что арійцы не привели его съ собой въ страну какъ домашнее животное, но, какъ кочевникамъ, имъ не трудно было приручить такое маленькое животное, если даже черное туземное населеніе не сдѣлало этого до нихъ. Хотя арійцы обратились рано къ земледѣлію, чему способствовала представившаяся имъ возможность пользоваться силами покоренныхъ ими туземцевъ, тѣмъ не менѣе ихъ многочисленная каста жрецовъ не пошла дальше скотоводства. Сентиментальный браминъ охотнѣе предоставляетъ другимъ вспахивать землю, такъ

какъ ему больно ранить землю желѣзомъ; за то онъ охотно принималъ въ подарокъ коровъ, которыя должны были сами находить для себя пастбище. Лучшая порода этихъ быковъ и коровъ еще и теперь называется «зебу браминовъ». Такія стада и составляли настоящее богатство древнихъ индусовъ, изъ-за обладанія ими происходили подчасъ войны и даже царей одно время просто называли собственниками быковъ.

Въ Африкѣ тоже водились дикіе горбатые быки, которыхъ древніе египтяне приручали подобно газелямъ, о которыхъ шла выше рѣчь, или-же довольствовались тѣмъ, что охраняли большія стада ихъ. Теперь стада этого прирученнаго животнаго составляютъ главное богатство средне-африканскихъ племенъ. И быкъ Палестины принадлежалъ, что по крайней мѣрѣ извѣстно изъ болѣе позднихъ временъ, къ этой породѣ. Но уже въ Египтѣ появился быкъ, болѣе рослый и сильный, но безъ горба, съ громадными рогами; происхожденіе его намъ неизвѣстно.

Въ Европѣ нашли частью живые, частью вымершіе остатки многихъ породъ дикаго быка, отъ прирученія которыхъ по всей вѣроятности и возникли безчисленныя породы нынѣшняго домашняго животнаго, хотя и не слѣдуетъ забывать, что народы Азіи при своемъ вторженіи въ Европу могли привести съ собою со своей родины прирученныя породы животнаго; во всякомъ случаѣ они принесли съ собою умнѣе укрощать и приручать большихъ и дикихъ животныхъ. Одной изъ древнихъ породъ является зубръ, который, какъ объ этомъ свидѣлствуютъ ископаемые остатки, былъ распространенъ въ особенности въ Средней Европѣ, Скандинавіи и Шотландіи. Находки, сдѣланныя въ свайныхъ постройкахъ, свидѣлствуютъ о существованіи теперь уже вымершаго «короткорогого» быка (*Bos brachyceros* Ow.), который водился въ горныхъ странахъ. Кости «быка съ громаднымъ лбомъ» (*Bos frontosus* Nils) были найдены въ Скандинавіи и Шотландіи, но полагаютъ, что эта порода вмѣстѣ съ только что названными встрѣчалась также въ Германіи и Швейцаріи. Изъ этихъ-то породъ, какъ полагаютъ, и составили свои стада, а также выбрали себѣ домашнихъ животныхъ кочевники, пришедшіе изъ Азіи, причѣмъ безразлично, присоединили-ли они къ нимъ также и чужія породы.

Въ «короткорогимъ» относятъ еще тѣ породы «темно-красныхъ» животныхъ, которыя еще теперь имѣютъ своихъ представителей особенно въ Баварскихъ и Швейцарскихъ Альпахъ. Отсюда-то и должна была явиться темная порода быковъ въ классическихъ странахъ. По крайней мѣрѣ римскіе писатели превозносятъ рабочую силу «гальской» породы и изобиліе молока у невзрачнаго альпійскаго животнаго. Очень рѣзкія отличія представляетъ стенная порода быковъ, удержавшаяся еще теперь въ особенной чистотѣ въ Венгріи. Естествоиспытатели объясняютъ происхожденіе этой породы прирученіемъ туземнаго дикаго быка. Быки этой породы одного цвѣта: или бѣловатаго, или сѣраго и имѣютъ далеко-расходящіяся рога. Въ Россіи, Румыніи, Венгріи и прилегающей къ ней Штиріи они водятся еще въ прежнихъ мѣстахъ своего распространенія, но черезъ Фракію эта порода перешла также къ грекамъ и чрезъ Альпы—къ римлянамъ. Въ Фракіи и на о. Эвбеѣ существовала порода бѣлыхъ быковъ, и въ Средней Италіи бѣлая порода этого животнаго съ громадными рогами является весьма распространенной. между тѣмъ какъ Варронъ еще говоритъ, что эти животныя были тамъ не особенно многочисленны. Слѣдовательно, они частью явились здѣсь, благодаря сношеніямъ римлянъ съ Сѣверомъ, частью-же, быть можетъ, позже были перенесены сюда готами или лангобардами изъ степей Панноніи.

И на разведеніе рогатаго скота имѣлъ свое вліяніе упомянутый нами рели-

гіозный элементъ. Но въ Индіи это было не такъ, какъ въ Египтѣ. Тамъ каждый долженъ былъ пожертвовать что-нибудь, имѣя въ виду предстоящее ему переселеніе въ другой міръ; въ ожиданіи этого онъ передавалъ жертвуемый предметъ жрецу для сохраненія — и потребленія. Что-же оставалось лучшаго пастуху, какъ не отдать жрецу для своей будущей загробной жизни корову—это и была знаменитая небесная, божественная или, вѣрнѣе, жреческая корова. Конечно, никто лучше самого жреца не могъ знать, которая изъ коровъ пастуха больше всего годилась для этой цѣли. Какъ и всегда, обычай превратился въ концѣ концовъ въ законъ. Если въ стадѣ появлялся теленокъ, то собственникъ его не былъ вправе предпринять съ нимъ что нибудь до тѣхъ поръ, пока браминъ не посмотритъ, не общаетъ-ли этотъ теленокъ сдѣлаться въ будущемъ хорошей жертвенной коровой. Если теленокъ оказывался соответствовавшимъ извѣстнымъ требованіямъ, то онъ оставался въ стадѣ, какъ собственность божества, а когда вырасталъ и превращался въ корову, дающую молоко, то онъ переходилъ на храненіе къ жрецу. Мы не знаемъ, по какимъ признакамъ жрецъ узнавалъ такихъ телятъ, но очевидно онъ хорошо зналъ свое дѣло, и браминскія коровы, какъ мы уже видѣли, до сихъ поръ составляютъ наилучшую породу индійскаго скота.

Буйволъ, теперь встрѣчающійся повсюду въ изобилующихъ водою низменностяхъ, во времена Аристотеля не выходилъ еще изъ предѣловъ своей родины—Индіи. Въ Италіи это животное впервые появилось около 600 г. послѣ Р. Х. во время лангобардскаго господства. Откуда оно пришло—неизвѣстно. Впрочемъ этому не мало благопріятствовали тѣ посольства, которыми обмѣнивались народы во время своего переселенія. Теперь буйволы встрѣчаются также въ болотистыхъ мѣстахъ Италіи и принадлежатъ къ туземной фаунѣ Венгріи и Румыніи.

Родина дикаго *осла* простирается приблизительно отъ Нила до Инда. Въ Малой Азій, Сири, Персіи и Аравіи, въ горныхъ странахъ, перерѣзанныхъ степями и плодородными долинами, водились безчисленныя стада настоящаго дикаго осла-онагра (*Equus Onager* Briss). Киргизы, персы и арабы охотятся за этими ослами еще и теперь изъ за ихъ мяса, или-же они ловятъ ихъ живыми въ ямахъ. Имъ всегда удается приручить это дикое животное. Совершенно также живетъ мало чѣмъ отличающійся дикій африканскій оселъ (*A. taeniopus* Neugl.) въ степяхъ на востокъ отъ Нила.

Въ этой области его естественнаго распространенія исторія осла повидимому такая-же, какъ въ другихъ странахъ — собаки. Прежде всего за нимъ охотились ради его мяса, затѣмъ для той-же цѣли его старались удерживать въ огороженныхъ участкахъ, позже пасли его цѣлыми стадами и наконецъ замѣтили, что отдѣльные индивиды могутъ быть полезны человѣку для перенесенія тяжестей. Предметомъ заботъ человѣка оселъ является въ Египтѣ уже въ «Древнее Царство». Если-же мы встрѣчаемъ здѣсь на упомянутыхъ нами памятникахъ стада ословъ, числомъ 700 или 1000 головъ, то намъ слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что здѣсь, какъ и при разведеніи антилопъ и козъ, главной цѣлью было мясо этихъ животныхъ, тѣмъ болѣе, что мясо осла въ древности было дѣйствительно очень любимымъ. Но чѣмъ болѣе оселъ становился рабочимъ скотомъ, тѣмъ менѣе люди рѣшались употреблять въ пищу своего вѣрнаго «помощника». По той-же самой причинѣ мы пренебрегаемъ мясомъ собаки и лошади. Японцы-же, будучи болѣе послѣдовательными, вообще не употребляютъ мяса упряжныхъ быковъ. На этотъ счетъ совершенно вѣрный отвѣтъ получилъ Ливингстонъ, спросившій у жителей Замбезе, почему они употребляютъ въ пищу зебру и кваггу, а не ѣдятъ ослинаго мяса? Потому отвѣчали они, почему человѣкъ не ѣстъ мяса подобнаго себѣ. Оселъ живетъ вмѣстѣ

съ человѣкомъ, онъ—его вѣрный товарищъ. Такимъ образомъ человѣкъ мало по малу доходить до человѣческаго отношенія даже къ животнымъ, и обычай превращается современемъ въ законъ.

Въ Европу осель перешелъ изъ Малой Азійи и тогда еще акклиматизировался только въ болѣе теплыхъ, южныхъ странахъ. Уже страны у Чернаго моря были для него иногда слишкомъ холодны, и потому онъ никогда не принадлежалъ къ группѣ животныхъ сѣверныхъ номадовъ, и такимъ образомъ области распространения свиньи и осла отдѣлены одна отъ другой. Южные кочевники—евреи, арабы—пренебрегаютъ свиньей, сѣверные номады—осломъ, тѣ и другіе въ извѣстной степени—собакой, какъ животными, служившими средствомъ пропитанія въ древнія бѣдственныя времена. И на самомъ дѣлѣ, какое богатство приобрѣло себѣ человѣчество съ тѣхъ поръ въ своихъ стадахъ!

Въ то время, когда въ Греціи еще употребляли въ пищу собакъ и въ особенности свиней, осель еще вовсе не былъ извѣстенъ, но онъ точно также не былъ извѣстенъ грекамъ, пахавшимъ уже на волахъ. Гезіодъ и Одиссей ни разу не называютъ его; а въ «Иліадѣ», правда, встрѣчается одно единственное уподобленіе этому животному, но оно, какъ полагаютъ, было вставлено позже. Слѣдовательно, только въ послѣдствіи это полезное выючное животное появилось въ Греціи, отсюда—въ Италиіи и затѣмъ—въ Галліи. Но въ общемъ распространеніе его не шло дальше распространения винограда, который точно также чувствителенъ къ холоду.

Мулъ—помѣсь осла и лошади,—животныхъ, нѣкогда считавшихся враждебными,—впервые упоминается у Гомера, который предполагаетъ, что мысль разведенія этого животнаго принадлежитъ энеямъ, народу, жившему у Чернаго моря въ Малой Азійи.

Исключительно въ степныхъ пространствахъ бездожднаго пояса и вообще въ сухихъ мѣстахъ живетъ одnogорбый *верблюдъ*, который только въ III столѣтіи послѣ Р. Х. появляется въ Сѣверной Африкѣ, гдѣ теперь вплоть до самыхъ границъ влажнаго Судана онъ сталъ самымъ полезнымъ животнымъ. Онъ нигдѣ не встрѣчается въ дикомъ состояніи; тѣмъ не менѣе есть основаніе полагать, что его настоящей родиной была Аравія. Но онъ не могъ быть здѣсь уже прирученнымъ въ то время, когда темная раса проходила черезъ эти мѣста въ Египетъ. Арабы употребляли какъ его мясо, такъ и молоко; за недостаткомъ дровъ они собирали драгоценный навозъ и жгли его, какъ топливо; кромѣ того они пользовались имъ для верховой ѣзды и переноски тяжестей. И у евреевъ были верблюды, но количество ихъ уменьшалось по мѣрѣ того, какъ евреи переходили отъ кочевой жизни къ болѣе осѣдой. При возвращеніи евреевъ подъ предводительствомъ Эзры на 40360 человѣкъ приходилось 6720 ословъ и только 435 верблюдовъ. Такъ какъ евреи пользовались верблюдомъ какъ рабочимъ скотомъ, то они и воздерживались отъ употребленія его мяса. Само собою понятно, что въ болѣе бѣдныхъ мѣстностяхъ трудно было удержаться отъ употребленія его въ пищу. Такъ напр., въ Африканской пустынѣ дѣлались запасы изъ мяса состарившихся верблюдовъ. Точно также калмыкъ ѣстъ мясо двугорбаго верблюда, хотя онъ—и полезнѣйшій его товарищъ. Эта порода верблюда, извѣстная также подъ именемъ *бактрійской* разводилась монгольскими кочевниками азіатскаго плоскогорья, подобно тому, какъ первая упомянутая нами порода—аравійско-сирійскими номадами.

Въ исторіи распространенія *лошади* прежде всего является установленнымъ фактомъ, что она первоначально была неизвѣстна древнимъ египтянамъ, арабамъ и евреямъ. Она не принадлежитъ ни къ культурному кругу темной земледѣльче-

ской расы въ Африкѣ, ни смуглымъ номадамъ Югозападной Азіи. Еще менѣе она могла составить принадлежность Юговосточной Азіи, гдѣ вслѣдствіе сыровато-теплаго климата погибли даже переведенныя сюда лошади. Черная раса такимъ образомъ не приходила въ соприкосновеніе съ этимъ животнымъ, столь важнымъ въ нашей культурѣ. Что касается бронзовой расы Старога Свѣта, единственный остатокъ который сохранился въ лицѣ египтянъ, то относительно ея можно сдѣлать два предположенія: или она пришла первоначально не изъ тѣхъ сѣверныхъ широтъ, гдѣ водились лошади, или-же, если она пришла оттуда, то во время ея пребыванія тамъ лошадь не была еще приручена. То-же самое можно сказать о смуглой расѣ, которая непосредственно за ней слѣдовала. Народныя массы, двинувшіяся за ней изъ болѣе сѣверныхъ широтъ, независимо отъ того, къ какой расѣ онѣ принадлежали, къ бѣлой или желтой, повсюду являются въ сопровожденіи этого животнаго. А потому несомнѣнно, что родина лошади должна быть расположена между областями верблюда и осла съ одной стороны, и поясомъ оленя съ другой стороны. Но остается еще невыясненнымъ, существуетъ ли еще теперь въ этой области первоначальный древній видъ лошади или его нужно искать между вымершими породами, была ли первоначально только одна порода лошадей, или же ихъ существовало нѣсколько, какъ это намъ извѣстно относительно рогатаго скота, и наконецъ не можетъ быть точно установлено, какъ далеко на Западъ распространилась изъ внутренней Азіи эта первоначальная порода лошади въ дикомъ своемъ состояніи. Вполнѣ достовѣрно, что въ началѣ среднихъ вѣковъ во всей средней Европѣ знали дикихъ лошадей, но неизвѣстно, были ли онѣ здѣсь еще до появленія человѣка, или-же онѣ, приведенныя имъ сюда съ Востока, здѣсь одичали, что легко можно допустить при древнемъ способѣ прирученія, который стоялъ немного выше огражденія дичи.

Такъ какъ изображенія на гробницахъ древнихъ египтянъ представляютъ намъ до мельчайшихъ подробностей ихъ хозяйственную жизнь, то мы можемъ съ увѣренностью положиться на свидѣтельство этихъ памятниковъ, показывающихъ намъ, что втеченіи всего «Древняго Царства» лошадь совершенно не была извѣстна египтянамъ. Мало того, даже до начала 18-ой династіи, слѣд. до 15 столѣтія до Р. Х., нигдѣ о ней не упоминается. Впрочемъ, начиная съ XIX вѣка, это упоминаніе лошади не можетъ болѣе считаться доказательнымъ, такъ какъ около этого времени въ Египтѣ настало вмѣстѣ съ такъ называемой XV династіей господство «Гиксовъ» или царей кочевниковъ, и въ этотъ періодъ варварскаго господства могла вообще заглухнуть всякая художественная дѣятельность. Но какъ только съ изгнаніемъ этихъ властителей воцаряется первый царь 18 династіи, мы уже встрѣчаемся съ его боевой колесницей, и съ тѣхъ поръ мы видимъ на изображеніяхъ послѣдующаго времени такія колесницы, запряженныя лошадьми.

Точно также усматриваемъ мы изъ изображеній послѣдующаго времени, что часто представленные на нихъ народы Сиріи и между ними хананеяне въ своихъ сраженіяхъ пользуются лошадьми; ассирійскія-же посольства въ числѣ даровъ приносятъ драгоцѣнныхъ лошадей. Въ то время негры, жившіе на югѣ, еще не знали другого вьючнаго животнаго, кромѣ осла и быка; бѣлокурые ливійцы тоже не имѣли еще лошади, но во времена Геродота она уже была у нихъ. И такъ очевидно, что ко времени господства чужеземныхъ кочевниковъ лошадь появилась въ Египтѣ, какъ уже прирученное и дрессированное животное, и болѣе, чѣмъ вѣроятно, что именно эти самые кочевники и привели ее сюда и въ Сирію, чрезъ которую они должны были пройти. Итакъ, въ этихъ знаменитыхъ «Гиксахъ», которые принесли въ Египетъ какъ свинью, такъ и лошадь, и въ 15-омъ столѣтіи до Р. Х. были

изгнаны изъ предѣловъ и окрестностей Египта, слѣдуетъ видѣть не что иное, какъ приручившихъ лошадей кочевниковъ, явившихся изъ Центральной Азии, и все это нашествіе Гиксовъ есть слѣдовательно не что иное, какъ набѣгъ номадовъ, совершенно такой же, какъ мидянь и персовъ въ страну Евфрата, арійцевъ—въ Индію, кельтовъ и германцевъ—въ Европу,—это, пожалуй, первое мощное проявленіе той кочевнической культуры, которая выросла на почвѣ развитія лошади.

Старинное преданіе евреевъ сохранило воспоминаніе о томъ, что предки ихъ прошли черезъ степи, не имѣя лошади, и что они, въ качествѣ южныхъ кочевниковъ завоевателей, пришли въ страну съ ослами, но древнѣйшіе ея обитатели и сосѣдніе сирійцы владѣли и пользовались уже лошадыю (кн. Суд. 4. 7 сл. 5, 22, 28—2. Сам. 8, 4). Евреямъ часто приходилось сражаться противъ враговъ, выступавшихъ въ битву на лошадяхъ; но, даже завладѣвъ ими послѣ счастливаго сраженія, они не умѣли ими, какъ слѣдуетъ, пользоваться. О томъ-же свидѣтельствуетъ разсказъ о Іисусѣ Навинѣ, что онъ искалѣчилъ всѣхъ взятыхъ въ плѣнъ лошадей, а повозки сжегъ. И Давидъ (2. Сам. 8, 4) точно такимъ же образомъ поступилъ съ 1000 лошадьми и только для опыта оставилъ сто лошадей. Но уже царственные сыновья его старались подражать своимъ сосѣдямъ. Авесаломъ добылъ себѣ повозки и лошадей, а Саломонъ купилъ ихъ въ большомъ количествѣ въ Египтѣ. Съ тѣхъ поръ и у евреевъ завелись наѣзники и боевыя колесницы. Такъ некультурные народы склоняются подъ игомъ побѣжденной ими культуры.

И такъ, между культурными областями происходитъ взаимный обмѣнъ пріобрѣтеній. Евреи обзаводятся лошадыю, чтобы не отстать отъ своихъ сосѣдей, которые сами заимствовали ее у непріятели, прошедшаго черезъ ихъ страну, а персидскіе цари вводятъ у себя въ употребленіе ослонъ и верблюдовъ, чтобы пугать лошадей своихъ отставшихъ соплеменниковъ.

При такомъ перенесеніи обыкновенно сохраняются извѣстные слѣды его. Животное, которое перешло отъ чужого народа уже въ состояніи прирученія, какъ рабочей скотъ, рѣдко употреблялось имъ въ пищу. Тѣ народы, которые сами превратили лошадь изъ дикаго животнаго, служившаго предметомъ охоты, въ домашнее, не переставали пользоваться его мясомъ и молокомъ, если имъ было извѣстно искусство его добыванія, даже когда они переходили къ пользованію его услугами, какъ вьючнаго животнаго. Но такія животныя, какъ лошади, которыми напримѣръ во времена Саломона, обмѣнивались только цари, такъ какъ онѣ не принадлежали къ числу туземныхъ животныхъ, конечно пріобрѣтались не изъ-за ихъ мяса. Этимъ то отличаются кочевники, приручившіе лошадь, отъ тѣхъ, которые у нихъ только заимствовали коневодство. Кромѣ того существовала также разница и въ способѣ пользованія животными. Хотя скифскіе народы довольно рано изобрѣли тяжелыя деревянные повозки, на которыхъ лошади перевозили тяжести вмѣсто того, чтобы носить ихъ на себѣ, какъ это дѣлали оселъ или верблюдъ, но искусно сдѣланныя желѣзныя боевыя колесницы могли быть построены по образцу такихъ повозокъ только въ культурной странѣ. Поэтому слѣдуетъ думать, что кочевники, приручившіе лошадь, одинаково искусно ѣздили верхомъ и въ повозкахъ, какъ во время сраженій, такъ и во время переѣздовъ съ одного мѣста на другое. Но у египтянъ и семитовъ, которые заимствовали лошадь у другихъ народовъ, это было какъ разъ наоборотъ: между тѣмъ какъ они совершенно свободно ѣздили верхомъ на ослонъ и верблюдахъ, они тѣмъ не менѣе въ началѣ не довѣрялись лошадямъ и ѣздили только въ повозкахъ. Будучи неопытны въ верховой ѣздѣ, египтяне и семиты выступаютъ всегда противъ врага въ колесницахъ. Точно также поступаютъ греки и троянцы.

Во времена Гомера лошадь никогда не употребляется для хозяйственных работ; плугъ и деревянную телѣгу тащить волъ. Также мало ѣздить верхомъ гомеровскій герой, развѣ только какой нибудь отважный рабъ на пути отъ мѣста купанія лошадей къ лагерю рѣшится испытать это искусство. Только въ боевыя двухколесныя съ восемью спицами колесницы, построенныя по образцу египетскихъ и семитическихъ, впрягается у грековъ это благородное животное.

Аравія, которая до сихъ поръ еще славится, какъ родина лошадей, осталась въ сторонѣ отъ движенія вышеупомянутыхъ гиксовъ; аравійскія степи не могли привлечь чужеземцевъ. Гораздо дольше, чѣмъ евреи, арабы ограничивались услугами осла и верблюда. Еще во времена Ксеркса все арабы въ его войскѣ выступали въ сраженіе на верблюдахъ. Даже когда Страбонъ за нѣсколько десятковъ лѣтъ до Р. X. прибылъ съ одной римской экспедиціи въ Аравію, тамъ не было ни лошадей, ни свиней. Только благодаря римскому вліянію, разведеніе лошади распространилось изъ Испаніи по Сѣверной Африкѣ. Впрочемъ, мы знаемъ только, что во времена Магомета арабы уже разводили у себя лошадей; значить, коневодство по всей вѣроятности началось въ одномъ изъ первыхъ столѣтій нашего лѣтосчисленія.

Ассирія въ раннія времена подвергалась вторженію кочевниковъ, приручившихъ лошадь; имъ она обязана приобрѣтеніемъ боевой лошади; здѣсь на почвѣ древней культуры была, быть можетъ, создана для новаго животнаго первая желѣзная повозка. Изъ этихъ кочевниковъ, быть можетъ, еще туранскіе аккадійцы, но въ всякаго сомнѣнія, мидяне и персы сдѣлались властителями этой культурной страны. Что и арійцы пришли въ Индію, имѣя уже лошадей, лучше всего доказывается тѣмъ высокимъ значеніемъ, какое все еще придавалось принесенію въ жертву лошади даже тогда, когда, вслѣдствіе неблагоприятнаго климата Индіи, разведеніе лошади не привело ни къ какимъ результатамъ и уступило мѣсто разведенію рогатаго скота. Еще по позднѣйшему ученію браминовъ жертвенныя животныя шли по своему достоинству въ слѣдующемъ порядкѣ: лошадь, быкъ, коза, овца. Отсюда слѣдуетъ, что предки арійцевъ такъ-же, какъ и иранцы, не только ѣли лошадиное мясо, но и очень высоко его цѣнили.

У мидянъ и персовъ бѣлая лошадь пользовалась тѣмъ-же значеніемъ, какъ и въ Египтѣ Аписъ. Все извѣстно, что не все животныя въ прирученномъ состояніи такъ прочно сохраняютъ свою окраску, какъ дикія. При этомъ наиболѣе рѣзкое измѣненіе цвѣта является какъ-бы признакомъ особеннаго божественнаго опредѣленія, и человекъ думаетъ, что божество избрало для себя отмѣченныхъ имъ такимъ образомъ животныхъ. Такъ, въ бѣломъ стадѣ черный быкъ является Аписомъ, въ стадѣ гнѣдоваго скота бѣлая лошадь считается священной.

Затронутый нами уже выше вопросъ, пришли-ли дикія лошади сами по равнинамъ Россіи, Венгріи и Сѣверной Германіи въ западную Европу, остается для насъ не разрѣшеннымъ. Безъ всякаго сомнѣнія отъ начала исторіи существовало достаточное количество такихъ лошадей по ю сторону Балканъ и Альповъ, и народы, проходившіе здѣсь, воспользовались ими на разныхъ степеняхъ ихъ прирученія. Въ дрессировкѣ лошади кельты достигли такихъ-же успѣховъ, какъ и иранскія племена; они запрягали ихъ въ свои боевыя колесницы и вмѣстѣ съ тѣмъ отлично ѣздили на нихъ верхомъ. Ими римляне пополняли лучшіе ряды своей конницы. Но по всей вѣроятности они усвоили себѣ это искусство лишь въ Европѣ, ибо германцы, послѣдовавшіе за ними, первоначально не были настоящимъ наѣздническимъ народомъ. Напротивъ того, у нихъ лошади, разводимыя большими табунами, шли на ряду со свиньями преимущественно на убой. Въ качествѣ рабочаго скота

германцы охоти́е употребляли прирученныхъ быковъ. Поэтому надо думать, что предки германцевъ, подобно предкамъ грековъ, отдѣлились отъ своего первоначальнаго племени, еще не достигнувъ высшей ступени прирученія лошади. Загѣмъ древнѣе греки или италяги пошли по южному пути черезъ области распространенія осла, а германцы — по сѣверному пути черезъ страны, гдѣ была извѣстна лошадь.

То обстоятельство, что у германцевъ, включая сюда и скандинавцевъ, равно какъ и у арийцевъ, лошадь осталась самымъ драгоценнымъ жертвеннымъ животнымъ, только доказываетъ, что они первоначально стали утилизировать лошадь только какъ убойный скотъ. Но у нихъ, равно какъ и у послѣдовавшихъ за ними славянъ, лошадь почиталась какъ фетишъ, и такимъ именно значеніемъ пользовалась главнымъ образомъ бѣлая лошадь. Подобно тому, какъ персидскій царь водилъ съ собою на поле сраженія священныхъ коней, такъ и на мысъ Арконъ (о. Рюгенъ) жрецъ ѣздилъ на священной лошади; точно также долгое время отличительнымъ признакомъ древне-нѣмецкихъ королей, которые по древнему обычаю были представителями и духовной власти, былъ бѣлый цвѣтъ ихъ лошади.

Народы желтой расы, которые еще въ болѣе позднее время спустились съ азиатскихъ плоскогорій въ Европу или переднюю Азію, являются уже всѣ настоящими наѣзниками; они принесли съ собою въ Европу, какъ довольно убѣдительно доказалъ Тульскій, и стремена, которыя были неизвѣстны въ древности. Они, слѣдовательно, успѣли распространиться и притомъ размножиться въ такъ называемой колыбели человечества до нѣкотораго избытка населенія еще въ то время, когда прирученіе лошади уже прошло тамъ черезъ всѣ ступени своего развитія. Итакъ, по всей вѣроятности, разрѣженіе народонаселенія, происшедшее вслѣдствіе выселенія многихъ бѣлыхъ народовъ, и способствовало постепенному ихъ здѣсь распространенію.

Вотъ въ какой степени судьбы животнаго служатъ до извѣстной степени отраженіемъ исторіи человечества. Какая сумма труда наполняетъ этотъ періодъ повидимому дикаго состоянія! Сколько препятствій пришлось преодолѣть человѣку, котораго мы видимъ теперь верхомъ на лошади, направляющимъ стадо рогатаго скота, съ тѣхъ поръ, какъ онъ безъ огня бродилъ, быть можетъ въ сопровожденіи собаки ища у моря раковинъ и внутри страны скудныхъ плодовъ! И все-таки вся эта громадная работа совершилась не чрезвычайными успѣхами отдѣльныхъ лицъ, она создалась изъ незамѣтныхъ, правда, крупицъ труда, но изъ которыхъ ни одна не пропала даромъ.

Намъ остается еще сказать о самомъ большемъ и сильномъ изъ животныхъ, покоренныхъ человѣкомъ, а именно о *слонѣ*. Намъ извѣстны двѣ породы слона:

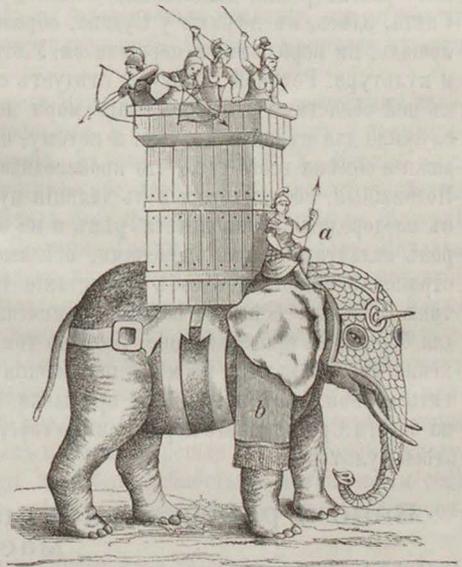

Рис. 23.—Боевой слонъ во времена римлянъ.

африканская и индійская. Первая изъ нихъ употреблялась кароегенянами и римлянами для военныхъ цѣлей. Въ настоящее время слонъ является предметомъ охоты только у негровъ, между тѣмъ какъ индійскій гигантъ позволяетъ управлять собою мальчику, вооруженному желѣзной палочкой. Можно только удивляться, откуда у человѣка взялось столько отваги и мужества, чтобы рѣшиться на это; но по всей вѣроятности первоначально были приручены только молодые животныя, и такимъ образомъ человѣкъ по-немногу покорилъ себѣ это величайшее земное животное. Но правильнаго ихъ разведенія человѣкъ все-таки еще не удалось достигнуть.

Мы нѣсколько долѣе остановились на исторіи домашнихъ животныхъ; но читателю стоитъ бросить сравнительный взглядъ на первоначальное распространеніе культуры, чтобы увидѣть, въ какой тѣсной связи она находится съ разведеніемъ животныхъ. Америку и Австралію намъ пришлось въ самомъ началѣ исключить изъ нашего разсмотрѣнія. Дальнѣйшіе успѣхи культуры ограничились материкомъ Старога Свѣта. Здѣсь, въ Африкѣ у Судана, образовалась вторая граница ея. Ни оселъ, ни лошадь, ни верблюдъ не перешли ея. У этихъ-то предѣловъ останавливается также и культура. Родиной культуры слѣдуетъ считать переднюю Азію съ прилегающими къ ней областями у Средиземнаго моря не потому, что она производила все, что служило для цѣлей культуры, а потому, что здѣсь было складочное мѣсто для продажи и обмѣна всего того, что производилось въ каждой изъ прилегающихъ странъ. Подвижныя, всегда готовые въ дальній путь, кочевыя толпы постоянно прибывали въ плодородныя низменности рѣкъ и на берега морей. Стѣнные съ двухъ сторонъ надвигающимися племенами, осѣдлыя народы должны были на узкомъ про странствѣ снискивать себѣ пропитаніе трудомъ. Но тѣ-же пришельцы, которые такъ стѣняли осѣдлыя народы, приносили имъ вмѣстѣ съ тѣмъ новыя средства для борьбы за существованіе. Подобно тому, какъ дюны на морскомъ берегу постепенно увеличиваются по мѣрѣ накопленія песку, оставляемаго готовой все поглотить волной, такъ и варвары, прибывая, подобно волнамъ, изъ глубины материка на берега Средиземнаго моря, помимо собственнаго желанія содѣйствовали развитію здѣсь культуры.

Вино и растительное масло. — Пиво и коровье масло.

Въ предыдущемъ обзорѣніи мы далеко не исчерпали всѣхъ вспомогательныхъ средствъ пропитанія, которыя человѣкъ находилъ въ растительномъ и животномъ царствѣ; чтобы не останавливаться на менѣ значительныхъ изъ нихъ, намъ слѣдуетъ только упомянуть о нѣкоторыхъ приемахъ, которые были изобрѣтены человекомъ для извлеченія пользы изъ имѣющихся у него вышеупомянутыхъ средствъ. Самымъ естественнымъ добавленіемъ къ растительной пищѣ является *жиръ*. Дикарь съ жадностью ищетъ крови и жира. Онъ знаетъ только одинъ обильный источникъ: только что убитое животное. Но дикое животное, за исключеніемъ животныхъ сѣверныхъ морскихъ странъ, имѣющихъ ворвань, доставляетъ только почечный жиръ. Послѣдній имѣется въ распоряженіи у дикаря такъ-же неправильно и непостоянно, какъ и свѣжее мясо, между тѣмъ потребность въ жирѣ постоянная. Возрастающая забота человѣка о поддержаніи жизни должна была, слѣдовательно, обратиться и на то, чтобы добыть себѣ постоянные запасы такого рода. Люди съ давнихъ поръ стремились къ этой цѣли двумя до сихъ поръ еще разными путями, смотря по тому, куда направляла ихъ окружающая природа. Одинъ изъ нихъ при-

водить къ итальянской, другой—къ нѣмецкой кухнѣ. Одни имѣли возможность найти удовлетвореніе этой потребности въ растительномъ царствѣ, другіе старались извлечь соотвѣтствующую пользу изъ животнаго міра.

Выше, говоря о растенияхъ, мы познакомились со многими, которыя доставляли человѣку, занимавшемуся культурой растений, жиръ или масло, какъ напр. ленъ, конопля, макъ и сезамъ или кунжутъ. Кунжутное масло употреблялось преимущественно въ Остѣ-Индіи, а также у вавилонянъ и древнихъ египтянъ. Самое цѣнное открытіе въ этомъ родѣ было сдѣлано человѣкомъ, благодаря масличному дереву, найденному имъ на азіатскомъ берегу Средиземнаго моря. Но это дерево могло расти только у моря и на известковой почвѣ, и уже египтяне должны были отказаться отъ него. Въ Греціи-же съ незапамятныхъ временъ росла дикая маслина, цѣнимая только, какъ строительный матеріалъ, но на островахъ довольно рано встрѣчается уже эта маслина, приносящая плоды. Въ Элладѣ Аѳины были первой мѣстностью, въ предѣлахъ которой были посажены плодоносныя маслины, все отпрыски того одного дерева, которое богиня, — покровительница Аѳинъ, — принесла въ даръ своему городу.

Въ VII или VI ст. до Р. X. южные берега Италиі покрываются греческими колоніями и вмѣстѣ съ тѣмъ масличными деревьями. У этихъ колонистовъ и заимствовали римляне новый плодъ и его названіе. За сто лѣтъ до Р. X. Италия была богатѣйшей масличной страной, хотя это нѣжное дерево и не произрастало уже въ Падуанской низменности. Но культура его прочно обосновалась въ Марселѣ и Генуѣ, равно какъ и въ Истріи, и Испаніи. Такимъ образомъ даръ Паллады Аѳины распространился почти такъ-же далеко, какъ вино, если исключить изъ этой области распространенія Германію; но масличное дерево удержалось повсюду ближе къ морю, и только плоды его могли проникнуть дальше внутрь страны при посредствѣ торговли. Впрочемъ слѣдуетъ исключить также и Египетъ. Но, кромѣ этихъ двухъ странъ, область винодѣлія совпадаетъ съ областью маслины. Отъ меда и приготовляемаго изъ него напитка греки и римляне прямо перешли къ вину, точно также какъ отъ почечнаго жира животныхъ и сезама перешли къ оливковому маслу. Но за предѣлами этой области культуры та-же потребность не могла найти себѣ удовлетворенія въ растительномъ мірѣ; здѣсь за медомъ явилось пиво, за почечнымъ жиромъ—сало и коровье масло.]

Такимъ образомъ на сѣверѣ отъ Средиземнаго моря за страной вина и маслины слѣдуетъ страна пива и коровьяго масла. Греки и римляне въ эпоху цвѣтущаго своего состоянія не знали ни коровьяго масла, ни тѣмъ болѣе способа его приготовленія. Изъ того, что было сказано уже выше, слѣдуетъ, что искусственный жиръ не приходится искать во всей Америкѣ, Австраліи и Полинезіи, такъ какъ во всѣхъ этихъ далекихъ странахъ человѣкъ вообще не умѣлъ пользоваться молокомъ животныхъ. И даже эскимосы въ Гренландіи ничего объ этомъ не знали, хотя они еще въ давнія времена имѣли оленей. Но человѣку приходится пріучаться не только къ приготовленію кушаній, а также и къ употребленію ихъ въ пищу, какъ въ этомъ убѣждается всякій, кто отъ нѣмецкой кухни хочетъ перейти къ итальянской. Такъ, индѣйцы далеко не съ жадностью набросились на масло, предложенное имъ европейцами; даже и теперь индѣецъ Гвіаны относится съ отвращеніемъ ко всѣмъ кушаньямъ, приготовленнымъ на европейскій манеръ, особенно потому, что онъ боится примѣси масла. Но въ Старомъ Свѣтѣ масло является почти общераспространеннымъ.

Открытіе, показавшее, какъ выдѣлить изъ молока такой жиръ, могло быть

легко сдѣлано безразлично отъ того, оставляли-ли молоко въ плоской чашѣ въ спокойномъ состояніи, или-же оно болталось въ мѣхѣ, привязанномъ къ спицѣ осла. Кукъ говорилъ о готтентотахъ: извѣстно, что они готовятъ масло особымъ образомъ, а именно: они вливаютъ молоко въ приготовленный изъ звѣриныхъ шкуръ мѣшокъ и сильно раскачиваютъ его во все стороны. Тотъ-же способъ примѣняется во всей Африкѣ: немного отстоявшееся и чуть-чуть прокисшее молоко взбалтываютъ въ большой калбасѣ (сосудъ изъ тыквы). Масло получается жидкое и безвѣтное, а для сохраненія его снова растапливаютъ, послѣ чего оно приобретаетъ обыкновенно неприятный вкусъ прогорклаго сала.

Геродотъ еще не зналъ никакого имени для этого жира, и Аристотель вовсе не упоминаетъ о немъ, хотя онъ и трактуетъ объ эксплуатаціи животныхъ его названіи, которое, очевидно, подверглось греческому преобразованію. Мы видимъ, времени. Только врачъ Гиппократъ упоминаетъ о «бутиронѣ», какъ скиескомъ что векорѣ послѣ того и еракійцы подвергаются осмѣянію за употребленіе масла. Даже арабы, по крайней мѣрѣ за сто лѣтъ до Р. Х., начали употреблять коровье масло, замѣнивши имъ оливковое масло. Въ древнѣйшихъ сочиненіяхъ евреевъ не упоминается о коровьемъ маслѣ; оно встрѣчается только одинъ разъ въ Притчахъ. Индія-же вывозила свое масло даже въ гавани Чермнаго моря. Германцы и славяне имѣли для масла свои особенныя туземныя названія, которыя служили у нихъ для обозначенія вообще смазочнаго средства. У скандинавцевъ оно называлось «Schmer», и это названіе существовало также у древнихъ германцевъ, съ той только разницей, что они прибавляли къ нему слово «коровье» (Kuh Schmer) для отличія отъ жира другихъ животныхъ. И это названіе показываетъ, что германцамъ не было извѣстно кобылье масло скиевъ. По всей вѣроятности только чрезъ германцевъ, заселившихъ Галлію, пришло къ нимъ чужое названіе масла «Butter», которое римляне заимствовали у грековъ.

Этотъ различный способъ утилизаціи молока по ту и другую стороны границы оливковой культуры повлекъ за собою еще одно послѣдствіе тамъ, гдѣ изъ-за оливковаго масла пренебрегали коровьимъ масломъ: люди стали готовить *сыръ*. Римляне опередили германцевъ въ искусствѣ приготовленія сыра, въ пользу чего говорить уже то обстоятельство, что даже названіе сыра было заимствовано послѣдними у римлянъ. Карлъ Великій заботился о томъ, чтобы въ его помѣстьяхъ изъ молока приготовлялось по возможности больше сыровъ, преимущественно въ виду удобства сохраненія этого новаго средства пропитанія.

Мы видѣли, по какимъ запутаннымъ путямъ пришлось человѣку пройти прежде, чѣмъ онъ отъ употребленія крови, сырого мяса и растолченнаго зерна перешелъ къ такой пищѣ, которая могла удовлетворить всѣмъ его естественнымъ потребностямъ, и прежде, чѣмъ онъ научился добывать ее наивозможно болѣе хозяйственнымъ образомъ. Совершенно несправедливо считать трудъ, потраченный на все это, низкимъ; напротивъ, не трудно оцѣнить всю важность его. Наилучшимъ мѣриломъ этого значенія можетъ служить то повидимому совершенно естественное недобѣріе, съ которымъ мы относимся къ тому факту, что наши предки дѣйствительно пили горячую кровь и ѣли сырое мясо. Но для справедливой и достойной оцѣнки культурной работы человѣчества необходимо не терять изъ виду этого мѣрила и сохранять о немъ воспоминаніе. Съ этой точки зрѣнія слѣдовало-бы назвать прекраснымъ обычаемъ, существующій у эскимосовъ Гренландіи, которые, хотя и употребляютъ теперь вареную пищу, но послѣ каждой счастливой охоты вспоминаютъ бѣдственныя условія жизни своихъ предковъ. Этотъ обычай, въ основѣ котораго лежитъ, по мнѣнію

миссіонера Кранца, грубое «сувѣтріе», состоитъ въ томъ, что они отъ всякаго убитаго ими животнаго предварительно сѣдѣаютъ кусокъ сырого мяса и также «пьютъ глотокъ еще теплой крови»— это, говорятъ они, ихъ старинное «охотничье право».

Выдѣлка кожъ и тканей.

Мы могли-бы показать тѣ-же успѣхи человѣка въ утилизаціи звѣриныхъ шкуръ, но въ своемъ обзорѣ должны ограничиться болѣе тѣсными рамками. Наиболѣе простое примѣненіе, сдѣланное изъ шкуры животнаго, мы видѣли уже у бушмена. Онъ сдираетъ съ головы до ногъ шкуру животнаго, негодную для употребленія въ пищу, и пользуется ею, какъ мѣшкомъ, который даже легко сдѣлать непромокаемымъ. Близко къ этому подходитъ пользованіе мохнатой шкурой звѣря для укутыванія и согрѣванія человѣческаго тѣла. Если въ этомъ отношеніи человѣкомъ были сдѣланы какіе нибудь успѣхи, то намъ опять-таки слѣдуетъ искать ихъ не въ тропическихъ странахъ, а въ болѣе холодномъ полѣсѣ. Жители тропическихъ странъ не нуждались въ такомъ одѣяніи.

Обитатели Огненной Земли въ прошломъ столѣтіи находились на низкой ступени развитія въ этомъ отношеніи. Они набрасывали на плечи совершенно необработанную шкуру ламы или морской собаки и окутывали ею свое тѣло. Та-же необработанная шкура, въ случаѣ надобности, служила имъ обувью: они ставили свою ногу на шкуру и на подобіе мѣшка завязывали края ея вокругъ лодыжки.

Сосѣдніе патагонцы сдѣлали еще шагъ впередъ: они шивали посредствомъ бараньей тетивы или просто кожаныхъ ремней нѣсколько такихъ ламовыхъ шкуръ и перехватывали поясомъ эту широкую одежду. Кромѣ того они пытались такимъ-же образомъ обергивать шкурой каждую ногу въ отдѣльности, что дало поводъ европейцамъ, впервые посѣтившимъ эту страну, говорить, что они уже носили брюки и полусапожки. Но все это существовало на ряду съ каменными орудіями, раковинами и рыбными костями.

При важности и необходимости такой одежды въ холодныхъ странахъ, вопросъ о выдѣлкѣ кожи сталъ занимать людей сравнительно довольно рано. Различнѣйшими способами пытался человѣкъ отдѣлать отъ шкуры мясо, жиръ и особенно нижній слой кожи, пока ему не удалось наконецъ дойти до настоящаго искусства дубленія кожи. Большія услуги оказали этому искусству также индѣйцы. Ирокезы терли эти кожи въ водѣ или-же предварительно провѣшивали ихъ въ дыму. Другіе-же натирали мозгомъ животныхъ, или жиромъ, или-же кашей изъ молодого манса, а также древесной корой. Многіе, какъ напр. перуанцы, сѣверные индѣйцы и эскимосы, употребляли также, какъ средство вытравленія, гнилую мочу. Эскимосскія женщины знали даже семь различныхъ способовъ приготовленія кожи и мѣховаго товара для различныхъ цѣлей и шили изъ нихъ одежду довольно хорошо и даже съ нѣкоторымъ вкусомъ. Но къ сожалѣнію имъ приходилось для этого накапливать разлагающуюся мочу въ своихъ хижинахъ, и такимъ образомъ изготовленіе мѣховой одежды было связано во многихъ отношеніяхъ съ отсутствіемъ опрятности, которое могло отравить существованіе непривычному человѣку. Въ этомъ отношеніи культура различныхъ странъ шла различными путями.

Въ Японіи, гдѣ почти не разводили убойнаго скота, земледѣльцы совершенно отдѣлили въ особый нечистый классъ всѣхъ кожевниковъ и отказывались вступать съ ними въ брачныя отношенія. На нихъ смотрѣли, быть можетъ, и не совѣмъ несправедливо, какъ на чуждую породу людей, и повсюду предоставляли имъ должность палачей.

И на островахъ Тихаго океана, и въ Новой Зеландіи эта культура должна была пойти также по другому пути. Со свиньи не сдирали кожи, а шкура маленькихъ собакъ могла служить только для украшенія, а не для одежды. Полинезійцы, благодаря своему климату, не нуждались въ одеждѣ, но нельзя того-же сказать о новозеландцахъ. Всегда и вездѣ нужда приводитъ человѣка къ усовершенствованію, и вотъ у этихъ людоедовъ, у народа, который даже не зналъ искусства приготовления горячей пищи,—мы встрѣчаемся съ такимъ самобытнымъ и развитымъ ткацкимъ искусствомъ, какъ нигдѣ въ свѣтѣ. Возможно, что отдѣляющаяся отъ дерева кора по необходимости представлялась человѣку замѣной шкуры животнаго; быть можетъ также, что, при защитѣ огня отъ вѣтра, онъ научился употреблять одно вмѣсто другого. И въ самомъ дѣлѣ, нѣкоторые деревья даютъ такую кору, которая вполне можетъ замѣнить жесткую недубленую кожу.

Въ особенно благоприятныхъ условіяхъ находились жители Полинезій и еще болѣе о. Гаити. Тамъ росли бумажная шелковица, хлѣбное дерево и родъ фигового дерева, волокнистая кора которыхъ могла повести къ развитію особеннаго способа обработки. Снявъ кору съ молодыхъ деревьевъ, ее поливаютъ водой и затѣмъ, соскобливъ съ нея раковинами всѣ зеленныя части, накладываютъ нѣсколько такихъ полосокъ одну на другую. Если долго и тщательно ударять по этой массѣ жолобоватой палочкой, то всѣ ея слои склеиваются и сплавиваются въ одинъ дѣльный кусокъ, и такимъ образомъ получается родъ сукна. Отъ ношенія оно дѣлается мягкимъ и гибкимъ, но легко рвется и пропускаетъ воду. При всемъ томъ это древнее производство страны, незнающей, кромѣ собаки и крысы, никакого пушнаго звѣря, достойно вниманія. Ни въ какой другой странѣ однако люди не пришли къ такому изобрѣтенію: для того, чтобы достигнуть подобнаго результата, нужно было идти другимъ, окольнымъ и очень труднымъ путемъ. Правда, природа повсюду служила руководительницей человѣку, указывая ему на растенія, но они въ лучшемъ случаѣ давали только отдѣльныя волокна, изъ которыхъ можно было развѣ только свить веревку. Но тогда явилось на подмогу человѣку сходное съ тканьемъ искусство, съ развитіемъ котораго мы встрѣчаемся уже довольно рано, а именно—*плетеніе*. Примѣненіе искусства плетения произвело другое искусство—*тканья*. Древнѣйшія ткани всѣ составлены изъ узкихъ полосокъ, сшитыхъ по длинѣ. А длинныя полоски эти дѣлались точно такимъ-же образомъ, какъ плетутъ корзины. Нитки основы разсматривались какъ вертикальныя прутья корзины, а утокъ проводили черезъ основу точно такъ-же, какъ въ корзинахъ переплетались горизонтальныя прутья. Негры Западной Африки первоначально родъ рогожекъ, какъ матерію на платье, и при приготовленіи этихъ полосокъ не пользовались никакимъ другимъ инструментомъ, кромѣ пальцевъ. Они дѣлаютъ эти рогожки, «стоя на коленяхъ, безъ ткацкаго станка и челнока и имѣютъ столько терпѣнія, чтобы проводить пальцами утокъ черезъ каждую нитку отдѣльно, какъ это дѣлается при плетеніи корзины». Не смотря на то, что они работаютъ такъ скоро, что едва можно услѣдить за движеніями пальцевъ, работа у нихъ подвигается очень медленно: наилучшіе работники не производятъ больше локтя матеріи въ недѣлю». При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что эти полоски, изъ которыхъ составляется матерія, сами по себѣ являются употребительнымъ предметомъ обмѣна на рынкахъ Западной Африки, гдѣ онѣ замѣняли и еще по сую пору отчасти замѣняютъ наши деньги. Утомительное проведеніе пальцами горизонтальной нитки прежде всего соотвѣтствуетъ древнѣйшему способу шитья. Древнѣйшая каменная игла была только шиломъ, посредствомъ котораго прокалывалась дыра, чтобы просунуть въ нее паль-

цами нитку. Позже каменная игла уже есть шило, которое не только продѣлываетъ отверстие, но также проводитъ сквозь него нитку. Когда этотъ приемъ былъ примѣненъ къ ткацкому искусству, то и получился челнокъ, т. е. не что иное, какъ усовершенствованная специально для этой цѣли игла. Усовершенствованіе же состояло въ томъ, что такая игла могла зарать вводить въ основу гораздо большій кусокъ нитки, причемъ, какъ это и теперь дѣлается при тканіи сѣтей, нить эта обворачивалась вокругъ длинной оси.

Всѣ болѣе усовершенствованныя системы создались, благодаря этой подготовительной работѣ. Только новозеландцы при ихъ изолированности въ этомъ отношеніи сохранили свою самобытность. Они, правда, умѣли готовить изъ новозеландскаго льна троякаго рода матеріи, смотря по тому, какое употребленіе дѣлалось изъ развѣченныхъ листьевъ или тонкихъ волоконъ льна, причемъ самая тонкая изъ этихъ матерій можетъ и у насъ считаться чистой и со вкусомъ сдѣланной работой. Тѣмъ не менѣе они до ткацкаго искусства не дошли, можетъ быть потому, что въ ихъ странѣ, не знавшей сосудовъ, такое искусство не могло развиваться изъ плетенія. Ихъ способъ скорѣе состоитъ въ связываніи основы ниткой, протянутой поперекъ нея и обхватывающей только одну полосу. Подобнымъ-же образомъ у насъ дѣлаютъ коврики изъ соломы или изъ веревокъ. Смотри по тому, изъ чего они дѣлаютъ основу, изъ черешковъ или изъ волоконъ, ихъ работа похожа на наши соломенные или даже камышовыя плетенки, или-же на тончайшія шелковыя ткани. Много прілежныхъ рукъ до сихъ поръ еще ежедневно заняты такой кропотливой работой, но онѣ не сдѣлали на этомъ пути въ области техники никакихъ успѣховъ. И всетаки природа опять-таки потому направила ихъ силы на такую утомительную работу, что шкуры собакъ слишкомъ малы для того, чтобы онѣ могли служить одеждой. Ихъ можно употребить только для украшенія и обшивки тѣхъ-же ковриковъ. вмѣстѣ съ тѣмъ эта необходимость сдѣлала пальцы новозеландцевъ необыкновенно ловкими и способными къ работѣ. Ни одинъ народъ не обнаруживаетъ такой страсти къ украшенію рѣзбой и живописью своей домашней утвари и всѣхъ отдѣльныхъ частей ихъ довольно простыхъ домовъ; но всѣ рисунки, не исключая даже украшеній лица, напоминаютъ собою всегда ткань, составленную изъ нитокъ, самымъ причудливымъ образомъ переплетающихся и извивающихся, точно эта работа исключительно создала и направила ихъ художественный вкусъ.

Разысканіе подходящихъ матеріаловъ составляетъ довольно существенную отрасль культурной работы, но легко замѣтить, что она имѣетъ болѣе позднее происхожденіе.

Мало кому, кромѣ новозеландцевъ, удавалось такъ ловко отыскать полезное растеніе, которымъ раньше уже не пользовались-бы, какъ питательнымъ или вкусовымъ веществомъ. Въ Полинезій изъ волоконъ скорлупы кокосоваго орѣха дѣлали корабельные канаты, которые вызывали удивленіе европейцевъ. Точно также египтяне дѣлали самое широкое употребленіе изъ папируса; изъ коры его вили веревки, стебли шли на корзины и рогожи и наконецъ изъ кожи его готовили бумагу; корни-же этого растенія цѣнились еще раньше какъ пищевое вещество.

Исторія превращенія шерсти животныхъ въ нитки и нитокъ въ ткани остается для насъ совершенно невыясненной, но всетаки возможно хотя сколько-нибудь опредѣлить область ея первоначальнаго появленія. Изъ американскихъ народовъ только перуанцы занимались этимъ искусствомъ и, надо думать, сами и избрѣли его. Они употребляли шерсть ламы. Австралію и Полинезію слѣдуетъ совершенно оставить въ сторонѣ, равнымъ образомъ и Южную Африку нельзя считать родиной этого искусства. Еще менѣе можетъ ею быть холодный Сѣверъ: здѣсь еще долгое время одеж-

дой служили шкуры пушных звѣрей. Скорѣ всего слѣдуетъ искать начала этого искусства у народа, который пришелъ изъ холоднаго климата въ болѣе теплый и принесъ съ собою привычку употреблять одежду, которую онъ, правда, здѣсь не со-всѣмъ оставилъ, а только сдѣлалъ болѣе легкой. Такъ какъ самыя древнія свидѣ-тельства о выдѣлкѣ шерсти, которыми мы располагаемъ, относятся къ египтянамъ, то и приходится считать ихъ творцами этой отрасли техники, тѣмъ болѣе, что они несомнѣнно пришли изъ болѣе сѣверныхъ широтъ въ Африку, — эту древнюю родину искусствъ плетения и тканья. Они, быть можетъ, переняли искусство у древнихъ обитателей этой страны и начали примѣнять его къ матеріалу, изъ котораго до сихъ поръ ими приготовлялась одежда.

Но между тѣмъ, какъ шерстяная матерія и ея приготовленіе распространились по передней Азіи и южной Европѣ, а затѣмъ мало-по-малу — по средней и наконецъ сѣверной Европѣ, египтяне стали употреблять мягкія волокна льна, который до тѣхъ поръ игралъ у нихъ роль пищевого вещества. Въ Индіи до сихъ поръ еще не утилизируются волокна льна, хотя тамъ извѣстно выжиманіе масла изъ сѣмянъ его. У египтянъ холстъ сдѣлался почти единственнымъ матеріаломъ для одежды — жрецу только дозволялось носить поверхъ шерстяной плащъ; они завертывали своихъ покойниковъ въ узкія полоски холста. Египетскія виссоновыя ткани особенно славились тонкостью выдѣлки, и совершенно заслуженно. Изъ Египта финикіяне перенесли холстъ въ Грецію. Въ Сиріи, а особенно въ Палестинѣ наряду съ льномъ, который тамъ разводился, росъ также хлопчатникъ; и то, и другое было въ употребленіи. Также въ Вавилоніи и затѣмъ въ Колхидѣ у подошвы кавказскихъ горъ производили знаменитыя сардонійскія полотна. Между тѣмъ, какъ греки въ Малой Азіи заимствовали у своихъ подданныхъ холстяную одежду, европейскіе греки еще долго держались шерстяной и считали холстяное платье признакомъ изнѣженности. Здѣсь — же, въ Европѣ, шерстяное платье осталось признакомъ дорійскихъ нравовъ, между тѣмъ какъ іоняне раньше уже обратились къ холстяной одеждѣ. Но во время Пелопонесской войны аѳиняне снова стали употреблять шерстяныя платья, точно они придавали имъ больше мужественности. Вообще-же растенія, любящія влажный климатъ, никогда не могли, какъ слѣдуетъ, привиться на греческой почвѣ.

Лучше произросталъ ленъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Италіи. Но и въ Римѣ холстяныя платья первоначально составляли предметъ роскоши. Когда-же ленъ былъ римлянами перенесенъ, какъ прядильное растеніе, въ провинціи съ влажнымъ климатомъ, онъ сталъ произростать такъ-же хорошо, какъ въ низменностяхъ Евфрата и Нила и началъ конкурировать съ шерстью. Какъ во Фракіи, такъ и въ болѣе сырыхъ мѣстахъ Испаніи, которая еще не была тогда обезлѣсена, процвѣтала культура льна. Затѣмъ эта культура перешла во Францію и уже среди кельтійскаго населенія въ Нидерландахъ процвѣтало льняное производство. Плиній сообщаетъ, что въ его время даже германцы по ту сторону Рейна начинаютъ заводить у себя это растеніе, и ихъ жены ткуть и прядутъ въ своихъ подземныхъ зимнихъ помѣщеніяхъ — у нихъ уже холстяное платье считалось одеждой знатныхъ лицъ. И опять-таки на женщинъ лежитъ обязанность готовить эту одежду. Между египтянами и почти всѣми другими народами въ этомъ отношеніи существуетъ удивительная разница, о которой еще Геродотъ рассказываетъ съ такимъ удивленіемъ: между тѣмъ, какъ повсюду ткали женщины, въ Египтѣ тканьемъ занимались мужчины. Но это различіе легко объяснимо. Когда выдѣлываніе льна перешло въ Германію, то тамъ все еще довольно незначительное земледѣліе было дѣломъ женщины. Поэтому-то и разведеніе этого новаго растенія выпало на ея долю. А если въ Египтѣ дѣло обстоило

иначе, то остается предположить, что тамъ уже въ довольно раннее время какъ мужчины, такъ и женщины, по крайней мѣрѣ покореннаго населенія, жили преимущественно земледѣльемъ, а тѣ громадныя стада, на которыхъ были произведены первыя попытки прирученія животныхъ, находилось во владѣннн побѣдителей.

Но первоначально германская женщина пряла и лень только для себя. Тацитъ рассказываетъ о германскихъ женщинахъ, что онѣ, ничѣмъ не отличаясь въ способѣ одѣванія отъ мужчинъ, чаще одѣвались въ льняныя ткани и украшали ихъ краснымъ цвѣтомъ. Древнн лонгобардцы, по мнѣнню ихъ историка, Павла Діакона, были настолько незнакомы со льномъ, что онъ считаетъ возможнымъ рассказывать о нихъ небылицы, будто-бы они, увидѣвъ въ первый разъ въ Панноннн поля, засѣянные льномъ, приняли ихъ за зеркальную поверхность воды и стали туда бросаться. Но послѣ переселенія народовъ у германцевъ въ особенномъ почетѣ была нестрая льняная одежда. Это предпочтеніе въ гораздо большей степени распространилось здѣсь, чѣмъ когда либо въ Италіи. Оно обуславливалось въ значительной степени большей опрятностью льняной одежды въ сравненн съ мѣховой, въ которой, при тѣсотѣ помѣщенн, за зиму заводилось множество насѣкомыхъ. Предъ шерстяными-же тканями льняныя имѣли то преимущество, что онѣ не были подвержены порчѣ отъ моли, которая, при тогдашнемъ бѣдномъ домашнемъ устройствѣ, водилась въ громадномъ количествѣ въ шерстяныхъ издѣліяхъ. Это обстоятельство и должно было заставить заботливую хозяйку предпочесть холстъ шерстяной ткани. Наконецъ употребленіе холста перешло и къ славянамъ. При этомъ послѣдовательномъ переходѣ льна отъ одного народа къ другому переходило и его названіе.

Для веревокъ и канатовъ не годился мягкій и нѣжный лень. Въ эпоху Гомера для кораблей употребляли канаты, скрученные изъ полосокъ бычачьей кожи, или-же веревки, сдѣланныя подобнымъ-же образомъ изъ стеблей папируса. Позже подходящій для этого матеріалъ нашли въ испанскомъ ковылѣ, — травѣ, росшей преимущественно въ Испанн. Также у кельтовъ во времена Цезаря употреблялись кожаные паруса и по всей вѣроятности такіе-же канаты; нормандцы вырѣзывали ихъ изъ тюленьихъ шкуръ. Германцы, жившіе на материкѣ, и славяне часто употребляли для этого кору липы; еще раньше вили канаты изъ древесныхъ вѣтвей, — «виць», — какъ теперь это дѣлается для плотовъ. Германцы и массагеты совершенно также дѣлали матеріи на платья изъ липовой коры, какъ новозеландцы изъ своего льна (phogmium), но оно употреблялось преимущественно для выдѣлки веревокъ.

Всѣ эти матеріалы были мало по малу вытѣснены коноплей, о которой уже было говорено выше. Уже у фракійцевъ она употреблялась на ряду со льномъ; отъ нихъ она перешла въ Грецію, а отсюда — чрезъ Сицилію въ Испанн. Явилась-ли оттуда-же конопля и въ Галліи, которая впоследствии стала извѣстна культурою этого растенія, или-же она была принесена туда кельтами, намъ не извѣстно.

Украшенія и одежда.

Читателю можетъ показаться, что слѣдовало бы переставить слова въ заглавіи, но въ такомъ порядкѣ они гораздо больше отвѣчаютъ своеобразной природѣ чело-вѣка. Да и можно-ли теперь такъ строго отдѣлнть одно отъ другого? Перестановка словъ въ заглавіи оказалась-бы правильной въ томъ случаѣ, если-бы мы могли представить себѣ, что первыя чело-вѣческія племена находились вблизи полюсовъ: здѣсь суровая природа дѣйствительно заставила чело-вѣка позаботиться объ одеждѣ,

предназначенной не только для украшенія, но прежде всего для защиты тѣла. Но, какъ уже было выяснено, мы имѣемъ полное основаніе думать, что первоначальная жизнь человѣчества происходила въ жаркомъ поясѣ; а въ такомъ случаѣ мы должны высказать мнѣніе, которое, быть можетъ, покажется несообразнымъ, что человѣкъ позаботился объ украшеніи прежде, чѣмъ объ одеждѣ, и что самая одежда отчасти произошла изъ первоначальнаго украшенія. Мы знаемъ очень много народовъ, которые, когда ихъ открыли путешественники, не носили никакой одежды, но ни одинъ изъ нихъ не обходился безъ какого-либо грубаго украшенія. Это раннее стремленіе человѣка индивидуально выдвинуться какимъ-нибудь признакомъ, неданнымъ ему отъ природы, это природное стремленіе отличаетъ роль человѣческой отъ другихъ родственныхъ ему животныхъ точно такъ-же рѣзко, какъ и употребленіе орудій. Даже самый дикій первобытный человѣкъ не удовлетворяется только однимъ существованіемъ подобно животному, онъ хочетъ быть замѣченнымъ, хочетъ имѣть какое-либо значеніе среди подобныхъ себѣ.

Не одна только скудость и плутовство побуждали европейцевъ заманивать «дикарей» разными ничтожными и ничего нестоющими бездѣлушками, вмѣсто того, чтобы снабжать ихъ полезными предметами культуры. Они дѣйствительно угадали ихъ наклонности. Такъ, Коммодоръ Вайронъ легко могъ сбыть патагонцамъ кусочки шелковыхъ лентъ, которые они могли себѣ обвязать вокругъ головы, но кусокъ сукна, который былъ-бы очень полезенъ дикарямъ, австралийцы хотя и унесли съ собой въ лѣсъ, но бросили его въ первый кустъ. Европейцы потомъ нашли всѣ эти вещи. И тѣмъ не менѣе этотъ самый дикарь былъ въ состояніи рисковать своею жизнью, чтобы украсть какую-нибудь бездѣлушку. Европейцы дѣлали попытки обогатить жителей острововъ Товарищества цѣнными пріобрѣтеніями животныхъ, годныхъ въ пищу, козъ и быковъ, но безъ всякаго успѣха, за то нѣсколькими красными перьями можно было купить всѣ острова.

Итакъ, одежда человѣка имѣетъ, такъ сказать, два своихъ родословныхъ дерева, которыя соединяются въ одно лишь послѣ того, какъ срослись между собою ихъ вѣтви. Одно изъ нихъ вырастаетъ на почвѣ шегольства и страсти къ нарядамъ, другое—на почвѣ нужды; родиной перваго является Югъ, второго—Сѣверъ; первое болѣе древняго, второе болѣе поздняго происхожденія. Если это такъ, то первое украшеніе одѣвалось непосредственно на голое тѣло; только мы, заимствовавшіе платье у сѣверныхъ племенъ, надѣваемъ украшеніе поверхъ его, между тѣмъ какъ болѣе консервативный женскій полъ еще и теперь отчасти сохранилъ этотъ древній способъ украшенія. Онъ опять-таки находится въ тѣсной связи съ элементомъ, никогда не чуждымъ вполне ни одной области человѣческой культуры, а именно съ религіознымъ. Многіе способы человѣческаго украшенія первоначально относились къ области культа или находятся въ такой тѣсной зависимости отъ него, что трудно опредѣлить, какое участіе имѣетъ въ этомъ явленіи культъ, какое — страсть къ нарядамъ.

Если мы себѣ представимъ, сколько давно забытыхъ въ жизни формъ сохраняется всегда въ культѣ, если мы вспомнимъ, что сюда относится въ особенности пріятное наслажденіе теплою кровью, не исключая и человѣческой крови,—то многіе религіозные обычаи древности, чуждые нашему современному міросозерцанію, не будутъ болѣе казаться намъ совершенно непонятными. Человѣкъ, который не можетъ постигнуть единства въ своихъ собственныхъ дѣйствіяхъ, далекъ отъ того, чтобы усмотрѣть единую причину въ проявленіяхъ внѣшняго міра. Все, чего не сдѣлала видимая имъ рука, сотворено невидимой и въ представленіяхъ о такихъ

невидимыхъ существахъ, которыя, какъ учить ихъ опытъ, гораздо сильнѣе и вліятельнѣе видимыхъ, сосредоточивается все его религіозное мышленіе и всѣ его религіозные обычаи. Для своей защиты онъ старается привлечь на свою сторону одного изъ этихъ духовъ, приобрести его дружбу; что-же могъ онъ предложить ему лучшаго, какъ не кровь, свѣжую, горячую кровь? Что могло тѣснѣе соединить чело-вѣка духовнымъ родствомъ съ духомъ, какъ не его собственная кровь?

Каждая семья, каждый родъ и каждое развивающееся племя заключали свой особый союзъ, который и старались закрѣпить, дѣлая себѣ надрѣзы на кожѣ, какъ

Рис. 24.— Нубіецъ (берберъ) съ разрѣзами на лицѣ.

ясный признакъ такого союза. Эти надрѣзы были, такъ сказать, гербами, которые каждый вѣчно носилъ на своемъ тѣлѣ. Какъ каждый охотно гордится преимуществомъ своего племени, такъ несомнѣнно и эти знаки составляли предметъ гордости и украшенія. Но этотъ обычай опять-таки у различныхъ народовъ остановился на различныхъ ступеняхъ: болѣе высокая культура и сѣверная привычка носить настоящее платье для защиты отъ холода должны были имѣть большое вліяніе на это обыкновеніе. Въ этомъ случаѣ могли быть двѣ крайности: религіозный моментъ или вовсе упускался изъ виду, или-же только о немъ и заботились. Тамъ, гдѣ не носили никакого платья, были болѣе склонны къ первому, причѣмъ эти знаки все

больше и больше превращались въ украшеніе тѣла; въ противоположномъ-же случаѣ приходилось вовсе оставить безъ вниманія элементъ украшенія.

Краткій очеркъ можетъ намъ показать у африканцевъ нисшія ступени его развитія въ самомъ большемъ разнообразіи. Даже переселенные въ Америку негры часто сохраняли этотъ обычай, а на ихъ родинѣ можно по такимъ знакамъ отличить одно племя отъ другого. Два или три надрѣза различѣйшимъ образомъ комбинируются между собою: одни дѣлаютъ ихъ на лбу, другіе—на щекѣ или-же на груди (рис. 24). Сюда-же относится и такъ называемое «обрѣзаніе»; но у народовъ, употреблявшихъ одежду, какъ у египтянъ, оно не развилось какъ украшеніе, а сохранило только религіозное значеніе, если только не забывали о немъ и не пытались дать новое объясненіе этому обычаю.

Рис. 25.—Татуированная нога.

У индѣйцевъ уже больше вниманія было обращено на украшеніе, а развившійся въ искусство *татуировки* (рис. 25—27) оно получило полное преобладаніе въ Полинезійи и у нѣкоторыхъ дикихъ племенъ Индіи. Собственно родиной этого искусства слѣдуетъ считать область Тихаго океана, гдѣ такое украшеніе могло

получить распространеніе у народовъ, ходившихъ голыми. Это искусство сохранило свою связь съ религіей еще въ томъ отношеніи, что оно только производилось жрецами и представляетъ соединеніе надрѣзыванія кожи съ ея *раскрашиваніемъ*. Благодаря такой комбинаціи надрѣзы становятся болѣе эффектными, а раскрашиваніе—болѣе прочнымъ. Для татуировки употребляется родъ маленькаго гребня, сдѣланнаго изъ зубовъ акулы; ударяя молоткомъ по этому гребню, зубцы его вколачиваютъ въ тѣло. Затѣмъ, когда эти раны намазываются сажей, смѣшанной съ масломъ, или какой-нибудь другой краской, то

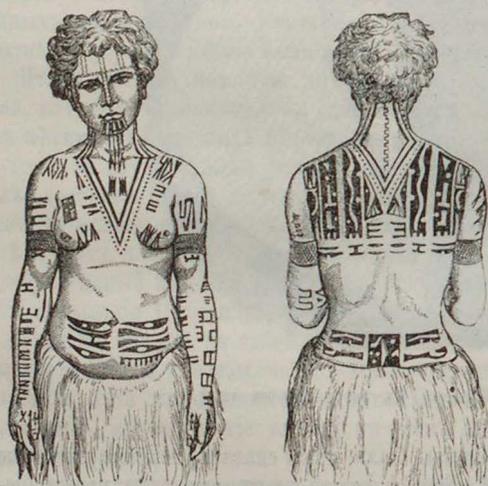

Рис. 26.—Татуированная дѣвушка изъ Портъ Моресби.

на тѣлѣ образуются неизгладимые черные или цвѣтные знаки. Дѣтей начинаютъ татуировать, раскрашивать съ двѣнадцатилѣтняго возраста и продолжаютъ это отъ времени до времени вплоть до глубокой старости. Подъ конецъ все тѣло часто покрывается знаками, форма которыхъ бываетъ довольно красива, подчасъ даже достойна удивленія. Но теперь этотъ обычай, благодаря вліянію европейцевъ, начинаетъ выходить изъ употребленія.

Во всякомъ случаѣ раньше татуированія существовалъ обычай раскрашивать тѣло; это производилось посредствомъ красящей земли, но раскрашиваніе приходилось часто повторять. Сѣверные индѣйцы почти ежедневно раскрашивали свое лицо, причемъ они всегда старались удивлять всѣхъ новыми рисунками. Однимъ нравилось раскрашивать себѣ голову всю въ красный цвѣтъ, другіе еще прибавляли къ этому черныя пятна; многіе раскрашивали себѣ одну половину лица въ красный, а другую, въ черный цвѣтъ. Гуроны бѣжали за 20 миль, чтобъ достать себѣ красящей земли. Этотъ обычай существуетъ еще и теперь—какъ въ Сѣверной, такъ и въ Южной Америкѣ. Даже бѣдные обитатели Огненной земли не отказывали себѣ въ этомъ украшеніи; когда европейцы въ прошломъ столѣтіи впервые съ ними

Рис. 27.—Новозеландскій предводитель.

познакомились, ихъ модой предписывалось разрисовывать себѣ лицо красной и черной краской, только вокругъ глазъ—бѣлой. Эти цвѣта и были самыми употребительными въ странахъ Тихаго океана и у австралійцевъ (рис. 28). Такъ какъ всѣ эти украшения имѣли своей цѣлью удивить и произвести впечатлѣніе, то они и употребляются преимущественно на войнѣ. Подобно тому, какъ человѣкъ привыкъ однимъ своимъ появленіемъ пугать многихъ животныхъ и обращать ихъ въ бѣгство, точно также онъ желаетъ пользоваться значеніемъ среди подобныхъ себѣ, и первый пріемъ всѣхъ сраженій у дикарей состоялъ всегда въ томъ, чтобы посмотрѣть, какъ велико впечатлѣніе, производимое на врага. Этотъ древній способъ сраженія оставилъ по себѣ многочисленные слѣды, какъ напр. брань, съ которой всегда любили начинать сраженіе гомеровскіе герои. Сюда-же относится такъ называемый

«вызывающій танецъ» новозеландцевъ, сопровождаемый ужаснѣйшими гримасами и угрозами, которыя должны были внушить противнику страхъ. Для той-же цѣли

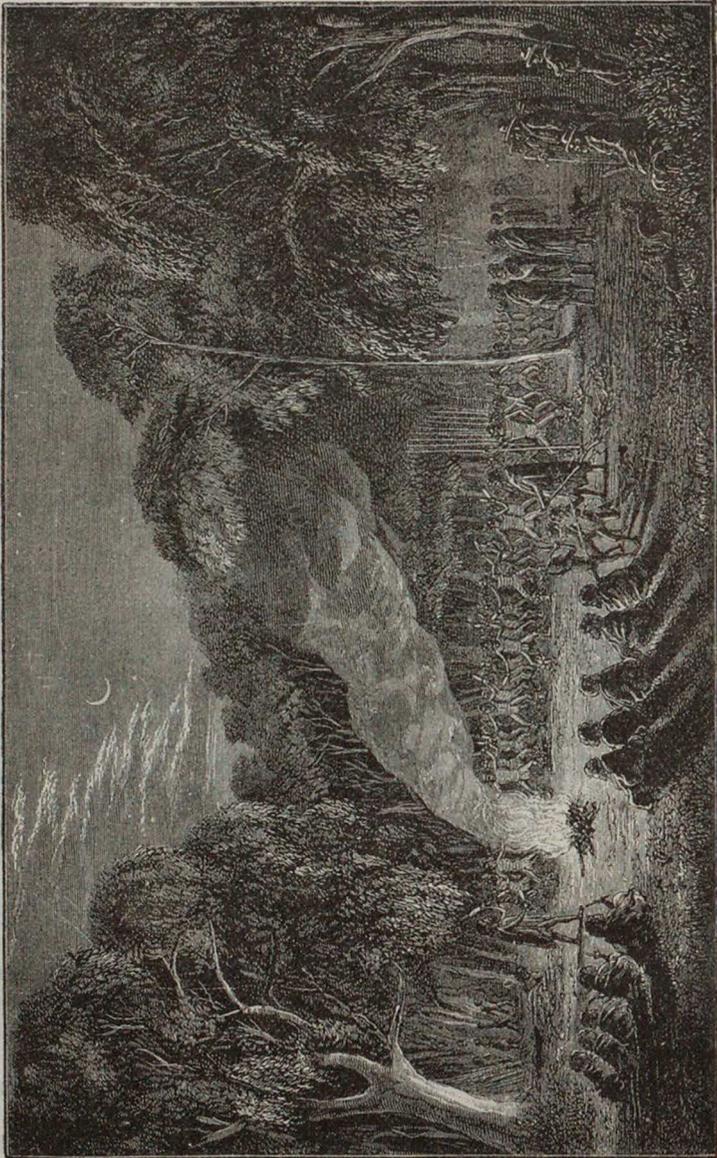

Рис. 28. — Раскрашенные дикари, отпоясывающіе танецъ Корребори.

служило раскрашиваніе лица. Но такъ какъ лицо слишкомъ мало, то, чтобы имѣть большую поверхность, оно увеличивалось такъ называемыми «боевыми масками».

Раскрашиваніе тѣла еще во времена Тацита было употребительно у одного германскаго сѣверовосточнаго племени, а южно-славянскія женщины еще и теперь употребляютъ слишкомъ много краски для лица, болѣе чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, гдѣ только вообще стараются придти на помощь природѣ. Но это раскрашиваніе теперь никомъ образомъ не имѣетъ цѣлю наводить страхъ.

Кровоусканіе, которое и было первоначальной, а впоследствии забытой цѣлю надрѣзыванія кожи, могло еще совершаться посредствомъ укола въ губы, уши или носъ, такъ какъ мѣсто укола не имѣло никакого значенія. Затѣмъ стали пробовать оставлять рану открытой, какъ знакъ союза. Такимъ образомъ тотъ-же самый путь привелъ къ другому способу «украшенія». Вотокуды съ большой торжественностью производили церемоніи прокалыванія нижней губы веѣмъ своимъ соплеменникамъ, еще незаклепаннымъ такимъ образомъ. Этимъ отверстіемъ, какъ и всякой племенной примѣтой, очень гордились и поэтому не только всегда старались ее сохранить, просовывая въ отверстіе колышекъ, но и по возможности расширяли его. Къ подобному идеалу красоты стремятся и африканскія племена. Гораздо чаще губы выбирается для этой цѣли мягкая часть уха или носа (рис. 29). Древніе перуанцы при этомъ еще преслѣдуютъ первоначальную цѣль. Когда инки принимали подростка въ свой семейный союзъ, они прокалывали ему уши и для сохраненія раны вдѣвали въ нее кольцо. У другихъ народовъ кольцо уже въ древнія времена стало главнымъ предметомъ украшенія. Сѣверные индѣйцы какъ можно долѣе дергали себѣ уши, причемъ они въ отверстія вставляли разныя блестящія вещи. Нѣкоторые носили кольцо въ носу. То и другое распространено въ Австраліи, Полинезій, Остѣ-Индіи и Африкѣ. Многіе австралійцы щеголяли большой костью, которую имъ мало по малу удавалось просунуть черезъ носъ. Австралійцы и полинезійцы любили очень носить большія кольца на ногахъ. Индѣйцы Гвіаны довольствовались тѣмъ, что втыкали себѣ въ носъ и уши бамбуковыя палочки. Мы, правда, перестали носить неудобныя для носа кольца, но серьги еще сохранились у насъ до настоящаго времени. И мужчины даже носятъ одну серьгу въ ухѣ, но такое ношеніе серьги иногда еще обозначаетъ обѣтъ, данный какому-нибудь святому покровителю съ цѣлю отклоненія болѣзни. Такимъ образомъ все еще кой-гдѣ проглядываетъ древнѣйшее значеніе этого обычая.

Рис. 29.—Женщина изъ Остѣ-Индіи съ кольцомъ въ носу.

То-же самое относится къ головному убору. Человѣкъ смотрѣлъ на волосы или какъ на украшеніе головы, или хотѣлъ изъ нихъ сдѣлать особенное и отличительное украшеніе, или-же превратить свой головной уборъ въ естественнаго носителя его украшеній. И съ этимъ различнѣйшимъ образомъ соединяется остатокъ религіозныхъ обычаевъ: особенный способъ ношенія волосъ, какъ и порѣзы на тѣлѣ, служатъ отличительными признаками племени или первобытной орды. Коса у монголовъ и китайцевъ совершенно также сохранила остатокъ своей святости, какъ лысина у бовзы, или различный способъ стрижки волосъ у христіанскихъ монаховъ, смотря по тому, къ какому монашескому ордену они принадлежатъ. Древніе сѣверные индѣйцы имѣли обыкновеніе стричь себѣ волосы такъ, чтобы только на маковкѣ оставался пучокъ. Изъ этого пучка они, переплетая волосы лентой, дѣлали двѣ косы,

Рис. 30.—Различныя прически въ Восточной Африкѣ.

которыя свѣшивались на обѣ стороны; они втыкали въ волосы на макушкѣ самыя необыкновенныя перья, а косы обвѣшивались, насколько было возможно, множествомъ колецъ, коралловъ, раковинъ и серебряными застѣжками.

Поистинѣ неисчерпаема у африканцевъ способность изобрѣтать все новыя прически; впрочемъ этого нельзя сказать о готтентотахъ: ихъ растущія отдѣльными космами волосы очевидно представляютъ очень плохой матеріалъ для подобныхъ уграженій. Особенно высоко стоитъ искусство причесыванія волосъ въ Восточной Аф-

риксѣ (рис. 30 и 31). Человѣкъ тамъ отказывается отъ всякихъ удобствъ во время сна, отъ возможности предохранить свою голову отъ маленькихъ паразитовъ, лишь-бы только сохранить во всей неприкосновенной красотѣ разъ навсегда сдѣланную прическу. Для того, чтобы придать волосамъ извѣстную форму, надо къ нимъ примѣшать много глины, масла и лаку, послѣ чего они получаютъ форму выгѣпленной кошмы. Забота объ этомъ украшеніи и привела людей въ изобрѣтенію того деревяннаго головнаго станка, который мы такъ часто встрѣчаемъ среди египетской утвари. Это—кусокъ дерева, вырѣзанный на подобіе полумѣсяца (рис. 32), на низкомъ подножіи; онъ употреблялся, какъ подушка; вотъ какое большое значеніе имѣло для голаго человѣка украшеніе! Едва-ли было-бы возможно здѣсь сосчитать всѣ въ извѣстной степени замѣчательныя прически дикарей, съ которыми насъ уже познакомили путешественники.

Но этотъ обычай не есть исключительно африканскій; наоборотъ, онъ свойственъ

вѣсьмъ частямъ свѣта, хотя народы сѣвера вынуждены носить, какъ свои племенные знаки, такъ и свои украшенія больше на одеждѣ, чѣмъ на тѣлѣ. Сіамцы брѣютъ себѣ голову, оставляя только на маковкѣ какъ-бы круглый островокъ волосъ, которые подрѣзываются такъ, что становятся похожими на щетку. Древній японецъ брилъ себѣ переднюю часть головы и съ маковки спускалъ на лицо локонъ волосъ. Монголы, какъ извѣстно, очень любятъ свою косу. Но и одинъ изъ славянскихъ князей, Святославъ, который въ 971 году велъ переговоры съ византийскимъ императоромъ, имѣлъ, какъ свидѣтельствуется объ этомъ одно описаніе, бритую голову, съ которой свѣшивалась косичка, а въ ухахъ у него были кольца. Германцы—свевы завязывали свои головы узломъ вокругъ темени, и эта прядь волосъ свѣшивалась на спину, какъ лошадиная грива. Также и кельты завязывали волосы узломъ, какъ это теперь дѣлаютъ женщины. Такимъ-же образомъ поступаютъ сингалезы, а новозеландцы совѣсьмъ, какъ наши женщины, втыкали въ этотъ узелъ высоко торчащій гребень. Какъ на ненормальное явленіе слѣдуетъ смотрѣть на обычай разныхъ племенъ, особен-

Рис. 31.—Воины изъ племени Шули.

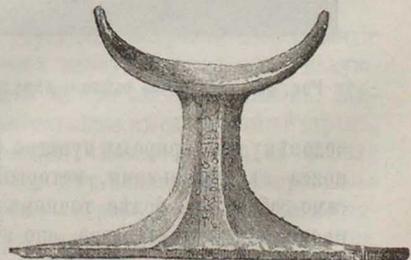
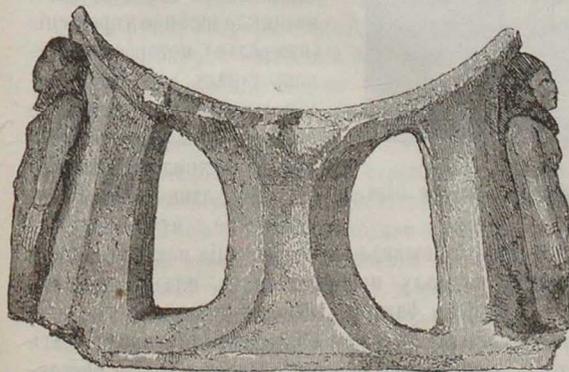

Рис. 32.—Египетскій головной станокъ.

но африканскихъ, отламывать или подпиливать себѣ зубы, опять-таки для того, чтобы такимъ образомъ установить отличительные знаки ихъ племенного единства.

Лишь только человек научился пользоваться веревкой, какой-бы формы она ни была, как, кроме носа и ушей, и многія другія части тѣла стали также удобными для украшенія; посредствомъ ленты или тесемки можно было повсюду привязать украшеніе; даже самая ленточка становится существеннымъ нарядомъ. Говоря, что человекъ сталъ украшать и другія части своего тѣла, мы конечно не должны спрашивать, какія части онъ хотѣлъ украшать, а какія были удобны для того, чтобы при помощи веревки привѣсить къ нимъ украшеніе. На это легко отвѣтить, и

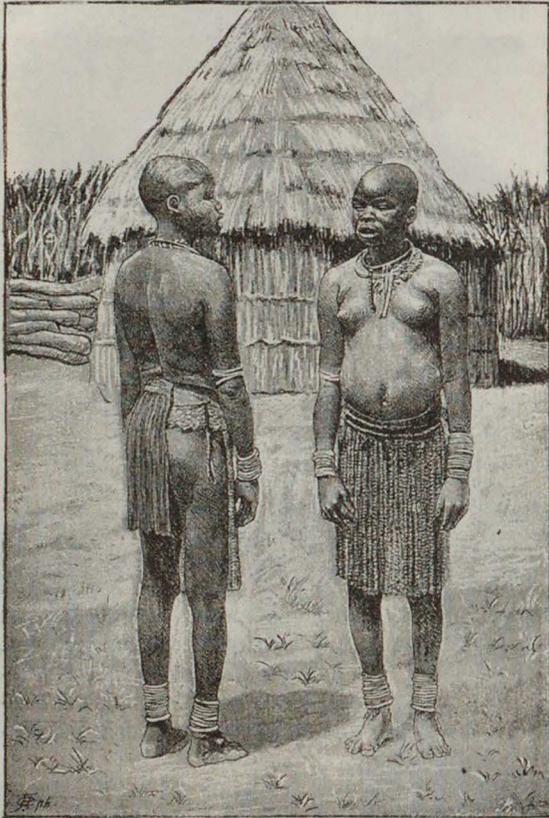

Рис. 33.—Нарядное одѣяніе дѣвушекъ изъ племени Бари.

человѣку отъ природы чувство стыдливости вызвало употребленіе вокругъ падежь пояса съ висюльками, который мало по малу превратился въ платъ, падаетъ само собою при болѣе точномъ разсмотрѣніи фактовъ. Многіе дикари ничѣмъ не проявили такого чувства, оно явилось лишь вмѣстѣ съ обыкновеніемъ прикрывать свое тѣло, причемъ постепенно стали приниматься въ соображеніе и другія обстоятельства. Исходнымъ пунктомъ его слѣдуетъ считать то-же самое, что послужило къ превращенію украшенія въ одежду; исходя отсюда, чувство стыда постепенно распространилось на разныя части тѣла въ той-же степени, какъ и самая одежда. По-

этому - то всё даютъ на него одинаковый отвѣтъ. Это были тѣ части тѣла, которыя представляли для повязки естественную опору, не давая ей спуститься внизъ; такими были: виски, — опорой здѣсь служили ушные раковины и выступающая часть лба, — шея, далѣе поясница и бедра, на которыхъ держалась повязка, затѣмъ сочлененія верхней и нижней конечности, наконецъ верхняя часть руки, гдѣ повязка задерживалась мускулами.

Ко всемъ этимъ частямъ тѣла безъ исключенія человекъ привѣшивалъ свои украшенія (рис. 33), но всетаки самыми удобными для этого мѣстами оставались плечи и бедра; такимъ образомъ съ одной стороны возникло шейное украшеніе (ожерелье), которое еще теперь у насъ въ употребленіи, а съ другой, — скромные зачатки одежды, если только она не явилась, вызванная необходимостью. Предположеніе, что присущее

этому понятію, чего слѣдуетъ человѣку стыдиться, тоже не одинаково въ различныхъ частяхъ свѣта, какъ и способъ одѣванія, и въ сущности понятіе стыда и у насъ колеблется вмѣстѣ съ модой. Конечно тутъ оказываютъ вліяніе и другія соображенія, которыя отпадаютъ у дикаря.

Беккеръ нашелъ племя Латука въ области африканскихъ озеръ совершенно голыми, то-же самое и Ливингстонъ рассказываетъ о племени Баве у рѣки Замбези, и онъ убѣдился, что они вовсе не понимали его вопросовъ, относившихся къ чувству стыда. А повязки, которыя женщины носили на животѣ, служили, какъ утверждаетъ этотъ миссіонеръ, исключительно для украшенія. Такихъ примѣровъ можно привести цѣлое множество. Во всякомъ случаѣ для лучшихъ украшеній преимущественно, но отнюдь не исключительно, избираются тѣ части тѣла, на которыя вначалѣ указывало чувство стыда. Капитанъ Кукъ нашелъ жителей юговосточной Австраліи совершенно голыми; свое главное украшеніе, кость, они носили въ носу; у другихъ вокругъ шеи и на рукахъ висѣли шнуры съ раковинами; на бедрахъ они носили только шнурокъ изъ человѣческихъ волосъ. И древніе карибы также обыкновенно ходили совершенно голые, а если у нихъ и висѣла на поясѣ раковина, то она служила только для украшенія, такъ какъ они носили ее лишь въ торжественныхъ случаяхъ. Обычай этотъ очень распространенъ: самые крупные предметы украшенія, раковины, тыквенная корка, листья, звѣриныя шкуры, плетенныя вещи изъ травы, пестрыя тряпки, все это привѣшивалось къ тому поясу, который изъ всѣхъ лентъ, употреблявшихся для украшенія тѣла, былъ самымъ крѣпкимъ. Даже пеструю суконную матерію, которую приготовляли таитяне, они носили на бедрахъ не какъ платье, но какъ бросающаеся въ глаза украшеніе. Африканскія женщины сдѣлали изъ пояса, который они носили вокругъ тѣла, какъ украшеніе, очень изящный передникъ, котораго они не снимаютъ съ себя. Другія-же еще украшали этотъ передникъ, привѣшивая къ нему сзади хвостъ какого-нибудь звѣря. Когда люди дошли до искусства приготовленія матерій, этотъ поясъ мало-по-малу превратился въ передникъ, покрывающій кругомъ все тѣло; вмѣстѣ съ этимъ и заканчивается развитіе того искусства одѣванія, которое произошло исключительно изъ стремленія къ украшенію.

Древніе египтяне заимствовали эти составныя части одежды у жителей тропическаго климата, и онѣ сохранились у нихъ въ видѣ пояса съ разукрашенными висюльками. Часто такой передникъ съ холестяной полоской, кольца выше и ниже локтя руки, разукрашенный воротникъ, образовавшійся изъ первоначальнаго ожерелья, и обручъ на головѣ составляютъ все одѣяніе.

Обручъ, носившійся на головѣ, не получилъ повсюду такого распространенія, какъ поясъ. Но ихъ исторія сходна во многомъ.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что эти украшенія получили свое развитіе въ тропическомъ климатѣ; стремленіе добыть себѣ нарядъ прежде, чѣмъ какую-нибудь полезную вещь, свойственно людямъ далеко за предѣлами тропиковъ. Жители Огненной земли производили очень жалкое впечатлѣніе въ своей бѣдной странѣ, но они при всемъ томъ не имѣли никакихъ желаній. «Казалось, они не желали ничего кромѣ того, что имѣли, и изъ всего, что мы имъ показывали, понравилось имъ только украшеніе—стеклянные кораллы (бусы)—первое, безъ чего они могли бы обойтись». То-же самое увидѣлъ Кукъ у австралійцевъ. «Хотя эти дикари также, какъ и огнемельцы, ходили совершенно голые, они, казалось, не менѣе первыхъ заботились объ украшеніяхъ. Одинъ изъ нихъ, которому я далъ кусокъ старой рубашки, вмѣсто того, чтобы повязать себѣ имъ какую-нибудь часть тѣла, обмоталъ ее вокругъ головы на подобіе чалмы». Точно также и австралійцы, которыхъ

Филиппъ встрѣтилъ въ Ботанибей, находились въ своемъ естественномъ состояніи. Они ходили совершенно голые «но повидимому очень любили наряжаться». Все, что имъ дарили, они вѣшали себѣ на голову или на шею.

И то отличіе, которое старались пріобрѣсти путемъ насильственнаго преобразованія формъ тѣла, тоже пользовалось довольно большимъ распространеніемъ; такая склонность замѣтна у многихъ совершенно чуждыхъ другъ другу народовъ. Нѣкоторымъ сѣвернымъ индѣйскимъ племенамъ очень нравилось отличатся высокой формой головы, причѣмъ они заботились объ этомъ съ дѣтства: они старались постепенно придавливать своимъ дѣтямъ лобъ особымъ аппаратомъ, придѣланнымъ къ колыбели. Древніе перуанцы старались придать черепу низкую и продолговатую форму (рис. 34). Въ древнія времена подобный обычай былъ повидимому очень распространенъ и у другихъ народовъ. Нѣкоторые малайскія племена точно также имѣли обыкновеніе сдавливать черепъ и кромѣ того, — правда, безъ особеннаго успѣха, — сплющивать носъ и вытягивать уши. Всѣмъ извѣстно обыкновеніе китайскихъ женщинъ калѣчить себѣ ноги.

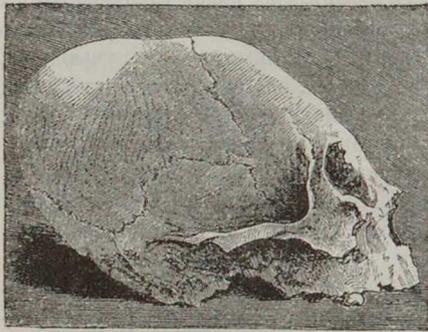

Рис. 34. — Аймарскій черепъ.

Ролью настоящей *одежды* слѣдуетъ считать сѣверныя страны, но въ средней области встрѣчаются оба вида одежды, такъ что трудно бываетъ опредѣлить, которому изъ нихъ вообще принадлежить напримѣръ египетское женское платье или древній хитонъ. Мы уже видѣли, что на Сѣверѣ матеріаломъ для платья служили звѣриныя шкуры. Дальше къ Югу вмѣсто нихъ являются плетенныя работы и ткани изъ шерсти животныхъ, а затѣмъ — и изъ похожихъ на шерсть растительныхъ веществъ. Да и форма ихъ первоначально та-же, что и настоящихъ звѣриныхъ шкуръ. Такъ,

мадьярскій магнатъ еще и теперь въ праздничныхъ случаяхъ носитъ поверхъ одежды тигровую шкуру. Постепенно стараются посредствомъ сшиванія получить кожу желаемой формы — такимъ образомъ и является южно-африканскій каросъ или наша шуба. Обыкновенная форма — это продолговатая, четырехъ-угольная; шить или болѣе искусная шпилька удерживаетъ ее на груди. Эта форма является общей повсюду для всѣхъ подобныхъ матерій. Такую-же верхнюю одежду представляетъ новозеландская рогожа изъ новозеландскаго льна, шотландскій плэдъ, сплетенный или сотканый изъ шерстяныхъ полосъ, и тончайшей работы восточная шаль. У новозеландскаго плаща бахрама составлялась изъ концовъ листьевъ, у плѣда и шали — изъ остатковъ основы. Римская тога отличается только болѣе красивымъ покроємъ. Но и четырехъугольный плащъ можно носить иначе, если онъ достаточно длиненъ и широкъ. Посрединѣ прорѣзывается отверстіе, въ которое и просовываютъ голову. Такое платье называется теперь у южныхъ американцевъ «пнхо», (рис. 35), да и ряса католическаго священника ведетъ свое начало отъ такой одежды. Этотъ плащъ, изъ какой-бы матеріи и какой-бы формы онъ ни былъ, сохранился какъ верхнее платье тамъ, гдѣ употреблялась настоящая одежда. Многія племена даже въ суровомъ климатѣ остановились на этомъ родѣ одежды. Но въ домашнемъ обиходѣ, равно какъ и во время работъ на полѣ, являлась нужда

то въ болѣе легкомъ, то въ болѣе тѣсно обхватывающемъ платьѣ; такимъ образомъ и явилось нижнее платье, которое, смотря по надобности, носили или отдѣльно, или вмѣстѣ съ верхнимъ платьемъ. Такое нижнее платье могло произойти изъ перед-

Рис. 35.— Справа: чилиецъ въ «спонхо».

ника тропическихъ народовъ, если онъ былъ сдѣланъ изъ достаточно широкой матеріи и былъ достаточно длиненъ, закрывая ноги до колѣнъ. На Сѣверѣ-же такое нижнее платье образовалось изъ стремленія закутать тѣло въ мѣхъ, но не стѣсняя свободы рукъ и ногъ. На Югѣ, въ подражаніе жителямъ Сѣвера, всё платье этого

вида дѣлались изъ мягкихъ и легкихъ матерій, на Востокъ особенно они превратились въ широкія одежды, имѣющія множество складокъ; простое нижнее платье соответствовало длинѣ туловища человѣка и, имѣя форму цилиндра, покрывало тѣло отъ подмышекъ до бедръ, а такъ какъ женщинамъ не приходилось упражняться въ бѣгѣ, то у нихъ платье было гораздо длиннѣе. Древнѣйшее платье такого рода несомнѣнно состояло только изъ одной шкуры, которую въ такомъ видѣ обворачивали вокругъ тѣла и привязывали шнурками. На Югѣ оно преобразовалось въ шитое шерстяное или холстяное платье, которое походитъ на мѣшокъ безъ дна. Подымая это платье до плечъ, можно было его прикрѣпить на плечахъ въ двухъ мѣстахъ. Это типъ греческаго хитона. Египетское женское платье этого рода, — происхожденіе его сомнительно, — придерживалось на плечахъ посредствомъ лентъ. Со временемъ эти плечевыя повязки стали присоединяться къ платью, такъ что оно скорѣе стало походить на закрытый мѣшокъ, въ которомъ оставлялись отверстія только для головы и рукъ. Вотъ тутъ мы встрѣчаемся съ арабскимъ сборчатымъ

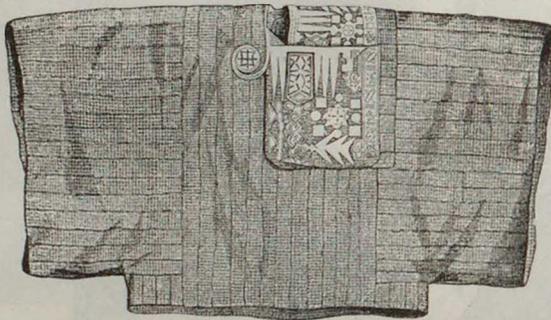

Рис. 36. — Тобе.

платьемъ «тобе», употребившимся въ области Судана. А что это платье появилось напримѣръ у жителей Борну не вслѣдствіе необходимости въ немъ, а изъ подражанія сѣвернымъ жителямъ, легко заключить изъ того, какъ они имъ пользуются. Если кто особенно хочетъ отличиться предъ своимъ гостемъ, онъ напяливаетъ на себя сразу весь запасъ своихъ драгоценныхъ тобъ, такъ что

превращается въ гигантскій тюкъ матерій. Затѣмъ все это снимается, и онъ снова для разнообразія ходитъ нагишемъ.

Происхожденіе египетскаго нижняго платья женщины изъ передника доказываетъ тѣмъ, что оно завязывается подъ грудью. Тамъ-же, гдѣ на нисшихъ ступеняхъ развитія народа встрѣчается специально женское платье, оно завязывалось выше груди подъ мышками, такъ какъ заботились о томъ, чтобы руки оставались свободными для работы.

Для умѣреннаго климата было достаточно такой одежды, къ которой всегда присоединялись еще кожаныя подошвы на ногахъ; даже въ болѣе сѣверныхъ широтахъ женщина для своихъ домашнихъ работъ довольствовалась этимъ платьемъ, мужчина-же, которому приходилось на воздухѣ работать руками, одѣвалъ свои руки и ноги такимъ-же образомъ, какъ онъ прежде покрывалъ свое туловище; т. е. онъ обворачивалъ каждый членъ тѣла мѣхомъ. Рукава и брюки первоначально были особыми платьями, и съ ними познакомились римляне только у сѣверныхъ народовъ, а именно у галловъ. На то, что брюки прежде составляли два особыхъ платья, указываетъ намъ еще теперь самый способъ выраженія: мы говоримъ «пара брюкъ». Ихъ привязывали ремнями или повязками, и такимъ образомъ они плотно сидѣли на ногѣ. Только когда стали шивать эти отдѣльныя части одежды или всю одежду, покрывавшую все тѣло, гдѣ того требовалъ климатъ, и вообще

приготовляли всю одежду из тканей, стало возможным дѣлать широкія сборчатая платья такого рода, особенно сюртуки съ рукавами.

На Сѣверѣ одежда подверглась новымъ измѣненіямъ особенно вслѣдствіе употребленія шерстяныхъ и холстяныхъ тканей; къ ней присоединились новыя части и нѣкоторыя старыя получили другой видъ. Такъ, ни германцы, жившіе во времена употребленія мѣха, ни даже древнѣйшіе римляне не знали рубашки, которая намъ представляется теперь незамѣнимой. Этого легкаго одѣянія, лѣтомъ вовсе не обременительнаго, было достаточно для удовлетворенія прибрѣтеннаго человѣкомъ чувства стыда; зимою-же оно было очень пріятно, какъ промежуточный слой подъ шубой, всегда полной паразитами; это-то одѣяніе и было вызвано необходимостью на Сѣверѣ, когда тамъ находились въ употребленіи льняныя ткани. Название *Camisia* (*chemise*) происходитъ изъ Галліи, и Плиніи еще зналъ въ свое время римскія семейства, которые не признавали нововведенія—носить рубашки.

Жилища и постройки.

Одежда и жилища нѣкогда находились въ очень близкомъ родствѣ. Жилище было, такъ сказать, болѣе обширной, общей одеждой маленькой человѣческой группы; поэтому-то первобытные люди и часто снимали съ себя одежду, когда находились въ жилищѣ, и это происходило даже въ довольно позднія времена, или-же вообще не давали платья тѣмъ, которые не должны были еще выходить изъ жилищъ. Въ Египтѣ, судя по изображеніямъ, ходили дома нагишомъ даже дочери царей, пока они не вступали въ жизнь. Но развитіе одежды и жилища не шло наравнѣ. Во многихъ мѣстностяхъ можно было совершенно обойтись безъ одежды, но нигдѣ безъ жилищъ, какъ только человѣческія группы привыкли дорожить благодѣтельнымъ огнемъ.

Мы видимъ, что при постройкѣ жилищъ, какъ-бы ни были разнообразны ихъ формы, человѣкъ всегда руководился соображеніями, какъ поддерживать огонь. Люди, по крайней мѣрѣ въ тропическихъ странахъ, врядъ-ли бы пошли дальше обезьянъ, укрывающихся въ гнѣздахъ изъ древесныхъ вѣтвей, если-бы имъ пришлось защищать только свое собственное тѣло, а не огонь. Именно какъ разъ на этомъ можемъ мы видѣть, какое громадное, почти забытое участіе приняла женщина въ культурной работѣ древняго времени. Забота объ огнѣ, какъ мы видѣли, исключительно падала на ея долю; изъ этого само собою слѣдуетъ, что и постройка жилища была дѣломъ ея рукъ. Женщина была первой строительницей, въ ея вѣдѣніи находился весь домъ, и послѣдніе отголоски этого порядка сохранились еще даже въ Саксонскомъ Зерцалѣ.

Если совершенно оставить въ сторонѣ какъ слѣды человѣческой строительной дѣятельности до открытія огня, такъ и исключительные случаи, то мы встрѣчаемся съ двумя главными формами защиты, которыя для краткости назовемъ *ширмами отъ вѣтра* и *земляной ямой*. Въ зависимости отъ климата получала большее значеніе и развитіе та или другая форма, впрочемъ во многихъ мѣстностяхъ развиваются одновременно обѣ вмѣстѣ: яма преобразовывается въ зимнее, а ширмы — въ лѣтнее жилище. Съ усовершенствованіемъ постройки лѣтняго жилища, оно включаетъ въ себя и зимнее или вообще дѣлаетъ его ненужнымъ. Прѣжнее зимнее жилище остается развѣ только въ качествѣ кладовой. При особенныхъ обстоятельствахъ является необходимымъ изолировать отъ животныхъ мѣсто для ночлега, кладовую и домъ. Такія попытки производились человѣкомъ въ различнѣйшихъ мѣстностяхъ, причѣмъ онѣ не составляли необходимаго звена въ об-

щемъ развитіи строительнаго искусства. Въ сыровато-тепломъ климатѣ Центральной Африки (рис. 37) и Южной Америки безчисленное множество опасныхъ пресмыкающихся заставляло человѣка отказаться отъ постройки своихъ помѣщій для ночлега на самой землѣ, а потому эти мѣстности и являются родиной подвѣшенныхъ коекъ; дома здѣсь строятся на сваяхъ. Въ Индіи и на нѣкоторыхъ ближайшихъ островахъ непостоянный уровень воды заставляеть человѣка прибѣгать къ такому-же способу постройки и на землѣ. И въ Европѣ одно очень развитое древнее племя жило такимъ-же образомъ по берегамъ озеръ, а на Сѣверѣ нашли полезнымъ охранять тѣмъ-же способомъ амбары отъ наводненій и грызуновъ.

Не далѣе, какъ сто лѣтъ тому назадъ, можно было встрѣтить у эскимосовъ въ Гренландіи если не самые древніе способы постройки, то во всякомъ случаѣ древнее поперебѣнное пользованіе лѣтнимъ и зимнимъ жилищемъ, практиковавшееся

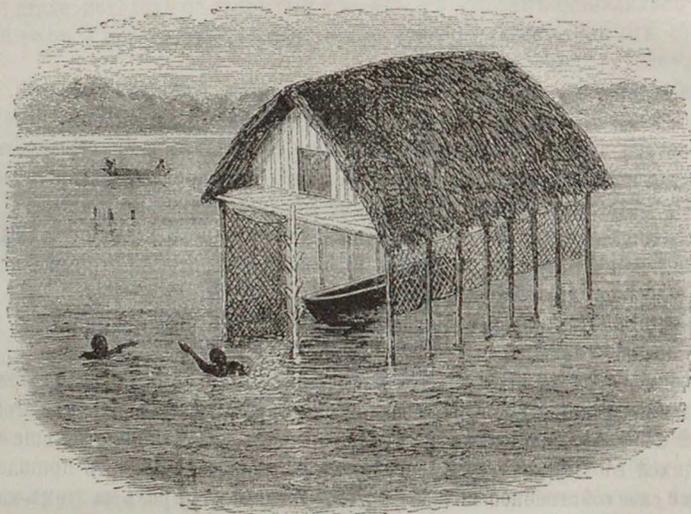

Рис. 37.—Хижина на озерѣ Моеро въ Африкѣ.

кочевыми народами. Правда, въ этомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло уже съ высокой ступенью развитія построекъ, но отсюда намъ легко будетъ найти дорогу какъ назадъ, такъ и впередъ. Зимнія жилища гренландцевъ очень хорошо можно назвать пещерами (рис. 38 и 39); хотя они не вырыты въ землѣ, а весьма искусно сооружены на ея поверхности, но все-таки такъ, что, когда зимою глубокой снѣгъ покрываетъ мѣстность, они представляются подземными жилищами и служатъ для человѣка такой-же защитой. На скалистой почвѣ Гренландіи трудно было-бы вырыть такія ямы, да къ тому-же во время таянія снѣговъ туда-бы стекала вся вода. Поэтому гренландецъ возводитъ еще втеченіи лѣта на ровной почвѣ каменный валь, въ 2 саж. шириной и 4 длиной, для постройки одного дома. Промежутки между камнями онъ заполняетъ землей и дерномъ; поперебъ этой насыпи онъ кладетъ балки и всевозможные куски дерева, выброшенные на берегъ волнами, и на все это наваливаетъ верескъ и дернъ. Такая крыша во время мороза держится крѣпко, но, при наступленіи оттепели, она обыкновенно рушится, и ежегодно приходится ее возобновлять.

Такимъ образомъ все это есть не что иное, какъ искусственный холмъ. Затѣмъ изъ середины этого «дома» эскимось такимъ-же образомъ проводятъ къ морю длинный и узкій проходъ, чрезъ отверстіе котораго можно влѣзть въ пещеру. Это отверстіе

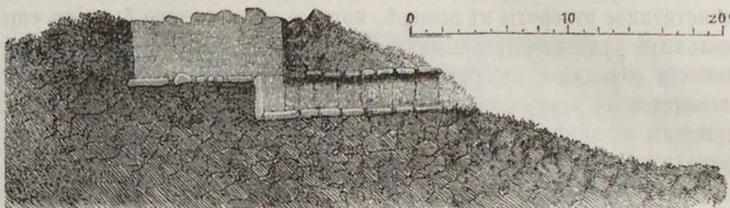

Рис. 38.—Продольный разрѣзъ эскимосской хижины.

вмѣстѣ съ тѣмъ является единственнымъ проводникомъ воздуха во внутрь такого дома. Внутренность его дѣлится по длинѣ на двѣ половины: одна служитъ для движеній обитателя, другая—для сна. Последняя выше первой, благодаря наслан-

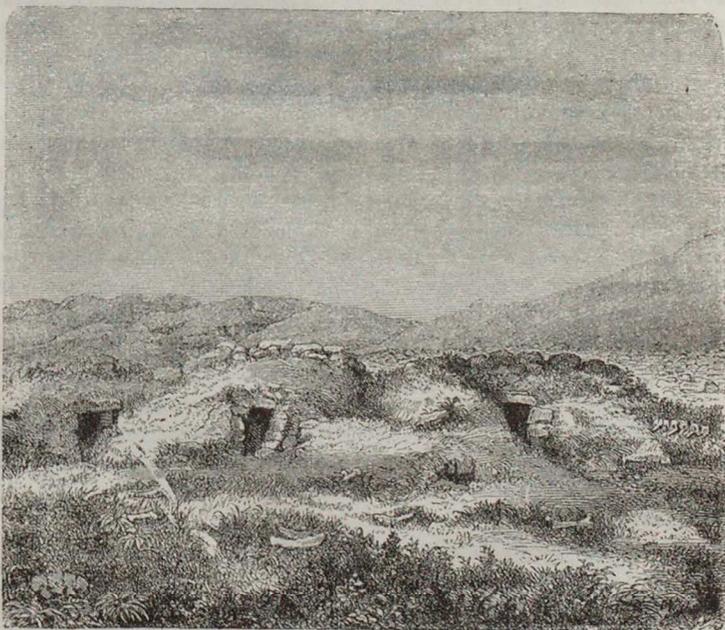

Рис. 39.—Обветшалыя эскимосскія хижины на Сабинскомъ островѣ.

нымъ бревнамъ приблизительно на футъ, и покрыта всѣми имѣющимися шкурами и шубами. Здѣсь обитатели спятъ ночью, здѣсь-же они сидятъ днемъ. На одномъ концѣ другой половины жилья находится очагъ, состоящій изъ бревна, обложеннаго плоскими камнями. Но въ этой бѣдной лѣсомъ странѣ огонь поддерживается только тюленьимъ жиромъ и ворванью. Этими освѣтительными матеріалами наполняютъ лампу—длинная, узкая чаша, высѣченная изъ талька (мягкаго камня). въ нее

опускаютъ нѣсколько фитилей и зажигаютъ ихъ. Эта лампа горитъ день и ночь, она должна освѣщать и согрѣвать пещеру, на ней-же варятъ пищу въ висѣщемъ надъ ней котелкѣ. Весь чадъ и вонь отъ полугнилого мяса въ котлѣ и тщательно сохраняемаго вытравнаго средства для дубленія кожи и т. п.—все это выходитъ чрезъ единственное отверстіе въ пещерѣ, которое обыкновенно бываетъ еще общимъ для нѣсколькихъ рядовъ построенныхъ пещеръ. Постройка этого дома лежитъ также на обязанности женщины: въ сентябрѣ приступаетъ она къ работѣ, въ началѣ ноября семья поселяется въ этомъ домѣ, въ апрѣлѣ или маѣ, когда начинаютъ таять снѣга, они вынуждены оставить домъ, крыша его не можетъ противустоять напору воды. Тогда приходится защищаться скорѣе отъ дождя, чѣмъ отъ холода. Для этого служатъ шкуры звѣрей. Четырехъугольное основаніе палатки выстилается камнями. Съ каждой стороны устанавливаются столбы на подобіе дверныхъ косяковъ, которые соединяются ремнями. Затѣмъ между камнями, которые составляютъ фундаментъ, крѣпко втыкаютъ отъ 10 до 40 шестовъ, которые и сгибаютъ вокругъ этого косяка такимъ образомъ, что они образуютъ сводчатую верхушку. Весь шатеръ покрывается шкурами, косякъ-же завѣшивается прозрачной занавѣской, сшитой изъ тюленьихъ кишекъ. Обыкновенно пищу варятъ только передъ шатромъ; причемъ въ продолженіи лѣта собираютъ плавающіе по морю куски дерева. Постройка шатра, какъ и зимняго дома, лежитъ на обязанности женщины, и мужчины очень хладнокровно смотрятъ, «какъ женщины сгибаются подъ тяжестью камней, которые они тащатъ на спинахъ»

Ясно, что простѣйшей формой этихъ зимнихъ жилищъ надо считать тѣ естественныя пещеры, входъ въ которыя быть можетъ охранялся человѣкомъ искусственно. И дѣйствительно, во многихъ такихъ пещерахъ были найдены несомнѣнные слѣды пребыванія въ нихъ первобытнаго человѣка. Но также несомнѣнно, что не что иное, какъ недостатокъ въ такихъ пещерахъ, удобныхъ для жилья, побудилъ человѣка въ свое время къ искусственному устройству такихъ жилищъ. Еще въ прошломъ столѣтіи крестьяне въ Финмаркенѣ (Норвежская Лапландія) строили свои хижины ради теплоты по большей частью подъ землей. Въ холодномъ климатѣ и особенно въ мѣстностяхъ, бѣдныхъ лѣсомъ, эти жилища были нѣкогда очень распространены. Ксенофонтъ нашелъ такія подземныя жилища въ Арменіи, гдѣ еще до сихъ поръ попадаются слѣды ихъ; другіе говорятъ, что они были употребительны у скивоовъ. Валахи еще теперь выкапываютъ къ осени подземныя конюшни. Какъ въ наше время африканцы, такъ германцы во времена Тацита, сохраняли свои хлѣбные запасы въ ямахъ, но они употребляли ихъ такъ-же, какъ зимнія жилища, причемъ дѣлали надъ ней крышу изъ навоза для лучшей защиты отъ холода. Подобное-же существовало и у славянъ.

Главнымъ видомъ лѣтнихъ жилищъ является шатеръ, древнѣйшая составная часть котораго и есть ширмы отъ вѣтра. Устройство ихъ идетъ различнѣйшими путями, смотря по тому, что дается для этого природой. Въ странѣ пальмъ и банановъ представляли совершенно достаточную защиту отъ вѣтра листья этихъ деревьевъ, густо подъ рядъ воткнутые стеблями въ землю. Чтобы защитить огонь, стоило только поставить такія ширмы со стороны вѣтра. За недостаткомъ этого матеріала, такія ширмы приготавливались изъ древесныхъ вѣтвей другого рода и пользовались ими также, какъ это иногда теперь дѣлаютъ наши каменщики. Нѣкоторыя племена старой Калифорніи зимой пользовались землянками, а лѣтомъ имъ достаточно было простой ширмы изъ хвороста. Первый домъ, который Кукъ видѣлъ въ Австраліи, былъ не больше, какъ очагъ. Съ той стороны, откуда дулъ вѣтеръ, ставилась передъ огнемъ маленькая стѣна или заслонъ изъ древесной коры, выши-

ной приблизительно въ $1\frac{1}{2}$ фута. Но даже въ этой странѣ къ югу мы встрѣчаемся съ дальѣйшимъ успѣхомъ на этомъ пути, а именно съ постройкой хижины (рис. 40). Такія попытки мы видимъ какъ здѣсь, такъ и у жителей Огненной земли (рис. 41);

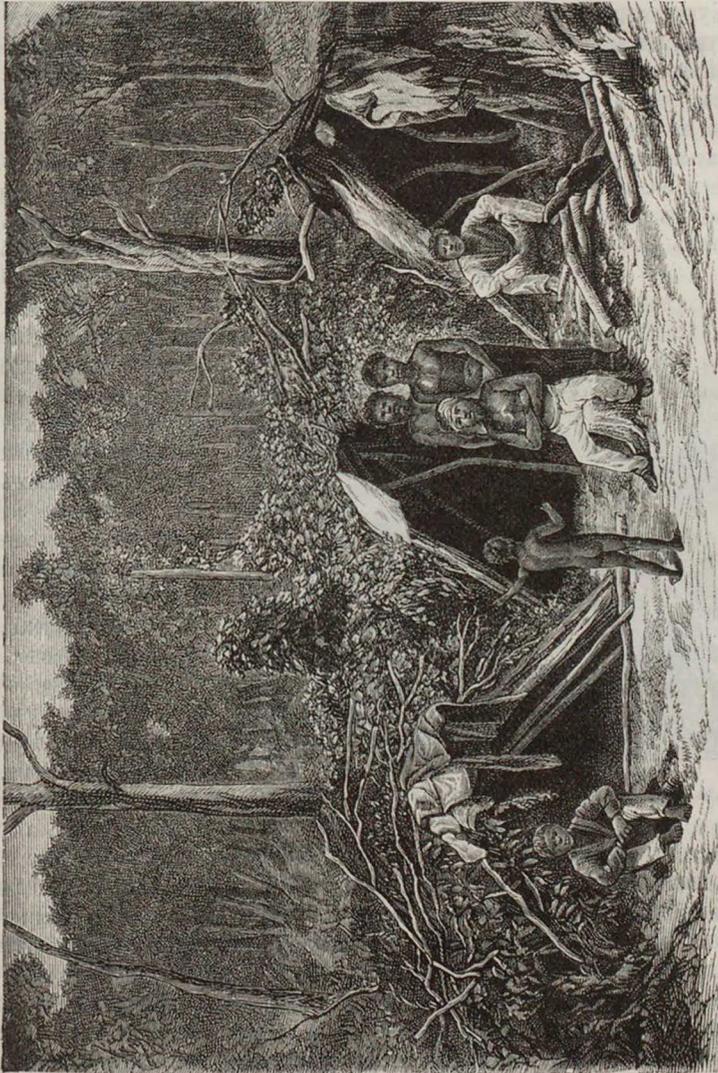

Рис. 40. — Лагерь австралийскихъ туземцевъ.

онѣ исходили при этомъ изъ стремленія защитить огонь больше, чѣмъ съ одной стороны. Они дѣлали приблизительно шарообразныя постройки изъ древесныхъ вѣтвей или коры, совершенно закрытыя со стороны вѣтра, съ противоположной-же стороны оставлялось отверстіе въ четвертую или восьмую часть величины всей по-

стройки. На этомъ мѣстѣ и горѣлъ огонь, такъ что они могли, помѣщаясь верхней частью своего туловища въ хижинѣ, грѣть свои ноги у огня. Во время перекочевываній эти хижины оставались на произволъ судьбы. И индѣйцы Новой Англи строили такія же полукруглыя хижины, которыя они покрываютъ то корой, то рогожами. Алгонкинсы употребляли съ этой цѣлью для своихъ «вигвамовъ» березовую кору, а сіуксы сдѣлали еще шагъ впередъ, задерживая дождь при помощи буйволыхъ шкуръ. Къ этой ступени развитія жилища принадлежитъ шалашъ эскимоса, и ея плоскій фронтонъ, обращенный къ огню, ясно свидѣтельствуетъ о томъ, что это не что иное, какъ измѣненный заслонъ отъ вѣтра.

Лопари, которыхъ даже зима не удерживаетъ отъ перекочевыванія, пользовались первоначально на время зимы своимъ лѣтнимъ жилищемъ, а приморскіе лопари, сдѣлавшіеся болѣе осѣдыми, строили свои зимнія жилища по тому-же образцу. Этотъ шалашъ и является собственно настоящимъ шалашемъ кочевниковъ; здѣсь огонь горѣлъ уже не внѣ шалаша, а по срединѣ его, защищенный со всѣхъ сто-

ронъ. Поэтому то, кромѣ двери, въ такомъ шатрѣ приходится сдѣлать отверстіе для выхода дыма именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ сходятся своими острыми шесты шалаша. Подъ этимъ отверстіемъ два ряда камней на землѣ обозначаютъ то мѣсто, на которомъ разводится огонь. Пожирая массу дровъ, онъ горитъ цѣлый день, а ночью только медленно тлѣетъ. Первоначально человекъ спалъ на землѣ у домашняго очага или же даже на пенлѣ самаго очага. Туписы въ Бразиліи вечеромъ тушили огонь, а золу раз-

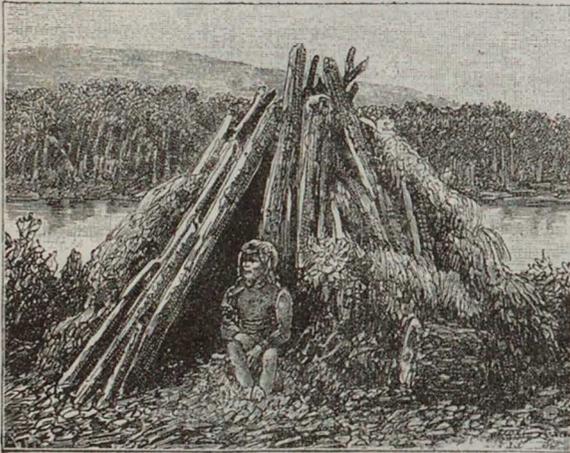

Рис. 41. — Хижина огнеземельцевъ (съ фотографіи).

сыпали кругомъ по землѣ, чтобы такимъ образомъ приготовить себѣ сухое и теплое ложе. У готтентотовъ, по свидѣтельству одного миссіонера, пальцы всегда были обожжены, такъ какъ имъ постоянно приходилось дотрогиваться голыми руками до огня. Въ сравненіи съ этимъ слѣдуетъ считать успѣхомъ обычай лопарей обкладывать очагъ камнями, которые они никогда не забываютъ брать съ собой даже во время своихъ перекочевываній. Дальнѣйшимъ шагомъ на этомъ пути является отдѣленіе ложа отъ очага. Ложе уже больше не устраивается у самаго огня, а направо и налѣво отъ входной двери шалаша, причемъ мѣсто для ложа отдѣляется отъ остальной части шалаша балкой, положенной на землѣ; это мѣсто обыкновенно дѣлится поперекъ на три части и покрывается звѣриными шкурами. Наилучшимъ ложемъ считается наиболѣе удаленное отъ входной двери, оно при надлежитъ хозяину или уступается гостю.

У древнихъ славянъ, жившихъ самостоятельными государствами, какъ напримеръ на островѣ Рюгенѣ, мы встрѣчаемъ даже еще въ XII ст. весьма непрочные шалаша, а ихъ храмы съ кругообразно расположенными столбами и съ высокой соло-

менной крышей были очевидно построены по образцу их шалашей. Но и древним ита-
ликамъ также, должно быть, было извѣстно искусство постройки шалашей, такъ какъ
ихъ круглыя храмы очевидно представляютъ дальнѣйшее развитіе этихъ шалашей.

Этотъ способъ постройки и теперь еще примѣняется африканскими жителями.
Онъ съ виду нѣсколько разнообразится, смотря по устройству купола и вертикаль-
ныхъ боковыхъ стѣнъ. Если замѣнить повсюду матеріи плетенками, то предста-
вляется совершенно основательнымъ сравненіе такихъ хижинъ съ пчелиными ульями.
Всѣ эти хижины очень не прочны, но и малоцѣнны, а это въ глазахъ ихъ облада-
телей большое преимущество. Во-первыхъ потому, что они отъ времени до времени
мѣняютъ свое мѣстопробываніе, а во-вторыхъ потому, что такія хижины, особенно
въ тропическомъ климатѣ, въ короткое время до того наполняются несноснѣйшими
паразитами, что единственное средство избавиться отъ этихъ насѣкомыхъ это сжечь
хижину. Строительное искусство народовъ, дѣйствительно сдѣлавшихся осѣдлыми,
мало по малу повсюду удаляется отъ прототипа шалашей. Достоинно удивленія, что
народы, не имѣющіе ничего общаго между собою, какъ напримѣръ индѣйцы, ново-
зеландцы, полинезійцы, греки и германцы, шли по одному и тому-же пути въ даль-
нѣйшемъ развитіи строительнаго искусства. Первое, чѣмъ можно было достигнуть
большей прочности построекъ, былъ само собой выборъ другого лучшаго матеріала
для нихъ, будь то земля или камень, служившіе человѣку уже для постройки зим-
нихъ жилищъ, или обтесанныя и подогнанныя одно къ другому бревна, а часто то и
другое вмѣстѣ. Такой выборъ строительнаго матеріала повлекъ за собою переходъ
отъ круглой формы постройки шатра къ формѣ прямоугольника, которая была при-
нята для удобства соединенія болѣе крѣпкихъ бревенъ. Затѣмъ эти оба пути расхо-
дятся въ зависимости отъ того, позволяютъ ли климатическія условія дѣлать гори-
зонтальную крышу, или нѣтъ. Въ послѣднемъ случаѣ шатрообразная крыша остается
существеннѣйшей частью дома, не смотря на измѣненіе основной формы постройки.

Между краснокожими прошлаго столѣтія делавары представляли собой народъ,
наиболѣе способный къ осѣдлой культурѣ. Поэтому то мы и встрѣчаемся у нихъ
уже съ постройкой четырехугольнаго деревяннаго дома. Они вбивали отвѣсно въ
землю бревна и соединяли ихъ поперечными балками; образующіеся такимъ обра-
зомъ промежутки они обшивали вмѣсто досокъ липовой корой, которую прикрѣп-
ляли лыкомъ; на продольныхъ стѣнахъ этого сруба они устанавливали покатую
крышу, обѣ половины которой сходятся своими вершинами и образуютъ фронтоны
со стороны поперечныхъ стѣнъ. И эту крышу они покрывали древесной корой. Та-
кимъ образомъ внутри дома образуется отъ земли до самой крыши нѣсколько про-
межутковъ между поперечными балками. Огонь горитъ на землѣ посреди хижины,
и дымъ выходитъ черезъ отверстіе въ крышѣ. Въ одной изъ стѣнъ сдѣлана дверь,
завѣшанная корой. Вокругъ огня на небольшомъ разстояніи отъ землянаго пола,
содержимаго въ чистотѣ, прибиты доски, на которыхъ ночью спать, а днемъ си-
дять. Для первой цѣли эти дома покрываются шкурами или рогожами, причемъ
спящій прикрывается платьемъ, которое онъ днемъ носитъ на себѣ. Если въ домѣ
много такихъ рогожъ, ими также украшаются внутреннія стѣны дома. Поперечныя
балки служатъ также для храненія съѣстныхъ припасовъ, между прочимъ отъ со-
баки, которая тѣняется вокругъ огня. Огонь постоянно поддерживается въ домѣ.

Сходство въ устройствѣ этой хижины съ древнегерманскимъ жильемъ такъ
велико, что оно достоинно удивленія; оно служитъ только доказательствомъ того,
что люди всѣхъ расъ производятъ то-же самое, если они стремятся къ той же цѣли,
располагая тѣми же средствами.

На той же культурной ступени, как делавары в Америкѣ, стоят новозеландцы съ австралійцами. Путешественники при первомъ съ ними знакомствѣ встрѣтили у нихъ тотъ же способъ постройки, вытѣсненнѣе прежнѣе шатры австралійцевъ. Поэтому намъ остается отмѣтить только одну особенность новозеландскихъ построекъ, которая состояла въ томъ, что отверстіе для дыма было продѣлано не въ крышѣ, а находилось на подобіе окна надъ довольно низкой дверью. Поэтому и очагъ помѣщался не по срединѣ дома, а со стороны фронтона близко отъ двери; кромѣ того вокругъ огня дѣлалось нѣчто вроде перегородки изъ досокъ или камней.

Дальнѣйшая особенность ихъ построекъ состояла въ томъ, что обѣ продольныя стѣны вмѣстѣ съ крышей немного выступали впередъ, вслѣдствіе чего съ каждой стороны образовывались открытыя веранды, совершенно какъ въ древнѣйшихъ греческихъ храмахъ.

Такъ какъ въ Полинезійи не нуждались въ огнѣ, какъ средствѣ согрѣванія, то варка пицци и не происходила дома, тѣмъ болѣе, что обыкновенно трапеза—тоже внѣ дома. Зато для освѣщенія тамъ было придумано очень остроумное устройство. Въ Полинезійи растетъ родъ гуммилаковаго дерева (*Aleurites triloba*), орѣхи котораго содержатъ очень много масла. Нѣсколько такихъ орѣшковъ, насаженныхъ на кокосовый стерженекъ, представляетъ собой одновременно и фитиль, и ма-

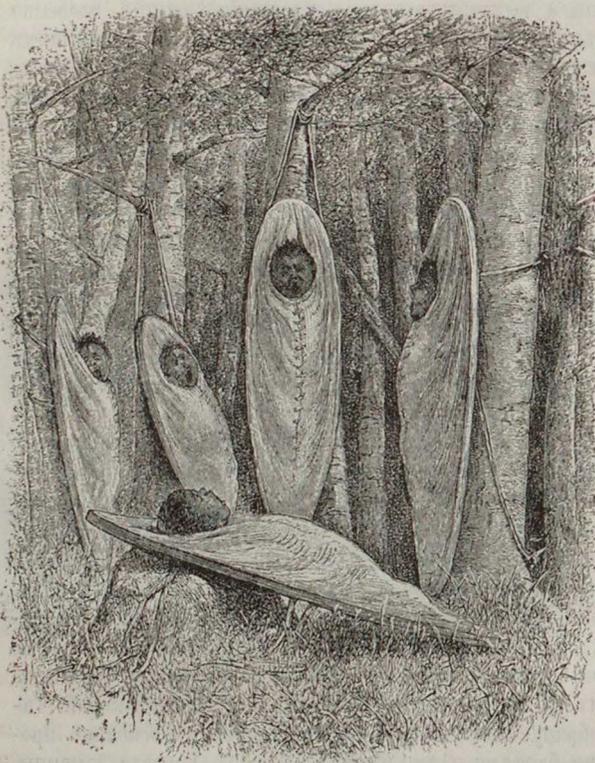

Рис. 42. — Индійская корзинка для ношенія дѣтей.

сло; эти орѣшки, загораясь другъ о дружку, горятъ синеватымъ огнемъ, какъ свѣча.

Въ прочихъ предметахъ домашней утвари эти древнѣйшія хозяйства не нуждались. Рядъ досокъ надъ поломъ, устланныхъ соломой или сѣномъ и покрытыхъ рогожами или шкурами, служатъ какъ для сидѣнья, такъ и для спанья. Но полинезійцы, какъ и жители Восточной Африки, имѣютъ особое деревянное приспособленіе для подпиранія головы. Нѣкоторые африканцы изъ щегольства носятъ его съ собой во время своихъ передвиженій. Между тѣмъ какъ африканка носить обыкновенно даже во время работы своего маленькаго ребенка привязаннымъ къ спинѣ, индіанка сдѣлала изобрѣтеніе, представляющее большія удобства; нѣкогда оно было въ употребленіи во всей странѣ отъ сѣвера до юга. Въ сущности это было не что иное,

какъ доска, къ которой привязывали ребенка (рис. 42); ее можно было поставить къ стѣнѣ или же, придѣлавъ къ доскѣ ленты, перекинуть черезъ плечо, какъ гитару. Мать, занятая своей работой, привѣшивала эту доску за ту-же ленту къ дереву, и такимъ образомъ эта доска стала колыбелью. У сѣверо-американскихъ индѣйцевъ такая колыбель мало по малу стала выходить изъ употребленія еще за сто лѣтъ тому назадъ, а у арауканцевъ она существуетъ еще до сихъ поръ; точно также сѣверные европейскіе народы еще въ довольно позднее время употребляли подобную колыбель.

Въ болѣе холодномъ климатѣ и у народа, который еще жилъ преимущественно скотоводствомъ, но не могъ еще скопить богатства для постройки обширнаго и сложнаго зданія, человѣку приходилось дѣлить свое жилище съ меньшими и болѣе нѣжными животными изъ его стада, между тѣмъ какъ на востокѣ ихъ можно было оставлять переночевывать и на дворѣ. Для того, чтобы избѣжать происходившей каждый вечеръ давки изъ-за мѣста у огня, человѣку представлялось лучшимъ средствомъ сдѣлать возвышеніе надъ поломъ для сидѣнья и спанья.

Греки и римляне въ свое время уже старались удовлетворить этой потребности. Но и ихъ домашняя обстановка не была вначалѣ подвижной — это была не мебель въ современномъ смыслѣ, но, какъ и въ хижинѣ делаваровъ, неподвижныя части внутренняго устройства дома. Одиссей устроилъ свое ложе на приросшемъ стволѣ масличнаго дерева. Древне-римская крестьянская хижина осталась, въ видѣ атріума, «черной комнаты», составной частью римскаго дома, а этотъ атріумъ въ древнее время есть не что иное, какъ та-же хижина делаваровъ. Въ Помпеѣ этотъ атріумъ, правда, превратился въ весьма красивыя сѣни. Но этрусскія гробницы, какъ напримѣръ въ Церветри (рис. 43), представляютъ намъ совершеннѣйшую копію этихъ домовъ. Мы видимъ здѣсь четырехъугольное пространство, которое не имѣетъ другихъ отверстій, кромѣ двери и дыры по срединѣ крыши. Здѣсь стоялъ древній очагъ, — «мѣсто, считавшееся нѣкогда гробницей главы семейства», какъ мы можемъ заключить по аналогіи съ другими народами; въ былое время онѣ дѣйствительно помѣщались тамъ. Дымъ, прежде чѣмъ выходилъ черезъ крышу, покрывалъ копотью всю комнату, почему она и называется «черной». Устройство очага на возвышеніи наравнѣ съ другими предметами домашней обстановки слѣдуетъ считать уже шагомъ впередъ; въ теплыхъ и сухихъ южныхъ странахъ не считалось особенной бѣдой, когда чрезъ отверстіе собиралась вокругъ очага дождевая вода, которую позже даже старались нарочно проводить сверху посредствомъ особыхъ приспособленій. Влѣво у стѣнъ идти, какъ мы это видѣли въ Церветри, неподвижно придѣланная къ нимъ скамья, которая здѣсь, какъ и въ хижинѣ делаваровъ, служила для сидѣнья и спанья. Но въ этой гробницѣ мы уже находимъ два особыхъ, удобныхъ кресла, отдѣленныхъ отъ общей скамьи; они предназначались для главъ семьи и представляли собой первую «мебель». Передъ этимъ каменнымъ атріумомъ находится передняя, образованная нѣсколько выступающими впередъ стѣнами, какъ это было у новозеландцевъ; ту же самую роль въ греческихъ храмахъ играли анты (пилястры). Въ устрой-

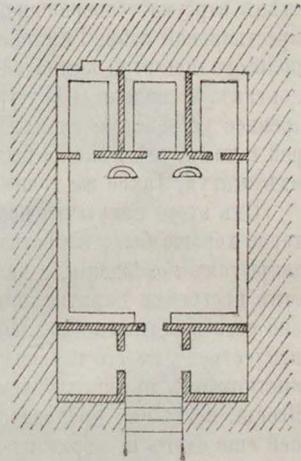

Рис. 43. — Каменная гробница въ Церветри.

ствѣ древне-римскаго дома мы встрѣчаемся уже съ усовершенствованіемъ, но и оно является у нихъ не прототипомъ, а древней параллелью устройству сѣверныхъ домовъ. Усовершенствованіе состояло въ томъ, что для удовлетворенія новыхъ жизненныхъ потребностей пристраивались особыя помѣщенія къ общему атриуму. Ближайшимъ къ тому поводомъ было увеличеніе семьи вслѣдствіе женитьбы сыновей. Эти отдѣльныя семьи не нуждались каждая въ особомъ очагѣ, но имъ нужны были особыя мѣста для сна. Поэтому къ большому дому пристраивается по его образцу маленькій. Въ послѣднемъ нѣтъ очага, но есть та-же скамья, идущая вдоль стѣны, а такъ какъ въ одной изъ стѣнъ нужно было для соединенія маленькаго дома съ большимъ пробить дверь, то и образуются такимъ образомъ тѣ комнаты съ тремя скамьями, которыя впослѣдствіи подъ названіемъ «triclina» служили для трапезъ и пиршествъ. Но первоначально эти лежа были несомнѣнно устроены для сна на нихъ. Въ упомянутыхъ нами каменныхъ гробницахъ, которыя для насъ такъ поучительны, такія спальни являются первоначально пристроенными къ задней стѣнѣ атриума, совершенно на подобіе «выдвижныхъ» комнатъ въ вестфальской крестьянской избѣ. Римляне позднѣйшихъ временъ въ своихъ роскошныхъ домахъ пользовались этой комнатою для соединенія дома съ дворомъ, превратившимся въ портикъ, а спальни свои устроивали по обѣимъ сторонамъ атриума. Поэтому и исчезло древнее устройство; скамья была пересѣчена многими отверстіями въ стѣнѣ для дверей и тамъ, гдѣ нѣкогда были лежа предковъ, теперь стояли только подножія для ихъ статуй. Такое же точно развитіе видимъ мы и у древнихъ германцевъ.

Отъ этого искусства постройки жилищъ мы перейдемъ теперь къ другому, которое хорошо было извѣстно человѣку еще въ тѣ времена, когда онъ спалъ не въ закрытомъ помѣщеніи, а подъ защитой ширмъ отъ вѣтра. Мы говоримъ объ искусствѣ постройки памятниковъ, которое обыкновенно считается менѣе древнимъ, чѣмъ оно есть на самомъ дѣлѣ. Перуанскій крестьянинъ еще понынѣ занимается этимъ искусствомъ въ его первоначальномъ видѣ, точно побуждаемый къ тому смутнымъ инстинктомъ прежнихъ временъ и самъ не зная, къ чему и для чего онъ это дѣлаетъ. Всегда, когда ему приходится отдыхать у дороги, онъ присоединяетъ къ кучѣ камней еще одинъ и сверху кладетъ листокъ кокка. Ведунгъ, завидявъ степи кучу камней, дѣлаетъ то-же самое. Первоначально этотъ обычай относился только къ мертвымъ. Но это дѣлалось не изъ одного только желанія охранить трупъ отъ животныхъ или почтить память умершаго; не послѣднимъ побужденіемъ къ этому благочестію былъ эгоизмъ человѣка, вынужденнаго всегда имѣть себя въ виду и очутившагося въ искусственномъ положеніи, какъ только онъ приблизился къ культурѣ.

Всѣ первобытныя народы боялись смерти или вѣриле невидимаго ея духа и всѣ думали, что духъ этотъ пребываетъ тамъ, гдѣ покоится тѣло умершаго. Всѣ поэтому бояся разгнѣвать его какимъ-нибудь оскорбленіемъ его святыни. Вслѣдствіе этого оказалось полезнымъ обозначить эти мѣста такъ, чтобы они были замѣтны издали на далекомъ разстояніи, а по отношенію къ мертвымъ возникаетъ отсюда актъ почитанія ихъ. Если вообще жилища людей въ то время еще непрочны, то этимъ памятникамъ люди стараются придать долговѣчность. Жилище мертвеца довольно мало, но его охотно дѣлаютъ въ видѣ каменнаго ящика и надъ нимъ возводятъ изъ земли или камня холмикъ, видный на далекомъ разстояніи. Конечно, изящество работы зависитъ отъ знатности лица. Не всѣ безусловно народы, но большинство человѣческихъ племенъ дошло до этого рода искусства. Наиболѣе развитыя сѣверныя индѣйскія племена оставили намъ разнообразныя конические постройки, которыя по нынѣ возбуждаютъ любопытство европейцевъ. Постройка эта не требовала ни

искусства, ни инструментовъ, а только терпѣнія и множества рабочихъ рукъ. Такія постройки дѣлаются конечно только въ честь предводителя племени. Полинезийцы возводили такіе-же холмы и для этого не употребляли ничего, кромѣ твердаго коралловаго известняка, который они клали плитами, а промежутки между ними заполняли мелкими камнями и землей. Такъ образовались ихъ холмы, которые съ одной стороны представляли собою каменные уступы. Какъ разъ то-же самое видимъ мы и у жителей Перу. Перуанскіе и мексиканскіе князья не жалѣли работы своихъ подданныхъ, которые удивительнымъ образомъ полировали камни. Такія искусныя ступенчатыя пирамиды строили мексиканцы, какъ жилища для своихъ боговъ.

Кельты и германцы не дошли до такого совершенства; они удовлетворялись тѣмъ, что изъ громаднхъ камней воздвигали надъ могилами своихъ предводителей

Рис. 44. — Ступенчатая пирамида у Непеуа.

высокіе холмы, обсыпая ихъ пескомъ и землей; иногда-же холмы эти дѣлались только изъ земли и песку. И у грековъ не мало такихъ памятниковъ древняго строительнаго искусства, но великія и достойныя удивленія постройки могли быть созданы только большими народными массами. Всѣмъ извѣстно, до какого совершенства довели египтяне этотъ типъ построекъ въ своихъ знаменитыхъ пирамидахъ. Однако, прежде чѣмъ человекъ дошелъ до умѣнья придать прочность и красоту безформенному холму посредствомъ искусно-обтесанныхъ камней, въ этомъ ноемъ бездождія самой природой ему былъ указанъ матеріалъ, болѣе удобный для обработки. Человѣку легко было замѣтить, что жирный илъ, размягчаемый во время полноводія, на солнцѣ отвердѣваетъ, приобретаая твердость камня. Можетъ быть земледѣлецъ случайно нашелъ такую глинну, смѣшанную со жнивомъ на своемъ полѣ, и увидѣлъ, какъ эта примѣсь мѣшаетъ почвѣ трескаться. Такимъ камнямъ

можно было по желанію придать какую угодно форму, и египтяне для этой цѣли употребляли уже, какъ и мы, деревянныя формы. Въ странахъ, гдѣ почти никогда не бываетъ дождя, изъ такихъ высушенныхъ на открытомъ воздухѣ кирпичей или «адобовъ», какъ они называются однимъ древнимъ египетскимъ словомъ, можно строить весьма прочныя стѣны. И бѣдность Египта тѣсомъ только благоприятствовала распространенію такихъ построекъ. Обитатели другой части свѣта, жители прибрежья Перу, пришли къ тому-же изобрѣтенію въ силу тѣхъ-же естественныхъ условій.

Изъ такихъ-же камней строились древніе валы, извѣстные подъ именемъ «циклоническихъ стѣнъ». Что-же касается Греціи, то изслѣдованія Шлиманна показали, что то, что ошибочно принимали за «сокровищницы», было не что иное, какъ древнія гробницы. Древнѣйшіе храмы, по своему происхожденію—тѣ-же гробницы, или-же жилища боговъ, строились по образцу памятниковъ на могилахъ умершихъ. Со временемъ жилища осѣдлыхъ народовъ, въ особенности ихъ предводителей и князей, стали обширнѣе и великолѣпнѣе. Грубые косяки превратились въ богато разукрашенныя рѣзбой колонны, которыя поддерживали плоскія крыши надъ обширными галереями и проходами. Тогда люди сочли своею обязанностью воздвигать такія-же зданія своимъ покойникамъ и богамъ; но древній благочестивый обычай требовалъ, чтобы такія постройки возводились изъ прочнаго, долговѣчнаго матеріала.

Руководимые этимъ побужденіемъ люди начали стремиться создавать изъ камня такія богатые орнаментами постройки, какія они дѣлали раньше изъ дерева. Но между тѣмъ человѣкъ успѣлъ изобрѣсти металлическія орудія, и эта трудная задача была разрѣшена. Что касается Египта, то здѣсь сохранилось достаточно слѣдовъ искусства придавать легкія развитыя формы тяжелому, неподатливому матеріалу. Позже то-же самое развилось на германской почвѣ. Но и въ Малой Азій, Греціи и Этруріи искусство постройки памятниковъ шло тѣмъ-же путемъ. Въ Малой Азій, какъ и въ Этруріи, прорубали гробницы въ вѣчныхъ скалахъ, причѣмъ старались скопировать по возможности точно конструкцію деревянныхъ домовъ въ наружномъ каменномъ фасадѣ. Такъ образовались формы тѣхъ простыхъ храмовъ, которые и въ Греціи являются самыми древними. «Парѳенону» конечно не служилъ готовымъ образцомъ какой-нибудь обыкновенный домъ, но все-таки его устройство имѣетъ въ своемъ основаніи тѣ-же мотивы. Изъ всего сказаннаго достаточно очевидно, почему храмы во все времена такъ отличаются всегда отъ обычной постройки жилищъ, что по внѣшности храмовъ какого-нибудь стараго города нельзя заключать объ удобствахъ человѣческихъ жилищъ.

Евреи во времена первыхъ царей еще были совершенно неопытны въ каменныхъ постройкахъ. Какъ народъ кочевой, пришедшій изъ степей, они свои древнѣйшіе алтари и «высоты»—тѣ-же пирамиды—сооружали изъ необтесанныхъ камней, и этотъ обычай культа сохранился относительно большаго алтаря или очага въ Иерусалимскомъ храмѣ. Дома строились изъ дерева и сушеныхъ кирпичей. Но мало по малу научились, особенно благодаря финикійскимъ мастерамъ, строившимъ царскіе дворцы, соединять камни известью или гипсомъ, но ко времени постройки знаменитаго храма пластическая обработка камня, примѣняемая египтянами съ незапамятныхъ временъ, была еще неизвѣстна евреямъ. Правда, и для храма выбирался прочный камень, но орнаментъ, которымъ покрывали каменные стѣны, дѣлался изъ дерева,—способъ, который ни въ какомъ случаѣ не могъ примѣняться въ Египтѣ. Хотя грекамъ и египтянамъ было небезызвѣстно искусство строить своды, тѣмъ не менѣе оно не могло найти себѣ никакого примѣненія въ подражательномъ стилѣ ихъ храмовъ. Только, когда римляне обратились для своихъ громаднѣхъ хозяй-

ственныхъ сооружеій къ каменнымъ постройкамъ, ихъ искусство строить арки и своды дошло до того совершенства, которое съ тѣхъ поръ стало служить образцомъ для всѣхъ культурныхъ народовъ.

Обработка металловъ и ихъ распространеніе.

Всякій разъ, когда мы могли въ развитіи матеріальной культуры человѣчества указать новую ступень его, намъ вмѣстѣ съ тѣмъ приходилось оставлять внѣ нашего разсмотрѣнія цѣлый рядъ народовъ и племенъ, не дошедшихъ до этой ступени. И смотря по тому, случалось-ли имъ когда нибудь въ послѣдствіи сталкиваться съ носителями этой высшей культуры или нѣтъ, они оставались только временно или навсегда въ сторонѣ отъ современной имъ культуры. Чаще побѣжденные болѣе грубыми народами становились распространителями культуры среди своихъ побѣдителей. Искусства мирнаго времени и могущественныя организаціи не возникли на одной и той-же почвѣ; они приходятъ съ различныхъ пунктовъ, часто очень отдаленныхъ другъ отъ друга, и, благодаря ихъ соединенію, возникаютъ новыя области культуры. Вслѣдствіе всего этого получается такая разнообразная, пестрая картина исторіи человѣчества, что совершенно невозможно представить ее въ видѣ спокойнаго поступательнаго движенія. Но тѣмъ не менѣе повсюду проходитъ одна красная нить: человѣческая забота о поддержаніи жизни постепенно простирается все дальше и дальше во времени и пространствѣ. Человѣкъ ставитъ ей все болѣе обширныя цѣли, онъ увеличиваетъ, правда, этимъ путемъ свои шансы на удобства и безопасность, но онъ платитъ въ настоящемъ за надежду на лучшее будущее цѣной все болѣе и болѣе тяжелаго труда. Въ такомъ же отношеніи къ общему ходу культуры стоитъ указанная нами выше замѣна дерева камнемъ. Человѣкъ какъ будто подражаетъ въ этомъ отношеніи природѣ, которая мѣстами превратила цѣлые первобытные лѣса въ камень. Человѣкъ во всемъ замѣнилъ дерево камнемъ; правда, онъ сдѣлалъ это съ гораздо болѣею тратой труда, чѣмъ прежде, но зато съ надеждой, что плоды его трудовъ будутъ существовать безконечно долгое время.—Такое же примѣненіе къ старымъ формамъ новаго матеріала имѣло мѣсто, когда человѣкъ узналъ употребленіе *металловъ*. Прежде всего люди стали выдѣлывать изъ новаго вещества *прежнія* свои инструменты и оружіе, и гораздо болѣею затрата силъ, сопряженная съ этимъ, вознаграждала ихъ гораздо болѣею прочностью и совершенствомъ работы. И точно такъ же, какъ прежде, при замѣнѣ дерева мраморомъ, самая форма выдѣлываемыхъ предметовъ значительно выиграла въ отчетливости и чистотѣ, большого совершенства достигла форма инструментовъ и оружія отъ употребленія для нихъ металловъ. Часто она до того удалялась отъ первоначальнаго своего вида, что трудно установить какую нибудь связь между одними и тѣми-же орудіями до и послѣ открытія металловъ. Несомнѣнно, что герои считали употребленіе металла для мечей и топоровъ чѣмъ-то священнымъ, точно такъ же, какъ первоначально каменные постройки дѣлались только въ честь святыни. Но въ римскую эпоху металлы были введены въ совершенно новую область человѣческаго хозяйства, что и произвело въ культурѣ переворотъ, наиболѣе важный послѣ открытія употребленія огня. И это прогрессированіе культуры есть не болѣе, какъ продолженіе уже разъ проложеннаго пути. Но такъ какъ съ каждымъ новымъ успѣхомъ заботы о существованіи растутъ такъ же и работа человѣка, то онъ скоро долженъ былъ бы дойти до предѣла ея, такъ какъ физическія силы его представляютъ нѣчто ограниченное и даже измѣримо ограниченное. Но неизмѣримо велика область производительной дѣятельности

духа человѣка, достигнуга высшаго развитія въ постоянныхъ заботахъ о поддержаніи жизни. Человѣку такимъ образомъ ясно и просто поставлена задача переносить трудъ, все увеличивающійся вслѣдствіе развитія жизненной заботы, изъ области его физическихъ силъ въ область духовной его дѣятельности, а недостатокъ своихъ физическихъ силъ постараться замѣнить силой, лежащей внѣ его духовной области.

Первый шагъ на этомъ пути былъ сдѣланъ человѣкомъ, когда онъ сталъ навьючивать осла и запрягать вола въ плугъ. Тѣ народы, которые, какъ напр. индѣйцы, австрайлійцы и полинезійцы, не додумались до этого шага, не смотря на всѣ свои одностороннія способности, не выдерживаютъ конкуренціи съ другими народами. На ряду съ первымъ человѣкомъ, открывшимъ огонь, мы должны прославлять перваго укротителя животнаго, а вмѣстѣ съ нимъ и начало кочевничества. Но съ этимъ состояніемъ связано и начало рабства. Индѣецъ съ звѣрской радостью убиваетъ плѣннаго, или принимаетъ пощаженнаго имъ въ свое племя какъ равнаго себѣ, для номада-же плѣнный есть тоже своего рода порабощенная рабочая сила, которую онъ умѣетъ цѣнить и эксплуатировать. Такимъ образомъ на этой ступени культурнаго развитія повсюду лежитъ густая, мрачная тѣнь рабства. Повсюду въ древнихъ культурныхъ странахъ господствующая организація управляетъ толпами рабочихъ, лишенныхъ всякой воли. Древніе знали, что этотъ «божественный порядокъ» есть слѣдствіе скотоводства. Поэтому-то они съ благодарнымъ уваженіемъ относились къ своимъ философамъ, которые сумѣли подавить въ нихъ всякое чувство стыда, провозглашая ученіе, что душа женщины и раба есть нѣчто совѣмъ отличное отъ души мужчины. Конечно, отсюда слѣдовало, что эти низкія души принадлежатъ къ ряду душъ животныхъ, и это всего яснѣе выражаетъ указанную связь.

Кто-же наконецъ освободилъ рабовъ? Въ практикѣ этого не сдѣлала ни философія, ни религія, а желѣзо, превратившееся въ машину.

Искусство обработки металловъ само по себѣ конечно не влечетъ за собою такихъ непосредственныхъ, обширныхъ результатовъ; напротивъ того, оно прежде всего облегчаетъ кочевнику не только охоту, но и веденіе войны изъ-за добычи. Однако мы, достигшіе высшей ступени развитія, не можемъ не признать соответствующаго значенія и за нисшей ступеню его. Подобно тому, какъ нельзя опредѣлить время, когда совершился переходъ отъ древнѣйшаго, болѣе грубаго къ позднѣйшему и болѣе совершенному каменному орудію, точно также не поддается даже приблизительному обозначенію опредѣленію времени, когда человѣчество перешло отъ одного орудія къ другому. Только въ той или другой опредѣленной мѣстности является возможность по раскопкамъ установить хронологическое соотношеніе между камнемъ, бронзой и желѣзомъ. И въ этомъ отношеніи люди дѣлятся на много совершенно обособленныхъ группъ, изъ которыхъ каждая шла своею собственною дорогою, пока движеніе народовъ не прорвало старыя границы. Группа народовъ Тихаго океана опять таки совершенно исключается изъ этого движенія. Вулканическіе и коралловые острова не заключаютъ въ нѣдрахъ своихъ никакихъ металловъ. Изъ прочихъ изолированныхъ областей слѣдуетъ упомянуть область американскихъ индѣйцевъ, негровъ и азиатско-европейскую.

Краснокожіе Сѣверной Америки совершенно непосредственно дошли до знакомства съ *мѣдью* и ея употребленіемъ, но при этомъ они шли своимъ особымъ путемъ. Въ своихъ поискахъ за подходящими каменными орудіями они должны были рано или поздно обратить вниманіе на мѣдъ, которая находилась въ самородномъ состояніи между камнями на берегахъ Верхняго озера и Гудзонова залива. Обработывая кусокъ мѣди совершенно такъ же, какъ кусокъ камня, ударяя по немъ молотомъ,

они увидѣли, что мѣдь обладаетъ мягкостью. Поэтому они могли придать мѣди, какъ прежде камню, желаемую форму ударами молота, обходясь безъ помощи огня. Получаемые такимъ образомъ предметы они первоначально несомнѣнно носили какъ украшенія на тѣлѣ и мало-по-малу стали готовить изъ мѣди весь шнурокъ, на которомъ сначала висѣли украшенія—и такимъ образомъ явилось запястье. Однако одной мѣдью нельзя было совершенно вытѣснить каменные орудія.

Въ Африкѣ нѣкоторыя племена тоже были знакомы съ мѣдью, но собственно африканскимъ металломъ является *железо*. Многя племена Средней и Южной Африки никогда и не знали другого металла, кромѣ желѣза, и они его уже обрабатывали въ древнѣйшія времена. Но такъ какъ залежи его были распространены не по всей странѣ, и сношенія народовъ въ тѣхъ мѣстахъ, постоянно занятыхъ земледѣльемъ, были очень незначительны, то и здѣсь желѣзо очень немного вытѣснило каменные

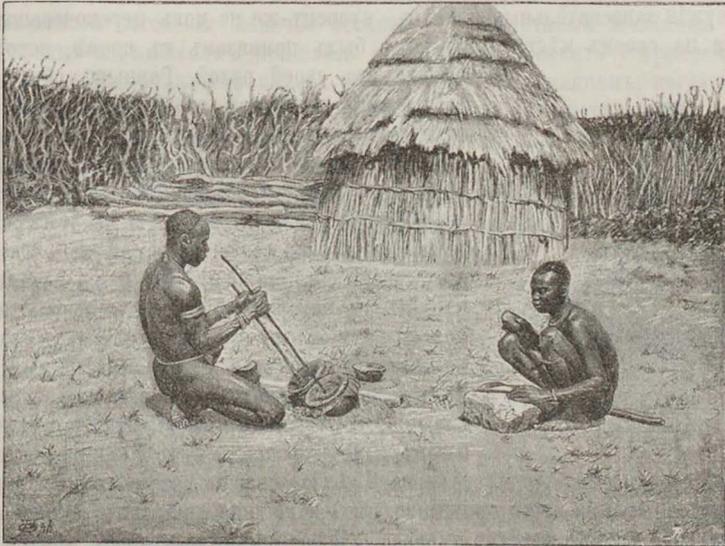

Рис. 45.—Кузнецы изъ племени Бари.

орудія. Такъ какъ здѣсь желѣзо не находилось въ самородномъ состояніи и негрѣ при первой-же обработкѣ его уже примѣнялъ огонь, то врядъ-ли могъ онъ дойти до знакомства съ этимъ металломъ иначе, какъ увидѣвъ очагъ, сдѣланный изъ желѣзной руды. Въ то-же время несомнѣнно, что многя негрскія племена научились и занимались плавленіемъ и ковкой желѣза, не получивъ этого искусства извнѣ.

Въ ихъ простѣйшихъ *кузницахъ* конечно какъ наковальня, такъ и молотъ все еще были изъ обыкновеннаго камня. Но средство усиливать огонь посредствомъ кислорода — устройство раздувательныхъ мѣховъ — составляетъ ихъ простое, но остроумное изобрѣтеніе (рис. 45 и 46). Они помѣщали глиняный горшокъ невысоко надъ землею, пробурывали въ немъ отверстіе и отъ него проводили трубку къ очагу. Затѣмъ, покрывъ горшокъ сверху круглымъ кускомъ кожи, они въ центрѣ его протыкають рукоятку въ видѣ палочки и крѣпко обвязываютъ кожей какъ палочку, такъ и края горшка. Если этой рукояткой вдавливать внутрь горшка его кожаную крышку, то струя воздуха устремляется изъ горшка на огонь и разду-

васть его. Только недоставало еще чтобы сама рукоятка была полой, как напр. трубчатая кость,—и тогда она при подыманіи кожаной крышки служила бы клапаномъ, который по желанію можетъ быть закрытъ большимъ пальцемъ руки.

Незначительное количество добываемаго металла употребляется неграми преимущественно для изготовленія кирки и другихъ подобныхъ земледѣльческихъ орудій. При чрезвычайной цѣнности ихъ и той таинственности, которой облакалось ихъ приготовленіе для тѣхъ, которые получали этотъ продуктъ только посредствомъ обмѣна, *кузнець*, какъ и повсюду на землѣ, а въ особенности въ Африкѣ, является предметомъ суевѣрнаго страха. Во всякомъ случаѣ не меньшее значеніе имѣло здѣсь то обстоятельство, что кузнецамъ очень часто приходилось жить между чужими племенами съ чуждыми имъ богами и языкомъ. Земледѣлецъ постоянно искалъ себѣ то здѣсь, то тамъ болѣе удобной почвы, а пастухъ особенно не любилъ осѣдлости, и вообще, всю Сѣверную Африку за предѣлы Судана до озера Чадъ постепенно занимали чужія завоевательныя племена; кузнецъ-же не могъ перекочевывать, онъ оставался на своемъ мѣстѣ, такъ какъ былъ привязанъ къ почвѣ, которая обогащала его своей рудой. Равнымъ образомъ онъ

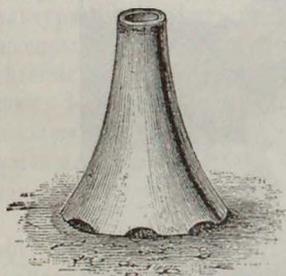

Рис. 46.—Плавильная печь въ Кордуфанѣ.

всегда могъ надѣяться, что будетъ терпимъ своимъ новымъ господиномъ, такъ какъ его столь цѣнное искусство далеко не было общеизвѣстнымъ и обыденнымъ. Этимъ-то объясняется та странная смѣсь ненависти и уваженія, которую мы такъ часто видимъ теперь еще, особенно въ Африкѣ, въ отношеніяхъ народа къ кузнецу. Къ нему питали ту ненависть, съ которой древняя культура относилась ко всему чужому, въ его лицѣ ненавидѣли «варвара», но уважали искусство и приносимую имъ пользу. Какъ человѣкъ чужого, а можетъ быть и исчезнушаго народа, кузнецъ имѣетъ своихъ собственныхъ боговъ, и онъ ихъ жрецъ—его кузница поэтому есть

или своего рода храмъ, или мѣсто чернаго колдовства, но всегда священнаго страха.

Для подтвержденія этого приведемъ нѣсколько доказательствъ. У племени Тубу въ Центральной Сахарѣ ремесло кузнеца переходитъ по наслѣдству, какъ въ кастѣ; кузнецъ стоитъ внѣ общества и безконечно презирается этими разбойниками, гордящимися своею бѣдностью; онъ не лишень права вступать въ бракъ со своими соплеменницами, но суевѣрный страхъ, который онъ къ себѣ внушаетъ, спасаетъ его отъ всякаго нападенія и заставляетъ всѣхъ бояться его, какъ опаснаго волшебника. Народная фантазія старалась приискать историческое основаніе такому странному явленію, и рассказываютъ, что нѣкогда какой-то кузнецъ предательски и преступно поступилъ съ «пророкомъ», за чтѣ и ниспослано на нихъ наказаніе.

И въ Абиссиніи кузнецы образуютъ презираемую касту «Фалаша»; христіане-абиссинцы въ подражаніе магометанамъ-тубу старались звалить на нихъ то же обвиненіе, вслѣдствіе чего и явилось сказаніе, что будто эти фалаша—евреи. Это есть не что иное, какъ перенесеніе той же легенды тубу на христіанскую почву.

Насколько простираются наши свѣдѣнія, эти странныя отношенія однако ближе къ югу начинаютъ исчезать. Тамъ, гдѣ одно черное племя смѣнялось постоянно другимъ, остававшійся здѣсь кузнецъ могъ быть принятъ въ новое племя; не смотря на временную вражду, они считали себя единоплеменниками. Но въ той области, гдѣ черную расу вытѣсняла какая-нибудь красная или смуглая раса, будь то изъ

Египта, Ливии или Аравии, возникало именно такое выдѣленіе кузнецовъ въ касту. Отсюда можно заключить, чтоковка желѣза въ противоположность отливкѣ другихъ металловъ была въ той области принадлежностью *черной* расы. Если-бы народы красной и смуглой расы принесли съ собой это искусство изъ своей родины, то они конечно не задумались-бы вмѣстѣ съ черными туземцами вытѣснить и черныхъ кузнецовъ и водворить на ихъ мѣсто своихъ собственныхъ.

Въ Азій-же напротивъ того обработка металловъ распространилась изъ какого-нибудь другого, или даже изъ многихъ другихъ источниковъ. Когда евреи, кочевники аравійскихъ пустынь, покорили ханаанскія племена, послѣднія уже ѣздили въ желѣзныхъ повозкахъ; еврей-же еще не знали обработки желѣза. Несмотря на всю свою вражду къ филистимлянамъ, они охотно пользовались услугами ихъ кузнецовъ. Филистимляне-же нарочно не оставили ни одной кузницы въ своей области, покоренной евреями, для того чтобы они не имѣли желѣзнаго оружія. Но у покореннаго земледѣльческаго населенія конечно оставались ихъ старыя желѣзныя оружія; итакъ, евреямъ-побѣдителямъ пришлось даже кузницы искать у чужеземнаго народа. «И всѣ израильтяне спускались внизъ къ филистимлянамъ, когда кому-нибудь нужно было наточить свой плугъ, кирку, топоръ или заступъ». Въ битвѣ при Михманѣ во всемъ еврейскомъ войскѣ было всего только два меча, которые принадлежали Саулу и его сыну.

Если вѣрить китайскимъ историкамъ, то оказывается, что точно такъ-же, какъ въ Африкѣ, такъ и въ ихъ странѣ былъ древній центръ металлургіи. Но не сами китайцы, а покоренные и вытѣсненные ими древніе жители Тибета занимались кузнечнымъ ремесломъ. Китайцы пришли съ каменнымъ оружіемъ и покорили туземцевъ совершенно такъ-же, какъ евреи. За 2000 лѣтъ до Р. Х. и китайцы, какъ видно, знали всѣ металлы, но мѣдь, серебро и золото они употребляли первоначально только, какъ предметы украшенія. Нѣсколько желѣзныхъ орудій они получили отъ тибетцевъ, какъ дань. Олово еще тогда не было въ употребленіи, но въ эпоху династіи Чэу (1123 до 247 г. до Р. Х.) были открыты громадныя преимущества соединенія олова и мѣди—въ *бронзу*, и съ тѣхъ поръ этотъ легко обрабатываемый и тѣмъ не менѣе твердый и неподдающійся дѣйствию разъѣдающей ржавчины металлъ сталъ любимымъ матеріаломъ, изъ котораго старались отливать всѣ древнія оружія и инструменты. Лишь къ концу этой эпохи въ одномъ только изъ многочисленныхъ царствъ тогдашняго Китая вернулись къ обработкѣ желѣза, и эта самостоятельная промышленность Восточной Азій достигла своего цвѣтущаго состоянія лишь въ началѣ нашего лѣтоисчисленія.

Изъ всего вышесказаннаго мы можемъ вывести заключеніе, что очень неточно будетъ утверждать, будто по времени бронза предшествовала желѣзу. Но вѣрно то, что раньше всего бронзовые предметы нашли себѣ широкое распространеніе. Причина тому была несомнѣнно въ томъ, что отливка бронзы, какъ только былъ найденъ подходящий составъ ея, была гораздо проще и ей было легче научиться, чѣмъ кузнечному ремеслу. Если даже какой-нибудь народъ и не зналъ, какъ приготовить составъ бронзы, онъ могъ его приобрести посредствомъ обмѣна и затѣмъ легко обработать ее. Изъ кусковъ стараго оружія можно было легко вылить топоръ или рѣзецъ, сдѣлавъ соотвѣтствующее углубленіе въ землѣ, между тѣмъ какъ изъ кусковъ разломаннаго желѣзнаго оружія могъ что-нибудь сдѣлать только искусный кузнецъ. Поэтому-то бронза и получила такое широкое распространеніе въ древнее время.

Такъ-же само собой понятно, что такое производство могло проникнуть изъ раз-

личныхъ центровъ, но ученые не согласны въ томъ, ³ находилась-ли въ непосредственномъ соприкосновеніи та восточно-азиатская область производства бронзы съ остальной азиатско-европейской областью. Противники этого мнѣнія приводятъ тотъ доводъ, что составъ бронзы въ Восточной Азіи былъ совершенно иной, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, но, если мы, слѣдуя Ружмону, обведемъ линіей тѣ области, въ которыхъ употребленіе бронзы было извѣстно, то увидимъ, что эта граница соприкасается съ обѣихъ сторонъ съ восточно-азиатской областью. Эта граница области бронзы слѣдовательно начинается у восточнаго берега рѣки Тигра и отъ Персидскаго залива проходитъ къ Синайскому полуострову, затѣмъ она окружаетъ весь Египетъ и проходитъ чрезъ Ливійскіе и Мавританскіе оазисы. Для Европы Атлантическій океанъ составляетъ западную границу. Охватывая Британію, она затѣмъ спускается къ южной оконечности Норвегіи и чрезъ Швецію проходитъ на Востокъ.

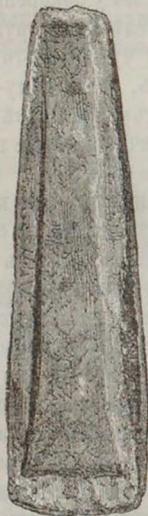

Рис. 47.

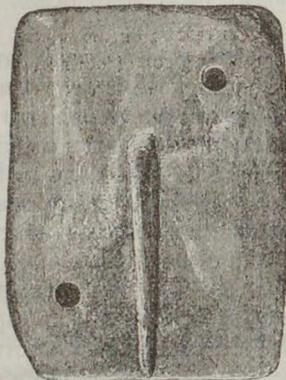

Рис. 48.

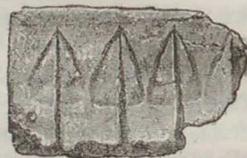

Рис. 49.

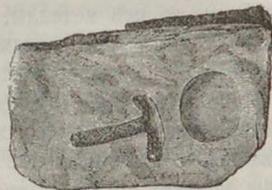

Рис. 50.

Рис. 47, 48, 49 и 50.—Отливальные формы изъ слюдястаго шифера и жженой глины въ Иліонѣ.

Рис. 48 и 49.—Желѣзки для стрѣлъ. (Рис. 48 въ нѣсколько уменьшенномъ видѣ. Рис. 47, 49 и 50 $\frac{1}{3}$ естественной величины).

Затѣмъ она становится весьма неопредѣленной и проходитъ приблизительно черезъ середину Сибири въ Китай. Можно-ли присоединить сюда Индію, остается до сихъ поръ вопросомъ нерѣшеннымъ. Въ предѣлахъ этихъ границъ, слѣдовательно главнымъ образомъ отъ Испаніи до Китая, въ болѣе или менѣе раннее время была повсюду извѣстна бронза, часто даже наряду съ желѣзомъ.

Всего вѣроятнѣе, что центральный пунктъ, откуда распространилась на западъ обработка руды, находилась въ богатыхъ рудой странахъ Урала и Алтая, про которыя еще Геродотъ передаетъ баснословные рассказы о добываніи тамъ золота. Но народъ, впервые перенесшій искусство ея обработки на Востокъ и Западъ, слѣдуетъ искать среди тѣхъ, которые теперь извѣстны въ наукѣ подъ общимъ именемъ туранцевъ. Изъ родственныхъ имъ племенъ теперь наиболѣе извѣстны финны, турки и мадьяры. Туранская раса выдѣлила изъ себя народъ, который въ своемъ движе-

нии из Центральной Азии передалъ это искусство тогда еще черному земледѣльческому населенію южной долины рѣки Евфрата. Здѣсь встрѣчаемъ мы этотъ народъ въ древнѣйшія времена и даже еще около VIII столѣтія до Р. X. подъ именемъ аккадійцевъ, «горныхъ жителей». Онъ создалъ здѣсь ту культуру, которая обыкновенно возникаетъ изъ соединенія побѣдителей—пастушескаго племени и покоренныхъ земледѣльцевъ; первымъ даромъ этой культуры наряду съ лошадыю было металлическое производство. Древнія могилы въ Халдѣи наряду съ каменными орудіями заключаютъ въ себѣ много предметовъ изъ золота, бронзы и желѣза, но все-таки между ними преобладаютъ бронзовыя издѣлія. Желѣзо-же было тогда такъ дорого, что оно не употреблялось еще для орудій, а шло только на украшенія. Отсюда это искусство легко могло перейти къ сосѣднимъ ассирійцамъ, сирійцамъ и даже хананеянамъ, гдѣ съ нимъ познакомились и евреи, прішедшіе съ юга.

Другимъ центральнымъ пунктомъ опять таки среди туранскаго населенія является область между Армеліей и Кавказомъ, знаменитая рудоносная страна древности, гдѣ жило племя Тубаль, «тибареняне» древнихъ писателей, о которыхъ упоминается и въ Библии, тамъ, гдѣ говорится о Тубалканнѣ, т. е. о тубаль-кузнецѣ, какъ первомъ основателѣ металлургіи. Такъ какъ бронза необходимо предполагаетъ существованіе олова, а послѣднее находилось только въ извѣстныхъ мѣстностяхъ Стараго Свѣта, то употребленіе бронзы не могло одновременно распространиться изъ многихъ пунктовъ земли, какъ это могло быть и въ дѣйствительности было съ мѣдью, желѣзомъ, золотомъ и серебромъ. Изъ областей, богатыхъ оловомъ, которыя въ древности оставались въ пренебреженіи, одна, какъ говорить, лежала въ кавказской Иберіи, другая—въ Паропамизѣ. Отсюда финикіяне и позже греки принесли на Западъ этотъ продуктъ, какъ предметъ торговли, пока наконецъ въ Великобританіи не были открыты оловянные рудники.

Имѣющихся историческихъ изслѣдованій недостаточно, чтобы прослѣдить тотъ путь, по которому древніе египтяне дошли до столь употребительной бронзы. Во всякомъ случаѣ употребленіе бронзы предшествовало обработкѣ мѣди, которую они находили и добывали на Синайскомъ полуостровѣ, а олово, нужное для приготовления состава бронзы, они могли даже въ древнее время добыть себѣ только путемъ торговли. Въ позднѣйшія времена богатства финикійцевъ основывались преимущественно на посредничествѣ въ этой именно отрасли торговли между всеми народами Средиземнаго моря. Въ приготовленіи-же самихъ бронзовыхъ издѣлій, которыя дѣйствительно создали развитіе громадной торговли, наравнѣ съ финикійцами впоследствии принимали также участіе и этруски. Но уже одна необходимость выписывать этотъ ме-

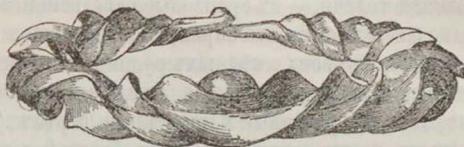

Рис. 51.—Ожерелье (Torques).

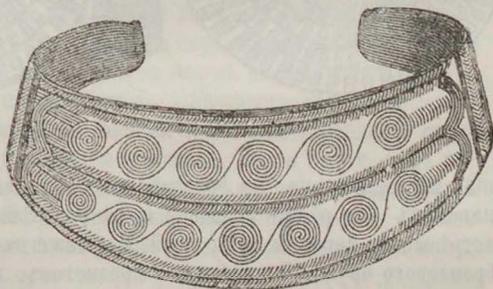

Рис. 52.—Бронзовая діадема.

талл или хотя-бы только его сплавъ изъ-за-границы, дѣлали его столь дорогимъ, что его употребленіе большей частью было очень незначительно. Всѣ предметы оружія такъ называемаго бронзоваго вѣка, въ выдѣлкѣ которыхъ старались подражать старымъ формамъ каменныхъ рѣзцовъ и боевыхъ сѣкиръ, а также стрѣлъ и копій, поражаютъ насъ своей незначительной величиной (рис. 47—50). Только мечъ, тоже имѣвшій себѣ образецъ въ каменномъ вѣкѣ, приобретаетъ теперь большее распространеніе и болѣе самостоятельное развитіе. Но зато онъ и становится очень дорого стоящимъ оружіемъ. Только знатные воины въ состояніи носить также оборонительное оружіе изъ бронзы; кожаная шляпа превращается въ бронзовый шлемъ, для различныхъ цѣлей употребляемый предохранительный сюртукъ—въ панцирь, а кожа, защищающая голени,—въ бронзовые набедренники. Незначительное употребленіе бронзы видно еще изъ того, что наряду съ бронзовымъ оружіемъ продолжаетъ существовать и каменное. Въ своихъ мѣдныхъ рудникахъ египтяне работали даже каменными инструментами и на полѣ сраженія при Марафонѣ были одинаково найдены какъ каменные, такъ и бронзовые наконечники стрѣлъ. Точно также употребленіе желѣза выступаетъ почти всегда наряду съ бронзой, хотя изъ нея преимущественно и сдѣлано

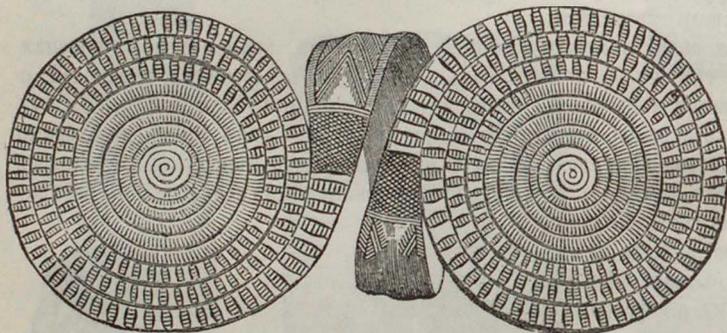

Рис. 53.—Бронзовое записье.

оружіе классической древности. Греки и римляне сражались главнымъ образомъ такимъ оружіемъ. Отъ римлянъ бронза перешла къ кельтамъ, которые сами достигли въ этой работѣ большого совершенства; а отъ нихъ она пере-

шла къ германцамъ. Во французскихъ курганахъ преобладаетъ бронза, въ скандинавскихъ она рѣдко попадаетъ, въ позднѣйшихъ свайныхъ постройкахъ желѣзо встрѣчается наравнѣ съ бронзой. Что даже въ Германіи занимались изготовленіемъ бронзоваго оружія и подобныхъ предметовъ, видно изъ отливальныхъ формъ, найденныхъ во многихъ мѣстахъ.

Золото, серебро и бронза служили преимущественно также для украшеній; это даже было часто первое употребленіе, которое изъ нихъ дѣлали. Что касается первыхъ двухъ металловъ, то народы, не имѣвшіе монеты, врядъ-ли знали какое-либо другое примѣненіе ихъ. Аракуанецъ еще и теперь старается добытому имъ куску золота придать по возможности наиболѣе плоскую форму, чтобы повѣсить эту блестящую бляху себѣ на тѣло—куда-бы-то ни было—въ уши, на грудь или на поясъ. Впрочемъ позднѣйшія металлическія украшенія представляютъ болѣе или менѣе точное подражаніе древнихъ украшеній, причѣмъ кольцо или шнурокъ, на которомъ носятся украшенія, тоже дѣлается изъ металла. Такъ, ожерелье, извѣстное подъ названіемъ «torques», совершенно напоминаетъ собой прутьобразный шнурокъ, сдѣланный изъ развитой вѣтви. Височная повязка съ ея висюльками превратилась въ діадему и корону, рисунокъ которыхъ еще по крайней мѣрѣ напоминаетъ старые

образцы. Такимъ-же образомъ возникли и запястья для рукъ и ногъ, и богато украшенный поясъ. Кольца въ особенности составляли богатство движимаго имущества нашихъ предковъ и до введенія въ употребленіе монеты заступали ея мѣсто, какъ единица обмѣна.

Торговля и кораблестроеніе.

Монетное дѣло составляетъ очень позднее изобрѣтеніе человѣка, и даже торговля не могла развиваться на низшихъ ступеняхъ культуры. Первый способъ приобрѣтенія всего необходимаго есть захватъ; первобытный человѣкъ считалъ все предметы никому не принадлежащими. Онъ или прямо завладѣваетъ имъ, или обдумываетъ свое намѣреніе и несетъ на себѣ все послѣдствія своего рѣшенія, если кто нибудь другой защищаетъ этотъ предметъ, какъ свою собственность. Первобытный человѣкъ не былъ въ состояніи допустить, что предметъ, которымъ завладѣлъ кто нибудь, не можетъ больше принадлежать кому нибудь другому и перестаетъ быть предметомъ чьего-либо притязанія. Онъ еще меньше признаетъ право на предметъ, когда онъ принадлежитъ *чужому*, слѣдовательно признаніе права владѣнія зависитъ отъ личныхъ отношеній. А не чужимъ считается только принадлежащій къ семейству или принятый въ мирный союзъ по договору. Семья и союзы этого рода суть основанія всехъ народныхъ организацій, поэтому на высшей ступени *чужимъ* является всякій, не принадлежащій къ племени или народу. По отношенію къ нему, насколько это возможно, практикуется способъ захвата; только съ точки зрѣнія ограбленнаго это — грабежъ, только съ точки зрѣнія обворованнаго это — кража.

При первомъ знакомствѣ европейцевъ съ австралійцами ихъ никакъ нельзя было побудить къ обмѣну. Все, что имъ давали, они такъ мало цѣнили, что сейчасъ-же бросали, но когда имъ хотѣлось получить отъ европейцевъ пойманную ими черепаху, имъ не приходило въ голову предложить за это въ обмѣнъ какой-нибудь подарокъ, они хотѣли ее просто взять и были весьма возмущены, когда имъ помѣшали привести въ исполненіе свое намѣреніе. Во всей Полинезійской Европѣ страдали отъ этого слабаго развитія понятій владѣнія и обмѣна. Въ то время, какъ полинезійцы между собою свято охраняли право владѣнія, все, начиная отъ ихъ князя до послѣдняго мальчика, были на кораблѣ европейцевъ опасными ворами. Во все времена номады гордились своею храбростію въ разбойничьихъ войнахъ, такъ какъ, по ихъ понятіямъ, чужеземецъ лишенъ права собственности.

Только невозможность добывать себѣ нужные предметы посредствомъ такого захвата ведетъ къ мирнымъ союзамъ, безмолвно или по договору признаваемымъ нѣсколькими племенами; эти союзы имѣютъ цѣлью *обмѣнъ* нужныхъ предметовъ, они кладутъ начало торговымъ сношеніямъ. Но такіе предметы должны представлять собой нѣчто особенно привлекательное для первобытнаго человѣка и должны встрѣчаться только въ извѣстныхъ мѣстахъ. Это прежде всего предметы его туалета, особенно красящая земля, и затѣмъ извѣстные сорта приправы къ его пищѣ, преимущественно *соль*. Сюда относились также вѣроятно и нужные матеріалы для его каменнаго оружія. Къ послѣдней категоріи предметовъ должно быть отнесено для позднѣйшаго времени уже упомянутое нами олово, а къ предметамъ украшенія — янтарь, торговля которымъ процвѣтала одновременно съ торговлей оловомъ. Все эти предметы встрѣчаются въ отдѣльныхъ опредѣленныхъ мѣстахъ и замиреніе путей къ нимъ довольно рано уже сдѣлалось важной заботой заинтересованныхъ въ этомъ людей. Красно-

кожіе охотно дѣлали путь въ 20 миль, чтобы въ извѣстномъ мѣстѣ достать себѣ красящей земли. Но никому изъ этихъ гордыхъ охотниковъ еще не приходило на мысль остаться на этомъ мѣстѣ и требовать вознагражденія отъ являющихся за этой красящей землей, сдѣлать ее предметомъ обмѣна, что создало-бы торговлю. Краснокожихъ въ этомъ отношеніи повидимому опередили даже австралійцы, по природѣ менѣе смысленные; хотя подарки европейцевъ и не доставляли имъ удовольствія, они бѣгали сотни миль, чтобы достать себѣ той-же охры на извѣстномъ мѣстѣ, но всегда приносили съ собой куски зеленого камня, весьма цѣннаго для приготовленія оружія. Несмотря на людѣдство, практиковавшееся у нихъ, они всегда какъ-бы по молчаливому соглашенію доставляли надежное прикрытіе проходившимъ черезъ ихъ область съ такой краской, конечно только потому, что собственный опытъ показалъ имъ, что загражденіе этихъ торговыхъ путей можетъ сдѣлать для нихъ самихъ недоступнымъ это драгоцѣнное средство украшенія кожи.

Многіе народы живутъ безъ соли; одни изъ нихъ, какъ напр. полинезійцы, пополняютъ ея недостатокъ тѣмъ, что мокаютъ свое мясо въ морскую воду, которую они держатъ наготовѣ въ орѣховой скорлупѣ; другіе пользуются приправой изъ острыхъ травъ или-же золой, въ которую они превращаютъ эти растенія. Но гдѣ почва представляетъ дѣйствительныя богатства соли, тамъ она становится скоро необходимой приправой къ пищѣ, и племена стараются завладѣть такими мѣстами. Такихъ мѣстъ очень много среди оазисовъ на дорогѣ изъ Фецана въ Суданъ черезъ Мурзукъ. Стенные народы живутъ въ постоянныхъ войнахъ изъ-за этихъ мѣстъ, и со всѣхъ сторонъ сходятся караваны, чтобы вымѣнять себѣ на что нибудь эту драгоцѣнную приправу у временныхъ обладателей ея.

Тѣ предметы обмѣна, на которые остающіеся у себя дома получаютъ соль отъ добывшихъ ее, могутъ быть различнаго рода; но если торговлей занимаются преимущественно люди, опытные въ этомъ дѣлѣ, то они конечно предпочтутъ тѣ изъ предметовъ обмѣна, которые цѣнятся и тамъ, гдѣ они получаютъ соль. А если такая торговля распространяется на различныя мѣстности, гдѣ въ одномъ мѣстѣ добываютъ соль, въ другомъ—краску и гдѣ нибудь еще—кремень, то въ обмѣнъ охотнѣе всего принимаются тѣ предметы, которые одновременно цѣнятся въ наибольшемъ количествѣ мѣстѣ.

Такимъ образомъ вырабатываются извѣстные предметы обмѣна, которыя добываются не для пользованія, а потому, что на нихъ можно въ различныхъ мѣстахъ раздобыть себѣ тѣхъ или другихъ нужныхъ предметовъ. Они становятся вмѣстѣ съ тѣмъ и *единицами обмѣна*, такъ какъ ихъ цѣна опредѣлена всеобщимъ соглашеніемъ. Это могутъ быть какъ предметы потребленія, такъ и украшенія; послѣднимъ впрочемъ отдается преимущество, такъ какъ такимъ образомъ можно свое собственное богатство долго носить на тѣлѣ, какъ украшеніе, пока не явится необходимость получить на нихъ въ обмѣнъ какой нибудь предметъ первой необходимости. А что даже холстъ и другія матеріи носились на тѣлѣ исключительно, какъ украшеніе, это мы видѣли уже у многихъ племенъ.

Такимъ предметомъ обмѣна служилъ у индѣйцевъ Британской Колумбіи шнурокъ раковинъ, которымъ они украшали свое тѣло и платья. Такой шнурокъ обмѣнивали на бобровую шкуру. Мелкой монетой, скажемъ мы, чтобы употребить современное выраженіе, служили въ С. Сальвадорѣ, Костарикѣ и Никарагуа какаоовые бобы. Въ Абиссиніи и странѣ Галла всѣ товары обмѣниваются на куски соли. Въ Южной Азіи и по всей Центральной Африкѣ мелкой монетой служить раковина-каури. Въ мѣстностяхъ, изобилующихъ солью, ведется обмѣнная торговля платьями,

называемыми тебе, или-же отдѣльными кусками холста, единицей мѣры для которыхъ служить «локоть», т. е. разстояніе отъ локтя до кончиковъ пальцевъ. Какъ наименьшая единица вѣса, здѣсь-же употреблялись зерна сладкаго рожка. Тѣ-же полтища были единицей обмѣна между нѣмцами и славянами. Греки, римляне и индѣйцы употребляли для обмѣна быковъ, что теперь еще дѣлають зулусы и кафферы. За шесть быковъ зулусъ покупаетъ себѣ жену; хорошую рабыню Гомеръ оцѣниваетъ четырьмя, а красиво отдѣланный треножникъ двѣнадцатью быками.

Когда предметы украшенія начали дѣлаться изъ металловъ, они стали самыми любимыми средствами обмѣна, и еще въ средніе вѣка сѣверные короли славились своимъ богатствомъ колець. И древніе египтяне одинаково употребляли кольца изъ золота и серебра, но стоимость ихъ различали только по вѣсу. При все увеличивавшемся богатствѣ благородными металлами должно было казаться вовсе ненужнымъ всему добывавшемуся количеству металловъ придавать форму какой-нибудь потребительной цѣнности, а потому и предпочитали раздѣлять золото и серебро по вѣсу въ маленькіе слитки и пользоваться ими, какъ средствомъ обмѣна. Такъ, евреи до изгнанія ихъ давали другъ другу серебро по вѣсу и признавали гири, употреблявшіяся въ храмѣ, нормальной единицей вѣса.

Рис. 54.—Австралиецъ въ своемъ челнокѣ изъ коры на рыбной ловлѣ.

Опредѣливъ разъ навсегда вѣсъ такого куска металла и обозначивъ его на немъ соответствующимъ знакомъ, люди дошли до изобрѣтенія *монеты*, которая должна была значительно облегчить торговые сношенія. Говорятъ, что древнѣйшія формы такихъ выбитыхъ монетъ появились въ Лидіи и Эгинѣ. У древнихъ римлянъ были въ обращеніи литыя единицы стоимости. Постепенно чеканка монеты распространилась въ Финикіи, Греціи, Персіи и затѣмъ во всей Римской имперіи. Чеканка эта должна была повсюду сдѣлаться правительственной регалией, такъ какъ правильное обозначеніе ея нуждалось въ общемъ для всѣхъ авторитетѣ. Къ германцамъ монетное дѣло перешло отъ римлянъ, а къ славянамъ—отъ германцевъ.

Отдѣльные предметы торговли открыли въ древнее время извѣстные торговые пути среди народовъ, въ остальномъ совершенно некультурныхъ. Дружественныя отношенія къ чужестранцамъ, которые являлись въ страну продавцами необходимыхъ предметовъ, переходили изъ рода въ родъ, даже отъ одного народа къ другому.

Такой путь был проложен финикийцами от устья Рейна через Францию, чтобы вывозить из Британии олово. Такой-же путь вел уже в древнее время из области устья По через горы и низменности до берегов Балтийского моря, где находили янтарь и покупали меха. Повидимому такие пути неохотно открывались чужим народам, так как греки долго думали, что драгоценный янтарь находился у устья реки По. Но постепенно наряду с потребностью удовлетворить страсть к украшениям с равной силой начинают выступать хозяйственные нужды. Римские завоевания много этому способствовали, открывая выгодные области производства и даже создавая новые его ветви, которые, не имея целью удовлетворить местным потребностям, основывались на возможности торгового обмена. Так, Бельгия доставляла римлянам не только шерсть, но и дешевое мыло, на которое хотя и был спрос в Италии, но которое могло быть там изготовляемо только по высокой цене вследствие дороговизны дерева и сала. Там-же, где можно было для получения золы сколько угодно жечь деревья первобытных лесов, и стада полудиких свиней в изобилии доставляли сало, там изготовление его было выгодно. Так, даже в древних первобытных лесах Богемии мы находим такие местности, названия которых весьма ясно указывают на весьма раннее развитие такой промышленности.

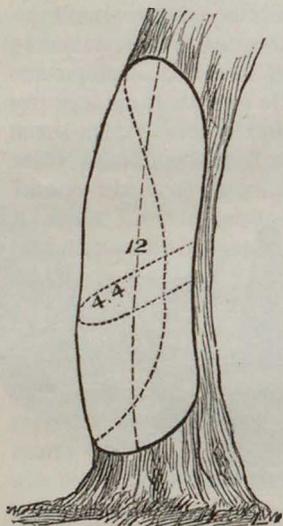

Рис. 55. — Дерево, с которого снята кора для челнока. Цифры обозначают английские футы.

Подобным же образом создалась такая же промышленность, рассчитанная на торговлю в тех местах, где находились каменные породы, удобные для выделки оружия и мельничных жерновов, на что сохранилось много указаний как в названиях, так и в остатках предметов производства. Теперь нет больше надобности в переселениях народов, чтобы переносить полезные продукты и искусства народов из одного пояса в другой: это делает торговля; но и она не получила бы такого распространения без мореплавания. Первые начала его мы встречаем почти у всех народов, которым близость воды предоставила к тому случай.

Многие не дошли до искусства плавания. Первый толчок к употреблению судна на воде легко мог быть дань плавающим куском дерева, за которое ухватился человек в минуту опасности на воде. У туземцев Сандвичевых островов одно из любимых развлечений состояло в том, чтобы пускаться в сильное течение на обтесанном куске дерева, держась то на нем, то под ним. Сидя верхом на балках и гребя руками, австралийцы еще теперь приближаются к чужим кораблям, причем они нашли удобным заострять эти балки. В другом месте дти, обучаясь плаванию, пользуются кокосовыми орехами, как у нас употребляются еще для этого бычачьи пузыри. Древние индйцы, жители приморских областей, уже изготовляли своими простейшими орудиями суда из стволов деревьев. Они их тщательно прижигали и затем выскребали раковинами обугленные части до тех пор, пока не получалось достаточно большое углубление. Такой ствол с каким-нибудь грузом на дне не так легко опрокидывался. Австралийцы и индйцы старались достичь той же цели,

пользуясь легко отдѣлимой корой (рис. 54 и 55). Отрывая отъ дерева куски коры известной формы, они скрѣпляли ихъ у обоихъ концовъ лыкомъ, которое, разбухая въ водѣ, закрывало образовавшіяся при скрѣпленіи отверстія. Подобное устройство годилось для непродолжительнаго употребленія. Но скоро индѣйцы нашли, что такой челнъ можетъ дольше служить, если посредствомъ деревянныхъ распорокъ придать ссохнувшейся корѣ желаемую форму. Отсюда не трудно было догадаться обтянуть остовъ челна болѣе прочной буйволовою кожей. Этотъ опытъ уже былъ сдѣланъ индѣйцами, а эскимосы въ своихъ уміакахъ (женскихъ челнахъ) и каіакахъ (мужскихъ челнахъ) довели этотъ видъ кораблестроенія, не располагая всеми средствами нашей техники, до совершенства, достойнаго удивленія. Деревянное весло съ плоской лопастью есть не что иное, какъ подражаніе рукъ съ ладонью. Для каіака своего охотникъ эскимось изобрѣлъ двойное весло (рис. 56).

Рис. 56. — Эскимосскій каіакъ.

Совершенныхъ въ своемъ родѣ корабельныхъ мастеровъ европейцы нашли въ лицѣ полинезийцевъ, искусство которыхъ несомнѣнно находится въ исторической связи съ малайскимъ. Новозеландцы напр. наряду съ другими челнами употребляютъ даже въ открытомъ морѣ челны изъ выдолбленныхъ стволовъ; но они умѣли предохранять ихъ отъ опрокидыванія тѣмъ, что соединяли ихъ по двое, на нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга, поперечными балками и такимъ образомъ выгадывали еще лишнее пространство для груза. Того же самаго они достигли, употребляя одинъ челнокъ, придѣлавъ къ нему рѣшетину, и такимъ образомъ изобрѣли «бранд-вахту», которая и теперь еще находится въ употребленіи. Но тѣ-же новозеландцы умѣли уже, какъ это было показано выше, дѣлать доски и строить изъ нихъ челны, длиною въ 60 футовъ. Такіе челны, въ которыхъ помѣщались восемьдесятъ

воиновъ, украшались ими со всевозможной роскошью въ ихъ вкусѣ. Такъ, на передней части его красовалось ужаснѣйшее изображеніе какого-нибудь ихъ «идола», подобно тому какъ на нашихъ корабляхъ до сихъ поръ на галюнѣ поставлена статуя.

Они изобрѣли также для этихъ челновъ парусъ, правда еще очень несовершенный. Что рогожа, раздуваемая вѣтромъ, ускоряетъ движеніе лодки, легко могъ замѣтить всякій, стоя въ челнокѣ и одѣтый въ плащъ. Но новозеландцы не имѣли въ своихъ лодкахъ мачты, а растягивали рогожу между двумя шестами, прикрѣплявшимися къ бортамъ челна. Такимъ образомъ они въ своихъ лодкахъ могли только «плыть по вѣтру», а не «крейсировать».

«Что было возможно для новозеландцевъ, то съ тѣмъ большимъ основаніемъ, — не говоря о промежуточныхъ ступеняхъ, — можемъ мы предполагать относительно древнихъ египтянъ. Вся хозяйственная жизнь древнихъ египтянъ могла ихъ направить если

не къ мореплаванію, то къ плаванію по рѣкѣ Нилу и ея безчисленнымъ рукавамъ. И въ дѣйствительности, судно играло въ ихъ жизни весьма важную роль, и большіе корабли, ходившіе по Нилу, указываютъ намъ на успѣхи, имѣвшіе существенное вліяніе на будущность мореплаванія. Египтяне, какъ о томъ свидѣтельствуетъ ихъ стѣнная живопись, уже прикрѣпляли къ своимъ лодкамъ кольца, въ которыя они пропускали свои весла, чѣмъ и создали образецъ позднѣйшей галеры; они также привязывали веревками мачту, къ которой прикрѣплялся между двумя реями парусъ. Къ кораблю также прикрѣплялся руль, а на переднемъ и заднемъ концахъ его

Рис. 57.—Военная лодка новозеландцевъ.

устраивалось возвышеніе съ галереей—намекъ на баки (юты) позднѣйшихъ военныхъ кораблей.

Такой египетскій корабль есть прототипъ позднѣйшихъ финикійскихъ, греческихъ и римскихъ кораблей. Слѣдить за дальнѣйшимъ развитіемъ мореплаванія намъ нѣтъ надобности. Успѣхи человеческого творчества накаплиются во всѣхъ областяхъ въ необозримомъ количествѣ, такъ какъ всякій новый элементъ, откуда-бы онъ ни явился, распространяетъ свое плодотворное вліяніе на все и по всѣмъ направленіямъ. Если даже въ главныхъ своихъ частяхъ корабль остается въ первоначальномъ своемъ видѣ, то сколько было внесено новаго употребленіемъ металловъ и машинъ! Существеннѣйшимъ же своимъ успѣхомъ искусство мореплаванія обязано заимствованному изъ Восточной Азіи употребленію компаса. Только на корабляхъ, снабженныхъ компасомъ, предприимчивая бѣлая раса могла проникнуть во всѣ части свѣта и завязать культурныя сношенія, въ сравненіи съ которыми великія переселенія древности имѣли гораздо меньшее значеніе.

ОТДѢЛЪ II.

ОБЩЕСТВО;

Семья, собственность, правительство
и судъ.

Развитіе формъ общественности.

Въ первомъ отдѣлѣ этой книги мы слѣдили за заботами человѣка о поддержаніи жизни. Только въ немногихъ счастливыхъ мѣстахъ земного шара милостивая природа щедрой рукой разсыпала всѣ свои дары, необходимыя для человѣческой жизни. Въ такихъ мѣстахъ и совершенно неразвитое человѣчество могло-бы, слѣдуя исключительно своимъ животнымъ инстинктамъ, поддерживать свое существованіе: большинство зоологическихъ видовъ сохраняются именно благодаря тому, что они связываютъ свое существованіе съ такими мѣстами, или говоря иначе—имѣютъ свои рѣзко отграниченныя области распространенія.

Человѣкъ-же, благодаря своей подвижности, вышелъ изъ границъ такой указанной самой природой области, и даже въ ея предѣлахъ его природныя способности, благодаря ихъ большей гибкости и подъ влияніемъ прогресса въ дѣлѣ поддержанія жизни, которое перестало быть исключительно инстинктивнымъ, подверглись многообразнымъ измѣненіямъ. Результаты заботы человѣка о поддержаніи жизни,—заботы, которая въ одно и то-же время и сохраняетъ, и преобразуетъ его, простѣжены нами пока только въ одномъ направленіи. Тутъ вѣнцомъ ихъ были: изобрѣтеніе орудій и оружія, добываніе огня, земледѣліе и скотоводство. Совершенно одновременно та-же самая забота создаетъ *общественныя организаціи*, которыя выходятъ изъ предѣловъ инстинктивнаго творчества человѣка. Эти общественныя формы, становясь все въ болѣшую и болѣшую зависимость отъ вышеназванныхъ матеріальныхъ успѣховъ человѣчества, все болѣе и болѣе удаляются отъ формъ, созданныхъ инстинктивно.

Всѣ общественныя организаціи, до большихъ государствъ включительно, могутъ быть раздѣлены на *два* группы, отличающіяся другъ отъ друга своимъ различнымъ отношеніемъ къ семейной организаціи. Первая группа, представителями которой могутъ быть признаны восточно-азіатскія государства—Японія и Китай, а также Великобританія и Бѣлорусія, развилась непосредственно изъ семьи; эти государства являются, такъ сказать, гипертрофированными древне-семейными организаціями, и потому они широкой межей отдѣляются отъ современныхъ государствъ Западной Европы и въ особенности Сѣверной Америки. Въ послѣднихъ семья также является первичнымъ организаціоннымъ элементомъ; но въ то время, какъ государство первой группы можетъ быть разсматриваемо, какъ разросшаяся до огромной величины первичная клѣтка (семья), государство второй группы представляется органическимъ соединеніемъ многихъ клѣтокъ нормальной величины. Его основная черта — конфедерація. Однако объединяющая такую конфедерацію сила

на первыхъ порахъ не имѣть передъ собой никакого другого образца, кромѣ семьи, и такимъ образомъ, путемъ заимствованія и аналогіи, и эта организація получаетъ семейный характеръ. Въ этомъ отношеніи она въ разныя времена стоитъ то ближе, то дальше отъ семьи; всего больше удаляются отъ семьи наиболѣе позднія формы, напр. въ Новомъ Свѣтѣ.

Изъ сказаннаго ясно *огромное* значеніе семьи для *всѣхъ* организацій человѣчества: однѣ вышли непосредственно изъ нея, другія образовались путемъ подражанія ей и заимствованія ея чертъ.

Но и семья, въ качествѣ первичной и важнѣйшей формы общественной организаціи, въ свою очередь имѣетъ богатую исторію, которой намъ предстоитъ заняться. Простѣйшая и потому безспорно древнѣйшая форма семейной организаціи основывается въ силу инстинктивнаго побужденія и вытекаетъ изъ животной природы человѣка. Поэтому ея средоточіемъ является мать. Не отношеніе между мужемъ и женой, которому отъ природы не присуще постоянство, есть зародышъ семьи; его слѣдуетъ искать въ отношеніи между матерью и ребенкомъ,—отношеніи, которому сама природа дала извѣстную степень устойчивости, вначалѣ совершенно отсутствующей въ супружескихъ отношеніяхъ. Съ прогрессомъ культуры тѣсная связь между матерью и ребенкомъ могла увеличиться, но въ извѣстной степени она существуетъ и въ состояніи полной безкультурности. Мы разсмотримъ вытекающія изъ этой связи отношенія подъ названіемъ материнство (*Mutterfolge*) и материнскаго права (*Mutterrecht*).

Указанныя уже въ первомъ отдѣлѣ условія пропитанія человѣка стоятъ въ тѣснѣйшей связи съ его организаціей. Мать занимается тѣми отраслями направленнаго на добычаніе пищи труда, которыя даютъ болѣе скудный, но зато болѣе вѣрный результатъ; мужъ со своимъ несовершеннымъ, жалкимъ оружіемъ добываетъ на охотѣ лакомство. Мать со своимъ нуждающимся въ защитѣ ребенкомъ не ищетъ опасности; мужъ, преодолевая опасности, удовлетворяетъ свои болѣе тонкіе вкусы. Мать поддерживаетъ согревающій огонь, мать устраиваетъ кровлю для защиты его отъ вѣтра; она дѣлается охранительницей очага, основательницей дома, средоточіемъ всѣхъ стремленій, направленныхъ на поддержаніе постоянства въ отношеніяхъ. Мужъ дѣйствуетъ въ совершенно противоположномъ смыслѣ, и оружіе окончательно дѣлаетъ его такимъ-же бродягой, какъ та дичь, за которой онъ охотится.

Въ этой борьбѣ возрастаютъ его силы; его оружіе дѣлается совершеннѣе; его охота начинаетъ давать такіе-же вѣрные плоды, какъ трудъ женщины. Онъ идетъ еще дальше впередъ, впрочемъ— не во всѣхъ широтахъ. Онъ научается укрощать и воспитывать дикихъ звѣрей, чтобы, когда потребуется и захочется, имѣть ихъ всегда подъ рукою; они дѣлаются такимъ-же вѣрнымъ достояніемъ его, какъ древесные плоды. Господство надъ ними, сила, съ которой онъ отстраняетъ всякое посягательство на нихъ, развиваютъ въ немъ понятіе о собственности на всѣ эти вещи. Исходя изъ этой идеи господства, онъ устраиваетъ всю окружающую его жизнь; на этой основѣ онъ создаетъ новую, болѣе прочную и болѣе способную къ сопротивленію организацію. Онъ дѣлается *господиномъ* дома, женщинъ и дѣтей и основываетъ новую форму семьи на правѣ отца или, вѣрнѣе, господина (*Vaterrecht*, *Herrenrecht*).

Въ этой большой семьѣ все ему подчинено, не только жена и ребенокъ, но и всякій, кого онъ побѣдилъ въ борьбѣ и, воюя ради добычи, приобрѣлъ себѣ, какъ желанную рабочую силу. Господство кочевника простирается и на людей. Отцов-

ская власть, которую мужчина проявляет въ качествѣ «отца» въ этой формѣ семьи, не заимствуетъ своего правового основанія ни изъ какого родственнаго отношенія. Только постепенно выдвигается представленіе, что отца и ребенка соединяетъ такая-же (но менѣе очевидная и поэтому позднѣе замѣченная) связь, какъ та, которая существуетъ между матерью и ребенкомъ. Мало по малу и мужчина приобщается къ тѣмъ чувствамъ, которыя природа гораздо раньше пробудила и воспитала въ матери. Такъ появляется новое понятіе объ «отцѣ», и возникаетъ новая форма семьи, подвластной отцу. Эта семья представляетъ самую тѣсную родственную группу. Но на первыхъ порахъ суровая дѣйствительность, съ ея господствомъ древняго отцовскаго права, даетъ мало простора вновь возникающей формѣ, въ которой мы въ настоящее время исключительно приурочиваемъ понятіе «семьи». Одна древняя семья—родъ—такъ мы будемъ впродъ называть эту организацию—обнимаетъ много семей новѣйшей формациі; она признаетъ ихъ существованіе, но она не отказывается въ пользу ихъ ни отъ одного изъ своихъ державныхъ правъ. Всѣ права остаются въ обладаніи рода, и носителемъ ихъ является его глава, патриархъ (Altvater).

Это учрежденіе создало ту почву, на которой могли вырасти дальнѣйшія общественныя организациі, которыя намъ, руководящимся только понятіемъ о новой семьѣ, представляются гораздо болѣе широкими, чѣмъ семья. И до сихъ поръ существуютъ грандіозныя общественныя группы этого рода. Однако онѣ вездѣ носятъ на себѣ печать древности и производятъ впечатлѣніе какихъ-то гигантскихъ остатковъ сказочнаго времени.

Германская королевская власть въ тѣсномъ смыслѣ, которую Тацитъ такъ рѣзко отдѣляетъ отъ герцогской, также носить еще древнепатріархальный характеръ. «Kunne» есть древнѣмецкое названіе большой семьи древняго времени, и «Kunning», король, есть ея представитель, правитель—отецъ—патріархъ. Библейскіе патріархи—такіе-же короли и отцы, поскольку отецъ значитъ—господинъ. Всѣ подвластные ему образуютъ одну семью; между ними и ихъ главой не существуетъ договорнаго отношенія, которое мы видимъ между вождемъ и его вольной дружиной; они всѣ составляютъ собственность домовладыки, они принадлежатъ ему, какъ дѣти принадлежатъ отцу, и потому неограниченность есть признакъ этого господства, *абсолютизмъ*—сущность этой организациі.

Семья кочевниковъ-завоевателей на этой ступени принимаетъ въ свою среду побѣжденнаго врага, со всѣмъ его достояніемъ, семьей, стадами и правомъ на пастбища, она не знаетъ другихъ способовъ соединенія. Все такъ или иначе обязано служить одному отцу; въ такія-же обязательныя отношенія вступаетъ и чужеземецъ. Эта простѣйшая организациія имѣетъ достаточно мѣста для всѣхъ; она можетъ покрывать цѣлыя страны, если только глазъ отца достаточно зорекъ и его руки достаточно длинны. Отецъ впрочемъ умѣетъ уже на довольно ранней ступени развитія искусственно увеличивать силу этихъ органовъ. Японскій императоръ по всей странѣ имѣетъ свои уши, такъ какъ каждое вѣдомство, даже самое маленькое, имѣетъ своего шпиона, а сами вѣдомства являются искусственными продолженіями рукъ императора. Все, что совершается въ государственныхъ организамахъ этого рода, дѣлается отъ имени отеческой власти, носителемъ которой является глава государства. Сколько-бы лицъ, кромѣ него, ни оказывало фактическаго вліянія на дѣла, ни стояло-бы ближе къ владыкѣ государства, чѣмъ масса народа, они всѣ являются лишь орудіями въ его рукахъ. Онъ можетъ, если не вполне безопасно, то во всякомъ случаѣ вполне безответственно ими рас-

правляться, ибо надъ отеческой властью и рядомъ съ ней нѣтъ никакой другой, и отецъ ни передъ кѣмъ не отвѣтственъ. Между нимъ и его подданными не существуетъ договора, подданные принадлежатъ своему властителю. Такъ какъ въ семьѣ никто, кромѣ отца, не можетъ быть носителемъ права собственности всей семьи, то главѣ патриархальнаго государства принадлежатъ все государственный земли. Тѣ, кто эти земли обрабатываютъ, занимаются этимъ по порученію отца, а не какъ собственники. Результатомъ ихъ работы распоряжается опять-таки отецъ; однако въ его интересахъ — давать сыновьямъ все необходимое для поддержанія жизни, такъ какъ вѣдь и живая рабочая сила составляетъ часть его богатства. Власть судить и наказывать считается принадлежащей исключительно ему, хотя бы онъ и не пользовался ею самолично. Его рѣшенія не связываются никакими основными началами, которыя являлись-бы какъ результатъ соглашенія; всякое отеческое распоряженіе имѣетъ значеніе судебного рѣшенія, и всякое судебное рѣшеніе выражаетъ только отеческую волю; управление и судъ составляютъ одно цѣлое. Затѣмъ является религіозное представленіе, связывающее личность домовладыки съ культомъ. Согласно этому представленію, домовладыка собственно только — живой соудъ единого могущественнаго праотческаго духа, который все еще господствуетъ надъ всей семьей — народомъ, государствомъ, потому что у духа нельзя ничего отнять. Такимъ образомъ отецъ народа является въ полномъ смыслѣ слова фетишемъ народнаго божества. Отсюда — воздаваемое ему божеское поклоненіе, отсюда — его недоступность и наконецъ полное отождествленіе фетиша съ живущимъ въ немъ божественнымъ духомъ. Царь — отецъ управляетъ временами года, благословляетъ жатвы, посылаетъ дождь, солнечный свѣтъ и всяческой успѣхъ. Но во всемъ этомъ заключается и опасность для него, если рядомъ съ нимъ развилась жреческая власть, которая также имѣетъ притязаніе находиться въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ божествомъ. Тогда какой-нибудь неурожай можетъ явиться знаменіемъ того, что истинный божественный духъ оставилъ отца, тогда онъ можетъ быть отвергнутъ, какъ негодный сосудъ. Народу предлагается новый отецъ, и жрецъ вселяетъ въ него божественный духъ.

На этой основной формѣ — родѣ, который расширяется, внутренне претворяя въ себѣ чуждые элементы, а не присоединя ихъ внѣшнимъ образомъ, покоились первыя болѣе или менѣе значительныя организаціонныя попытки краснокожихъ Америки, — попытки, прототипомъ которыхъ является государство Инковъ въ Перу. Въ Старомъ Свѣтѣ мы встрѣчаемъ такія организаціи и до сихъ поръ въ тѣхъ странахъ, которыя могутъ считаться родиной номадовъ; послѣдніе перенесли эту форму господства въ сосѣднія страны. Въ Японіи и Китаѣ господствуетъ юридическое воззрѣніе, по которому вся земля принадлежитъ отцу — главѣ государства. Подобнаго жерода государствами были древнія «всемірныя царства» Азіи; въ великой войнѣ грековъ и персовъ слѣдуетъ видѣть борьбу двухъ различныхъ общественныхъ формъ.

Болѣе молодыя формы создались различнымъ путемъ. Онѣ могли развиваться на почвѣ того-же древняго семейнаго устройства, благодаря «раздѣленію властей». Недоступность представителя божественной власти и довольство его этой ролью легко могутъ ослабить ту энергію, которую долженъ проявлять глава большого государства; въ такомъ случаѣ для свѣтскихъ дѣлъ нужно отыскать ему замѣстителя. Уже библейскій Авраамъ имѣлъ своего Елизара. Разстояніе между духовнымъ и свѣтскимъ владыками можетъ еще болѣе увеличиться. Отецъ, который является объектомъ или носителемъ культа своего народа, все болѣе и болѣе удаляется отъ свѣтскихъ дѣлъ, пока онъ не станетъ наконецъ совершеннымъ идоломъ, какимъ-

нибудь Далай-Ламой. Въ той-же мѣрѣ расширяется сфера власти его замѣстителя, «царя законовъ», какъ его называли древніе жители Тибета, въ качествѣ фактическаго правителя. Такимъ образомъ возникаетъ то отношеніе, которое всего болѣе знакомо намъ по существовавшему нѣкогда противопоставленію японскаго микадо его сыгуну или тайкуну. Колебанія въ раздѣленіи властей выражаются въ исторіи такихъ государствъ въ борьбѣ этихъ двухъ началъ. Борьба эта многообразно отражается на государственныхъ формахъ. Слѣды такого двоевластія весьма распространены и сохранились во многихъ мѣстахъ. У германскихъ племенъ во время переселенія народовъ мы встрѣчаемъ подобную-же организацію, и древніе короли Скандинавіи долгое время играли по отношенію къ туземнымъ регентамъ роль безсильныхъ королей-жрецовъ. Въ тѣхъ понятіяхъ, которыя существовали въ началѣ среднихъ вѣковъ объ отношеніи между папскою и императорскою властью, воскресло это древнее представленіе. Готы и бургунды сдѣлали его снова достояніемъ культуры, и оно не было чуждымъ и франкамъ. Церемоніалъ испанскаго двора имѣетъ точки соприкосновенія съ ограничительными церемоніями, которыми была обставлена жизнь микадо. У пелазгическихъ племенъ то-же самое раздѣленіе властей, которое явилось очевидной, естественной и матеріальной потребностью, приводитъ къ инымъ результатамъ. Азіатскіе народы, долѣе сохраняя склонность къ фетишизму, видятъ въ отцѣ народа преимущественно сосудъ властнаго божественнаго духа; для пелазгическихъ же племенъ онъ представляется скорѣе носителемъ культа, посредникомъ между народомъ и божественнымъ отцомъ. Оба эти представленія первоначально не очень рѣзко обособлены въ человѣческомъ сознаніи; каждый жрецъ по первобытнымъ воззрѣніямъ носить или можетъ носить въ себѣ божество, другими словами: божество можетъ въ немъ обитать. Развитие религиозныхъ представленій можетъ направиться въ одну или другую сторону, и сообразно съ этимъ мы имѣемъ предъ собой фетиша или жреца. Первое мы видимъ у азіатскихъ народовъ, второе — у пелазговъ, перваго культурнаго народа Европы.

Теперь мы пришли къ вопросу о развитіи греческихъ республикъ и республиканскихъ формъ вообще. Древнегреческій царь является совершенно такимъ-же патриархомъ, какъ глава той семейной формы, съ которой мы уже познакомились выше; здѣсь только на греческой почвѣ родъ не могъ разростись до такихъ размѣровъ, какъ у настоящихъ кочевниковъ. На какомъ-же основаніи во многихъ греческихъ республиканскихъ общинахъ семьи съ наследственной жреческой властью ведутъ свое происхожденіе отъ царей? Въ отдѣльныхъ случаяхъ намъ объясняетъ это исторія. На царѣ, въ качествѣ отца народа, лежитъ главнымъ образомъ поддержаніе культа; эта роль ему передана по наследству и не можетъ быть отъ него отнята, хотя-бы его умъ и ослабѣлъ отъ старости. Однако суровыя и неотвязчивыя потребности дѣйствительной жизни могутъ заставить искать для руководства на войнѣ и для суда человѣка со свѣжимъ, молодымъ умомъ. Отецъ поневолѣ долженъ согласиться на раздѣленіе властей. Такимъ путемъ постепенно необходимость приводитъ мѣстами къ окончательному соглашенію между всѣмъ родомъ и той семьей, въ которой отеческая власть стала наследственной, т. е. между общиной и царскою фамиліей. Послѣдняя получаетъ въ свое обладаніе почетный и выгодный культъ и часто извѣстную часть общинной собственности въ качествѣ имущества, пожертвованнаго въ пользу культа; такимъ образомъ поколебленная царская власть переходитъ въ прочную, недоступную никакимъ превратностямъ судьбы жреческую власть; община же получаетъ право назначать полководца и судей. Если въ ней какой-нибудь счастливый вождь и дѣлался единовластителемъ, то власть его была уже болѣе

не отеческой, онъ не былъ царемъ, но тираномъ. Такимъ - же приблизительно путемъ и Римъ перешелъ къ республикѣ; римскій царь сталъ только жрецомъ (*rex sacrificulus*). Но тутъ переѣ нами въ то-же время является комбинація старой общественной формы съ новой, которая выросла не изъ семьи, а только была создана по ея подобію, ввиду опредѣленныхъ матеріальныхъ цѣлей. Не въ необятныхъ степяхъ внутренней Азіи, а лишь достигнувъ береговъ моря, человѣчество черезъ извѣстный промежутокъ времени дошло до такой плотности населенія, которая въ связи съ упроченіемъ всѣхъ отношеній должна была создать новыя формы организаціи. Эти формы имѣли цѣлью упорядоченіе отношеній между различными семьями (родами). Для настоящихъ кочевниковъ понятія «чужой» и «врагъ» тождественны. Все, что не принадлежитъ къ семьѣ, является, какъ звѣрь въ степи, предметомъ добычи; война есть промыселъ и ведется постоянно со всѣми тѣми, кто не принадлежитъ къ семьѣ, со всякимъ иноплеменникомъ. За всякой побѣдой, до тѣхъ поръ пока побѣжденные сосѣди не приняты въ семью побѣдителей, можетъ, въ силу существованія обязательной кровной мести, послѣдовать рядъ новыхъ войнъ, обширная степь оставляетъ много мѣста для побѣжденныхъ и даетъ имъ свою защиту. Не то замѣчаемъ мы у болѣе осѣдлыхъ племенъ на полуостровахъ и на морскихъ берегахъ, въ особенности до тѣхъ поръ, пока море является для нихъ еще негостепріимной стихіей. Тутъ развивается потребность, чтобы сосѣдь не смотрѣлъ на сосѣда, какъ на предметъ добычи, потребность найти форму, при которой было-бы возможно пріобрѣтеніе отъ сосѣдей желательныхъ предметовъ безъ враждебныхъ дѣйствій, т. е. потребность въ такой организаціи, которая дала-бы возможность иноплеменникамъ вести мирныя сношенія между собой.

Эта форма организаціи покоится на взаимномъ договорѣ, ея цѣль — безопасныя сношенія между семьями, и то положеніе вещей, которое она создаетъ, есть *миръ*. Поэтому эту форму организаціи можно назвать союзомъ мира. Съ той поры, какъ онъ заключенъ, все внутри союзныхъ семей стараго типа, т. е. родовъ (ибо рѣчь идетъ все еще только о такихъ семьяхъ), всякая личность и собственность (поскольку, разумеется, уже развито понятіе о собственности), находится подъ защитой этого мира. Предметы, на которые одна семья смотритъ, какъ на свою собственность, другая семья также должна считать таковою; ими нельзя просто завладѣть, ихъ можно только пріобрѣсти по соглашенію. Къ предметамъ, которые семья нѣкогда пріобрѣтала грабежомъ, принадлежатъ въ особенности женщины. Новый союзъ мира всюду вводитъ, вмѣсто грабежа, мѣну или куплю, его цѣль — такимъ образомъ преимущественно, какъ говорили римляне, *commercium* и *connubium*.

Общество, которое покоится на такой основѣ, должно развить иное понятіе о собственности и ея святости, чѣмъ государства первой группы. Въ послѣднихъ собственности защищается только по волѣ отца и основывается только на ней. Никто не можетъ вспахать чужое поле, такъ какъ отецъ далъ каждому свое поле для обработки и пользованія. Иное видимъ мы въ союзѣ мира. Тутъ никто не смѣетъ посягнуть на достояніе другого, не потому, что онъ этимъ возстановитъ противъ себя отцовскую власть, а потому, что соглашеніе всѣхъ, заключившихъ союзъ, защищаетъ собственность и обезпечиваетъ ея неприкосновенность. Для охраненія мира въ предѣлахъ союзной области рядомъ съ отцовскимъ судомъ является новый союзный судъ. Его цѣль подавлять самоуправство и кровную мечь — признаки немирнаго состоянія. На первыхъ порахъ отцы семей, составляющихъ союзъ, соглашаются въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ считать нарушеніе мира (понятіе о преступленіи сводится теперь къ нарушенію мира) искупленнымъ извѣстной пеней и всякій даль-

нѣйшій актъ мести разсматривать, какъ новое нарушеніе мира. Этотъ судъ носить совсѣмъ иной характеръ, чѣмъ судъ отца внутри семьи. Такой совѣтъ отцовъ или стариковъ становится затѣмъ высшимъ учрежденіемъ союза, высшимъ его авторитетомъ, и онъ вполне естественно получаетъ такое значеніе, являясь фактическимъ соединеніемъ отдѣльныхъ отцовскихъ властей. Мы встрѣтимъ еще это учрежденіе въ его самомъ незамѣтномъ, зачаточномъ состояніи у сѣверогерманскихъ племенъ; оно существовало у союзныхъ колѣнъ евреевъ до времени царей; подъ названіемъ сената оно прославилось въ древнемъ Римѣ.

Но эта позднѣйшая, эта западноазиатская и европейская форма организаціи не есть непремѣнно республиканская. Она возникаетъ не отдѣльно и независимо отъ стараго семейнаго устройства, въ основѣ котораго лежитъ *отцовское право*, она сама можетъ сочетаться съ этими старыми формами, украшать и укрѣплять себя ими, заимствовать ихъ элементы и подражать имъ; она можетъ поставить свои новыя созданія подъ санкцію древняго освященнаго авторитета. Такъ, соединенныя еврейскія колѣна, тѣснимыя извнѣ, пожелали имѣть «царя», какъ «другіе народы», по образцу государствъ внутренней Азіи, и священникъ «помазалъ» имъ царя, подобно тому, какъ въ древности помазывалось всякое другое изображеніе, когда нужно было ввести въ него божественный духъ. Точно также во главѣ союза римскихъ семей является полусказочный царь, по своей внѣшности настоящій фетишъ божества; также и сѣверные германцы ставили во главѣ своихъ союзовъ короля, который въ языческое время былъ вмѣстѣ съ тѣмъ, подобно римскому царю, первымъ жрецомъ государства, и отъ котораго они ожидали, что онъ доставитъ своей странѣ богатые урожаи. То обстоятельство, что напр. римскій царь ограничивается исключительно завѣдываніемъ культа, открываетъ и для второй формы путь къ республикѣ. Если этого нѣтъ, то мы получаемъ первичную форму древнѣйшей конституціонной монархіи. Власти раздѣлены между царемъ и совѣтомъ или сенатомъ. Послѣдній является представителемъ объединеннаго народа, и въ началѣ это представительство основывается на древнемъ семейномъ устройствѣ отдѣльныхъ частей союза. Поэтому возможныя послѣдующія измѣненія этого представительства завясутъ отъ измѣненій въ институтѣ отцовской власти, и къ ней мы вслѣдствіе этого должны здѣсь еще разъ вернуться.

Сдѣлаться отцомъ въ семьѣ стараго типа можно было различными способами; но такъ какъ различныя времена и различныя народы избираютъ преимущественно какой-нибудь одинъ изъ этихъ способовъ, и онъ изъ обыкновенія дѣлается обычаемъ, а изъ обычая — закономъ, то возникаютъ различныя организаціи. Тамъ и сямъ сохранился выборъ главы семейства всѣми его членами; мы не знаемъ однако, имѣлъ-ли этотъ способъ въ древности болѣе или менѣе широкое распространеніе. Чаще отцомъ дѣлался самый старшій въ семьѣ, почему у многихъ народовъ такой отецъ называется старикомъ; названіе совѣта «старѣйшинъ», которое у многихъ народовъ дается представительному собранію, объясняется такимъ-же образомъ. Но весьма возможно, что отецъ, который такъ неограниченно всѣмъ распоряжается, самъ каждый разъ назначаетъ себѣ преемника. Этотъ порядокъ открываетъ дорогу новымъ общественнымъ формамъ. Понятно, что отецъ отдастъ въ своемъ выборѣ предпочтеніе ближайшимъ родственникамъ, дѣтямъ своей жены или женъ, и обходить болѣе далекихъ. Если это обыкновеніе становится закономъ, то семья стараго типа раздѣляется на двѣ неравныя части: только одна изъ многихъ отдѣльныхъ семей пользуется тѣмъ цѣннымъ преимуществомъ, что изъ ея среды избирается отецъ и господинъ, въ то время какъ всѣ прочія семьи находятся въ подчиненномъ

положеніи. Въ предѣлахъ господствующей семьи отецъ можетъ получить свое званіе различными способами, тутъ приложимы всѣ вышеупомянутые способы: отецъ можетъ избираться членами господствующей семьи, назначаться своимъ предшественникомъ, наконецъ званіе отца можетъ переходить къ старѣйшему или къ перворожденному. Въ послѣднемъ случаѣ развивается наслѣдованіе по старшинству и по первородству. Если даже только одинъ человѣкъ изъ такой отдѣльной семьи получаетъ господство надъ всѣмъ родомъ, то это обстоятельство даетъ всѣмъ членамъ этой семьи извѣстное преимущество, они возвышаются надъ прочими членами рода въ качествѣ прирожденныхъ властителей. Такъ, изъ этихъ семей развивается патриархальная наслѣдственная знать, и народное представительство, состоящее изъ главъ такихъ семей, является аристократическимъ. Благодаря отчужденію, которое такимъ образомъ наступаетъ между господствующимъ семействомъ и подчиненными и которое должно совершенно измѣнить самый характеръ союза, узурпація отповекой власти одной изъ семей является первымъ шагомъ къ разрушенію рода. Создаются новыя общественныя формы, которыя отличаются другъ отъ друга въ зависимости отъ тѣхъ обстоятельствъ, при которыхъ наступило *разложеніе рода*.

Результатъ зависитъ главнымъ образомъ отъ развитія понятія о собственности, которое въ свою очередь зависитъ отъ характера хозяйственной дѣятельности народа. Относительно древнѣйшаго времени вообще можно говорить только о понятіи владѣнія, а владѣніе ограничивается только движимымъ имуществомъ. Наслѣдственного права не существуетъ; что человѣкъ пріобрѣлъ въ свое владѣніе, то слѣдуетъ за нимъ въ могилу, потому что въ противномъ случаѣ духъ его не могъ-бы успокоиться. Нищета жизни есть результатъ такого порядка; богатства не накаплиются, не существуетъ никакихъ средствъ производства, всякій долженъ себѣ снова добывать всю обстановку жизни; прогрессъ почти невозможенъ. Мало-по-малу однако нужда заставляетъ выторговывать у мертвецовъ самое необходимое для живыхъ, возникаетъ передача имущества по наслѣдству и накопленіе богатствъ. Украшенія и орудія остаются въ тѣсномъ кругу близкихъ; пастбища пока еще никому не принадлежатъ; но когда понятіе о собственности переходитъ и на нихъ, вслѣдствіе конкуренціи другихъ племенъ, то они считаются принадлежащими только всей общинѣ, всему роду вмѣстѣ; отдѣльному лицу не принадлежитъ ни одного куска земли. Затѣмъ земля получаетъ иное употребленіе; все большія и большія пространства ея начинаютъ обрабатываться подъ растенія, дающія пищу. Для этой цѣли обрабатывающей землю беретъ ее въ пользованіе отъ собственника, т. е. рода или племени; въ такомъ случаѣ земледѣльцу принадлежатъ только плоды его труда. Наконецъ земледѣлецъ осѣдаетъ совершенно на мѣстѣ, на своемъ разработанномъ участкѣ. Почему земля подъ его очагомъ, подъ его хижиной не должна принадлежать ему? Понятіе о собственности прогрессируетъ; постепенно и земля дѣлается предметомъ частной собственности. Сперва отдѣльныя лица или семейства дѣлаются собственниками своихъ дворовыхъ мѣстъ, затѣмъ ихъ собственностью дѣлается часть прежней общинной земли, и только осталшая ея часть продолжаетъ быть собственностью всей общины. При этомъ чрезвычайно важно то, съ какимъ моментомъ этого постепеннаго развитія права собственности совпадаетъ отдѣленіе господствующей семьи отъ подчиненныхъ, знати отъ подданныхъ. Если это распаденіе происходитъ тогда, когда часть земли находится уже въ отдѣльномъ обладаніи семей, то въ такомъ случаѣ, разумѣется, господствующая семья можетъ распоряжаться только остаткомъ общинной земли. Если-же вся земля находилась въ данный моментъ въ

нераздѣльномъ владѣніи всего рода, то господствующая семья завладѣваетъ всей землей, всѣ же другія семьи дѣлаются неимущими и, обрабатывая, какъ и прежде, по приказу отцовской власти опредѣленные пространства земли, становятся крѣпостными и рабами. Чѣмъ ближе народъ при такой переменѣ стоитъ къ кочевому состоянію, тѣмъ вѣрнѣе постигаетъ его такая судьба. Рабство можетъ принимать различныя, *болѣе* или *менѣе* тяжелыя формы; оно дѣлается тѣмъ тяжелѣе, чѣмъ больше рабовъ можно пріобрѣтать со стороны. Такое пріобрѣтеніе уничтожаетъ уже совершенно всякое воспоминаніе о томъ, что рабы и господа составляли нѣкогда одну семью. Подобное рабство существуетъ, разумѣется, только у тѣхъ народовъ, которые прошли ступень кочевого состоянія. Американскіе индѣйцы не знали рабства, и поэтому этотъ непокорный народъ не годился въ рабы бѣлымъ, которые должны были добывать себѣ чернокожихъ, прошедшихъ школу рабства въ кочевомъ состояніи.

Какимъ-бы образомъ однако ни происходило раздѣленіе родовой собственности, во всякомъ случаѣ у господствующей семьи оставалось въ качествѣ наслѣдства древнее отцовское *право наказанія*. Въ настоящее время принято называть эти отношенія феодальными, но существомъ ихъ и основой является моментъ патриархальный; это остатокъ организаци, существовавшей въ кочевомъ состояніи. Присоединившаяся сюда ленная система въ значительной мѣрѣ увеличила разстояніе между господами и подданными, такъ какъ тѣ, кто получили ленныя владѣнія, не были связаны уже рѣшительно никакой традиціей со своими подданными, и ихъ господство такимъ образомъ утратило совершенно всякій отеческій характеръ. Извѣстное число народовъ, какъ мы видѣли, останавливалось передъ каждой новой ступеню въ развитіи заботъ о поддержаніи жизни и не шло дальше. Такъ и теперь. Не всѣ народы достигли кочевого быта, еще меньшее число пошло дальше. Если формы хозяйственной дѣятельности, существовавшія въ кочевомъ бытѣ, и исчезли, то соотвѣтствующая имъ организаци осталась единственной основой дальнѣйшаго развитія. Въ моментъ перехода къ кочевому быту Новый Свѣтъ отсталъ отъ Стараго. Теперь-же южная и западная Европа отдѣляются отъ сѣверо-восточной, линія разрыва проходитъ черезъ середину Европы, а родиной новыхъ формъ жизни является какъ разъ Новый Свѣтъ.

Въ сущности эта новѣйшая форма организаци тождественна съ той «второй», которую мы разсматривали выше. Это та-же форма, которая побѣдила въ борьбѣ греческой культуры съ азіатской, но только болѣе совершенная, не страдающая возвратами къ старому, не опирающаяся на старое, свободная отъ всякихъ переживаній. А такими переживаніями являются отцовская власть, выходящая за предѣлы отдѣльной семьи, фетишизмъ и религіозный характеръ власти съ одной стороны, рабство— съ другой. Эта новѣйшая форма развилась только постепенно и появлялась сперва спорадически. Она соотвѣтствуетъ новѣйшей ступени хозяйственной жизни, ее приносятъ съ собой тѣ люди, которые переселяются специально для того, чтобы вести осѣдлое хлѣбнашество, заниматься промышленностью и торговлей; для такой колонизаци она является специфической формой общественнаго быта. На почвѣ Стараго Свѣта подобная колонизаци должна была все-таки въ нѣкоторой степени пріиспособляться къ сохранившимся вездѣ старымъ отношеніямъ; куда-бы ни приходилъ колонистъ-крестьянинъ, въ аббатѣ, въ епископѣ, въ королѣ онъ встрѣчалъ отца-господина, который уже захватилъ право собственности на землю. Колонисты, торговцы и ремесленники изъ городовъ переселяются на такія мѣста, гдѣ уже до нихъ поселились въ качествѣ судей главы патриархальныхъ семей. Земледѣльцамъ пред-

стояла такимъ образомъ борьба съ патриархальной властью, торговцамъ и ремесленникамъ—борьба съ патрицианскими «родами». Сѣверная Америка не знаетъ и этой борьбы. Тѣмъ не менѣе и въ Европѣ колонизація проложила новые пути общественнаго развитія. Кочевникамъ въ виду того способа, которымъ они занимаютъ землю и эксплуатируютъ ее, всего выгоднѣе выступать сомкнутыми массами, цѣлыми родами; земледѣіе, торговля и промышленность не благопріятствуютъ такой концентраціи. Съ колонизаціей всюду выступаетъ на сцену отдѣльная семья, которая свое хозяйство начинаетъ съ пріобрѣтенія отдѣльнаго имущества. Общину колонистовъ не объединяетъ семейная связь, ни даже воспоминаніе о ней. Основой права и мира является договоръ равноправныхъ, и даже тамъ, гдѣ еще существуетъ право отцовской власти, права и обязанности разграничены договоромъ. Противоположность между новой и старой организаціей получаетъ свое полное выраженіе въ городскихъ общинахъ. Всю Западную Европу мало-по-малу охватываетъ борьба этихъ двухъ формъ; она часто ведется съ переменнымъ успѣхомъ, — самымъ различнымъ оружіемъ, въ самыхъ разнообразныхъ сферахъ и стихаетъ, благодаря ряду компромиссовъ. Сферы государственнаго устройства, суда, формъ подчиненности, общинныхъ порядковъ—все это театры этой борьбы, отъ которой избавленъ Новый Свѣтъ. Ни въ одномъ изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ началась эта борьба, старая общественная форма не уцѣлѣла вполнѣ; на многихъ пунктахъ новая форма побѣдила совершенно, всюду она распатала старыя формы и по крайней мѣрѣ подорвала ихъ союзника — суевѣріе. Таковы въ общихъ чертахъ ходъ той исторіи общественности, отдѣльными частями которой мы займемся теперь подробнѣе. Мы предпослали этотъ историческій очеркъ потому, что въ дальнѣйшемъ нашемъ изложеніи намъ не всегда будетъ возможно придерживаться послѣдовательности во времени. Въ нашей области, само собой разумѣется, не можетъ существовать никакой опредѣленной хронологіи періодовъ; она была-бы возможна только для отдѣльныхъ народовъ и государствъ. Но ими мы будемъ заниматься лишь настолько, насколько это необходимо для уясненія развитія общественныхъ формъ вообще.

Древнѣйшая форма семьи.

Ни состояніе современныхъ дикарей, ни историческіе факты, отъ которыхъ можно было-бы заключать къ еще болѣе отдаленному времени, не говорятъ въ пользу того предположенія, что у людей когда либо, даже на самой низкой ступени развитія, не существовало никакой групповой организаціи. А историческое и этнологическое изученіе рядомъ съ такъ называемымъ доисторическимъ, которое также не даетъ никакихъ доказательствъ въ пользу совершенно неорганизованнаго состоянія людей, являются главными средствами для возстановленія прошлыхъ судебъ человѣчества. Если же мы сдѣлаемъ еще одинъ шагъ дальше, въ поискахъ за аналогіями, если мы спустимся до отдаленныхъ родственныхъ члѣвѣка въ животномъ царствѣ, то такое сравненіе заставитъ насъ также сдѣлать скорѣе противоположное заключеніе. Большія общества низшихъ организмовъ, правда, являются мѣстными скопленіями особей и не представляютъ никакой организаціи. У вышнихъ животныхъ сфера дѣйствій индивида расширяется; но на мѣсто того скопленія, которое мы видимъ у низшихъ животныхъ, является въ мелкихъ группахъ болѣе органическое соединеніе, обусловленное взаимной зависимостью. Останавливаясь внимательнѣе на этой зависимости, мы видимъ, что она выражается главнымъ образомъ въ отношеніяхъ между потомствомъ и матерью. Они образуютъ на

болѣе или менѣе продолжительное время тѣсно сплоченную группу, и продолжительность ея существованія зависитъ прежде всего отъ того, какъ долго потомство остается безпомощнымъ. Такія животныя, какъ рыбы и пресмыкающіяся, которыя безъ помощи родителей выходятъ изъ яйца и тотчасъ находятъ себѣ пищу и, либо благодаря подвижности и ловкости особи, либо въ силу колоссальнаго размноженія рода, застрахованы отъ уничтоженія, не образуютъ, не смотря на мѣстное скопленіе особей, никакихъ органическихъ группъ. Съ другой стороны, среди низшихъ животныхъ мы замѣчаемъ настоящія, благодаря наследственной передачѣ способовъ воспитанія, изумительно развитыя организациі, и степень ихъ развитія опредѣляется тѣмъ, какъ долго дѣтеныши нуждаются въ заботахъ матери. Куколка пильщика (литографа), какъ только выльзла изъ яйца, начинаетъ грызть тотъ листъ, на которомъ она родилась. Всѣ воспитательныя заботы, соотвѣтственно этому, ограничиваются выборомъ мѣста для кладки яицъ, и потому у пильщиковъ мы не найдемъ и слѣда той организациі, которая характеризуетъ ихъ близкихъ родственниковъ; но зато у послѣднихъ потомство въ той-же мѣрѣ отличается безпомощностью. Она-то и создаетъ организованныя группы, и ихъ средоточіемъ и носительницей воспитательныхъ заботъ всегда является самка, мать. Половому дѣленію соотвѣтствуетъ уже извѣстное раздѣленіе труда, и въ нашей первичной организациі мужской полъ играетъ совершенно подчиненную роль. Всѣ заботы о пропитаніи несуть на себѣ самки. Если и среди него является новое раздѣленіе труда, приблизительно аналогичное прежнему, то возникаютъ долговѣчныя организациі, такія изумительныя, какъ напримѣръ пчелиное государство. Основательница пчелинаго государства также — самка; всѣ самки этой общины участвуютъ въ охраненіи и воспитаніи потомства, всѣ онѣ строятъ ячейки, кладутъ яйца и снабжаютъ потомство медомъ. Ежегодно эти организациі распадаются и снова образуются. Но въ пчелиномъ государствѣ размноженіе рода достается на долю одной только самки, которая зато не занимается воспитаніемъ, между тѣмъ какъ прочія самки посвящаютъ себя исключительно ему. При такомъ раздѣленіи труда накапливаются запасы пищи, превосходящія потребности одного выводка, и организациі становятся болѣе прочной. У высшихъ животныхъ мы замѣчаемъ прогрессъ организациі въ другомъ направленіи. Во-первыхъ мать можетъ опять-таки явиться средоточіемъ все еще незначительной организациі, которая подъ ея руководствомъ существуетъ не долѣе, чѣмъ этого требуетъ безпомощность дѣтенышей. Такъ, молодыхъ козулей мы встрѣчаемъ исключительно въ обществѣ ихъ матери. Но кромѣ этой какъ-бы самой естественной и древнѣйшей организациі является такая, гдѣ руководство принадлежитъ самому сильному и опытному самцу. Естественное основаніе первой организациі заключается въ необходимости заботиться о дѣтенышахъ, кормить ихъ и руководить ими, вторая — вытекаетъ изъ потребности обезпечить успѣшную дѣятельность взрослыхъ особей. Размѣры первой организациі всегда ограничены, вторая способна неопредѣленно расширяться. Такая организациі встрѣчается среди нѣкоторыхъ изъ болѣе слабыхъ хищниковъ. Объ африканскихъ гіенахъ наприм., рассказываютъ, что онѣ цѣлыми стадами подъ предводительствомъ одного животнаго въ изумительномъ порядкѣ производятъ настоящія облавы. Изъ этихъ двухъ элементарныхъ группъ путемъ комбинаціи у высшихъ животныхъ могутъ возникать разнообразныя организациі. Изъ группъ второго типа могутъ временно выдѣлаться самки съ дѣтенышами, если цѣли обѣихъ организациі придутъ въ столкновеніе. Такимъ образомъ возникаютъ отдѣльные союзы съ одной стороны самокъ и молодыхъ животныхъ, съ другой стороны — самцовъ, какъ это хорошо извѣстно охотникамъ. Но и самецъ можетъ принимать по-

средственное или непосредственное участіе, если не въ уходѣ за дѣтенышами, то въ ихъ прокормленіи. Участіе въ уходѣ мы находимъ у гнѣздящихся птицъ, въ прокормленіи—у нѣкоторыхъ хищниковъ. Отъ степени этого участія должна зависѣть продолжительность связи между обоими полами, и это мы дѣйствительно видимъ въ природѣ.

Мы должны были обратить вниманіе читателя на эти факты, но не для того, чтобы съ ними непосредственно связать нашу тему, на томъ основаніи, что будто бы семейная организація людей представляетъ непосредственное дальнѣйшее развитіе одной изъ указанныхъ формъ животной общественности. Намъ нужно было только показать, какъ въ естественной безпомощности потомства въ связи съ естественнымъ-же инстинктомъ сохраненія рода, обусловливающимъ самое существованіе послѣдняго, лежитъ побужденіе къ организаціи, дѣйствующее даже у самыхъ неразумныхъ существъ съ большей или меньшей силой. Въ сравненіи съ этимъ инстинктомъ другой,—по природѣ перемежающійся—половой, оказываетъ гораздо меньшее вліяніе на созданіе болѣе или менѣе прочныхъ организацій. Организацію, созданную человѣкомъ, насколько мы можемъ проникнуть въ его древнѣйшую жизнь, нельзя отнести дѣликомъ ни къ одной изъ указанныхъ выше формъ: она принимала различныя формы, и переходы отъ одной къ другой совершались еще въ историческое время. Замѣтныя во всякомъ случаѣ сходства между ними получаютъ свое удовлетворительное объясненіе въ однородности дѣйствующихъ естественныхъ причинъ.

Ребенокъ требуетъ большаго и болѣе продолжительнаго попеченія, чѣмъ потомство какого-либо животнаго, и мать одна отъ природы обладаетъ способностью проявлять эти заботы, не прибѣгая къ искусственнымъ средствамъ, являющимся уже на болѣе поздней ступени культуры. Въ этомъ лежитъ зародышъ той интимной связи между матерью и ребенкомъ, которая и съ исторической точки зрѣнія является первоосновой всякой человѣческой организаціи; а въ то-же время объясняется, почему въ этой первичной организаціи мужчина не выступаетъ ни господствующимъ, ни даже равноправнымъ членомъ. Постоянство брака, на которомъ теперь основывается семейная организація, предполагаетъ такую степень развитія техники пропитанія, которая немислима въ началѣ культурной жизни. Легче, чѣмъ человѣкъ, могли нѣкоторыя животныя породы, стоявшія въ благопріятныхъ условіяхъ, придти къ моногамической и болѣе продолжительной связи, такъ какъ промежутокъ времени, втеченіи котораго ихъ потомство нуждалось въ попеченіи, не былъ продолжительнѣе естественныхъ перерывовъ въ удовлетвореніи половой потребности или способъ кормленія не стоялъ ни въ какой физиологической связи съ другими функціями. Человѣкъ былъ поставленъ въ менѣе благопріятныя условія и ему было дано подняться путемъ умственной работы; ему не тотчасъ и не такъ легко удалось достигнуть такой организаціи, которая соотвѣтствуетъ самымъ лучшимъ способамъ поддержанія жизни и нашимъ нравственнымъ идеаламъ. Мы видимъ поэтому, что до сихъ поръ эта форма развилась у небольшого числа культурныхъ народовъ, ушедшихъ всѣхъ дальше по пути прогресса, и даже у нихъ она больше, чѣмъ мы готовы признать, находится въ борьбѣ съ переживаниями старины; поэтому-то у нецивилизованныхъ народовъ мы находимъ почти всѣ ступени развитія брака и семьи сохранившимися или нѣликомъ, или по крайней мѣрѣ въ рудиментарныхъ нравахъ и обычаяхъ. Гренландскіе эскимосы представляютъ еще народъ, который, совершенно не занимаясь земледѣліемъ, не въ состояніи добывать пищу, могущую уже въ нѣжномъ возрастѣ замѣнить для ребенка молоко матери; переходъ къ питанію жирнымъ тюленьимъ мясомъ чрезвычайно труденъ для младенца и невозмо-

женъ въ то время, когда у насъ ребенокъ приучается къ животному молоку и мягко сваренной хлѣбной пищѣ. Естественныя послѣдствія такого порядка вещей мы можемъ и теперь еще весьма ясно замѣтить: «матери носятъ съ собою дѣтей въ платьѣ на спинѣ всюду, куда-бы онѣ ни шли, и кормятъ ихъ грудью до *третьяго* и *четвертаго* года и даже *дольше*, такъ какъ у нихъ нѣтъ средствъ добыть нѣжную дѣтскую пищу. Поэтому многія дѣти и умираютъ въ тѣхъ случаяхъ, когда они должны уступать грудь другимъ, прежде чѣмъ сами могутъ выносить твердую пищу». Такъ повѣствуетъ миссіонеръ Кранцъ въ своей «Исторіи Гренландіи». Мы уже знаемъ, что человѣчество нѣкогда всюду страдало отъ трудности добыванія такой переходной пищи. Ея не было совершенно до употребленія огня для варки, лучшей ея части люди не имѣли до тѣхъ поръ, пока не научились доить животныхъ, т. е. до кочевого скотоводства. Такимъ образомъ мы знаемъ, что въ продолженіи неподдающагося измѣренію времени первоначальнаго развитія у всего человѣчества способъ кормленія дѣтей опредѣляется вышеуказаннымъ импульсомъ. На самомъ дѣлѣ и теперь мы все еще находимъ у многихъ низшихъ народовъ обычай кормить дѣтей молокомъ матери втеченіи ряда лѣтъ, да и цивилизованные народы до сихъ поръ помнятъ о томъ времени, когда у нихъ существовалъ такой-же обычай. Ставятъ-же еще современные писатели, вродѣ Риля, атавизмъ этого рода въ заслугу предкамъ. Исторія культуры знаетъ много такихъ вынужденныхъ добродѣтелей. Однако нашъ миссіонеръ тотчасъ-же обратилъ вниманіе на то весьма дурное обстоятельство, которое можетъ быть связано съ такой «естественной жизнью»: «поэтому многія дѣти и умираютъ въ тѣхъ случаяхъ, когда они должны уступать грудь, прежде чѣмъ сами могутъ выносить твердую пищу». Лишатъ дѣтей жизни до рожденія или при самомъ рожденіи было, какъ мы еще увидимъ дальше, въ «естественномъ состояніи», т. е. въ то время когда техника поддержанія жизни была слабо развита, общераспространеннымъ средствомъ облегченія жизни, и только въ эпоху римской имперіи стали ограничивать этотъ способъ, и это стремленіе увѣнчалось успѣхомъ лишь послѣ торжества христіанства. Однако, хотя недостатокъ средствъ для поддержанія жизни и безпомощность въ этомъ отношеніи такъ безконечно часто принуждали людей прибѣгать къ этому безчеловѣчному способу, всетаки уже довольно рано симпатія матери къ ребенку вышла за предѣлы инстинкта, и мать научилась размазывать дитя, какъ самостоятельную личность, и любить его. Еще до сихъ поръ существуетъ у многихъ племенъ обычай дѣтоубійства, но эти дикіе народы стоятъ на двухъ различныхъ ступеняхъ культурнаго развитія, сообразно съ тѣмъ, дозволено-ли у нихъ дѣтоубійство лишь до момента рожденія (включительно), или-же судьба дѣтей и далѣе остается неопредѣленной. Во всякомъ случаѣ на первыхъ порахъ материнская любовь является для ребенка его ангеломъ-хранителемъ. Довольно рано образуется обязательный обычай сохранять жизнь ребенка цѣной жертвы со стороны матери. Въ примѣненіи къ тому безпомощному времени эта обязанность заключаетъ въ себѣ положительное требованіе, не позволяющее, чтобы младенецъ, который кормится, какъ уже выше указано, втеченіи ряда лѣтъ, принужденъ былъ уступать грудь другому ребенку. Не безъ удивленія находили путешественники у совершенно дикихъ племенъ свято чтимый законъ, обязывающій женщину у все время кормленія ребенка, продолжающагося нѣсколько лѣтъ, прервать всякія брачныя отношенія. Нарушеніе этого вѣдѣнія тяготитъ совѣсть людей, какъ убійство, и даже наравнѣ съ нимъ требуетъ кровной мести со стороны родственниковъ ребенка. Это воззрѣніе нашло свое выраженіе въ томъ повидимому лишь безчеловѣчномъ восточно-африканскомъ обычаѣ, по которому мать, потерявшая грудного

ребенка, встрѣчаетъ не состраданіе, но публичное насмѣхательство и оскорбительную кару. Въ основѣ такого образа дѣйствій лежитъ однако лишь неправильное обобщеніе, по которому считается, что мать всякаго умершаго ребенка не принесла послѣдному требуемой отъ нея закономъ жертвы. Первая прочная семейная организація создается тамъ, гдѣ материнская любовь — только она достаточно сильна для этого — приносить такую жертву воздержанія. Она соединяетъ на первыхъ порахъ только мать и дитя; отецъ не занимаетъ въ ней никакого постоянного мѣста, его ничто не принуждаетъ къ такой-же жертвѣ. Такимъ образомъ сперва только мать становится прочнымъ средоточіемъ организаціи, хотя бы и очень скромной. Связь, соединяющая мальчиковъ и дѣвочекъ съ матерью, является болѣе прочной, чѣмъ та, которая существуетъ у какой-бы то ни было животной породы, и въ этомъ отношеніи болѣе продолжительная безпомощность человѣческаго потомства оказываетъ благоприятное вліяніе. Мать ни въ какомъ случаѣ не можетъ, даже если она принадлежитъ къ самому дикому племени, забыть всю ту любовь и тѣ жертвы, которыя воплощены въ ея ребенкѣ — онъ остается частью ея плоти и ея духа. Дитя-же подъ непосредственными заботами матери вырастаетъ и приходитъ въ тотъ возрастъ, когда его разумъ начинаетъ просыпаться, понимать материнскую любовь, чувствовать, что его зависимость окончилась, когда въ немъ пробуждается благодарность, и на любовь матери онъ отвѣчаетъ взаимностью. Путешественниковъ удивляло, когда между неграми самые крѣпкіе мужчины въ минуту внезапной опасности призывали *мать*, какъ будто какой-то всемогущій инстинктъ исторгалъ изъ ихъ груди это восклицаніе. Если мы сообразимъ, какъ мало можетъ при первобытной простотѣ жизни сдѣлать отецъ для ребенка, то мы безъ труда поймемъ, почему въ сердцѣ дикаря имя матери и память о ней запечатлѣны глубже; да, чѣмъ проще жизнь, тѣмъ глубже и исключительнѣе любовь къ матери.

Въ то-же время въ этой простѣйшей организаціи мать явственно выступаетъ, какъ представительница постоянства и спокойствія; мужчина-же отличается подвижностью и безпокойнымъ нравомъ. Пусть въ настоящее время стремятся стереть тѣ физиологически обусловленные различія, которыя проявляются во всемъ общественномъ положеніи обоихъ половъ, и пусть культурный прогрессъ общааетъ нѣкоторый успѣхъ этой уравнивательной тенденціи—доисторическое время знало въ этомъ отношеніи только противоположности. Эти противоположности обострялись еще тѣмъ, что человѣкъ не привязанъ къ какому-нибудь одному способу пропитанія, чѣмъ онъ выгодно отличается отъ большинства животныхъ, а между тѣмъ различные способы добыванія пищи въ очень различной мѣрѣ могли быть доступны обоимъ поламъ. Мужчинѣ легче было посредствомъ охоты удовлетворять свой плотоядный голодъ, чѣмъ женщинѣ, для которой это иногда было совершенно невозможно. Мы должны тутъ опять-таки оставить наше время и заимствованныя изъ него представленія. Наше время знаетъ прекрасныхъ охотницъ, но это уже болѣе не матери, которыя втеченіи ряда лѣтъ веюду, на всѣ работы носить съ собой на спинѣ своего ребенка. Къ тому-же прежде охота съ простымъ оружіемъ очень часто требовала борьбы на близкомъ разстояніи и была опаснѣе, чѣмъ теперь. Такимъ образомъ различія въ способахъ добыванія пищи, описанныя нами въ другомъ мѣстѣ, должны были придать сплотившейся около матери группѣ совсѣмъ иной характеръ, чѣмъ тотъ, которымъ отличались группы мужчинъ, организованныя ради общей охоты.

Противоположность обѣихъ этихъ группъ сказывается особенно въ физиологическихъ воззрѣніяхъ доисторическаго времени. Наши представленія составляютъ

большей частью унаследованное добро; поэтому их источники нельзя искать в томъ, что мы можем сознавать, какъ продуктъ нашего собственнаго воспріятія. Такимъ наслѣдствомъ первобытный человѣкъ не обладалъ. Онъ самъ еще долженъ былъ выводить свои представленія изъ воспріятій, и потому они всѣ соотвѣтствуютъ только той вѣншей сторонѣ вещей, которая именно и поддается непосредственному воспріятію. Это привело человѣка къ тому представленію о существѣ родства, которое теперь сдѣлалось намъ чуждымъ, хотя вся древность до эпохи греческой культуры болѣе или менѣе исключительно придерживалась его. Признакомъ родства первобытный человѣкъ считалъ исключительно тождество крови, и, заимствуя представленіе о послѣднемъ изъ отношеній ребенка къ матери, онъ признавалъ это отношеніе исключительнымъ источникомъ истиннаго и естественнаго родства. Поэтому мы до сихъ поръ говоримъ о кровномъ родствѣ. Если уже рано, съ тѣхъ поръ по крайней мѣрѣ, какъ началась болѣе или менѣе правильная охота, встрѣчаются общества мужчинъ, то всетаки въ нихъ принципъ родства не имѣлъ никакого значенія и даже самое понятіе родства не допускало, чтобы эти общества были организованы на родственномъ началѣ, потому что источникомъ послѣдняго первобытное мышленіе признавало только мать. Если-же мы теперь спросимъ, какой изъ двухъ указанныхъ группъ мы съ большей или меньшей точностью можемъ присвоить семейный характеръ, такъ какъ вѣдь ни одна изъ нихъ не соотвѣтствуетъ вполнѣ нашему понятію о семьѣ, то для насъ не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію, что въ томъ союзѣ матери и ребенка, съ которымъ первобытные люди исключительно связываютъ понятіе о родствѣ, слѣдуетъ искать первый, правда мало развитой, зародышъ семейной организациі.

Въ живомъ видѣ эта древнѣйшая форма семьи очень рѣдко и то точно спасенная какимъ-то чудомъ является въ настоящее время передъ глазами изслѣдователя, но тѣмъ многочисленнѣе ея остатки и воспоминанія объ ней, дошедшія до насъ въ обычаяхъ и нравахъ, въ исторіи, сагахъ и мѣахъ.

То представленіе о родствѣ, по которому источникомъ его является мать, мы называемъ материнствомъ (*Mutterfolge*), а выведенныя изъ него правовыя понятія — материнскимъ правомъ (*Mutterrecht*). Въ такомъ смыслѣ мы употребляемъ это слово, когда говоримъ, что древнѣйшія семьи регулировались материнскимъ правомъ, въ противоположность къ позднѣйшей формѣ семьи, въ которой господствовало отцовское право. Насколько изъ этихъ представленій на самомъ дѣлѣ выводились права, какъ далеко простиралось дѣйствительное господство матери, насколько наконецъ оно распространялось на мужа, — рѣшить это можно только въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. И въ предѣлахъ «материнскаго права» мыслимы самыя различныя ступени развитія организациі, начиная съ матери, все богатство которой заключается въ ея ребенкѣ, и кончая матерью, которая, подобно царицѣ, властвуетъ надъ сыновьями, внуками и внучками, и за которой ухаживаютъ мужчины, ищущіе благосклонности ея дочерей.

Въ послѣднемъ случаѣ мы можемъ легко представить себѣ картину такой семьи подъ господствомъ материнскаго права. Женщина, уже рано обремененная заботами о ребенкѣ, не можетъ слѣдовать всюду за мужемъ въ его подвижной жизни; она избѣгаетъ опасныхъ столкновеній съ животными, онъ постоянно ищетъ ихъ. Въ сравненіи съ жизнью мужчины — жизнь женщины рано становится наполовину осѣдой. Кровь, который она готовитъ ребенку, заборъ, который она устраиваетъ для защиты его отъ вѣтра, огонь, напрестанно ею поддерживаемый — вотъ начатки дома. Поэтому жена дѣлается правительницей дома и долго, у нѣкоторыхъ племенъ и до

сихъ поръ, сохраняется обычай, по которому только жена работаетъ надъ постройкой палатокъ и хижинъ, и только ей одной принадлежитъ жилище. Поддерживая и охраняя огонь, она является госпожей домашняго очага, котораго нѣтъ у мужчины-охотника. Въ качествѣ госпожи очага она хранитъ и раздѣляетъ предусмотрительно приготовленную пищу; до сихъ поръ она господствуетъ въ кухнѣ, и это господство имѣетъ болѣе почетную исторію, чѣмъ всѣ триумфы эманципаціи. Руки женщины впервые вертѣли жерновъ, она, первая, ради своей дорогой ноши - ребенка не участвуя въ охотѣ, заботливо, съ трудомъ отыскивала и собирала питательныя съмена злаковъ, и тамъ, гдѣ они росли, избирала мѣсто для очага, а впослѣдствіи научилась искусно выращивать ихъ на избранномъ мѣстѣ. Все это уже извѣстно читателямъ *). Такимъ образомъ женщина первая дала образецъ предусмотрительнаго трудолюбія и сдѣлалась матерью земледѣлія. Ея яства не обильны и не изысканны, но собранные ею запасы поддерживаютъ жизнь, когда мужчинамъ послѣ неудачной охоты угрожаетъ голодъ. Тутъ въ домѣ матери и подъ ея охраной и господствомъ живутъ дѣти; мальчики остаются до тѣхъ поръ, пока они, не нуждаясь ни въ какой охранѣ, не стануть дѣлать съ мужчинами опасности ихъ жизни; дѣвочки—навсегда. Служа матери и поддерживая ее, онѣ примыкаютъ къ ней; рано принимаютъ онѣ на себя—какъ это мы видимъ до сихъ поръ у болѣе безпечныхъ народовъ и въ южныхъ широтахъ—материнскія обязанности, и такимъ образомъ расширяютъ домъ: одно поколѣніе быстро слѣдуетъ за другимъ. При этомъ мать скоро можетъ сдѣлаться госпожей надъ внуками и правнуками. Дѣвушка, отдающаяся мужчинѣ, не слѣдуетъ за нимъ въ его домъ,—у мужчины нѣтъ дома, лишь только охота увлекла его изъ дома его матери. Онъ—бродяга, и только предметъ его любви привязываетъ его къ постоянному жилищу, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока продолжается такой бракъ.

Такимъ образомъ женщина остается въ домѣ матери или по крайней мѣрѣ, если домашняя жизнь еще прочно не утвердилась, втеченіи всей жизни считается принадлежащей къ племени матери и должна жить съ нимъ, такъ какъ не существуетъ никакой другой естественной организаціи; мужчина-же черезъ свою жену становится въ болѣе или менѣе слабую зависимость отъ ея племени, то-есть отъ его руководительницы-матери. Какъ ни проста эта схема организаціи, она могла всетаки при присоединеніи новыхъ элементовъ, напримѣръ понятія о собственности и т. п., достигнуть болѣе или менѣе значительнаго разнообразія формъ. Такъ какъ дѣвушки совсѣмъ не раздѣляли съ юношами потребности оставлять материнскій домъ, а напротивъ мать нуждалась въ ихъ помощи, то въ концѣ концовъ и должно было возникнуть обыкновеніе, напоминающее намъ тотъ капризъ природы, по которому у самокъ нѣкоторыхъ насѣкомыхъ органы движенія плохо развиты, тогда какъ легкокрылые самцы перепархиваютъ съ мѣста на мѣсто. Это ограниченіе, наложенное на женскій полъ и являющееся результатомъ взаимодѣйствія привычки и физиологическихъ условій, сдѣлалось важнымъ ферментомъ культурнаго развитія человѣчества.

Вырастающій среди природы мужчина всюду обнаруживаетъ какое-то естественное отвращеніе къ осѣдлости и постоянному труду, а между тѣмъ извѣстная доля того и другаго есть необходимое условіе болѣе высокой культуры; если материнской любви мы обязаны первымъ зародышемъ организаціи, то *подчиненіе* бродяги—мужчины домашней дисциплинѣ и пріученіе его къ домашней жизни есть дѣло жены и половой любви. Домъ съ его ненавистными ограниченіями сдѣлался привлекатель-

*) См. первый отдѣлъ.

нымъ для блуждающихъ мужчинъ не столько благодаря своимъ скуднымъ запасамъ растительной пищи, сколько въ качествѣ жилища женской молодежи. Этого уже было конечно достаточно, чтобы эта организація, гдѣ мать являлась госпожей, знавала, какое она имѣетъ значеніе для мужчины. Къ такому сознанию долженъ былъ привести не особенно большой прогрессъ. Развѣ можно было даромъ отдавать тотъ запасъ пищи, который потреблялся мужчиной? Этотъ практическій вопросъ рѣшался отрицательно уже на самой ранней ступени развитія. Весь домъ или, въ качествѣ его представительницы, мать, господствовавшая въ немъ, требовала *отплаты*, характеръ которой самъ собой вытекалъ изъ экономическихъ условій того времени. Мужчина, который сталъ теперь жить въ семьѣ или, вѣрнѣе, въ поселеніи, находящемся подъ управленіемъ матери-повелительницы, сдѣлался въ то-же время гостемъ этого очага. Поэтому онъ долженъ былъ отплачивать за то, что онъ потреблялъ, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ-же размѣрахъ, въ какихъ это дѣлали мальчики, не оставившіе еще дома матери и участвовавшіе подъ ея руководствомъ въ домашнихъ работахъ.

Мы видимъ, слѣдовательно, что принятіе мужчины въ такую семью зависѣло отъ условій, вытекавшихъ прежде всего изъ необходимости заботиться объ очагѣ и кухнѣ. На этой почвѣ, стало быть, женская хозяйственная дѣятельность сблизилась съ рѣзко отграниченной отъ нея мужской. Плоды охоты переходили въ руки женщины, которая сохраняла то, что мужчина добывалъ. Такимъ образомъ мужчины, хотя и сохраняли, въ противоположность всегда занятой женщинѣ, постоянную склонность переходить отъ возбуждающей опасности къ лѣнивому спокойствію, не были однако тѣми праздными трутнями, которыхъ воспитываетъ пчелиное государство. Поэтому для материнскаго дома могло быть иногда весьма цѣннымъ имѣть какъ можно больше мужчинъ, а для этого нужно было по возможности крѣпче удерживать выросшихъ въ немъ и также привлекать въ него чужихъ. Человѣчество въ своемъ культурномъ развитіи идетъ оцупью, какъ слѣпой въ лабиринтѣ. И вотъ оно радо всякому мѣсту, гдѣ свѣжее дуновеніе вѣтра предвѣщаетъ ему открытую дорогу, и благо ему, если извилистая тропа выводитъ его на прямой путь! Съ высоты нашихъ культурныхъ понятій мы видимъ теперь, какъ человѣчеству угрожаетъ опасность попасть на невѣрную дорогу, которой оно не могло тогда избѣжать.

Организація людей подъ господствомъ материнскаго права характеризуется браками между родственниками и даже между братьями и сестрами. Еще не проснулась совѣсть, предостерегающая людей отъ этого, а между тѣмъ выгоды такихъ браковъ бросаются въ глаза! Браки эти усиливаютъ сплоченность дома и препятствуютъ уходу молодыхъ мужчинъ, замѣна которыхъ другими ничѣмъ не обезпечена. Но также неизбѣжна въ это время полигамическая форма брака. Если хозяйству того времени было выгодно имѣть для защиты и для добыванія пищи какъ можно больше мужчинъ, то не менѣе должно было оно заботиться о прикрѣпленіи мужчинъ къ дому. На данной ступени техники пропитанія это невозможно для моногамическаго брака съ его долготѣнными перерывами въ брачныхъ сношеніяхъ. Однако первобытная полигамія отличается отъ той, которая возникла въ позднѣйшей формѣ семьи и которой намъ предстоитъ заняться позже: мужчина не «владѣлъ» тогда женщиной, а былъ только связанъ съ ней брачными узами; поэтому нельзя говорить о томъ, что мужчина безусловно имѣлъ одновременно нѣсколькихъ женъ; скорѣе можно сказать, что онъ въ предѣлахъ одной и той-же семьи поочередно вступалъ въ бракъ съ нѣсколькими женщинами. Стало быть, тутъ полигамія съ одной стороны могла соответствовать полиандрія съ другой, такъ какъ, вступая въ бракъ, женщина не дѣлалась собственностью мужа и свободно распоряжалась собою, лишь только мужчина покидалъ ее.

Съ накопленіемъ имуществъ въ такомъ домѣ, присоединяется еще одно обстоятельство. Мать не забирала все въ свои руки, какъ это позже дѣлалъ мужъ; регулируя домашнія отношенія, она скорѣе являлась въ роли посредницы. На то, что добывалось всеѣмъ домою, мать не заявляла никакихъ исключительныхъ притязаній, оно на самомъ дѣлѣ принадлежало всеѣмъ вмѣстѣ или употреблялось на содержаніе всеѣхъ членовъ. Поэтому, если сынъ ради жены оставлялъ родной домъ, то онъ могъ предложить ей семьѣ не только грудь своихъ рукъ, но также, въ качествѣ дара, часть имущества своего дома. Уходя изъ своей семьи, онъ отказывался отъ своей доли пользованія добытыми запасами и могъ, когда правосознаніе уже настолько подвинулось впередъ, требовать за это вознагражденія съ тѣмъ, чтобы отдать его въ семью жены. Благодаря этому, мы и находимъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ это древнѣйшее семейное устройство существовало достаточно долго, институтъ мужского приданаго, какъ его остатокъ, теперь ставшій для насъ совершенно непонятнымъ.

Остатки старины въ историческое время.

Мы дали общую характеристику древнѣйшей формы семьи и показали ея внутреннюю связь съ заложенными въ природѣ человѣка стимулами и съ его внѣшнимъ положеніемъ. Намъ остается еще привести *историческія* доказательства въ пользу существованія этой формы. Они могутъ состоять въ указаніи ея остатковъ въ существующихъ до сихъ поръ организаціяхъ а также въ историческихъ свѣдѣтельствахъ и преданіяхъ. Толкованіе послѣднихъ часто затрудняется тѣмъ, что они облечены въ сказочную форму, первыя же часто представляютъ собой лишь весьма неясныя переживанія. Большинство дошедшихъ до насъ историческихъ преданій относится ко времени борьбы и перехода отъ одной системы къ другой. Значительная часть сказочной исторіи человѣчества можетъ пролить свѣтъ на этотъ вопросъ, если разсматривать эти остатки подъ указаннымъ угломъ зрѣнія. Читатель навѣрное не будетъ претендовать на то, что мы вмѣсто длиннаго ряда доказательствъ дадимъ ему лишь нѣсколько образчиковъ.

У малайскихъ народовъ, равно какъ и у негровъ западной Америки до сихъ поръ господствуетъ принципъ, что родство и принадлежность къ племени опредѣляются исключительно по матери, такъ что дитя всегда принадлежитъ къ группѣ матери. Сообразно съ этимъ началомъ построено и все ихъ имущественное право. Мы можемъ поэтому разсчитывать найти здѣсь слѣды древнѣйшаго семейнаго устройства. И дѣйствительно, одинъ изъ новѣйшихъ путешественниковъ по Голландской Остъ-Индіи знакомитъ насъ съ семейными отношеніями малайцевъ, которыя еще вполне соотвѣтствуютъ или, вѣрнѣе говоря, даже тождественны простѣйшимъ и древнѣйшимъ формамъ. Простая семья состоитъ здѣсь изъ матери съ дѣтьми, а отецъ не причисляется всеѣмъ къ этой группѣ, да и не живетъ постоянно съ ней, а только по временамъ бываетъ у нея; онъ всегда принадлежитъ къ племени своей матери.

У другихъ малайскихъ племенъ *рядомъ* съ двумя позднѣйшими формами семьи существуетъ до сихъ поръ и древнѣйшая, но мужъ считается уже принадлежащимъ къ дому жены. Жена или ея мать пріобрѣтаетъ при такомъ бракѣ все права надъ мужемъ, и не жена переселяется въ домъ мужа, а наоборотъ, онъ переходитъ въ ея семью или въ семью тещи и подчиняется ихъ домашнему руководительству. Не слѣдуетъ однако удивляться, что, какъ только у нѣкоторыхъ племенъ входятъ въ употребленіе новыя формы брака, то лишь одни бѣдняки надѣваютъ на себя такое ярмо,

а большинство предпочитает копить деньги для покупки жены. Въ Африкѣ Ливингстонъ встрѣтилъ еще у народа Балонда семьи, въ которыхъ господствовали матриархаты. Онѣ однако не принадлежали къ кочевникамъ, которые живутъ въ сосѣднихъ областяхъ; древняя форма сохранилась только тамъ, гдѣ населеніе кормится исключительно отъ земли. Въ то время, какъ у сосѣдей-кочевниковъ всюду жена является рабыней мужа, у названныхъ Балонда она правитъ домою. Мужчина, желающій жениться, переселяется въ помѣщеніе своей невѣсты и обязуется передъ правящей здѣсь женщиной, обыкновенно тещей, постоянно снабжать ея очагъ дровами и безъ ея согласія не ваниматься ни къ кому другому въ услуженіе. Зато приготовленіе пищи лежитъ на женщинахъ, и мужъ получаетъ содержаніе изъ ихъ кухни. Такой бракъ и здѣсь—полигамическій въ предѣлахъ одной и той-же семьи. Подобныя условія могутъ быть для мужчины пріятны, благодаря нѣкоторымъ своимъ удобствамъ; для энергической женщины они представляютъ ступень къ дѣйствительному господству, которое можетъ быть низвергнуто только открытымъ возстаніемъ. Последнее-же было-бы нападеніемъ на вѣками освященный обычай и должно было-бы вызвать месть всѣхъ божествъ—покровителей порядка. Опорой такого господства было право наказанія, которое жена въ качествѣ хранительницы очага могла примѣнять очень чувствительнымъ образомъ. Такъ, великій миссіонеръ слышалъ, какъ одинъ балондскій мужчина, сидя на деревѣ, горько жаловался, что все его жены одна за другой заставляли его голодать.

Пока индѣйцы преимущественно, и даже больше, чѣмъ какая-либо другая раса, жили охотой, значеніе женщины, не смотря на нѣкоторыя общія вышеназванными племенами естественныя условія, было очень не велико; но тамъ, гдѣ плоды земли получили значеніе для пропитанія, мы встрѣчаемъ тѣ-же обрисованныя нами выше условія или-же, по крайней мѣрѣ, ихъ историческіе отголоски. Среди дикихъ сѣверныхъ индѣйцевъ въ эпоху открытія Америки только сѣверовосточныя племена, занимавшіяся культурой маиса, принадлежали къ земледѣльческимъ народамъ. И у нихъ не мужъ, а исключительно жена воздѣлывала, собирала и готовила растительную пищу, и, поскольку преобладала послѣдняя, господствовало вліяніе жены; поскольку въ основѣ домашняго хозяйства лежало добываніе растительной пищи, жена стояла во главѣ его. И въ эпоху борьбы—послѣ вторженія бѣлыхъ завоевателей—было живо воспоминаніе объ этомъ строѣ; мы узнаемъ объ этомъ изъ интересныхъ разсказовъ гернгутерскаго миссіонера Лоскиля. Три племени—чирокі, ирокезы и делавары—поняли, какъ много вредить ихъ положенію безпорядочный, лишенный единства образъ дѣйствій, и рѣшили создать себѣ организцію. Но гдѣ взять образецъ такой организціи? Все новыя организціи всегда строились и должны были строиться по типу уже существующихъ и такимъ образомъ въ концѣ концовъ по типу семьи. Что-же дѣлаютъ индѣйцы—избираютъ они себѣ «короля»? Ставятъ они надъ собой герцога? Последнее они непременно сдѣлали-бы, если-бы дѣло шло о войнѣ съ бѣлыми. Но они пришли къ убѣжденію, что война не спасетъ ихъ. Они ищутъ своего спасенія въ единодушномъ, разумномъ образѣ дѣйствій, въ упорядоченныхъ договорныхъ отношеніяхъ и выбираютъ своимъ главой самое интеллигентное племя—делаваровъ. Въ какой-же формѣ дѣлаютъ они это? Они объявляютъ, что даютъ названному племени «маисовый стебель и лопату въ руки и назначаютъ его своей женой». Въ качествѣ жены племя делаваровъ стало съ тѣхъ поръ править соединенными народами, «оно было съ того времени хранительницей мира, которой былъ данъ на сохраненіе большой бѣлтъ мира (ожерелье изъ раковинъ—какъ удостовѣреніе того) и довѣрена цѣль дружбы».

Мы имѣемъ ясныя свидѣтельства, достовѣрность которыхъ подтверждается также сохранившимися до нашего времени юридическими обычаями, что тѣ-же явленія, которыя мы встрѣтили у африканскихъ и американскихъ народовъ, существовали и на культурной почвѣ Европы и Азии. Пиринейскихъ басковъ, родственниковъ иберійцевъ и кантабрійцевъ древнихъ писателей, слѣдуетъ разсматривать, какъ остатокъ докельтическаго населенія. У кантабрійцевъ-же, по свидѣтельству Страбона, существовало только матриархальное семейное устройство. Мужчины кантабрійцевъ очень отличались своей храбростью и энергично защищали свою родину, но главнымъ занятіемъ племени было земледѣліе, которымъ занималась *мать*. Отъ нея оно переходило къ дочерямъ; сыновья разсматривались только какъ второстепенные члены дома. Если они вступали въ бракъ, то оставляли родной домъ и приносили съ собой въ домъ жены приданое, и такимъ образомъ можно сказать, что тутъ сестры женили братьевъ и давали имъ приданое. Записанное въ позднѣйшее время народное право басковъ содержитъ еще нѣкоторые слѣды такого устройства и тѣмъ подтверждаетъ показанія древнихъ писателей. Правда, эти средневѣковые законы уже давно знаютъ наслѣдственное право мужчинъ и господство отца, но и въ нихъ всегда, когда наслѣдство достается дочери, воскресаетъ древнее устройство. Въ этомъ случаѣ они ставятъ всѣхъ членовъ семьи въ служебную зависимость отъ этой дочери, и избранный ею супругъ получаетъ ея имя. Сыновья, которые, не получая наслѣдства, и не призваны поэтому господствовать, всю свою жизнь остаются въ служебномъ положеніи либо въ своей собственной семьѣ, либо въ семьѣ тѣхъ наслѣдницъ, мужьями которыхъ они дѣлаются. А что въ цѣломъ рядѣ поколѣній въ качествѣ наслѣдницъ являются только женщины, это можно наблюдать даже въ настоящее время на остаткахъ того древняго семейнаго устройства и отношеній, которыя греки съ удивленіемъ встрѣчали у древнѣйшихъ народовъ Малой Азии. Какъ на Западѣ кантабрійцы, такъ на Востокѣ ликійцы представляли остатокъ тѣхъ первобытныхъ народовъ, которые жили еще въ древнѣйшихъ формахъ семейнаго быта. Гераклидъ Понтійскій такъ характеризуетъ ихъ организацію: «издревле надъ ними (ликійцами) господствуютъ женщины». Другой писатель древности, написавшій книгу «О замѣчательныхъ обычаяхъ людей», указываетъ на удивительные обычаи ликійцевъ, у которыхъ имущество отъ матери переходитъ къ дочерямъ, а не къ сыновьямъ, какъ это бываетъ вездѣ на свѣтѣ. Точно также и Геродотъ упоминаетъ о томъ влияніи, которое эта организація должна была имѣть на обозначеніе родственной связи. Ему, какъ внимательному наблюдателю, бросилось въ глаза, что «они называютъ себя по матери, а не по отцу». «Если поэтому кто-нибудь спроситъ ликійца, кто онъ, то онъ называетъ свой родъ съ материнской стороны и пересчитываетъ матерей своей матери. И если гражданка вступаетъ въ связь съ рабомъ, то дѣти считаются благороднорожденными; если-же гражданинъ имѣетъ дѣтей отъ иностранки или рабыни, то они признаются незаконными».

Разъ мы познакомились и должны были поневолѣ освоиться съ представленіемъ о матриархатѣ, которое первоначально казалось намъ весьма страннымъ, то и для другихъ, менѣ ясныхъ свидѣтельствъ древнихъ писателей мы не можемъ найти болѣе простаго толкованія, чѣмъ то, которое объясняетъ ихъ въ указанномъ смыслѣ. Смѣлые, предприимчивые германцы появляются въ исторіи уже подъ властью мужчинъ, хотя еще не вполне освободившись отъ слѣдовъ древнѣйшей организаціи; но въ содѣйствіе съ ними, по свидѣтельству Тацита, жило совершенно похожее на нихъ племя, которое только тѣмъ и отличалось, что «у него господствовали женщины». То, что римляне считали признакомъ вырожденія, быть можетъ, было ста-

риной, которая могла только сохраниться, пока племя жило еще вдали от борьбы народовъ тихой и одинокой жизнью.

Мы видимъ, что болѣе высокая культура всюду возникала на основѣ *другой* организаци, поэтому чѣмъ болѣе мы къ ней приближаемся—переходя отъ раннихъ періодовъ къ болѣе позднимъ, изъ странъ нецивилизованныхъ къ цивилизованнымъ — тѣмъ все болѣе и болѣе исчезаютъ слѣды древнѣйшей семейной формы. Они пропадаютъ не разомъ, а становятся малочисленнѣе и слабѣе или многочисленнѣе и замѣтнѣе, смотря по тому, въ какую сторону въ пространствѣ или во времени мы направляемся.

Еще до сихъ поръ у нѣкоторыхъ племенъ не жена переселяется въ домъ мужа, а мужъ — въ домъ родителей жены; такъ, по крайней мѣрѣ, было сто лѣтъ тому назадъ у племени Квайкуру въ Бразиліи, и если о другихъ народахъ, какъ напри- мѣръ о чирокахъ, утверждаютъ, что у нихъ есть странный обычай, по которому женихъ долженъ вмѣстѣ съ дочерью брать всегда и мать, то это можетъ только указывать на то, что замужня дочь все еще не покидаетъ матери. Нахтигалъ засталъ племя Баеле въ Центральной Африкѣ въ такой переходной стадіи. Мужъ, правда, не вступаетъ уже болѣе въ домъ тещи, но жена не слѣдуетъ за нимъ, по крайней мѣрѣ тотчасъ, въ его домъ; супруги строятъ себѣ на первыхъ порахъ близъ дома матери собственную хижину и живутъ въ этомъ какъ-бы нейтральномъ помѣщеніи до рожденія ребенка. Аналогично съ этимъ европейскіе лопари еще въ прошломъ столѣтіи находились на такой-же промежуточной стадіи: зять долженъ былъ по крайней мѣрѣ годъ прожить въ домѣ родителей жены, прежде чѣмъ жена могла послѣдовать за нимъ.

Гораздо долѣе и упорнѣе, чѣмъ въ подобныхъ обычаяхъ, память о древнѣй- шихъ отношеніяхъ сохранялась въ юридическихъ возрѣніяхъ на родство и преем- ство наследованія. Какъ у малайцевъ, такъ и у австралийцевъ, семейное и племенное родство и состояніе всегда производятся только отъ матери — отецъ не является источ- никомъ родства и во вниманіе не принимается. Такое-же возрѣніе существовало еще на нѣкоторыхъ островахъ Микронезіи и у сѣверо-американскихъ индѣйцевъ. И если званіе вождя было наследственнымъ, какъ напр. у гуроновъ, чироковъ и др., то и оно также переходило къ сыну не отъ отца, а черезъ мать. Такой-же порядокъ существовалъ у гуроновъ въ наследованіи имущества. То-же самое нашелъ Буртонъ у восточно-американскаго племени Вамойна. Не сынъ наследуетъ отцу, а племян- никъ—дядѣ, брату своей матери; и только такихъ племянниковъ и дядей соеди- няетъ кровная связь.

Тамъ, гдѣ распространено это «право племянниковъ» (Neffenrecht), остаются въ силѣ и принципы матриархата. А «право племянниковъ» еще имѣетъ довольно обширную область распространенія. Оно встрѣчается на всемъ пространствѣ Цен- тральной Африки съ востока на западъ и на западномъ берегу принимаетъ довольно странныя формы. Въ царскомъ родѣ Лоанго родство представляетъ препятствіе для брака, но тѣмъ не менѣе существуетъ «право племянниковъ». Въ силу этого проти- ворѣчія, принцы царскаго рода поставлены въ печальную необходимость всегда про- изводить на свѣтъ только пролетаріевъ: они могутъ себѣ брать женъ, откуда захотятъ, кромѣ царскаго рода; принцессы-же продолжаютъ царскій родъ и рождаютъ принцевъ, хотя-бы мужьями ихъ, какъ и случается на самомъ дѣлѣ, были рабы.

Такимъ образомъ въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи материнское право приво- дить къ власти дяди по матери. Она является тогда, когда организаци нуждается

въ болѣе сильной защитѣ мужчины, но не можетъ вполне отрѣшиться отъ представленій о родствѣ, связанныхъ съ матриархатомъ. Тогда болѣе близкимъ по крови защитникомъ дѣтей является не отецъ, а братъ матери, рожденный одной и той-же женщиной, т. е. дядя по матери. Такъ, въ Анголѣ патронатъ дяди по матери замѣнилъ матриархатъ и до сихъ поръ сохранился въ полной силѣ. Отецъ не имѣетъ никакихъ правъ на сына, а сынъ — никакихъ правъ на имущество отца. Чтобы передать что-нибудь сыну, нужно это сдѣлать при жизни. Все-же посмертное имущество переходитъ по наслѣдству черезъ сестру, рожденную отъ той-же матери, къ ея дѣтямъ, т. е. къ племянникамъ. Слѣды такихъ-же порядковъ были найдены въ Азій и въ Индо-Китаѣ, но они ясно выступаютъ передъ нами также и въ Египтѣ. Памятники повторяютъ физиологически вѣрное положеніе: мое сердце (моя душа) происходитъ отъ моей матери. Какъ въ Ликіи, такъ и въ Египтѣ памятники благочестія украшаются именемъ матери. Одна египетская должность, по своему значенію слѣдующая непосредственно за должностью фараона, но вѣроятно болѣе древняя, передавалась по наслѣдству не отъ отца къ сыну, но, какъ выражается Бругшъ, по древне-египетскому обычаю — отъ отца къ старшему внуку со стороны матери (mütterlicherseits), что можетъ только означать: отъ занимающаго должность — къ внуку его матери, т. е. по праву племянниковъ. Въ сосѣдней-же Эфіопіи такой-же порядокъ наблюдался и въ наслѣдованіи царской власти: «свою власть цари оставляютъ не своимъ собственнымъ дѣтямъ, а дѣтямъ своихъ сестеръ».

У грековъ и древнихъ евреевъ сохранялись также нѣкоторыя черты этихъ первобытныхъ порядковъ. Какъ извѣстно, у евреевъ мать царя пользовалась при дворѣ большимъ значеніемъ, чѣмъ какая либо другая женщина (а въ особенности жена царя), и въ ихъ историческихъ памятникахъ она упоминалась на ряду съ царемъ съ такимъ-же постоянствомъ, съ какимъ египтяне называютъ всегда имя своей матери. Но замѣчательно, что и у грековъ, не смотря на противоположность ихъ физиологическихъ возрѣній еврейскимъ, только то родство считалось единственно правильнымъ, которое основывается на происхожденіи отъ одной и той-же матери. Съ этимъ знакомать насъ отдѣльные мѣста у Гомера, равно какъ библейскій рассказъ объ Авраамѣ, который могъ жениться на своей сестрѣ, потому что она не была дочерью его матери. Германцы также раздѣляли это древнее возрѣніе. Тацитъ подтверждаетъ, что дѣти сестры имѣли для ея брата такое-же значеніе, какъ для собственного отца, и что многіе даже считали такую связь «священнѣе и тѣснѣе». Римляне-же при выборѣ заложниковъ руководились этимъ германскимъ принципомъ.

Какъ нѣкогда сѣверо-американскіе индѣйцы заимствовали у первобытной семьи форму мирнаго господства надъ цѣлымъ народомъ и такимъ образомъ поставили надъ собою «женщину», такъ и въ Центральной Африкѣ, какъ это ни кажется на первый взглядъ невѣроятнымъ, на самомъ дѣлѣ часто встрѣчались слѣды женскаго господства, выходящаго далеко за предѣлы семьи. Даже въ магометанскихъ государствахъ негровъ, какъ Борну, Вагирми, Водай, царица-мать занимаетъ извѣстное положеніе и пользуется политическимъ значеніемъ, которое повидимому плохо мирится съ прочими порядками. Въ названныхъ государствахъ положеніе этой «магиры» въ глазахъ народа имѣетъ такое значеніе, что, въ случаѣ смерти дѣйствительной матери царя, ея мѣсто замѣщается ввухомъ. Подобное-же положеніе сохранилось за матерью царя въ восточно-азиатскихъ государствахъ.

Съ представленіемъ о матери часто связывается древнѣйшее понятіе о собственности на обработанную землю; еще древній житель Крита называлъ свою родину «милой материнской землей». Въ древнегерманскомъ наслѣдственномъ правѣ оста-

лись слѣды такихъ возрѣній. «Дѣти слѣдуютъ утробѣ матери» — вотъ руководящій принципъ, къ которому право, не смотря на всѣ колебанія, часто возвращалось даже въ позднѣйшее время. Особое женское имущество все еще оставалось выдѣленнымъ изъ общаго имущества, и оно переходило по наслѣдству отъ матери къ дочери, или къ дочерямъ ея сестры.

И даже, когда исчезли послѣдніе слѣды материнскаго права, въ народѣ еще часто сохранялось то физиологическое представленіе, которое лежало въ его основѣ. Такъ, еще въ наше время у аравійскихъ племенъ существуетъ вѣрованіе, что прирожденные свойства человѣка передаются по наслѣдству не отъ отца къ сыну, но отъ дяди по матери — къ племяннику, т. е. исключительно въ силу родства по матери, и такимъ образомъ ребенокъ есть слѣпокъ съ своего дяди по матери. Раввинская мудрость сохранила намъ свидѣтельство, что евреи раздѣляли такое возрѣніе. Одинъ знаменитый толкователь Библии замѣтилъ, что во второй книгѣ Моисея при упоминаніи жены Аарона не даромъ упоминаются и ея братья, потому что тотъ, кто беретъ себѣ жену, долженъ предварительно освѣдомиться о ея братьяхъ. У евреевъ-же въ народѣ до сихъ поръ, говорятъ, сохранилось убѣжденіе, что дѣти рождаются похожими на своего дядю по матери.

Раздвоеніе дома.

Рожденіе дѣтей — такъ мало составляетъ у первобытныхъ народовъ истинную цѣль брака, что они для этого вообще и не заключаютъ никакого союза, или-же такой союзъ вовсе не считается у нихъ, какъ напримѣръ у жителей Таити, брачнымъ союзомъ. Вопросъ о заключеніи подобнаго союза возникалъ для нихъ только тогда, когда рождался ребенокъ и приходилось принять какое-нибудь рѣшеніе относительно его жизни. Въ случаѣ утвердительнаго рѣшенія этого вопроса, оба родителя заключали договоръ, по которому они обязывались сообща заботиться о пропитаніи ребенка, такъ какъ они оба желали пользоваться выгодами обладанія дѣтьми. Въ случаѣ-же незаключенія союза, эти выгоды достались-бы одной матери. Только такой договоръ, имѣющій цѣлью общее воспитаніе и заботы о дѣтяхъ, считали эти народы брачнымъ союзомъ, въ противоположность половымъ связямъ, лишенымъ этой серьезной цѣли. Слѣдовательно, не половая любовь создала институтъ брака, а забота о дѣтяхъ, не всегда конечно свободная отъ эгоизма, этого стимула всего добраго и злого на свѣтѣ. Поэтому всѣ древнѣйшія формы семьи покоятся не на взаимной любви супруговъ, а на руководствѣ господствующей стороны. Мать въ древнѣйшее время пріобрѣтаетъ такое господство на основаніи той зависимости, въ которой находятся всѣ, кто соединяется съ нею. Мы называемъ семей въ современномъ смыслѣ слова преимущественно такой союзъ, который развился изъ *этой* группы, потому что въ ней одновременно имѣются на лицо и пользуются защитой естественныя связи между матерью и ребенкомъ, мужемъ и женой. Если-же мы забудемъ о такомъ характерѣ организаци и посмотримъ исключительно на ту цѣль, которую она преслѣдуетъ и которая сводится къ поддержанію и охраненію жизни, а затѣмъ обратимъ вниманіе на вышеуказанную зависимость организаци отъ способовъ добыванія пищи, то намъ станетъ ясно, что этотъ родъ организаци не есть непременно единственный. Напротивъ, этнографія говоритъ совсѣмъ другое. Она показываетъ намъ во многихъ мѣстахъ и въ различныя времена два различныя типа организаци. Съ однимъ изъ нихъ мы только что познакомились, къ другому обратимся теперь. Первый типъ представляетъ собой организаци, состоящая изъ

женщинъ, мужчинъ и дѣтей, второй—только изъ мужчинъ и юношей. Но не въ этомъ ихъ существенная разница, основное различіе лежитъ въ разныхъ способахъ добыванія пищи, т. е. въ различіи занятій, на чемъ мы подробно останавливались въ первомъ отдѣлѣ. Не всегда и не вездѣ сказывается это раздѣленіе; оно отсутствуетъ, если добываніе пищи одинаково доступно обоимъ поламъ, до обремененной ребенкомъ матери включительно. Женщины Огненной Земли умѣютъ такъ-же хорошо, какъ мужчины, съ ребенкомъ на спинѣ собирать въ морѣ раковины и ловить рыбу; и бушменъ не гнушается искать, подобно женщинѣ, плоды и выкапывать клубни; но тамъ, гдѣ охота принимаетъ болѣе развитыя формы, исчезаетъ обыкновенно такая общность занятій. Женщина съ дѣтьми отстраняется, и образуются отдѣльныя группы мужчинъ, прочность и организація которыхъ зависятъ исключительно отъ характера занятія. Если охота переходитъ въ уходъ за животными и въ разведение ихъ, то и организація мужчинъ совершенствуются, дѣлаются постояннѣе и — могущественнѣе. Взаимное отношеніе двухъ указанныхъ типовъ организаціи, борьба ихъ принциповъ между собой наполняютъ исторію семьи и опредѣляютъ ея дальнѣйшій ходъ.

Организація болѣе цивилизованныхъ сѣверо-американскихъ индѣйцевъ, по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ, какъ она существовала еще въ прошломъ столѣтіи, цѣликомъ сохранила указанное раздвоеніе. Ирокезъ, отправляясь на охоту, бралъ съ собой изъ запасовъ женщинъ пищу изъ маисовой муки; затѣмъ наступала долгая разлука, во время которой онъ долженъ былъ кормиться отъ охоты; по окончаніи ея онъ приносилъ добычу домой и отдавалъ ее женщинамъ. На охотѣ, какъ и на войнѣ, индѣйцы составляли прочную организацію. Глава такой организаціи носитъ названіе «капитана». Родство, семейныя связи, наследственное право не имѣютъ никакого значенія для полученія этой должности. Каждый можетъ попытаться достигнуть капитанства — счастье и успѣхъ рѣшаютъ вопросъ, но всегда для немногихъ. Человѣкъ, призванный капитаномъ, облеченъ самой неограниченной властью; но дома среди женщинъ онъ не играетъ никакой роли. Здѣсь, наоборотъ, господствуетъ «чифъ». Одна организація настолько уже устранила другую, что по крайней мѣрѣ болѣе обширныя группы также управляются мужчинами; послѣдніе вырвали уже изъ рукъ женщинъ «маисовый стебель», но это господство все еще носитъ вполне женскій характеръ и представляетъ совершенно опредѣленную противоположность господству капитана. Избраніе чифа опредѣляется кровнымъ родствомъ; и эта должность переходитъ по наследству не отъ отца къ сыну, а отъ дяди — къ племяннику, т. е. согласно «праву племянниковъ». Господство продолжаетъ еще носить женскій характеръ; задача чифа, по словамъ миссіонера Лоскиля, «заботиться о сохраненіи и возстановленіи мира; не заниматься военнымъ дѣломъ и удерживать отъ нихъ свой народъ; всегда заботиться о благѣ своего народа и даже терпѣливо выслушивать отъ него наставленія». При всемъ этомъ «онъ не смѣетъ и помышлять о томъ, чтобы приказывать или употреблять строгость, принужденіе и наказаніе». Свои распоряженія онъ долженъ проводить путемъ убѣжденія и доказательства ихъ пользы. Все эти черты даютъ—надо думать—вѣрную картину древняго господства женщинъ. Благодаря переходу мужчинъ отъ охоты къ скотоводству, эта двойственная организація могла на первыхъ порахъ только упрочиться. И дѣйствительно, въ такъ называемыхъ языческихъ государствахъ Центральной Америки и мѣстами въ восточной ея части существуютъ особыя группы мужчинъ рядомъ съ болѣе прочными семейными организаціями. Мужчины въ опредѣленныхъ мѣстахъ собираются на свои работы и получаютъ содержаніе изъ дома женщинъ, между тѣмъ какъ женщины и

дѣти вмѣстѣ ведутъ свое собственное хозяйство. Точно также на островахъ Южнаго Океана, въ эпоху ихъ открытія, женщины вели совершенно отдѣльное отъ мужчинъ хозяйство, и способъ, по которому онѣ дѣлили тутъ между собою различную пищу, очень ясно указываетъ на происхожденіе этого двойного хозяйства. Для мужчины нѣтъ запретной пищи; онъ пользуется запасами, собранными трудами женщинъ; но его кормятъ также и опасное рыболовство въ открытомъ морѣ, и охота, и почетное въ его глазахъ разведеніе свиней и собакъ, которыхъ онѣ нѣкогда, переселяясь на островъ, привезъ съ собою. Онѣ составляютъ его исключительную собственность, и женщины не имѣютъ доли въ этихъ вещахъ.

Также на о-вѣ Гавай еще въ началѣ нашего столѣтія вся пища дѣлилась на два разряда. Чтò дозволялось ѣсть женщинамъ и мужчинамъ, было «общей ѣдой» — «*Ai poa*», чтò могли ѣсть только одни мужчины, было «*Ai tabu*» — «господская ѣда». Къ первой принадлежали корни папоротника, плоды хлѣбнаго дерева, бананы, раковины и обыкновенная рыба, ко второй — кокосовые орѣхи, свиньи, птицы, черепахи и нѣкоторыя рыбы. Пища, отдѣльно добытая, съѣдалась также отдѣльно, и женщинамъ не дозволялось ѣсть съ мужчинами. Такъ какъ искусство приготовленія пищи не дошло еще до умѣнія варить, которое является спеціальностью женщинъ, то мужчины сами приготовляли себѣ пищу, и такимъ образомъ даже кухни и очаги были разные.

Со слѣдами этой двойственной организаціи, снова нѣсколько видоизмѣненной, встрѣчаемся мы еще даже въ области античной культуры. Въ Милетѣ среди греческихъ колонистовъ жили карійскія женщины, происшедшія отъ прежнихъ жителей страны, и онѣ, по словамъ Геродота, все еще держались обычая «никогда не ѣсть со своими мужьями». Да и греческій Критъ сохранилъ рядомъ съ другими остатками первобытной культуры обычай общихъ «мужскихъ обѣдовъ» и отдѣльныхъ обѣдовъ женщинъ. И въ Греціи, по крайней мѣрѣ въ Спартѣ, этотъ старинный порядокъ существовалъ еще въ историческое время. Домашнее хозяйство вели женщины съ дѣтьми и рабами, а мужчина боялся и прикоснуться къ нему. Мужчины все вмѣстѣ составляли большую организацію, сообща ѣли и занимались со-вѣсьмъ другими дѣлами, чѣмъ домашнее хозяйство. Спартанскія сисситіи, какъ указалъ еще Страбонъ, — не что иное, какъ тѣ-же критскія мужскія трапезы. Конечно, и здѣсь мясная пища представляла противоположность болѣе скудной растительной пищѣ женщинъ. Такое-же устройство существовало въ Мегарѣ, а въ Коринѣ было уничтожено лишь Періандромъ. На Сандвичевыхъ Островахъ переворотъ въ этомъ отношеніи произошелъ только въ нашемъ столѣтіи. Аристотель говоритъ, что подобныя-же порядки существовали въ Южной Италиі. Въ сущности даже Аѳины недалеко ушли отъ нихъ. И здѣсь женщина жила замкнуто въ своемъ домѣ и занималась со-вѣсьмъ другимъ дѣломъ, чѣмъ мужчина на площади: между ихъ занятіями лежала такая непереходимая грань, что даже духовныя способности обоихъ половъ, казалось, развивались въ различныхъ направленіяхъ. Если женщина въ болѣе блестящее время и выходила здѣсь изъ этихъ узкихъ рамокъ, то она конечно не считалась образцомъ аѳинской хозяйки. Правда, аѳинянка сидѣла уже за однимъ столомъ со своимъ супругомъ, но, когда къ обѣду приглашался гость, строгіе порядки старины воскресали.

Такимъ образомъ «совмѣстная ѣда» часто является признакомъ полнаго соединенія общихъ организаціи, ихъ примиренія и соединенія на новой основѣ. Римская патрицианка обѣдала за столомъ своего мужа; поэтому бракъ патриція заключался посредствомъ «*Confarreatio*» — передачи старинной пищи — соленой лепешки.

Послѣдній остатокъ охарактеризованнаго выше раздѣленія мы встрѣчаемъ еще у германцевъ, когда мечъ мужчины въ предѣлахъ Римской имперіи добывалъ себѣ владѣніе обработанными уже землями. Какъ полинезецъ по способу добыванія различалъ «господскую ѣду» и «общую ѣду», такъ и тутъ точно также въ примѣненіи къ дающей пищу землѣ является различіе между «господской землей» и «общей землей», между «салической землей» и «аллодомъ». Послѣдній—его нѣкогда воздѣлывала женщина—могъ кормить мужа и жену, оба могли имъ владѣть; но земля, которую мужчина добылъ своимъ мечомъ, принадлежала только ему, викакая женщина не могла получить въ наслѣдство салическую землю; для нея она оставалась «*Ai tabu*».

Патріархальная семья.

Тѣ событія, благодаря которымъ древняя форма семьи была вытѣснена новой, не разыгрываются передъ нами на открытой исторической сценѣ; они происходятъ какъ-бы за кулисами и составляютъ содержаніе довольно длиннаго промежуточнаго акта. Но исторія человѣческой культуры—настолько хорошо написанная драма, что зритель изъ того, что происходитъ на сценѣ, можетъ съ вполне достаточной точностью уразумѣть то, что скрыто отъ него завѣсомъ. Къ тому-же дѣйствіе иногда дополняется разказами—миѳами и сагами, которые, будучи приведены съ нимъ въ должную связь, сами даютъ въ руки правильное истолкованіе. А такъ какъ мы драму переложили въ разказъ, то намъ слѣдуетъ и тутъ выдвинуть на первый планъ то, что можетъ быть разгадано путемъ толкованія миѳовъ и другихъ источниковъ. Какъ несомнѣнный фактъ, мы можемъ установить слѣдующее: между тѣмъ какъ у наименѣ цивилизованныхъ племенъ мы встрѣтили множество слѣдовъ и остатковъ материнскаго права,—у тѣхъ народовъ, которые жили настоящей исторической жизнью и стали носителями прогрессивной культуры, мы видимъ, наоборотъ, исключительно патріархатъ; эти народы состоятъ изъ группъ, въ которыхъ господствуетъ не мать съ ея кроткой властью, а *мужчина*, властвующій, подобно военачальнику, самодержавно.

А древнія народныя саги и миѳы рассказываютъ о сѣдой старинѣ, объ эпохѣ «героевъ», которые уничтожили старые порядки и основали новыя организаціи, и при этомъ очень часто говорится о непрерывной борьбѣ героевъ съ героинями и дѣлами народами женщинъ; то было время, когда среди мужчинъ явились герои, которые, какъ Геркулесъ, по свидѣтельству Діодора Сицилійскаго, считали неправильнымъ «хотя бы нѣкоторые народы оставить подъ позорнымъ владычествомъ женщинъ».

Въ то-же время является другое различіе, о которомъ мы подробнѣ говорили уже въ первомъ отдѣлѣ.

Между тѣмъ какъ первая группа народовъ питается плодами земли и охоты, ни одинъ народъ не достигъ высшей культуры и общественной организаціи, не пройдя стали кочевого состоянія или по крайней мѣрѣ—разведенія скота. Только культурныя государства Средней Америки, повидимому, составляютъ исключеніе въ этомъ отношеніи. Если же мы вмѣсто кочевого состоянія (*Nomadentum*) будемъ говорить: бедуинское состояніе (*Beduinentum*)—а это на самомъ дѣлѣ было-бы болѣе правильнымъ—то и названныя государства явятся участниками общаго хода прогресса, съ тою только разницей, что ихъ добычу составляли не животныя, а человѣческія стада. Цѣли промысла и способъ употребленія добычи были въ обоихъ случаяхъ тождественны.

Что-же привело къ такому перевороту въ общественной жизни цѣлаго ряда на-

родовъ? Одни факты легко объясняются другими. Переходъ мужчины отъ охотничьяго быта къ кочевому явился причиной постепеннаго потрясенія и окончательнаго уничтоженія материнскаго права и основанныхъ на немъ мелкихъ, безсильныхъ организацій. Благодаря уходу за животнымъ и его разведенію, — эти занятія подобно охотѣ, изъ которой они развились, всегда оставались дѣломъ мужчины, — мужчина добился самостоятельности, которой у него не было, когда онъ былъ нахлѣбникомъ матери. вмѣсто невѣрной охоты, при которой избытокъ пищи чередовался съ болѣе частымъ недостаткомъ, въ хозяйственной дѣятельности мужчины является предумерительное накопленіе запасовъ; первымъ результатомъ этого была матеріальная независимость мужчины отъ женщины. Эта независимость сама по себѣ уже равнсилна ослабленію старыхъ узъ. Развѣ не могъ теперь избытокъ средствъ для поддержанія жизни, находящейся въ рукахъ мужчины, въ свою очередь поставить женщину и ея семью въ извѣстную зависимость отъ мужчины?

Съ кочевничествомъ на нисшей ступени его развитія неразрывно связано, какъ остатокъ охотничьяго періода, извѣстное, на современный взглядъ, разбойниче бедунство; благодаря тому и другому, развивается, какъ мы увидимъ, новое понятіе о владѣнн и собственности. Живое животное прежде не принадлежало никому, только убитое становилось предметомъ обладанія. Между тѣмъ теперь сфера владѣнн расширилась; кочевникъ разсматривалъ и защищалъ животныхъ того стада, о которомъ онъ заботился, какъ свою собственность; просто убить животное — не значило уже теперь завладѣть имъ. Тѣ услуги, которыя могло оказать при путешествіи животное — осель, конь, — стали также приниматься въ расчетъ; онѣ входили въ сферу правъ владѣльца и составляли даже наиболѣе цѣнную ихъ часть.

Но тотъ-же бедуинъ сдѣлался обладателемъ не только услугъ животного, но и услугъ человѣка. Первоначально внѣ своего союза человѣкъъ былъ такъ-же мало предметомъ юридическихъ отношеній, какъ животное въ полѣ. Какъ человѣкъ, благодаря своему превосходству, овладѣлъ животнымъ, такъ-же овладѣлъ онъ и другимъ человѣкомъ, который не пользовался никакой юридической охраной. Войны бедуиновъ — та-же самая охота, хотя цѣли ихъ могутъ быть совершенно различныя. Ацтекъ, который охотился за животнымъ только для того, чтобы добыть пищу, и изъ пойманнаго человѣка также приготавливалъ только «канибальскіе обѣды»; но кочевникъ, который заставлялъ пойманное животное служить себѣ, умѣлъ также эксплуатировать живую силу своей человѣческой добычи. Такимъ образомъ и человѣкъ сталъ предметомъ обладанія сильнѣйшаго. А разъ возникло такое отношеніе, и владѣніе живыми существами и даже людьми стало обычнымъ явленіемъ, то конечно все это не могло остаться безъ вліянія на взаимныя отношенія двухъ охарактеризованныхъ нами выше соперничающихъ организацій.

То, что намъ въ качествѣ уже готоваго результата даетъ древнѣйшая исторія культурныхъ народовъ, сводится къ слѣдующему: семья, подвластная женщинѣ, подпала подъ власть мужчины, и господство послѣдняго въ домѣ основывается на приобрѣтенномъ имъ правѣ собственности на эту семью. Въ этомъ заключается существенная, великая разница между обѣими формами семьи: матриархальную семью основали и скрѣпляли кровное родство и материнская любовь, патриархальная семья покоится на правѣ собственности господствующаго мужчины. Отецъ — въ смыслѣ патриарха — не связанъ непременно кровнымъ родствомъ съ тѣми, кто составляетъ его собственность. Его семья можетъ даже, благодаря удачнымъ приобрѣтеніямъ, до того разростись, что такое предположеніе о кровномъ родствѣ станетъ немислимымъ. Да и народное воззрѣніе на физиологію человѣка сперва не признаетъ въ этой семьѣ

никакой другой связи, кромѣ той, которая основывается на правѣ собственности или господства, и, какъ это доказывается многочисленными свидѣтельствами, не считаетъ отца и его ребенка, т. е. ребенка его жены, кровными родственниками. Кровная связь внутри семьи все еще устанавливается только женщинами, но она и не имѣетъ значенія для новой организаціи, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда дѣло касается выработки опредѣленныхъ принциповъ наслѣдованія отцовской власти. Мы видимъ лишь, какъ постепенно пробуждается у наиболѣе прогрессивныхъ народовъ мысль, что собственно отецъ отъ себя даетъ жизнь ребенку, и наконецъ появляется убѣжденіе, что участіе въ этомъ матери имѣетъ только подчиненное значеніе. Греческіе трагики этотъ переворотъ въ воззрѣніяхъ переносятъ въ то великое время новыхъ явленій, которое мы называемъ героической эпохой, и, не грѣша навѣрное противъ исторіи, изображаютъ обѣ стороны борющимися. Раньше только мать имѣла право на ребенка, онъ былъ единокровнымъ съ ней и только съ нею считался связаннымъ родствомъ; но вотъ поэтъ въ трагедіи «Эвмениды» заставляетъ Аполлона впервые провозгласить передъ изумленнымъ міромъ новый законъ:

Мать не творить дитя и не рождаетъ,
Но только, что посяно, питаетъ.
Творить отецъ. Она-жь, какъ гостя въ домъ
Радужная хозяйка принимаетъ,
Воспринятый зародышъ сохраняетъ.

(Орестея, Трилогія Эсхила въ переводѣ Н. Котелова Спб. 1883 г. стр. 293).

Это возрѣніе возвѣщаетъ наступленіе новаго порядка вещей; но развитіе послѣдняго идетъ очень медленно, его побѣда безконечно далека. Какъ рядомъ съ патріархатомъ продолжаютъ существовать представленія, заимствованныя изъ сферы материнскаго права, такъ и охарактеризованное нами выше патріархальное господство отца долго остается въ силѣ, и новое представленіе о болѣе тѣсной естественной связи между отцомъ и ребенкомъ не можетъ еще начать борьбу съ прочно до неподвижности укрѣпившимся патріархальнымъ строемъ. Старая патріархальная семья поконится на собственности и господствѣ, новое представленіе о родствѣ создается внутри ея *отдѣльными семьями*, но принципъ господства на долгое время является пріятельствомъ для ихъ самостоятельности. Ихъ развитіе и ихъ борьба за право принадлежать позднѣйшему періоду исторіи.

Между тѣмъ какъ на основаніи указанныхъ представленій и отношеній господство матери въ ея узкой сферѣ было естественнымъ, господство мужчины является *приобрѣтеннымъ*. Мы должны здѣсь поэтому задать себѣ вопросъ, какъ и посредствомъ чего приобрѣлъ мужчина такое господство, какимъ образомъ онъ сдѣлался господиномъ женщины, отцомъ семьи. Способы приобрѣтенія тутъ совершенно такіе-же, какими человекъ вообще, на какой-бы то ни было ступени культурнаго развитія, завладѣваетъ предметами. Древнѣйшій способъ приобрѣтенія есть взятіе въ добычу (Erbeutung); мы съ нашей нравственной точки зрѣнія, къ тому времени неприложимой, такъ какъ она не существовала, такой способъ приобрѣтенія называемъ разбоемъ. Его широкая распространенность не позволяетъ сомнѣваться, что на этой переходной ступени мужчина съ грубой силой вторгался въ плохо способный къ сопротивленію домъ матери и добывалъ себѣ предметъ своего желанія этимъ единственнымъ извѣстнымъ ему въ то время способомъ. Это должно было сѣять вражду между домомъ мужчины и материнской организаціей, — вражду, слѣды которой, какъ мы дѣйствительно видимъ, очень часты.

Если такимъ образомъ постепенно мужчина распространялъ свое господство все

дальше и дальше, то мало по малу дѣти обоого пола должны были сдѣлаться его собственностью, потому что они стали разсматриваться какъ приплодъ, неразрывно соединенный съ матерью, а послѣдняя составляла собственность мужа. Такая семья могла разрастаться двоякимъ образомъ: путемъ естественнаго прироста и путемъ насильственнаго къ ней присоединенія. При благопріятныхъ, слѣдовательно, условіяхъ она могла принять гораздо болѣе обширные размѣры, чѣмъ прежняя семья, и въ той-же мѣрѣ приобрести болшую силу сопротивленія. Но съ другой стороны, въ то-же время стало легче добывать изъ такой семьи женъ, и возникла потребность въ мирномъ соглашеніи для этого: появилась бракъ путемъ мѣны или купли. Отецъ за соответствующее вознагражденіе уступалъ дѣвушку другому лицу, хотя-бы мать и смотрѣла съ неудовольствіемъ на такую торговлю, считая ее вторженіемъ въ свои права. Наконецъ сосѣднія семьи могутъ—хотя-бы путемъ молчаливаго допущенія или практики—вступить въ соглашеніе, которымъ разъ навсегда, на основѣ взаимности, устанавливается свободный обмѣнъ женъ; подобное «сонициумъ» прокладываетъ дорогу взаимному соглашенію супруговъ и семейному счастью.

Такимъ образомъ возникаютъ три способа заключенія брака: путемъ похищенія, путемъ купли и путемъ соглашенія. Ни одинъ изъ этихъ способовъ однако не исключаетъ вполне сохраненія формъ другого, ему предшествовавшего. Прежде чѣмъ между обоими полами съ ихъ различными сферами труда устанавливается извѣстное равенство, какъ это мы видимъ напримѣръ въ «конфарраціи» римскаго патриціанскаго брака, въ исторіи культуры еще долго господствуетъ непосредственно слѣдующее за разрушеніемъ матриархата безусловное подчиненіе женщины мужчине. Женщина, безразлично, куплена-ли она, похищена-ли, или приобретена въ обмѣнъ на что-нибудь, является собственностью мужчины и всю свою жизнь не перестаетъ быть ею. Сперва она принадлежит господину своей матери, затѣмъ—своему мужу; если послѣдній умираетъ, то она переходитъ къ его наследнику, хотя-бы то былъ ея собственный сынъ. Такъ напримѣръ, Телемахъ претендуетъ на господство въ домѣ своей матери, основывая такое притязаніе не на своей опытности, а на правѣ. Такъ, Авессаломъ, который возмутился противъ своего отца и прогналъ его, снѣшить прежде всего захватить его женъ; онъ по праву принадлежит ему, если онъ будетъ побѣдителемъ. Безспорно, есть нѣчто грубое въ этой новой организаціи, на почвѣ которой при всемъ томъ выросли высшія культурныя формы. Не слѣдуетъ-ли впрочемъ жалѣть о ней, какъ о формѣ регрессивной? Такое сужденіе легко могло-бы быть навязано намъ нашимъ чувствомъ; но исторія культуры всегда идетъ своимъ путемъ впередъ, и если она на самомъ дѣлѣ иногда двигается назадъ, то часто только затѣмъ, чтобы потомъ съ еще болшей силой двинуться впередъ.

Женщина сдѣлалась служанкой и, удаленная отъ материнскаго очага, поселилась въ домѣ мужа; этимъ характеризуется новая форма. При господствѣ брака путемъ купли, мужъ вознаграждаетъ прежняго собственника женщины; въ то-же время женщина въ свою очередь заявляетъ притязаніе на вознагражденіе въ размѣрѣ ея участія въ имуществѣ и заасахъ дома и приноситъ это вознагражденіе въ качествѣ приданаго въ домъ мужа. Все это ухудшило ея положеніе. Но самый домъ, подъ защиту котораго она вступила, сдѣлался гораздо сильнѣе. Онъ гораздо лучше обезпечиваетъ своихъ членовъ, въ особенности въ смыслѣ пропитанія, и мать, что особенно важно для нея, можетъ воспитать большее число дѣтей, такъ какъ въ качествѣ дѣтской пищи является животное молоко,—результатъ перехода къ настоящему скотоводству. Вышнимъ образомъ этотъ переворотъ сказывается въ

уменьшені дѣтубійствъ и случаевъ принесенія дѣтей въ жертву богамъ. Многочисленныя свидѣтельства говорятъ намъ, какъ часты были такія жертвы въ эпоху господства материнскаго права; простая необходимость возводилась тогда въ религиозную добродѣтель. Чѣмъ больше мужчина въ качествѣ господина научался организовать трудъ, тѣмъ лучше понималъ онъ пользу большого числа рабочихъ рукъ—молодая отцовская власть явилась врагомъ принесенія дѣтскихъ жертвъ и замѣнила ихъ дарами мужскихъ промысловъ; на мѣсто ребенка является жертвенное животное, какъ напримѣръ въ разсказѣ объ Авраамѣ, въ міоахъ объ Агамемнонѣ и Брутѣ. Такое дѣнное вознагражденіе за дѣтей мать не могла предложить божеству.

Патріархатъ устранилъ браки между кровными родственниками и поліандрію, и, благодаря ему, впервые явилось требованіе—правда одностороннее—правственной чистоты. При господствѣ материнскаго права было желательно, чтобы мужчины оставались при домѣ ради его защиты, и потому ничто не препятствовало бракамъ въ собственномъ домѣ, даже бракамъ между родными братьями и сестрами. Въ домѣ инковъ такіе браки были даже нормальными, такъ какъ по древнимъ представленіямъ только женщина обезпечивала сохраненіе настоящей крови въ какомъ нибудь родѣ. Когда же женщина сдѣлалась предметомъ собственности и домашнего богатства, сыновья, оставшіеся теперь при домѣ, стали искать женъ за предѣлами своего дома и племени, и съ этихъ поръ брать жену только изъ чужого племени стало дѣломъ чести; только такая жена была вообще пріобрѣтеніемъ для дома, предметомъ его гордости и славы. Изъ практики, въ особенности у воинственныхъ племенъ, выработался обычай, имѣвшій силу закона; онъ очень часто совершенно устраняетъ браки въ средѣ одного и того-же племени. Такой порядокъ, хотя и выросъ на варварской основѣ, содѣйствовалъ чистотѣ нравовъ. Въ этомъ смыслѣ оказывала сильное вліяніе (правда, безъ намѣренія и даже внѣ сознанія людей) та несамостоятельность, до которой теперь опустилась женщина. Мы видѣли, что въ семьѣ матриархальной имѣлъ мѣсто какъ полигамическій, такъ и поліандрическій бракъ. Патріархатъ сперва уничтожилъ—насколько онъ могъ управлять практикой—поліандрію, а затѣмъ предъявляемыя къ женѣ требованія стали, по закону справедливости, прилагаться и къ мужу. При матриархатѣ женщина свободно распоряжалась собой, и мысль о будущихъ лишеніяхъ сильно побуждала ее какъ можно полнѣе наслаждаться своей свободой. Съ патріархатомъ женщина потеряла въ пользу своего господина право распоряжаться собой, и даже экономическій интересъ сталъ на стражѣ поведенія молодыхъ женщинъ до заключенія брака. Такимъ образомъ въ семью, когда она стала болѣе строгой организаціей, проникъ принципъ нравственности, и она сдѣлалась хранительницей этого принципа, который не могъ еще развиваться изъ непосредственныхъ потребностей жизни.

Переживанія, сохранившіяся изъ переходнаго времени.

Переживанія, которыя ясно показываютъ намъ способы заключенія новаго семейнаго союза и знакомятъ насъ съ его борьбой съ предшествовавшей организаціей, въ такомъ обиліи сохранились въ исторіи культуры и этнографіи, что мы въ своемъ изложеніи должны ограничиться весьма незначительной частью этого обширнаго матеріала. О похищеніи женъ, какъ обычай стараго времени, говорятъ не только многочисленныя преданія, но даже юридическіе памятники не очень отдаленной эпохи. Сѣверные германцы еще въ исходѣ среднихъ вѣковъ не могли

отказаться от этого способа добыванія женъ. Между тѣмъ какъ всякій предметъ владѣнія у нихъ нашель уже свой «миръ», на жену они все еще продолжали смотрѣть какъ на честную добычу, и врядъ-ли какой-нибудь другой законъ въ Шведіи долженъ былъ такъ часто повторяться и подтверждаться, какъ тотъ, который устанавливалъ «женскій миръ» (Weiberfrieden).

Сравнительно съ подобной тенденціей бракъ путемъ купли представлялся датчанамъ и континентальнымъ германцамъ шагомъ впередъ, и когда одинъ датскій король навязалъ покореннымъ славянамъ законъ, устанавлиющій бракъ путемъ купли, то это явилось нѣкоторымъ культурнымъ подвигомъ, такъ какъ такой бракъ создаетъ организацію болѣе прочную, чѣмъ та, которая до тѣхъ поръ существовала у славянъ. И до сихъ поръ еще бракъ путемъ похищенія или заманыванія не вполне исчезъ у южно-славянскихъ племенъ; онъ цѣликомъ сохранился въ ихъ преданіяхъ и пѣсняхъ и даже въ ихъ законахъ. По крайней мѣрѣ иногда заключенный такимъ способомъ бракъ признается законнымъ. Правда, братьямъ и дядямъ похищенной дѣвушки священнѣе долгу предписываетъ преслѣдовать похитителя кровавой местию, и они могутъ и обязаны убить его, если онъ попадетъ имъ въ руки, за исключеніемъ того случая, когда похищенная дѣвушка становится посредницей между враждующими и заявляетъ, что она добровольно соглашается быть женой своего похитителя. Такой бракъ признается закономъ, но невѣста теряетъ при этомъ свою долю въ общемъ имуществѣ дома, теряетъ свое «приданое» на томъ основаніи, что она дѣйствовала безъ согласія своей семьи. Очень часто вполне ясно сказывается, что браки путемъ похищенія (умыканія) гораздо сроднѣе древнѣйшей непрочной патриархальной организаціи, чѣмъ болѣе строгіе браки путемъ купли. Извѣстно, насколько непрочно были славянскіе браки еще во времена святого Адальберта, а лѣтописецъ Несторъ отказывается признавать браками половыя связи у нѣкоторыхъ славянскихъ племенъ Россіи. Онъ говоритъ: «брати не бываху въ нихъ, но игрища межю селы: схожахуся на игрища, на плясанье и на вся бѣсовская игрища и ту умыкаху жены собѣ, съ нею кто совѣщашеся». Что такія похищенія происходили на «игрищахъ», не представляетъ ничего удивительнаго; во-первыхъ, игры только давали удобный поводъ и достаточную свободу для этого, во-вторыхъ, мы до сихъ поръ встрѣчаемъ этотъ обычай. Одинъ писатель, изображающій современный южно-славянскій бытъ, совершенно согласно съ древнимъ лѣтописцемъ указываетъ на нынѣшніе праздники, какъ на случай, которымъ желающій жениться молодой человекъ и его родители пользуются для того, чтобы посмотреть дѣвушекъ и именно за игрой познакомиться съ ихъ качествами.

Такимъ образомъ то, что намъ сообщаетъ римское сказаніе о «похищеніи сабинянокъ», есть не что иное, какъ древняя культурная картинка, до такой степени вѣрная дѣйствительности, что она, пожалуй, въ настоящее время могла-бы повториться на южно-славянской почвѣ. Устраиваются игры, при этомъ похищаются женщины, братья ихъ исполняютъ обязанность кровавой мести и идутъ войной на похитителей. Тогда похищенные выступаютъ въ роли посредницъ и заявляютъ о своемъ желаніи остаться со своими мужьями, и браки признаются законными. Быть можетъ, это преданіе имѣетъ цѣлью разсказать намъ вообще, какіе нѣкогда господствовали въ Лаціумѣ нравы и обычаи въ противоположность позднѣйшему времени. Ибо въ эпоху патрищеѣ въ Римѣ не существовало уже похищенія женъ, но все роды мирно обмѣнивались между собой женщинами. Такія повѣнчанныя «конфареацией» жены пользовались особыми преимуществами, и говорилось, что онѣ получили ихъ въ наслѣдство отъ тѣхъ сабинянокъ, которыя сдѣлались родоначальни-

цами римских родовъ. Такимъ образомъ это сказаніе сохранило совершенно ясное воспоминаніе о томъ, что и въ Римѣ обычному патриціанскому браку предшествовало узаконенное соглашеніемъ похищеніе женъ. Позднѣйшей же формой заключенія брака между непатриціями, т. е. тѣми, кто не участвовалъ въ выше указанномъ основанномъ на взаимности союзѣ извѣстныхъ родовъ, является бракъ путемъ купли.

Среди формъ, сохранившихся въ качествѣ простыхъ свадебныхъ обрядовъ до позднѣйшаго времени, въ особенности многочисленны и широко распространены тѣ, происхожденіе которыхъ изъ эпохи похищенія женъ сказывается вполне ясно. А тѣмъ, что эти обряды продолжаютъ съ незначительными измѣненіями существовать даже до сихъ поръ, они весьма часто обязаны только своему рыцарскому элементу. Южно-славянскій свадебный поѣздъ все еще представляетъ изъ себя вооруженную дружину, которая добываетъ для жениха невѣсту. Во главѣ ея стоитъ «воевода», знаменосецъ и гонецъ. Совершенно также древнее салическое народное право говорить о трехъ мужахъ, которые при похищеніи женъ являются главными участниками, и о сопровождающихъ ихъ стрѣлкахъ. Такіе провожатые были нѣкогда необходимы для похитителя, чтобы въ случаѣ надобности оказать сопротивленіе мстителемъ—родственникамъ похищенной дѣвушки. Впослѣдствіи эти проводы превратились въ дѣло чести, и вмѣсто стрѣлковъ изъ лука явились стрѣлки изъ пистолета, которые выстрѣлами выражали уже только свою радость. Но салическій законъ отнюдь не представляетъ указанныхъ стрѣлковъ такими безобидными провожатыми, напротивъ, онъ налагаетъ на нихъ, какъ на пособниковъ разбойничеству, тяжелыя наказанія и даетъ намъ основаніе предполагать, что въ то время существовали организованныя шайки, которыя сдѣлали себѣ ремесло изъ подобной поддержки жениховъ-похитителей. Впослѣдствіи разбойники все чаще и чаще проникались увѣренностью, что согласіе похищенной дѣвушки на бракъ возстановитъ миръ, и это обстоятельство содѣйствовало тому, что столкновеніе между женихомъ и его дружиной съ родственниками похищенной дѣвушки постепенно утрачивало свой кровавый и серьезный характеръ. Къ этому явленію славянское и германское право относились однако очень различно. Первое охотно признало старинный обычай, второе стремилось строжайшимъ образомъ охранять отцовскую власть. Читателю вѣроятно извѣстно, что у многихъ нецивилизованныхъ народовъ мнимое похищеніе жены принадлежитъ къ свадебнымъ церемоніямъ. Тамъ и сямъ дѣло еще доходитъ до настоящей борьбы съ болѣе чѣмъ символическими ранами, но обыкновенно все носитъ на себѣ характеръ безобидной игры. У зулусовъ женихъ гонится за невѣстой; если ему не удастся догнать ее до воротъ дома, то она, правда, не освобождается отъ брачнаго ига, но ея родители получаютъ право требовать отъ жениха лишнюю голову скота. Арауканецъ покупаетъ невѣсту за опредѣленную цѣну у ея родителей, но тѣмъ не менѣе въ составъ свадебныхъ обрядовъ входитъ и церемонія похищенія. Женихъ подъѣзжаетъ верхомъ на лошади къ купленной невѣстѣ, съ мнимымъ насиліемъ схватываетъ ее и увозитъ. Лишь черезъ нѣсколько дней онъ возвращается съ ней въ свое жилище. Такой же смыслъ имѣла у мексиканскихъ мистиковъ обязанность жениха нести невѣсту на спинѣ нѣкоторое разстояніе; вѣдь и въ распоряженіи арауканца нѣкогда также не было лошадей *). Въ Полинезій мѣстами встрѣчался или до сихъ поръ еще встрѣчается обычай, по которому женихъ заставлялъ

*) Авторъ намекаетъ тутъ на отсутствіе лошадей на всемъ Американскомъ материкѣ до прибытія туда европейцевъ.

своихъ друзей продѣлывать церемонію похищенія, и до сихъ поръ тамъ широко распространены обычаи притворнаго сопротивленія невѣсты жениху. Иногда мнимая борьба направляется противъ самой женщины, или же ей какимъ-нибудь другимъ способомъ внушается, что она будетъ впредь занимать въ домѣ мужа подчиненное и служебное положеніе. Въ Сирміи товарищи жениха добываютъ для него невѣсту, которую онъ встрѣчаетъ... палочными ударами. Этимъ самымъ онъ внушаетъ ей, что онъ ея «господинъ и повелитель». Служебное положеніе жены тотчасъ вполне уясняется ей, такъ какъ на слѣдующее же утро послѣ свадьбы она должна вымести домъ и вычесать волосы веѣмъ свадебнымъ гостямъ. Въ другихъ мѣстахъ она должна подавать имъ воду при умываніи. Совпаденіе этихъ обычаевъ у различныхъ племенъ указываетъ на существованіе одной и той же основы такихъ обрядовъ. Такъ, у феллаховъ въ Африкѣ въ день свадьбы выступаютъ отецъ невѣсты и бьетъ ее, послѣ чего женихъ дѣлаетъ то-же самое, и этими дѣйствіями выражается переходъ власти отъ одного къ другому. Точно также у Сомали въ Восточной Африкѣ свадебное торжество открывается нанесеніемъ ударовъ невѣстѣ. У другого народа, по словамъ наблюдателей, молодые супруги торжественно расцарапываютъ другъ друга.

Другое переживаніе изъ этого переходнаго времени не встрѣчается уже болѣе среди европейскихъ народовъ, хотя въ остальныхъ частяхъ свѣта оно еще широко распространено. У европейцевъ пожалуй слабымъ намекомъ на него можно признать весьма распространенное предубѣжденіе противъ тещи. У многихъ племенъ мы часто замѣчаемъ рѣзко выражающіяся враждебныя отношенія между зятемъ и тещей или по крайней мѣрѣ обычай требуетъ фикціи такихъ отношеній, такъ какъ на самомъ дѣлѣ они врядъ-ли могутъ существовать, ибо обѣ стороны во всю свою жизнь не касаются болѣе другъ друга. Только избѣгая и игнорируя другъ друга, человѣкъ сумѣлъ здѣсь спастись отъ коллизіи обязанностей. Если «сабинянки» сумѣли даже водворить миръ и дружбу между своими мужьями и матерями, то такое полное примиреніе новой и старой организаціи удалось не веѣмъ женщинамъ. Не вездѣ любовь побѣдила болѣе могущественный освященный религіей долгъ — местию похитителямъ умилостивить свою собственную кровь. Неотмщеная кровь представляется первобытному человѣку источникомъ вѣчнаго страха; ибо «кровь есть душа», а непримиренная душа есть источникъ веѣхъ страданій, могущихъ поразить человѣка; эти страданія—наказаніе за неотмщеную кровь. Поэтому для нецивилизованнаго человѣка освобожденіе отъ обязанности кровавой мести является вполне невозможнымъ.

Долгъ мести лежитъ прежде всего на матери; установленіемъ новой семьи у нея похищено ея сокровище, растоптано ея право; ея собственная кровь подверглась оскорбленію. Отъ матери обязанность мести наследуютъ ея сыновья и единоутробные братья, т. е. братья и дяди невѣсты. Такъ, до сихъ поръ сербскія пѣсни упоминаютъ только братьевъ и дядей въ числѣ лицъ, преслѣдующихъ похитителей.

«Не похищай меня—предостерегаегъ дѣвушка:—
Ты будешь убитъ, ибо у меня девять родныхъ братьевъ,
А двоюродныхъ—цѣлое полчище».

Отецъ не упоминается здѣсь; и до сихъ поръ при свадебныхъ церемоніяхъ женихъ долженъ прійти къ соглашенію *съ братомъ*. Братъ заграждаетъ ему дорогу въ комнату дѣвушки, пока не получитъ подарка; братъ наконецъ отдаетъ невѣсту жениху. Но, съ другой стороны, существованіе дѣйствительной кровавой мести было-бы

для новой организациі невыносимо и должно было-бы привести къ ея паденію. Такимъ образомъ матери и ея кровнымъ родственникамъ не остается ничего другого, какъ подчиниться неизбежной судьбѣ—съ безмолвнымъ протестомъ. До сихъ поръ жены и тещи многихъ африканскихъ племенъ выражаютъ этотъ протестъ. Но месть остается неисполненной, ибо никто никогда больше не узнаеть, не увидитъ похитителя.

Обычай мстить за похищеніе не исчезъ, когда бракъ уже сталъ заключаться путемъ купли, которая устанавливаетъ миръ между отцомъ и женихомъ; но по отношенію къ матери этотъ самый отецъ является узурпаторомъ. Только тамъ и сямъ основная мысль сдѣлалась настолько неясной, что и отецъ совместно съ матерью выражаетъ свое неудовольствіе, если только писатели не ошибаются въ данномъ случаѣ. Часто даже сохраняется, въ качествѣ дальнѣйшаго логическаго вывода изъ обычая похищенія и связанныхъ съ нимъ домашнихъ церемоній, пожизненная притворная вражда и отвращеніе жены къ мужу; жена употребляетъ всѣ средства для того, чтобы скрыть отъ постороннихъ свои близкія, интимныя отношенія къ мужу. Какъ основанныя на нарушеніи права, они должны все еще бояться дневнаго свѣта и общественной мести. У племени Тубу въ Тибести (въ Африкѣ) жена остается послѣ свадьбы только семь дней въ домѣ мужа; затѣмъ она на продолжительное время возвращается къ родителямъ, и пока мужъ въ своихъ долгихъ путешествіяхъ по пустынь занимается своимъ тяжелымъ промысломъ, она вполнѣ самостоятельно ведетъ свое собственное хозяйство. Она почти никогда не говорить со своимъ мужемъ, болѣе того, она почти никогда не говоритъ въ его присутствіи, не называетъ его по имени, и въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда приходится съ нимъ перемолвиться словомъ, она отворачивается отъ него. У Тубу мужъ все еще теряетъ въ бракѣ свое имя; онъ обозначается только именами дѣтей въ качествѣ ихъ отца. Родители, братья и сестры жены только въ крайнемъ случаѣ называютъ его по имени и, вообще насколько возможно, избѣгаютъ этого... «Онъ не можетъ занять мѣсто въ собраніи, въ которомъ находится его тесть, и, завидя послѣдняго, надѣваетъ свой «литамъ» (вуаль) на лицо и проходитъ мимо». Точно также вообще родственники мужа избѣгаютъ собраній, въ которыхъ присутствуютъ родственники жены, и наоборотъ.

Нахтигаль, которому мы обязаны этими данными, нашелъ тотъ-же обычай—выказывать непримиримую вражду между родственниками обоеихъ супруговъ—еще во многихъ другихъ мѣстахъ Центральной Африки, напримѣръ—въ Борку и у буддумасовъ, племени, живущаго на островахъ озера Чадъ. Такой-же обычай господствуетъ на западномъ берегу Африки. Зять и теща въ Лоанго разговариваютъ только на разстояніи и съ опущенными глазами, не смотря другъ на друга. Если они неожиданно встрѣтятся, то, отвернувшись, проходятъ мимо. То-же мы видимъ у апантievъ и у нѣкоторыхъ южно-африканскихъ племенъ, такъ что вообще кажется, будто вся Африка въ этихъ церемоніяхъ сохранила память о материнскомъ господствѣ, фактическіе слѣды котораго до сихъ поръ оставались на сѣверо-востокѣ. У каффровъ зять остерегается посмотреть на тещу или назвать ее. Но эта особенность отнюдь не ограничивается Африкой, слѣды ея мы находимъ также въ Америкѣ и Австраліи. Вездѣ совершился тотъ-же переворотъ, и чѣмъ моложе и слабѣе культура даннаго племени, тѣмъ рѣже мы видимъ слѣды борьбы старой организациі съ новой. У американскихъ племенъ не существовало кочевого быта, и потому не было и юридическихъ отношеній рабства въ современномъ смыслѣ; но необычайная производительность охоты въ Сѣверной Америкѣ возвысила и здѣсь

мужчину надъ женщиной, и потому племена Дакота, Ассинибойнъ, Омага и Манданы знаютъ обычай притворной вражды между зятемъ и тещей. Точно также антильскій карайбъ долженъ былъ избѣгать родственниковъ жены, хотя онъ имѣлъ обыкновеніе жить въ домѣ тестя. Это понятно, такъ какъ новыя формы брака были согласны съ отцовскою властью, но не съ правомъ матери. Объ арауканахъ одинъ свидѣтель рассказываетъ: «мать невѣсты представляется разгнѣванной, поворачивается къ зятю спиной и иногда годами не говоритъ съ нимъ ни слова». Тотъ-же писатель тотчасъ указываетъ намъ истинное основаніе этого обычая и связь его съ другими. Сцена, въ которой мать представляется разгнѣванной, въ церемоніалѣ арауканской свадьбы слѣдуетъ непосредственно за фиктивнымъ похищеніемъ.

Переходное время характеризуется еще нѣкоторыми другими странными обычаями. Мужчина по праву сильнаго, а не въ силу естественныхъ узъ вступилъ во владѣніе семьей: таково по крайней мѣрѣ древнѣйшее воззрѣніе. Естественныя узы были замѣнены силой и правомъ собственности; дѣти и имущество были отняты у женщины, и противъ этого ничего не могъ подѣлать безмолвный протестъ втеченіи цѣлаго ряда вѣковъ. Такимъ образомъ мужчина одержалъ побѣду надъ женщиной, но не надъ тѣмъ религіознымъ элементомъ, который, всегда охраняя существующее, освящалъ и древнюю организацію. По древнему воззрѣнію, которое пришло на помощь женщинѣ, мужчина, чтобы получить право собственности на ребенка, долженъ былъ отнять его не только отъ матери, но также и отъ божества. Послѣднему, какъ истинному господину дома, принадлежалъ и ребенокъ; оно могло умертвить его до или послѣ рожденія или же сохранить ему жизнь. По первобытному жестокому религіозному обычаю, первенцы доставались божеству въ качествѣ жертвъ. И здѣсь опять-таки простая необходимость получила религіозную санкцію. Супругамъ не хотѣлось такъ рано расторгать недавно заключенный бракъ воспитаніемъ первыхъ дѣтей, и ихъ дарили божеству. Такимъ образомъ оно имѣло старинное притязаніе на дѣтей, и потому новорожденное дитя и сама родильница были священными и собственностью божества. Пока божество не снимало заклятія, ихъ не должна была касаться ни одна человѣческая рука; они были неприкосновенны или, какъ говорилось, «нечисты». Когда мужчина завладѣлъ ребенкомъ, дѣтекія жертвы стали все больше и больше исчезать. Но какъ добылъ мужчина ребенка отъ божества, которому ребенокъ первоначально принадлежалъ? Какъ онъ выкупилъ его? Этотъ компромиссъ съ религіознымъ обычаемъ древности, этотъ выкупъ ребенка отцомъ создали мѣстами такіе обычаи, которые сдѣлались предметомъ величайшихъ недоразумѣній со стороны этнографовъ. Суть дѣла заключается въ слѣдующемъ: вмѣсто одной жертвы, приносится другая — такимъ образомъ происходитъ обмѣнъ даровъ. Божество соглашается на это. Какимъ путемъ узнаеть это человѣкъ? Божество оставляетъ ребенку жизнь и даритъ ему радостное процвѣтаніе. Поэтому на вопросъ о цѣли церемоніи можно отвѣтить: она обезпечиваетъ ребенку процвѣтаніе.

Такое жертвоприношеніе, являющееся актомъ обмѣна, отличается первобытною простотой, вполне соответствующей индѣйскому образу жизни (всего лучше этотъ обычай сохранился на почвѣ Новаго Свѣта). Ребенокъ выкупается или кровью, добываемой изъ собственного тѣла, или же постомъ. Въ послѣднемъ случаѣ божеству просто предоставляются плоды земли, отъ потребления которыхъ воздерживаются ихъ собственники. Такимъ образомъ для того, чтобы приобрѣсти ребенка и сохранить его жизнь, мужчина приноситъ жертву, состоящую въ томъ, что онъ извѣстное время воздерживается отъ добыванія и по возможности отъ потребления плодовъ

земли—онъ «празднуетъ и постится», или же, рана свое собственное тѣло, беретъ изъ него жертвенную кровь. Этому древнему религіозному дѣйствию повѣствователи часто давали ложное толкованіе, хотя этотъ актъ съ совершенно одинаковыми цѣлями и при сходныхъ условіяхъ изображается еще въ историческихъ книгахъ Библии. У Давида заболѣлъ сынъ, или, какъ слѣдуетъ выразиться въ духѣ древнихъ воззрѣній, казалось, что Богъ хочетъ отнять жизнь у этого сына. Что-же дѣлаетъ Давидъ? «И молился Давидъ Богу о младенцѣ и постился Давидъ и, уединившись, провелъ ночь, лежа на землѣ.» (Вторая Книга Царствъ XII, 16.) Мужчина, который только что сталъ господиномъ дома, постоянно жилъ подъ опасеніемъ, что божество отниметъ у него *каждаго* новорожденного ребенка, или по крайней мѣрѣ первенца, пока онъ не пріобрѣтетъ его искупительной жертвой. Правда, ни одному ученому не приходило въ голову сравнивать съ родильницей царя Давида, который лежалъ и постился; но по отношенію къ неразумнымъ «дикарямъ» бѣлые единодушно считали нужнымъ принимать такую комическую несообразность, и такимъ образомъ это широко распространенное религіозное дѣйствіе вошло въ литературу въ качествѣ такъ называемыхъ «мужскихъ родовъ». Къ такому толкованію писателей склоняло еще то обстоятельство, что у этихъ сыновъ природы женщина-родильница не ложится въ постель для родовъ; такимъ образомъ противоположность въ поведеніи мужчины и женщины еще болѣе бросалась въ глаза и заставляла вѣрить, что мужчины и женщины помѣнялись своими ролями. Незначительныя «поправки» въ этомъ смыслѣ къ первоначальнымъ рассказамъ, которые обыкновенно вносятся при повтореніяхъ, могли создать самыя фантастическія изображенія. Наоборотъ, сами дикари иногда сохраняютъ еще правильное пониманіе смысла этого акта. Такъ, мундрукусы въ Бразиліи указали совершенно вѣрно изслѣдователю ф. Марціусу, что безъ этого дѣйствія мужъ не можетъ быть признанъ законнымъ отцомъ—т. е. правомѣрнымъ владѣльцемъ ребенка. Макузисы же Британской Гвіаны заявили путешественнику Шомбурггу, что они отнюдь не смѣютъ измѣнять этому обычаю, ибо результатомъ этого можетъ быть смерть или пожизненная болѣзненность ребенка. У другихъ племенъ, когда заболѣвалъ ребенокъ, родственники тотчасъ-же заключали, что отецъ велъ себя неправильно во время «мужскихъ родовъ», т. е. неправильно совершилъ религіозный актъ. Въ такомъ случаѣ постъ еще усиливается и распространяется на другихъ родственниковъ ребенка. Итакъ, отецъ послѣ рожденія ребенка (если онъ не предпочитаетъ, какъ Давидъ, жесткую землю) ложится въ висячую койку и постится или, прокалывая кожу, пускаетъ себѣ кровь. У даяковъ на островѣ Борнео отцу въ это время позволялось ѣсть только рисъ съ солью; дитя же было для него «нечистымъ», т. е. онъ не смѣлъ прикасаться къ нему до тѣхъ поръ, пока не пріобрѣлъ его себѣ указаннымъ способомъ отъ божества. Въ Америкѣ этотъ обычай былъ найденъ почти на всемъ южномъ континентѣ. У карибовъ родственникамъ по окончаніи поста задается большой обѣдъ, и при этомъ они завершаютъ жертву бѣднаго отца, расцарапывая все его тѣло до крови звѣринымъ зубомъ. Это совершается впрочемъ только послѣ рожденія перваго сына; постъ продолжается до 40 дней. Евреи въ Египтѣ, хотя и инымъ образомъ, но всетаки выкупали первенца и сохранили обычай при жертвоприношеніяхъ совершать «очищеніе». Искупительная жертва, разумѣется, должна была быть у евреевъ иной, такъ какъ у нихъ было запрещено расцарапываніе тѣла до крови, практиковавшееся еще у ихъ сосѣдей. На европейской почвѣ и послѣдніе слѣды такихъ дѣйствій давно исчезли; только тамъ да сямъ какое-нибудь свидѣтельство въ видѣ намека бросаетъ слабый свѣтъ на послѣдніе остатки

древняго обычая. Такъ, Діодоръ Сицилійскій замѣтилъ, что у корсиканцевъ въ его время существовалъ довольно несообразный обычай: въ то время, какъ женщина, только что разрѣшившаяся отъ бремени, мало бережетъ себя, мужъ лежитъ въ постели и держитъ себя, какъ больной. Страбонъ рассказываетъ то-же самое о древнихъ кельтиберійцахъ въ Испаніи, но и на него это извѣстіе произвело впечатлѣніе какой-то «несуразности». Женщина сразу послѣ родовъ готова идти на полевья работы, но зато укладываетъ мужа въ постель. Наконецъ, послѣдній слабый остатокъ этого обычая сохранился до сихъ поръ у басковъ по обѣ стороны Пиринеевъ: мужъ ложится въ постель, беретъ къ себѣ ребенка и въ такомъ видѣ принимаетъ поздравленія отъ сосѣдей. Не удивительно, что преданія, рассказывающія подобныя вещи объ отдаленныхъ баснословныхъ людяхъ, выродились въ бабью сказку о томъ, что существуютъ земли, въ которыхъ мужчины могутъ кормить дѣтей грудью.

Хотя это обыкновеніе постепенно всюду перешло въ незамѣтное переживаніе, всетаки оно, благодаря своему религіозному смыслу, имѣло большое значеніе, такъ какъ давало религіозную санкцію порядкамъ, созданнымъ насиліемъ. Не у матери отнялъ мужчина ребенка; онъ своей жертвой отвоевалъ его отъ божества, и послѣднее стало теперь охранять новыя отношенія и новый строй. Изъ сходной основной мысли возникли еще и другіе обычаи: только они связаны не съ первоначальнымъ правомъ отдѣльнаго отца, а съ существованіемъ древней двойственной организаціи. Эта двойственная организація продолжаетъ существовать въ нѣсколько измѣненныхъ формахъ и при патріархатѣ. Охота, скотоводство, война съ цѣлью полученія добычи, — все это еще принуждаетъ мужчинъ къ обобществленію, въ которомъ женщина не можетъ принимать никакого участія. Охотничьи народы образуютъ кратковременныя союзы, у кочевыхъ народовъ эта организація принимаетъ видъ патріархальной семьи; но и въ томъ, и въ другомъ случаяхъ женщины по причинѣ своего образа жизни и рода занятій все еще составляютъ особую группу внутри мужской организаціи — къ этой болѣе тѣсной группѣ ребенокъ, безразлично дѣвочка или мальчикъ, принадлежитъ все еще непосредственно, его приурочиваетъ къ ней какъ-бы сама природа. Мальчикъ въ концѣ концовъ долженъ вступить въ организацію мужчинъ, но съ этой «семьей» у него, по древнему воззрѣнію, нѣтъ родства, нѣтъ кровной связи. Стало быть, такая связь должна быть для него установлена: въ этомъ и состоитъ принятіе юноши въ организацію мужчинъ, къ которой онъ не принадлежитъ по рожденію; онъ долженъ какъ-бы снова родиться для этой группы, испытать нѣкоторое «возрожденіе». Какъ возможно это для человѣка? Первобытный человѣкъ изумляетъ насъ, людей компромисса, непреклонной послѣдовательностью своей логики. Онъ живетъ въ сферѣ иллюзій, но онъ не подозреваетъ этого и, не обращая ни на что вниманія, превращаетъ свои мысли въ дѣло. Разъ, по его мнѣнію, тождество крови у различныхъ людей есть условіе и сущность родства, то всякое искусственное смѣшеніе крови должно также устанавливать родство. Благодаря такому заключенію, создается тотъ широко распространенный обычай, который до сихъ поръ встрѣчается въ Восточной Африкѣ, на Мадагаскарѣ и въ другихъ мѣстахъ, — обычай кровнаго братства. Два человѣка дѣлаютъ себя родственниками, въ частности братьями другъ другу — сѣверные германцы называли такихъ братьевъ «Fosterbrüder». Каждый изъ братающихся беретъ изъ своего тѣла кровь и смѣшиваетъ ее съ кровью другого. А при принятіи въ цѣлое племя мужчинъ нужно вступить въ родство посредствомъ смѣшенія крови лишь съ общимъ для всѣхъ членовъ этой группы отцомъ; таковымъ является племенное божество. Самый актъ вслѣдствіе этого дѣлается одностороннимъ; только человѣкъ можетъ предлагать свою кровь; при посредствѣ божества, прини-

мающаго эту кровь въ себя, новичокъ (эфебъ) входитъ въ родственную связь со всѣми членами данной группы. Такимъ путемъ община мужчинъ поступаетъ подъ охрану тѣхъ естественныхъ узъ, которыя соединяли материнскую семью.

Разнообразію *формъ* при этомъ не было поставлено никакихъ границъ; чаще всего, послѣ того какъ самое дѣйствіе потеряло свою жизненность и стало непонятнымъ, сохранялись накожные надрѣзы для добыванія крови, которые въ концѣ концовъ получили значеніе внѣшнихъ признаковъ принадлежности къ опредѣленному божеству или, что въ данномъ случаѣ тождественно, къ извѣстному народу; такіе знаки могутъ быть налагаемы и другими способами, не однимъ надрѣзываніемъ кожи. Другая группа церемоній связана съ возрѣніемъ на актъ принятія мужчины въ общину, какъ на *второе рожденіе*. Это обозначеніе до сихъ поръ распространено въ Африкѣ, и настоящій аріецъ въ Индіи гордится тѣмъ, что онъ дважды рожденъ. Западно-африканскій жрецъ стремится это возрѣніе воплотить въ слѣдующемъ дѣйствіи: онъ съ притворнымъ насиліемъ отнимаетъ у матери юношей, назначенныхъ къ принятію въ мужскую общину, и утаскиваетъ ихъ въ лѣненую чащу, чтобы здѣсь, по выраженію матери, «убить и похоронить» ихъ и «снова оживить». Въ самомъ дѣлѣ жрецъ постомъ доводитъ юношей до состоянія, близкаго къ смерти, и затѣмъ уже постепенно какъ-бы даетъ ожить въ нихъ новому духу. Такъ, нѣкогда, при принятіи въ христіанскую общину, человекъ опускался въ воду и видимо погребался, и «поднимаемый изъ крещенія» въ качествѣ новаго человека нарекался новымъ именемъ.

Къ упомянутой западно-африканской церемоніи присоединялось и кровопусканіе; и здѣсь шрамы и порѣзы оставались впредь признаками, по которымъ узнавалась принадлежность къ племени. Мѣсто кровопусканія вообще было безразлично, но для каждаго племени, въ качествѣ признака распознаванія, оно всегда оставалось однимъ и тѣмъ-же. Въ Африкѣ клеймятся обыкновенно плечи, виски, щеки, лобъ; еврейское обрѣзаніе имѣетъ аналогичное происхожденіе. У индѣйцевъ особенно часто встрѣчались надрѣзы на плечахъ и груди (ихъ слѣдуетъ отличать отъ непостоянныхъ знаковъ, служащихъ для украшенія); до насъ дошло еще индѣйское сказаніе, что какой-то духъ сосетъ кровь изъ этихъ ранъ и иногда съ такой жадностью, что юноши умираютъ. Специальная форма этого обряда—обрѣзаніе отнюдь не ограничивается одними евреями, но встрѣчается часто въ Африкѣ и въ области южной части Тихаго океана; оно было въ употребленіи и въ древнемъ Египтѣ.

Постепенно начался переходъ къ другимъ формамъ, и онъ долженъ былъ особенно ясно сказаться тогда, когда одежда у людей стала болѣе совершенной, и безъ нея не могли уже обходиться. Часто вмѣсто надрѣзовъ является прокалываніе ушей, носа и губъ; затѣмъ знакъ, нѣрѣдко служившій для болѣе рѣзкаго обозначенія мѣста пораненія, — палочка или кольцо, которыя продѣвались сквозь рану, начинаютъ играть главную роль. Такъ возникло религиозное значеніе серегъ, которое мы встрѣчаемъ еще въ Библии. О Перу мы знаемъ, что тамъ сыновья инковъ, при принятіи ихъ въ племя, послѣ прокалыванія ушныхъ мочекъ, получали серги; до сихъ поръ серги, которыя носятъ мужчины изъ простого народа, часто являются знакомъ «обѣта» передъ какимъ-нибудь святымъ. Болѣзни, напимѣръ страданія глазъ, часто являются поводомъ для такого обѣта. Въ конечномъ результатѣ остается народное суевѣріе, что прокалываніе ушей полезно для глазъ. Такимъ образомъ, такъ какъ знакъ сталъ получать все большее и большее значеніе, кровавыя жертвы могли въ концѣ концовъ совершенно исчезнуть. Это и случилось, когда знакъ сочетался съ одеждой. Индѣйскія военныя племена до сихъ поръ дѣлаютъ настоящіе накожные надрѣзы,

нѣкоторыя секты еще теперь прокалываютъ себѣ уши, но брамины надѣваютъ только свой браминскій шнуръ и остригаютъ юношамъ голову. Персидскій юноша, при принятіи въ религіозную общину мужчинъ, опоясывается священнымъ поясомъ «кошти», а у германцевъ также было принято остриженіе головы у юношей и ихъ опоясаніе. А когда на такомъ поясѣ стали носить мечъ, то главную роль начало играть это оружіе, аналогично тому, какъ прежде кольцо въ ухѣ стало современемъ играть главную роль. Древніе евреи также сдѣлали вмѣстѣ съ другими этотъ шагъ впередъ и въ качествѣ національнаго отличія привѣсили къ своимъ платьямъ опредѣленнаго рода кисточки. Даже Греція, такъ охотно отрѣшавшаяся отъ стѣнительныхъ формъ древности, сохранила намъ съ большою вѣрностью въ одномъ обычаѣ консервативной Спарты кровавую жертву въ ея древней формѣ: спартанскіе юноши, при принятіи ихъ въ мужскую общину, подвергались бичеванію до крови, во время котораго жрица высоко подымала изображеніе боговъ. Такіе обряды исчезаютъ позже, чѣмъ теряется пониманіе ихъ первоначальнаго смысла. Новыя толкованія постоянно вселяютъ въ нихъ новый духъ. Развѣ нельзя вполне понятно объяснить, почему юноша, готовящійся стать мужемъ, долженъ попробовать плетей? Такой умершій и вторично одухотворенный обрядъ получаетъ названіе символа. Историческій и символическій смыслъ одного и того-же дѣйствія — двѣ совершенно различныя вещи, и отъ втораго очень рѣдко можно заключать къ первому.

Память о быломъ въ мифахъ и сагахъ.

Если культъ всюду связанъ съ потребностями жизни, то въ религіозныхъ представленіяхъ людей должна отражаться картина данныхъ условій жизни. Мифы и саги сохраняютъ ее, одна эпоха передаетъ ее другой, между тѣмъ какъ оригиналъ давно уже исчезъ со свѣта. Такъ, мифы почти всѣхъ народовъ сохраняютъ воспоминаніе о томъ фактѣ, что матриархатъ предшествовалъ новому правовому порядку и новой организаци. Всюду праматерь считается и изображается древнѣйшимъ изъ божествъ, и нерѣдко мифъ повѣствуетъ о борьбѣ, въ которой она была свергнута съ своего престола мужскими божествами позднѣйшаго времени, или о томъ, какъ произошло примиреніе между ними. Точно также преданія знаютъ время, когда дѣйствовали женщины гораздо болѣе мощныя, чѣмъ современные, и когда онѣ являлись основательницами общинъ; эпохъ героевъ въ мифологіи предшествуетъ эпоха героинь, съ которыми герои вступаютъ въ борьбу. Въ ряду героинь съ особеннымъ блескомъ выдаются Семирамида и Дидона, а еврейскимъ жрецамъ-судьямъ предшествуетъ жрица Дебора. Греческія сказанія изобилуютъ именами великихъ героинь, и греческая поэзія начинается съ произведенія, составленнаго въ ихъ честь. Героини населяютъ Ликію и повелѣваютъ герою Язону прежде всего почитать мать. Геркулесъ, врагъ женщинъ, борется съ женскимъ правомъ, отъ господства котораго онъ хочетъ освободить весь міръ; онъ устраиваетъ въ честь Зевса великій праздникъ въ Олимпіи и не позволяетъ женщинамъ приближаться къ святилищу; онѣ не имѣютъ права переходить черезъ Алфей. Нѣкогда (разсказывается въ одномъ изъ мифовъ), когда еще Аѳина и Посейдонъ боролись изъ-за господства, женщины имѣли въ Аѳинахъ право голоса. Только Посейдонъ заставилъ у нихъ отнять это право и впредь не называть дѣтей *по имени матери*. Въ трагическомъ мифѣ объ Орестѣ одинъ изъ греческихъ поэтовъ изобразилъ намъ борьбу стараго возрѣнія съ новымъ. Аполлонъ, юный богъ, повелѣлъ сыну мстить также и за кровь отца и доставилъ своему дѣлу побѣду надъ односторонними притязаніями материнскаго права. При этомъ

хоръ богинь мщенія жалуется: «Попралъ ты насъ советѣмъ, юный изъ боговъ». Однако свершилось! «Вы, боги молодые, законы древнѣйшіе попрали, вырвали ихъ изъ рукъ моихъ» (Орестейя въ пер. Н. Котелова, стр. 297 и 301).

Лучшимъ памятникомъ этой поистинѣ грандіозной борьбы между старой и новой организаціей является греческое сказаніе объ амазонкахъ. Какъ ни измѣнилось это преданіе во все преобразующихъ произведеніяхъ слова и рѣзца, зерно его можно всегда вполне ясно распознать. Отбросивъ причудливыя украшенія разсказа, мы находимъ тутъ довольно вѣрное повѣствованіе объ организаціяхъ, въ которыхъ мужчина не значилъ ничего, а женщина—все, о борьбѣ мужчинъ противъ женщинъ и объ окончательной побѣдѣ первыхъ. Эта борьба нѣкогда происходила всюду, гдѣ на сцену появлялось отцовское право. Поэтому древне всюду видѣли напоминанія объ амазонкахъ и борьбѣ съ ними и наконецъ пришли къ поэтическому созданію — похода амазонокъ, который связалъ одно съ другимъ все увѣковѣченныя памятью объ амазонкахъ мѣста. И въ Афинахъ, какъ уже выше было указано, объ организаціи стояли другъ противъ друга; на прежнемъ холмѣ Ареса расположились амазонки, изъ высокопостроенной крѣпости Акрополя боролся Тезей, герой новаго порядка вещей. Все искусства соперничали въ воспроизведеніи этого великаго событія для потомства, которое впрочемъ скоро перестало его понимать.

Мегара, Тризень, Тиррихій также имѣютъ свои памятники, посвященные амазонкамъ; и здѣсь новая организація побѣдила того-же врага. Остроумное сказаніе объ амазонкахъ вполне естественно изображаетъ намъ расколъ въ ихъ средѣ; любовь уводитъ Антіоу во вражескій станъ, она рядомъ съ Тезеемъ сражается противъ своихъ сестеръ. Благодаря ея посредничеству, враждующіе заключаютъ перемиріе, и она своей любовью спасаетъ тѣхъ, которыхъ предала изъ-за любви.

Вполнѣ естественно, что одна и та-же борьба происходитъ всюду, гдѣ новая культурная форма коснулася предѣловъ старой и вторгается въ нихъ. Поэтому каждая эпоха видѣла и искала на границахъ своей культурной области мѣстопробыванія вѣчно снова появляющихся амазонокъ. Исчезнувъ изъ Греціи, онѣ снова появляются въ болѣе отдаленныхъ странахъ, гдѣ въ дѣйствительности существовали еще свѣжіе слѣды древняго матриархата. Въ Милетѣ во времена географа Павзанія подъ защитой храма Артемиды жили женщины изъ рода Амазонокъ. Вообще карійскія женщины сохранили среди эллиновъ обряды и порядки болѣе древняго времени. Позже первоначальное мѣстопробываніе амазонокъ искали у Понта и думали, что нашли ихъ организацію у скиѣскихъ народовъ на югѣ современной Россіи. Точно какой-то миражъ, одна и та-же картина постоянно показывалась на горизонтѣ культуры, чтобы при ея приближеніи снова расплыться и исчезнуть. Тацитъ зналъ о существованіи народовъ, управляемыхъ женщинами и живущихъ на востокъ отъ германцевъ, а въ средніе вѣка скандинавы находятъ въ современной Россіи «страну Квенъ»—«страну женщинъ, которая охраняла себя не организованными арміями, а гостеприимностью и злыми женскими кознями».

Позднѣйшія формы заключенія брака.

Мы видѣли, что миръ, въ основу котораго, не смотря на все протесты, положено фактическое владѣніе, заключенъ. На почвѣ этого соглашенія возникаютъ новыя формы установленія брака. Похищеніе почти всюду замѣняется куплей. Но эта переѣвна формы не касается сущности тогдашняго семейнаго права; она является лишь послѣдствіемъ измѣненія формъ хозяйственной дѣятельности. То-же самое можно

сказать и объ употребляемых въ данный моментъ предметахъ обмѣна. Чтобы охарактеризовать прогрессъ въ этомъ отношеніи, достаточно сказать, что покушная цѣна постепенно получала видъ *подарка* со стороны жениха. Но не все народы даже въ наше время сочли нужнымъ такимъ путемъ замаскировать торгъ. Восточно-азиатская культура все еще совершенно отвергаетъ это, и исканіе жены тамъ есть всецѣло дѣло родителей жениха. Поэтому въ Китаѣ женихъ до самаго момента бракосочетанія находится въ самомъ напряженномъ состояніи, такъ какъ виѣшность его суженой ему неизвѣстна. Точно также въ древней Греціи отецъ отправлялся высматривать невѣсту для сына. Напротивъ, другіе народы, напримѣръ южно-африканскія племена, уже на довольно низкой ступени культурнаго развитія ничего болѣе не хотятъ знать о куплѣ и признаютъ лишь сватовство посредствомъ подарковъ; безспорно, что этотъ прогрессъ стоитъ въ нѣкоторой связи съ положеніемъ женщины въ данный моментъ. О датскомъ царѣ Фротонѣ разсказывается, что строгая, суровая форма брака путемъ купли представлялась ему шагомъ впередъ въ нравственномъ отношеніи по сравненію съ браками по легкомысленному любовному соглашенію, которые были приняты у сосѣднихъ племенъ. Фротонъ былъ правъ, потому что эти браки по любви не преслѣдовали какой-либо опредѣленной соціальной цѣли. Но точно также не подлежитъ сомнѣнію, что исчезновеніе брака путемъ купли является въ нравственномъ отношеніи шагомъ впередъ, и притомъ такимъ, который улучшилъ положеніе женщины. Нѣтъ только никакого основанія поправлять исторію, какъ будто она нарочно нѣкоторымъ народамъ оказала милость и позволила перешагнуть естественныя ступени культурнаго развитія. Отдѣльные случаи заключенія браковъ посредствомъ подарковъ въ эпоху всеобщаго распространенія брака путемъ купли встрѣчаются достаточно часто; но, благодаря имъ, женщина не является въ лучшемъ положеніи, и они врядъ-ли представляютъ болѣе достойную форму. Такъ, упомянутый уже датскій король подарилъ свою сестру Ульфилду, посѣвъ побѣды надъ ея мужемъ, въ качествѣ добычи, одному изъ своихъ друзей. Инки имѣли обыкновеніе дарить дѣвушкамъ своимъ вельможамъ. Въ случаѣ особенной нужды, фризы платили римлянамъ дань женщинами. Въ Африкѣ и у бедуиновъ Южной Аравіи до сихъ поръ господствуетъ открытая купля, и женщинами торгуютъ, какъ и всякимъ другимъ товаромъ. Въ Суданѣ обыкновенная плата состоитъ изъ нѣсколькихъ быковъ, а кафрѣ платитъ отъ шести до тридцати быковъ за невѣсту. Точно также у грековъ въ героическую эпоху женщина оцѣнивалась извѣстнымъ числомъ головъ рогатаго скота; но у нихъ послѣдній представлялъ болѣе высокую цѣнность. Гомеръ самъ какъ-то оцѣниваетъ искусную женщину только въ четыре рабочихъ вола. Еще въ его время считалось счастьемъ имѣть дочерей, ибо онѣ доставляли дому скотъ. Позднѣйшая Одиссея указываетъ уже на шагъ впередъ, разсматривая цѣну женщины уже лишь какъ подарокъ, но практика всетаки возвращается къ старому воззрѣнію; все улучшеніе сводится почти лишь къ перемѣнѣ названія. Когда Гефестъ убѣдился въ невѣрности своей супруги Афродиты, то онъ потребовалъ обратно отъ ея отца «свадебные подарки», какъ требуютъ назадъ деньги, заплаченные за поддѣльный товаръ. Древніе индійцы, исключая браминовъ, также покупали своихъ женъ за коровъ, а нѣмецкія «народныя правды» совершенно откровенно говорятъ о «покушной цѣнѣ». Также и библейскіе тексты говорятъ о «покупкѣ жены» и о «покушной цѣнѣ дѣвушки».

За женщину можно заплатить также и личными услугами; только эти услуги оказываются не по рыцарски, не невѣстѣ, а ея родителямъ, собственность которыхъ составляетъ невѣста. Такъ, женихъ у индѣйцевъ сѣкусовъ обыкновенно впродолже-

ни года служилъ родителямъ своей невѣсты. Такимъ-же способомъ, какъ извѣстно, одинъ изъ еврейскихъ патриарховъ приобрѣлъ двухъ женъ, и точно также Давидъ заплатилъ своему тестю Саулу полевой работой за его дочь. Наконецъ за женщину платилось иногда женщиной-же, т. е. одна женщина мѣнялась на другую; это стало возможнымъ, когда вмѣстѣ съ матриархатомъ былъ уничтоженъ принципъ родственнаго брака. Такъ, у нѣкоторыхъ бѣдныхъ австралійскихъ племенъ женихъ не можетъ ничего предложить за невѣсту, кромѣ дѣвушки изъ своего племени. Женясь на чужой дѣвушкѣ, онъ въ обмѣнъ за нее отдастъ свою сестру или вообще какую-нибудь подвластную ему родственницу.

Изъ такихъ явленій, быть можетъ, развились формы, которыя всего легче могли вытѣснить настоящую куплю, и возможно, что нѣкоторые историческіе порядки возникли именно такимъ путемъ. Мы намѣтимъ поэтому читателямъ этотъ путь, по крайней мѣрѣ какъ возможный.

Не всегда женщина, являющаяся покупной цѣной невѣсты, находится въ возрастѣ, годномъ для вступленія въ бракъ, не всегда тотъ, подъ отцовской властью котораго состоитъ дѣвушка-невѣста, можетъ быть склоненъ получить за нее невѣсту-же. Слѣдуетъ думать, что дѣвушку, отдаваемую въ обмѣнъ за невѣсту, женихъ предоставляетъ всему племени вообще, чтобы она когда нибудь могла сдѣлаться невѣстой всякаго, кто пожелаетъ жениться на ней. Но при этомъ до выхода замужъ она могла оставаться въ своей семьѣ, и такимъ образомъ двѣ большія семьи могли вообще прійти къ соглашенію относительно взаимнаго бесплатнаго обмѣна дѣвушекъ. Быть можетъ, на такомъ соглашеніи былъ основанъ бракъ индійскихъ браминовъ, которые не признавали брака путемъ купли; быть можетъ, *conubium* римскихъ патриціевъ имѣлъ именно такой смыслъ, такъ что принятый у нихъ способъ заключенія брака по справедливости могъ быть противоположнымъ плебейскому браку путемъ купли. Поэтому при заключеніи брака среди патриціевъ подчеркивалось соединеніе для общей заботы о пропитаніи, для общности стола, какъ это и выражалось въ упомянутой уже нами «конфарраціи». Это обстоятельство и возвышало римскую женщину надъ греческой. Но форма эта встрѣчается не только въ Римѣ. Общую фду, какъ вводный актъ брака, мы находимъ въ очень многихъ мѣстахъ, часто въ соединеніи съ болѣе древними формами. У бразильскихъ индѣйцевъ, которые заимствовали у цивилизаціи водку, при заключеніи брака женихъ и невѣста пьютъ вмѣстѣ этотъ напитокъ. У другихъ племенъ только женихъ ѣстъ, а невѣста подаетъ ему. Въ Сербіи молодые пьютъ трижды изъ одного стакана красное вино. Китайскіе супруги также начинаютъ свой брачный союзъ совмѣстной фдой и питьемъ. Но они пьютъ не изъ одного стакана, а мѣняются другъ съ другомъ стаканами, связанными красной ниткой.

Другая форма заключенія брака, переживанія которой мы находимъ въ особенности у германцевъ и славянъ, выражаетъ исключительно передачу невѣсты въ собственность мужа или его господина. При этомъ опять-таки, какъ и въ другихъ сходныхъ случаяхъ, божество дома является его настоящимъ властелиномъ и обладателемъ. Божеству поэтому и передается въ собственность приведенная въ домъ невѣста. У германцевъ такъ-же, какъ и у всѣхъ другихъ народовъ, существовали изображенія домашнихъ божествъ, которыя они считали спеціальными обиталищами этихъ духовъ. Только нѣкоторыя изъ этихъ изображеній дошли до насъ; большинство-же вытѣснено церковью. Къ первымъ принадлежитъ напримѣръ древесный пенъ «Stete», встрѣчающійся въ вендскихъ деревняхъ Альтмарка и въ болѣе художественной формѣ—статуя Роланда на рынкахъ старыхъ городовъ. Въ томъ и другомъ обитало

божество общины, семьи. Поэтому невѣсту приводили въ вендскихъ деревняхъ передъ «Stete», въ городахъ — предъ статуею Роланда; этимъ актомъ она передавалась во владѣніе семейному божеству. Когда пониманіе дѣйствія исчезло, остался въ качествѣ свадебной церемоніи «танецъ вокругъ Роланда». Въ каждомъ домѣ такое обиталище божества представлялъ очагъ, и въ качествѣ такового онъ назывался «Nel», а божество — «Hellja». У этого очага домъ принималъ въ свое владѣніе невѣстой, которая передавалась его вѣчнымъ представителямъ, богамъ, въ знакъ чего ее торжественно «водили вокругъ Nel'я». Это выраженіе сохранилось до нашего времени въ Вестфалии, но самое вѣрованіе и остатки этого обычая существуютъ въ самыхъ отдаленныхъ другъ отъ друга мѣстахъ. Даже въ Китаѣ совершается подобная церемонія. На печкѣ стоитъ фарфоровое изображеніе домашняго божества; молодые становятся передъ нимъ, и невѣста передаетъ ему, стоя на колѣняхъ, связку палокъ въ знакъ своего подчиненія. У евреевъ происходило то-же самое въ тѣхъ случаяхъ, когда слуги навсегда поступали во владѣніе дома; ихъ водили «предъ боговъ», предъ дверной косякъ дома и дѣлали имъ надрѣзъ на ухахъ. Пониманіе этого обряда сдѣлалось еще болѣе труднымъ, когда и устройство очага совершенно измѣнилось; при этомъ какая-нибудь его часть начинала иногда играть главную роль въ обрядѣ. Таковъ въ вестфальскомъ крестьянскомъ домѣ крюкъ для вѣшанія котла, съ которымъ стала совершаться церемонія «Helleiten» («хождение вокругъ Геля»). Въ Чехіи кой-гдѣ еще и теперь приводятъ невѣсту къ печкѣ, у южныхъ славянъ всюду — къ открытому очагу; или-же невѣста должна прикоснуться къ какому нибудь гвоздю въ дымовой трубѣ.

А въ старину очагъ находился лишь въ господскомъ домѣ, въ которомъ жила семья отца, а не въ женскихъ комнатахъ и не въ населенныхъ отдѣльными семьями домахъ. Въ христіанскую эпоху у общинъ явился новый Божій домъ въ видѣ церкви и въ религіозномъ отношеніи — новый очагъ для всѣхъ въ видѣ алтаря. Къ новому мѣсту было приурочено старое дѣйствіе: невѣсту стали водить предъ алтарь.

Полигамія.

Форма новаго брака при патриархатѣ — не есть непременно полигамическая, но все-же она не налагаетъ еще на мужа никакихъ ограниченій. Соціально-нравственная требованія предъявляются сперва лишь къ женщинѣ и уже гораздо позже при ея посредствѣ, когда она достигаетъ соответствующей высоты положенія и свободы, они отражаются въ свою очередь на мужчинѣ. До тѣхъ поръ женщина должна была снова завоевывать себѣ хотя-бы частичное господство. Только немногіе народы достигли этого; у большинства поэтому до сихъ поръ еще господствуетъ или по крайней мѣрѣ допускается полигамія и ограниченія, установленныя закономъ, носятъ не прямо этической, а соціальный характеръ. Самые выдающіеся культурные народы древности не ушли дальше ихъ, и даже Средніе Вѣка, не смотря на союзника, котораго моногамія приобрѣла въ христіанствѣ, живутъ еще посреди борьбы; въ настоящее время хотя для обширнаго культурнаго круга вопросъ юридически и рѣшенъ, но практика жизни все еще представляетъ борьбу. И полигамія въ своемъ развитіи также слѣдуетъ за вседвижущимъ принципомъ поддержанія жизни и его измѣненіями.

Не всегда полигамія мужа представлялась для его жены зломъ; наоборотъ, на извѣстной ступени общественнаго развитія, жена даже содѣйствуетъ ей. Причина этого факта заключается въ указанной уже выше безпомощности, въ которой находилась на низкой ступени хозяйственной жизни мать при кормленіи ребенка. Связанный съ

этимъ продолжительный перерывъ брачной жизни могъ-бы легко привести къ ея полному прекращенію, если-бы не было нѣсколькихъ подругъ жизни, благодаря которымъ положеніе дома упрочивается. Мы не должны судить о полигаміи по празднымъ рабынямъ-наложницамъ гарема. Въ суровой борьбѣ за существованіе формируются другія явленія. Ненависть и раздоръ вовсе не безусловный признакъ полигамическихъ браковъ. Въ виду обязанности попеченія о дѣтяхъ, ревность не всегда имѣетъ мѣсто въ такой семьѣ. Путешественникъ Мустеръ хвалитъ трехъ женъ арауканскаго вождя за ту безпристрастную любовь, съ которой каждая изъ нихъ заботится о дѣтяхъ другой. Женъ зулусовъ путешественники изображаютъ прилежными и работающими, но всего упорнѣе жена бѣдняка-зулуса трудится тогда, когда ей нужно собрать средства для покупки мужу второй жены. Ревности для этой обремененной трудомъ женщины не существуетъ, а покупкой второй жены она пріобрѣтаетъ многочисленныя выгоды и для себя самой. Она облегчаетъ себѣ бремя работы, получаетъ руководящее положеніе въ домѣ, становится «госпожой» наряду съ господиномъ и приноситъ дому богатство и почетъ. И то, и другое вѣдь увеличивается по мѣрѣ возрастанія числа дѣтей. Последнее соображеніе, разумѣется, является и въ томъ случаѣ, когда первая жена бездѣтна. Библія часто рисуетъ намъ эту черту древне-патріархальной жизни. Рахиль даетъ своему мужу служанку Валу, Лія даритъ своему Іакову Зелфу. Люди того времени на подобный поступокъ должны были смотрѣть, какъ на большую заслугу, вѣдь и Лія надѣется получить за это особую награду отъ Бога и полагаетъ ее въ томъ, что и она тогда будетъ въ состояніи подарить мужу ребенка. Иногда конечно результатъ могъ получиться другой. Сара не видѣла никакой радости отъ Агари, которую она точно также дала своему мужу Аврааму; напротивъ, Сара должна была позаботиться о томъ, чтобы Агарь не лишила ея первенствующаго положенія. Такимъ образомъ можно сказать, что даже полигамія стала средствомъ къ поднятію положенія женщины; но, разумѣется, и тутъ для того, чтобы одна чашка вѣсовъ поднялась, другая должна была опуститься. За освобожденіе и болѣе или менѣе полную равноправность одной господствующей жены культурный прогрессъ заплатилъ безусловнымъ порабощеніемъ всѣхъ другихъ женъ. Первоначально всѣ жены мужа ему одинаково подчинены, одинаково составляютъ его собственность; не можетъ быть никакой разницы между супругами-женами и служанками или рабынями. Но именно вслѣдствіе многочисленности женъ, вслѣдствіе соединенія ихъ рабочихъ силъ, хозяйственная дѣятельность женщинъ, въ большинствѣ случаевъ какая-нибудь форма земледѣлія, получаетъ снова значеніе наряду съ скотоводствомъ, которое нѣкогда угрожало совершенно вытѣснить земледѣліе. Въ силу этого, увеличивается цѣнность женщины вообще. А общая женская работа снова требуетъ организаци и руководства, и послѣднее можетъ достаться опять только *одной* изъ женъ. Обыкновенно первая жена умѣетъ завоевать себѣ такое положеніе и удержатъ его за собой, и ея успѣхъ въ этомъ отношеніи всего вѣрнѣе обезпеченъ въ тѣхъ случаяхъ, когда она сама содѣйствовала пріобрѣтенію другихъ женъ. Последнія тогда (какъ это изображаетъ библейскій разсказъ) являются какъ-бы ея рабынями, которыхъ она даритъ своему мужу. Въ области ихъ отношеній къ мужу, она господствуетъ надъ ними.

Такъ естественно возникли два разряда женъ, хотя онѣ всѣ по одинаковому праву собственности были подчинены мужу. Дѣло освобожденія женщины обошлось безъ всякой мечтательности, безъ всякаго обоготворенія — освободителемъ явился только трудъ. Онъ былъ и мучителемъ, и ангеломъ-хранителемъ женщины; ему должны были-бы женщины соорудить благодарственный алтарь. Благодаря органи-

заці труда, *одна* женщина стала рядомъ съ мужемъ, въ качествѣ госпожи; въ качествѣ «жены» она возвысилась надъ служанками и въ этомъ положеніи украсила себя всѣми преданіями древняго времени; женщина - повелительница времени матриархата вновь возродилась, но только въ болѣе узкой сферѣ.

Въ магометанскихъ государствахъ полигамія получила характеръ, связанный съ бедуинскимъ родомъ занятій, но тѣмъ не менѣе и здѣсь жена сохраняетъ первенствующее положеніе даже тогда, когда любовь мужа отвернулась отъ нея. Она остается госпожей въ качествѣ начальницы дома. Нахтигаль съ удивленіемъ рассказываетъ, какъ самые буйные разбойники племени Ауладъ-Солиманъ, которые наполняютъ Сахару убійствами, у себя дома не могутъ избавиться отъ довольно тяжелаго ига своихъ первыхъ женъ.

Чѣмъ важнѣе дѣлается для мужчины хозяйственная дѣятельность женщины, тѣмъ выгоднѣе становится положеніе такой госпожи, и народное воззрѣніе можетъ измѣниться въ томъ смыслѣ, что собственно только «первая» жена начинаетъ считаться настоящей женой; остальные же жены—только служанки или наложницы. Тогда развитіе отношеній между мужчиной и женщиной вступаетъ на путь, который ведетъ къ *моногаміи*. Еще одно особенное обстоятельство можетъ благоприятствовать этой перемѣнѣ, именно тотъ договоръ «*connubium*», который отдѣльные семьи и союзы семей заключаютъ между собой, какъ это имѣло мѣсто въ древнемъ Римѣ. Въ этомъ случаѣ только жена, взятая изъ узкаго круга равнородственныхъ, является настоящей хозяйкой, а всѣ другія жены, приобретаемыя инымъ способомъ, заранѣе предназначены занимать болѣе низкое положеніе. Тогда мужъ только отъ своей *первой* жены, которая равна ему по рожденію, получаетъ законныхъ сыновей, *liberi, свободныхъ*. Всѣ прочія жены рождаютъ ему только слугъ и служанокъ. Такимъ образомъ весь домъ раздѣляется, и это раздѣленіе, какъ мы покажемъ ниже, имѣетъ величайшее культурно-историческое значеніе.

Другимъ путемъ къ моногаміи привела человѣка бѣдность. Да, бѣдность отдѣльныхъ лицъ или цѣлыхъ народовъ была призвана сказать свое слово въ пользу моногаміи. Создавшіяся въ силу этого условія были признаны полезными, освящены обычаемъ и стали закономъ. Такъ, Тацитъ говорить о склонности германцевъ къ моногаміи, но исключаетъ изъ этого знатныхъ и богатыхъ; тѣ не знали моногаміи. Даже правители христіанскаго образа мыслей, какъ на примѣръ Карлъ Великій, отказывались въ этомъ отношеніи подавать примѣръ. Точно также индійскій законъ Ману только признаетъ существующій фактъ, устанавливая для различныхъ кастъ различный тахішунъ женъ; самые бѣдные присуждаются къ моногаміи. Древне-еврейскій законъ не зналъ никакихъ ограниченій, но въ дѣйствительности они появились лишь тогда, когда благословенныя времена, обильныя млекоомъ и медомъ, миновали для Палестины. Только христіанство включило моногамію въ систему своего нравственнаго ученія; но не даромъ оно и выступило въ качествѣ религіи бѣдныхъ и сдѣлалось для нихъ утѣшительнымъ ученіемъ, сообщая ихъ нищетѣ характеръ чего-то святого.

Семья составная (родъ) и простая.

Мы не должны упускать изъ виду, что та форма семьи, о которой до сихъ поръ была рѣчь, покоилась на правѣ собственности, которое мужчина приобрѣлъ по отношенію къ женщинѣ и къ ея дѣтямъ, а также (безразлично, какимъ путемъ, но все еще непосредственно) и по отношенію ко многимъ другимъ лицамъ. Какъ ни близка эта форма семьи къ нашей, она всетаки не тождественна съ ней. Наше понятіе о

семья включает и понятие о родстве всех ее членов; та-же семья, о которой мы говорили до сих пор, основана на факте господства и в ней — названия отец и сын имеют совершенно другой смысл. На этот смысл нам довольно точно указывает слово *patriarch*, отец — господин, и данную форму семьи мы можем назвать патриархальной. Эта древняя семья (*Altfamilie*) в противоположность к отдельным простым семьям (*Sonderfamilien*) есть семья сложная, составная (*Gesammtfamilie*). Род (*Geschlechterfamilie*) и «клан» обозначают то-же самое. Эта семья обнимает чад и домочадцев, жен и служанок, двоюродных братьев, внуков, слуг — словом всех тех, кто находится под властью и во владении патриархальной главы, причем совершенно безразлично, со сколькими из них он связан кровными узами. Библия изображает нам такие семьи у евреев, когда она говорит о тысячах «*синовей*» одной семьи, которые возвратились из изгнания. Они все стоят под властью одного «отца» в древнем смысле и, не будучи ему кровными родственниками, являются его *синовьями*; в нашем языке нет слов, которые помогли бы нам не смешивать понятия двух совершенно различных эпох. Группы бедуинов, которые под предводительством одного главы рыщут по степи, ища добычи, также представляют семьи такого рода. Члены такой группы могут вполне ясно сознавать, что они, будучи чуждыми друг другу элементами, по принуждению или добровольно ради выгоды подчинились одному главе, и потому они — его сыновья в древнем смысле слова. Более близкую для нас картину такой древней семьи, хотя и в меньшем объеме, представляет южно-славянская «задруга», или «семейная община». Только нужда может заставить выйти из этой семьи, а смотря по надобности, и чужие могут быть в нее принимаемы; в эпоху бедуинского образа жизни в этом отношении господствовало насилие, и таким образом число рабочих сил общины увеличивалось по мере надобности. Подобная семья состоит в настоящее время из 20—60 душ, в нее входят: семья супружеская чета, братья и сестры, отцы и матери, деды и бабки, холостые парни и девушки. У всех у них один отец, только не в нашем, а в патриархальном смысле слова. В отцы может быть выбран самый старый из всех членов общины, зато такая честь может достаться на долю сына умершего «отца», как наиболее близкого к нему лицу; наконец, за свои способности даже молодой человек может быть избран отцом. Каким-бы путем он ни достиг такого положения, он является отцом даже тех, кто старше его, быть может, даже своих собственных отца и матери в нашем смысле. Такой отец распределяет работы, собирает все произведения общего труда и оделяет каждого из членов пищей из общей семейной кухни. У всех один дом и одна общая палата. Здесь варят и едят, здесь происходят совещания и беседы, празднества и игры. Но спальней эта общая палата, этот главный дом служит лишь для отца, его супруги и его детей (в узком смысле). Для других супружеских чет, принадлежащих к семейной общине, устроены особые спальни каморки, которые либо отдельными хижинами беспорядочно разбросаны около главного дома, либо пристроены к нему клетушками. Их число увеличивается, когда в дом вводится невеста. Но в суровую зиму главный дом открыт для всех без исключения, всем около его очага дается пристанище и ночной приют. Такая семейная община может состоять из многих отдельных семей. В основе последних лежат более поздние понятия о кровной связи отца с детьми. Поводы к разложению древней составной семьи на отдельные простые семьи, равно как обстоятельства, сопровождающие

это разложение, могут быть многообразны. Нѣкоторые моменты, сопровождающіе этотъ процессъ, имѣютъ огромное культурно-историческое значеніе, и мы обратимся къ ихъ разсмотрѣнію.

Изъ исторіи собственности.

Понятіе собственности не есть прирожденное. Самый институтъ собственности встрѣчается также далеко не всюду и не во все времена. Можно даже утверждать, что природа первобытнаго человѣка не мирится съ накопленіемъ собственности, и это учрежденіе въ своемъ развитіи наталкивается на столь многочисленныя препятствія, что окончательно утвердиться оно можетъ лишь послѣ упорной борьбы съ самими могущественными вліяніями.

Спеціальнѣйшій характеръ каждаго народа часто выражается въ его прирожденныхъ склонностяхъ и нерасположеніяхъ, которыя объясняются воздѣйствіемъ прежде существовавшихъ порядковъ и взглядовъ. Унаслѣдованныя привычки и воззрѣнія народа ни въ какомъ случаѣ не могутъ такъ быстро мѣняться, какъ напримѣръ законы. Поэтому изъ часто встрѣчающейся коллизіи народныхъ склонностей съ существующими учрежденіями мы съ большою достовѣрностью можемъ заключать о существованіи въ прошломъ извѣстныхъ условий, способствовавшихъ этому. Мы выберемъ теперь изъ народныхъ воззрѣній и обычаевъ нѣсколько такихъ переживаній, которыя могутъ быть объяснены только тѣмъ, что наши современные понятія о собственности отнюдь не всегда существовали. Именно то, что составляетъ предметъ сильныхъ желаній первобытнаго человѣка, — пища не сразу сдѣлалась предметомъ владѣнія, потому что беззаботный человѣкъ потреблялъ ее, но не сохранялъ для позднѣйшаго потребленія. Пока человѣчество находилось въ такой полосѣ земнаго шара, гдѣ сама природа доставляла ему все необходимое для его пропитанія, пища врядъ-ли могла быть предметомъ, на которомъ непосредственно развилось понятіе о собственности. Въ самомъ дѣлѣ, народы, которыхъ хозяйственная дѣятельность ограничивается добываніемъ пищи, не придаютъ вообще никакого значенія собственности. Такъ, Фритшъ охарактеризовалъ бушмена тѣмъ, что онъ совершенно «равнодушенъ къ собственности». Въ этомъ заключается причина его некультурности. Правовыя отношенія и нравственныя идеи, съ которыми мы вполне сжились, не могли развиться безъ понятія о собственности и при равнодушіи къ ней; бушмень-же ненавидитъ скотоводство, которое основывается на собственности и любви къ ней, но онъ любитъ мясо и славится воровствомъ скота. Этотъ способъ пріобрѣтенія пріучаетъ его къ насилию, насиліе сохраняетъ и усиливаетъ его природную грубость: онъ остается варваромъ.

Въ другомъ мѣстѣ мы уже видѣли аналогичныя явленія у индѣйскихъ племенъ. Они презираютъ озабоченность бѣлыхъ, считая ее грязною скупостью, и гордятся противоположными качествами. Вслѣдствіе небезопасности ихъ жизни имъ не стоитъ заботиться объ имуществѣ, а отсутствіе имущества еще болѣе увеличиваетъ эту небезопасность. Аппунъ, долго жившій среди индѣйцевъ Южной Америки, увѣряетъ, что ихъ природѣ противно «владѣть запасомъ пищевыхъ средствъ больше, чѣмъ на одинъ день». Поэтому-то эти индѣйцы не признаютъ права собственности на средства существованія. Они совершенно не обращаютъ вниманія на то, что поле огорожено, вторгаются всюду, гдѣ растетъ мансъ или что-нибудь другое въ этомъ родѣ, и «крадутъ» — по понятіямъ европейцевъ; у нихъ самихъ этого понятія нѣтъ. Приблизительно на той-же ступени развитія стояли въ эпоху открытія Полинезіи ея жители; правда, они занимались земледѣліемъ, но такъ быстро

уничтожали плоды своего труда, что для них тотчас-же наступалъ голодь. Европейцамъ пришлось въ ихъ лицѣ встрѣтить самыхъ нахальныхъ воровъ. Они стремились присвоить себѣ все, что имъ нравилось, и были очень недовольны, когда ихъ накрывали съ поличнымъ. Но послѣдствіемъ этого недовольства не было у нихъ чувство стыда, такъ какъ они были недовольны не своимъ проступкомъ, а его неудачей. Склонностью къ кражѣ или точнѣе столкновеніемъ понятій изъ различныхъ стадій развитія часто характеризуется недавно совершившійся переходъ отъ одного понятія о собственности къ другому. Тамъ, гдѣ общая собственность лишь въ позднѣйшее время перешла въ частную, человѣкъ долго остается склоннымъ, въ случаѣ нужды, заимствовать изъ пищевыхъ запасовъ «господь». Тамъ, гдѣ проходитъ историческая граница между организаціей колонистовъ и патриархальной, тамъ-же мы видимъ и между, раздѣляющую различныя понятія о *моемъ* и *твоемъ*. Юридическій катихизисъ давно сгладилъ всѣ различія, но практика жизни придерживается старины. До сихъ поръ въ Европѣ существуютъ страны, въ которыхъ привычки населенія дѣлаютъ рациональное земледѣліе невозможнымъ для отдѣльнаго колониста. А между тѣмъ сравнительно всего раньше развилось понятіе о собственности на воздѣланные плоды земли. Несмотря на то, въ этой области долго еще происходило шатаніе и борьба правовыхъ понятій, и то, что теперь встрѣчается только, какъ предметъ частнаго владѣнія, очень долго совершенно исключалось изъ него. Такъ, свободная охота и рыболовство лишь въ 15-мъ вѣкѣ должны были быть отняты у чешскихъ крестьянъ, и для этой цѣли они были обезоружены; но сознаніе того, что такая охота и рыболовство составляютъ правонарушеніе, не привилось къ народу, и поэтому до сихъ поръ народъ прилагаетъ совершенно различныя мѣрки къ браконьерству и конокрадству. Точно также въ народѣ до сихъ поръ сохранились слѣды юридическаго воззрѣнія того времени, когда лѣсъ не составлялъ еще частной собственности. Поэтому простой народъ склоненъ въ исключительномъ пользованіи лѣсомъ усматривать несправедливость со стороны владѣльца, и противъ запрещенія ходить по лѣсу во многихъ мѣстахъ возстаетъ еще юридическое сознаніе народа; но это остатокъ *устарѣшаго* правосознанія, такъ какъ и въ этой области развитіе не останавливается. Народные обычаи хранятъ для насъ память о совершенно исчезнувшихъ условіяхъ жизни.

Къ переживаніямъ подобнаго рода принадлежитъ и обычай *гостепрѣимства* въ тѣхъ широкихъ размѣрахъ, которыми славятся полукультурные народы. Много невѣрныхъ сужденій было высказано по этому поводу, благодаря тому, что экономическія условія объяснялись моральными причинами, врожденными свойствами «народнаго духа», тогда какъ, наоборотъ, послѣдній есть отраженіе первыхъ. Точно также гостепрѣимство, изображаемое у полудикихъ народовъ, часто слишкомъ блестящими красками, не есть народная добродѣтель, но только — явленіе, вытекающее изъ данныхъ экономическихъ условій. Оно необходимо, какъ единственная для того времени форма жизни на чужбинѣ, и его чрезмѣрное развитіе возможно только благодаря тому, что имущество дѣлится очень мало. Никто не отказывался давать то, что онъ имѣетъ, потому что запасамъ не придается никакого значенія, но въ то-же время никто не бываетъ слишкомъ гордымъ для того, чтобы желать и выпрашивать то, что ему нужно. Новозеландскіе дикари были въ высшей степени возмущены, когда европейцы не хотѣли имъ подарить черепаху, хотя сами въ ту минуту не ѣли ея. Легкость, съ которой получаютъ и даютъ, и просятъ и дарятъ, характеризуетъ всегда низкую степень развитія собственности, но отнюдь не всегда — добросердечіе. Пальгрэвъ слѣдующимъ образомъ изображаетъ подобныя-же переживанія у арабскихъ

бедуиновъ. <Ихъ щедрость часто вытекаетъ скорѣе изъ ребяческаго легкомыслія дикарей, чѣмъ изъ истиннаго и достойнаго похвалы великодушія. Какъ ребенокъ, бедуинъ одновременно хищень и расточителень; онъ стремится ко всему, что онъ видитъ, безъ различія цѣнности и легко удѣляетъ другому изъ того, что присвоилъ себѣ, просто по неспособности составить себѣ правильное понятіе объ истинной цѣнѣ предмета. Давать, выпрашивать, грабить—это для него коррелятивныя дѣйствія, которыя по существу своему вытекаютъ изъ полнаго отсутствія понятія о собственности, и потому врядъ-ли онъ заслуживаетъ больше похвалы за одно, чѣмъ порицанія за другое; говоря кратко: онъ не умѣетъ поступать иначе>.

Какъ мы теперь при сужденіи о добродѣтели и порокахъ прошлаго охотно пользуемся современными мѣрками, такъ народъ, наоборотъ, часто судить о новомъ по старому. Во все продолженіе среднихъ вѣковъ мы слышимъ самыя высокія похвалы безпредѣльной щедрости правителей, которая называется мягкостью («Milde»), хотя вся государственная жизнь того времени въ такой-же мѣрѣ, какъ раньше частная, страдала отъ отсутствія хозяйственной предусмотрительности. Разсчетливый и хозяйственный правитель могъ быть тогда увѣренъ, что на него обрушится самое жестокое порицаніе. До нашего времени сужденія объ этихъ вещахъ въ нѣкоторыхъ пунктахъ все еще не достигли единства и твердости.

Возвращаясь къ ранѣ поставленному вопросу, мы можемъ съ увѣренностью сказать, что понятіе о собственности ни въ какомъ случаѣ не примѣнялось первоначально къ запасамъ пищи. Иначе обстояло дѣло съ орудіями, хотя-бы и съ самыми простыми:—съ заостренной палкой, съ необдѣланнымъ или обдѣланнымъ камнемъ,—которыя были для человѣка въ одно и то-же время и орудіемъ, и оружіемъ. Чѣмъ меньше продовольственныхъ средствъ сохранялъ человѣкъ, тѣмъ больше онъ долженъ былъ стараться всегда быть наготовѣ для ихъ приобрѣтенія, всегда имѣть для этого при себѣ орудія и оружіе. Пока эту роль исполняли только камень и палка, — и то, и другое въ необработанномъ видѣ, — сохраненіе ихъ имѣло мало значенія: всюду можно было отыскать новыя орудія такого рода. Но лишь только сюда присоединилась хотя-бы малѣйшая затрата искусства, когда камни стали по желанію обтесываться, на палку былъ надѣтъ зубъ или осколокъ камня, эти орудія получили въ глазахъ человѣка индивидуальную цѣну, и онъ пересталъ ихъ бросать и мѣнять съ прежней легкостью. Къ нимъ прикрѣпилась первая *идея собственности*, и древне-нѣмецкое слово *Munt* вмѣстѣ съ римскимъ *manus* *), обозначающія одновременно руку и владеніе предметомъ, переносятъ насъ въ такую эпоху, когда подъ понятіе собственности подводились лишь вещи, которыя можно было держать руками.

Съ этихъ-то поръ за древнѣйшими орудіями, даже въ ихъ позднѣйшихъ видоизмѣненіяхъ, сохранилось особое почетное мѣсто среди предметовъ собственности; до нашего времени ихъ считали даже въ рудиментарномъ видѣ признаками *настоящаго человѣка* и носили на тѣлѣ. Группу древнѣйшихъ предметовъ человѣческой собственности составляютъ: палка, конь, мечъ, молотокъ, топоръ, ножъ. Менѣе человѣкъ свыкъ со стрѣлой и лукомъ. Остатокъ довольно древняго времени представляетъ карманъ для ножа и вилки въ платьѣ крестьянина на берегу Эгера.

Указанныхъ простѣйшихъ орудій, изобрѣтенныхъ неприязательнымъ первобытнымъ человѣкомъ, было вполнѣ достаточно для его пропитанія въ то беззаботное время; но для сохраненія питья, въ которомъ такъ часто и такъ болѣзненно чувствовался недостатокъ, недостаточно было пригоршни. Поэтому очень рано къ древнѣйшимъ ору-

*) *Manus* есть специальное обозначеніе власти мужа надъ женой въ римскомъ правѣ. *Прим. перев.*

діямъ присоединяется почти всюду сосудъ для питья, «скорлупа» въ самомъ обширномъ смыслѣ слова, на Югѣ—страусовое яйцо, кокосовый орѣхъ, тыква, на Сѣверѣ—черепъ или рогъ. Если мы сдѣлаемъ мечъ представителемъ всѣхъ вышеупомянутыхъ орудій, то мечъ и чаша (скорлупа) явятся для насъ характернымъ прототипомъ предметовъ собственности; они въ такой мѣрѣ сдѣлались собственностью человѣка, что кажется, будто они срослись съ нимъ.

Лишь мимоходомъ мы укажемъ читателю, что при раздвоеніи хозяйственной дѣятельности мужчины и женщины, которое наступаетъ довольно рано, постепенно образуется и двойное богатство вышеуказаннаго рода. Постепенно полевая кирка отдѣляется отъ боевого топора, палка для копанія—отъ копыя; появляется жерновъ и еще позже—орудія добыванія и поддержанія огня.

Къ этимъ двумъ группамъ необходимыхъ орудій присоединяются, равномернораспредѣляясь между обоими полами, украшения. И они у первобытнаго человѣка гораздо непосредственнѣе и тѣснѣе соединяются съ самимъ тѣломъ, чѣмъ въ позднѣйшія времена, какъ это показываетъ разсказанная нами въ первой части исторія украшеній. Они помѣщаются на самомъ тѣлѣ и разсматриваются какъ часть его. Этими предметами замыкается на первой стадіи развитія сфера человѣческаго владѣнія. Эта древнѣйшая собственность характеризуется столь необыкновенно тѣсной связью съ владѣльцемъ, что она какъ-бы срослась съ нимъ до неотдѣлимости. Когда къ этому понятію о собственности присоединяется религіозная идея, такая собственность становится бесплодной; она не увеличивается, не накапливается, каждый разъ должна быть пріобрѣтаема вновь и каждый разъ исчезаетъ вмѣстѣ съ человѣкомъ въ могилѣ. Отнять у человѣка мечъ (пусть мечъ будетъ снова для насъ представителемъ всей группы орудій и оружія)—значитъ оторвать у него руку; это рискованное предпріятіе по отношенію къ живому, но никто съ легкостью не сдѣлаетъ этого и съ мертвымъ, ибо месть духа—самая ужасная для первобытнаго человѣка, и страхъ передъ духами господствуетъ надъ всей его жизнью. Если позднѣйшая эпоха, наоборотъ, придастъ большую цѣну именно передачѣ этихъ предметовъ другому лицу, то всетаки всѣ связанныя съ этимъ актомъ представленія доказываютъ, насколько тѣсной и неразрывной была связь человѣка съ его древнѣйшей собственностью. Кажется, точно юное, только что родившееся понятіе о собственности обладаетъ интенсивностью, которую оно, съ теченіемъ времени, становясь все старше, постепенно теряетъ. Духъ не можетъ разстаться съ своимъ оружіемъ, оно въ соединеніи съ нимъ сдѣлалось фетишемъ. Этимъ объясняется часто встрѣчающееся извѣстіе, что въ такой-то и такой-то царской семьѣ мечъ почитался какъ божество, или что такіе-то и такіе-то народы клялись только своимъ оружіемъ. И совершенно на томъ-же началѣ основывается живущее до сихъ поръ народное вѣрованіе въ какую-то особенную силу «наслѣдственнаго оружія», «наслѣдственнаго ключа», «наслѣдственнаго блюда» или въ позднѣйшее время «наслѣдственной Библии». Этотъ мотивъ лежитъ въ основаніи постоянно встрѣчающихся сказаній о поискахъ сына за мечомъ его отца, о геройскомъ вторженіи въ могилы для полученія такого оружія и даже о происходящей здѣсь геройской борьбѣ съ духами. Въ этой борьбѣ воплощенъ разладъ двухъ эпохъ: новая стремится добыть дорогую вещь, хочетъ отнять ее отъ земли, въ которую она погребена безъ пользы; старая противопоставляетъ тысячи ужасовъ такому дерзновенному предпріятію.

Пока прогрессъ не принудилъ человѣка рѣшиться на такую борьбу, вещи, на которыя распространялось въ то время понятіе о собственности, были неприкосновенны. При жизни можно было поларить что угодно, пожалуй уже тогда наслѣд-

ственный мечь могъ перейти отъ отца къ сыну; но никто не осмѣливался отнять оружія и украшенія у того, кто умеръ ихъ собственникомъ; такую могущественную защиту давалъ молодой собственности страхъ передъ духомъ. Поэтому-то культъ даетъ такъ много мертвецу съ собой въ могилу, по меньшей мѣрѣ «мечъ и чашу». На самомъ дѣлѣ это все, чѣмъ обладаетъ дикарь. Лишь постепенно нужда заставляетъ по мелочамъ урѣзывать мертвеца то въ томъ, то въ другомъ; живые, крадучись, овладѣваютъ собственностью мертвыхъ. Символь этого факта и нѣсколько относящихся къ нему народныхъ вѣрованій сохранились до нашего времени. Бразильскія племена до нашего столѣтія фактически оставляли мертвецу все, даже хижину, подъ крышей которой онъ умеръ, и мѣсто, на которомъ она стояла. Лишь шагъ за шагомъ слѣдуя за увеличеніемъ богатства, этотъ нищенскій культъ доходитъ до той пышности, которую мы видимъ въ царствѣ инковъ и ацтековъ. Здѣсь умершему царю оставлялись его дворець и неизмѣримыя богатства, которыя, какъ извѣстно, для Кортеса и его товарищей сыграли роль западни. Подъ гнетомъ такихъ-же представлений находились и сѣверо-американскіе индѣйцы, и когда они уже черезъ посредство европейцевъ стали обладателями дорогихъ ружей, обычай все еще принуждалъ сына класть въ могилу отца и это цѣнное оружіе. Сходно съ этимъ поступали и эскимосы; но у тѣхъ и другихъ послѣдовательное проведеніе этого древняго обычая было поколеблено европейскимъ вліяніемъ. И именно тутъ вполне ясно сказалось, что такое виѣшнее воздѣйствіе на обычай можетъ уничтожить его смыслъ и пониманіе, но отнюдь не всегда даетъ самому образу дѣйствія болѣе правильное направленіе. Индѣйцы, познакомившись съ европейцами, узнали на опытъ, что зарывать имущество мертвеца въ землю—не нужно, но они, не смотря на это, унаслѣдовали отъ своихъ предковъ принципъ, что оставлять это имущество дома—ведетъ къ несчастью. Такимъ образомъ у эскимосовъ и сѣверо-американскихъ индѣйцевъ образовался новый обычай: все, оплакивающіе смерть покойника, набрасываютъ на его вещи, грабятъ и разносятъ ихъ. Результатъ получается тотъ-же самый, что и прежде: наслѣдники должны снова въ нищетѣ начинать свою жизнь. Американское правительство давно убѣдилось, что однимъ изъ основныхъ препятствій для распространенія среди индѣйцевъ цивилизаціи является такое отношеніе ихъ къ собственности.

Дальнѣйшій шагъ впередъ сдѣлалъ институтъ собственности подѣ вліяніемъ кочевого быта, увеличившаго число предметовъ собственности. Животныя, на которыхъ прежде только охотились, стали теперь, въ качествѣ запаса пищевыхъ средствъ, предметомъ ухода и заботливости, и понятіе о собственности распространилось на нихъ—огромный шагъ впередъ, проложившій путь для совершенно новой организаціи. Тотчасъ женщины и слуги стали также предметомъ собственности. Но опять культъ примѣнилъ къ нимъ старыя воззрѣнія. Поэтому мы видимъ, какъ вмѣстѣ съ господиномъ предаются погребенію его конь и слуга; мы видимъ, какъ вдовы слѣдуютъ за своими мужьями на костеръ. Но тѣмъ не менѣе эта новая собственность переходитъ отъ одного поколѣнія къ другому и дѣлается фундаментомъ для болѣе прочной обстановки человѣческой жизни. Въ это время уже развилась форма *древней (составной) семьи*—рода, и послѣдній въ своей совокупности есть собственникъ живого запаса пищи—скота. Такъ какъ эта совокупность людей не умираетъ, то вся собственность никогда не исчезаетъ цѣликомъ въ могилѣ. Только отецъ еще уносить съ собой значительную часть ея; но и то только предметы наиболѣе близкіе для него, преимущественно древнѣйшую собственность: свое личное оружіе и украшенія, а изъ позднѣйшей собственности—своего личнаго коня. Такимъ образомъ

имущество уже раздѣляется; только меньшая часть его идетъ въ могилу, а большаѣ—остается въ семьѣ. Это и есть «наслѣдство», непрерывность владѣнія которымъ устанавливается наслѣдственное право. Меньшая-же часть совпадаетъ вполне съ тѣмъ, что древніе германцы называли «*Heergewäte*»; послѣднее, слѣдовательно, надо думать, было нѣкогда выдѣлено въ качествѣ того личнаго имущества, которое слѣдовало за мужчиной въ его могилу. А такъ какъ этому «*Heergewäte*» мужчинѣ съ вполне аналогичнымъ значеніемъ противопоставляется «*die Gerade*» женщинѣ, то мы должны и ей приписать такой-же характеръ. И такъ, мы видимъ, что приращеніе собственности, сдѣланное въ эпоху кочевого быта въ качествѣ «наслѣдства», достается главнымъ образомъ всей составной семьѣ, всему роду, но въ то-же время изъ предшествующей стадіи развитія въ новую перешла извѣстная личная собственность, и притомъ отдѣльная для мужчины и женщины. Первая избѣгла гибели въ могилѣ и идетъ на удовлетвореніе возрастающихъ потребностей жизни, второй—каждая смерть угрожаетъ уничтоженіемъ. Но и она будетъ въ концѣ концовъ отнята у «мертвой руки» и сохранена для живыхъ; къ этому сводятся дальнѣйшая борьба и дальнѣйшій прогрессъ. Подробности этой борьбы составляютъ предметъ исторіи культа и должны были-бы быть повторены въ ней, но мы не станемъ здѣсь очень распространяться о нихъ. Эта борьба шла изъ за предметовъ огромнаго значенія! Какъ часто въ ней культъ и культура, которыхъ породилъ языкъ, стоятъ другъ противъ друга, какъ личные враги. Борьба эта должна рѣшить вопросъ: что побѣдитъ, эгоизмъ или гуманность. Долженъ-ли человѣкъ брать съ собой результаты своего труда для упокоенія своей души, или-же онъ долженъ отдавать его тѣмъ, кто остается послѣ него, чтобы эти оставшіеся могли съ постоянно растущимъ капиталомъ, съ постоянно увеличивающимися средствами вести болѣе успѣшную борьбу съ суровой природой, — борьбу за лучшую жизнь. Перваго требуетъ культъ, второго—культурный прогрессъ; первое есть утонченная форма эгоизма, второе—самоотверженная гуманность. Въ древности и въ средніе вѣка мы видимъ еще очень много эгоизма; шагъ за шагомъ посредствомъ компромиссовъ онъ очищаетъ путь гуманности.

Пусть эти объясненія помогутъ читателю понять тѣ преданія, которыя прославляютъ мудрость Солона или римскихъ двѣнадцати таблицъ за ограниченіе роскоши при похоронахъ. Эти сказанія обозначаютъ этапные пункты той борьбы, которая древнему міру по справедливости представлялась настолько важной, что онъ память о ней связалъ съ именами своихъ лучшихъ людей. Одно нѣмецкое сказаніе хотѣло вѣроятно подобную-же славу приписать императору Генриху I; оно рассказываетъ, что этотъ защитникъ имперіи противъ восточныхъ дикарей ввелъ вышеупомянутое нѣмецкое «*Heergewäte*». Такихъ учрежденій никто не вводитъ, но это—прекрасная мысль связать имя этого императора съ фактомъ отнятія у могилъ тысячи нѣмецкихъ мечей; эти мечи вмѣсто того, чтобы служить мертвецамъ, стали въ рукахъ живыхъ охранять жизнь. На сѣверѣ голландскій законъ устанавливаетъ совершенно то-же самое, говоря, что «повинности за наслѣдство отменяются; кто послѣ «мертвой руки» хочетъ отдать платья или обувь, пусть дастъ бѣднымъ своего прихода». Изъ этого видно, что въ то время, когда мертвецу нельзя уже было больше ни въ какомъ случаѣ оставлять все наслѣдство, возникло воззрѣніе, что предоставленіе ему древнѣйшей собственности вознаграждаетъ его за оставленіе наслѣдства въ рукахъ живыхъ. У мертвеца фиктивно покупали наслѣдственное имущество и послѣ этого спокойно владѣли и пользовались имъ въ цѣляхъ жизни. Постепенно этотъ актъ дѣлался все болѣе и болѣе символическимъ, и у мертвеца, кромѣ савана, осталась только монета, которую клали ему

въ ротъ. Ею у него выкупали «наслѣдство», какъ это до сихъ поръ говорится въ восточной Пруссіи; во многихъ древнихъ могилахъ находили такія монеты, и фантазія потомковъ много занималась этимъ фактомъ, давая ему все новыя объясненія.

Вообще съ теченіемъ времени все сильнѣе и сильнѣе обнаруживается тенденція какъ можно больше отвоевать у мертвеца; и если родственники, какъ въ древности, все еще боялись пользоваться священнымъ нѣкогда имуществомъ, то въ то-же время оно уже не исчезаетъ совсѣмъ изъ пользованія человѣка; оно покрываетъ теперь наготу нищихъ: то, что прежде доставалось «мертвой рукѣ», раздается на могилахъ бѣднымъ; такимъ образомъ мы видимъ, что предки жителей скандинавскихъ странъ проходить ту-же ступень развитія, на которой мы раньше застали индѣйцевъ; имущество «мертвой руки» раздается членамъ того-же прихода. Но древнее готландское право преслѣдуетъ при этомъ уже хозяйственную цѣль, оно прибавляетъ: «сѣдельное сукно и сѣдельныя подушки не должны быть разрѣзаемы болѣе, чѣмъ на четыре части». Оно, стало быть, стремится не только удалить изъ дому страшное имущество мертвеца, но и сохранить его для какого-нибудь цѣлесообразнаго употребленія. Эти примѣры показываютъ намъ, какими путями человѣкъ дошелъ до накопленія богатства, и въ то-же время тѣ трудности, которыя лежали на этой дорогѣ. Современный человѣкъ врядъ-ли можетъ должнымъ образомъ оцѣнить и понять все это. Сперва мертвецу предлагалась вмѣсто цѣлаго часть, затѣмъ мертвеца замѣнили бѣдные. Эту послѣднюю точку зрѣнія въ главныхъ чертахъ встрѣчаемъ мы во все продолженіе среднихъ вѣковъ, съ тою только разницей, что тутъ рядомъ съ бѣдными и въ качествѣ ихъ посредницы выступаетъ церковь. Она вѣдь является современной представительницей культа. Забота о душахъ получила другую форму съ развитіемъ религіозныхъ понятій. Земное снаряженіе не могло больше быть полезнымъ духу; но благочестивыя дѣянія доставляли ему у Бога милостивый пріемъ, а такія благочестивыя дѣла творила церковь, и церкви поэтому давалось теперь вознагражденіе за то древнее снаряженіе мертвеца, о которомъ мы говорили выше. «Seelgeräthe» называлась въ средніе вѣка эта новая форма снаряженія души.

Какъ много ни поглощали эти «Seelgeräthe» въ средніе вѣка, какъ много, благодаря имъ, ни захватывала съ судорожной жадностью «мертвая рука», всетаки это было лишь выкупомъ и сдѣлкой. И эта сдѣлка сохраняла для живыхъ извѣстную часть имущества. Эта часть все еще не была велика; ея увеличеніе есть признакъ экономическаго прогресса. Саксонскій лѣтописецъ рисуетъ намъ совершенно вѣрную культурную картину того стараго времени, расхваливая императора Оттона II за то, что онъ половину всего своего состоянія оставилъ поровну церкви и бѣднымъ, а другую половину — своимъ родственникамъ и соратникамъ. Въ то время какъ по этому сказанію выкупъ еще составляетъ половину всего наслѣдства, позднѣйшее, развившееся въ городахъ, правосознаніе ограничиваетъ его уже одной третью. Но эта повинность имѣетъ еще такой-же постоянный и опредѣленный характеръ, какъ какой-нибудь сборъ или такса, и даже если наслѣдство, за неимѣніемъ другихъ наслѣдниковъ, переходило къ общинѣ, то послѣдняя все еще постоянно употребляла изъ него треть «на душу». Но именно города и выступили на борьбу противъ такого ограниченія наслѣдства; они сдѣлали это не изъ принципа, но опять-таки лишь подъ давленіемъ экономическихъ условій. Церковь уже не уничтожала этой части человѣческаго приобрѣтенія; наоборотъ, она сохраняла ее, такъ какъ давала ей въ концѣ концовъ свѣтское назначеніе; но городскія общины терпѣли ущербъ отъ того, что эти имущества, въ силу принадлежавшихъ церкви привилегій, были

свободны отъ всякихъ повинностей въ пользу общины. Поэтому, благодаря постоянному повторенію такихъ «Seelgeräthe», уменьшалась платежная сила общинъ. Мѣры, которыя послѣднія принимали противъ этого зла, не могли прекратить его, пока не были потрясены самой принципъ. Эта борьба, которую обыкновенно проматриваютъ, проложила путь реформации, занимающей здѣсь насъ лишь съ экономической точки зрѣнія. Реформация порвала съ самымъ принципомъ, и тамъ, гдѣ она побѣдила, она возвратила живымъ накопленнымъ богатства «мертвой руки». Нашли ли они поэтому тотчасъ и повсюду болѣе цѣлесообразное употребленіе, это мы не беремся рѣшать. Реформация возникла не на Югѣ, не тамъ ея родина и не тамъ она нашла себѣ убѣжище; Сѣверъ далъ тотъ экономическій толчокъ, безъ котораго богословскій вопросъ врядъ-ли сдѣлался-бы популярнымъ въ народѣ. На Югѣ было всегда легче для человѣка существовать безъ унаслѣдованной обстановки жизни. Итакъ, время реформации мы должны считать эпохой въ исторіи собственности.

Р а б с т в о .

Рабство есть характеристическая форма собственности на той второй ступени ея развитія, которая связана съ кочевымъ бытомъ. Коренные обитатели Америки не знали рабства въ тѣхъ рѣдкихъ его формахъ, которыя мы встрѣчаемъ въ Старомъ Свѣтѣ. Въ эпоху земледѣлія и промышленности явилась еще болѣе мягкая форма рабства; впрочемъ сначала мягкость эта обуславливалась исключительно соображеніями, вытекавшими изъ особеннаго характера занятій раба. Эту позднѣйшую форму подчиненности мы различаемъ отъ настоящаго рабства, которое называемъ домашнимъ рабствомъ (холопствомъ). Позднѣйшая форма подчиненности возникаетъ преимущественно тогда, когда народы, предпочитающіе еще бедуинскій образъ жизни, покоряютъ себѣ земледѣльскія и промышленныя племена. Извѣстные примѣры этого рода представляютъ господство израильянскихъ союзныхъ племенъ надъ болѣе цивилизованными хананеями, или покореніе завоевателей германцами «романцевъ». Въ гораздо болѣе ограниченныхъ размѣрахъ то-же самое повторяется въ отношеніяхъ германцевъ къ «лителямъ» на чисто нѣмецкой почвѣ. Такіе завоеватели не принимаютъ уже больше покоренныхъ въ свои семьи въ качествѣ ихъ членовъ-слугъ, потому что тѣ цѣнныя услуги, которыя они могутъ оказывать своимъ господамъ, какъ земледѣльцы или ремесленники, неразрывно связываютъ ихъ съ полемъ, съ мастерской, съ рудникомъ и т. д. «Господа» въ такихъ случаяхъ не отрывали раба отъ его занятій, а только брали себѣ произведенія его труда за вычетомъ средствъ, необходимыхъ на содержаніе трудящагося. Такъ какъ по преимуществу въ такое положеніе по отношенію къ завоевателямъ попадали болѣе культурные народы, то эта позднѣйшая ступень подчиненности содѣйствовала разложенію древнекочевого рабства.

Послѣднее же есть *рабство домашнее*. Покоренный кочевникъ не привязанъ ни къ землѣ, ни къ мастерской и представляетъ изъ себя легко подвижную рабочую силу. Завоеватель овладѣваетъ ею безусловно; на этой ступени развитія человѣкъ самъ сдѣлался предметомъ захвата. Если послѣднее съ точки зрѣнія потерпѣвшаго называть грабежомъ, то грабежъ является однимъ изъ главныхъ источниковъ рабства. Но въ то время съ этимъ фактомъ не связывается никакого представленія о чемъ-то безнравственномъ. Понятіе о нравственной защитѣ, подъ которой находится собственность, приходитъ къ человѣку не извнѣ, но развивается внутри отдѣльныхъ организацій. Въ силу этого оно и не распространяется

на чужую землю, чужеземец остается без охраны. Поэтому-то арийская группа словъ, къ которой принадлежатъ латинское—*hostis*, славянское—гость, нѣмецкое—*Gast*, обнимаетъ все чужое въ древнемъ смыслѣ. Чужеземецъ, какъ таковой,—врагъ, но въ то-же время и гость, если онъ принятъ подъ охрану мира, господствующаго въ домѣ. Для того, кто встрѣчается человѣку внѣ его дома, нѣтъ мира. Поэтому до сихъ поръ путешественники стараются незамѣченными пробраться въ палатку сирийскаго бедуина. Тотъ, кто внѣ жилища былъ-бы предметомъ грабежа, «врагомъ», вошедши въ палатку, дѣлается гостемъ; его обнимаетъ миръ дома. *Grüssen* (привѣтствовать) первоначально значить только заговаривать съ кѣмъ-нибудь, но это обращеніе къ тѣмъ, кто встрѣчается внѣ жилища, не всегда было лишь формой вѣжливости. Древне-восточное привѣтствіе «миръ тебѣ» есть многозначительный пароль въ устахъ лицъ, встрѣчающихся другъ съ другомъ. Прежде чужіе никогда не могли встрѣчаться другъ съ другомъ безъ недобвірія. Когда Тубу Сахары сходятся, то они очень долго разсматриваютъ другъ друга, прежде чѣмъ приблизятся и пройдутъ мимо. Завидя одинъ другого, они присѣдаютъ на большомъ разстояніи и, протягивая оружіе, бросаютъ испытующіе взгляды другъ на друга, причемъ каждый скрываетъ свое лицо подъ чадрой. Постепенно начинаются взаимные распросы о происхожденіи и цѣли путешествія, и только послѣ этого они съ нѣкорымъ довѣріемъ приближаются другъ къ другу. Разговарывая, они говорятъ другъ другу: «миръ тебѣ!» и это привѣтствіе разомъ выражаетъ содержаніе тѣхъ дѣйствій, которыя предшествовали приближенію. Встрѣчающіеся этимъ привѣтствіемъ распространяютъ другъ на друга миръ своей организаци. Тотъ-же смыслъ имѣетъ римское *salutare*, ибо здравіе и миръ въ данномъ случаѣ равнозначущи. Протягиваніе или подаваніе руки, въ особенности той, которая приучена къ оружію (т. е. правой), закрѣпляетъ словесное увѣреніе въ мирѣ.

Мало по малу народы распространяютъ миръ путемъ союзовъ за предѣлы собственной организаци; постепенно устанавливается миръ между германскими племенами галльскихъ и нѣмецкихъ областей; насколько простирается власть одного и того-же короля, надъ всей страной господствуетъ *одинъ* «королевскій миръ»; и, постепенно выходя за его предѣлы, независимо отъ распрій правителей, обнимая всю землю, устанавливается «божій миръ», но и онъ даже въ концѣ среднихъ вѣковъ фактически и цѣликомъ простирается лишь на *землю*. У моря нѣтъ мира. Моря, какъ нѣкогда и степь, вполне доступны для захватовъ; здѣсь свободно рыщеть викингъ, морской бедуинъ. То обстоятельство, что на морѣ нѣтъ «мира», служитъ основаніемъ «берегового права», которое до поздняго времени сохраняетъ свою силу. Чтѣ море принесло человѣку, то и принадлежитъ ему, и кто спасъ другого во время кораблекрушенія, тотъ приобрѣлъ его себѣ въ качествѣ раба. Намъ извѣстны примѣры того, что такое юридическое воззрѣніе имѣло силу даже въ концѣ среднихъ вѣковъ. Но не только международная вражда, а и древне-семейный строй кочевниковъ въ своей собственной средѣ создавалъ или по крайней мѣрѣ могъ создавать рабство; это внутреннее рабство могло развиваться по аналогіи съ тѣмъ, которое было создано внѣшнимъ путемъ. Правда, даже тотъ рабъ, который былъ приобрѣтенъ съ оружіемъ въ рукахъ, дѣлался всетаки членомъ семьи въ древнемъ смыслѣ; но когда на мѣсто умершаго «отца» долженъ былъ быть поставленъ другой, какимъ-бы путемъ это ни происходило, выборъ навѣрное никогда не падалъ на того, на которомъ еще чувствовалось ятно прежней вражды и отчужденности. Такимъ образомъ семья, разросшаяся до болѣе или менѣе обнирнаго рода, раздѣлилась на двѣ части, и это раздвоеніе носило довольно рѣзкій характеръ. Всѣ въ семьѣ должны были служить отцу, всѣ должны

были безусловно покоряться приказаніямъ отца, который имѣлъ право собственности на женщинъ и дѣтей, всѣ были подвластны его неограниченному праву наказанія, всѣ могли просто безъ всякой отвѣтственности быть имъ умерщвлены или проданы; но ни въ какомъ случаѣ не могъ отецъ въ своихъ отношеніяхъ къ подвластнымъ ему лицамъ игнорировать то различіе, что одни существуютъ *только* для того, чтобы служить, изъ другихъ же каждый по рожденію можетъ самъ когда-нибудь сдѣлаться отцомъ. Въ этомъ заключалась разница между рожденными въ домѣ (Eingeborenen, Ingenuus) и добытыми въ домѣ,—между «liberi» и «servi» римлянъ. Поэтому слово «liberi» въ одно и то-же время означаетъ и дѣтей въ узкомъ смыслѣ, и свободныхъ; а понятіе «свободный» (frei) этимологически связано съ понятіемъ господства, какъ это показываетъ родство этого слово съ Fron (барщина) и сѣвернымъ Freig; поэтому свободные это—властвующие. То-же самое явленіе должно было происходить внутри семьи и независимо отъ вступленія въ нее постороннихъ, *приобретенныхъ* извнѣ членовъ, какъ только, вслѣдствіе образованія извѣстнаго порядка наслѣдованія, власть все прочіе и прочіе закрѣплялась за одной изъ отдѣльныхъ семей или за болѣе тѣснымъ кругомъ въ средѣ такой семьи. Эта перемѣна объясняется многими внѣшнѣ естественными причинами. Она невозможна, пока грабежъ составляетъ почти единственное занятіе мужчинъ, и даже самый послѣдній изъ нихъ, если только онъ силенъ физически и духовно, имѣетъ возможность достигнуть предводительства, а съ нимъ и—званія отца; но лишь только занятія становятся хоть сколько нибудь болѣе мирными, однообразными и постоянными, и начинаютъ оказывать нѣкоторое вліяніе извѣстная традиція руководительства и раздѣленіе труда,—дѣло мѣняется. Въ виду того, что всякое наслѣдованіе впервые является лишь какъ даръ, сдѣланный наслѣдодателемъ при жизни, и оно возможно только въ этой формѣ, то воля правящаго отца могла получить рѣшающее вліяніе также и на назначеніе ему преемника. Благодаря этому, начинается переходъ къ исключительному преемству родныхъ дѣтей, и такимъ образомъ изъ многихъ отдѣльныхъ семей выдѣляется одна въ качествѣ властвующей. Такимъ-же путемъ, когда обѣ группы—властвующие и подвластные—съ теченіемъ времени сдѣлались другъ другу чуждыми, между ними возникаетъ то-же самое различіе свободныхъ и рабовъ, ибо подвластнымъ членамъ древней семьи-рода дѣйствительно не остается ничего другого, какъ работать по приказанію отца и всѣхъ близкихъ ему.

Таковъ былъ, какъ кажется, ходъ развитія рабства у славянъ, которые во время занятія заселенныхъ ими теперь странъ не были въ состояніи въ сколько-нибудь значительномъ количествѣ добывать себѣ рабовъ со стороны. Наоборотъ, у римлянъ рабство развилось путемъ приобрѣтенія со стороны, и они, благодаря рѣзко выраженной противоположности между господами и рабами, умѣли сохранить господствующее положеніе за тѣми семьями, которыя были связаны родственными узами съ отцомъ. Во всякомъ случаѣ подчиненность тѣхъ, кто нѣкогда былъ связанъ съ господствующей семьей родствомъ, приняла болѣе суровый характеръ рабства лишь тогда, когда явились дѣйствительно приобрѣтенные рабы, и вся служебная масса, по латыни все еще называемая по преимуществу *Familia*, была низведена до ихъ положенія.

Безспорно, что именно тѣ народы были призваны къ культурному прогрессу, которые прошли черезъ стадію кочевого быта. На его почвѣ въ Старомъ Свѣтѣ исторически возникаетъ всякая болѣе высокая культура; но поэтому-то и рабство вездѣ въ древности есть необходимый культурный факторъ. Искусству направлять много силъ на одну цѣль человечество научилось, лишь отнявъ у этихъ силъ волю и со-

единивъ всё эти воли въ одну—отцовскую. А на органическомъ совмѣтномъ дѣйствіи многихъ силъ и покоится культурный прогрессъ; на той ступени развитія, о которой выше шла рѣчь, послѣдній былъ возможенъ лишь путемъ съ одной стороны расширенія отцовской власти, съ другой—рабства.

Врядъ-ли можно отрицать, что такое раздѣленіе на господъ и рабовъ произвело различія въ способностяхъ и склонностяхъ людей и что оно само такимъ образомъ въ ихъ сознаніи явилось какъ-бы созданнымъ и опредѣленнымъ самой природой. «Рабскій духъ» у извѣстныхъ народовъ—не фраза, и указанія на него не всегда основываются на невѣрныхъ наблюденіяхъ. Черты, легшія въ основу этого тупого холопскаго духа, первобытный человѣкъ перенесъ изъ своей прежней жизненной обстановки въ кочевой бытъ, при которомъ его жизнь стала гораздо болѣе расчетливой и предприимчивой. Всѣ наблюдатели согласно характеризуютъ некультурное состояніе неспособностью заботиться о будущемъ, думать о завтрашнемъ днѣ, и исторія обращенія дикарей въ христіанство полна примѣровъ, показывающихъ, съ какимъ легкимъ сердцемъ они соглашались на всѣ предложенія своихъ благодѣтелей, лишь-бы только избавиться отъ заботы о будущемъ. Но новый и болѣе обезпеченный образъ жизни кочевниковъ требуетъ совсѣмъ противоположнаго; онъ требуетъ не только, какъ охота, отъ всѣхъ физическаго труда, но также и, по крайней мѣрѣ со стороны руководителей, столь невыносимой для первобытнаго человѣка умственной работы, состоящей въ заботѣ о жизни. Подняться до нея безспорно не могли всѣ индивидуумы, и въ этомъ смыслѣ, лишь только стала необходима такая работа, человѣчество явилось какъ-бы отъ природы раздѣленнымъ на руководящій и служебный классъ. И до сихъ поръ еще тамъ, гдѣ въ одной и той-же области труда сталкиваются черные и бѣлые люди, является это раздѣленіе; первые становятся простыми двигателями (моторами) работы, вторые — ея организаторами. Умѣніе заботиться о жизни, способность смотрѣть впередъ и вокругъ себя дѣлаютъ ихъ способными къ такой роли; часто безконечно малое меньшинство бѣлыхъ, отнюдь не всегда съ помощью оружія, покоряло цѣлые цвѣтные народы.

Это раздѣленіе, которое существовало отъ природы, такъ какъ одни только болѣе энергичные и прозорливые люди брались за измѣненіе условій жизни, съ теченіемъ времени должно было сдѣлаться еще болѣе замѣтнымъ, такъ какъ всякаго рода жизненная привычка образуетъ основу для усиливаемой наслѣдственностью способности. По мѣрѣ того, какъ въ какомъ-нибудь значительномъ племени наслѣдованіе отцовскаго достоинства ограничивалось все болѣе и болѣе узкимъ кругомъ семей, именно въ этомъ кругѣ все замѣтнѣе и замѣтнѣе должна была повторяться способность властвовать. Къ этому присоединялось еще то обстоятельство, что на самомъ дѣлѣ такое руководство кочевой ордой предполагало не малое количество знаній, опыта, принциповъ и традицій, которые передавались по наслѣдству лишь въ правящихъ семьяхъ. Съ другой стороны, такимъ-же образомъ передавалась по наслѣдству и пріятная привычка ожидать съ тѣмъ невозмутимымъ спокойствіемъ духа, которое такъ любить дикарь, что высшая сила исполнитъ ему самое необходимое для жизни — пищу.

Какъ ни тяжелъ физическій трудъ, но это—удѣлъ человѣка, назначенный ему чужою волею, онъ покорно несетъ свой крестъ и беззаботно ожидаетъ за это пропитанія и охраненія своей личности, ибо это — обязанность, связанная съ отцовскимъ правомъ. И теперь еще иногда цивилизованный человѣкъ какъ-бы ощущаетъ переходъ отъ одной изъ этихъ ступеней жизни къ другой, когда онъ изъ подчиненнаго положенія переходитъ въ руководящее; не смотря на внѣшнее облег-

ченіе въ работѣ, онъ жалѣеть о томъ, что лишился назначеннаго труда и принявъ на себя бремя распоряженія. Какъ много людей, которые, видя, что съ болѣе высокимъ положеніемъ соединены и большія заботы, и взвѣсивши то и другое, отказываются отъ перваго и считаютъ, что этимъ принесли жертву своему внутреннему счастью. Эта черта—вполнѣ человѣческая и легко объясняется исторіей человѣчества. Но она-то и сдѣлала рабство одной части людей для нихъ самихъ не только выносимымъ, но даже желательнымъ и прямо необходимымъ, если только они хотѣли участвовать въ выгодахъ, представляемыхъ болѣе разсчетливой жизнью.

Такъ, Ливингстонъ («Новыя миссіонерскія путешествія», 52) зналъ негра, который самъ продалъ себя въ рабство, исключительно отъ тоски, что онъ, лишенный отца и матери, не имѣетъ никого, кто-бы былъ заинтересованъ въ случаѣ нужды сохранить ему жизнь. И тѣмъ не менѣе въ этомъ робкомъ человѣкѣ впослѣдствіи обнаружился очень предприимчивый духъ. Люди съ тупымъ умомъ должны были постоянно находиться и дѣйствовать подъ такимъ гнетомъ. Это странное свойство, сводящееся къ глубокому чувству зависимости, сказывается еще теперь въ рабской жизни цѣлыхъ народовъ и расъ. Африка не сдѣлалась-бы невольничьимъ рынкомъ всего свѣта, если-бы способность мириться съ рабствомъ была такъ-же мало свойственна негру, какъ краснокожему. Но именно черная раса находится на ступени кочевого быта и (если не принимать въ расчетъ земледѣлія женщинъ) ни въ чемъ еще не пошла дальше его. Поэтому въ душѣ представителей этой расы живетъ унаслѣдованная потребность имѣть господина. Среди нихъ встрѣчается очень немногихъ людей, которымъ были-бы по-плечу свобода и власть; масса дѣйствительно экономически незрѣла и вмѣстѣ съ подчиненностью теряетъ всякую точку опоры. Тѣми-же причинами можно объяснить аналогичныя чувства восточно-европейскихъ народностей. Есть еще славянскіе крестьяне, которые были-бы неутѣшны, если-бы у нихъ не было больше «барина», который-бы прокормилъ ихъ въ дни нужды. Мысль, что на такой случай у него есть кормилецъ, и что ему въ минуты довольства не нужно мучиться заботами и разсчетами, которые предписываетъ бережливость, представляетъ для этого человѣка больше утѣшенія, чѣмъ надежда на счастье, связанное съ болѣе разсчетливой и предусмотрительной жизнью, — счастье, котораго онъ или не знаетъ, или на достиженіе котораго онъ, по своимъ силамъ, не разсчитываетъ. Такая скромная оцѣнка своихъ силъ сказывается очень часто въ покорности судьбѣ: счастье не дается всякому, а лишь избраннымъ—такъ думаютъ эти люди. Въ силу всего этого, господа и рабы должны постепенно въ народномъ сознаніи сдѣлаться двумя различными видами человѣка, отъ начала вѣковъ отличающимися другъ отъ друга своими занятіями и свойствами и съ этими различіями явившимися на свѣтъ. Не будемъ поэтому удивляться, что это представленіе у мудрѣйшихъ изъ грековъ выразилось въ положеніи, что у раба другая душа, чѣмъ у свободного, точно такъ-же, какъ различны между собой и души мужчины и женщины. Въ самомъ дѣлѣ, кочевая жизнь тамъ, гдѣ она выработала болѣе высокія организаци, требовала не мало умственной силы, опытности, осмотрительности и энергіи отъ главы общества для обезпеченія и защиты жизни всѣхъ членовъ подвластной ему группы. Эта задача могла быть достигнута только посредствомъ организациі труда. Отдѣльный человѣкъ долженъ былъ понимать, какое благодѣяніе заключалось въ такомъ обезпеченіи его существованія, и признавать превосходство того, кто дѣлалъ это; послѣдній царилъ надъ нимъ, какъ *fatim*, и человѣкъ, отказываясь отъ своей воли, отдавался ему.

Таковы въ общемъ естественныя основанія того явленія, которое мы привыкли считать грѣхомъ извѣстной культуры, ее обезображивающимъ пятномъ, хотя вся эта культура такъ тѣсно связана съ этимъ факторомъ, что безъ него она немислима. Тѣ измѣненія, которыя вносились сюда нравственными понятіями и религіозными принципами того или другого времени, никогда не могли потрясти самый принципъ; смягчалась пожалуй грубая форма проявленія. Но она, эта грубая форма, которая въ нашемъ представленіи какъ-бы срослась съ рабствомъ, не связана съ его принципомъ. Скорѣе, въ ней отражается развитіе въ данную эпоху нравственнаго чувства вообще. У народовъ, которые никогда не знали организованнаго рабства, эта грубость формы направилась противъ женщинъ и дѣтей, ибо и они принадлежали мужу на томъ-же правѣ собственности. Та-же самая грубость, въ качествѣ средства поддержанія организациі, пукалась въ ходъ до нашего времени по отношенію къ солдатамъ, хотя сама военная организациія основывалась на совершенно другомъ принципѣ.

Тотъ-же самый прогрессъ въ заботѣ о поддержаніи жизни, который создалъ рабство, въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи уничтожаетъ его. Но этотъ переворотъ не производитъ непосредственно перехода отъ кочевого быта къ земледѣльческому. Правда, тѣ организациі, которыя въ позднѣйшее время создались прямо для земледѣлія, потрясли рабство; но гораздо болѣе разлагающее вліяніе на него имѣла хозяйственная дѣятельность, основанная на промышленности и торговлѣ, въ особенности-же прогрессъ умственнаго труда и наконецъ изобрѣтеніе механическихъ двигателей. Это не фраза, но вполне согласный съ истиннымъ ходомъ вещей фактъ, когда говорятъ, что на этомъ пути трудъ шагъ за шагомъ «облагораживался». Дѣйствительно, благодаря указаннымъ факторамъ, всякій рабочій изъ простаго двигателя поднялся до роли господина работы, организатора въ своей хотя-бы маленькой сферѣ, и такимъ образомъ исчезла разница между организаторскою работою господъ и исполнительною рабовъ. Кто прослѣдитъ греческую и римскую исторію, начиная съ героическихъ временъ, тотъ замѣтитъ, что мы приближаемся къ этому переходу въ той-же мѣрѣ, въ какой мы удаляемся отъ кочевого быта. Въ государствахъ послѣ героической эпохи на физическомъ трудѣ лежало прямо таки клеймо позора. Позорной-же считалась физическая работа потому, что при раздѣленіи труда она доставалась на долю несамостоятельной части человѣчества, рабовъ. И, хотя въ позднѣйшихъ греческихъ государствахъ рядомъ съ отцовскою властью встала власть союза, организациі труда всетаки вполне соотвѣтствовала еще образцу, данному кочевымъ бытомъ. Чтѣ прежде составляло заботу отца, то теперь лежало на заключившихъ между собою союзъ господствующихъ семьяхъ, и если эта забота состояла прежде въ распредѣленіи и охранѣ работы и ея плодовъ, то и теперь власть государства и политическіе вопросы вполне обнимали тотъ-же кругъ заботъ. Поэтому для свободнаго грека, т. е. для члена господствующихъ семей, единственнымъ достойнымъ занятіемъ была политика, отправленіе государственныхъ должностей; это въ сущности и составляло ту часть работы, которая прежде лежала на отцѣ. Противопологаемая работѣ подчиненной части народа, эта «благородная дѣятельность» перестала связываться съ понятіемъ труда. Въ Греціи понятіе «гражданства» (Bürgertum) совпадало съ понятіемъ о господствѣ, тамъ оно не имѣло того характера, какъ у насъ; скорѣе древнегреческое гражданство приближалось къ гражданству городскихъ «родовъ» въ средніе вѣка. Поэтому-то такіе люди, какъ Платонъ и Аристотель, вполне согласны относительно позорнаго характера работы; она — знакъ рабства. Но эта работа была нужна, и потому на этой ступени организациі было необходимо рабство.

Способъ добыванія рабовъ естественно зависѣлъ отъ рода хозяйственной дѣятельности и измѣнялся вмѣстѣ съ нимъ. Съ того времени, какъ развилось наследственное право, сперва въ примѣненіи къ достоинству отца, затѣмъ—къ рангу вообще, переходъ въ рабство членовъ семьи, связанныхъ кровными узами съ отцомъ, сдѣлался невозможнымъ. Классъ рабовъ пополнялся уже только изъ своей собственной среды, причѣмъ еще лица смѣшаннаго происхожденія по большей части попадали въ рабство. Только за долги свободный человѣкъ могъ сдѣлаться рабомъ, такъ какъ его тѣло считалось послѣднимъ обезпеченіемъ долга. Съ членами сохранившихся древнихъ семей-родовъ—патриціями этого не могло случиться, развѣ только если они были исключены изъ своего рода, или-же цѣлый родъ впадалъ въ бѣдность; но разрозненно существующимъ, *простымъ* семьямъ—плебейамъ—такая опасность могла угрожать, и она оказывала значительное вліяніе на социальную борьбу въ древнеримской республикѣ. Когда главный внутренній источникъ рабства—вышеуказанное раздвоеніе рода—иссякъ, пріобрѣтеніе рабовъ стало возможнымъ лишь со стороны. Главный случай для этого представляла все еще война, хотя она уже не велась просто ради добычи, а главнымъ образомъ съ цѣлью образованія новыхъ, болѣе крѣпкихъ организацій съ болѣе выгодными границами. Но эти самыя войны и отодвигали область пріобрѣтенія рабовъ все дальше и дальше. Чѣмъ больше странъ и народовъ дѣлались членами той организаціи, того союза, главой котораго былъ Римъ, тѣмъ дальше отодвигалась эта область; въ эпоху процвѣтанія римской имперіи она съ одной стороны лежала въ Германіи и Скивіи, съ другой—на Черномъ материкѣ. Наконецъ съ среднихъ вѣковъ и германская область на европейскомъ континентѣ входитъ въ составъ объединенной миромъ организаціи, рабы добываются лишь въ войнахъ между континентальными германцами и ихъ сѣверными родственниками съ одной стороны и славянами—съ другой. Къ послѣднимъ въ рабы часто попадають германцы, къ первымъ по преимуществу—славяне или склавоны, склавы; въ этихъ войнахъ и родилось современное нѣмецкое названіе раба (Sklave). Но постепенно миръ обнимаетъ всю Европу; Востокъ и Юго-востокъ давно уже живутъ замкнутыми организаціями; тогда остается только Африка—неизсякаемый, отчасти и до нашихъ дней, источникъ невольничества.

Внутри основанной на мирѣ организаціи, которая все болѣе и болѣе расширяется, остаются еще только два способа пріобрѣтенія рабовъ: мѣна и купля. Рабъ сдѣлался товаромъ, который покупаютъ и продаютъ на рынкахъ. Этотъ человѣческій товаръ былъ самымъ важнымъ въ древности, торговля невольниками и невольничьи рынки имѣли тогда громадное значеніе. Сперва потребность въ рабахъ даже увеличивалась съ каждымъ шагомъ впередъ; каждое новозобрѣтенное искусство, которое должно было быть практикуемо въ значительныхъ размѣрахъ, приводило въ движеніе руки рабовъ. Вскорѣ въ Греціи къ земледѣлію присоединились различныя отрасли крупной промышленности: какъ въ помѣстьяхъ, такъ и на фабрикахъ стали работать рабы. Предпринимателями были свободные люди, и нѣкоторые изъ нихъ занимали работой тысячи рабовъ. Никуда однако не стекалось такое множество человѣческаго матеріала, какъ въ Римъ. Весь древній міръ поставляетъ туда рабочую силу, и дивныя улицы Рима орошены пѣтомъ милліоновъ рабовъ. Римъ же довелъ до послѣднихъ крайностей злоупотребленіе рабствомъ. Свобода господина распорядиться своимъ рабомъ, либо совершенно неограниченная, либо нѣсколько сдерживаемая немногими законами въ интересахъ общаго блага, основывается согласно юридической традиціи на правѣ отцовской власти, а жестокія формы обращенія съ рабами представляютъ наследіе первобытнаго варварства. Но нѣкоторыя

возмутительныя злоупотребленія этого рода коренятся въ зловѣщемъ консерватизмѣ культа. Именно въ послѣднемъ смыслѣ должны быть объяснены самыя извѣстныя ужасы, такъ ужасно запятнавшіе величіе Рима. Человѣческія жертвы, какъ мы уже видѣли, существовали у всѣхъ народовъ въ первобытныя времена. Къ нимъ приводилъ или каннибализмъ, или развитіе понятія собственности. Рабы шли за господиномъ въ могилу, какъ всякая собственность въ первобытное время, и притомъ только какъ таковая; въ качествѣ дѣтей дома, они приносились въ жертву божеству. Хотя торговля жертвенными рабами должна представляться безконечно дикою, но мы не можемъ не видѣть въ ней искры человѣчности, которая веюду съ величайшимъ трудомъ пролагаетъ себѣ дорогу. Человѣкъ вполнѣ хладнокровно, ради своей пользы, умерщвляетъ животное; но мало по малу передъ нѣкоторыми изъ нихъ у него выпадаетъ изъ рукъ ножъ. Что удерживаетъ его? Единственно воспоминаніе о близости даннаго животнаго къ человѣку. Такимъ образомъ на долю особи выпадаетъ со стороны человѣка симпатія, которая не касается рода. Иегова требуетъ жертвоприношенія животныхъ, но онъ не беретъ вола, который носить ярмо, который былъ помощникомъ человѣка въ его работахъ, приобрѣлъ себѣ его миръ и дружбу. Такая-же сим-

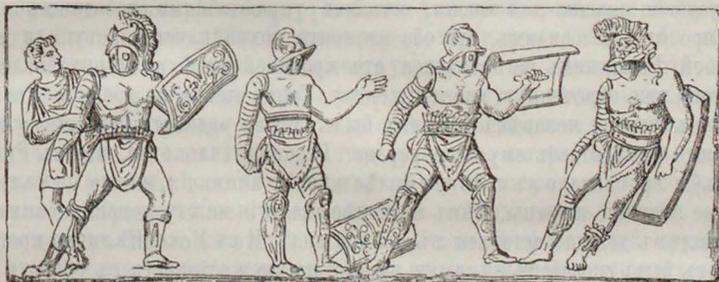

Рис. 58.—Двѣ пары гладиаторовъ. Гладиаторъ побѣжденъ и поднятіемъ руки проситъ пощады, которая ему дается, такъ какъ служитель при црвѣ мѣшаетъ его противнику нанести ему смертельный ударъ. Направо-же одинъ изъ гладиаторовъ пораженъ уже смертельно и падаетъ на землю.

патія охраняетъ сперва свое, кровное дитя, затѣмъ рожденнаго въ домѣ раба и налагаетъ бремя жертвы на того, кто приобрѣтенъ на чужбинѣ, захваченъ какъ добыча, или купленъ. Того, кто приноситъ жертву, не связываетъ никакая симпатія съ чужеземцемъ, «врагомъ». Побѣдитель имѣлъ право и возможность убить побѣжденнаго; теперь онъ приберегаетъ его только для болѣе благоприятнаго времени и болѣе торжественнаго случая. Но рядомъ съ этимъ ограниченіемъ, которое вноситъ смягчающій элементъ и представляетъ шагъ впередъ, идетъ колоссальное расширеніе возможности и средствъ приобретенія рабовъ, и такимъ образомъ съ величіемъ Рима сочетается позоръ человѣческой рѣзни, возвратъ къ самому крайнему варварству; но Римъ не видитъ и не понимаетъ его: священной дѣвѣ, охраняющей городской очагъ, на глаза, смотряціе по-человѣчески, культъ надѣлъ мрачную повязку.

Языческіе императоры Рима сильно и энергично боролись противъ ужасныхъ человѣческихъ жертвъ на кельтической почвѣ, но у нихъ, бывшихъ одновременно и верховными жрецами государства, на глазахъ лежала жреческая повязка, и потому на римской почвѣ въ культѣ продолжали свирѣпствовать убійства. Они сдѣлались игрой, стали народной потребностью и потому попали подъ двойную защиту:

во-первыхъ, религіозной совѣсти приверженцевъ культа и, во-вторыхъ, страсти и очень условной привязанности черни; такимъ образомъ различные пути приводили въ циркъ весталку, Юлія Цезаря въ качествѣ верховнаго жреца и солдата, сладострастно жаждущаго дикаго возбужденія. Близкое родство римскихъ игръ въ циркахъ съ кровавымъ жертвеннымъ культомъ кельтовъ улетучилось изъ памяти, но религіозное значеніе этихъ игръ все еще сохранялось въ сознаніи народа и нашло себѣ многообразное выраженіе. Часто эти игры были настоящими умило-стивительными актами, таковы были напримѣръ секулярныя торжества, дававшія поводъ къ столь жестокимъ забавамъ; выдающееся участіе жрецовъ въ играхъ цирка сохранилось до самаго поздняго времени. Отцы церкви совершенно правильно разсматривали эти зрѣлища, какъ акты языческаго культа, и удерживали христіанъ отъ участія въ нихъ. Дѣйствительно, связь ихъ съ культомъ очень тѣсная. Еще греки Гомера чествовали своихъ великихъ мертвецовъ, съ одной стороны, отправляя къ нимъ на тотъ свѣтъ плѣнныхъ враговъ и такимъ образомъ въ извѣстномъ уже намъ смыслѣ принося послѣднихъ въ жертву, съ другой стороны—устранивая въ присутствіи души и для ея увеселенія воинскія состязанія. Съ успѣхами человѣчности на эллинской почвѣ культъ перваго рода отпалъ, а состязанія, не будучи безусловно опасны для жизни, остались упражненіями свободныхъ людей. Въ Римѣ, напротивъ, мы видимъ, что оба элемента сохранились и вступили въ связь между собой. Римлянинъ не отказался отъ кровавой потѣхи, но онъ возложилъ ее на безъ того уже обреченную гибели жертву. Точно также въ древней Мексикѣ обрекаемый въ жертву человѣкъ долженъ былъ сперва радовать божество своей пляской, прежде чѣмъ отдать ему свое сердце. Разница только та, что въ Римѣ зрѣлище борьбы привлекало къ себѣ все болѣе и болѣе вниманія, и мало по малу исчезло религіозное значеніе жертвы. Тѣмъ не менѣе аналогія между мексиканскимъ и римскимъ культомъ должна остаться въ полной силѣ. И въ Мексикѣ лично кроткій правитель могъ быть способенъ на самую разнузданную жестокость въ области культа. Чѣмъ больше плѣнниковъ отдавалъ онъ въ жертву, тѣмъ прочнѣе было довѣріе народа къ нему, ибо именно въ царствованіе такого правителя народъ ожидалъ счастья отъ боговъ, которымъ были принесены такія блестящія умило-стивительныя жертвы. Точно также въ Римѣ отъ этого кроваваго служенія не уклонялись самые образованные люди, которыхъ человѣчество считаетъ въ числѣ своихъ героевъ, и довѣріе къ нимъ народа росло вмѣстѣ съ числомъ гладиаторовъ, поставляемыхъ для этого вырождающагося культа. И въ Мексикѣ, и въ Римѣ мы встрѣчаемъ превосходный утонченный уходъ за обреченными на смерть людьми. Не только въ Мексикѣ, но и въ Перу, и во многихъ другихъ мѣстахъ избранныя человѣческія жертвы до закланія часто въ продолженіи цѣлаго года содержались самымъ заботливымъ образомъ.

Въ то время, какъ культъ создалъ самую варварскую форму человѣческаго рабства, прогрессъ жизни работалъ надъ тѣмъ, чтобы при посредствѣ труда сгладить крайности. Съ увеличеніемъ области господства, чрезвычайно возросло и богатство господъ. Образовалось крупное землевладѣніе необыкновенныхъ размѣровъ и въ самыхъ разнообразныхъ формахъ культуры. Вмѣсто кустарной промышленности на крестьянскомъ дворѣ, явилась фабрикація разнообразнѣйшихъ предметовъ, удовлетворяющихъ новымъ потребностямъ. Домашнія хозяйства богачей стали обставляться съ царской пышностью. Въ имѣніяхъ, на фабрикахъ и при дворахъ богачей множество рабовъ достигали высокаго положенія по администраціи и надзору, и ихъ трудъ не былъ болѣе физическимъ, а носилъ тотъ-же характеръ, чтó и трудъ господъ. Это возвышало ихъ достоинство, а профессиональныя знанія дѣлали ихъ незамѣни-

мыми. Даже воспитаніе и обученіе находилось цѣликомъ въ рукахъ такихъ рабовъ. Занимая такое положеніе, они неизбѣжно пріобрѣтали вліяніе на своихъ господъ, и очень часто отпущеніе на волю было лишь соотвѣтствующимъ выраженіемъ измѣнившихся отношеній. Отпущеніе не дѣлало еще раба равноправнымъ съ прирожденнымъ господиномъ, онъ вступалъ лишь къ нему въ болѣе мягкую зависимость, становился подъ его патронатъ.

Къ тому-же не только необходимыя ремесла, но и науки, и искусства часто были дѣломъ рабовъ. Когда наука и искусство стали пользоваться уваженіемъ также въ Римѣ, то естественно поднялось тамъ и достоинство, и положеніе такихъ рабовъ. Эти новыя отношенія сказались съ такой рѣзкостью именно въ Римѣ, потому что какъ разъ древніе свободные римляне всего меньше занимались подобными вещами. Лучшіе врачи, самые искусные ваятели принадлежали къ классу рабовъ, и рабы первыя пробудили у римлянъ вкусъ къ литературѣ. Если прежде хвастались числомъ рабовъ, то теперь стали тщеславиться ихъ высокимъ качествомъ, и близость такихъ рабовъ къ господину побуждала послѣдняго отпущеніемъ на волю дѣлать ихъ еще болѣе достойными этой интимности; къ тому-же актъ отпущенія не уничтожалъ сразу зависимости, лишь въ третьемъ поколѣннн исчезалъ послѣдній остатокъ неравенства. Такимъ образомъ часть рабскаго труда была уже облагорожена и возвратила ему его свободу. Римляне позднѣйшей эпохи очень гордились тѣмъ, чтобы за ихъ тѣломъ шло какъ можно больше «вольнотпущенниковъ». Поэтому отпущенія на волю по завѣщанію развились такъ сильно, что Августъ счелъ нужнымъ ограничить ихъ и запретилъ впредь отпускать на волю по завѣщанію болѣе ста человѣкъ. Эти ограниченія не остановили однако того броженія, которое охватило социальный организмъ. Это движеніе состояло въ томъ, что трудъ началъ побѣдоносную борьбу за свое право, отбрасывая въ сторону старыхъ господъ, какъ куколъ, и ставя на ихъ мѣсто новыхъ. Но и на этотъ разъ это былъ не физическій трудъ, а организующій, духовный. Одно время казалось, что вся имперія достанется въ руки вольнотпущенникамъ. Со времени Калигулы впродолженіи нѣсколькихъ царствованій самые вліятельные граждане были вольнотпущенники; они занимали главныя должности при дворѣ и обыкновенно полновластно господствовали тамъ. Черезъ нихъ однихъ подавались прошенія. При ихъ посредствѣ распределялись императорскія милости. Они низлагали иногда императоровъ. Ихъ могущество сохранилось непоколебимымъ, не смотря на рядъ переворотовъ. Богатствомъ, могуществомъ, массой челяди, блескомъ дворцовъ при жизни, гробницъ по смерти, они затемняли всѣхъ другихъ, и люди, отъ которыхъ древне-римскіе патриціи чуть-ли не отворачивались съ презрѣніемъ, видѣли, какъ самые упорные гордцы искали ихъ благосклонности. Въ лицѣ Цертинакса сына вольнотпущенника достигъ императорскаго престола. Еще болѣе разлагающее вліяніе имѣли успѣхи хозяйственной жизни, когда распалась Римская имперія, и ею завладѣли германскія племена. На родинѣ эти завоеватели привыкли лишь къ кочевому скотоводству; жалкое земледѣліе вела у нихъ женщина; о разведеніи винограда и маслины они не имѣли никакого понятія; украшенія и оружіе лучшаго сорта они получали изъ чужихъ странъ, и ихъ домашнее хозяйство даже въ княжескихъ домахъ было самое простое; вся семья спала вокругъ очага, и дѣти выросли нагими и въ грязи. Теперь эти побѣдители вторглись въ мраморные дворцы и стали жить отъ доходовъ тщательно обрабатываемыхъ помѣстій. Они не только добровольно приняли формы жизни побѣжденныхъ, но даже увидѣли себя вынужденными подражать имъ, чтобы импонировать своимъ новымъ подданнымъ. Они были вынуждены продолжать чуждое

для нихъ хозяйство въ помѣстьяхъ, чтобы имѣть возможность жить отъ ихъ доходовъ, цѣнность которыхъ они очень скоро научились понимать. Но во всѣхъ этихъ вещахъ имъ необходимы были знанія ихъ новыхъ слугъ. Последніе должны были въ ихъ глазахъ скоро стать выше своихъ прежнихъ господъ. Даже свободные единоплеменники не допускались къ самымъ вліятельнымъ должностямъ потому, что только туземный рабъ обладалъ всѣми необходимыми знаніями. Такимъ образомъ часть этихъ рабовъ достигла болѣе вліятельнаго и потому болѣе почетнаго положенія, чѣмъ то, которое занималъ свободный франкъ, оставаясь со своимъ плугомъ въ помѣстьѣ. Въ особенности твердо могли рассчитывать на такое возвышеніе слуги при княжескихъ дворахъ, и писанные законы подтверждаютъ ихъ преимущества. Въ то-же время легко могло случиться, что родъ какого-нибудь свободного чело-вѣка распадался, и результатомъ этого бывало не временное только, а постоянное рабство подвластной части. Такимъ образомъ постоянно условія организациі труда ломали вновь образующіяся кастовыя рамки и создавали новую группировку. Этотъ процессъ въ измѣненныхъ формахъ продолжается до сихъ поръ. Не менѣе разлагающее вліяніе оказывала на древнія кастовыя отношенія и церковь, но не своимъ словомъ и ученіемъ, а какъ собственница—своимъ участіемъ въ организациі труда. Церковь, какъ владѣлица богатыхъ помѣстій, также какъ и всѣ другіе господа нуждалась въ рабочей силѣ, и хотя она и обладала откровеніемъ, но, какъ всякое другое общество въ древности, не знала никакой иной организациі труда, кромѣ рабской. Но въ то-же время именно ея способы эксплуатаціи имуществъ представляли значительное число переходовъ отъ рабства къ свободѣ, и целибатъ, который съ другой точки зрѣнія не безъ основанія былъ такъ ославленъ, открывалъ доступъ къ господству многимъ изъ тѣхъ, кто при наслѣдственности духовныхъ благъ всегда-бы оставался слугою. Первые священники въ сѣверо-германскихъ государствахъ по большей части происходили изъ сословія рабовъ и даже уже въ качествѣ священниковъ находились въ зависимомъ служебномъ положеніи по отношенію къ предпринимателямъ, позднѣйшимъ патронамъ душеполезныхъ заведеній. Но постепенно дѣло измѣняется. Вся церковь въ своей совокупности вступаетъ въ борьбу за свободу своихъ служителей и имуществъ, отданныхъ на религіозныя цѣли. Постепенно всюду священникъ—безразлично, каково его происхожденіе,—равноправно становится рядомъ съ господиномъ рода, главой общины. Монтескье сказалъ о древнемъ Римѣ, что онъ стекающихся къ нему со всего свѣта людей «принималъ рабами и отсылалъ назадъ римлянами»,—то-же самое приложимо и къ церковному Риму. Въ качествѣ рабовъ онъ принималъ мальчиковъ, которыхъ такъ часто дарили ему правители, и возвращалъ ихъ епископами и аббатами. Кромѣ того въ обширной сферѣ администраціи церковныхъ имуществъ многіе рабы, которыхъ церковь получила таковыми, достигали высокаго положенія. И не одинъ изъ болѣе молодыхъ дворянскихъ родовъ ведетъ свое происхожденіе отъ церковныхъ фогтовъ или бургграфовъ. Наконецъ именно церковь ввела разнообразныя формы ограниченной и условной подчиненности и создала такимъ образомъ смягчающія переходныя ступени отъ рабства къ свободѣ. Много свободныхъ людей въ заботѣ о своемъ душевномъ благѣ добровольно предлагали себя церкви въ рабы, но выговаривали при этомъ въ пользу себя и своихъ дѣтей извѣстныя условія. Для церкви было невыгодно отказываться отъ какого-бы то ни было предложенія такого рода, хотя-бы оно и заключало въ себѣ самую незначительную повинность въ ея пользу. Она смотрѣла, правда, на всѣхъ такихъ лицъ, какъ на своихъ рабовъ, но въ то-же время была довольнона, если это рабство выражалось хоть разъ въ годъ какимъ-нибудь незначительнымъ приношеніемъ. Въдѣ и такое приношеніе шло ей въ прокъ.

Такимъ образомъ римская церковь, какъ собственница, содѣйствовала введенію болѣе мягкихъ формъ подчиненности и сообщила древнему рабству болѣе достойный характеръ. Но принципа рабства она коснулась такъ-же мало, какъ какая-нибудь религія древности. Равенство всѣхъ передъ Богомъ, общимъ Отцомъ, нисколько не исключало на землѣ отношеній отцовской власти и рабства; церковь тѣмъ легче признавала ихъ вполне правомѣрными, что въ ея ученіи о загробной жизни заключалось средство исправлять всякую земную несправедливость. Римская церковь, которая сама въ своихъ помѣстьяхъ владѣла множествомъ рабовъ и пользовалась ихъ услугами, довольствовалась тѣмъ, что препятствовала вывозу христіанскихъ рабовъ въ языческія страны. Къ этому стремился рядъ соборныхъ рѣшеній, напримѣръ рѣшеніе, принятое еще въ 1005 году въ Арнсбургѣ въ присутствіи императора Генриха II. Но такія постановленія не отрицали юридическаго существа рабства, а вызывались исключительно опасеніемъ, что христіанскіе рабы могутъ быть употребляемы для языческихъ жертвоприношеній. Въ самомъ дѣлѣ, послѣднія существовали въ началѣ среднихъ вѣковъ всюду, куда не проникло еще христіанство, и смягченіе правовъ именно выразилось въ томъ, что для такой цѣли стали употреблять исключительно приобрѣтенныхъ за границей рабовъ. Понятно, что такое соедѣство внушало страхъ христіанамъ, и они путемъ соборныхъ постановленій обзывали другъ друга не оказывать пособничества языческимъ жестокостямъ. Къ этому времени относится и злая молва о нехристіанахъ, жившихъ среди новообращенныхъ христіанъ или по соедѣству съ послѣдними. Не безъ основанія какъ самый существенный и позорный признакъ нехристіанъ выставлялось то, что они пятали свои руки употребленіемъ въ религіозныхъ цѣляхъ человѣческой и, въ частности, дѣтской крови. Но мѣръ того, какъ христіанство захватывало все болѣе и болѣе обширную область, одинъ соедѣ сваливалъ этотъ позоръ на другого, пока онъ наконецъ не остался на евреяхъ, единственныхъ нехристіанахъ, которые продолжали жить среди христіанъ. Тѣ церковныя запрещенія, о которыхъ шла рѣчь выше, нисколько не касались самаго рабства и торговли рабами. Подобно тому, какъ еще въ VIII столѣтіи рынки Рима наполнялись преимущественно германскими рабами, такъ въ исходѣ перваго и началѣ втораго тысячелѣтія по Р. Хр. продолжительныя войны съ славянами давали постоянно новый матеріалъ для торговли рабами. Еще въ 14-мъ столѣтіи въ Германіи безъ всякихъ ограниченій можно было говорить о торговлѣ рабами, какъ это доказываютъ памятники. Въ 1311 году была куплена цѣлая семья, мужъ, жена и дѣти за 300 регенсбургскихъ пфениговъ, какъ это удостовѣрено случайно дошедшимъ до насъ документомъ. Церковь не только признавала правомѣрность института рабства, но даже можно сказать, что папы—представители ея—въ общемъ гораздо больше содѣйствовали его распространенію, чѣмъ уничтоженію, хотя иногда и выкупали рабовъ и отпускали ихъ на волю. Во время распри съ Флоренціей Григорій XI разрѣшилъ 22 марта 1376 года «вѣрующимъ» хватать отлученныхъ флорентинцевъ съ тѣмъ, чтобы «они дѣлались рабами хватающихъ», «однако безъ права умерщвленія и изувѣченія». Что было дозволено по отношенію къ христіанамъ, тѣмъ болѣе должно было быть справедливымъ относительно язычниковъ. Булла «*Romanus Pontifex*» Николая V даетъ королю Альфонсу Португальскому полномочіе завоевать всѣ царства сарациновъ и язычниковъ въ Западной Африкѣ «и ихъ самихъ сдѣлать вѣчными рабами». Эти возрѣнія существовали и тогда, когда папа Александръ VI подарилъ Фердинанду Испанскому новооткрытый свѣтъ на Западъ отъ установленной имъ демаркаціонной линіи; введеніе рабства въ Америкѣ произошло слѣдовательно не безъ согласія римской

церкви. И вот мы опять видимъ, что новая постановка труда производитъ переворотъ, который, съ одной стороны дѣлая рабовъ господами, съ другой стороны создаетъ новыя формы раздѣленія и организациі труда и въ то же время порываетъ съ принципами отцовской власти, рабства и крѣпостного права. Возвышеніе буржуазіи, освобожденіе крестьянства и борьба съ притязаніями, основанными на происхожденіи, являются признаками этого переворота. Буржуазная промышленность первая показала путь къ распредѣленію труда, которое основывается не на приказаніи отцовской власти, а на взаимномъ соглашеніи и на различномъ, въ зависимости отъ качества работы, участіи въ ея результатахъ. Съ тѣхъ поръ человечество работаетъ надъ возможно болѣе справедливымъ и правильнымъ регулированіемъ распредѣленія доходовъ; но принципъ отцовской власти и воззрѣніе на рабочаго, какъ на собственность, оставлены навсегда. Наступленіе этой перемѣны связано опять съ возвышеніемъ качества человѣческой работы совершенно подобно тому, какъ въ древности рабъ, дошедшій до организаторской работы мысли, приближался къ свободѣ и въ концѣ концовъ обыкновенно пріобрѣталъ ее. Въ данномъ случаѣ изобрѣтеніе машинъ и употребленіе силы пара постепенно избавили человѣка отъ всякой исключительно двигательной работы и привели къ тому, что всякій человѣческій трудъ сталъ обуславливаться до извѣстной степени мыслительной дѣятельностью. За этимъ новѣйшимъ «облагороженіемъ» труда послѣдовало освобожденіе человечества отъ рабства всюду, гдѣ древне-отеческая власть перестала быть основой организациі. Эти перемѣны провели между Западомъ и Востокомъ болѣе важную демаркаціонную линію, чѣмъ та, которую провели нѣкогда папы «отъ сѣвернаго полюса къ южному» для разграниченія португальскихъ и испанскихъ рабовъ. Мы встрѣтимся съ этой пограничной чертой при разсмотрѣннн государственныхъ порядковъ. Она все еще, хотя и поколебленная влѣніями времени, проходитъ черезъ Европу, но сѣверъ Новаго Свѣта уже цѣлкомъ принадлежитъ новому времени. Новые порядки медленно проложили себѣ путь въ Англіи и Германіи; какъ стихійное явленіе, явились они вмѣстѣ съ великой революціей во Франціи. Роль Англіи, какъ перваго борца за подавленіе рабства повсюду на сушѣ и на морѣ, и борьба изъ-за рабства между Сѣверомъ и Югомъ Соединенныхъ Штатовъ стоятъ въ самой тѣсной связи съ этимъ культурнымъ движеніемъ. Историческая вѣроятность заставляетъ думать, что будущее—союзники свободы, за которую человечество съ такимъ огромнымъ трудомъ, но не безуспѣшно боролось въ своей культурной работѣ.

Поземельная собственность.

Человѣкъ уже зналъ право собственности на оружіе, украшенія и орудія, а на болѣе высокой ступени развитія—и на животныхъ и людей, и въ то-же время поземельная собственность была ему неизвѣстна. Теперь намъ тѣмъ труднѣе понять это, что и жилища людей мы должны причислить къ орудіямъ. Стало-быть, жилище было предметомъ собственности, а земля, на которой оно стояло,—нѣтъ? Какъ это ни противорѣчить одно другому, такой порядокъ существуетъ въ дѣйствительности. До сихъ поръ многія некультурныя племена строятъ свои хижины, и не помышляя считать землю подъ ними своей собственностью долѣе, чѣмъ они фактически ею «владѣютъ». Поэтому жилище у всѣхъ народовъ на низкой ступени развитія до древнихъ германцевъ включительно причисляется къ «движимому имуществу».

Но постепенно является различіе между домомъ женщины и домомъ мужчины

Однако это раздвоение происходит не на древнѣйшей ступени развитія; первоначально всюду, гдѣ мы можем заглянуть далеко въ глубь времени, мы встрѣчаем хижину подъ попеченіемъ и въ собственности одной только женщины. Мы знаемъ уже, что женщина съ ея дѣтьми является хранительницей постоянного очага, между тѣмъ какъ мужчина ведетъ еще бродячую жизнь, занимаясь охотой. Поэтому заборъ и крыша, защищающіе очагъ,—а древнѣйшая хижина ничего другого изъ себя не представляетъ—находятся во владѣніи женщины. Этимъ объясняется тотъ фактъ, что обязанность ставить хижину у всѣхъ дикихъ народовъ лежитъ на женщинѣ даже тогда, когда хижина, какъ у эскимосовъ, представляетъ относительно прочную и искусную каменную постройку. Эскимось подвергаетъ себя всякому труду и всякой опасности, сопряженному съ охотой, но онъ боязливо остерегается поднять съ земли хоть одинъ камень для постройки дома: это ниже его достоинства; домъ и его постройка—женское дѣло.

Остатокъ такого возрѣвія сохранился еще у древнихъ германцевъ: собственный домъ жены, по свидѣтельству «Саксонскаго зеркала», принадлежалъ ей на правѣ собственности, но земля подъ домомъ не принадлежала ей. Женщина сама больше не строила дома, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ было принято, что мужъ дарилъ женѣ деревянный домикъ въ качествѣ свадебнаго подарка. Когда умиралъ мужъ, то жена могла распорядиться этимъ домикомъ, какъ ей угодно; но земля, на которой стоялъ домъ, принадлежала новому господину; она составляла часть «наслѣдства». Вдова-же могла взять съ собой свой домъ и поставить его на землѣ своихъ родныхъ.

Мы видимъ, стало-быть, что и тогда могло существовать право собственности на домъ безъ права собственности на землю, но въ то-же время уже существовали дома съ правомъ собственности на землю; это были зданія, принадлежавшія всей семьѣ, представителемъ которой былъ отецъ съ его властью. Германцы называли эти дома, въ противоположность вышеуказаннымъ деревяннымъ домикамъ (*Zimmer*) женщинѣ, «залами» или «палатами» (*Hallen*). Однако такіе дома и связанная съ ними влѣдствіе ихъ большей неподвижности поземельная собственность существовали не вездѣ. Кочевникъ стараго времени не имѣлъ такихъ зданій, а жилъ, во время своихъ періодическихъ остановокъ на опредѣленныхъ мѣстахъ, въ хижинахъ женщинѣ. Женщины-же все еще странствовали, и поэтому для жилища вообще не нужно было еще никакого права собственности на землю. Кочевникъ довольствуется свободой пользованія пастбищемъ, и если его достаточно, онъ и не пытается даже приблизиться къ положенію собственника. «Вотъ земля лежитъ передъ тобой», читаемъ мы не разъ въ библейскихъ разказахъ о патриархахъ. Кромѣ того возможенъ еще одинъ исходъ: «если ты идешь направо, то я иду налѣво». Но уже въ борьбѣ за пастбище у побѣдителя можетъ возникнуть нѣчто вродѣ понятія собственности. Последнее естественно могло быть приведено въ связь лишь съ какимъ-нибудь уже существующимъ понятіемъ, и это имѣвшееся на лицо древнѣйшее представленіе о собственности связывалось не съ какимъ-нибудь вопросомъ права, а было дѣломъ силы. Собственностью было то, что можно было собственноручно охранять и защищать. Поэтому ни одному отдѣльному лицу и не приходило въ голову быть собственникомъ какой-нибудь части пастбищной земли; но совокупность людей своимъ множествомъ рукъ могла завоевать себѣ исключительное пользованіе какимъ-нибудь кускомъ земли, и въ такой только формѣ явилась первая поземельная собственность. Внутри общины никто не имѣетъ никакого спеціальнаго права на землю, но каждому принадлежитъ одинаковое право пользованія, и пока племя ведетъ вполне кочевую жизнь, это пользованіе имѣетъ общественный характеръ, такъ что даже не является

повода къ специальному надѣленію земель отдѣльных членовъ. Только женщины, которыя по большей части устанавливають свой очагъ на довольно продолжительное время (что вполне возможно при медленномъ передвиженіи пасущагося скота), только онѣ избирають по близости очага клочекъ земли и разводятъ на немъ какое-нибудь растеніе, быстро дающее плоды. Но право собственности женщинъ простирается только на плоды обрабатываемой земли, а не на нее самое. Зачѣмъ имъ владѣть землей, если сейчасъ послѣ жатвы онѣ уйдутъ дальше? И если даже имъ вскорѣ снова предстоитъ возвратиться на то-же самое мѣсто, то имъ извѣстно по опыту, что новина всегда даетъ лучшую жатву. Такимъ образомъ ихъ заботы ограничиваются лишь тѣмъ, чтобы охранить клочекъ обработанной земли отъ пасущагося скота. Какъ это устроить—ихъ дѣло. Такое поле не охраняется еще въ пользу *одного* соглашеніемъ *всѣхъ*, у него есть лишь своя естественная защита—изгородь, заборъ.

На почвѣ такихъ простыхъ отношеній развился, по крайней мѣрѣ въ европейскихъ странахъ, институтъ поземельной собственности. Необходимыми предварительными условіями для его развитія было прекращеніе кочевничества, усиленіе земледѣлія и наконецъ преобладаніе его надъ скотоводствомъ вообще.

Прежде всего пастбище больше не мѣняется. Не слышно уже болѣе стоящаго въ воздухѣ скрипа тяжелыхъ повозокъ, на которыхъ германцы нѣкогда, по свидѣтельству римлянъ, возили съ собою свое имущество и даже свои жилища; жизнь въ полѣ стала тише, но въ то-же время дѣятельнѣе. Каждый родъ защищаетъ свои пастбища, по возможности въ предѣлахъ ихъ естественныхъ границъ; хвойнымъ лѣсомъ и болотомъ никто не умѣетъ пользоваться, никто не ищетъ ихъ и не борется за нихъ; они поэтому остаются естественными рубежами между пастбищами. На послѣднія община предьявляется и поддерживаетъ нѣчто вродѣ права собственности, готовая защищать ихъ въ случаѣ надобности оружіемъ; но пограничнымъ лѣсомъ никто не владѣетъ. Въ этихъ то предѣлахъ мужчина устроилъ себѣ рядомъ со многими женскими хижинами постоянное жилище, первоначально вѣроятно только одно, — «залу» (Sala) или палату (Halle), здѣсь живетъ господинъ — отецъ рода, здѣсь онъ собираетъ другихъ мужчинъ для того, чтобы вмѣстѣ съ ними опредѣлить порядокъ работъ, посоветоваться, попить. Съ размноженіемъ рода у каждой отдѣльной семьи возникаетъ подобный господскій домъ. Но не слабо сколоченныя стѣны составляютъ первоначально настоящее прочное мѣсто жительства, наоборотъ, онѣ сами—лишь подвижная утварь. И опять такъ пока, какъ личная собственность, выдѣляется изъ общинной земли только мѣсто, занимаемое дворомъ, а защитой, заставляющей уважать его, точно также является необходимая изгородь или заборъ. Заборъ («Zaun» или «Gard») имѣетъ огромное значеніе въ исторіи развитія собственности и заселенія страны: свидѣтельства объ этомъ хорошо сохранились въ языкахъ среднеевропейскихъ народовъ. Нѣмецкія обозначенія забора «hag» и «gart» вошли въ составъ названій множества населенныхъ мѣстъ. Англійское «Yard» обозначаетъ какъ составную часть забора, такъ и дворъ. По-датски въ деревнѣ—дворъ, а въ городѣ большой домъ называется Gaard, и тотъ-же корень сохранился и въ славянскихъ словахъ *городъ* и *hrad*. Такое-же родство существуетъ между нижненѣмецкой формой слова «Zaun» (англійское «Town»—городъ) и славянскимъ словомъ *тынь*, которымъ въ Прагѣ до сихъ поръ называется старый гостинный дворъ, а въ другихъ мѣстахъ—просто замокъ. Такое огороженное мѣсто, на которомъ германцы складывали свое движимое имущество и ставили свои жилища, называлось у нихъ «Hofreite», а въ документахъ, которые писались по-латыни, — «агеа». Еще въ началѣ среднихъ вѣковъ въ нѣмецкихъ поселеніяхъ не суще-

етвовало никакой другой поземельной собственности, кромѣ *area*, замкнутого дворового мѣста, въ предѣлахъ котораго каждый могъ распоряжаться, какъ ему угодно.

Рис. 59. — Въ тоттенгемскомъ краѣ.

Подарить или продать можно было только эту *area*; только этотъ маленькій кусокъ земли находился въ рукахъ человѣка, подобно движимой собственности древнѣйшаго времени, и только къ нему первоначально примѣнено было понятие о собственности.

Поэтому такое отгороженное мѣсто могло уже находиться под охраной и защитой отдѣльнаго лица, тогда какъ охрана остальной земли принадлежала только всей общинѣ, которая только и могла владѣть ею. А тотъ, кто владѣлъ дворовымъ мѣстомъ въ предѣлахъ общины, тѣмъ самымъ уже принадлежалъ къ ней и участвовалъ въ пользованіи общинной землей, все равно какъ-бы ни регулировалось это пользованіе. Поэтому-то крестьянинъ вмѣстѣ съ своей агеа дарилъ или продавалъ свое право пользованія ею, а не какой-нибудь опредѣленный кусокъ общинной земли: ибо таковымъ онъ не владѣлъ еще на правѣ частной собственности. Этотъ ходъ развитія является настолько естественнымъ, что отдѣльныя его стадіи можно найти почти всюду. Если-бы источники позволили намъ заглянуть поглубже въ древнѣйшую эпоху германской исторіи, то мы-бы безъ сомнѣнія увидѣли, что германскія Hofgärten то-же самое, что теперь въ Средней Африкѣ называется «зерību», а въ Южной — «кораль» или «крааль». Тутъ изгородь или образуется непосредственно самими хижинами, которыя идутъ тѣснымъ кругомъ (рис. 61), причемъ всѣ ихъ входныя отверстія обращены во внутрь двора, гдѣ помѣщается скоть, или-же устраивается живая изгородь изъ терновника, а иногда также для большей прочности то и другое вмѣстѣ. Размѣры-же и формы такихъ поселеній у народовъ, только что перешедшихъ къ осѣлости, зависятъ отъ того, для чего предназначается ограда, должна-ли она охранять весь болѣе или менѣе многочисленный родъ (или аналогичную организацію въ ея совокупности), или-же только изолированныя жилища отдѣльныхъ семей. Въ послѣднемъ случаѣ возникаетъ группа отдѣльныхъ дворовъ, въ первомъ — замкнутая деревня. Сохранившіяся до нашихъ дней въ Западной Германіи нѣкоторыя постройки показываютъ, что тамъ нѣкогда существовали деревни, въ которыхъ вся частная поземельная собственность охранялась одной общей оградой, и даже теперь еще кой-гдѣ въ отдѣльныхъ деревняхъ можно увидѣть слѣды такого общаго защитнаго вала. Въ низменностяхъ Сѣверной Германіи часто, какъ въ древнемъ Египтѣ, взаимнѣ ограды или для ея укрѣпленія устраивался ровъ, который наполняли водой. Въ славянскихъ странахъ, гдѣ родовое устройство и отсутствіе частной поземельной собственности сохранилось гораздо дольше, мы до сихъ поръ встрѣчаемъ деревни, своимъ кругообразнымъ расположеніемъ и многими другими подробностями живо напоминающія упомянутыя выше южноафриканскія формы. Такія поселенія встрѣчаются не только въ Чехіи, но они отчасти сохранились даже еще въ Альтмаркѣ въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя прежде были населены славянами. Дома со своими садиками образуютъ иногда замѣчательно правильный кругъ, во внутрь котораго обращены всѣ дворовыя калитки. Нѣкогда въ эти «круглыя деревни» велъ обыкновенно только одинъ входъ; такой кругъ заключалъ въ себѣ все, что люди считали тогда своей собственностью: выдѣленный изъ общинной земли участокъ («агеа»), движимое имущество и скоть, который не былъ на выгонѣ. Въ серединѣ замкнутаго круга находится обыкновенно прудъ для птицъ и для купанія, а позже также и церковь въ качествѣ новаго господскаго дома.

Существованіе ограды вокругъ какого-нибудь предмета надолго еще остается необходимымъ условіемъ для всеобщаго признанія его чьею-нибудь частной собственностью, и когда общество начинаетъ все болѣе и болѣе допускать и охранять послѣднюю, то даже значеніе этой охраны опредѣляется способами огражденія собственности. Въ эпоху появленія такъ называемыхъ «народныхъ правдъ» пасущійся скоть еще наполовину находился въ дикомъ состояніи. По крайней мѣрѣ прирученныя свиньи смѣшивались еще съ дикими, а послѣднія не составляли ничьей собственности. Кто убивалъ ихъ, тотъ и бралъ ихъ себѣ. Поэтому право собствен-

ности на свинью, которая бродила на свободѣ, не отличалось вообще вѣрностью, и общество не особенно заботилось, когда пропадали свиньи. Наоборотъ, всякій заборъ и замокъ обезпечиваетъ собственность не только самъ по себѣ, но и тѣмъ

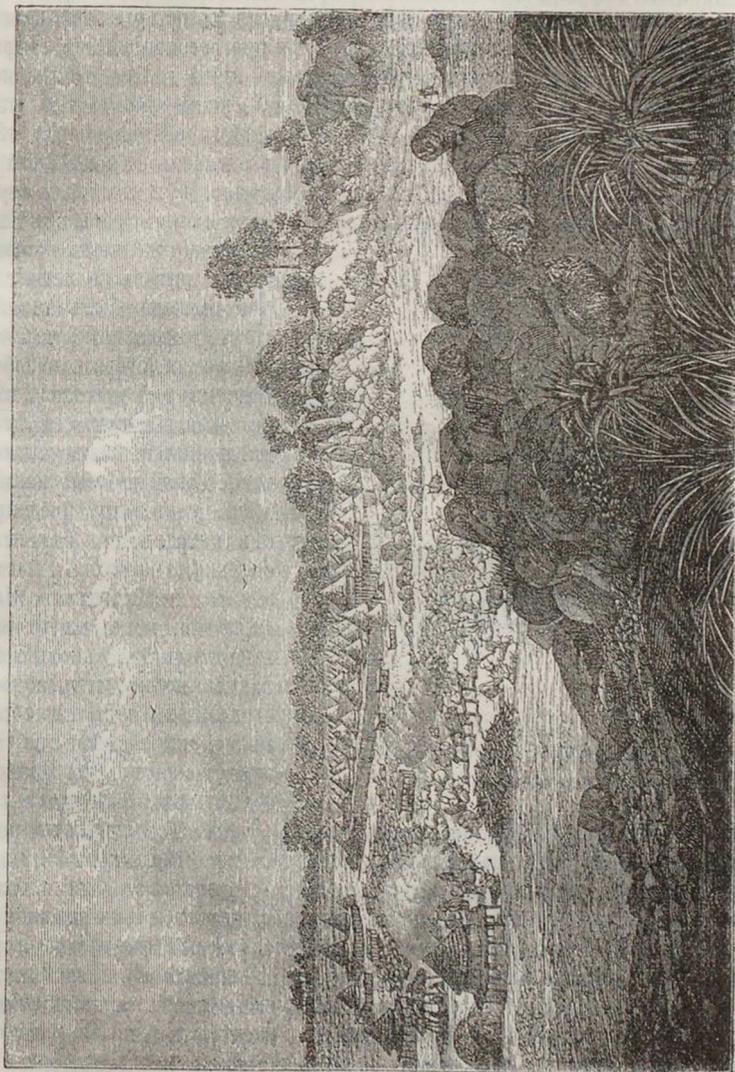

Рис. 60. — Зудускій городъ.

также, что общество постепенно начинаетъ признавать собственностью все, что спрятано за заборомъ или подъ замкомъ, и соглашается охранять такую собственность. Наконецъ заборъ и замокъ могутъ сдѣлаться лишь указаніемъ, символомъ, но общество тѣмъ не менѣе не перестаетъ охранять отмѣченную такимъ образомъ

собственность. Салической законъ вполне въ духѣ этого принципа налагалъ различное наказаніе, смотря по тому, было-ли животное похищено изъ внутренняго или изъ вѣшняго двора. И только при помощи заборовъ и изгородей частная собственность могла мало по малу распространиться и вѣсть предѣловъ двора. Для того чтобы прослѣдить, какъ это произошло, намъ придется оставить въ сторонѣ народы, которые не пошли дальше кочевго быта, и обратиться къ исторіи германцевъ, которая даетъ намъ довольно ясное понятіе объ этомъ прогрессивномъ ходѣ. Германцы вначалѣ обыкновенно пользовались общинной землей лишь для пастбищъ, и такое ея назначеніе казалось имъ единственно возможнымъ, всякое-же другое употребленіе долгое время было исключеніемъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ всякому члену общины предоставлялось косить на общинной землѣ траву и отвезти ее домой или сѣять что-нибудь на этой землѣ и брать себѣ плоды посеяннаго. Но и въ такихъ случаяхъ онъ становился собственникомъ не даннаго клочка земли, а лишь травы или плодовъ.

Рис. 61.—Деревня Мравотанъ въ Моравіи.
(Образецъ „круглой“ деревни).

Охраненіе-же ихъ первоначально также лежало на немъ самомъ, онъ долженъ былъ такой участокъ, выдѣленный изъ общинной земли, огородить заборомъ. Если изгородь рушилась, то никто не вознаграждалъ его за убытки, причиненные пасущимся скотомъ. Такой клочекъ земли былъ лишь постольку предохраненъ отъ погубы его скотомъ, поскольку человекъ могъ объ этомъ позаботиться. Поэтому ежегодно, когда на Егорія выгонялся скотъ, «вновь огораживались поля», т. е. обносились оградой тѣ участки общинной земли, на которые не хотѣли пускать скотъ. Въ Ивановъ-же день, когда оканчивался сѣнокосъ, всѣ эти заборы уничтожались, такъ какъ луга не сдѣлались еще разъ навсегда собственностью отдѣльныхъ лицъ. А когда, около праздника св. Михаила, поля были окончательно сжаты, то и поставленные на нихъ изгороди исчезали, и скотъ, какъ въ древнѣйшія времена, могъ свободно бродить по всей общинной землѣ. Даже средневѣковое «Саксонское зеркало» охраняетъ отъ проѣзда только огороженный лугъ, но вспаханнаго поля, согласно тому-же юридическому памятнику, обносить заборомъ не нужно: уже одинъ вѣшній видъ его долженъ служить ему достаточной охраной. Только осень снова уничтожаетъ и здѣсь всѣ права частной собственности. Кто оставляетъ свой хлѣбъ на полѣ, когда другіе уже собрали его, у того онъ остается беззащитнымъ, и никто не обязанъ возмѣщать убытки, причиненные скотомъ. Итакъ, и въ этой области мало по малу обнаруживается развитіе понятія собственности. Сперва даже созрѣвающіе полевые плоды охраняются въ пользу отдѣльныхъ лицъ только оградой, подобной той, которая защищаетъ дворъ, затѣмъ для охраны воздѣланнаго поля уже достаточно какого-нибудь видимаго знака обработки. Кто-же, спрашивается, принялъ на себя вмѣсто забора охрану

когда, всѣ эти заборы уничтожались, такъ какъ луга не сдѣлались еще разъ навсегда собственностью отдѣльныхъ лицъ. А когда, около праздника св. Михаила, поля были окончательно сжаты, то и поставленные на нихъ изгороди исчезали, и скотъ, какъ въ древнѣйшія времена, могъ свободно бродить по всей общинной землѣ. Даже средневѣковое «Саксонское зеркало» охраняетъ отъ проѣзда только огороженный лугъ, но вспаханнаго поля, согласно тому-же юридическому памятнику, обносить заборомъ не нужно: уже одинъ вѣшній видъ его долженъ служить ему достаточной охраной. Только осень снова уничтожаетъ и здѣсь всѣ права частной собственности. Кто оставляетъ свой хлѣбъ на полѣ, когда другіе уже собрали его, у того онъ остается беззащитнымъ, и никто не обязанъ возмѣщать убытки, причиненные скотомъ. Итакъ, и въ этой области мало по малу обнаруживается развитіе понятія собственности. Сперва даже созрѣвающіе полевые плоды охраняются въ пользу отдѣльныхъ лицъ только оградой, подобной той, которая защищаетъ дворъ, затѣмъ для охраны воздѣланнаго поля уже достаточно какого-нибудь видимаго знака обработки. Кто-же, спрашивается, принялъ на себя вмѣсто забора охрану

обработанного поля? Ее создали соглашение и круговая порука между всеми членами общины. Можно легко себя представить, что такое соглашение состоялось даже без всякого уговора, так как оно для всех было выгодно. С тех пор юридическая защита собственности сводится к вознаграждению за убытки и к штрафу; это вознаграждение и эту пеню, согласно образующейся традиции, все общинники соглашались взимать с того, кто игнорировал знаки обработки. Мы стоим тут на пороге суда и видим его связь с развитием собственности. При таких условиях право собственности на луговую траву могло наконец найти защиту и тогда, когда дуг и не был прочно огорожен; пастухи должны были довольствоваться одним знаком охраны. От забора остался лишь один столб с метлой или пучком, который до нашего времени обозначает мѣста, изъятыя из общаго пользованія.

Переход от только что охарактеризованнаго пользованія землей к владѣнію ею на правѣ собственности не труденъ. Почти единственнымъ условіемъ, необходимымъ для этого, является постоянство въ обработкѣ земли, а послѣднее съ упроченіемъ осѣлости дѣлается потребностью и условіемъ жизни. Въ предѣлахъ каждаго общиннаго участка возникаетъ постоянная граница между пастбищемъ и тѣми землями, которыя по своимъ почвеннымъ условіямъ и расположенію пригодны для обработки. Только послѣднія идутъ попеременно подъ посѣвъ и подъ паръ, а примѣненіе навознаго удобрения позволяетъ гораздо чаще производить эту перемѣну. Но эта перемѣна, благодаря традиціи, удерживается такъ прочно, что становится препятствіемъ къ дальнѣйшему развитію частной поземельной собственности. Въ Велико-и Вѣлорусіи до сихъ поръ существуетъ передѣлъ земель, а въ Сѣверо-западной Германіи онъ въ различныхъ формахъ мѣстами сохранялся до прошлаго столѣтія. Тамъ, гдѣ такой передѣлъ, совершающійся часто по жребію ежегодно или черезъ болѣе долгіе сроки, продолжалъ существовать, не могла развиваться частная поземельная собственность, а должна была по традиціи остаться общая собственность съ правомъ индивидуальнаго пользованія. Въ такихъ мѣстахъ и не слѣдуетъ искать успѣховъ сельскаго хозяйства. Тамъ-же, гдѣ эти успѣхи настолько значительны, что одинъ и тотъ-же участокъ земли, переходя отъ одного хозяина къ другому, постоянно даетъ одинаковый доходъ, тамъ эксплуатація одного и того же клочка земли могла совершенно потерять характеръ простаго пользованія, и отношеніе земледѣльца къ этому участку становилось такимъ-же, какъ и къ дворовому мѣсту; поле, *гуфа*, стало дополненіемъ къ дворовому мѣсту, т. е. давалось двору для пользованія [если только вѣрно современное предположеніе объ этимологической связи словъ *Hufe* (надѣлъ, гуфа) и *Behuf* (употребленіе)]. Такимъ образомъ поле становилось предметомъ частной собственности. Въ Германіи этотъ процессъ совершался вѣроятно подлѣ римскимъ вліяніемъ, но не слѣдуетъ при этомъ забывать, что онъ имѣлъ мѣсто вѣкогда и на римской почвѣ. Но и тамъ, гдѣ указаннымъ путемъ возникла частная

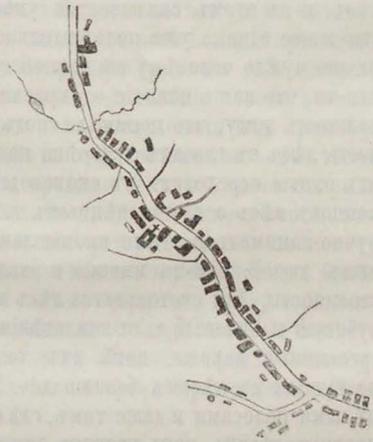

Рис. 62. — Колонистская деревня
(въ противоположность „круглой“).

поземельная собственность, народные обычаи и юридическія правила сохраняли память о прежнихъ порядкахъ. Такъ, Я. Гриммъ приводитъ изъ древнихъ Weistümer *) такое, напримѣръ, юридическое правило: крестьянинъ теряетъ свои права на поле, если онъ такъ долго не воздѣлывалъ его, что на немъ успѣваетъ вырости кустарникъ, который можетъ задѣть шпоры владника или же скрыть двухъ быковъ. Въ такихъ правилахъ еще живо возрѣніе, что не воздѣлываемая земля можетъ принадлежать только всей общинѣ. Точно также до сихъ поръ, даже въ областяхъ, которыя въ качествѣ колонизованныхъ вообще не знали уже общинныхъ поземельныхъ порядковъ, сохраняется древнее правило, что Св. Михаилъ освобождаетъ всѣ пастбища, и что послѣ него для поддержанія частной собственности нуженъ особый знакъ—столбъ съ пучкомъ.

Лѣсъ, какъ таковой, всего позже сдѣлался предметомъ собственности. Въ народныхъ возрѣніяхъ онъ до сихъ поръ еще не вполне получилъ такое значеніе; народъ и теперь еще думаетъ, что каждый имѣетъ извѣстныя права на неогороженный лѣсъ, и въ этомъ сказывается унаслѣдованное юридическое чувство, но соответствующее однако уже положительному праву. Эстетическое почитаніе лѣса совершенно чуждо человѣку на низкой ступени культуры; вполне правильно замѣтилъ кто-то, что наше понятіе о «красивомъ пейзажѣ» составляетъ прямую противоположность тому, что понимали подъ этимъ въ эпоху Карла Великаго. Сначала цѣнность лѣса въ глазахъ человѣка падаетъ все ниже и ниже по мѣрѣ того, какъ онъ отъ охоты переходитъ къ скотоводству и отъ скотоводства къ земледѣлію; въ концѣ концовъ лѣсъ остается цѣннымъ только для тѣхъ, кто не принужденъ собственно-ручно заниматься этими промыслами, т. е. преимущественно для привилегированныхъ людей; они-то именно и завладѣли лѣсомъ и перенесли на него понятіе собственности. Для скотоводства лѣсъ можетъ служить только отчасти—именно только дубовый и буковый, для земледѣлія онъ является препятствіемъ. Поэтому-то прогрессивные народы, пока ихъ хозяйственные взгляды не усовершенствовались, поступали съ лѣсомъ безпощадно. Такъ, трудолюбивые китайцы истребляли лѣса цѣлыми полосами и даже тамъ, гдѣ они не могли ввести земледѣлія; они вели борьбу противъ лѣсовъ, какъ противъ дикихъ. Самыя культурныя страны древняго міра—Передняя Азія, Греція, Италія, Испанія—также потеряли свои лѣса. Германія пользовалась у древнихъ самой дурной славой, благодаря своему обилію лѣсовъ; это—признакъ некультурности. Для начинающей осѣдлой культуры и для развивающагося понятія поземельной собственности лѣсъ на первыхъ порахъ не имѣлъ никакого значенія. Пастбища для скота составляли уже по крайней мѣрѣ общую собственность, а на лѣсъ еще никто не заявлялъ никакихъ притязаній. Какъ сдѣлать своей собственностью лѣсъ, который иногда кажется безконечнымъ, какъ его оградить, какъ его защищать? Германцы считали особенною гордостью возможность владѣть обширнѣйшими лѣсами; такіе лѣса къ тому-же сами являлись трудно проницаемой оградой для захваченной въ общую собственность земли. Но постепенно передъ нами открываются различныя пути, по которымъ, при посредствѣ понятія о пользованіи, право собственности переходитъ и на лѣсъ. Для пользованія лѣсъ давалъ дичь, медъ, желуди и буковые орѣшки (для откармливанія свиней), дерево (для построекъ, приготовленія утвари и отопленія). Всѣ эти вещи постепенно привлекли къ себѣ *собственниковъ*, какъ это случилось раньше съ откры-

*) Памятникъ древне-нѣмецкаго, преимущественно *обычнаго*, права.

Примѣч. переводчика.

тыми полями. Съ деревьями въ лѣсу сперва обращаются совершенно такъ же, какъ съ травой на лугу. Всякій, кто хочетъ, можетъ завладѣть травой, но онъ долженъ тогда охранять ее, какъ свою собственность, отъ другихъ. Разница только въ томъ, что деревья охраняются не огражденіемъ, а, какъ это мы узнаемъ изъ франкскаго права, наложеніемъ знака. Человѣкъ, выбравъ себѣ какое-нибудь дерево, дѣлалъ на немъ свою отмѣтку совершенно такъ же, какъ теперь лѣсничій обыкновенно надрубаетъ предназначенныя къ срубкѣ деревья. И опять таки подобно тому, какъ луговая трава по истеченіи лѣта снова переходитъ ко всей общинѣ, такъ же и дерево дѣлается пичимъ, если тотъ, кто сдѣлалъ на немъ знакъ, не взялъ его себѣ втеченіи цѣлаго года. Точно также достаточно было сдѣлать знакъ на пчелиномъ ульѣ въ лѣсу, чтобы стать его собственникомъ. Если же кто нибудь желалъ одинъ завладѣть дичью на какомъ нибудь пространствѣ лѣса, то онъ долженъ былъ фактически огородить это мѣсто совершенно такъ-же, какъ огораживался лугъ. Такъ возникли заказные или заповѣдныя лѣса (Forste oder Bannforste), назначеніе которыхъ впоследствии совершенно измѣнилось. Подобное удовольствіе могли себѣ позволять только богатые люди; тѣмъ не менѣе это случалось такъ часто, что возникавшіе при этомъ споры о пользованіи лѣсомъ не мало способствовали распространенію дѣйствительнаго права собственности на лѣсъ. Первоначально только франкскіе короли устраивали такіе заказные лѣса, и когда многія частныя лица послѣдовали ихъ примѣру, то Людовикъ Благочестивый въ 819 году счелъ себя вынужденнымъ заставить тѣхъ, у кого не было спеціальнаго дозволенія отъ его предшественника, снова открыть всемъ свободный доступъ въ захваченныя ими лѣса. Возникавшіе на почвѣ сосѣдства притязанія и споры такого же характера, какъ и тѣ, которые велись по поводу пользованія полевыми угодьями, должны были дать толчокъ къ раздѣленію и болѣе рѣзкому разграниченію первобытныхъ лѣсовъ; и такимъ образомъ право собственности, возникшее въ примѣненіи къ полямъ и лугамъ, могло перейти и на извѣстное пространство лѣса. Но все-таки и тогда еще лѣсъ оставался общей собственностью; никто не могъ владѣть имъ иначе, какъ въ качествѣ представителя или уполномоченнаго цѣлаго общества.

Эта, повидимому, мало важная оговорка приводитъ насъ къ обстоятельству, имѣющему огромное значеніе для развитія собственности. Что такое по своему происхожденію то общество или та община, о которой мы такъ часто говорили въ настоящемъ очеркѣ? Это или непосредственно древняя семья (родъ), или же развивавшаяся изъ послѣдней менѣе крѣпкая организація, или же наконецъ такая группа, которая создалась изъ равноправныхъ элементовъ по аналогіи съ родомъ. Чѣмъ ближе какая-либо организація къ первому изъ указанныхъ типовъ, тѣмъ неограниченнѣе отцовская власть ея главы, тѣмъ полнѣе отецъ является и для внѣшняго міра, и для данной общественной группы носителемъ всехъ ея правъ и между прочимъ права собственности. Такое возрѣніе на отца дѣйствительно существовало нѣкогда и опредѣляло многія стороны жизни. Древній отецъ — начальникъ или господинъ (разнообразіе въ его названіяхъ не мѣняетъ существа дѣла) — распредѣлялъ работы и наблюдалъ за ними; онъ такимъ образомъ фактически распоряжался отдѣльными участками земли, какъ будто они были его собственностью, а другіе члены рода были только обязаны работать. Чѣмъ болѣе каждый изъ нихъ сознавалъ, что его доля дана ему лишь въ пользованіе, тѣмъ болѣе господинъ, который давалъ эти доли, долженъ былъ считаться настоящимъ собственникомъ; и пастбище, и лѣсъ первоначально, казалось, никому не принадлежали, стали теперь принадлежать этому господину, который за то принялъ на себя

обязательство надѣлять каждаго изъ членовъ семьи, смотря по его потребностямъ, извѣстнымъ участкомъ земли.

Такой взглядъ на отца естественно вытекаетъ изъ того исторически-сложившагося факта, что собственникомъ имущества являлся весь родъ, а отецъ былъ господиномъ надъ всѣми членами рода. Но поземельныя отношенія значительно измѣнились въ силу того, что всюду по весьма естественнымъ побужденіямъ сказалось стремленіе удержать званіе отца въ тѣсномъ кругу его ближайшихъ родственниковъ. Когда такое стремленіе одерживало верхъ, то изъ числа отдѣльныхъ семей, составляющихъ родовую общину, выдѣлялась одна господствующая семья, и только ея члены имѣли *теперь* право на званіе отца. Къ этой семьѣ переходило и право собственности, принадлежавшее прежде всѣмъ членамъ общины въ совокупности. Непосредственной собственностью этой властвующей семьи стали считаться въ особенности тѣ угодья, которыя раньше при раздѣленіи земли не попали въ руки отдѣльныхъ семей, т. е. прежде всего лѣсъ, затѣмъ выгоны и наконецъ та часть пахотной земли, которую господствующая семья въ качествѣ одной изъ отдѣльныхъ семей съ привилегіей свободного выбора получила въ свое владѣніе. Не всюду замѣчается такой ходъ развитія поземельныхъ порядковъ; совсѣмъ иной процессъ видимъ мы при колонизаціи съ чисто земледѣльческими цѣлями и при колонизаціи буржуазной. Общины и тѣхъ, и другихъ колонистовъ развились не изъ родовъ, а только заимствовали ихъ устройство съ сохраненіемъ равноправности отдѣльныхъ семей. Тамъ, гдѣ земли захватывалъ народъ, уже ранѣе сжившійся съ земледѣліемъ, онъ по большей части садился отдѣльными семьями. Кочевья же племена завладѣвали землей почти исключительно цѣлыми родами; вслѣдствіе этого, въ послѣднемъ случаѣ, возникающее понятіе о собственности приурочивалось къ личности господина — патріарха. Если слѣды такихъ отношеній (такъ какъ всякая болѣе или менѣе древняя оккупация была произведена номадами) и разбѣяны по всей Европѣ, то всего болѣе эти порядки наложили свой отпечатокъ на самое послѣднее наслоеніе въ Европѣ, на славянъ.

До 1861 года въ Велико-и Бѣлоруссіи поземельная собственность принадлежала или господамъ-отцамъ (помѣщикамъ), или самому государству. Все — пахотная земля, которая въ болѣе благословенныхъ мѣстахъ все еще ежегодно мѣнялась, обширнѣйшіе выгоны и окружавшій ихъ лѣсъ и наконецъ даже тотъ клочекъ земли, на которомъ стоитъ жалкая изба крестьянина — все это было собственностью господъ. Крестьянинъ имѣлъ на всѣ эти угодья только право пользованія и лишь въ томъ размѣрѣ, въ которомъ оно предоставлялось ему господиномъ. «Гдѣ есть лѣсъ, тамъ, смотря по его обилію, крестьянину дается дерево для домашнихъ надобностей, либо на постройки, либо на отопленіе» (Гакстгаузенъ). Такое ограниченіе существовать однако только въ Средней Россіи, гдѣ лѣсъ сталъ уже болѣе цѣниться; «напротивъ, въ сѣверныхъ лѣсныхъ областяхъ крестьяне могутъ неограниченно пользоваться лѣсомъ и для своихъ промышленныхъ цѣлей». Эти порядки по отношенію къ лѣсу и пользованію имъ существовали нѣкогда по всей Европѣ, и даже колонизація, которая въ Германіи до прежнихъ западно-славянскихъ странъ включительно внесла такъ много новаго, не оказала въ этомъ направленіи сильнаго вліянія: землевладѣлецъ не раздавалъ лѣсныхъ участковъ колонистамъ, а по принятому обычаю отдавалъ цѣлую лѣсную дачу во всеобщее пользованіе. Такимъ образомъ колонистамъ обыкновенно согласно договорамъ позволялось неограниченно пользоваться лѣсомъ для отопленія и въ извѣстныхъ размѣрахъ — для построекъ. Съ увеличеніемъ цѣнности лѣса, стали требовать за это извѣстныхъ повинностей: въ такихъ по-

винностяхъ слѣдуетъ видѣть только болѣе древнюю форму продажи. Тѣмъ не менѣе все еще оставался обычаи собирать дрова въ «господскомъ» лѣсу, и народъ до нашихъ дней сохранять неискоренимое сознаніе своего права на это. Только въ наше время и это собраніе стали ограничивать извѣстными днями и ставить въ зависимость отъ дозволенія или отъ исполненія различныхъ повинностей. Наконецъ, только въ самое послѣднее время даже лѣсные грибы и ягоды были поставлены подъ охрану собственности.

Также не мало борьбы было потрачено «господами» на гораздо раньше впрочемъ сдѣланное приобрѣтеніе исключительнаго права собственности на дикихъ животныхъ лѣсовъ и полей; эта борьба, которая отчасти продолжается и до нашего времени, составляетъ содержаніе исторіи права охоты. Въ Чехіи напримѣръ «господа» въ исходѣ среднихъ вѣковъ должны были прибѣгнуть къ общему разрушенію крестьянъ, чтобы осуществить свое частное право, вытекающее изъ общаго права собственности на землю. Дурнымъ послѣдствіемъ этого было однако то, что охотничьи права «господина» стали простирались и на воздѣлываемые крестьяниномъ участки, какъ-бы бѣднякъ ни оборонялся отъ этого, апеллируя къ христианству и «естественному праву». Такъ логически за однимъ шагомъ слѣдовалъ другой. Господину принадлежала крестьянская пашня, — она была его собственностью; у крестьянина-же она находилась лишь въ пользованіи, и это пользованіе господинъ могъ ограничивать, когда того требовали его охотничьи забавы.

Такія отношенія мы находимъ въ Россіи еще до 1861 года; «господинъ» давалъ ежегодно крестьянину въ собственное пользованіе участки земли и назначалъ другой участокъ, который тотъ-же крестьянинъ долженъ былъ обрабатывать въ пользу господина. Дальнѣйшій процессъ развитія этихъ отношеній, который въ одномъ мѣстѣ происходилъ медленно, въ другомъ быстро, мы можемъ намѣтить немногими штрихами, ибо его послѣднія стадіи еще очень недалеки отъ современности. Тѣ отношенія, которыя могли еще держаться въ богатой и обширной Россіи, при другихъ болѣе тѣсныхъ пространственныхъ условіяхъ должны были стать невозможными и исчезнуть. Если отдѣльные крестьяне черезъ извѣстные періоды мѣнялись своими земельными участками, то въ общемъ разъ навсегда установилась граница, отдѣлившая тѣ пашни, которыя отдавались работающему крестьянину въ его собственное пользованіе, отъ тѣхъ, которыя крестьянинъ долженъ былъ обрабатывать для господъ. Такимъ образомъ вся земля раздѣлилась на крестьянскую и барскую пашню; и та, и другая были собственностью господина, но первая въ то-же время находилась въ пользованіи у крестьянина. Успѣхи въ трудѣ, открытіе для него новыхъ выгодныхъ поприщъ заставили признать эту основанную на рабствѣ организацію труда невыгодной; поэтому духъ времени въ Западной Европѣ потребовалъ превращенія крестьянскаго участка въ свободную собственность земледѣльца. Цѣль эта въ различной степени была достигнута въ различныхъ мѣстахъ и въ различныя времена. Внутренніе порядки въ деревняхъ колонистовъ, въ большомъ количествѣ разсѣянныхъ въ Германіи, отъ Вестфалии до славянскихъ странъ, положили начало этой перемѣнѣ. Колонистъ, хотя и владѣлъ своей «гуфой» на правѣ пользованія, но нѣмецкій институтъ «вѣчно наследственной аренды» дѣлалъ это право почти совершенно тождественнымъ съ правомъ полной собственности; прежде всего онъ ограничивалъ повинности за землю опредѣленной мѣрой, которая отчасти уже выражалась денежной суммой. Въ то-же время между господиномъ и его земельными подданными сталъ наследственный судья, какъ стражъ договора; такимъ образомъ была сломлена неограниченная «отцовская власть».

Къ установленію подобныхъ отношеній современныя государства стремились путемъ—сперва превращенія неопредѣленныхъ повинностей за пользованіе землей въ опредѣленные, а затѣмъ выкупа ихъ вмѣстѣ съ повинностями колонистовъ за извѣстное денежное вознагражденіе. Только благодаря этому позднѣйшему выкупу отцовскихъ правъ, существо и происхожденіе которыхъ было позабыто изъ-за практическаго осуществленія ихъ, возникла въ современныхъ государствахъ свободная поземельная собственность.

Россія только въ наше время послѣдовала въ этомъ отношеніи за западными народами, но остановилась пока на одномъ изъ этапныхъ пунктовъ и не дошла еще до института частной поземельной собственности.

Россія удовольствовалась тѣмъ, что вмѣсто произвольнаго надѣленія крестьянъ землей, которое существовало до 1861 года, въ каждомъ населенномъ имѣніи крестьянская земля, какъ единое замкнутое цѣлое, была отдѣлена отъ господской земли. Такимъ образомъ были созданы поземельныя отношенія приблизительно такія-же, какъ тѣ, которыя существовали до закрѣпленія отцовскаго достоинства за одной изъ отдѣльныхъ семей, до возникновенія наслѣдственнаго класса господъ. Вся крестьянская земля принадлежить теперь на правѣ собственности опять лишь *всему* крестьянскому обществу, и оно отрѣзываетъ каждому члену по его потребностямъ извѣстный клочекъ земли въ пользованіе, причѣмъ отъ общества вполне зависитъ производить-ли и *какъ часто* рекомендуемый древней традиціей передѣлъ земель. Эти факты однако не относятся ни къ Остзейскому краю, ни къ Польшѣ.

Дворянство.

Разсматривая выше развитіе поземельной собственности, мы одновременно познакомились съ однимъ изъ главныхъ корней института дворянства. Тотъ родъ дворянства, который мы уже знаемъ, всего лучше назвать *патріархальнымъ* въ отличіе отъ другого, *служилого*; рядомъ съ ними можно поставить еще *племенное* дворянство, ведущее свое происхожденіе отъ завоевателей данной страны, не говоря уже о позднѣйшихъ формахъ *жалованнаго* дворянства. По своему происхожденію эти различныя виды дворянства очень ясно различаются, хотя въ сложившемся уже обществѣ это различіе можно разсмотрѣть только въ отдѣльныхъ случаяхъ. У чешскихъ славянъ оно въ большой простотѣ сохранилось втеченіи всей эпохи среднихъ вѣковъ. У нихъ не было племенного дворянства, какое образовали господствовавшіе нѣкогда въ Индіи «арійцы», или въ Палестинѣ—евреи, такъ какъ не было никакого покоренія; но по происхожденію туземное дворянство строго и ясно раздѣлялось на два класса: «господъ» и «рыцарей». Настоящее, истинное славянское дворянство составляли «господа», и они безпорно произошли отъ отцовъ—главъ родовъ, разросшихся въ маленькія племена. Въ качествѣ таковыхъ они, а въ особенности-же тѣ, которые жили дальше отъ сѣверной области (прежде всего оккупированной), владѣли необозримыми пространствами земли, на которой остальные члены рода обитали, какъ ихъ подданные. «Рыцари»-же составляли служилое дворянство, вѣроятно образовавшееся подъ нѣмецкимъ влияніемъ; оно, съ одной стороны, было создано необходимою защитой страну, съ другой,—условіями организаціи труда на такихъ обширныхъ пространствахъ.

Хотя въ общемъ указанное различіе совершенно вѣрно, но въ иныхъ случаяхъ не всегда «господа» и «рыцари» рѣзко отличались другъ отъ друга, какъ патріархаль-

ное дворянство отъ служилого. Во всякомъ случаѣ именно «господа» первые заняли самыя выдающіяся служебныя мѣста въ молодой государственной организаціи, а съ другой стороны, многія изъ «рыцарскихъ» семей могли быть прежде малозначительными «господскими» семьями, которыя потомъ примирились съ нѣкоторымъ подчиненіемъ болѣе счастливымъ «господамъ». Сосѣдскія распри давали постоянно поводы для этого, и только такимъ путемъ отдѣльныя родовыя общины могли разростись до размѣровъ цѣлыхъ племенъ. Не вѣсуду однако обстоятельства одинаково благопріятствовали выдѣленію патриархальнаго дворянства. Сперва этому мѣшаютъ племенное дворянство—тамъ, разумѣется, гдѣ оно есть. Возьмемъ въ качествѣ примѣра евреевъ, которые подобно тому, какъ теперь бедуины въ Африкѣ, навязали свой протекторатъ и свое господство осѣдлому культурному народу. По отношенію къ такимъ подданнымъ всѣ евреи, т. е. даже и тѣ, кто не былъ облеченъ званіемъ отца, являлись дворянами, а ихъ главы-отцы имѣли лишь привилегію сообща обсуждать и регулировать относящіяся до всего союза дѣла. Аналогичнымъ было отношеніе въ Римѣ патриціанскихъ родовъ къ плебейской народной массѣ. Безспорно, въ древнѣйшее время только главы родовъ составляли сенатъ, но печать знатности въ противоположность плебеямъ лежала на всѣхъ тѣхъ, кто принадлежалъ къ одному изъ такихъ господствующихъ родовъ. Позднѣйшее-же римское дворянство было служилымъ, и для его опредѣленія приводилось обыкновенно то званіе, котораго достигли главы данной семьи. Аналогично съ этимъ и названія нѣмецкаго дворянства произошли отъ названій извѣстныхъ должностей, напримѣръ: графъ, герцогъ, маркграфъ. Въ нѣкоторыхъ болѣе древнихъ государствахъ все господствующее племя составляло въ качествѣ «касты воиновъ» племенное дворянство. Точно также развитію патриархальнаго дворянства препятствовала та древняя государственная система, по которой отцовскія права всегда сосредоточивались въ одномъ лицѣ. Мы познакомясь съ ней дальше, въ Восточной Азіи, откуда она, захватывая Россію, заходитъ въ Европу. Главы поглощенныхъ государствомъ родовъ теряютъ рядомъ съ единственнымъ его главой всякое значеніе и силу во внѣшнихъ отношеніяхъ; поэтому въ Китаѣ не существуетъ наследственнаго дворянства. Въ Россіи также современное дворянство происходитъ отъ служилого, хотя безспорно всегда лишь отцы или члены господствующихъ семей могли достигать высокихъ служебныхъ положеній. Но сами по себѣ эти господствующія семьи совершенно стирались передъ однимъ «отцомъ» всего народа. Тамъ-же, гдѣ государственный союзъ представлялъ болѣе слабую связь атомовъ, значительно выдвинулись отдѣльныя господствующія семьи, когда званіе отца сдѣлалось наследственнымъ въ одной изъ нихъ, и тогда образовалось патриархальное дворянство такое многочисленное, какъ, напримѣръ, польское или какъ то, которое нѣкогда существовало въ Шотландіи. Послѣ всего сказаннаго мы можемъ легко представить себѣ развитіе этого патриархальнаго дворянства, и картина польской деревни съ ея господскимъ домомъ посрединѣ и маленькими хижинами рабочихъ вокругъ него можетъ оживить наше представленіе объ этомъ процессѣ. Условіе, необходимое для его наступленія, вѣсуду должно явиться само, разъ древняя семья или родъ до извѣстной степени заняты постоянной работой, и оно состоитъ въ томъ, что достоинство отца дѣлается наследственнымъ въ узкомъ кругѣ его кровныхъ родственниковъ. Къ такому порядку естественно долженъ стремиться всякій отецъ, и на это-же указываетъ и общая выгода всѣхъ совмѣстно трудящихся. Распредѣленіе работъ и руководство ими въ болѣе или менѣе многочисленной семьѣ или родѣ сами по себѣ составляютъ работу, которой, какъ и всякой другой, нужно научиться. А тѣ, кто

всегда исполнялъ только назначенный трудъ, не могутъ быть годными для подобнаго руководящаго положенія. Съ другой стороны, патриархъ, даже если замѣна его другимъ зависитъ не отъ него лично, а отъ избранія всей общины, сумѣетъ своими указаніями и поученіями сообщить извѣстные преимущества тому лицу, избраніе котораго для него представляется желательнымъ. Такой обоюдный интересъ долженъ былъ приводить къ тому, что право наслѣдованія отцовской власти ограничивалось все болѣе и болѣе узкимъ кругомъ родственниковъ, и наконецъ устанавливался извѣстный порядокъ наслѣдованія въ предѣлахъ одной изъ отдѣльныхъ семей, причѣмъ патриарху наслѣдовалъ либо старѣйшій членъ семьи, либо старшій его сынъ. Къ этому одному условію должно было необходимо присоединиться и другое: а именно, это окончательное развитіе порядка наслѣдованія отцовской власти, съ исключеніемъ изъ него значительнаго числа отдѣльныхъ семей, должно было наступить, когда понятіе частной поземельной собственности еще не было развито, т. е. въ то время, когда народъ былъ еще довольно близокъ къ кочевому быту. Если-же выдѣленіе земли въ частную собственность отдѣльныхъ семей (на что наталкиваетъ болѣе или менѣе исключительное занятіе земледѣліемъ) предшествовало во времени установленію наслѣдственности отцовскаго достоинства, то мы находимъ патриарха въ роли только администратора и судьи, причѣмъ къ его личности приурочивается лишь его частная собственность. Въ такомъ положеніи находились древне-германскіе «*domage*» на островѣ Готландѣ, «*godage*»—въ Исландіи. Правда, на такой почвѣ могло развится служилое дворянство, такъ какъ бытъ судей всегда импонируетъ; но у такого дворянства неизбѣжно отсутствовали-бы важныя признаки; исключительное владѣніе землей. Тамъ-же, гдѣ этотъ признакъ находится и у служилаго дворянства, мы можемъ заключить, что въ данномъ случаѣ передъ нами какая-нибудь комбинація служилаго дворянства съ древне-патриархальнымъ, состоящая хотя-бы въ томъ, что служилое дворянство получило отъ патриархальнаго вмѣстѣ съ должностью и извѣстный земельный надѣлъ.

До насъ врядъ-ли могли дойти какія-либо документальныя свидѣтельства о выше намѣченныхъ внутреннихъ процессахъ въ древнесемейной организаціи, и это вполне естественно. Мы имѣемъ предъ собой лишь болѣе древнія отношенія въ многоразличныхъ аналогіяхъ и готовый уже строй, развившійся изъ этихъ отношеній. Тѣмъ не менѣе мы можемъ легко и наглядно представить себѣ этотъ процессъ.

Пусть древняя семья-родъ состоитъ изъ двадцати отдѣльныхъ семей съ общимъ числомъ въ двѣсти душъ. Всѣ вмѣстѣ владѣютъ окруженнымъ лѣсомъ пастбищемъ и по близости своего семейнаго жилища воздѣлываютъ поле, мѣняя иногда сѣмена, смотря потому, что почва раститъ лучше въ то или другое время. Жилище семьи состоитъ (мы лишь повторяемъ при этомъ знакомыя уже читателю вещи) изъ обширной палаты, которая предназначается для всѣхъ, и изъ приблизительно двадцати маленькихъ хижинъ, которыя беспорядочно разсѣяны вокругъ общей палаты на тѣхъ мѣстахъ, которыя почему-либо облюбовалъ себѣ нѣкогда тотъ или другой женихъ.

Хижины (нѣкоторыя изъ нихъ пристроены къ палатѣ) служатъ только для сна и для сбереженія того небольшого скарба, который приобрѣтали себѣ отдѣльныя семьи. Въ палатѣ стоитъ очагъ, на которомъ варится пища для всѣхъ. Здѣсь собираются всѣ члены семьи для ѣды, когда они возвращаются съ поля; здѣсь бесѣдуютъ, здѣсь они справляютъ свои праздники. Здѣсь зимой можетъ пріютиться мать съ маленькимъ ребенкомъ, когда въ нетопленныхъ хижинахъ стоитъ ужь очень

лютый холодъ. «Отець», который, еще будучи молодымъ человѣкомъ, былъ возведенъ въ это званіе всей семьей за свои выдающіяся качества, проводитъ въ этой палатѣ со своими близкими день и ночь, лѣто и зиму, онъ живетъ и спитъ у очага. Теперь онъ уже старъ и рѣдко оставляетъ свое мѣсто. Семья избѣгаетъ ворчливаго старика; ея члены рѣдко, особенно лѣтомъ, заходятъ въ палату. Хозяйка дома даетъ каждому отцу семейства, по числу его дѣтей, запасъ хлѣбной пищи, которую она спекла или сварила на очагѣ, и каждая семья ѣсть свой скромный обѣдъ на облитомъ солнцемъ дворѣ или въ тѣни своей хижины. Только когда закалывается какое-нибудь животное изъ общаго стада, всѣ снова сходятся въ старую закопченную палату, чтобы полакомиться свѣжимъ мясомъ. Такое торжество должно быть отпраздновано въ палатѣ, потому что въ немъ участвуютъ божества домашняго очага, и маститый отецъ долженъ быть ихъ жрецомъ. Онъ приноситъ имъ первые *дары* и подаетъ всѣмъ рогъ или кубокъ — выпить во славу богамъ. Но во время работъ на дворѣ или въ полѣ старика замѣняетъ сынъ. Отець съ дѣтства воспитывалъ его къ этому, указывалъ ему всѣ подробности и старался внушить ему правильный взглядъ на все хозяйство. Онъ во время посѣва и жатвы назначаетъ каждому свою работу, и никто не умѣетъ такъ удачно, какъ онъ, указать каждому его настоящее дѣло и никого не обременить чрезмѣрнымъ трудомъ. Также хорошо бережетъ онъ плоды жатвы и удѣляетъ каждому, сколько нужно: никто по его винѣ не страдаетъ отъ недостатка и не впадаетъ въ расточительность. Поэтому въ этой семьѣ ни въ чемъ не было недостатка, когда сосѣди уже терпѣли нужду, и нѣтъ сомнѣнія, что этотъ человѣкъ нѣкогда долженъ занять мѣсто своего отца. Такъ рождаются и умираютъ немногія поколѣнія, и всякій знаетъ только, что въ этой палатѣ живетъ всегда одна и та же семья, что должность правителя занимаетъ иногда младшій братъ, а чаще всего старшій сынъ наследуетъ умершему «господину-отцу».

Между тѣмъ произошла еще одна небольшая перемѣна. Изстари ведется (и это считается справедливымъ), что каждая семья имѣетъ свою маленькую хижину, а большой домъ принадлежитъ господской семьѣ. Но тѣмъ не менѣе каждый можетъ найти въ немъ убѣжище, и не разъ согрѣвались тамъ оковенѣвшія руки, не разъ мать наскоро подогрѣвала на очагѣ господскаго дома пищу для своего ребенка, — и это охотно позволялось. Обыкновенно и огонь берется съ господскаго очага, хотя въ маленькихъ хижинахъ также заведены очаги — но тамъ нѣтъ слуги, который-бы, какъ это дѣлается въ господскомъ домѣ, постоянно поддерживалъ огонь. Снабженіе пищей для удобства отдѣльныхъ семей упрощено, и при этомъ у господина меньше труда по надзору. Онъ надѣляется либо всѣ семьи вмѣстѣ, либо каждую въ отдѣльности землей, на которой ей предоставляется воздѣлывать чтѣ ей угодно, а плоды свозить домой и приготавливать въ пищу на своемъ очагѣ. На этомъ участкѣ каждый работаетъ, какъ маленькій господинъ, для себя; только нераздѣленный остатокъ воздѣлываемой земли все еще обрабатывается всѣми вмѣстѣ подъ наблюдениемъ и руководствомъ господина, который иногда прибѣгаетъ къ угрозамъ, а, если нужно, то и къ отеческимъ наказаніямъ. Все, что собирается съ этой земли, хранить отецъ. Изъ этихъ запасовъ онъ покрываетъ потребности господскаго дома, но изъ нихъ-же онъ по старой традиціи, охраняемой домашними божествами, обязанъ оказывать пособіе отдѣльнымъ семьямъ, когда у послѣднихъ не хватаетъ жатвы, такъ какъ на немъ, въ качествѣ отца, лежитъ долгъ (насколько это возможно) сохранять жизнь своихъ потомковъ.

Скотъ, который пасется на общемъ пастбищѣ, и охранять который обязанъ каждый, кому отецъ поручить это, все еще закалывается въ господской палатѣ, и всѣ

члены семьи дружески приглашаются на это торжество. Въ праздничное время ворота господскаго дома все еще открыты; но по буднямъ они уже закрыты; и господа также хотятъ спокойно пожить. Но скоро однако ворота закрываются и по праздникамъ. Произошла важная перемяна во всемъ домашнемъ быту: явился новый богъ, и онъ приблизился именно къ бѣднымъ, которые не живутъ въ господскомъ домѣ. Онъ сталъ имъ оказывать щедрую помощь; онъ основалъ для нихъ новый «господскій домъ», двери котораго постоянно для всѣхъ открыты: «Kyrkiae» (церковь)—значитъ буквально «господскій домъ».

Въ скандинавской семьѣ мы могли-бы отчетливо наблюдать весь послѣдовательный ходъ этой перемяны. До сихъ поръ отецъ самъ умилоствлялъ боговъ въ палатѣ господскаго дома; но вотъ теперь счастье дому будетъ приносить иной, новый богъ, который и требуетъ своихъ особыхъ жрецовъ. Такіе жрецы, часто низкаго происхожденія и весьма непритязательные, ходятъ по странѣ и за дешевую плату предлагаютъ господамъ свои услуги. Тогда и «отецъ-господинъ» также приглашаетъ такого жреца, быть можетъ только для опыта. Новый жрецъ утверждаетъ, что новаго истиннаго бога нельзя умилоствлять у очага прежней палаты, который оскверненъ старымъ «идолослуженіемъ»: онъ требуетъ особенную палату, особый очагъ, и его требованіе исполняется. Отецъ замѣчаетъ, что его счастье увеличивается, и не отпускаетъ жреца. Онъ удерживаетъ его и строитъ для него даже каменный домъ, величиной съ господскій. Народъ стремится получить благословеніе новаго бога и приноситъ богатые подарки: такимъ образомъ и жрецъ извлекалъ кой-какія земныя выгоды. Съ теченіемъ времени такой жрецъ понемногу выходитъ изъ своего зависимаго положенія. Вѣдь онъ также—«отецъ», «патеръ», такъ какъ ему принадлежитъ часть господскаго достоинства. Онъ требуетъ жертвъ и подарковъ, не для себя, правда, а для той большой общины—церкви, которой онъ служитъ, и которая доставляетъ ему побѣду въ этой борьбѣ съ свѣтскими господами.

Такимъ образомъ древняя семья-родъ получаетъ двухъ отцовъ (въ древнемъ смыслѣ этого слова), господина и патера, и два господскихъ дома. Одинъ изъ нихъ заперъ свои двери передъ подчиненными членами рода и оттолкнулъ ихъ отъ своего очага. Другой до сихъ поръ по добродушному католическому обычаю держитъ свои придѣлы открытыми весь день и въ свою разукрашенную палату радушно принимаетъ даже самыхъ бѣдныхъ. Протестантскій молитвенный домъ потерялъ эту историческую черту, католическій-же и грековосточный сохранили ее и потому остались поистинѣ болѣе народными. Въ русскомъ простолудинѣ все еще течетъ кровь кочевника: у него нѣтъ постоянства, и онъ не ощущаетъ тоски по родинѣ; онъ безъ труда забываетъ свой господскій домъ,—но къ родной церкви его влечетъ сердце. Здѣсь, въ этомъ новомъ господскомъ домѣ, священникъ-отецъ общины воздвигъ новый очагъ, и надъ нимъ, какъ въ древней палатѣ, горитъ неугасимый огонь, вокругъ котораго, какъ и нѣкогда, собираются всѣ дѣти дома. Передъ этимъ очагомъ мужъ получаетъ жену, вокругъ него носятъ новорожденнаго ребенка, передъ нимъ совершается отпущеніе раба на волю, и подъ нимъ, какъ въ первобытныя времена, хоронили почившаго отца. У народа безсознательно сохранилась вѣрное, истинное воспоминаніе о старыхъ временахъ. Его нищенскія хижинки—это только помѣщенія для сна, не требующія никакихъ затратъ; а всякія украшенія (хотя-бы то была жалкая мишура) онъ съ полной готовностью жертвуетъ для своей новой отцовской палаты. Церковь протянула свою спасающую руку утонавшимъ; она безспорно хотѣла имъ помочь, замѣнивъ ту поддержку, которая грозила исчезнуть; но, быть

можетъ, именно эта помощь церкви въ свою очередь содѣйствовала разложенію древней семьи-рода, которое оказалось столь невыгоднымъ для одной его части.

Если мы посмотримъ еще разъ на нашу деревушку и на тѣ отношенія въ ней, которыя продолжали существовать въ Восточной Европѣ частью до 1848, частью до 1861 года, то мы не увидимъ ни одного момента, который-бы не былъ обусловленъ только что указаннымъ процессомъ. Господскій домъ и церковь образуютъ еще главное двойное ядро деревни. Кругомъ нихъ расположены хижины, которыя нѣкогда были воздвигнуты для молодыхъ супруговъ. У каждой изъ нихъ есть теперь своя труба и свой маленькій очагъ. Гораздо больше очагъ господскаго дома, и онъ сохранилъ за собой, въ качествѣ центрального очага населенія, правда, ужъ не прежнюю гостеприимность, а нѣкоторыя привилегіи. Эти привилегіи облеклись конечно въ совершенно новую форму—въ исключительное право варить пиво и продавать его. Прежде этимъ правомъ пользовался только помѣщикъ, а крестьянамъ позволялось варить въ своихъ домахъ кушанье, но не пиво.

Тутъ люди живутъ (мы говоримъ о временахъ, для насъ минувшихъ) въ «патріархальныхъ» условіяхъ. Этотъ терминъ совершенно правильный и исторически вѣрный. Препжній помѣщикъ былъ патріархъ, господствующій отецъ. Ему поручено благо всѣхъ, и онъ отвѣчаетъ за всѣхъ, что касается податей—передъ государствомъ, во всемъ остальномъ — передъ Богомъ. Онъ обязанъ никого не допустить до голодной смерти (насколько это въ человѣческихъ средствахъ), да и самъ заинтересованъ въ этомъ. Въ качествѣ отца помѣщикъ является въ то-же время судьей своихъ подданныхъ; ему принадлежитъ отцовское право наказанія. Словомъ, подданные живутъ въ томъ состояніи рабства, которое вообще развивается внутри древней семейной организаціи, когда отцовское достоинство сдѣлалось наследственнымъ. Только надѣленіе земледѣльца участкомъ земли для обработки въ свою собственную пользу, вмѣсто снабженія пищей изъ господскаго дома, даетъ этому рабству тѣ особыя формы, которыя называютъ «крѣпостнымъ правомъ» (Leibeigenschaft) или «подчиненностью» (Unterthänigkeit), если размѣры лежащихъ на земледѣльцѣ повинностей точно опредѣлены. Эти системы, соотвѣтствующія началу земледѣльческой культуры, устанавливають связь между крестьяниномъ и землей,—связь, которой не существуетъ при другихъ системахъ рабства. Но въ то-же время эта предоставленная въ пользованіе крестьянина «рустикальная земля» составляетъ (оставляя въ сторонѣ исключительныя несчастныя обстоятельства, напримѣръ голодъ) все, чтó онъ получаетъ отъ помѣщика. Крестьянинъ по прежнему обязанъ работать на господской землѣ (эта работа является теперь барщиной). Если крестьянинъ вмѣстѣ съ тѣмъ обязанъ и откормить нѣсколько штукъ скота или куръ для господина, то это лишь новая форма тѣхъ услугъ, которыя онъ оказывалъ въ эпоху скотоводства. У крестьянъ, правда, все еще одно общее пастбище съ господиномъ, но вся земля, вся дичь, вся рыба, весь лѣсъ принадлежатъ уже исключительно послѣднему. Слово «отецъ» перестало прилагаться къ подобнымъ отношеніямъ, и на его мѣсто явилось болѣе выразительное слово «господинъ», «государь», «господарь», но отъ отцовства сохранилась «милость», и такимъ образомъ настоящій титулъ господина есть «милостивый государь». Такова сущность патріархальнаго дворянства.

Съ другой стороны, въ силу экономическихъ условій средних вѣковъ, вознагражденіе, которое получало служилое дворянство за свою службу, сводилось опять-таки лишь къ тому, что ему давалось положеніе патріархальнаго дворянства, жаловались такія-же господскія мѣста. Если служба вмѣстѣ съ леномъ дѣлалась наследственной (а все очевидно шло къ этому), то между служилымъ и патріархаль-

нымъ дворянствомъ не оставалось никакой разницы, за исключеніемъ того, что чувства дружбы и взаимной близости въ отношеніяхъ между господами изъ служилаго дворянства и ихъ подданными съ самаго начала совершенно отсутствовали. Такимъ образомъ, благодаря проникавшему всюду ленному устройству, рабское положеніе подданныхъ являлось въ еще болѣе обнаженномъ видѣ. Если-бы въ древнихъ маркахъ не оставалось мѣста для развитія института земледѣльческихъ колоній, и если-бы человѣчество въ нашихъ странахъ не перешло къ новымъ отраслямъ хозяйственной дѣятельности, которыя дѣлали возможными другія организациі или даже требовали ихъ, то дворянство осталось-бы непоколебимой основой общества. Но тѣ самыя обстоятельства, благодаря которымъ рабство явилось устарѣлымъ учрежденіемъ, поддѣйствовали разлагающимъ образомъ и на дворянское сословіе. Отъ этого минувшаго времени наша эпоха заимствуетъ лишь формы для новыхъ организаций.

Древнѣйшая форма правительства.

Основная форма всякой человѣческой организациі есть семья-родъ, въ древнемъ смыслѣ этого слова, потому что всякая данная общественная форма либо представляетъ не что иное, какъ дальнѣйшее развитіе и расширеніе семьи, либо возникло, какъ сознательное подражаніе семьѣ, такъ какъ человѣчество не имѣло предъ собой никакого другого образца. Въ сущности только эти два пути и могли повести къ развитію всевозможныхъ формъ организациі. Поэтому государство есть или не что иное, какъ *одна* необычайно разросшаяся древняя семья-родъ, или *нѣсколько* такихъ семей, которыя соединились съ сохраненіемъ своей равноправности въ союзъ, для мирнаго сожителства и совмѣстной самозащиты, который и принялъ форму одной изъ семей.

Древнѣйшія государства кажется сплошь принадлежали къ первой группѣ; эта форма всюду отличается замѣчательнымъ однообразіемъ, которое и обусловливается именно ея простотой. Эту государственную форму можно назвать *патріархальнымъ абсолютизмомъ*. Основа ея исключительно — отцовская власть. Только степень абсолютизма бываетъ различная въ зависимости отъ размѣровъ такой семьи. Чѣмъ меньше послѣдняя, тѣмъ легче взрослымъ членамъ получить нѣкоторое вліяніе на отца и тѣмъ безопаснѣе для отца допускать такое вліяніе. Такъ является рядомъ съ отцовской властью нѣчто вродѣ семейнаго совѣта, который однако не слѣдуетъ смѣшивать съ законодательными коллегіями того-же рода въ государствахъ второго типа. Но чѣмъ обширнѣе дѣлается семья, тѣмъ сильнѣе неразвита правительственная техника требуетъ неограниченности отцовской власти, тѣмъ рѣзче сказывается раздѣленіе между правящей семьей и управляемыми, и постороннее вліяніе на отца если и продолжаетъ существовать, то дѣлается доступнымъ лишь членамъ правящей семьи. Поэтому въ данномъ случаѣ нечего и говорить о какомъ-бы то ни было участіи «народа» въ правленіи.

Формы такого правительства до мелочей соотвѣтствуютъ тѣмъ, съ которыми мы только что познакомились, изображая выдѣленіе господствующей семьи изъ среды другихъ. Подобно тому, какъ тамъ «господинъ» сдѣлался единственнымъ носителемъ права собственности общины, послѣ того, какъ онъ уже раньше былъ повелителемъ и судьей всѣхъ ея членовъ, такъ и здѣсь — въ абсолютномъ государствѣ — правитель есть единственный собственникъ земли, которую онъ отдаетъ своимъ подданнымъ въ пользованіе. Онъ распоряжается жизнью и смертью всѣхъ, назна-

часть каждому работу и мѣсто; судъ можетъ быть творимъ только отъ его имени. Исторія не освѣщаетъ намъ той тьмы время, въ которой образовались древнѣйшія государства; но мы не можемъ себѣ представить ихъ образованіе иначе, какъ въ слѣдующихъ чертахъ: побѣдившая семья, предварительно лишивъ побѣжденную ея главы, совершенно поглощала ее, такъ что не оставалось никакого слѣда насильственного соединенія, и семья-побѣдительница казалась растущей совершенно естественно изнутри. Понятіе древней семьи-рода вполне допускало подобное явленіе; такое поглощеніе побѣжденной семьи должно было представляться самымъ простымъ изъ всѣхъ возможныхъ рѣшеній вопроса. Достоинство отца и въ простомъ домѣ является священнымъ и высокимъ вслѣдствіе его близости къ религиознымъ дѣйствіямъ,—близости, съ которой мы уже въ общихъ чертахъ познакомились выше. Но этотъ моментъ въ семьѣ, разросшейся до цѣлага государства, имѣетъ гораздо большее значеніе. Божество, направляющее судьбы государства или народа (который навѣрное не считаетъ себя послѣднимъ на земномъ шарѣ), облечено совѣмъ инымъ могуществомъ и величіемъ, чѣмъ божество, стоящее во главѣ простого дома. Тѣмъ не менѣе отецъ государства находится въ такихъ-же близкихъ отношеніяхъ къ государственному божеству, какъ и глава дома къ домашнему. Эти отношенія на первыхъ порахъ носятъ (какъ и въ маленькой семьѣ) тотъ характеръ, который мы, вообще говоря, называемъ жреческимъ. Но жреческія или священническія обязанности, по древнимъ народнымъ воззрѣніямъ, безконечно шире, чѣмъ на взглядъ современнаго человѣка. Жрецъ на ранней ступени культуры не только печется и заботится о божествѣ, онъ, согласно древнему фетишистическому воззрѣнію,—хранитель и носитель божества. Это именно и составляетъ въ глазахъ людей того времени характерный признакъ истиннаго наслѣдника отцовскаго достоинства, ибо собственно племенное божество все еще продолжаетъ оставаться настоящимъ повелителемъ и руководителемъ государства, и его человѣческой наслѣдникъ является таковымъ лишь въ качествѣ носителя божественнаго духа. Истинный наслѣдникъ, истинный правитель такимъ образомъ только тотъ, кто владѣетъ тѣми предметами культа, съ которыми божество считается неразрывно связаннымъ. То-же значеніе, которое до сихъ поръ народныя вѣрованія мѣстами приписываютъ наслѣдственному ключу, наслѣдственной Библии и тому подобнымъ вещамъ (на томъ основаніи, что онѣ находятся въ тѣсной связи съ душами предковъ—собственникововъ), это же значеніе для наслѣдника отцовскаго достоинства имѣло обладаніе тѣми предметами, тѣми фетишами, къ которымъ духъ-господинъ племени считался какъ-бы прикованнымъ. У германцевъ такую роль игралъ мечъ, который, какъ священный предметъ, переходилъ всегда отъ отца къ его наслѣднику; принимая этотъ мечъ, наслѣдникъ получалъ власть отца. Поэтому-то древніе такъ часто передаютъ легко поддающееся объясненію сказаніе о томъ, что у многихъ германскихъ племенъ мечъ былъ божествомъ. Съ еще болѣе древнихъ временъ эта роль принадлежитъ посоху, который, въ качествѣ скипетра, переходя отъ одного правителя къ другому, собственно и является носителемъ правительственной власти.

Но положеніе жреца во многихъ случаяхъ еще болѣе тѣсно и непосредственно соединяло человѣка съ божествомъ. Жрецъ не только хранилъ тѣ предметы, которые считались стоящими въ связи съ божествомъ, но онъ самъ, по временамъ по крайней мѣрѣ, въ моменты исполненія извѣстныхъ дѣйствій дѣлался сосудомъ и носителемъ божественнаго духа, который проявлялся въ немъ и чрезъ него. О такомъ воззрѣніи свидѣлствуютъ многіе религиозные обычаи, и поэтому, при совершеніи иногда жрецами различныхъ обрядовъ въ одѣяніи божества, они являются

какъ-бы самимъ божествомъ. Подобно тому, какъ въ до-христіанское время мы видѣли отца дома функционирующимъ въ качествѣ жреца, точно также правитель государства, представляющаго изъ себя большую древнюю семью-родъ, является въ совершенно такой-же роли жреца. Его владычество обусловлено тѣмъ, что онъ владѣетъ предметами культа, и его посѣщаетъ божественный духъ; и собственно говоря, все еще править не человѣкъ, а чрезъ посредство его—божество. Исторія показываетъ намъ великія опасности, происходящія отъ такого воззрѣнія для правителя, но съ другой стороны эта система безспорно даетъ ему тотъ авторитетъ и ту полноту власти, которые сдѣлались самой прочной опорой отеческаго абсолютизма; между тѣмъ поддерживаемый одними человѣческими средствами, онъ подвергался тѣмъ большимъ опасностямъ, чѣмъ многочисленнѣе были подвластныя ему массы. Въ виду всего сказаннаго не можетъ казаться страннымъ, что до сихъ поръ существуютъ государства, въ которыхъ правильное наступленіе временъ года, своевременное выпаденіе дождя, урожай или богатая рыбная ловля ставятся въ зависимость отъ поведенія властителя: послѣдній является или въ качествѣ носителя божества, или въ качествѣ его жреца косвенной или непосредственной причиной счастья и несчастія своего народа; божественность безконечно увеличиваетъ блескъ могущества правителя, но въ то-же время такая роль преходящаго сосуда вѣчнаго духа таитъ въ себѣ опасность для жизни правителя. Слѣды такихъ воззрѣній или же ихъ исчезающей отголосокъ мы находимъ, разумѣется, не только въ однихъ государствахъ первой группы, ибо, какъ это всегда бываетъ въ культурной жизни, и государства позднѣйшаго типа заимствовали у древнихъ отдѣльныя формы, но совершенно чистымъ и неискаженнымъ этотъ патріархальный принципъ является въ рядѣ государствъ, изъ числа которыхъ мы назовемъ наиболее знакомыя читателю.

Греческія «царства» до и во время героической эпохи были патріархальными государствами, образовавшимися путемъ расширенія одной древней семьи-рода. Многочисленные государства такого рода существовали на материкѣ Греціи и прилегающихъ островахъ, многія изъ нихъ даже по своимъ размѣрамъ могутъ быть сравниваемы съ болѣе или менѣе обширными семейными общинами нашего времени; и при существованіи у насъ извѣстныхъ твердо установившихся понятій переводъ греческаго названія отца, стоящаго во главѣ такой организаціи, — *Basileus* черезъ «царь» (король) можетъ произвести нѣкоторую путаницу въ пониманіи и придать греческому понятію несвойственные ему признаки чего-то великаго и высокаго. Въ дѣйствительности и германское «*Kuning*» обозначало прежде не что иное, какъ главу «кунины», рода, т. е. древней семьи. Греческая патріархальная царская власть принадлежитъ времени простой древней осѣдлой культуры, въ противоположность позднѣйшимъ организаціямъ, такъ называемой, героической эпохи, которая характеризуется созданіемъ племенного дворянства. Древній царь самъ не только организаторъ, но и руководитель работъ. Какъ настоящій отецъ, онъ совѣщается съ своими близкими о распредѣленіи работъ и самъ иногда беретъ за рукоятку плуга, чтобы подать молодымъ людямъ примѣръ правильного обращенія съ орудіемъ. Въ позднѣйшей организаціи, которая создала «геройство» (Индія имѣла вмѣсто того свое «арійство»), племя *господь* гордо возвышается надъ чуждымъ ему покореннымъ племенемъ подданныхъ и считаетъ позорнымъ для себя приложить руку къ труду; оно можетъ и желаетъ только властвовать. Древній *Basileus* въ то-же время жрецъ для своихъ близкихъ. Пусть каждая отдѣльная семья почитаетъ своего духа; культомъ того, который властвуетъ надъ всеми, завѣдуетъ отецъ или царь. Это жрецское званіе—самая важная опора его авторитета, только она, устанавливая близость царя

къ божеству, дѣлаетъ его неприкосновеннымъ. Царь охраняетъ святыни, около которыхъ носится божество, въ его рукахъ священный посохъ, обладаніе которымъ черезъ цѣлый рядъ властителей восходитъ къ высочайшему божеству рода,—и царь знаетъ это.

Аналогичною является власть римскаго Rex. Въ исторіи, правда, онъ является лишь какой-то фигурой, перенесенной изъ древняго строя въ новый, и совершенно исчезаетъ съ первымъ дальнѣйшимъ шагомъ впередъ; но тѣмъ не менѣе онъ самъ по себѣ еще вполне — представитель древней государственной формы. Онъ не только первый жрецъ государства, не только носитъ посохъ Юпитера, но его священная особа сама является воплощеніемъ божества. Онъ и статуя Юпитера носятъ одинъ и тотъ-же нарядъ, и какъ у послѣдней лицо намазано сурикомъ, такъ и царь, единственный изъ всѣхъ мужчинъ, является съ раскрашенной физиономіей.

Въ Римѣ и Элладѣ побѣдила вторая, позднѣйшая форма государственнаго устройства. Германцы, какъ и скибы, только отчасти являются въ исторіи подчиненными королевской власти, и ее также мы, можемъ основываясь на свидѣтельствѣ Тацита, считать патриархальной. Однако сфера этой власти была еще, подобно греческой, очень незначительной, ея значеніе для исторіи культуры было не велико, потому что вопросъ поземельной собственности всталъ передъ ней лишь постепенно. Въ древнихъ культурныхъ государствахъ Азіи, наоборотъ, благодаря своеобразному тамъ рѣшенію этого вопроса, патриархальная царская власть получила такое значеніе, что именно на этой азіатской почвѣ мы до сихъ поръ находимъ лучшіе образцы патриархальнаго устройства.

Культурныя государства Америки представляютъ такую-же картину, между тѣмъ какъ устройство общинъ сѣверо-американскихъ индѣйцевъ является скорѣе подражаніемъ древней патриархальной формѣ. Перуанскіе завоеватели съ ихъ культомъ солнца («сыны солнца» въ Перу) образовали племенное дворянство, которое, какъ одна большая господствующая семья, возвышалась надъ подданными. Это племя составляло одновременно и воинскую, и жреческую касту; а надъ всѣми, надъ дворянствомъ и народомъ, властвовали *Инка*,—воплощеніе на землѣ солнечнаго бога. Въ наше время перуанскія формы господства были возведены на высокую ступень культурнаго развитія, и намъ, начинающимъ понимать социальныя процессы, рекомендовалось если не прямо подражать, то изучаться этимъ формамъ. Первое вѣрно по сравненію съ общественными формами, встрѣчающимися у прочихъ американскихъ индѣйцевъ; что-же касается сущности всѣхъ порядковъ государства Инковъ, то они въ точности соотвѣтствуютъ тѣмъ, съ которыми мы познакомились въ славянскомъ помѣстьѣ. Только размѣры этого помѣстья и этой семейной организациі стали, благодаря завоеванію, необычайно велики, и обезпеченіе крестьянъ землей находится еще въ томъ состояніи подвижности, которую мы на европейской почвѣ встрѣтили лишь въ Центральной Россіи. Инка—воплощеніе государственнаго божества и требуетъ для себя его эмблему и культъ. Такъ какъ мѣстожителство божества—солнце, то и Инка есть солнце на землѣ или по меньшей мѣрѣ младшее солнце, сынъ солнца; въ своемъ теремѣ онъ держитъ взаперти «невѣсть солнца». Родственники солнечнаго рода, его единоплеменники, являются воинами или-же жрецами, захватившими въ свои руки всѣ древнѣйшіе мѣстные культы. Отцы, главы покоренныхъ племенъ, совершенно потеряли это званіе, но въ качествѣ подчиненнаго служилаго дворянства находятъ себѣ мѣсто и дѣло въ грандіозной организациі труда. Владѣлецъ всей земли — одинъ только Инка. Но и здѣсь, какъ въ томъ помѣстьѣ, исторію котораго мы брали, чтобы иллюстрировать развитіе дворянства, земля раз-

дѣляется по своему назначенію на нѣсколько частей. Доминикальная земля состоитъ изъ двухъ частей, потому что новые господа по весьма понятнымъ причинамъ всецѣло взяли на себя публичный культъ. Затраты на него покрываются изъ доходовъ «земли солнца», остатокъ составляетъ «землю инковъ». Приблизительно треть составляла «народная», т. е. та рустикальная земля, которая назначается на содержаніе народной рабочей силы. Но и здѣсь, совершенно такъ-же, какъ до 1861 г. въ нѣкоторыхъ областяхъ Россіи, ещѣ не произошло выдѣленія опредѣленнаго рустикальнаго участка. Инка ежегодно назначалъ работающему народу другой участокъ въ зависимости отъ того, въ какомъ мѣстѣ государственная работа требовала большаго скопленія народа; и доля отдѣльныхъ семействъ также мѣнялась вмѣстѣ съ ихъ ростомъ. Въ то-же время перуанецъ, совершенно какъ нашъ крѣпостной, былъ обязанъ дворовой службой и барщиной, ибо ничего другого не можетъ означать выраженіе, что дѣломъ народа было, кромѣ «народной земли», обрабатывать еще «землю Инковъ» и «землю солнца», не говоря уже о тѣхъ дорогахъ, храмахъ и дворцахъ, которые сооружали инки. Избытки доходовъ инки собирали въ магазинахъ, чтобы въ случаѣ нужды поддерживать голодающее рабочее населеніе. Когда-же народу удавалось обрабатывать назначенную ему въ его собственное пользование землю, то онъ соединялся артелями для взаимной помощи, какъ это до сихъ поръ принято у южныхъ славянъ. Эта артельная организація — остатокъ древнихъ семейныхъ отношеній.

И въ Египтѣ царская власть покоилась на такой-же основѣ; только здѣсь на нее временно пріобрѣло большое вліяніе жреческое сословіе, ставшее независимымъ, благодаря богатству и наслѣдственности большей части жреческихъ должностей. Царь самъ былъ вмѣстѣ съ солнцемъ и священными религіозными изображениями — жилищемъ, сосудомъ государственнаго божества, онъ былъ «живой образъ» правящаго Аммонъ-Ра или, въ качествѣ молодой земной формы этого божества, его сыномъ. Поэтому вполне логически къ царю пріурочивался культъ Аммонъ-Ра, и въ этомъ заключается своеобразность церемоніала при подобнаго рода дворахъ. Дѣло въ томъ, что такой придворный церемоніалъ есть культъ. Личность египетскаго царя такъ-же священна, какъ всякая другая статуя божества, и поданные говорили о немъ, что онъ благословляетъ жатвы и даетъ всяческой успѣхъ, что онъ — даже повелитель вселенной, что онъ «даетъ всему жизнь и дыханіе». Это не льстивая фраза, въ такихъ выраженіяхъ обыкновенно говорили объ одухотворенномъ божественномъ изображеніи и о живущемъ въ немъ божествѣ.

Изъ этого-же возрѣнія логически вытекало громадное вліяніе жрецовъ государственнаго бога Аммонъ-Ра. Божество, по народнымъ вѣрованіямъ, вселялось не во всякое изображеніе, которое человѣкъ считалъ его жилищемъ. Только жрецъ, благодаря своему долгому профессиональному опыту, зналъ вѣрное средство вводить духъ божества въ каменное изображеніе; такимъ средствомъ было «помазаніе». Точно также введеніе духа Аммона въ «живой образъ» царя было дѣломъ жреца, и царь безъ помазанія не былъ царемъ въ томъ истинномъ смыслѣ, о которомъ выше шла рѣчь. И въ Египтѣ законный царь былъ единственнымъ собственникомъ земли и живущихъ на ней людей, поскольку отдача земель въ наслѣдственное пользованіе (которая была въ обычаѣ въ особенности въ области культа) не создала нѣчто вродѣ ленныхъ порядковъ, приближавшихъ собственность къ ея свободной формѣ. Но вся народная земля оставалась безспорно собственностью царя. У евреевъ существуетъ сказаніе, что эти своеобразныя поземельныя отношенія были впервые хитро введены однимъ изъ ихъ единоплеменниковъ, египетскимъ Іосифомъ, который

воспользовался голоднымъ временемъ, чтобы купить всѣ частныя земельныя владѣнія и затѣмъ отдать ихъ обратно за обычныя повинности, но ни Перу, ни Восточная Азія, ни европейскій патріархальный строй среднихъ вѣковъ не знали никакого Иосифа и тѣмъ не менѣе представляли такія-же точно поземельныя отношенія.

До сихъ поръ мы говорили о примѣрахъ прошлаго; но очерченные патріархальные порядки существуютъ въ нетронutomъ видѣ до сихъ поръ въ Восточной Азіи. Китайскій императоръ въ своей необъятной имперіи—единственный дѣйствительный и неограниченный поземельный собственникъ, ему принадлежитъ вся земля, онъ—отецъ всего народа; въ его рукахъ совершенно неограниченная древнеотеческая власть, онъ распоряжается жизнью каждаго. Никто не обрабатываетъ своего участка земли иначе, какъ на правѣ пользованія и за особыя повинности въ пользу милостиваго Пекинскаго отца, который даетъ каждому землю и жизнь. Только въ одномъ хозяйственномъ отношеніи эти современные патріархальныя государства ушли впередъ сравнительно съ государствомъ инковъ; повинности земледѣльца во многихъ случаяхъ (даже въ большинствѣ ихъ) превращены въ подати, такъ что мы съ нашей точки зрѣнія впадаемъ въ искушеніе считать китайскія поземельныя отношенія арендными. Но и какъ таковыя, они далеко отстоятъ еще отъ вѣчно наслѣдственной аренды, ибо подданный можетъ быть въ любой моментъ прогнанъ съ своего участка; въ дѣйствительности это случается конечно только тогда, когда земледѣлецъ запускаетъ свою землю.

Отношеніе къ императору правящаго государственнаго божества, которое китайцу, при громадныхъ размѣрахъ его отечества, естественно представляется всесвѣтнымъ божествомъ, точно такое-же, какъ въ Перу и древнемъ Египтѣ. Только имя его здѣсь нѣсколько другое. Въ то время, какъ египтяне и перуанцы жилище божества искали на солнцѣ, китайцы считаютъ его мѣстопробываніемъ все небо; поэтому стоящее подъ непосредственной властью этого божества государство называется «небеснымъ», его земные дѣятели—«сынами неба». Императоръ китайскій также отвѣтственъ за урожай и ходъ времени года; при его дворѣ во всей строгости господствуетъ религиозный церемоніаль. На той-же основѣ покоится и строй старой Японіи. Микадо—сосудъ божества, который окруженъ величайшимъ почтеніемъ, граничащимъ съ страхомъ; Микадо — поземельный собственникъ всей страны. Божественность такихъ властителей и связанная съ ней отчужденность ихъ отъ дѣйствительной жизни могутъ имѣть для нихъ послѣдствіемъ необходимость завести при себѣ свѣтскую руку, которая исполняла-бы всѣ дѣла міра сего. При этомъ однако вполне возможно, что такой свѣтскій правитель достигнетъ фактическаго могущества, рядомъ съ которымъ власть истиннаго владыки будетъ только священной тѣнью. Такъ нѣкогда сложилось въ Японіи отношеніе «Тайкуна» къ Микадо, а въ Тибетѣ—«царя законовъ» къ Далай-Ламѣ.

Пока Тибетъ былъ самостоятеленъ, тамъ господствовала такая правительственная система, и Далай-Лама считался воплощеніемъ правящаго государствомъ божества. Теперь онъ облеченъ лишь званіемъ жреца, но отношеніе его къ божеству осталось прежнимъ. Тотъ-же самый государственный принципъ переходитъ безъ всякихъ измѣненій изъ Восточной Азіи въ Европу, гдѣ его представительницей является Турція.

Въ остальной Европѣ общественное развитіе шло болѣе быстрымъ темпомъ, и патріархальное устройство было устранено, хотя даже новѣйшія организациі нерѣдко заботливо хранятъ слѣды старины.

Исторія Скандинавіи до начала новаго времени сводится къ безконечной борьбѣ,

которая могла-бы быть для читателя столь-же непонятной, сколько и утомительной, если-бы она не получала своего удовлетворительнаго объясненія въ столкновеніи двухъ принциповъ. Скандинавы ни въ какомъ случаѣ не хотятъ отказаться отъ удобства имѣть короля, они всѣми способами ищутъ его въ чужихъ странахъ, всяческими завѣреніями заманиваютъ въ свою землю и всякій разъ, едва ихъ старанія увѣнчиваются успѣхомъ, какъ снова начинается старая борьба: король ни въ чемъ не можетъ проявлять законной дѣятельности, ни во что не можетъ практически вмѣшиваться; у него не должно быть никакого имущества и какъ можно меньше доходовъ. Едва успѣлъ король убѣжать изъ негостепримной страны, какъ смущенный и пораженный народъ снова призываетъ его. Зачѣмъ-же понадобился народу такой король? А дѣло въ томъ, что новая организациа оставила неприкосновеннымъ древнее представленіе, что только отецъ-король можетъ регулировать отношенія государства къ божеству и силамъ, управляющимъ судьбой; согласно этому представленію, для благосостоянія государства, для удачи въ работахъ и для урожая необходимъ король, но для правительственныхъ дѣлъ, которыя получили новую организациа, онъ совершенно не нуженъ; они перешли къ совѣту съ туземнымъ правителемъ государства во главѣ. Самая важная обязанность, налагаемая на короля кальмарскимъ рецессомъ 1483 года, состоитъ въ томъ, что онъ долженъ проживать по году попеременно въ каждомъ изъ трехъ королевствъ, соблюдая при этомъ точную очередь; отъ короля не требуется почти ничего, кромѣ простого пребыванія въ странѣ. Безъ короля государство не можетъ отразить отъ себя стихійныя бѣды, и когда онъ наступаютъ, то причины этого ищутъ именно въ поведеніи короля. Рюсч, говоря о призванномъ изъ Баваріи королѣ Христофѣ, употребляетъ только болѣе христіанское выраженіе: «Народъ приписалъ нужду, которую онъ испытывалъ въ царствованіе этого короля, гнѣву божества на поведеніе своего повелителя». Послѣдній въ глазахъ народа, въ своихъ сужденіяхъ еще руководившагося унаслѣдованными первобытными представленіями, не былъ настоящимъ королемъ, а *голоднымъ* (Hungerkönig), и потому получилъ нелестное прозвище «лубочнаго короля». Центральнымъ моментомъ всей древней исторіи этихъ-же королевствъ является борьба правителя государства съ королевскою властью, безъ которой народъ однако не можетъ обойтись. Эта борьба представляетъ полную аналогію съ борьбой Тайкуна и Микадо въ Японіи.

Такое-же положеніе, только болѣе смягченное христіанскими представленіями, занималъ король франковъ. Франки рѣзко отличали отъ полководцевъ и начальниковъ своего «войсковаго короля» (Heerkönig) и представляли его себѣ, какъ изображеніе божества, лишь въ опредѣленномъ нарядѣ; какъ идолъ, развѣзжалъ онъ для блага страны по улицамъ на своей запряженной быками телѣгѣ, не заботясь ни объ управленіи, ни вообще о дѣлахъ до тѣхъ поръ, пока франкскій тайкунъ, «майордомъ» не засадилъ своего микадо въ монастырь. Эти живыя изображенія божества имѣли чудесный даръ: — исцѣлять прикосновеніемъ своимъ всякаго рода болѣзни. Отъ нихъ этотъ даръ перешелъ и къ позднѣйшимъ французскимъ королямъ, и имъ-же были надѣлены англійскіе короли. Спросъ на него бывалъ иногда поразительно большой. Карлъ II совершилъ актъ исцѣленія въодинъ только 1682 годъ на 8500 людяхъ, а во все время своего царствованія онъ исполнилъ эту церемонію около 100 тысячъ разъ. Нерѣдко тамъ, гдѣ сохранилась такого рода королевская власть, между ней и божествомъ, которое она должна была представлять, становилось крѣпко организованное жреческое сословіе. Поводомъ къ этому могла служить частая перемѣна династіи и лицъ. Королевская власть часто бывала избирательной

подобно тому, какъ въ древней семьѣ званіе отца давалось иногда по выбору. Войны, заговоры и возстанія, все это нерѣдко подвергаетъ опасности жизнь короля, между тѣмъ какъ жрецы всегда находятся въ безопасности и при сколько нибудь упорядоченныхъ хозяйственныхъ отношеніяхъ, благодаря прочному порядку наслѣдованія, избавлены отъ тѣхъ колебаній, которыя связаны съ выборной системой. Поэтому какіе-бы уронъ ни терпѣла королевская власть, сколько-бы ни прерывался рядъ ея представителей, культъ государственнаго божества не долженъ и не можетъ знать никакихъ переворотовъ; мѣняется только одинъ изъ различныхъ сосудовъ божества; о почитаніи-же и умилостивленіи послѣдняго нечется жрецеское сословіе, избавленное отъ всехъ превратностей судьбы.

Такое, приблизительно, положеніе занимали верховные жрецы Аммона въ египетскихъ Фивахъ по отношенію къ нѣсколькимъ династіямъ. Храмъ съ его сокровищами самъ представлялъ небольшое неприкосновенное царство мира, въ которомъ одинъ жрецъ безпрепятственно смѣнялъ другого, между тѣмъ какъ царскій престолъ терпѣлъ самыя тяжкія потрясенія. Культъ, находившійся въ рукахъ жрецовъ, никогда не прекращался. Если-же такой верховный жрецъ, помазывая новаго царя, дѣлалъ его сосудомъ божества, передавая ему изображеніе солнечнаго диска и тѣмъ сообщая ему царское достоинство, то не могло развѣ казаться, что божественная царская власть находится въ рукахъ и въ завѣдываніи этого жреца, къ религіознымъ предметамъ котораго всегда возвращался божественный духъ, когда онъ покидалъ тѣло царя? Развѣ не могло казаться, будто жрецъ даетъ царю могущество, которое собственно заключено въ немъ? Еще естественнѣе такое возрѣніе было тогда, когда жрецъ былъ властенъ обставлять помазаніе извѣстными условіями и предписывать избранному въ цари законы культа. Кто-же какъ не этотъ жрецъ могъ установить тотъ фактъ, что божество, недовольное своимъ вмѣстительцемъ, покинуло его? Египетская исторія знаетъ много столкновеній такого рода, хотя ихъ слѣды до сихъ поръ лишь на подобіе іероглифовъ являются намъ въ сочиненіяхъ Телль-ель-Амарна.

Тотъ-же характеръ имѣла еврейская царская власть, которую, заимствовавъ извнѣ, поставилъ надъ собой союзъ еврейскихъ колѣнъ. Сперва Самуилу, жрецу-руководителю еврейскаго народа, не хотѣлось раздѣлить съ кѣмъ нибудь свое вліяніе и власть, но затѣмъ онъ избралъ царя и *помазалъ* его, заключивъ съ нимъ предварительно договоръ, который онъ сложилъ къ ногамъ божества. И тутъ тоже жрецъ вскорѣ заявилъ, что божество покинуло этотъ сосудъ, и помазалъ другое лицо, и велѣлъ ему служить себѣ и своему божеству.

Также точно до нашего времени магометанскій міръ смотритъ на отношенія Шейхъ-уль-Ислама или великаго муфти къ свѣтскому правителю, и даже мы сами еще могли видѣть, какъ великій муфти исполняли свои обязанности при низверженіи Абдъ-уль-Азиса и Мурада V.

Аналогичный процессъ замѣчается и у германцевъ въ языческое время. О бургундахъ разсказывается, что у нихъ существовало два высшихъ званія, но при чемъ королевское ничуть не было первымъ во всехъ отношеніяхъ. Только положеніе верховнаго жреца оставалось всегда непоколебимымъ; королю-же часто угрожала опасность, такъ какъ ему приписывались все несчастія, которыя только постигали народъ. Разказы о древнихъ готахъ утверждаютъ въ сущности то-же самое, и, когда христіанство устранило этихъ верховныхъ жрецовъ, все-таки послѣ того вестготы, какъ ихъ въ томъ упрекали франкскій король, Хлодвигъ, часто не признавали своихъ королей. Бургунды-же и вестготы впоследствии образовали основной эле-

ментъ господствующаго населенія Южной Франціи и Испаніи; а тутъ мы еще въ исходѣ среднихъ вѣковъ встрѣчаемъ придворный церемоніаль, который стоитъ въ ближайшемъ родствѣ съ церемоніаломъ восточно-азиатскихъ патріархальныхъ государствъ. А установленіе первосвященнической власти, которая, какъ истолковательница божественной воли, имѣетъ право возводить и низлагать царей, составляло предметъ стремленій римской церкви, — стремленій, нашедшихъ свое теоретическое выраженіе въ учени лже-исидоровыхъ декреталій о двухъ мечехъ. Въ наше время остатками этой древней формы государственной организаціи являются: нѣкоторая, не совсѣмъ понятная для современнаго человѣка, святость знаковъ царскаго достоинства, то большое значеніе, которое до сихъ поръ придается обладанію ими и помазанію или коронованію, какъ самому необходимому условію полученія царской власти, и старое пониманіе титула «божьей милостью». Исторія рѣдко истребляетъ то, что создано ею, но человѣчество наполняетъ унаслѣдованныя формы новымъ содержаніемъ, соответствующимъ его измѣнившемуся міровоззрѣнію.

Новѣйшій типъ государственнаго устройства и правительства.

Позднѣйшія формы организаціи возникли или путемъ разложенія новыхъ древнихъ формъ, или путемъ новой комбинаціи первичныхъ элементовъ, т. е. родовъ, или даже непосредственно отдѣльныхъ семей. Толчкомъ къ такому уклоненію отъ древней формы всегда является какая-нибудь перемѣна въ хозяйственной дѣятельности. Конечно въ кочевомъ быту гораздо чаще, чѣмъ въ жизни, основанной на довольно развитомъ правѣ собственности, могла явиться возможность лишить покоренную семью ея главы и включить ее въ составъ покорившей, точно такъ-же, какъ маленькое стадо присоединяется къ большому и ставится подъ общее съ нимъ руководство. Земледѣльская жизнь представляла даже извѣстныя трудности для такой системы поглощенія. Древнія средне-азиатскія царства, ассиро-вавилонское и персидское, прибѣгали еще къ ней; но они были вынуждены отрывать покоренный народъ отъ его земли и переселять его на чужбину всякій разъ, когда притязаніе «великаго царя» на исключительное владѣніе всей землей должно было быть удовлетворено. Этотъ способъ дѣйствій однако, какъ показываетъ исторія Галилеи, Самаріи и Іудеи, совершенно понапрасну уничтожалъ значительную долю народнаго достатка, которая могла-бы пригодиться побѣдителямъ. Но другіе промыслы, кромѣ земледѣлія, не мирились съ такой системой, и часто не безъ пользы для себя. Уже евреи нашли въ своей странѣ рудокоповъ и спокойно оставили ихъ на мѣстѣ, то-же сдѣлали и вавилоняне: оторванная отъ земли, эта драгоценная рабочая сила конечно потеряла-бы всякую цѣнность.

Измѣненіе хозяйственной дѣятельности вызвало еще и другое различіе. Разбой такъ неразрывно связанъ съ бедуинскимъ образомъ жизни, что мы собственно могли-бы назвать его законнымъ промысломъ бедуиновъ. Такое состояніе предполагаетъ непризнаніе права собственности у всѣхъ сосѣдей. Тутъ не существуетъ мирнаго *жизня рядомъ*, нѣтъ никакого совмѣщенія интересовъ: или одинъ родъ долженъ слиться съ другимъ, чтобы затѣмъ промышлять заодно, или-же они должны находиться въ состояніи постоянной вражды, то нападая, то терпя нападеніе, словомъ, какъ Богъ пошлетъ, быть молотомъ или наковальней. Совсѣмъ иныя общественныя потребности являются при хозяйственной дѣятельности на землѣ, которая стала предметомъ собственности. Тутъ самый промыселъ возможенъ только, пока

собственность пользуется взаимным признаніемъ; при болѣе или менѣе постоянномъ разбоѣ ни нападающая, ни защищающаяся сторона не могутъ питаться отъ земли, которой нельзя похитить у своего врага, какъ это можно было сдѣлать съ движимою собственностью, отъ которой нельзя также ничего получить путемъ притѣсненій. Единственное-же средство установить миръ между двумя земледѣльческими семьями—это заключить *союзъ*. Такимъ именно путемъ и возникаетъ организація, соединяющая на равныхъ правахъ нѣсколько семей. Государство первого типа образуется, если дозволительно такое сравненіе, одну единственную клѣтку, которая, постоянно принимая въ себя новое содержаніе, растетъ и расширяется до безконечности; государство второго типа—подобно соту, состоящему изъ правильно прилаженныхъ одна къ другой ячеекъ. Но при этомъ вполне возможно, что единство новой группы выражается въ формѣ, заимствованной у старой, родовой организаціи, другими словами, новая организація ставитъ надъ собой патриархальную царскую власть, ибо передъ ней на первыхъ порахъ нѣтъ никакого другого образца.

Новообразования, возникающія на почвѣ разложенія древней организаціи, были уже нами намѣчены въ общихъ чертахъ. Они являются, благодаря необходимости для божественнаго главы государства замѣнить себя другимъ, менѣе священнымъ лицомъ въ сношеніяхъ съ здѣшнимъ міромъ. Такого рода органы представляютъ: японскій тайкунъ, тибетскій «царь законовъ» и арабско-турецкіе визири («опоры»). Въ зависимости отъ положенія свѣтскихъ дѣлъ, все фактическое могущество и власть могли перейти въ руки этихъ органовъ, и такимъ образомъ происходитъ раздѣленіе религіозныхъ и свѣтскихъ обязанностей. Это явленіе, которое въ большихъ восточныхъ государствахъ происходило только какъ бы отдѣльными порывами и не вело къ прочному установленію новыхъ порядковъ, въ маленькихъ эллинскихъ государствахъ съ ихъ огромнымъ разнообразіемъ чисто свѣтскихъ отношеній и съ ихъ хозяйственной жизнью, формы которой приближаются къ современнымъ, привело рано къ прочнымъ и важнымъ новообразованиямъ.

Исторія даетъ намъ цѣлый рядъ реальныхъ примѣровъ такого рода. Древне-патриархальная царская власть стала наслѣдственной; но при этомъ бремя правленія не всегда падало на способнѣйшаго; а между тѣмъ правительственные дѣла стали разнообразнѣе, и требованія, предъявлявшіяся къ правителю, сдѣлались шире. Въ особенности предводительство на войнѣ не допускало той случайности, которая связана съ наслѣдственностью, и въ то-же время успѣхъ военныхъ предпріятій во многихъ случаяхъ зависѣлъ отъ довѣрія народа къ предводителю. Съ другой стороны, жреческія обязанности, сопряженные съ царскою властью, требовали для себя охраны мира. Запутанная въ разнообразныя внѣшнія отношенія, община, надѣлая свой царскій домъ поземельной собственностью, обезпечивала ему сравнительно блестящее *жреческое* положеніе въ государствѣ, а за то судъ и предводительство на войнѣ присвоивала себѣ. Такъ возникло «свободное государство», маленькая республика съ царемъ-жрецомъ; такъ возникли тѣ многочисленныя эллинскія жреческія семьи, въ которыхъ званіе жреца было наслѣдственнымъ, и предками которыхъ были, какъ они думали, цари. Тотъ-же процессъ съ нѣкоторыми видоизмѣненіями повторился и въ средніе вѣка. Города, которые являются представителями позднѣйшей формы хозяйственнаго быта, въ Германіи прежде всего возникли и всего лучше развились въ владѣніяхъ духовныхъ князей, которые, послѣ перенесенія на нихъ королевскихъ державныхъ правъ, стали неограниченными господами городовъ. Но большинство городовъ добилося той свободы, которой они пользовались впоследствии, благодаря тому, что выкупили у своихъ господъ право суда, т. е. приобрѣли его такимъ-же договор-

нымъ путемъ, какъ это имѣло мѣсто въ древней Греціи, и затѣмъ, ограждая себя стѣнами, нерѣдко противъ воли своихъ господъ, стали сами себя защищать отъ враговъ. Такимъ образомъ и здѣсь съ одной стороны возникли «вольные города», съ другой—появились-бы независимые жреческіе роды, если-бы Григорій VII, введя целибатъ, не приобрѣлъ этого наслѣдства для всей церкви въ ея совокупности.

Государственное устройство Аѳинъ и Рима покоится на такой-же основѣ, съ той только разницей, что тутъ присоединяются еще два специальныхъ момента. Во-первыхъ, здѣсь выступаетъ уже на сцену позднѣйшая форма организаціи — соединеніе равноправныхъ семей; во-вторыхъ, традиція удерживаетъ въ Римѣ нѣчто вродѣ выборной царской, въ Аѳинахъ — такой-же жреческой власти. И здѣсь, и тамъ община принимаетъ на себя судъ и предводительство на войнѣ и оставляетъ царю только обязанности государственнаго жреца. Такъ въ обоихъ государствахъ продолжаетъ существовать какая-то тѣнь царя: въ Римѣ—въ лицѣ Rex sacrificulus, царя-жреца, въ Аѳинахъ—въ лицѣ «Archon Basileus». Итакъ, на европейской почвѣ рядомъ съ описанной древней формой организаціи постепенно возникаетъ новая, уже охарактеризованная нами въ общихъ чертахъ. Какъ въ кочевомъ и бедуинскомъ бытѣ война, такъ въ осѣдломъ состояніи прекращеніе войны является естественной потребностью. Этому положенію нисколько не противорѣчитъ тотъ фактъ, что въ ту эпоху колоссальнаго прогресса человѣчества, которая обнимаетъ исторію римскаго государства, почти непрерывно ведется война. Тѣ войны римлянъ, которыя были дѣйствительно неизбѣжны, велись на самомъ дѣлѣ для прекращенія войны, ради мира, и такая необходимость добывать миръ войной продолжаетъ существовать всюду, гдѣ непосредственно сталкиваются другъ съ другомъ представители быта кочевого и осѣдлаго. Принудивъ одного сосѣда вступить въ составъ своего «мирнаго союза», Римъ всегда въ то-же время приобрѣлъ новаго еще болѣе опаснаго сосѣда, и наконецъ, подобно «сынамъ небесной имперіи», онъ попытался оградить себя стѣной отъ непобѣдимаго царства бедуинской культуры. Однако эта стѣна оказалась недостаточно крѣпкой.

Такимъ образомъ, несмотря на безконечныя войны, лозунгомъ и цѣлью новаго порядка вещей является «миръ». «Нарушеніе мира» дѣлается основнымъ признакомъ всякаго преступленія. «Миръ» охраняетъ собственность, и на мѣсто забора и ограды является болѣе дѣйствительная защита—союзъ всѣхъ, взаимное признаніе правъ, круговая порука. Если война все еще постоянно ведется, то всетаки, какъ мы видѣли, цѣль ея другая: прочный миръ, по словамъ Саллюстія и Цицерона. Для древней организаціи война есть промыселъ. Новой-же организаціи предстоитъ именно задача найти новыя формы приобретенія. Таковыми являются *мѣна* и *купля*. Къ бедуинскому промыслу они относятся совершенно такъ-же, какъ новая организація къ древней.

Настоящая бедуинская семья знаетъ, правда, понятія права и собственности, но они не выходятъ за предѣлы ея организаціи; внѣ ея нѣтъ никакого права, никакой собственности. Эти понятія родились въ ней и ограничиваются ею; поэтому она эгоистична до жестокости, и это происходитъ отъ того, что горизонтъ ея слишкомъ узокъ. Поэтому за все, что она приобретаетъ, она ничего взамѣнъ не даетъ; она не стремится возмѣщеніемъ убытковъ возстановить нарушенный миръ, такъ какъ

она сознательно живетъ войной и почитаетъ это своимъ правомъ. Противоположную цѣль ставить себѣ новая организація, которая, несмотря на то, что ея семейныя группы и мелче, и слабѣе, охраняетъ гораздо болѣе богатую собственность. Она поняла, что эта охрана удастся ей только тогда, когда она побудитъ сосѣдей къ взаимному признанію правъ собственности. Правда, часто и тутъ случается, что какая нибудь потребность можетъ быть удовлетворена только такими предметами, которые составляютъ собственность сосѣда. Но теперь, когда семья пріобрѣтаетъ эти предметы, она даетъ сосѣду нѣчто взамѣнъ ихъ, и такимъ образомъ, несмотря на перемѣщеніе собственности, миръ сохраняется. Этотъ мирный порядокъ можетъ быть созданъ только путемъ договоровъ, основанныхъ либо на молчаливомъ обыкновеніи, либо на точно выраженномъ соглашеніи. Объекты собственности, пріобрѣтаемые новыми способами, распадаются на двѣ главныя группы: вещи и женщины. Нужно установить тѣ условія, на которыхъ можно, безъ нарушенія мира, пріобрѣтать другъ у друга и то, и другое; нужно принять мѣры, препятствующія нарушенію съ чьей либо стороны этого договора и осуществленію мести, которая не можетъ быть допущена при новомъ порядкѣ. Римляне мѣтко выразили содержаніе такихъ соглашеній терминами «*commercium*» и «*connubium*», торговая и брачная взаимность. Но въ такомъ союзѣ лежалъ только зародышъ новой организаціи. Для ея развитія необходимо было создать общій и объединяющій органъ, на которомъ лежала-бы обязанность охранять цѣли союза. Тутъ пути развитія опять развѣтвляются по нѣсколькимъ направленіямъ.

Лучшіи примѣры хода развитія такой новой организаціи представляютъ скандинавскія колоніи на островахъ Готландъ и Исландія. Последніе въ эпоху открытія, какъ это достовѣрно извѣстно, не имѣли своего туземнаго животнаго царства; такимъ образомъ германцы не обратились здѣсь снова въ кочевое состояніе, но, какъ земледѣльцы, завладѣли землей. Позднѣйшій «церковный приходъ» былъ здѣсь въ сущности не что иное, какъ древняя семья-родъ.

Но такъ какъ земля тотчасъ перешла во владѣніе отдѣльныхъ семей, то у патриарха (домара и годи) остались только жреческое достоинство и судейская власть, и наконецъ только послѣдняя, когда жреческія функціи перешли къ христіанской церкви. Нѣсколько такихъ приходскихъ общинъ составили затѣмъ первый болѣе тѣсный союзъ. Въ него вошли прежде всего тѣ общины, которыхъ сама жизнь приводила къ непосредственнымъ столкновеніямъ и взаимному общенію; оно совершалось на какомъ-нибудь опредѣленномъ мѣстѣ въ установленное обычаемъ время. Тутъ на этомъ общемъ мѣстѣ производился судъ, торговля, совершались религіозные акты; тутъ былъ общій очагъ этихъ «*Kochgesellschaften*», какъ ихъ называетъ одинъ скандинавскій юридическій памятникъ. То-же самое мы встрѣчаемъ подъ различными именами во многихъ другихъ мѣстахъ. Такая мирная группа непосредственныхъ сосѣдей на Готландѣ называлась «*Hundari*» (сотня), въ Даніи—«*Häred*», въ Исландіи—«*Tinglag*», въ Германіи—«*Zend*», въ Римѣ—«*Курія*». Каждая изъ тридцати римскихъ курій имѣла до Сервія Туллія свой собственный очагъ для богослуженія.

Должность правителя или представителя, надобность въ которомъ явилась и въ этой организаціи, могла создаться двоякимъ образомъ. Можно было въ подражаніе древней семьѣ постовить *одного* главу надъ всей составной группой (*Hundari*) или же еще естественнѣе представительная власть могла образоваться изъ *коллегіи* родовыхъ старѣйшинъ. Последнее имѣло мѣсто въ Исландіи, въ эпоху ея независимости. Три *годорда* (прихода) составляли *тинглагъ*, а его представителями являлись ихъ три годара.

Дальнѣйшій ростъ такого, на первый взглядъ повидимому мозаично составленнаго и все-таки хорошо организованнаго, государства происходитъ слѣдующимъ образомъ. Прибѣгнемъ къ уже раньше употребленному нами сравненію: число ячеекъ, которыя могутъ быть непосредственно соединены въ одинъ сотъ, — ограничено. Если постройка расширяется, то возникаетъ то, что мы видимъ въ пчелиномъ улѣ или въ гнѣздѣ ось. Когда первый сотъ достигъ определенной величины, то вновь возникающія ячейки должны составить новый сотъ, и только послѣдній уже, какъ новое цѣлое, присоединяется къ первому соту; постепенно все такіе соты покрываются общей оболочкой. Причина такого своеобразнаго явленія вполне реальная. Единство, возникшее въ силу чисто практической потребности, предполагаетъ существованіе извѣстнаго общаго пункта, на которомъ данныя общины, такъ сказать, встрѣчаются. Но съ такимъ центральнымъ расположеннымъ пунктомъ непосредственно соприкасаться могутъ только немногія области. Община, которая не имѣетъ доступа къ этому пункту, т. е. отрѣзана отъ него чужими владѣніями, сочтетъ для себя болѣе выгоднымъ заключить аналогичный союзъ съ другими общинами, граничащими съ ней непосредственно. Затѣмъ такія составныя группы, образующія каждая замкнутое цѣлое, вступаютъ въ союзъ между собою, и это происходитъ до тѣхъ поръ, пока наконецъ на извѣстной ступени не получается окончательное объединеніе всѣхъ такихъ группъ. Простота и естественность такого процесса вполне объясняетъ развитіе именно такимъ путемъ союзной организациі даже у самыхъ дикихъ племенъ. Двѣ «Hundari» на Готландѣ составляли «thrithing», три thrithing'a — «landthing». Въ Римѣ нѣсколько gentes составляли курію, нѣсколько курій — трибу, а три трибы — древнеримское патрицианское государство.

Верховная власть надъ такой общиной, или, если разсматривать эту общину какъ союзъ, то представительство отдѣльныхъ частей, носить различный характеръ на разныхъ ступеняхъ развитія. Всего чаще община представляется всѣми родовыми старѣйшинами. Такой «сенатъ» составляли въ Римѣ «patres conscripti», число которыхъ нѣкогда вѣроятно совпадало съ числомъ gentes. Точно также еврейскія господствующія колѣна составляли союзъ, общія дѣла котораго до времени царей находились въ завѣдываніи «старѣйшинъ». Такое-же наименованіе носить почти повсюду патриархъ, глава рода. У древнихъ чеховъ, которые вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими западно-славянскими племенами примкнули къ новой формѣ организациі, «кметы» страны составляли такой-же совѣтъ, какъ римскій сенатъ, и слово «кметъ» имѣетъ тотъ-же самый смыслъ, что старѣйшина. Въ этихъ собраніяхъ правящихъ отцовъ слѣдуетъ видѣть корень древнѣшаго парламентаризма, который конечно испыталъ много измѣненій, прежде чѣмъ принялъ форму древне-шотландскаго парламента или современной англійской верхней палаты, не говоря уже объ являющихся имъ подражаніемъ позднѣйшихъ палатахъ господъ. Только отчасти англійская верхняя палата представляетъ и теперь еще такой правящій сенатъ. Мѣста въ ней находятся по большей части въ наслѣдственномъ обладаніи знатнѣйшихъ дворянскихъ родовъ, но только одинъ самый главный представитель такого рода — есть пэръ. Верхняя палата въ то-же время до сихъ поръ — высшій судъ Великобританіи. Но въ ней уже довольно рано выступаетъ комбинація двухъ различныхъ ступеней социальнаго развитія. Соединеніе равноправныхъ, — на что указываетъ самое названіе «пэръ», коллегіальное обсужденіе всѣхъ дѣлъ принадлежитъ новой организациі; выборъ-же самихъ пэровъ и ихъ положеніе основывается на древне-патриархальномъ устройствѣ. Пэры являются представителями большихъ родовъ, которые сумѣли перенести изъ древней организациі въ новую все свои преи-

мущества и выгоды господства. Не во всякомъ родѣ (древней семьѣ) господствующая семья заняла такое положеніе, а только въ такихъ родахъ, которые, поглотивъ другіе, достигли значительнаго могущества. Въ исторіи Англій толчкомъ къ возникновенію такихъ обширныхъ владѣній является завоеваніе ея норманами подъ предводительствомъ Вильгельма Завоевателя, и дѣйствительно возможно, что большинство древнихъ лордовъ ведетъ свое происхожденіе отъ вассаловъ этого государства.

Еще сильнѣе, чѣмъ въ Англій, древняя система представительства была потрясена въ Шотландіи. Тогда какъ здѣсь въ эпоху независимости всѣ главы дворянскихъ родовъ составляли парламентъ, только 76 изъ нихъ были приняты въ парламентъ Соединеннаго королевства и къ тому-же, сдѣлавшись «представителями» всѣхъ, стали всѣми *избираться*.

Въ этихъ фактахъ уже сказывается, что новая форма организаціи не могла не амальгамироваться со старой, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда она, какъ въ Исландіи или на Готландѣ, развивалась на ранѣе необитаемомъ островѣ. Это явленіе становится еще болѣе яснымъ при разсмотрѣніи лицъ, на которыхъ въ новой организаціи возлагается исполнительная власть. Если въ Германіи члены союзныхъ общинъ сами въ своей совокупности охраняли миръ и творили судъ, то все-таки ни одно судебное мѣсто не могло обойтись безъ «тунгина» или «графію» или вообще того лица — какъ-бы оно ни называлось — которое всегда, а въ особенности въ экстренныхъ случаяхъ, обязано было стоять на стражѣ мира. Въ лицѣ-же такого «тунгина» или судьи передъ нами снова является, измѣненная сообразно съ требованіемъ времени, отцовская власть главы разложившагося рода. Такого-же главу-графію ставила надъ собой союзная группа слѣдующаго высшаго порядка, и подобный-же характеръ носить поставленная надъ всѣмъ народомъ царская власть. Точно также первоначально сложные союзы римскихъ родовъ не обходились безъ царя, и царь, по преданію, назначался попеременно изъ каждаго изъ этихъ союзовъ. Но когда его обязанности были ограничены жреческими функциями, то «отцы» раздѣлили между собой исполнительную власть по отдѣльнымъ специальностямъ, и государственныя должности стали замѣщаться по выборамъ только на короткій срокъ.

Но тамъ, гдѣ институтъ королевской власти, какъ власти исполнительной, прочно соединялся съ союзной организаціей, тамъ, какъ мы уже указывали прежде, въ этомъ институтѣ всегда снова воскресала древняя патріархальная власть, которая теперь повидимому должна была дѣлать, или на самомъ дѣлѣ дѣлила свои полномочія съ новой правительственной формой. Такая королевская власть твердо держалась за свои отношенія къ культу и, насколько возможно, опиралась на нихъ. На основаніи той-же древне-патріархальной власти новая королевская власть стала собственникомъ земли (съ развитіемъ этихъ земельныхъ отношеній мы познакомились при распаденіи рода). Подобно тому, какъ въ эпоху существованія древней семьи-рода всякій владѣлецъ земли, выступавшій изъ семейной организаціи, дѣлалъ своей непосредственной собственностью всю землю, которую не обрабатывали его подданные; точно такъ-же для королевской власти источникомъ богатства сдѣлались обширныя, богатая лѣсами пограничныя земли, которыя, находясь между постепенно соединившимися въ одно государство областями, остались неподѣльными въ частную собственность. Этими-то землями и завладѣли короли. Съ тѣхъ поръ народъ привыкъ не дѣлать того различія между государствомъ и государемъ, которое принято въ настоящее время. О Швеціи древнія, правда, почти сказочныя, свидѣтельства рассказываютъ, что тамъ такой переходъ правъ собственности отъ народа къ королю состоялся съ

согласія перваго. Говорятъ, что самъ народъ въ 1282 г. отдалъ своему королю Магнусу Ладугасу «всѣ большіе и невоздѣланные лѣса, всѣ до тѣхъ поръ безхозяйныя земли, всѣ озера и рѣки».

Въ Англіи, влѣдствіе норманскаго завоеванія, королевская власть гораздо раньше всецѣло вернулась къ тѣмъ понятіямъ о собственности, которыя связаны съ патриархальной царской властью. Поэтому тамъ до сихъ поръ, по крайней мѣрѣ въ теоріи, имѣетъ силу принципъ, что король — единственный собственникъ всей завоеванной тогда земли и что никто не можетъ въ Англіи владѣть землей иначе, какъ по пожалованію короля. Даже раздѣленіе земли на три участка, которое мы видѣли въ государствѣ Инковъ, имѣетъ себѣ нѣкоторое подобіе въ англійскомъ дѣленіи земельныхъ владѣній на три категоріи, — дѣленіи, сохраненномъ намъ знаменитой англійской поземельной книгой 1086 года, 1422 рыцарскихъ лена, непосредственно принадлежащія королю, соотвѣтствуютъ «землѣ Инковъ», 28115 леновъ, отданныхъ церкви, — «землѣ солнца» и 30678 — перуанской «народной землѣ». Вообще норманскій строй, въ сравненіи съ англосаксонскимъ, принадлежитъ къ болѣе древней ступени общественнаго развитія.

Завладѣвъ землей, королевская власть, по крайней мѣрѣ въ Германіи, косвеннымъ образомъ содѣйствовала развитію новыхъ общественныхъ формъ. Только незначительную часть захваченныхъ ими земель, короли приберегли для своихъ охотничьихъ забавъ въ качествѣ «заказныхъ лѣсовъ»; большую-же часть они для спасенія души раздавали духовенству или-же за денежное вознагражденіе роздали колонистамъ. Къ послѣднимъ впрочемъ королевскія земли попадали и въ первомъ случаѣ; какъ бы то ни было постепенно рѣдѣющія лѣсныя области дѣлались пріютомъ новыхъ общественныхъ формъ, освободившихся уже отъ опаснаго родового гнета.

Къ новому времени принадлежитъ понятіе, что въ королѣ воплощена идея мира, — того «мира», который есть дѣль и основа новой организаціи. Король — источникъ и охрана этого мира; только онъ — призванный мстителъ за него, и выраженіемъ этого является принадлежащій ему уголовный судъ. Такимъ образомъ судебная власть принадлежитъ ему, и всѣ законные судьи дѣйствуютъ какъ его органы. Мы видѣли, какъ человѣкъ сумѣлъ обезпечить миръ и неприкосновенность за своей собственностью, сперва за дворовымъ мѣстомъ, затѣмъ за лугомъ и пашней; повсюду такой миръ, охраняющій жизнь и собственность, есть «королевскій миръ». Въ странѣ, гдѣ есть король, повсюду царствуетъ миръ. Подъ сѣнью этого мира судъ творитъ расправу, и процвѣтаютъ торговля и промышленность. Публичныя мѣста, не принадлежащія никому въ отдѣльности, пользуются миромъ «короля», и на улицѣ, которая тоже ничья, господствуетъ тотъ-же миръ. Онъ-же охраняетъ чужого, неизвѣстнаго странника. Кто ходитъ по дорогѣ короля, находится подъ его защитой, подобно тому, какъ всякій чужестранецъ попадаетъ подъ защиту того дома, къ очагу котораго онъ приблизился.

Чѣмъ выше мы поднимаемся по лѣстницѣ социальнаго развитія, тѣмъ менѣе видимъ мы простоты, прямолинейности, тѣмъ чаще вмѣсто единства является многообразіе. Тамъ-же, гдѣ прогрессъ не прерывается слишкомъ рано, возникаетъ борьба между элементами стараго и новаго порядка. Населеніе, которое происходитъ отъ древней семьи-рода, или отъ господствующей семьи, изъ него выдѣлившейся, пользуется всѣми огромными преимуществами, связанными съ прочной и по большей части богатой поземельной собственностью, а также съ унаслѣдованнымъ отъ предковъ вліяніемъ. Та же часть народа, которая избавилась отъ благодѣяній, но въ

то-же время и отъ гнета и опеки родового строя и организовалась въ новыя формы, пользуется другими преимуществами: эти преимущества вытекають изъ всёхъ условий жизни на новыхъ мѣстахъ. Самое важное изъ такихъ преимуществъ, это—болѣе быстрый ростъ населенія. Жизнь этой части народа проходить въ городахъ, ибо на первыхъ порахъ только въ городахъ могли существовать промыслы, независимые отъ земледѣлія, и только города могли дать безопасность новой организаціи, которая при своемъ возникновеніи такъ часто наталкивается на враждебное отношеніе. Въ Чехіи, гдѣ столкнулись противоположныя германскіе и славянскіе порядки, во время великой борьбы сословій въ XV в., постоянно поднимался вопросъ, можетъ-ли вообще существовать человѣкъ, у котораго не было-бы своего «господина»,—и господа отвѣчали на этотъ вопросъ всегда отрицательно. Во Франціи до великой революціи былъ въ силѣ тотъ-же самый принципъ. То время никакъ не могло еще понять, что тотъ, кто самъ не былъ «господиномъ», могъ отдѣлиться отъ рода (древней семьи), который продолжалъ еще тогда существовать въ господскихъ владѣніяхъ и обнималъ все ихъ населеніе. Новая форма жизни получила наконецъ защиту въ нѣмецкомъ городскомъ строѣ, пересаженномъ затѣмъ также и на славянскую почву, благодаря упорной борьбѣ за городскія вольности. Тѣмъ не менѣе и городское устройство тамъ, гдѣ оно явилось вполне самобытнымъ, возникло опять таки прежде всего изъ соединенія родовъ; и только впоследствии въ городахъ также позднѣйшее ихъ населеніе добилось признанія своихъ правъ.

На этой почвѣ происходила борьба патриціевъ и плебеевъ въ Римѣ, аристократовъ и демократовъ—въ Греціи, «родовъ» и цеховъ—въ средне-вѣковыхъ городахъ. Когда молодые элементы завоевали себѣ право существованія, они всегда продолжали борьбу, стремясь къ участію въ руководствѣ общими дѣлами. Борьба плебеевъ достаточно извѣстна. Въ XIV столѣтіи города Германіи, включая сюда и Чехію, не безъ успѣха боролись за политическую равноправность съ дворянствомъ; а въ Англіи въ 1265 году въ первый разъ были привлечены въ парламентъ выборные представители общинъ. Къ этому-же времени относится возникновеніе англійской «палаты общинъ» и вмѣстѣ съ тѣмъ того двойнаго представительства, которое послужило образцомъ для многихъ позднѣйшихъ конституцій.

С у д ъ.

Происхожденіе суда тѣсно связано съ двойственной формой организаціи, о которой только что шла рѣчь; его развитіе тѣсно связано со всеми многообразными комбинаціями этой организаціи. Когда библейскій патриархъ, сидя у вратъ своего селенія, творитъ судъ и расправу надъ членами своего рода, то основаніемъ его судейскихъ функцій является его отцовская власть, но когда тотъ-же самый отецъ (согласно еврейскому преданію—со времянь Моисея) сходитъ съ главами другихъ семейныхъ группъ и судить вмѣстѣ съ ними, то это—судъ, возникшій на почвѣ новой организаціи.

Патріархальный судъ нельзя отдѣлить отъ всей сферы проявленій отцовской власти. Карательная власть выдѣлилась изъ нея только постепенно. Первоначально эта власть, какъ частное выраженіе отцовской власти вообще, совершенно безгранична. Только мало по малу традиціи и обычаи создаютъ ограниченія, и смягченіе правовъ начинаетъ оказывать нѣкоторое вліяніе. На этихъ патріархальныхъ судахъ не можетъ быть и рѣчи о рѣшеніи юридическихъ вопросовъ въ нашемъ смыслѣ; все сводится къ осуществленію отцовской воли, которая однако во всякомъ

случаѣ должна преслѣдовать благо всей общины. Только этимъ принципомъ и обусловливается единство дѣйствій судебной власти.

Но этотъ принципъ, самъ по себѣ взятый идеально и отвлеченно, не можетъ быть мѣриломъ развивающагося въ народѣ правосознанія; послѣднее образуется и пытается воспоминаніями о реальныхъ примѣненіяхъ принципа. Содержаніе права—это то, что *приказали и рѣшили* отцы.

Такимъ образомъ это содержаніе выявляется только постепенно, и понятно, почему: хотя забота о поддержаніи жизни есть побужденіе къ правосознанію, а жизненное благополучіе—его цѣль, тѣмъ не менѣе не всякое право отвѣчаетъ этому побужденію и ведетъ къ этой цѣли. Увеличеніе патріархальной семьи до размѣровъ обширнаго государства должно было въ концѣ концовъ привести къ формулированію отдѣльныхъ правовыхъ принциповъ, потому что, хотя весь судъ находился во власти отца, но онъ не могъ болѣе всеюду производиться имъ лично. Отецъ не былъ ни передъ кѣмъ отвѣтственъ за свои рѣшенія, но творившіе судъ по его приказу и отъ его имени были отвѣтственны передъ нимъ; отвѣтственность эта всего больше облегчалась для нихъ тѣмъ, что правовыя нормы получали опредѣленную формулировку.

Наказанія, налагаемыя этимъ судомъ, отличались по большей части большой жестокостью: смертной казнью и лишеніемъ членовъ наказывались часто незначительныя проступки; стремленіе соразмѣрять вину съ наказаніемъ совершенно отсутствовало. Въ этомъ также сказывается источникъ первобытнаго уголовного права. Наказаніе является преимущественно выраженіемъ, со стороны отца, неудовольствія, вызваннаго нарушеніемъ его приказа, и это выраженіе не связано никакими границами. Поэтому онъ можетъ, не соображаясь съ вредомъ или опасностью преступнаго дѣянія, всегда прибѣгать къ самымъ строгимъ средствамъ: эта строгость усиливается еще желаніемъ устрашить, чтобы преступленіе не повторялось. Въ данномъ случаѣ не только не имѣетъ почти никакого значенія объектъ преступленія, но наказаніе можетъ даже не ограничиваться субъектомъ преступленія. Все, что хотя-бы виѣшнимъ образомъ связано съ преступленіемъ, можетъ вызвать неудовольствіе отца. Гнѣвъ его можетъ постигнуть цѣлый родъ, цѣлое поселеніе, даже животныхъ и неодушевленные предметы. Въ Библии мы часто встрѣчаемся съ такой патріархальной справедливостью, а Ксеркесъ, какъ извѣстно, велѣлъ наказать море. Если въ такихъ дѣйствіяхъ, кромѣ естественнаго необузданнаго взрыва неудовольствія, заключается какое-нибудь намѣреніе, то оно сводится къ устраненію нарушителя отцовской воли: вѣдь это нарушеніе и есть именно то, что дѣлаетъ самое дѣйствіе наказуемымъ.

Гораздо сложнѣе юридическій порядокъ въ организаціяхъ позднѣйшаго типа. Правда, и здѣсь продолжаетъ существовать отцовское право наказанія; но оно не распространяется на все государство, а ограничивается только отдѣльными семьями. Здѣсь, въ противоположность организаціямъ стараго тѣла, государственный интересъ вторгается въ семью и постепенно ограничиваетъ внутри ея отцовское право. Это вмѣшательство отнимаетъ у отца прежде всего право убивать дѣтей и жену, затѣмъ право продавать ихъ и наконецъ даже ограничиваетъ его власть по отношенію къ рабамъ, какъ это мы видимъ въ исторіи Рима. Дѣло въ томъ, что новая организація создала новыя юридическія отношенія; съ виѣшной стороны ихъ охра-

чительницей можетъ являться высшая инстанція, имѣющая характеръ отцовской власти; но источникъ этихъ отношеній заключается въ мирномъ союзѣ равноправныхъ семей и (позже) личностей. Съ низшими стадіями этого процесса (а только о такихъ и идетъ у насъ рѣчь) насъ до извѣстной степени знакомитъ исторія германцевъ. Вполнѣ естественно встрѣчаемся мы здѣсь снова съ тѣмъ, на что мы уже натолкнулись при разсмотрѣніи собственности. По мѣрѣ того, какъ понятіе послѣдней расширяется, прекращается возможность защитить ее исключительно физическими средствами одного лица, и вмѣсто того является охрана цѣлой союзной группы; эта охрана впрочемъ имѣетъ скорѣе моральный характеръ. Съ этихъ поръ всякое рѣшеніе вопроса о собственности, всякая охрана ея зависитъ отъ признанія общины; другими словами, въ этихъ дѣлахъ сама община образуетъ *судъ*, среди котораго, тамъ, гдѣ общинная земля раздѣлена между отдѣльными семьями, глава общины—отецъ—является лишь въ качествѣ руководителя-«судьи». Приобрѣтеніе и передача правъ собственности въ новой организаціи, для того чтобы получить всеобщее признаніе, должны происходить публично, на опредѣленномъ мѣстѣ, въ опредѣленное время; въ противномъ случаѣ, для того чтобы такой актъ имѣлъ законную силу, члены общины должны получить экстренное и специальное приглашеніе присутствовать при немъ. Такое мѣсто франки называли «Malberg», во времена язычества оно было вмѣстѣ съ тѣмъ и мѣстомъ культа, въ христіанскую эпоху—церковнымъ мѣстомъ. Malberg отдѣльныхъ общинъ долженъ примыкать къ прежней «палатѣ», жилищу патриарха, а теперь судьи.

Въ Исландіи и культъ происходилъ еще въ домѣ «Godi».

Въ поселеніяхъ колонистовъ судъ происходитъ въ палатѣ старосты, а культъ въ христіанское время отдѣлился и перешелъ въ церковь. Но въ древнихъ городахъ судебнымъ мѣстомъ является церковная площадь. Такъ, пражскіе нѣмцы въ древнѣйшія времена творили судъ передъ своей церковью Св. Петра; такъ, «Роландъ», передъ которымъ производился судъ въ Берлинѣ, стоялъ передъ церковью Св. Николая; то же мы видимъ въ Галле, Бременѣ и другихъ мѣстахъ.

Только тѣ акты передачи, даренія, продажи, обмѣна, которые совершались на *этомъ* мѣстѣ въ то время, когда сюда обыкновенно собирался народъ, только эти засвидѣтельствованные всѣми присутствующими акты получали общее признаніе. Это участіе народа было первоначально больше, чѣмъ простымъ засвидѣтельствомъ, оно было дозволеніемъ. На Готландѣ по крайней мѣрѣ никакой поземельный участокъ не могъ быть проданъ безъ того, чтобы на то не было дано дозволеніе «приходомъ», другими словами прежнимъ родомъ—(древней семьей). Обычай этотъ независимо отъ древне-семейныхъ отношеній имѣетъ свое логическое основаніе. Въдѣ обязанность охранять собственность лежала на всѣхъ, и поэтому всѣ могли претендовать на право сказать свое слово прежде, чѣмъ принять на себя обязанность. Поэтому-то мѣсто суда въ то-же время и—рынокъ, такъ какъ только тутъ передача собственности получала охрану и признаніе, только тутъ купля имѣла юридическую силу. Приобрѣтеніе рабовъ и даже жены было также актомъ передачи права собственности. Поэтому браки и брачные договоры могли быть заключаемы также только на такомъ мѣстѣ. Отсюда обычай водить невѣсту вокругъ древняго Роланда, которымъ обозначалось судище, или-же, какъ это дѣлалось въ Вендскомъ Альтмаркѣ, вокругъ «Крестнаго древа»; а когда христіанская церковь вступила во владѣніе древнимъ жертвеннымъ мѣстомъ, то отпущеніе рабовъ стало производиться передъ церковнымъ алтаремъ и даже приращеніе семейства приносилось туда-же. Еще болѣе широкую охрану получали разумѣется тѣ соглашенія, которыя заключались на об-

щемъ судбищъ родовъ или общинъ (Höred, Zente, Gaue) и т. п. общественныхъ группъ, соединившихся въ одну организацію высшаго порядка. Извѣстные договоры безусловно требовали такой санкціи, такъ какъ они касались интересовъ не одной, но всѣхъ союзныхъ общинъ. Послѣднія соединялись не только для мирнаго отчужденія правъ собственности, но также и для взаимнаго *connubium*, и пока было живо еще древнее понятіе о родѣ, взаимному обмѣну невѣсть придавалось большое значеніе; а такъ какъ въ то-же время обязанность кровавой мести опредѣлялась родствомъ по матери, то въ виду всего этого почти всякая кровная обида переходила, такъ сказать, изъ одной общины въ другую. Если въ одной общинѣ убить человѣка, мать котораго происходитъ изъ другой общины, то обязанность кровавой мести тотчасъ поднимала на ноги братьевъ матери — членовъ этой другой общины. Такимъ образомъ было-бы невозможно прийти къ сколько нибудь успѣшному мирному прекращенію кровавой мести, если-бы ограничиваться только предѣлами общины. Поэтому свидѣтельство и признаніе одной общиной законности актовъ отчужденія дворовыхъ мѣстъ и поземельной собственности, служившія вообще совершенно достаточной гарантіей, въ иныхъ случаяхъ были недостаточны. Эти акты должны были, смотря по обстоятельствамъ, совершаться передъ болѣе обширнымъ собраніемъ. Такимъ образомъ, сообразно различнымъ ступенямъ организаціи, возникли рядомъ съ низшими и высшіе суды.

Но въ этихъ судахъ становилось уже невозможнымъ непосредственное участіе всѣхъ членовъ общины, и поэтому постепенно должна была выработаться система представительства.

Такіе верховные союзные суды, одинаково извѣстные классическимъ народамъ, какъ и германцамъ, происходили въ какомъ нибудь условленномъ мѣстѣ, по возможности для всѣхъ удобномъ.

Знаменитымъ въ древности мѣстомъ такого рода было Monte Savo въ Албанскихъ горахъ, гдѣ собирался судъ «латинскаго союза». Еще во времена Людовика Благочестиваго французскія судбища не были защищены отъ непогоды крышами, и въ то время часто повторялись распоряженія строить зданія для судебныхъ цѣлей. Торговля, праздники, ширшества, судъ — все это совершалось подъ открытымъ небомъ. Поэтому врядъ-ли когда-либо можно было удержать на судбищѣ во время суда все населеніе, да и врядъ-ли можно было его вообще собрать туда. Только на начальниковъ или судей отдѣльныхъ общинъ можно было вполне рассчитывать; потому мы и находимъ довольно рано въ скандинавскихъ государствахъ обычай, что судья изъ своей общины выбираетъ себѣ нѣсколько человѣкъ въ качествѣ «цѣловальниковъ» (*Gedenkänner*) и съ ними отправляется на мѣсто союзаго суда. Эти цѣловальники воплощали въ себѣ какъ-бы совѣтъ своей общины, и такимъ образомъ представляли ее на судѣ. Чѣмъ шире становилась компетенція этихъ союзнымъ судовъ, тѣмъ необходимѣе дѣлалось, чтобы извѣстныя лица спеціально заботились объ удовлетвореніи спорныхъ фактовъ, но не всякій конечно могъ въ этомъ смыслѣ считаться надежнымъ свидѣтелемъ. Тотъ-же, кто обладалъ наибольшими знаніями въ этихъ дѣлахъ, всего скорѣе былъ призванъ находить для новыхъ случаевъ рѣшеніе, согласное съ духомъ существующаго права. Но ихъ мнѣнія и предложенія не имѣли силы закона, они получали ее только послѣ всеобщаго признанія. Тутъ уже обрисовывается система древняго суда шеффеновъ. Такъ называемый *судья* — только руководитель суда, рѣшенія онъ не произноситъ. Точно также и избранные цѣловальники часто имъ приводятъ сѣлки изъ практики прошлаго, или-же подаютъ свои мнѣнія. Рѣшеніе вопроса все еще принадлежитъ народу.

Тѣмъ не менѣ тенденція дальнѣйшаго развитія сказывается уже вполне явственно. Требования, предъявляемая къ юридическому «знанію», все увеличиваются, число людей, которые могутъ имъ удовлетворять, все уменьшается. Сдѣлавшись необходимымъ, знаніе удлиняло срокъ дѣятельности, и это обстоятельство въ свою очередь увеличивало знанія. Такъ, шеффены все болѣе и болѣе отдѣлялись отъ Umstand'a (окружающаго народа), и права, первоначально принадлежавшія послѣднему, стали переходить къ первымъ; наконецъ, за народомъ осталось только право выражать свое одобреніе рукоплесканіями, которыми онъ обыкновенно награждалъ рѣшенія шеффеновъ.

Такъ какъ эта форма существенно различается отъ патриархальныхъ порядковъ, то внутри новой организациі образовались совершенно другія правовыя понятія. Нѣкоторое представленіе о развитіи этихъ новыхъ понятій даютъ намъ въ особенности начала германскаго уголовного права. Новый судъ, какъ и весь союзъ, ставить своей цѣлью миръ. Признавая какъ-бы естественное право кровавой мести, онъ отдалъ ей въ жертву виновнаго, но затѣмъ онъ желаетъ сохранить миръ или по крайней мѣрѣ тотчасъ-же возстановить его. Поэтому-то такой судъ можетъ въ сущности исходить только отъ всей общины: она каждымъ своимъ рѣшеніемъ принимаетъ на себя новое обязательство. Еще греческія преданія довольно вѣрно рассказываютъ, какъ возникъ первый уголовный судъ въ отмѣну кровавой мести и какъ онъ былъ составленъ изъ родовыхъ старѣйшинъ. Нѣмецкій уголовный судъ не совершалъ самъ, какъ патриархальный царь, акта наказанія, онъ на первыхъ порахъ даже не поручалъ его своимъ слугамъ; но, по характеристическому свидѣтельству древнихъ Weistümer, обиженный, не смотря на существованіе суда, самъ совершалъ наказаніе. Точно также вначалѣ, пока королевская власть на подобіе патриархальной не поставила всюду своихъ замѣстителей и не распространила своего авторитета, на потерпѣвшемъ лежала обязанность призвать или привести обидчика въ судъ.

Что-же собственно дѣлалъ судъ? Въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ онъ давалъ два отвѣта; одинъ—ясно выраженный, другой—подразумѣваемый, потому что онъ всегда былъ одинаковъ и потому самъ собой понятенъ. Признавъ, что потерпѣвшій выполнилъ всѣ формальности вызова къ суду обвиняемаго и вообще вполне правильно обставилъ свою жалобу, судъ заявлялъ, что въ данномъ случаѣ обвиненный своимъ поступкомъ справедливо навлекъ на себя месть и что никто не долженъ препятствовать обвинителю выполнить этотъ долгъ. Въ этомъ состояло рѣшеніе суда, провозглашавшееся вслухъ. Другое-же, подразумеваемое и потому не произносимое, говорило: месть обиженнаго не должна повлечь за собой новой мести, и мы всѣ будемъ охранять того, кто, поступивъ по нашему рѣшенію, подвергнется за то нападенію.

Такова была охрана, которая молчаливо давалась обиженному. Преступникъ-же лишался всѣхъ благъ мира. Осужденный, онъ оказывался въ положеніи, которое можно себѣ представить внѣ семьи и общества: онъ становится безправнымъ. Огонь и вода—сокровища семейной общности отнимаются у него; собственности у него больше нѣтъ, всякій можетъ свободно захватить его имущество, его тѣло и жизнь не пользуются никакимъ миромъ, никакой охраной, ибо жизнь и собственность обезпечиваются только общимъ поручительствомъ всѣхъ членовъ общины.

Постоянно заботясь о возстановленіи мира, судъ охраняетъ тѣлесную неприкосновенность и собственность тѣми-же способами и на тѣхъ-же началахъ, какъ и жизнь. Виновный не только присуждается къ возмѣщенію убытковъ, но и къ уплатѣ

штрафа за нарушенный миръ, а также обязанъ представить въ судъ «пари». Присвоение чужой собственности сдѣлалось преступленіемъ противъ общества только въ качествѣ нарушения мира, и потому оно и судить за него. Тяжбы передъ древнегерманскими судами принимаютъ видъ «пари», въ которомъ каждая сторона известной суммой отвѣчаетъ передъ судомъ за правильность своихъ притязаній. Сторона, признанная неправой, проигрываетъ пари.

Институтъ такъ называемой композиціи или «виры», характеризующій древнегерманское право, вытекаетъ цѣликомъ изъ основного стремленія поддержать миръ. Если судъ уже ранѣе прекращалъ кровавую месть послѣ перваго ея акта, то композиція давала возможность устранить даже и этотъ первый кровавый актъ.

Но не человѣческая жизнь является первоначально предметомъ вознагражденія известной денежной суммой: убійство не можетъ быть ничѣмъ возмѣщено, даже смертью убійцы. Денежная сумма дается для устранения вреда, который можетъ причинить допускаемая судомъ месть, и въ вознагражденіе за отказъ отъ тѣхъ выгодъ, которыя метитель можетъ получить при счастливомъ исходѣ своей борьбы съ обидчикомъ. Поэтому композиція или «вира» достается не тѣмъ только, кто въ убитомъ потерялъ своего кормильца, еще менѣе одной вдовѣ, — виру получаютъ все тѣ, на комъ лежитъ обязанность кровавой мести. Но метитель не былъ первоначально обязанъ принимать предлагаемую ему «композицію»; онъ могъ настаивать на своемъ правѣ — метить.

Противорѣчіе между этимъ уголовнымъ правомъ и уголовнымъ правомъ патриархальнаго государства повидимому непримиримо; тѣмъ не менѣе историческое развитіе права пошло у германцевъ путемъ соединенія обоихъ принциповъ. Если-бы государственное устройство большинства германскихъ племенъ покоилось на основѣ патриархальной королевской власти, то ни въ какомъ случаѣ не могли-бы развиваться выше охарактеризованныя формы «народныхъ правъ». Но германцы лишь постепенно объединялись подъ одной королевской властью, которая не была чужда патриархальныхъ притязаній.

Такимъ образомъ и соединились обѣ формы. Король воплотилъ въ себѣ охрану мира и сталъ носителемъ судебной власти: все судьи сдѣлались, какъ въ патриархальномъ государствѣ, его служебными органами, но въ то-же время эта система приняла формы и принципы древненародной юрисдикціи. Различіе между обѣими системами выражается въ роли и значеніи коллегій шеффовъ и руководителей «судей». Последніе творятъ судъ, возвѣщаютъ и исполняютъ рѣшенія въ силу полномочія отъ королевской власти, первые-же только «прискиваютъ» рѣшеніе, согласное съ древне-народнымъ обычаемъ; «судьи прямо или косвенно — королевскіе чиновники, шеффы — нѣтъ. Всего яснѣе это соединеніе сохранилось въ вольныхъ нѣмецкихъ городахъ. Весь судъ вели горожане, даже судья, если городъ получилъ въ свои руки должность фогта, назначался городомъ, но право отправлять «уголовный судъ» (Blutbann) дается королемъ.

Судебныя доказательства на низшихъ ступеняхъ культурнаго развитія представляли повсюду гораздо больше разнообразія, чѣмъ прочія правовыя формы. Такъ какъ древнѣйшее время не знаетъ документовъ, то остаются только двѣ группы доказательствъ: во-первыхъ, показанія живыхъ, во-вторыхъ, — какъ это ни странно сказать — свидѣтельства мертвыхъ; ибо, по возрѣнію древнихъ и некультурныхъ народовъ, мертвецъ можетъ засвидѣтельствовать присутствіе убійцы. На болѣе высокой ступени культуры доказательства раздѣляются на показанія живыхъ и свидѣтельства духовъ и боговъ, которые знаютъ многое, чтѣ остается скрытымъ отъ людей.

Последнія являются въ формѣ *ордалий*, разновидность которыхъ составляетъ *простая* присяга. Изъ принудительнаго свидѣтельствованія развилась *пытка*. Желая имѣть на судѣ въ спорныхъ случаяхъ показанія людей, древніе, болѣе чѣмъ мы теперь, заботились о томъ, чтобы всякое отчужденіе собственности происходило при свидѣтеляхъ и чтобы они призывались также при всякомъ нанесеніи кому-нибудь обиды.

Призываніе свидѣтелей, извѣстное какъ евреямъ, такъ и германцамъ, у послѣднихъ называлось *Gerüfte*. Каждый считалъ своимъ гражданскимъ долгомъ слѣдовать этому *Gerüfte*, не только для того, чтобы оказать помощь зовущему, но и для того, чтобы засвидѣтельствовать, что дѣяніе, о которомъ шла рѣчь, дѣйствительно совершено или-же только, что тѣ, кто кричалъ раньше, присутствовали при немъ въ качествѣ свидѣтелей. Такимъ образомъ при всякомъ происшествіи крикомъ возвѣщали о немъ другъ другу и всѣмъ, къ кому потомъ обращались эти «крикуны», какъ бы казалось, что данное дѣяніе совершилось на ихъ глазахъ. Поэтому такое «окрикнутое» дѣяніе рѣшались даже судить тутъ-же на мѣстѣ, какъ будто-бы народъ-судья въ самомъ дѣлѣ накрылъ преступника на мѣстѣ преступленія. При передачѣ правъ собственности всегда привлекались свидѣтели, и если отчуждаемый предметъ не могъ быть фактически переданъ подобно древнѣйшимъ объектамъ собственности, то все-таки стороны старались передъ свидѣтелями совершать какія-нибудь другія особенно выразительныя дѣйствія. Такимъ образомъ возникли «юридическіе символы» — передача земли, дерна, ломаніе палокъ, прыганье черезъ заборъ и т. д., — символы, которые представляли ту выгоду, что свидѣтель долженъ былъ замѣтить себѣ не слова, а извѣстное типическое дѣйствіе, которое прочнѣе запечатлѣвалось въ его памяти.

Важнѣйшими свидѣтелями были тѣ самые «цѣловальники», которые постоянно являлись на судѣ и впоследствии составляли замкнутыя коллегіи свѣдущихъ шеффеновъ. Поэтому было чрезвычайно полезно всякую значительную перемѣну въ правахъ собственности производить передъ этими шеффенами на судѣ; они являлись живой поземельной книгой и живымъ архивомъ. Если какая-нибудь покупка, какое-нибудь измѣненіе границъ и т. п. и не совершалось передъ судомъ, то во всякомъ случаѣ старались привлечь какъ можно больше лицъ къ участию въ этомъ актѣ и представить его имъ (часто самымъ ребяческимъ образомъ) какъ можно выразительнѣе. Таково происхожденіе сохранившихся до сихъ поръ остатковъ такъ называемаго «*Leinkauf*'а» (вѣрнѣе *Leitkauf-Weinkauf* — покупка вина). Эти «*Leinkaufleute*», которые помнили, что ихъ когда-то, по какому-то опредѣленному поводу угощали, впоследствии приводились въ качествѣ свидѣтелей заключенной сдѣлки. Древніе баварцы брали свидѣтелей за уши, чтобы какъ можно сильнѣе направить ихъ вниманіе на предметъ сдѣлки. При обходѣ границъ на извѣстныхъ пунктахъ молодыхъ людей сѣкли, и линія границы такимъ образомъ отъ мѣста до мѣста хорошо запечатлѣвалась въ ихъ памяти, такъ что они могли давать вѣрныя показанія по этому предмету даже въ глубокой старости.

Рабовъ, которые вообще считались упорными и коварными, били, чтобы вынудить у нихъ показаніе противъ другихъ или сознаніе въ своемъ преступленіи. Въ этой простой, но отнюдь не мягкой, формѣ пытка существовала еще у франковъ. Но уже въ Римской имперіи вмѣстѣ съ побоями были введены болѣе рафинированные способы мученія, которыми у рабовъ вынуждались въ особенности показанія противъ ихъ господъ.

Средневѣковая королевская власть, все болѣе и болѣе возвращаясь къ патриар-

хальному характеру, перестала дѣлать различіе въ данномъ отношеніи между рабами и свободными и дала пытки въ ея самыхъ различныхъ и жестокихъ формахъ гораздо болѣе универсальное значеніе на судѣ, чѣмъ это было прежде. Азіатская волна снова тогда охватила всю Европу, которая всегда являлась театромъ борьбы двухъ различныхъ соціальныхъ системъ. Впереди всѣхъ шли Испанія и Римъ съ ихъ инквизиціей, которая дала на судѣ первое мѣсто пыткамъ по отношенію ко всѣмъ людямъ безъ различія положенія: инквизиція разсматривала преступленія противъ «Бога», а вѣдъ «рабами Бога» являются всѣ люди безъ исключенія.

Вторая группа свидѣтельствъ почти исчезла у насъ въ силу перемѣны въ религіозномъ міросозерцаніи, кромѣ небольшого остатка, видоизмѣненнаго согласно новымъ взглядамъ. По представленію древнихъ о духахъ и божествахъ, послѣднія стояли гораздо ближе къ людямъ и ихъ дѣламъ, чѣмъ это думаемъ мы; древніе приписывали непосредственной дѣятельности боговъ то, что мы считаемъ результатомъ естественныхъ причинъ. Такимъ образомъ у нихъ существовало убѣжденіе, что боги склонны принимать активное участіе въ человѣческихъ дѣлахъ. Случай къ этому тѣмъ болѣе представлялся на судѣ, что древнее судище было въ то же время мѣстомъ культа, постояннымъ жилищемъ боговъ. Здѣсь, по крайней мѣрѣ, все, что по нашему воззрѣнію есть результатъ естественныхъ причинъ, и что мы приписываемъ «случаямъ», когда не усматриваемъ этой причинной связи, естественно должно было считаться непосредственнымъ дѣломъ боговъ. Повсюду, во всѣхъ частяхъ свѣта люди стремились извлечь для себя пользу въ своихъ судебныхъ дѣлахъ изъ склонности боговъ вмѣшиваться въ человѣческія отношенія: въ указаніяхъ боговъ они находили желанное дополненіе къ своему несовершенному знанію. Такія испрашиваемыя у божествъ указанія, дополняющія людское знаніе, принято называть *оракуломъ*.

Способы, которыми у божества испрашивается отвѣтъ на предложенный вопросъ, безразличны и потому чрезвычайно разнообразны. Самымъ обыкновеннымъ и наиболѣе распространеннымъ является жребій. Этотъ способъ былъ извѣстенъ также и древнимъ евреямъ и, чтобы найти вора, перебирали родъ за родомъ, семью за семьей и индивидуума за индивидуумомъ, и всякій разъ бросали жребій, здѣсь ли преступникъ? Мѣшокъ съ жребіями носили съ собой и египетскіе жрецы, когда они участвовали въ судѣ; при этомъ вполне понятно, что, именно благодаря употребленію жребія, жрецъ попалъ въ число участниковъ суда. Древніе франки для судебныхъ цѣлей также употребляли жребій, но только по отношенію къ рабамъ. Въ Африкѣ до сихъ поръ для отысканія преступника употребляется масса средствъ, которыя всѣ сводятся къ тому же жребію. Одно изъ этихъ способовъ придерживались еще еврейскіе жрецы при констатированіи женской невѣрности, другіе — выплываютъ даже у насъ въ видѣ народныхъ суевѣрій. Если утвердительный или отрицательный отвѣтъ божества непосредственно обнаруживается на обвиняемомъ, который самъ съ своей стороны требовалъ отъ божества такого отвѣта, то оракуль такого рода мы называемъ «божьимъ судомъ» или *ордаліей*; требованіе же отвѣта отъ божества, соединенное съ ордаліей или независимое отъ нея, есть *присяга*. Но, какъ намъ извѣстно изъ древнеиндійскаго права, оба эти дѣйствія прежде были неразрывно связаны между собой: присяга, по воззрѣнію людей того времени, всегда сопровождалась божественнымъ приговоромъ и то, что мы называемъ ордаліей въ собственномъ смыслѣ, лишь дополняло присягу.

Чтобы очиститься отъ обвиненія, древній индусъ на судищѣ прикасался къ изображеніямъ божествъ и этимъ самымъ къ обитающимъ въ нихъ божеству и

требовалъ отъ нихъ наказанія себѣ, если сказанныя имъ слова лживы; народъ былъ убѣжденъ, что такимъ способомъ втеченіи года истина обнаружится, ибо божеество дѣйствительно накажетъ того, кто святотатственно взывалъ къ нему. Поэтому вѣрили, что втеченіи года присягающаго постигнетъ какое нибудь крупное несчастье или счастье. Современные народныя повѣрья еще совершенно ясно указываютъ на то, что то же самое возрѣніе жило и въ нашемъ народѣ. До сихъ поръ думаютъ, что клятвopеступникъ не проживетъ больше года. Чтобы дать божееству еще болѣе широкое поле для его вмѣшательства, древній индусъ своей присягой, вводя въ нее свою жену и дѣтей, подвергалъ опасности весь домъ. Такимъ образомъ всякій смертный случай въ его семьѣ былъ приговоромъ противъ него. Но въ присягу могли включаться и другія вещи и существа, менѣе близкія присягающему субъекту: такъ, мы до сихъ поръ клянемся «всѣмъ тѣмъ, что намъ дорого и мило». Древній арабъ обыкновенно клялся «семью» вещами, эта клятва была не безызвѣстна также и евреямъ. Такъ что правду можно было только узнать по судьбѣ этихъ «вещей».

Въ вѣрности подобнаго рѣшенія никто не сомнѣвался, но срокъ его исполненія оставался на столько неопредѣленнымъ, что хотя такая присяга и могла на всякій случай пригодиться для общественнаго мнѣнія, но для суда этотъ способъ оказывался слишкомъ медленнымъ. Въ силу этого присяга дополняется настоящею ордалей; она тотчасъ послѣ совершенія присяги нѣкоторымъ образомъ искусственно ставитъ присягавшаго въ такое опасное положеніе, при которомъ должна тотчасъ сказаться либо помощь, либо месть спрошеннаго божества. Средства для этого опять таки безразличны и потому разнообразны, и древнимъ индусамъ было извѣстно столько же и даже пожалуй больше такихъ средствъ, чѣмъ нашимъ средневѣковымъ предкамъ.

Излюбленнымъ средствомъ среди свободныхъ германцевъ былъ *судебный поединокъ*. Вѣдь это была та опасность, въ которой могъ всего легче очутиться свободный человѣкъ и которая могла быть вызвана безъ особенныхъ приготовленій во всякую минуту. Мечи могли тотчасъ показать, кому помогаетъ Богъ, кого Онъ наказываетъ. Но ордалей является не просто состязаніе, а лишь такое, которому предшествуетъ присяга; поэтому-то «Саксонское зеркало», совсѣмъ въ противорѣчіе нашему обыкновенію, заставляетъ присягать обѣ стороны, такъ что одна изъ нихъ непременно должна оказаться клятвopеступной. Въ этомъ вѣдь и заключается смыслъ всего дѣйствія. Поэтому до насъ дошли такія формулы присяги: «So wahr mir Gott helfe zu *diesem Kampfe*» (какъ истинно то, что мнѣ Богъ поможетъ въ этомъ поединкѣ). Такимъ образомъ для судей истина обнаруживалась исходомъ борьбы. Рядомъ съ поединкомъ существовали для той же цѣли другія средства, напр. испытанія раскаленнымъ желѣзомъ, горячимъ лемехомъ, холодной водой, въ Индіи—ѣдой риса и еще многія другія. Христіанская церковь не потрясла самаго принципа и прибавила къ ордалямъ еще новую—ордалию Св. причастія; но она не безъ успѣха стремилась изгнать одинъ родъ ордалии—поединокъ, съ одной стороны потому, что она вообще хотѣла ограничить воинственные наклонности народа, съ другой—потому, что всякая другая форма гораздо лучше устраняла человѣческое участіе въ рѣшеніи вопроса.

Такимъ образомъ прежде всего отдѣлились другъ отъ друга присяга и состязаніе; послѣднее было совершенно изгнано изъ суда и сохранилось только въ качествѣ неяснаго по своему смыслу, исковерканнаго остатка «рыцарскихъ» нравовъ; присяга же въ ея новой болѣе ограниченной формѣ продолжала быть важнымъ судебнымъ доказательствомъ. Взамѣнъ отпавшей части суда Божьяго, которая нѣ-

когда открывала истину или ложность заявленій сторонъ, соотвѣтственно возросла сила присяги, такъ какъ христіанство создало вѣру въ вѣчность небснаго блаженства для однихъ и адскихъ мученій для другихъ. Эта переменна нашла себѣ выраженіе въ измѣненіи вышеприведенной клятвенной формулы. Начало ея «so wahr mir Gott helfe» (какъ истинно то, что Богъ поможетъ мнѣ) осталось, но, вмѣсто словъ «zu diesem Kampfe» (въ этой борьбѣ) или тому под. выраженій, явились слова: «zur ewigen Seligkeit» (получить вѣчное блаженство). Правда, теперь рѣшеніе не обнаруживалось тотчасъ передъ глазами судей, но зато тутъ дѣло шло уже не о какой нибудь ранѣ или обжогѣ для привычныхъ къ войнѣ, закаленныхъ людей, тутъ благочестивые христіане рисковали изъ за временныхъ золь вѣчнымъ блаженствомъ. Это усиленіе присяги заставляло предполагать, что ни одинъ христіанинъ не воспользуется ею для подкрѣпленія лжи, и въ этомъ именно заключалась вся убѣдительность новой клятвы.

Аналогично съ этимъ перешли изъ одной культурной стадіи въ другую и формы присяги. По древнему ограниченному представленію о Богѣ, давать присягу можно было только на судѣ, ибо это мѣсто считалось жилищемъ божества, или же присяга обуславливалась прикосновеніемъ къ какому нибудь религіозному предмету, спеціальному обиталищу того божества, къ которому всего ближе стоялъ присягавшій. Поэтому то прикосновеніе къ изображенію божествъ или къ палкамъ, которыя, подобно царскому посоху, являлись такими же изображеніями, считалось необходимымъ для присяги, а такъ какъ многіе воинственные народы больше всего почитали наследственный мечъ, то весьма часто встрѣчалась клятва оружіемъ. Такъ, учителя церкви нерѣдко жаловались на древнихъ франковъ, что они отнюдь не хотятъ клясться христіанскими святынями, а клянутся только своими мечами, какъ это дѣлалось раньше, до принятія христіанства. Привыкнувъ къ такой вещественной присягѣ, въ церквахъ стали клясться какой нибудь матеріальной святыней. Таковыми являлись прежде всего удобопереносимыя реликвіи святыхъ, и очень долго прикосновеніе къ нимъ имѣло огромное значеніе при присягѣ; такъ, франкскіе послы не задумались считать ничтожной клятву, которую они совершили на ящикѣ съ мечами, тайно опорожненномъ отъ своего священнаго содержимаго. Епископъ, который чистосердечно рассказываетъ объ этой дипломатической проделкѣ, ничего не находить нужнымъ замѣтить по этому поводу—настолько такой поступокъ былъ согласенъ съ возрѣніями того времени. Къ тѣмъ древнимъ божествамъ, которыя считались связанными съ извѣстными мѣстами и предметами и вмѣшивались во все людскія дѣла, святыя стояли ближе, чѣмъ Богъ, какъ его представляла себѣ позднѣйшая эпоха; поэтому и они упоминаются въ клятвенной формулѣ:—«So wahr mir Gott helfe—und seine lieben Heiligen» (какъ истинно то, что мнѣ поможетъ Богъ и его милостивые святыя). Постепенно вмѣстѣ съ реликвіями или рядомъ съ ними явились книги Новаго и Ветхаго Завѣта, или только одно Евангеліе, и съ тѣхъ поръ стало возможнымъ болѣе идеальное пониманіе присяги; въ формулѣ явились слова: Святымъ Евангеліемъ. Скоро при этомъ уже стали имѣть въ виду не самую книгу, а спасительную силу ея содержанія. Такъ мѣняются формы и возрѣнія.

ОТДѢЛЪ III.

ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА:

Языкъ, культъ и мифологія.

I. ЯЗЫКЪ, ПИСЬМО И СЧИСЛЕНІЕ.

Языкъ первобытнаго человѣка.

Первое орудіе, изобрѣтенное человѣкомъ, есть вмѣстѣ съ тѣмъ первый шагъ на его пути къ высшему развитію. Но изъ всѣхъ человѣческихъ орудій наиболѣе совершеннымъ и даже единственнымъ въ своемъ родѣ является *языкъ*. Онъ ведетъ къ развитію общественности и ему человѣчество обязано всѣми успѣхами, съ нею связанными.

Способность рѣчи въ извѣстной степени является достояніемъ, равно присущимъ людямъ и животнымъ, точно также и побужденія къ пользованію ею одинаковы для тѣхъ и другихъ, какъ въ главныхъ чертахъ, такъ иногда и въ частности. Но у животныхъ эта способность осталась на самой низкой ступени развитія, или же приняла совсѣмъ другое направленіе, чѣмъ у человѣка. Какъ человѣкъ, такъ и животное посредствомъ звуковъ стараются обратить на себя вниманіе, выражаютъ свои ощущенія и желанія; но только человѣкъ отличается способностью связывать опредѣленный звукъ съ извѣстнымъ внѣшнимъ предметомъ, а при дальнѣйшемъ развитіи — и съ общими понятіями, и идеями. Только благодаря существованію этой связи, рѣчь человѣка получаетъ содержаніе, котораго нѣтъ напримѣръ въ пѣніи птицы.

При самыхъ тщательныхъ наблюденіяхъ мы не въ состояніи опредѣлить въ каждомъ данномъ случаѣ, по какому поводу издала крикъ птица, такъ-же, какъ мы не знаемъ, зачѣмъ напѣваетъ человѣкъ, находящійся въ одиночествѣ. Нѣсколько болѣе понятенъ намъ крикъ, изданный птицей въ обществѣ другихъ птицъ. Вѣдь и человѣкъ вкладываетъ опредѣленный смыслъ въ слова, сказанныя другому; онъ напѣваетъ, потому что его побуждаетъ къ этому состояніе его органа голоса, говорить же онъ для того, чтобы быть понятымъ.

Крикъ первоначально не можетъ имѣть никакого другого значенія, кромѣ простого самодовлѣющаго проявленія жизнедѣятельности, подобно прыганію ребенка или молодого животнаго. Только опытъ устанавливаетъ связь между такимъ проявленіемъ и какимъ-нибудь фактомъ; если послѣдній приятенъ, то дѣлается попытка вызвать его вновь посредствомъ крика, причемъ безразлично, дѣлается ли это по внушенію инстинкта или разсудка. Примѣромъ подобнаго зачатка языка можетъ служить осенній призывный крикъ перелетныхъ птицъ. Лѣтомъ птицы живутъ парами, осенью же, когда приходится находить пищу только въ извѣстныхъ мѣстностяхъ и разыскивать дорогу къ мѣстамъ зимовки, имъ важно пользоваться своимъ коллективнымъ опытомъ и странствовать для этого по возможности большими стаями. Средствомъ обобщенія въ данномъ случаѣ является крикъ, ко-

торымъ часто коварно пользуются птицеловы. Чижикъ, странствуя въ осеннее время внизъ по долинкамъ какой-нибудь рѣчки и перелетая съ ольхи на ольху,—если только онъ не занятъ ѣдой,—постоянно издаетъ одинъ и тотъ же крикъ. Онъ дѣлаетъ это безъ опредѣленной цѣли. Онъ кричитъ, удовлетворяя своей потребности, и крикъ его звучитъ такъ, а не иначе, только потому, что его голосовые органы устроены соответствующимъ образомъ. Однако, если бы даже птица могла мыслить, то все же у нея не было бы повода думать о томъ, чтобы вложить въ этотъ крикъ какой-нибудь особенный смыслъ. Дѣйствительно, въ переводѣ на человѣческій языкъ этотъ крикъ пришлось бы передать приблизительно словами: «здѣсь есть чижикъ!» Только это и нужно знать другимъ чижакамъ; подъ вліяніемъ стремленія къ обществу, они прилетаютъ туда, откуда слышится крикъ, и присоединяютъ къ нему свои крики; благодаря этому, не смотря на то, что, такъ сказать, грамматическая форма крика не измѣнилась, другіе чижи слышатъ уже крикъ: «здѣсь есть чижи!» И хотя бы кромѣ этого птица ничего и не желала выразить своимъ крикомъ, все таки другая птица услышитъ въ немъ многое другое. Если крикъ все болѣе и болѣе удаляется, то для птицы онъ выражаетъ слѣдующее: «мы улетаемъ; лети къ намъ!» А приближающійся крикъ говоритъ ей: «мы летимъ къ тебѣ!»

Первобытный человѣкъ—если даже предположить, что онъ былъ лишень способности членораздѣльной рѣчи,—конечно умѣлъ также пользоваться съ выгодой своимъ голосомъ. Подобно тому, какъ человѣкъ, обладая способностью сознательнаго мышленія, тѣмъ не менѣе дѣйствуетъ иногда совершенно инстинктивно, точно также сохранилъ онъ, на ряду съ развитой способностью рѣчи, нѣкоторыя болѣе простыя средства сообщать о своихъ ощущеніяхъ другимъ людямъ. Человѣкъ, заблудившись въ лѣсу, начинаетъ какъ можно громче кричать, крикъ его не имѣетъ опредѣленнаго содержанія, однако его дѣйствіе и значеніе тѣ же, что и крикъ птицы; но притомъ онъ получаетъ, благодаря нѣкоторымъ обстоятельствамъ, нѣсколько болѣе опредѣленное содержаніе: голоса различныхъ личностей бывають болѣе или менѣе различимы для внимательнаго слушателя. Такимъ образомъ крикъ въ лѣсу говоритъ намъ не только: «здѣсь находится человѣкъ», но: «здѣсь находится А или Б.» вмѣстѣ съ тѣмъ человѣкъ еще болѣе, чѣмъ животное, можетъ выразить своимъ голосомъ то или другое ощущеніе. Онъ дѣлаетъ это часто даже безъ намѣренія быть услышаннымъ и понятымъ кѣмъ нибудь; онъ чувствуетъ естественную необходимость кричать при ощущеніи боли, издавать радостные крики отъ удовольствія. Но всѣ люди способны распознать, выражаетъ ли крикъ радость или горе; всякій умѣетъ отличить жалобный крикъ животнаго отъ всякаго другого звука.

Очень трудно опредѣлить, насколько въ этихъ проявленіяхъ чувства у животныхъ имѣется элементъ преднамѣренности, но если мы замѣчаемъ присутствіе его у животнаго, то мы не можемъ отказать въ немъ человѣку, который обладаетъ способностью, при помощи памяти, сохранять данныя своего опыта. Давая знать о себѣ крикомъ, онъ сумѣетъ вмѣстѣ съ тѣмъ придать своему голосу то или другое выраженіе, горестное или радостное. Слышавшіе этотъ крикъ заключать по нему, что А находится въ лѣсу и очень доволенъ или очень опечаленъ. Для насъ отправляющихся въ лѣсъ съ самыми разнообразными цѣлями: погулять, собирать растенія, поохотиться—и занятыхъ тамъ самыми разнообразными мыслями, даже заботой, какъ бы не испортить новой шляпы, для насъ смыслъ подобнаго крика не былъ бы особенно ясенъ; но заботы и ожиданія какаго-нибудь бушмена гораздо проще нашихъ. Онъ ищетъ въ лѣсу дичи и боится опасныхъ хищныхъ звѣрей. Къ вѣтрѣмъ съ тѣмъ или другимъ онъ и отнесетъ навѣрно услышанный имъ крикъ.

Ему трудно съ совершенной точностью опредѣлить, почему кричить въ лѣсу человѣкъ, что онъ тамъ увидѣлъ, да впрочемъ это ему и не нужно: онъ можетъ побѣжать на крикъ и увидать, въ чемъ дѣло.

Если бы въ такомъ лѣсу существовалъ только одинъ годный для пиши видъ плодовъ, то значеніе радостнаго крика, издаваемого человѣкомъ при его нахожденіи, на столько сузилось бы, и онъ настолько ассоціровался бы въ памяти человѣка съ вызывающимъ его предметомъ, что изъ простаго крика легко могъ бы превратиться въ названіе этого предмета. Конечно такой связи между этимъ крикомъ и соответствующимъ плодомъ не могло бы существовать для людей, живущихъ въ мѣстности, богатой другими плодами, поэтому они и не понимали бы «языка» первыхъ. Какойнибудь чернокожій любитель ящерицъ издастъ при видѣ этого животнаго совсѣмъ другой крикъ, чѣмъ дѣвушка бѣлой расы, и такимъ образомъ мы видимъ, что вавилонское столпотвореніе нужно отнести къ временамъ весьма и весьма отдаленнымъ.

Благодаря привычкѣ, сохранились и сдѣлались достояніемъ нашего языка тѣ звуки, которые сама природа исторгала изъ груди человѣка въ минуты различныхъ его ощущеній. Въ грамматикахъ они составляютъ только одинъ изъ десяти разрядовъ, на которые подраздѣляется весь запасъ нашихъ словъ, но въ обыденной жизни они играютъ гораздо болѣе важную роль. Чѣмъ меньшаго развитія достигъ какойнибудь языкъ, или чѣмъ несовершеннѣе имъ пользуются, тѣмъ большую роль играетъ этотъ древній способъ объясняться другъ съ другомъ. Еще до сихъ поръ среди простонародья можно услышать діалогъ, который ведется почти исключительно при помощи такихъ восклицаній, выражающихъ попеременно одобреніе, ужасъ, недоувѣріе, удивленіе, отвращеніе, состраданіе и тому подобныя чувства. Даже въ старогерманскомъ обычномъ правѣ сохранился еще остатокъ этого древнѣйшаго языка междометій. Крикъ «io, io!» (соответствующій русскому восклицанію «караулъ!») не имѣлъ столь же опредѣленнаго значенія, какъ какое-нибудь слово, но тому, кто его слышалъ, онъ говорилъ очень многое. Этотъ крикъ обозначалъ, что тамъ, гдѣ онъ раздается, совершается преступленіе и что слышавшій его обязанъ побѣжать туда на помощь, или по крайней мѣрѣ дать показанія въ качествѣ свидѣтеля крикуна *). Впослѣдствіи къ этому крику стали прибавлять названіе преступленія, и только такимъ способомъ образовались извѣстные восклицанія «Dieb—io!» (воръ), «Mord—io!» (убійство), въ Вюртембергѣ также «Feuer—io!» (огонь), а отъ этихъ словъ произошли до сихъ поръ употребляющіяся выраженія «Zeter- und Mordio-Schreien» (караулъ!).

Но всего этого еще нельзя назвать человѣческимъ языкомъ, отъ котораго мы вправѣ требовать по крайней мѣрѣ такой связи между сочетаніемъ звуковъ и понятіемъ объ извѣстномъ предметѣ, чтобы всякій, слышавшій эти звуки, получалъ соответствующее представленіе. Вопросъ о происхожденіи такого языка приводитъ насъ къ другому весьма спорному вопросу,—къ вопросу о существованіи *первобытнаго языка*. Иначе его можно формулировать такъ: давали ли когданибудь всѣ люди одно и то же названіе извѣстнымъ предметамъ и выражали ли они когданибудь всѣ одинаково отношенія между вещами? На послѣдній вопросъ никакъ нельзя отвѣтить утвердительно,—это ясно говорить намъ все сравнительное языкованіе. Различныя группы языковъ отличаются другъ отъ друга именно тѣмъ, что каждая изъ нихъ имѣетъ свой совершенно своеобразный способъ выраженія

*) См. 2-ой отдѣлъ, глава «Судъ». стр. 249.

различныхъ понятій и ихъ взаимнаго соотношенія, какъ это будетъ показано далѣе на нѣсколькихъ примѣрахъ. А между тѣмъ, если бы извѣстный способъ обозначенія отношенія предметовъ между собою, который напр. состоитъ въ соединеніи понятій «человѣкъ» и «бить» въ слово «бѣть», былъ свойственъ и первобытному языку, то его вѣтви не могли бы придти къ этому способу выраженія совершенно различными путями.

Такимъ образомъ, хотя и возможно, пожалуй, предположеніе о существованіи первобытнаго языка, общаго для всѣхъ людей, но во всякомъ случаѣ такой языкъ долженъ былъ быть гораздо бѣднѣе всѣхъ теперешнихъ, такъ какъ ему не хватало формъ для выраженія упомянутыхъ нами отношеній. Что языкъ, лишенный этого способа выраженія, могъ дѣйствительно существовать, доказываютъ примѣры такихъ древнихъ языковъ, какъ китайскій, на которомъ не существуетъ такихъ особыхъ формъ для обозначенія взаимныхъ отношеній предметовъ; равно какъ и новѣйшихъ языковъ, какъ англійскій, который отбросилъ, какъ безполезныя, многія изъ этихъ формъ. Особенно легко такой процессъ происходитъ при заимствованіи однимъ народомъ у другого большого запаса словъ. Гораздо легче бываетъ перенять изъ чужого языка названіе предметовъ или дѣйствій, чѣмъ грамматическія формы, часто къ тому-же уже искаженныя и потому не имѣющія самостоятельнаго смысла. Мы сами даже какъ-то инстинктивно не употребляемъ ихъ, когда объясняемъ на своемъ родномъ языкѣ съ кѣмъ-нибудь, очень плохо его знающимъ. Намъ кажется тогда, что рѣчь наша будетъ понятнѣе, если мы будемъ употреблять существительныя въ томъ падежѣ, который звучитъ всего сходнѣе съ ихъ первоначальной формой, а глаголы—въ неопредѣленномъ наклоненіи. Мы выражаемъ тогда отношеніе однихъ словъ къ другимъ только порядкомъ, въ которомъ мы ихъ располагаемъ. Такъ, латинскій языкъ, склоненія и спряженія котораго чрезвычайно богаты формами, и нѣмецкій—также довольно богатый ими—представляютъ наибольшую свободу для разстановки словъ; на французскомъ-же и англійскомъ языкахъ, сохранившихъ только немногія изъ этихъ грамматическихъ формъ, существуютъ строго опредѣленные правила разстановки словъ.

Такимъ образомъ въ этомъ отношеніи новѣйшіе языки вновь приблизились къ древнѣйшимъ, избѣгнувъ однако неудобствъ послѣднихъ. Тайлоръ приводитъ, какъ характерный образецъ древнѣйшаго языка, слѣдующую китайскую фразу: «*Kou chi shi jin sse*»—что въ буквальномъ переводѣ значитъ: «собака, свинья, ѣсть, человекъ, пища». Китаецъ-же, руководствуясь расположеніемъ словъ, придаетъ этой фразѣ такой смыслъ: собаки и свиньи ѣдятъ пищу человекѣка.

Точно также не существуетъ на классическомъ древне-китайскомъ языкѣ особыхъ формъ для обозначенія различныхъ отношеній одного и того-же понятія, которыя мы выражаемъ при помощи формъ имени существительнаго, прилагательнаго или глагола, для облегченія пониманія нашихъ словъ. Одно и то-же слово «*thwan*» значитъ: шаръ, круглый, округлять, сидѣть кругомъ и т. д. Положеніе слова въ предложеніи должно затѣмъ показать, чтó именно хотятъ имъ выразить, и понять это тѣмъ легче, чѣмъ болѣе разговоръ людей вращается около окружающихъ ихъ конкретныхъ предметовъ.

Итакъ, отъ «первобытнаго языка», кромѣ звуковъ, которые для всѣхъ были связаны съ одинаковыми представленіями, намъ ничего не могло достаться въ настоящее, въ виду того, что формы, выражающія отношенія между понятіями развились лишь въ позднѣйшее время. Теперь намъ остается только посмотреть, протирается-ли это положеніе на всѣ разряды словъ, т. е., употребляя нашу тепереш-

ною терминологию, относится-ли оно ко всѣмъ частямъ рѣчи. Между словами, связанными съ опредѣленными понятіями, есть цѣлый рядъ такихъ, которыя мы называемъ «грамматическими» частями рѣчи. Онѣ не являются главными составными частями предложенія, а употребляются лишь для установленія связи между ними. Тѣмъ не менѣе безъ нихъ наша рѣчь не состояла-бы изъ стройныхъ предложений. Къ такимъ словамъ мы причисляемъ напримѣръ предлоги — въ, на, съ и т. п. и мѣстоименія — я, ты, онъ.

Сравнительное языкознаніе очень ясно показываетъ намъ, въ какой тѣсной связи послѣдній разрядъ словъ находится съ вышеупомянутыми формами, выражающими взаимныя отношенія понятій, и какъ самостоятельно шло въ этой области развитіе различныхъ группъ языковъ. Для тѣхъ случаевъ, гдѣ въ нѣмецкомъ языкѣ употребляется слово «mit», — въ латинскомъ является шестой падежъ, а въ нѣкоторыхъ славянскихъ — седьмой, а тамъ, гдѣ нѣмецъ ставитъ предлогъ «in», русскій пользуется шестымъ падежомъ. Такимъ образомъ дальнѣйшія подраздѣленія въ этомъ отношеніи наблюдаются даже при развитіи языковъ, принадлежащихъ къ одной семьѣ. Если мы обратимся теперь къ древнему китайскому, то увидимъ, что у него не существуетъ особаго разряда словъ, подобно нашимъ предлогамъ или мѣстоименіямъ, а что китаецъ пользовался для этого именно тѣми словами, которыя обозначаютъ соотвѣтствующій его мысли предметъ или дѣйствіе. Такъ, китаецъ вмѣсто того, чтобы сказать: убить человѣка «палкой» (по нѣмецки — mit dem Stocke) — говоритъ по-своему: «убить человѣкъ употребляетъ палка». Точно также, какъ замѣчаетъ Тайлоръ, поступаетъ негръ Мандинго, желая напримѣръ сказать, что одинъ предметъ заключается внутри другого, онъ прибѣгаетъ къ аналогіи съ брюхомъ и вмѣсто того, чтобы сказать «въ домѣ», говоритъ: «домъ брюхо» или вмѣсто «на столѣ», говоритъ: «столъ затылокъ». Благодаря частому пользованію подобными оборотами, существительныя Копо (брюхо) и Kang (затылокъ) мало по малу сдѣлались предлогами.

Такими-же самостоятельными путями шло и образованіе въ различныхъ языкахъ мѣстоименій, и нѣкоторые языки показываютъ намъ, что эти части рѣчи могли образоваться только тогда, когда культура народа достигла уже довольно высокой ступени развитія. Гренландскій эскимось производилъ слово «ты» отъ «тамъ», слово «я» — отъ «здѣсь»; малайцы-же къ тому времени, когда ихъ языкъ создалъ спеціальныя мѣстоименія для обозначенія лица говорящаго и лица, къ которому обращаются, — должны были уже выработать настоящій церемоніаль вѣжливости. Въ Библии часто человѣкъ, обращаясь съ вѣжливой рѣчью къ другому лицу, называетъ себя его «слугой», да и мы нерѣдко пользуемся въ такихъ случаяхъ этимъ выраженіемъ; точно также и малаецъ образовалъ изъ слова «âmfa», слуга, наше «я», изъ слова «tuwan», господинъ, — наше «ты». Что различеніе лицъ въ грамматическомъ смыслѣ затруднительно для неразвитаго ума, — а потому можетъ явиться только на сравнительно поздней стадіи развитія языка, — въ этомъ мы всего легче можемъ убѣдиться на примѣръ дѣтей, которыя продѣлываютъ въ сокращенномъ видѣ весь ходъ развитія языка. За крикомъ, представляющимъ просто проявленіе жизнедѣятельности или выраженіе ощущенія, слѣдуетъ, конечно не безъ нашего руководства, установленіе извѣстнаго соотношенія между издаваемыми звуками и тѣми или другими предметами или лицами. Дѣйствія и предметы, находящіеся въ тѣсной взаимной связи, получаютъ при этомъ одинаковыя названія; такъ и теперь еще въ нѣмецкомъ языкѣ какъ дѣйствіе «ѣсть», такъ и предметъ его «ѣда» обозначаются однимъ словомъ «essen». Разъ какому нибудь лицу дано извѣстное на-

званіе, то оно остается за нимъ какъ въ томъ случаѣ, когда это лицо является говорящимъ, такъ и тогда, когда къ нему обращаются съ рѣчью. Точно также ребенокъ, знающій свое имя, примѣняетъ его къ себѣ во всевозможныхъ случаяхъ; онъ говоритъ напримѣръ: «*Коля*» даетъ «*Петь*», тамъ, гдѣ черезъ нѣсколько лѣтъ, подъ вліяніемъ нашего руководства, онъ скажетъ: «я даю *тебѣ*». Его уму трудно понять, какимъ образомъ тотъ-же самый Коля, какимъ онъ себя знаетъ, благодаря весьма искусной абстракціи, можетъ быть названъ то «я», то «ты», то наконецъ — «онъ». Какъ трудно было-бы ребенку понять, какимъ образомъ при разговорѣ на малайскомъ языкѣ онъ является «*служгой*» своего собесѣдника, когда обращается къ нему, и тотчасъ-же затѣмъ оказывается его «*господиномъ*»! Эту трудность, которую ребенокъ преодолеваетъ уже черезъ нѣсколько лѣтъ, благодаря нашей помощи, первобытные люди, лишенные всякаго руководства, не могли конечно побѣдить сразу, а потому мы должны предположить, что потребовался большой періодъ времени для окончательнаго развитія языка въ этомъ направленіи. А между тѣмъ люди могли разойтись въ разныя стороны на довольно большое другъ отъ друга разстояніе, и дальнѣйшее развитіе ихъ языковъ могло поэтому пойти совершенно самостоятельными путями.

Такимъ образомъ невозможно считать «грамматическія» части рѣчи за принадлежность первобытнаго языка; его возможный объемъ уменьшается съ каждымъ разомъ, когда мы хотимъ опредѣлить для него какія нибудь границы. Вѣроятнымъ содержаніемъ первобытнаго языка можно считать совокупность однихъ и тѣхъ-же словъ, служащихъ для обозначенія предметовъ, дѣйствій и качествъ, т. е. существительныхъ, глаголовъ и прилагательныхъ. Но и это небольшое содержаніе надо нѣсколько ограничить. Имена прилагательныя часто совѣмъ не отличались отъ существительныхъ — какъ напримѣръ китайское «*thwan*» значить и «шаръ», и «круглый» — или-же образовывались при помощи сравненія съ какимъ нибудь видимымъ предметомъ, такъ что только названіе этого предмета составляло въ то время самостоятельную часть рѣчи. Такъ, тасманіецъ сравнивалъ на своемъ языкѣ все твердое съ камнемъ, все круглое — съ луной. Древне-еврейскій языкъ даже подалъ нѣкоторымъ поводъ сдѣлать заключеніе, что древніе евреи не обладали вполне развитой способностью различать цвѣта, такъ какъ они для обозначенія одного и того-же цвѣта прибѣгали одинаково къ сравненію какъ съ зеленой травой, такъ и съ голубымъ небомъ. Въ дѣйствительности-же во всякомъ сравненіи всегда заключается уже различеніе и вообще на сравненіи основывается всякое опредѣленіе качества. Масса нѣмецкихъ прилагательныхъ несетъ еще на себѣ предательскую скорлупу, выдающую подобное происхожденіе. Окончаніе «*lich*», прежде «*lich*», принадлежащее многимъ нѣмецкимъ прилагательнымъ, происходитъ отъ слова «*gleich*» (сходный) — на средне-верхне-нѣмецкомъ нарѣччіи — «*gelich*»; въ этомъ-же послѣднемъ словѣ заключается существительное «*Lich*», которое значить «*Leib*» — тѣло. Слѣдовательно то, что теперь нѣмецъ называетъ коротко, однимъ словомъ «*herrlich*» (прекрасный), то древніе германцы въ состояніи были выразить только описательно, а именно, указывая, что данное лицо «тѣломъ», т. е. по внѣшнему виду, есть «господинокъ», т. е. «походить на господина» (*Heerr* — господинъ, *lich-gelich-gleich* — похожій).

Такимъ образомъ въ качествѣ основнаго матеріала первобытнаго языка остаются только одинаковыя для всѣхъ людей названія предметовъ и дѣйствій, и весь только вопросъ въ томъ, заключалось-ли, какъ это предполагаютъ нѣкоторые, въ самихъ предметахъ нѣчто, заставлявшее первобытныхъ людей обозначать ихъ именно тѣмъ,

а не другим звукомъ. Для одной группы словъ это повидимому дѣйствительно могло имѣть мѣсто. Такія дѣйствія, какъ жужжаніе, пискъ, получили сами отъ себя названіе, точно такъ-же, какъ наприм. птица «кукушка». Одно время думали, что можно первоначальную исторію языка свести къ естественнымъ звукамъ, такъ сказать, къ «звукописи». Хотя и несомнѣнно, что такимъ образомъ произошли, да и теперь еще происходятъ многія слова, однако этотъ способъ образованія именъ и названій можно конечно отнести лишь къ такимъ предметамъ или дѣйствіямъ, которыя связаны съ какимъ нибудь звуковымъ ощущеніемъ. Но самое воспріятіе и передача одного и того-же звука часто такъ различно происходитъ у разныхъ людей (какъ это легко можно было-бы показать на многихъ примѣрахъ), что подражаніе существующимъ въ природѣ звукамъ и шумамъ не могло явиться общимъ закономъ образованія языка.

Теперь спрашивается, какимъ-же образомъ человѣкъ создавалъ названія для остальныхъ, не вошедшихъ въ предыдущую группу, предметовъ и дѣйствій? На это исторія языка, если только мы будемъ надлежащимъ образомъ ставить вопросы, можетъ уже дать намъ многіе положительные отвѣты, а гдѣ это невозможно, то по крайней мѣрѣ нѣкоторыя указанія. Прежде всего мы должны признать, что человѣкъ на нисшей ступени своего развитія, когда забота о поддержаніи жизни, смѣнявшаяся только празднымъ отдыхомъ и сномъ, почти одна должна была наполнять всю его жизнь, могъ оставлять безъ названій безчисленное множество предметовъ, интересующихъ насъ теперь. Онъ не былъ естествоиспытателемъ, и ему незачѣмъ было бесѣдовать съ другими людьми обо всемъ томъ, что входило въ кругъ его наблюдений.

Первоначально языкъ служилъ ему только подспорьемъ при добываніи средствъ пропитанія, и въ своемъ развитіи онъ слѣдовалъ за прогрессомъ въ дѣлѣ поддержанія жизни. Такимъ образомъ у человѣка являлся поводъ обозначать посредствомъ звуковъ только то, что въ этомъ отношеніи доставляло ему радость или печаль, или-же то, чего онъ желалъ добиться отъ своихъ сотоварищей; издаваемые имъ при этомъ звуки становились названіями, если другіе люди замѣчали ихъ связь съ какими нибудь предметами или дѣйствіями и также начинали ихъ употреблять въ аналогичныхъ случаяхъ.

Но пользованіе подобнымъ языкомъ могло распространиться только на людей, находившихся въ постоянныхъ, непосредственныхъ сношеніяхъ другъ съ другомъ, на лицъ, жившихъ вмѣстѣ. Отчего-же, спрашивается теперь, зависѣлъ первоначальный выборъ звуковъ при составленіи названія какого-нибудь предмета? Такъ какъ звуки должны были издаваться всегда подъ вліяніемъ извѣстнаго возбужденія, то понятно, что и самый выборъ ихъ опредѣлялся характеромъ этого возбужденія, но это еще никакъ не можетъ служить естественнымъ основаніемъ для первоначальнаго единства языка. Голосовые органы каждаго человѣка обладаютъ столькими индивидуальными особенностями, что едва ли найдутся два человѣка, выражающіе совершенно одинаково ощущенія удовольствія, испуга и т. п.

Такимъ образомъ уже и для маленькой группы людей является возможность выбирать одинъ изъ различныхъ звуковъ, обозначающихъ одну и ту же вещь; это уже вторая стадія развитія языка. Какъ только среди хотя бы маленькой группы людей, напр. семьи, извѣстное восклицаніе стало обозначать уже не просто приятное или неприятное ощущеніе, но и опредѣленный предметъ, оно тѣмъ самымъ мало по малу сдѣлалось настоящимъ его названіемъ; такое превращеніе происходило обыкновенно—и здѣсь уже начинается настоящая исторія языка—благодаря вза-

имному соглашенію. Въ самихъ предметахъ не было ничего, что принуждало бы людей выбирать для нихъ именно то или другое названіе. Скорѣе могло оказывать вліяніе на этотъ выборъ положеніе говорящаго лица. Такъ напр., всѣ члены какойнибудь семьи вѣроятно употребляли для приказаній тѣ же звуки, что и глава семьи; то-же самое можно предположить и относительно названій животныхъ, за которыми охотились. Подобнымъ же вліяніемъ на выборъ названій для предметовъ домашняго обихода должна была пользоваться и мать; а такъ какъ ребенокъ натурально пріобрѣтаетъ впервые способность устанавливать связь между звуками и вещами въ домашнемъ кругу, то подобному заимствованному ребенкомъ нарѣчію съ полнымъ правомъ дали названіе «материнскаго языка» (Muttersprache).

Такимъ ходомъ усвоенія языка легко объясняется слѣдующій, бросающійся въ глаза, фактъ: тогда какъ названія большинства предметовъ весьма различны на разныхъ языкахъ, одни и тѣ же имена для матери и отца распространены почти по всей землѣ, какъ бы представляя послѣднее наслѣдіе, оставшееся отъ исчезнувшаго первобытнаго языка; но если внимательнѣе изслѣдовать это обстоятельство, то увидимъ, что оно объясняется иначе. Эти общепотребительныя названія, о которыхъ мы только что упомянули, представляютъ такія сочетанія звуковъ, какъ ма-ма, па-па, ба-ба, аа-ба, та-та, аа-та, па-па» и т. п. Очевидно, что эти названія придавались родителямъ и другимъ близкимъ людямъ («баба» значитъ на нѣкоторыхъ языкахъ «бабушка», а «рара» — старшая сестра) такъ-же, какъ это было раньше указано, но въ данномъ случаѣ лицомъ, вводившимъ ихъ въ употребленіе, оказывался ребенокъ; онъ конечно не имѣлъ въ виду позвать своимъ крикомъ родителей, а просто дѣлалъ первыя попытки издать какой-нибудь звукъ и при этомъ безсознательно давалъ имя тѣмъ лицамъ, которые могли отнести къ себѣ его крикъ, а такими лицами естественно являлись только непосредственно окружавшіе его. Что въ данномъ случаѣ, въ противоположность разнообразію всѣхъ другихъ названій, имена оказывались тождественными чуть не во всемъ свѣтѣ, объясняется очень просто неразвитостью голосовыхъ органовъ у дѣтей и напротивъ приспособленностью ихъ у взрослыхъ ко всевозможнымъ отгѣнкамъ. Дитя, начинающее открывать свои передъ тѣмъ сжатія губы, невольно издаетъ всегда именно эти звуки. Что и въ данномъ случаѣ отнесеніе этого небольшого количества звуковъ къ отдѣльнымъ лицамъ было дѣломъ окружающихъ ребенка, т. е. что и здѣсь существенную роль играло *взаимное соглашеніе*, это видно изъ того, что такое распредѣленіе названій происходило не повсюду одинаковымъ образомъ. Тогда какъ на большинствѣ языковъ легче произносимый звукъ «ма» относится къ матери, — встрѣчается также довольно часто и обратное явленіе, т. е. звукъ «па» обозначаетъ мать, а «ма» — отца. Такимъ образомъ моментомъ, окончательно устанавливающимъ значеніе различныхъ звуковъ на какомънибудь языкѣ, является всегда *выборъ, соглашеніе*.

Какую важную роль играетъ этотъ выборъ при дальнѣйшемъ ходѣ развитія языка, показали намъ С. Аebel на примѣрѣ древне-египетскаго языка, древнѣйшаго изъ извѣстныхъ намъ. Тотъ языкъ, первоначальное развитіе котораго мы только что старались выяснить, могъ быть не болѣе, какъ только *семейнымъ языкомъ*. Только лица, находившіяся въ непосредственномъ общеніи другъ съ другомъ, могли прійти къ соглашенію относительно выбора названій для различныхъ предметовъ, и конечно этотъ выборъ состоялся не путемъ договора, а былъ обусловленъ простою практикой жизни. Но мы знаемъ, что такія древнія семьи, особенно достигнувъ послѣдней стадіи кочевничества, должны были сильно разрастаться и даже пре-

вращаться въ племена и народцы. Двѣ отдѣльно живущія семьи не могутъ долго пользоваться однимъ и тѣмъ же языкомъ, даже въ томъ случаѣ, если онѣ происходятъ отъ одной и той же болѣе древней семьи. Въ самыхъ общихъ чертахъ между ихъ языками конечно будетъ еще извѣстное сходство, но оно будетъ уже прости- раться только на немногіе предметы, такъ какъ языкъ и вообще жизнь древнѣй- шаго времени мы должны представлять себѣ чрезвычайно бѣдными. Но чѣмъ бо- лѣе развивалась жизнь, и первобытная бѣдность уступала мѣсто богатству, тѣмъ болѣе должны были удалиться другъ отъ друга при своемъ развитіи семейные языки, хотя бы и сохраняя кое что изъ своего общаго наслѣдія.

Но намъ уже извѣстно теперь, какимъ образомъ изъ такихъ семей образова- лись народы и государства. Это происходитъ обыкновенно однимъ изъ слѣдующихъ двухъ способовъ: или двѣ семьи заключали союзъ мира, какъ это имѣло мѣсто напр. для маленькихъ государствъ Готланда и Исландіи,—или же одна семья поко- ряла другую и подчиняла ее власти своего главы; этимъ путемъ шло преимуще- ственно образованіе азіатскихъ государствъ въ древности и русскаго—въ средніе вѣка.

Въ Египтѣ можетъ быть имѣло мѣсто послѣдовательно какъ то, такъ и другое. Вѣроятно древніе семьи-роды, жившіе отдѣльными волостями по сосѣдству другъ съ другомъ, еще въ самой глубокой древности заключали союзы; въ началѣ же историческаго періода мы находимъ ихъ всѣхъ подчиненными патріархальной власти одного изъ волостныхъ начальниковъ.

Въ первомъ случаѣ вмѣсто прежней вражды и насиія между сосѣдними семьями развились мирныя сношенія, происходившія всегда на одномъ и томъ же мѣстѣ. Во второмъ случаѣ по странѣ распространилось множество органовъ представи- тельной власти; но въ обоихъ случаяхъ неизбѣжно являлись взаимное воздѣйствіе различныхъ языковъ и новый выборъ словъ изъ ихъ значительно возросшаго бо- гатства.

Всѣ эти измѣненія всего полнѣе отражаются въ древнѣйшихъ формахъ египет- скаго языка—никакой другой языкъ не позволяетъ намъ прослѣдить болѣе древнія стадіи его развитія. До насъ дошелъ египетскій языкъ лишь въ томъ видѣ, кото- рый онъ получилъ послѣ соединенія семей въ одно цѣлое, и онъ представляетъ въ этотъ періодъ удивительное соединеніе богатства и бѣдности. Можно было бы егип- тянъ, этихъ отличныхъ хозяевъ, упрекнуть въ большой неразсчетливости, что ка- сается ихъ языка, если не обратить должнаго вниманія на исторію его происхож- денія; но ея очень легко объясняются всѣ особенности этого языка. Языкъ этотъ кажется такимъ бѣднымъ, что чуть не каждое слово обозначаетъ на немъ по нѣ- сколько самыхъ разнородныхъ предметовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ такимъ богатымъ, что чуть ли не для каждаго предмета существуетъ цѣлый рядъ различныхъ на- званій. Мы приведемъ въ поясненіе только одинъ слѣдующій примѣръ, взятый нами у Абеля: слово «*ab*» имѣетъ слѣдующія значенія: танцовать, сердце, теленокъ, стѣна, уходить, требовать, лѣвая рука и фигура. Напротивъ, для перевода выраже- нія «*помазывать*», мы могли бы предложить десять различныхъ словъ, а для обо- значенія нѣкоторыхъ другихъ предметовъ и дѣйствій даже гораздо больше. Вмѣстѣ съ тѣмъ для каждаго изъ русскихъ словъ, соответствующихъ египетскому «*ab*», существуетъ еще по нѣскольку другихъ египетскихъ словъ, а каждый изъ десяти переводовъ, возможныхъ для передачи выраженія «*помазывать*»,—имѣетъ въ то же время цѣлый рядъ другихъ значеній.

Дѣло не станетъ для насъ яснѣе, если мы скажемъ, что египетскій языкъ от-

личается замѣчательнымъ богатствомъ «синонимовъ» и «омонимовъ». Но мы пойдемъ ближе къ цѣли, если дополнимъ эту характеристику слѣдующимъ примѣчаніемъ: «не всѣ египетскія слова употреблялись во всѣхъ своихъ значеніяхъ одновременно и повсемѣстно, не вездѣ для обозначенія одного и того же предмета существовала такая разнообразная номенклатура». Стало быть, въ данномъ случаѣ мы на вполнѣ исторической почвѣ сталкиваемся съ процессомъ образования языка цѣлаго народа изъ языковъ отдѣльныхъ древнихъ семей (родовъ).

До начала этого процесса каждая семья въ выборѣ названій для предметовъ шла своимъ совершенно самостоятельнымъ путемъ, и связь между ихъ языками существовала лишь въ самыхъ общихъ чертахъ. Но съ теченіемъ времени, какъ мы уже видѣли, эти отдѣльныя семьи вступаютъ между собой въ болѣе тѣсное общеніе, онѣ заключаютъ союзы, сходятся для отправленія суда. Онѣ приносятъ съ собою самостоятельно выработанные запасы словъ и какъ бы ими обмѣниваются; потомъ такой обмѣнъ совершается все въ большихъ размѣрахъ. Такимъ то образомъ и возникъ удивительный, на нашъ взглядъ, языкъ, на которомъ для каждаго предмета было по нѣсколько названій, и каждое слово имѣло по нѣсколько значеній, хотя на практикѣ вѣроятно никто не могъ овладѣть всѣмъ этимъ сложнымъ и запутаннымъ арсеналомъ словъ.

Но, не смотря на всѣ эти ограниченія, при нашемъ современномъ понятіи о языкѣ, мы, по справедливости, не можемъ не удивляться, какъ люди могли понимать другъ друга, разговаривая на такомъ языкѣ, какъ древне-египетскій! Стараясь уяснить себѣ это непонятное для насъ явленіе, мы приходимъ къ убѣжденію, что языкъ человѣческой даже въ то время, когда люди стали уже *письменно* излагать свои мысли, отличался еще большими несовершенствами. Читающій египетское письмо не сомнѣвался въ произнесеніи прочитаннаго имъ слова; но этого было недостаточно, чтобы понять прочитанное, въ виду того, что каждый звукъ имѣетъ нѣсколько значеній. Поэтому рядомъ съ письменнымъ изображеніемъ звуковъ помѣщали еще рисунокъ, который показывалъ читателю, къ какой группѣ понятій относится тотъ предметъ, который имѣлъ въ виду писавшій. Такъ напримѣръ, если за словомъ «*аб*» слѣдовало изображеніе животнаго, то для читающаго не было сомнѣнія въ томъ, что это слово значило тогда «теленокъ». Конечно, если при письмѣ прибѣгали къ такому вспомогательному средству, то и въ разговорѣ подобный-же приемъ былъ необходимъ, и вѣроятно на самомъ дѣлѣ примѣнялся.

Очень часто занятіе или вообще положеніе говорящаго могло служить въ устной рѣчи тѣмъ-же вспомогательнымъ средствомъ пониманія, какъ и только что упомянутые «объяснительные рисунки»—въ письменной. Если пастухъ приносилъ какое нибудь извѣстіе своему господину, то послѣдній зналъ, въ какомъ кругѣ понятій онъ можетъ найти тѣ предметы, о которыхъ ему говорятъ. Кромѣ того въ то время *жесты* и *тонъ* представляли еще существенную часть языка. Еще и теперь мы судимъ о степени умственного развитія человѣка по тому, на сколько онъ принужденъ употреблять при разговорѣ жесты, поясняющіе его рѣчь. Но и въ самомъ образованномъ человѣкѣ сохранился еще остатокъ этой унаслѣдованной привычки. Врядъ-ли напр. кто-нибудь, описывая, какой страхъ онъ почувствовалъ, увидѣвъ змѣю въ метрѣ длиною, обойдется безъ того, чтобы представить наглядно эту величину, хотя она безъ сомнѣнія достаточно извѣстна всякому. Этотъ языкъ жестовъ, выработанный теперь для обученія глухо-нѣмыхъ въ цѣлую систему, долженъ былъ играть еще весьма значительную роль въ разговорѣ древнихъ египтянъ. Жестикulyция и языкъ очевидно развивались въ взаимно-противоположныхъ направленіяхъ.

Нѣкогда издаваемый человѣкомъ звукъ соотвѣтствовалъ какъ-бы тому сигналу, который даетъ телеграфистъ, чтобы предупредить объ отправленіи депеши; то, что человѣкъ желалъ сообщить, онъ выражалъ тогда жестами. Но мало по малу, благодаря постоянно увеличивавшемуся запасу названій, смыслъ сообщаемого стали выражать словами, и жесты превратились въ простые объяснительные знаки. Наконецъ образованный человѣкъ сталъ стремиться выражать свои мысли одними словами; но эта задача подъ силу только высоко развитому языку.

Въ вышеупомянутой категоріи объяснительныхъ знаковъ относится и *тонъ* произносимыхъ словъ, который прежде игралъ болѣе видную роль въ качествѣ способа выраженія волнующихъ человѣка чувствъ. Дикарь можетъ произнести оскорбительное выраженіе только сердитымъ тономъ; у цивилизованныхъ людей считается признакомъ хорошаго тона умѣнье наносить оскорбленіе въ вѣжливыхъ выраженіяхъ. Въ подобныхъ-же вспомогательныхъ средствахъ нуждались также и древнѣйшіе языки Восточной Азіи. На китайскомъ и сіамскомъ языкахъ одно и то-же слово также имѣетъ нѣсколько, иногда очень разнообразныхъ, значеній. Но говорящіе на нихъ умѣютъ до того разнообразить интонацію своей рѣчи, что не трудно опредѣлить, какое въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ нужно придать значеніе одному и тому-же звуку. Врядъ-ли такое богатство языка омонимами можно исключительно объяснять односложностью словъ. На тибетскомъ языкѣ есть необычайно длинные слова, и однако въ письменномъ ихъ начертаніи мы встрѣчаемся съ тѣмъ-же явленіемъ. На этомъ языкѣ передъ извѣстными словами ставится цѣлый рядъ буквъ, которыя совершенно не могутъ быть произнесены, только для того, чтобы такимъ образомъ различать омонимы.

Итакъ мы видимъ, что развитіе языковъ сѣверной вѣтви желтой расы, не вступая ни на какіе новые пути и располагая только тѣми средствами, которыя были у нихъ въ распоряженіи съ самаго начала, пошло по тому-же направленію, какъ и языкъ стоявшаго совершенно особнякомъ египетскаго народа. Но языкъ, сдѣлавшійся достояніемъ цѣлаго народа, уже не могъ сохранить такого безграничнаго разнообразія въ названіяхъ однихъ и тѣхъ-же предметовъ и различія въ значеніи словъ. Прежде всего должно было уменьшиться число словъ для обозначенія такихъ предметовъ, о которыхъ особенно часто приходится говорить при веденіи общественныхъ дѣлъ. Если одно племя подчиняетъ себѣ другія, то всѣ семы покоренныхъ племенъ начинаютъ называть *общаго короля* не каждое по своему, а такъ, какъ его называетъ его собственное племя. Такой-же выборъ постепенно производится и между другими однозначущими словами, наибольшее участіе въ этомъ конечно принимаютъ тѣ, которые больше другихъ занимаются общественными дѣлами. Этотъ процессъ происходитъ уже въ эпоху появленія первыхъ древне-египетскихъ письменъ. Нѣкоторыя слова уже болѣе не омонимы и даже не всегда имѣютъ себѣ синонимъ. Такія слова образуются сначала лишь на почвѣ немногихъ общихъ интересовъ всѣхъ семей, но затѣмъ кругъ ихъ все болѣе и болѣе распространяется. Первоначально по взаимному соглашенію изъ многочисленныхъ обозначеній какого нибудь предмета выбирается одно для преимущественнаго пользованія имъ, но затѣмъ мало по малу оно становится исключительнымъ.

Но такое соглашеніе, какъ мы видѣли, не имѣло мѣста съ самаго начала, поэтому оно должно было установиться путемъ постояннаго подбора.

Этотъ процессъ никогда не прекращался. Языкъ письменъ, предназначенныхъ для священнѣйшихъ цѣлей, оставался конечно вѣрнымъ старинѣ, но языкъ народа былъ подвиженъ. Конечный пунктъ, къ которому должно придти такое развитіе, предста-

вляеть коптскій языкъ — народное нарѣчіе египтянъ позднѣйшаго времени. На этомъ языкѣ выборъ между синонимами и омонимами втеченіи трехъ тысячелѣтій былъ проведенъ такъ далеко, что слова на немъ распредѣляются по предметамъ приблизительно такъ-же, какъ и на нашемъ языкѣ, и тамъ, гдѣ на этомъ языкѣ одно слово соотвѣтствуетъ еще нѣсколькимъ (но теперь уже только близкимъ по смыслу) понятіямъ, тамъ старый корень слова пустилъ, такъ сказать, побочные побѣги, по которымъ уже легко можно узнать во всѣхъ случаяхъ его значеніе, подобно тому, какъ напр. на нѣмецкомъ языкѣ слова: Grab, Grube, Gruft — соотвѣтствуютъ въ общемъ одному и тому-же понятію, но все-же немного отличаются какъ по значенію, такъ и по формѣ. При такой степени развитія языка должны отступить на задній планъ какъ жесты, такъ и интонація, если только ея оттѣнки не сохранились въ звуковыхъ измѣненіяхъ.

Этотъ процессъ развитія языка стоитъ такимъ образомъ въ тѣсной связи съ общественнымъ строемъ и находится отъ него въ зависимости. Языкъ, достигшій апогея своего развитія, можно сравнить съ высокимъ лѣсомъ, верхушки деревьевъ котораго образуютъ прекрасный сплошной сводъ. При идеальномъ распредѣленіи деревьевъ, каждое изъ нихъ должно давать тѣнь своему клочку земли, и вѣтвь должна приходиться къ вѣтви. Но такое образцовое состояніе лѣса достигается только благодаря его постоянной прочисткѣ. Въ первобытномъ лѣсу почва сплошь покрыта густымъ, низкимъ кустарникомъ, — такъ и языкъ первоначально представляетъ собой лѣсъ, гдѣ каждый человекъ или каждая семья по своему умотрѣнію выбирала слова, какія считала для себя пригодными. Затѣмъ является лѣсничій, приводящій въ порядокъ лѣсъ; — у людей различныхъ группъ является необходимость понимать другъ друга, когда между ними завязываются мирныя сношенія. Лѣсничій отмѣчаетъ, среди беспорядочныхъ зарослей, тѣ деревья, которыя подають надежду сдѣлаться хорошими и прямыми деревьями. Остальные онъ вырубаетъ. Благодаря этому, оставшіяся деревья имѣютъ больше простора и воздуха для своего роста и своей густою тѣнью не даютъ развиваться вновь вырастающему подъ ними кустарнику. Но и оставленные деревья растутъ еще не достаточно ровно и слишкомъ густо. Лѣсничій долженъ постоянно осматривать лѣсъ и доставлять большій просторъ лучшимъ деревьямъ, вырубая болѣе слабыя; такъ получается тотъ прекрасный сводъ листы, который мы видимъ въ образцовомъ лѣсу. Такимъ-же образомъ общеніе между людьми сыграло роль лѣсничаго и произвело расчистку среди беспорядочной заросли и многочисленныхъ корней древняго языка. Тогда болѣе живучіе корни своими развѣтвленіями заняли всю область языка, какъ будто слѣдуя въ своемъ распредѣленіи извѣстному хозяйственному плану.

Такъ шло развитіе языка. Къ этому заключенію приводитъ насъ исторія египетскаго языка. Что мы имѣемъ право сдѣлать такое общее заключеніе, подтверждаютъ еще многіе факты. Какъ на одинъ изъ болѣе яркихъ, мы укажемъ на нынѣшнее распространеніе различныхъ языковъ. Въ этомъ отношеніи теперь можно раздѣлить всѣ языки на двѣ главныя группы. Среди однихъ народовъ и племенъ каждый языкъ пользуется весьма обширнымъ распространеніемъ; такъ, въ Европѣ можно иногда обойтись знаніемъ одного нѣмецкаго языка, путешествуя впродолженіи 50 дней; среди другихъ народовъ, хотя и принадлежащихъ къ одной и той-же расѣ, всю область распространения какаго нибудь языка возможно часто объѣхать всего въ одинъ день. Языки первой группы народовъ — болѣе или менѣе законченные и установившіеся; языки второй группы еще подвижны и измѣнчивы. И вотъ оказывается, что границы этихъ двухъ группъ языковъ — т. е. границы, раздѣляю-

ція европейцевъ и азіатовъ отъ индѣйцевъ,—совершенно совпадаютъ съ границами распространенія извѣстныхъ формъ общественности; это является убѣдительнымъ доказательствомъ того, уже указанного нами на одномъ примѣрѣ, явленія, что между языкомъ и общественной организаціей народа существуетъ тѣсная связь. На азіатско-европейскомъ материкѣ больше не существуетъ лишенныхъ всякой организаціи группъ людей, поэтому нѣтъ также и вновь возникающихъ или уничтожающихся семейныхъ языковъ; въ Америкѣ-же ко времени пришествія европейцевъ имѣло мѣсто то и другое, и опять таки въ зависимости отъ степени развитія организаціи.

Говоря словами Пешеля, «замѣчательное разнообразіе нарѣчій въ Америкѣ зависитъ вполне отъ непостоянства образа жизни кочующихъ охотничьихъ племенъ. Наоборотъ, въ упорядоченныхъ обществахъ господствующій языкъ могъ имѣть очень широкое распространеніе; напр. въ Перу языкъ «кечуа» занималъ область болѣе, чѣмъ въ двадцать градусовъ широты». А въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ этимъ древнимъ индѣйскимъ государствомъ—въ Бразиліи и Гвіанѣ—существуетъ самое беспорядочное смѣшеніе языковъ, изъ которыхъ каждый понятенъ только одному маленькому племени. То обстоятельство, что при приближеніи къ берегу океана одинъ какой нибудь языкъ начинаетъ понимать нѣсколько племенъ, должно объяснить отчасти вліяніемъ миссіонеровъ.

Такіе неразвитые языки всегда бываютъ чрезвычайно подвижны, измѣнчивы. Пешель указываетъ на примѣръ дѣтей, которые сами создаютъ удобныя для нихъ сочетанія звуковъ для обозначенія нѣкоторыхъ предметовъ; такія названія иногда усваиваетъ изъ снисходительности къ ребенку и вся семья. То-же самое имѣетъ мѣсто и у небольшихъ племенъ. «Дѣтская шалость превращается въ привычку у бразильскихъ охотниковъ, у которыхъ не только племена, прежде имѣвшія общій языкъ, перестаютъ понимать другъ друга, благодаря быстрому развитію ихъ нарѣчій,—но даже каждый отдѣльный человѣкъ изъ упрямства придерживается своего особаго произношенія». Такой измѣнчивости языка значительно способствуетъ религиозный страхъ произнести громко имя недавно умершаго человѣка. Боясь при этомъ опасности вызвать духъ покойника. Если въ подобномъ случаѣ звуки названія умершаго встрѣчаются въ какихъ нибудь другихъ словахъ языка семьи, то эти слова должны быть изъяты изъ употребленія и временно замѣнены новыми. Если при этомъ область распространенія языка велика, то слова, вышедшія изъ употребленія въ одной семьѣ, продолжаютъ употребляться другими семьями, не состоявшими въ родственныхъ отношеніяхъ съ покойникомъ, а отъ нихъ эти слова черезъ нѣсколько времени снова переходятъ въ семью умершаго. Но если языкъ принадлежитъ только одной семьѣ, то прежнія слова окончательно забываются и на мѣсто ихъ являются новыя. «Ро» значило прежде на языкѣ тайтянъ «ночь»; но съ тѣхъ поръ, какъ умеръ царь Помарэ, это слово совершенно исчезло изъ ихъ языка. Подъ такимъ-же вліяніемъ находятся въ настоящее время языки папуасовъ въ Новой Гвинее, австралійцевъ, тасманійцевъ, племени Мазаи и зулусовъ (въ Восточной Африкѣ), огнеземельцевъ, абиноновъ и многихъ другихъ. У послѣдняго изъ названныхъ народцевъ изобрѣтеніе новыхъ словъ предоставлялось остроумію женщинъ.

Итакъ, чѣмъ легче весь кругъ лицъ, пользующихся даннымъ языкомъ, можетъ согласиться употреблять какое-нибудь сочетаніе звуковъ въ извѣстномъ значеніи, тѣмъ болѣе плавнымъ и измѣнчивымъ дѣлается языкъ. Это обстоятельство почти совершенно уничтожаетъ возможность существованія первобытнаго языка, изъ котораго послѣдующія поколѣнія могли-бы черпать матеріалъ при дальнѣйшемъ раз-

витіи нарѣчій, а если такой первобытный языкъ и существовалъ, то онъ могъ оставить для потомства только такое незначительное и непрочное наслѣдіе, что мы не должны удивляться, если лингвисты не могутъ нигдѣ открыть его слѣдовъ. Едва-ли также можетъ быть оспариваемо положеніе, что развитіе языковъ шло независимо отъ образованія и расселенія расъ. Американская раса меньше другихъ даетъ поводъ сомнѣваться въ ея единствѣ, и заселеніе ею американскаго континента, судя по всѣмъ признакамъ, должно было произойти уже въ то время, когда ея расовыя особенности уже были выработаны; тѣмъ не менѣе языки племенъ, принадлежащихъ къ этой расѣ, далеко не отличаются единствомъ характера; многіе изъ нихъ находятся еще въ подвижномъ состояніи и какъ-бы только начинаютъ возникать. Этимъ самымъ объясняется то явленіе, что темной и свѣтлой вѣтви бѣлой расы, не смотря на несомнѣнную родственность ихъ происхожденія, присущи двѣ совершенно различныя группы языковъ: арійская и семитическая; возможно даже, что границы области распространенія этихъ языковъ и не совпадали съ границами расоваго подраздѣленія.

Греки вѣроятно ближе стоятъ къ семитамъ, чѣмъ къ бѣлокурамъ германцамъ, но по языку они ближе къ послѣднимъ, чѣмъ къ первымъ. Языкъ всегда опредѣляется неизвѣстной намъ въ большинствѣ случаевъ первобытною исторіей народа, а не его первоначальными расовыми признаками. Предки тѣхъ, которые съ древнѣйшихъ временъ были связаны общностью языка, должны были уже тогда стоять въ какихъ-либо *общественныхъ* отношеніяхъ другъ къ другу; но вовсе нѣтъ необходимости представлять себѣ эти отношенія въ видѣ общаго правительства: это было простое мирное общеніе, основанное на взаимномъ договорѣ.

Если-бы коренное населеніе Центральной Азіи было еще охотничьимъ въ то время, когда отъ него отдѣлялись племена арійцевъ, иранцевъ, кельтовъ и др., то языки этихъ племенъ не могли-бы содержать тѣхъ многочисленныхъ остатковъ общаго для нихъ первоначальнаго языка, какъ это мы видимъ на самомъ дѣлѣ. Наоборотъ, между семитами и названными родственными имъ племенами не существовало уже въ то время подобнаго общенія; семиты отдѣлялись отъ нихъ вѣроятно въ то время, когда бѣлая раса жила еще отдѣльными семьями, какъ мы это видимъ и теперь у нѣкоторыхъ индійскихъ племенъ.

Сдѣланное выше сравненіе первоначальнаго развитія языка съ расчисткой лѣса можетъ быть проведено и далѣе, такъ какъ на самомъ дѣлѣ это, пожалуй, болѣе, чѣмъ сравненіе. Всякій знаетъ, какая роскошная флора покрываетъ лѣсной участокъ въ первые годы его культуры. Но чѣмъ больше вырастаютъ предназначенныя для произрастанія деревья, тѣмъ скорѣе уничтожается остальная растительность, покуда наконецъ вѣтви деревьевъ не сомкнутся въ такой густой сводъ, что онъ не будетъ болѣе позволять развиваться появляющейся подъ нимъ растительности. Тогда дальнѣйшій ростъ лѣса обуславливается только ростомъ новыхъ вѣтвей на оставленныхъ деревьяхъ. Точно также и при первоначальномъ развитіи языка каждому новому явленію придавалось новое названіе, причемъ въ крайнемъ случаѣ прибѣгали къ употребленію омонима, но измѣняли при этомъ удареніе и сопровождали это слово особенными жестами. Но по мѣрѣ того какъ языкъ, благодаря взаимному соглашенію говорящихъ на немъ, становится болѣе устойчивымъ, — прекращается постепенно и это создаваніе новыхъ словъ. Теперь становится необходимымъ каждому новому названію предмета дать какъ-бы патентъ, ручающійся за то, что оно понятно и самымъ отдаленнымъ членамъ народа; для этого новое названіе надо поставить въ связь съ какимъ-нибудь уже существующимъ словомъ. Это необходимо,

потому что теперь языкомъ пользуется уже очень обширный кругъ, а не маленькая кучка людей, находящихся въ ежедневныхъ сношеніяхъ другъ съ другомъ. Поэтому на этой ступени появляется *производство* однихъ словъ отъ другихъ, и процессъ образованія новыхъ словъ становится чрезвычайно причудливымъ. На языкѣ, пользующемся широкимъ распространеніемъ, введеніе новыхъ словъ, для обозначенія новыхъ понятій, облегчается тѣмъ, что подобныя слова приводятъ въ связь съ другими, уже существующими и родственными имъ по смыслу; при этомъ, такъ сказать, самый остовъ слова сохраняется и подвергается лишь небольшому измѣненію; его форма или-же новое слово образуется изъ старыхъ, срастающихся въ одно цѣлое. Примѣромъ послѣдняго способа можетъ служить уже приведенное выше слово «*hegglieh*» изъ «*Hegg*» и «*gleich*» и тому подобны производныя слова, которыя собственно слѣдуетъ считать сложными. Слова «*Grab*» и «*Grube*», также уже упомянутыя нами, могутъ служить примѣромъ перваго изъ указанныхъ способовъ. Приведемъ еще слова «*Berg*» и «*Burg*», «*Hecke*» и «*Nag*».

Но подобное установленіе связи между новыми и старыми словами вовсе не слѣдуетъ даже въ одномъ и томъ-же языкѣ какому либо опредѣленному и неизмѣнному закону. Мы встрѣчаемся здѣсь при развитіи языка съ тѣмъ-же явленіемъ, которое мы уже имѣли случай наблюдать при изученіи позднѣйшихъ видовъ украшеній и оружія: новый матеріалъ вытѣсняетъ старый, сохраняя за собой его форму. Такъ, нѣмецкое слово «*Klinge*» обозначаетъ еще теперь и *утопь*, и *клинокъ*. Можно предположить, что первое значеніе этого слова перешло во второе, когда человѣкъ сталъ употреблять каменное оружіе. Тайлоръ приводитъ изъ недавнихъ временъ нѣсколько примѣровъ того, какъ проявляется жизнь языка, когда въ кругъ опыта людей, говорящихъ на немъ, вторгаются новыя понятія. Гидатосы, живущіе по Миссури, еще недавно не знали никакого другого матеріала для оружія, кромѣ камня. Когда они познакомились съ желѣзомъ и мѣдью, то и то, и другое они сочли конечно также за камень, а для отличія назвали ихъ «камень черный» и «камень красный». На бѣдномъ фауной островѣ Таити главнымъ животнымъ была свинья; сѣкусы и другіе индѣйцы знали изъ домашнихъ животныхъ только собаку. Когда-же европейцы ввели у нихъ лошадей, то таитяне назвали ее свиньей, а сѣкусы — собакой, прибавивъ къ этимъ названіямъ для поясненія отличительныя признаки лошади.

Одновременно съ подобнымъ производствомъ словъ мы можемъ наблюдать процессъ образованія названій для *отвлеченныхъ* понятій, наприм. родовыхъ. Первобытный языкъ вообще не знаетъ словъ для обозначенія отвлеченныхъ понятій, они появляются только на позднѣйшихъ стадіяхъ развитія языка. Австралійцы обозначаютъ особыми названіями каждый извѣстный имъ видъ деревьевъ, рыбъ или птицъ, но такихъ словъ, какъ «дерево», «рыба», «птица», на ихъ языкѣ не существуетъ. Индѣйцы различаютъ на своемъ языкѣ бѣлый, красный и черный дубъ, но слова, соотвѣтствующаго понятію «дубъ», на ихъ языкѣ нѣтъ.

Если-бы познанія жителя острова Таити о четвероногихъ еще болѣе расширились и онъ, слѣдуя при этомъ указанному выше способу образованія для нихъ названій при помощи отвлеченія, составилъ-бы себѣ понятіе о «четвероногомъ домашнемъ животномъ», то не было-бы вовсе удивительнымъ, если-бы онъ выбралъ для этого слово «свинья». И дѣйствительно, такимъ образомъ часто соотношенія между словами и понятіями измѣняются какъ-бы скачками.

Такіе-же скачки мы видимъ при переходѣ отъ конкретнаго къ абстрактному въ области словъ, обозначающихъ дѣйствія. У гуруновъ не было прежде выраженія, соотвѣтствующаго глаголу «ѣсть», и они выражали это дѣйствіе различно, смотря

по тому, что именно они были. Мы теперь и не замечаем, что такие понятия, как «дѣлать», «творить» — совершенно отвлеченны, и мы совершенно не знаем, откуда взяты въ *нашемъ* языкѣ слова, обозначающія эти понятия; но по всемъ вѣроятіямъ эти слова прежде обозначали какіе нибудь вполне конкретные роды дѣятельности. Такъ, на южно-африканскихъ языкахъ *Банту* слово «ткать» послужило для обозначенія понятія «дѣлать», слово «*bağa*», которое употребляетъ Библія, говоря о сотвореніи неба и земли, значитъ собственно «рѣзать» или «рубить».

Итакъ, если первобытный языкъ являлся для насъ чѣмъ-то, по своей природѣ, совершенно неуловимымъ, то подобнымъ-же образомъ должно быть весьма ограничено наше довѣріе къ искусству *этимологическаго производства словъ*. На извѣстной глубинѣ, если можно такъ выразиться, тѣ общія предпосылки, которыми руководствуется этимологія, становятся уже непримѣнимыми, тамъ, дальше области простыхъ корней языка, не идутъ права этимологіи. Для выбора на египетскомъ языкѣ 37 различныхъ словъ, соотвѣтствующихъ понятію «рѣзать», не можетъ быть приведено никакого другого основанія, кромѣ того, что всякій звукъ можетъ послужить для обозначенія всякаго понятія. Если-же коптскій языкъ сохранилъ изъ этихъ 37 словъ только десять и придалъ смыслу каждаго изъ нихъ особый оттѣнокъ, то это могло произойти только благодаря описанному нами процессу выбора, частности котораго совершенно недоступны изслѣдованію.

Языки и племена.

Въ настоящей главѣ мы намѣрены познакомить читателя съ отличительными признаками тѣхъ семей языковъ, отрасли которыхъ достигли извѣстной внутренней устойчивости и значительнаго распространенія. Мы уже видѣли, что чѣмъ болѣе расширяется область распространенія какого-нибудь языка, тѣмъ скорѣе уничтожается все то, что въ немъ было неопредѣленнаго или непостояннаго. Языкомъ не могло-бы пользоваться большое общество людей, притомъ нерѣдко живущихъ очень далеко другъ отъ друга, если-бы онъ каждый день измѣнялся, и каждая отдѣльная семья самостоятельно вводила-бы новыя слова, какъ это имѣетъ мѣсто напримѣръ у лишенныхъ почти всякой организаціи охотничьихъ племенъ. Прекращеніе подобнаго непостоянства языка мы назовемъ переходомъ его въ устойчивое состояніе (фиксировкой). Притомъ мы знаемъ, что такое упроченіе языка не могло наступить до тѣхъ поръ, покуда не произошло какъ-бы смѣшеніе многихъ семейныхъ языковъ, такъ какъ для одной семьи не было-бы и мотивовъ добиваться устойчивости языка.

Если мы будемъ имѣть въ виду все это, то мы поймемъ, какое рѣшающее значеніе для будущности языка долженъ былъ имѣть моментъ наступленія для него устойчиваго состоянія. Если онъ наступалъ рано, то рано-же долженъ былъ прекращаться для языка и періодъ свободнаго развитія; если-же напротивъ семейные языки долго сохраняли возможность самостоятельнаго развитія, то и разнообразіе того матеріала словъ, которымъ начинали обмѣниваться и пользоваться сообща вступившія въ сношенія семьи, должно было быть гораздо больше, чѣмъ въ первомъ случаѣ.

Появленіе новыхъ выраженій, напримѣръ для различенія предмета отъ дѣйствія или качества, или различенія дѣйствія настоящаго отъ прошедшаго посредствомъ прибавки новаго звука къ корню, или-же замѣны въ немъ одного звука другимъ — все это можно разсматривать только какъ изобрѣтенія отдѣльныхъ семей: невоз-

можно предположить, чтобы среди большого народа всёми или многим сразу могло прийти на ум для обозначения времени дѣйствія измѣнять извѣстнымъ образомъ коренную гласную соотвѣтствующаго ему слова; напр. для слова «graben» выражать прошедшее время болѣе глухимъ звукомъ «и», а настоящее время или повелѣніе—болѣе звучнымъ «а»; гораздо вѣроятнѣе, что подобное обозначеніе вошло въ обычай только въ какой нибудь одной семьѣ, а впослѣдствіи, на той стадіи развитія языка, которую мы уподобили расчисткѣ лѣса, этотъ обычай сохранился и получилъ всеобщее распространеніе, благодаря своей несомнѣнной выгоде. Но такія изобрѣтенія могли дѣлаться тѣмъ чаще, чѣмъ позже наступалъ періодъ устойчиваго состоянія языка. Подобнымъ-же образомъ при взглядѣ на молодой газонъ кажется, что онъ состоитъ изъ совершенно одинаковыхъ травинкокъ; такая ровная и гладкая поверхность получается оттого, что дернъ стали рано подрѣзывать, если-же дать ему расти свободно втеченіи долгаго времени, то онъ покроется множествомъ пестрыхъ цвѣтотъ и разнообразныхъ травъ.

Изъ всѣхъ сохранившихся до нашего времени языковъ китайскій оказывается первымъ, для котораго наступило въ широкихъ размѣрахъ устойчивое состояніе, и это не находится въ противорѣчіи съ исторической вѣроятностью. При переходѣ въ устойчивое состояніе этотъ языкъ не могъ воспользоваться изъ наслѣдія семейныхъ языковъ ничѣмъ, кромѣ простыхъ, обыкновенно односложныхъ словъ, для обозначенія предметовъ и дѣйствій; у него не было средствъ ни для различенія этихъ двухъ главныхъ группъ понятій, ни для выраженія отношеній между частями рѣчи, ни для ограниченія или измѣненія смысла словъ посредствомъ измѣненія звуковъ; не было даже словъ, обозначающихъ болѣе отвлеченныя понятія, вродѣ родовыхъ и тому под.

Кромѣ простыхъ коренныхъ словъ, изъ которыхъ каждое имѣло много значеній, китайскій языкъ не обладалъ никакими другими средствами, исключая измѣненія интонаціи и разнообразія въ разстановкѣ словъ. И, не смотря на такія скудныя средства, китайцы добились поразительныхъ результатовъ. Впрочемъ нужно замѣтить, что изолированность этого языка далеко не такъ велика, какъ это можетъ показаться съ перваго взгляда. Если только мы себѣ вообще правильно представляемъ переходъ языка въ устойчивое состояніе, то насъ нисколько не должно удивлять, что корни китайскихъ словъ не сходны съ корнями другихъ языковъ. Первобытное китайское населеніе очень похоже на египетское. Есть три большія рѣчныя области, въ которыхъ, подъ влияніемъ осыдности и необходимости общей, планомѣрной работы для борьбы съ силой воды или для пользованія ею, образовались первыя организованныя общества людей: это во-первыхъ—область обѣихъ большихъ китайскихъ рѣкъ, во-вторыхъ—долина Тигра и Евфрата и въ третьихъ—страна Нила. Долина Евфрата была открыта для вторженій дикихъ сосѣдей; исторія ея характеризуется наслоеніемъ другъ на друга различныхъ народностей: за черными кушитами слѣдовали желтые туранцы, за ними семиты и наконецъ бѣлые арійцы, приручившіе коней. Населеніе Китая также не оставалось неподвижнымъ, но здѣсь движенія его происходили среди одной желтой расы и область его была изолирована горами и пустынями такъ-же, какъ и Египетъ. Слѣдовательно, при образованіи китайскихъ коренныхъ словъ, не могло сказываться влияніе никакого чужеземнаго народа.

Не смотря на все это, мы видимъ, что, когда дѣло идетъ о томъ, чтобы ограничить смыслъ какого нибудь слова или выразить отношеніе словъ другъ къ другу, китайскій языкъ вступается на тѣ-же пути, по которымъ пошли и другіе языки,

достижіе высшаго развитія; особенность его въ подобныхъ случаяхъ составляетъ только то чрезвычайное стараніе, съ которымъ избѣгается всякое измѣненіе въ древнемъ запасѣ словъ, тогда какъ другимъ языкамъ именно такіа измѣненія доставляютъ новыя категоріи вспомогательныхъ средствъ для болѣе яснаго выраженія мыслей.

Китайское слово «*sin*» имѣетъ слѣдующія значенія: «честный, быть честнымъ, поступать честно, честность». Измѣняя интонацію или положеніе слова въ предложеніи, китаецъ умѣетъ показать, которое изъ многихъ значеній должно придать слову. При этомъ онъ повидимому умѣетъ такъ понижать или повышать тонъ, что во всѣхъ случаяхъ все-же сохраняется въ словѣ звукъ *i*. А вѣдь какъ близки другъ къ другу такіе звуки, какъ глубокое «*i*» и «*e*»; и къ звуку «*e*» въ свою очередь не трудно найти какойнибудь другой близкій ему звукъ. Вѣдь въ сущности всѣ гласныя представляютъ до извѣстной степени какъ бы одну скалу тоновъ. Въ виду этого можно-ли сказать, что напр. нѣмецъ употребляетъ совершенно отличное отъ китаеця средство придавать различныя значенія одному и тому-же коренному слову, когда онъ измѣняетъ одну изъ гласныхъ корня, говоря напримѣръ: *trink!*, *Trank*, *Tränke*, *Trunk?*

Чтобы показать, что данное коренное слово употребляется въ смыслѣ предмета, а не дѣйствія, т. е. чтобы превратить его въ «существительное», можетъ быть когда то говорящій, прибѣгая къ жесту, указывалъ на свою голову, такъ какъ голова наиболѣе очевидное отличіе по крайней мѣрѣ одушевленныхъ предметовъ. Впослѣдствіи такой способъ обозначенія перешелъ и въ китайскій языкъ; въ сомнительныхъ случаяхъ къ слову, которое должно было обозначать предметъ, стали прибавлять «*thau*»—голова. Такъ, слово «*tshi*» можетъ обозначать или дѣйствіе «*zeigen*» (показывать), или также «указательный палецъ», «*Zeiger*» (*Finger*), по *tshi-thau* (*Zeig-kopf*) всегда значить только *Zeiger* (палецъ). Читатель видитъ изъ этого примѣра, что современные языки въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ не такъ уже далеко ушли отъ китайскаго. Нѣмецъ превращаетъ корень «*Zeig*» въ существительное—*Hauptwort* (смыслъ будетъ тотъ-же, если сказать «*Kopfwort*», потому что «*Kopf*» и «*Haupt*» одинаково значать голова), прибавляя слово «*er*», между тѣмъ какъ китаецъ знаетъ, что онъ прибавляетъ, и до сихъ поръ произноситъ это, уже утратившее самостоятельный смыслъ, слово такъ-же, какъ и его отдаленнѣйшіе предки. Для нѣмца приставка «*er*» представляетъ искаженное старое слово, о которомъ никто не знаетъ, какъ оно прежде звучало и что оно значило. Другой такой-же примѣръ даетъ намъ латинскій языкъ; прибавляя слогъ «*og*» къ корню «*cant*» (*sing*), получаемъ слово «*cantog*» (*Singer*)—пѣвецъ. Но римляне въ подобныхъ случаяхъ имѣли въ своемъ распоряженіи нѣсколько формъ съ различнымъ значеніемъ; такъ напр., «*cant-us*»—значить пѣніе, по-нѣмецки «*Sang*». Тутъ мы видимъ разницу между двумя близкими по происхожденію народами: тамъ, гдѣ нѣмецъ измѣняетъ коренную гласную, римлянинъ предпочитаетъ пользоваться прибавленіемъ производнаго окончанія. На латинскомъ языкѣ, какъ извѣстно, всякое существительное, за немногими исключеніями, снабжено на концѣ такой приставкой, играющей роль значка; и приставка эта измѣняется, смотря по тому, въ какое отношеніе нужно поставить данное слово къ какомунибудь другому; соответственно этому на нѣмецкомъ языкѣ надо было-бы сказать *gut—er*, *gut—ihm*, *gut—ihr*. Что прежде всѣ существительныя и въ нѣмецкомъ языкѣ имѣли особыя приставки, на это намъ указываютъ готскій языкъ и сѣверныя нарѣчія; теперь такіа приставки во многихъ случаяхъ снова отпали.

Итакъ, покуда мы видимъ, что китайскій языкъ въ своемъ развитіи шелъ по

тому же пути, по которому шли и другіе языки, болѣе близкіе къ современнымъ европейскимъ; но развитіе его остановилось съ первыхъ же шаговъ. Новѣйшіе-же языки пошли впередъ еще и по другому направлеңію. Китаецъ довольствовался тѣмъ, что къ существительнымъ прибавлялъ для отличія нѣсколько извѣстныхъ звуковъ; тогда глаголы того-же корня онъ узнавалъ по одному отсутствію у нихъ приставки. На новѣйшихъ-же языкахъ и для глаголовъ существуютъ особыя приставки; говорятъ: *zeit-en* и *Zeit-er*, *sant-age* и *sant-er*. Откуда произошли окончанія «en» (въ нѣмецкомъ языкѣ) и «age» или «ige» (въ латинскомъ) и что они обозначали — мы не знаемъ; всего вѣроятнѣе предположить, что прежде значеніе ихъ было «дѣлать». Какимъ именно изъ названій различныхъ конкретныхъ дѣятельностей тотъ или другой народъ сталъ выражать отвлеченное понятіе о дѣятельности вообще, опять таки намъ неизвѣстно, такъ какъ это могло зависѣть отъ весьма разнообразныхъ условий.

Звукъ «tsz» значитъ по китайскѣ «сынъ». Китаецъ, прибавляя этотъ звукъ къ названію какаго нибудь предмета, указываетъ тѣмъ самымъ на его малую величину. Такъ, китайское слово, соотвѣтствующее русскому слову «ножъ», въ точномъ переводѣ значитъ собственно «мечъ-сынъ». Тѣмъ же путемъ шли и новѣйшіе языки при образованіи уменьшительныхъ словъ. Чтобы указать полъ животнаго, китаецъ прибавляетъ къ его названію слова «мужчина» или «женщина». Если онъ произноситъ названіе предмета, ничего не прибавляя къ нему, то это обозначаетъ единственное число; тамъ же, гдѣ мы употребляемъ множественное число, онъ прибавляетъ просто слово, которое значитъ «многіе» или «всѣ».

Для выраженія родовыхъ понятій китаецъ употребляетъ слѣдующій вѣрный, но неудобный способъ: онъ называетъ по порядку всѣ предметы, которые согласно его опыту подходятъ подъ одно родовое понятіе. Такъ, чтобы сказать «добродѣтель», онъ называетъ цѣлый рядъ добродѣтелей: «*tshun hyau tsuei*», т. е. «вѣрнопопданническая преданность, почитаніе родителей, умѣренность, справедливость». Точно также обозначаетъ онъ нѣкоторыя понятія, изображая, какъ происходитъ то, что онъ хочетъ назвать, напр. «*Ni men wo ta*» (ты спрашивать, я отвѣчать) значитъ бесѣдовать. Всѣ эти способы встрѣчаются и въ новѣйшихъ языкахъ. Даже такой, кажется, совершенно чуждый европейскимъ языкамъ способъ образованія словъ, какъ только что указанный, не только встрѣчается у насъ въ нѣкоторыхъ, повидимому исключительныхъ, выраженіяхъ, какъ напр. «*Springinsfeld*» (веселая голова, вертопрахъ) или «*Störenfried*» (мѣшающій веселиться), но въ простомъ народѣ и до сихъ поръ еще онъ обладаетъ творческой силой и создаетъ новыя слова. Примѣромъ можетъ служить очень удачный нѣмецкій провинциализмъ: «*Roth-mach-gelb*» (красный-дѣлай-желтый). Такъ называли шафранъ, когда онъ еще только начиналъ входить въ употребленіе. Для образованія множественнаго числа и женскаго рода мы и теперь прибавляемъ къ словамъ извѣстную группу звуковъ.

Особенность древняго китайскаго языка состоитъ только въ томъ, что онъ сумѣлъ сохранить неискаженными, самостоятельными и *равноцѣнными* всѣ корни, чему можетъ-быть не мало способствовало раннее примѣненіе китайцами письма. Напротивъ, тотъ первоначальный матеріалъ, которымъ располагали новѣйшіе языки, понесъ большой ущербъ оттого, что со временемъ слова, утрачивая прежнюю равноцѣнность, стали подраздѣляться на группы, изъ которыхъ каждая развивалась далѣе уже самостоятельно. Но зато наша рѣчь приобрѣла богатство отгѣнковъ и получила, если можно такъ выразиться, болѣе правильную перспективу. Китайская рѣчь похожа на картину, богатую фигурами, которыя всѣ изображены на одинаковомъ удаленіи отъ зрителя, безъ соблюденія перспективы, при одинаковомъ освѣ-

щеніи и съ одинаковой тщательностью отдѣлки. Смотрящему на такую картину ничто не облегчаетъ пониманіе ея; онъ долженъ всматриваться въ каждую фигуру по порядку для того, чтобы мало по малу понять смыслъ изображаемаго. Таковы именно были и на самомъ дѣлѣ тѣ картины, которыя рисовали египтяне, и, должно быть, они сознавали ихъ недостатки, такъ какъ для устраненія ихъ они прибѣгали къ своего рода насилію надъ дѣйствительностью: желая напр. нарисовать богатую фигурами картину такъ, чтобы смотрящему на нее сразу было ясно, что царь представляетъ въ ней главное дѣйствующее лицо, дѣлали изображеніе царя вдвое или даже втрое больше остальныхъ фигуръ; благодаря этому, колоссальное изображеніе царя и его семьи высоко выдавалось на картинѣ надъ толпой, копошащейся у его ногъ, подобно муравейнику.

Новѣйшіе языки, въ противоположность китайскому, различаютъ части рѣчи управляющія и управляемая и умѣютъ выставлять на видъ первыя, не прибѣгая къ такимъ грубымъ средствамъ, какъ египетскіе художники. Для этого такія части рѣчи выдвигаются на первый планъ, подвергаются, такъ сказать, самому яркому освѣщенію, тогда какъ прислуживающая имъ челядь оставляется въ тѣни. Сначала опредѣлительныя слова не отдѣлялись отъ опредѣляемыхъ и занимали рядомъ съ послѣдними совершенно самостоятельныя мѣста, или даже соединялись съ ними; но въ послѣдствіи одна часть словъ становится главой и господиномъ другой, попадающей въ подчиненное положеніе. Для властителей важна память о прошедшемъ, но кого можетъ интересовать происхожденіе раба? А наши приставки и флексіи суть именно такіе рабы, рожденные уже въ рабствѣ и не могущіе представить доказательства благороднаго происхожденія.

Другая группа языковъ желтой расы отчасти также пошла по только что указанному нами пути развитія. Область этихъ языковъ лежитъ на сѣверъ и западъ отъ Китая, простираясь въ Европѣ до Скандинавіи. Эти звуки называютъ *урало-алтайскими* или *туранскими*, смотря по тому, принимаютъ ли за ихъ исходный пунктъ мѣстность между Уральскими и Алтайскими горами или южнѣе лежащее Туранское плоскогоріе. Сюда относятся слѣдующія группы языковъ: тунгусская, собственно монгольская, самоѣдко-финская и турецкая. Къ предпослѣдней группѣ принадлежитъ и венгерскій языкъ. По новѣйшимъ даннымъ, къ народамъ урало-алтайской группы языковъ должно отнести въ общемъ и народъ аккадовъ, который, покоривъ въ доисторическія времена людей черной расы, жившихъ у устья Евфрата, въ послѣдствіи самъ былъ покоренъ и оставилъ побѣдителямъ свой языкъ, извѣстный подъ именемъ древне-вавилонскаго. На этихъ же племенахъ мы можемъ прослѣдить и переходъ отъ желтой къ смуглой. Лапландецъ и финнъ по цвѣту кожи и физическимъ особенностямъ такъ же близко стоятъ къ славянину, какъ венгерецъ и турокъ — къ европейцу-южанину. Только форма языка соединяетъ всѣ эти племена, представляющія цѣлый рядъ различныхъ ступеней развитія челоѣчества, только языкъ выдѣляетъ ихъ изъ среды другихъ племенъ, имѣющихъ одинаковый съ ними цвѣтъ кожи.

Прогрессъ и отличительная особенность этихъ языковъ, оставляя въ сторонѣ иначе составленное основное количество коренныхъ словъ, — состоятъ въ томъ, что здѣсь слова, употребляемая для болѣе точнаго опредѣленія смысла коренного слова, уже присоединяются къ послѣднему, хотя, не смотря на свое подчиненное положеніе, они еще не подверглись изуродованію. Поэтому такіе языки называются языками приставочными, *аплутинирующими*. Такія составныя слова относятся къ нашимъ словамъ, образованнымъ производно или путемъ флексій приблизительно

такъ же, какъ слова «*gast-frei*» и «*gast-lich*». Въ этихъ языкахъ слова не лишены совершенно связи между собой, какъ въ китайскомъ языкѣ, но въ то же время вполне замѣтно сохраняютъ свою самостоятельность. Такъ, на турецкомъ языкѣ изъ корня «*dog*» прибавкой слова «*mak*» получается глаголъ «*dog-mak*»—бить, а прибавкой «*ur*»—существительное «*dog-ur*», совершенно соответствующее нѣмецкому «*Schläger*». До настоящихъ спряженій на турецкомъ языкѣ дѣло не дошло, но турокъ умѣетъ обойтись безъ нихъ, пользуясь для этого все тѣмъ же средством: онъ прибавляетъ къ слову «*dog-ur*» слова «*im*» (я), «*lag*»—они и т. д.; точно также нѣмцу, если бы онъ захотѣлъ пользоваться этимъ же способомъ, вмѣсто спряженій пришлось бы сказать «*Schläge-er ich*», вмѣсто «*ich schlage*», и «*Schläg-er-sie*», вмѣсто «*sie schlagen*».

Кромѣ того въ вышеупомянутыхъ языкахъ мы встрѣчаемся уже и съ измѣненіемъ коренной гласной; но этимъ не пользуются еще для ограниченія смысла словъ или для выраженія отношеній ихъ другъ къ другу, хотя это было бы возможно при взаимномъ соглашеніи. Въ данномъ случаѣ измѣненіе коренныхъ гласныхъ представляеть просто естественную уступку, дѣлаемую голосовымъ органамъ, такъ какъ удобнѣе произносить два соединенныхъ вмѣстѣ слога, заключающіе звуки одинаковой высоты; въ виду этого измѣняютъ соответствующимъ образомъ гласныя прибавляемаго слова. Это новѣйшихъ языкахъ встрѣчаются также подобные случаи, напр. въ нѣмецкомъ языкѣ, но здѣсь, наоборотъ, измѣняется не гласная приставки, а гласная корня, такъ чтобы она была одинакова съ гласной флексіи. На старо-верхне-нѣмецкомъ языкѣ для второго и третьяго лица единственнаго числа къ корню глагола прибавлялись окончанія «*is*» и «*it*», а для множественнаго числа—«*ames*», «*at*» и «*ant*». Тамъ, гдѣ гласнымъ *a* и *u* въ окончаніи соответствовала также гласная *a* въ корнѣ, она оставалась неизмѣнной, и то-же мы видимъ и въ современномъ нѣмецкомъ языкѣ, хотя въ немъ гласныя всѣхъ окончаній безъ различія замѣнены одной и той-же гласной *e*. Говорится: «*ich fahre* (var-*u*), *wir fahren*, *ihr fahrt*, *sie fahren*». То-же самое мы имѣемъ, если *i* въ окончаніи слѣдуетъ за *i* въ корнѣ: отъ корня «*gib*» производятся формы «*du gibst*, *er gibt*». Когда-же за *a* въ корнѣ («*fahren*») слѣдуетъ *i* въ окончаніи, или за *i* въ корнѣ—*a* въ окончаніи, то для удобства произношенія, коренная гласная приводится по возможности въ соответствіе съ гласной окончанія; поэтому говорится: «*du fährst*, *er fährt*, *wir geben*, *ihr gebet*, *sie geben*». Такимъ естественнымъ путемъ, общимъ для нѣмцевъ съ туранцами, а также и съ черными народами Индіи, произошли тѣ измѣненія гласныхъ, которыя на нѣмецкомъ языкѣ называются «*Umlaut*» и «*Brechung*».

Въ чемъ же въ данномъ случаѣ проявляется различіе между нѣмцами и туранцами? Только въ томъ, что первые извлекли пользу изъ привычки измѣнять при извѣстныхъ обстоятельствахъ коренную гласную, вторые же—нѣтъ. Нѣмцамъ казалось удобнымъ все болѣе и болѣе укорачивать слоги, прибавившіеся для выраженія различныхъ отношеній; такимъ образомъ отъ окончанія 3-го лица единственнаго числа—«*it*» и второго лица множественнаго числа—«*at*» осталась въ обоихъ случаяхъ только буква *t*; тогда оказалось также полезнымъ различать коренныя гласныя и внутри слова: «*er fährt*» и «*ihr fahrt*».

На основаніи сходства грамматическихъ формъ и словъ всѣхъ туранскихъ языковъ слѣдуетъ предположить, что разъединенные теперь огромными пространствами туранскіе народы нѣкогда жили все въ близкомъ соудѣствіи другъ съ другомъ или въ Туранѣ, или на Алтаѣ, вели между собой правильныя сношенія и составляли своего рода организацію, основанную на мирномъ соглашеніи. При такихъ сноше-

ніяхъ легко могли встрѣчаться между собой представители желтой и бѣлой или полубѣлой расы; но нѣтъ ничего невѣроятнаго и въ другомъ предположеніи, что нѣкогда одно изъ этихъ племенъ на ихъ древне-общей родинѣ властвовало надъ остальными и, благодаря этому обстоятельству, совершился процессъ сліянiя языковъ, подобно тому, какъ это происходило въ Египтѣ и въ Вавилонѣ. Но и при такомъ предположеніи возникаетъ еще вопросъ, не представляютъ ли многообразныя различія, наблюдаемая въ расовомъ типѣ племенъ, языки которыхъ принадлежатъ къ одной и той же туранской группѣ, результата медленной дифференціаціи расъ, совершавшейся на азіатскихъ плоскогоріяхъ.

Ученые считаютъ египетскій языкъ, судя по его запасу словъ, совершенно одиноко стоящимъ, и несомнѣнно, что онъ могъ окончательно установиться только на египетской почвѣ. По своему строенію этотъ языкъ выше всѣхъ, до сихъ поръ разсмотрѣнныхъ нами. Правда, и здѣсь преобладаютъ еще односложныя коренныя слова, и нѣтъ еще настоящихъ флексій. Многіе корни могутъ еще, какъ и въ китайскомъ языкѣ, безразлично употребляться въ качествѣ существительнаго, глагола или прилагательнаго. Но уже довольно большое количество словъ играетъ на этомъ языкѣ исключительно служебную роль и, благодаря этому, настолько искажены, что уже болѣе не пригодны для иного назначенія. Такъ образовался въ египетскомъ языкѣ особый разрядъ словъ — предлоги. Первоначально принадлежавшія сюда слова выражали, вѣроятно только очень неопредѣленно, извѣстныя отношенія между предметами, для болѣе же точной формулировки этихъ отношеній приходилось прибѣгать къ жестамъ. Поэтому такія слова, какъ это доказалъ Абель, могли соединять въ себѣ даже взаимнопротивоположныя значенія. Предлогъ *m* обозначаетъ одновременно и нахожденіе въ предметѣ, и направленіе къ предмету, и направленіе отъ предмета. Но все же, произнося этотъ звукъ, говорящій давалъ понять слушателю, что онъ желаетъ выразить именно пространственное отношеніе между двумя предметами; затѣмъ ему было уже легко посредствомъ движенія руки показать болѣе опредѣленно, каково именно это отношеніе. Въ письменной же рѣчи значеніе такого предлога опредѣлялось общимъ смысломъ. Какъ ни несовершенны были отдѣльные предлоги, но все же существованіе цѣлаго разряда подобныхъ словъ приносило большую пользу.

Египтяне, какъ и вышеописанные народы, также имѣли извѣстные способы для обозначенія того, что корень употребляется въ качествѣ существительнаго; но они ставили предназначенный для этого слогъ не послѣ слова, а передъ нимъ, и *односложное слово*, разъ на всегда выбранное для такого употребленія, теряло уже всякій самостоятельный смыслъ, подобно члену на французскомъ или нѣмецкомъ языкѣ. Отношенія существительнаго къ другимъ словамъ предложенія выражались не окончаніями, а при помощи предлоговъ. Такимъ образомъ склоненій на египетскомъ языкѣ не существовало. Одинъ и тотъ же предлогъ въ соединеніи съ началомъ служилъ для опредѣленія лица, а въ соединеніи съ существительнымъ выражалъ принадлежность одного предмета другому; поэтому русскимъ выраженіямъ «я хвалю» и «моя похвала» соответствуетъ одинъ и тотъ же египетскій переводъ. Для выраженія времени дѣйствія употреблялись вспомогательныя слова. Итакъ, и на этомъ языкѣ не существовало еще настоящихъ флексій, но были уже «грамматическія» части рѣчи.

Всѣ эти далекіе отъ насъ языки представляютъ различныя стадіи по пути того развитія, которое закончилось только у двухъ другихъ группъ языковъ. Этому вполне соответствуетъ и то обстоятельство, что народы, говорящіе на языкахъ,

принадлежащихъ къ этимъ двумъ позднѣйшимъ группамъ, являются въ то же время носителями болѣе молодой культуры, чѣмъ китайская, древнеавилонская (аккадско-туранская) и древне-египетская. Области распространенія этихъ двухъ группъ языковъ не совпадаютъ съ границами расъ. Обѣ онѣ даже не совпадаютъ съ предѣлами распространенія бѣлой расы вообще, и внутри ея границы ихъ не соотвѣтствуютъ границамъ народовъ различныхъ отдѣлковъ расы. Мы называемъ эти области *семитской* и *арійской* въ широкомъ смыслѣ этихъ словъ. Семитская область, какъ болѣе древняя, ограничивается только народами темнаго оттѣнка бѣлой расы, арійская же охватываетъ какъ темныя, такъ и свѣтлыя племена.

Семитская область простирается черезъ всю Переднюю Азію къ югу отъ Армянскихъ горъ до границъ черной расы въ Южной Аравіи, куда эта раса была отбѣнена вѣроятно самими же семитами. Аравія сдѣлалась какъ бы второй колыбелью этой группы народовъ; изъ первой своей колыбели, на которую можетъ-быть указывается сказаніе о Ноѣ, гдѣ упоминается о горѣ Араратѣ,—эти народы явились на Югъ нагими и безпомощными. Если,—что очень вѣроятно,—родоначальники этихъ народовъ жили еще за этой горой прежде, чѣмъ они явились въ страну винограда и маслинъ, то они должны были уйти оттуда раньше, чѣмъ стали приручать лошадь, которая явилась уже съ позднѣйшими выходцами изъ той же страны. Для хозяйственныхъ цѣлей они употребляли ослонъ и верблюдовъ, а ихъ они могли встрѣтить только на своей новой родинѣ. На западъ они дошли до сирійскаго берега, на востокъ—до Евфрата и отсюда изъ Ниневіи сломили господство туранскихъ племенъ въ древней Вавилоніи, причемъ однако языкъ побѣжденныхъ, какъ достигшій довольно высокой степени развитія, сохранился. Представителями этого коренного языка являются: ассирійскій языкъ, сохранившійся на надписяхъ въ Ниневіи, и арабскій. Сюда же принадлежатъ языки: сирійскій и финикійскій, арамейскій и ханаанитскій (извѣстные также подъ названіемъ языка нагорной страны и языка низменности), а также близкій къ послѣднему древній еврейскій языкъ.

Эта область, неприступная съ юга, окруженная остатками нѣкогда жившаго здѣсь чернаго населенія, на востокъ и сѣверѣ подходитъ къ предѣламъ народовъ бѣлой расы, которые, въ качествѣ побѣдителей, отдѣлились отъ первобытнаго народа, говорившаго на одномъ съ ними языкѣ. Это *арійскіе* или «индоевропейскіе» народы; предполагаемый общій первоначальный ихъ языкъ называютъ *первобытнымъ арійскимъ*. Въ какой мѣрѣ для этого языка закончился уже процессъ выбора корней, мы можемъ судить по количеству тѣхъ корней, которые, насколько намъ извѣстно, съ самаго начала были общіе для всѣхъ дальнѣйшихъ развѣтвленій этого первоначального языка. Развитие грамматическихъ формъ для него далеко еще не закончилось во время отдѣленія отъ него позднѣйшихъ языковъ. Поэтому предполагать полное единство для первобытнаго арійскаго языка такъ же невозможно, какъ и для египетскаго языка времени первыхъ надписей. Въ Южную и Центральную Азію изъ этой первоначальной области проникли языки санскритскій или древнеиндійскій и зендскій или древне-персидскій; въ Малую Азію, а отсюда въ Грецію и далѣе въ Италію—нарѣчія, изъ которыхъ образовались впоследствии древне-греческій и латинскій языки. По тому пути, который ведетъ изъ Центральной Азіи прямо на западъ, распространялись послѣдовательно языки кельтскій, германскій, литовскій и славянскій.

Запасъ словъ, которымъ обладаютъ семиты и арійцы, оставляя въ сторонѣ заимствованныя слова, совершенно различенъ, а потому эти народы, хотя и принадлежатъ по происхожденію къ одной и той-же расѣ, должно быть, не имѣли уже ника-

ких сношеній другъ съ другомъ, когда для ихъ языковъ наступилъ періодъ перехода въ устойчивое состояніе. Отъ ихъ первоначальной общности остался только навыкъ составлять односложные корни и умѣнье пользоваться различными средствами для разграниченія значеній словъ и для выраженія отношеній ихъ другъ къ другу. При ознакомленіи съ особенностями языковъ первобытныхъ племенъ мы узнали два такихъ средства: измѣненіе гласныхъ внутри слова и прибавленіе приставокъ и флексій къ концу его. То и другое было знакомо и первобытнымъ семитамъ, и первобытнымъ арійцамъ, и въ большей или меньшей степени пользовались ими въ обѣихъ этихъ группахъ, хотя можетъ-быть и не въ одинаковой степени въ разныхъ семьяхъ; для опредѣленія понятій и выраженія извѣстнаго ихъ отношенія между собой измѣняли гласную или въ корнѣ, или въ флексіи.

Но понятно, что, при переходѣ языка въ устойчивое состояніе, мало по малу производился выборъ между этими средствами. Здѣсь уже проявилось дальнѣйшее различіе между обѣими группами: семиты предпочли измѣнять гласную корня, оставляя неизмѣннымъ его беззвучный остовъ, не пренебрегая однако иногда и флексіями; арійцы-же преимущественно пользовались флексіями, хотя иногда прибѣгали и къ измѣненію коренной гласной.

Благодаря этимъ особенностямъ, внѣшность этихъ языковъ стала различна. Мы приведемъ примѣръ изъ еврейскаго языка, приведенный у Тайлора. Беззвучный остовъ семитскихъ словъ состоитъ обыкновенно изъ трехъ согласныхъ; между ними можно размѣстить только двѣ гласныя; вставляя то одну гласную, то обѣ и притомъ каждый разъ различныя, можно получать цѣлую массу комбинацій, которыя, при рациональномъ взаимномъ соглашеніи, даютъ возможность выражать множество различныхъ отношеній и измѣненій смысла. Если въ то-же время воспользоваться другимъ средствомъ и прибавлять звуки къ началу и концу слова, то получается богатѣйшій матеріалъ, при помощи котораго можно выражать самыя тонкіе оттѣнки мысли.

Тогда какъ арійскіе языки, въ особенности греческій, представляютъ въ этомъ отношеніи замѣчательное, свойственное почти только языкамъ дикихъ народовъ, изобиліе формъ, семитскіе языки наоборотъ очень бѣдны въ этомъ отношеніи.

Все, что относится къ понятію «власти», — будь то лицо, предметъ или дѣйствие, — можетъ быть выражено при помощи корня *m-l-ch*, смотря по тому, какими гласными мы его дополнимъ и какими приставками снабдимъ его извнѣ. *Melech* — значить властитель, царь, *mâlach* — онъ царствовалъ, *mâlchû* — они царствовали и т. д. При помощи одновременнаго измѣненія гласной въ корнѣ и прибавленія флексіи получаютъ слова: *melâchim* — цари, *malchenû* — нашъ царь, *malchâh* — царица, *tamlâchâh* — царство, *timloch* — ты долженъ царствовать и т. д.

На арабскомъ языкѣ группа *k-t-l* (причемъ мы ставимъ здѣсь *k* вмѣсто *q*) обозначаетъ все, что имѣетъ отношеніе къ понятію убивать. *Uktul* — значить убивать, *katil* — убивающій, *kuatl* — убійство, *kitl* — врагъ, *kutl* — убійственный и т. д. Новѣйшимъ языкамъ, напр. нѣмецкому, такой способъ ограниченія смысла словъ вовсе не былъ такъ чуждъ, какъ это намъ кажется теперь, когда мы уже приучились на образованныя такимъ образомъ слова смотрѣть какъ на самостоятельно возникшія еще въ доисторическія времена; нѣчто подобное мы видѣли уже на такихъ словахъ, какъ *trinken*, *trank*, *getrunken*; только повидимому здѣсь можно наполнять различными гласными лишь одно мѣсто въ корнѣ. Что нѣкогда дѣло обстоило иначе, въ этомъ мы можемъ убѣдиться изъ сравненія разныхъ арійскихъ языковъ. Такое сравненіе показываетъ, что и нѣмцы пользовались нѣкогда простыми остовами словъ, состоявшими изъ трехъ согласныхъ, между которыми вставлялись,

смотря по надобности, различныя гласныя. Впослѣдствіи-же каждый народъ сохранилъ только нѣкоторыя изъ такихъ комбинацій. Такъ, нѣмецкое слово «Hals» и чешское «Hlas» представляютъ одинъ и тотъ-же корень, въ который различно вставлена гласная *a*, а русское слово «голосъ» представляетъ тотъ-же корень, въ которомъ однако заполнены гласными уже оба свободныя мѣста. Въ такомъ-же отношеніи другъ къ другу находятся русское слово—«городъ», чешское—«Hrad» и нѣмецкое—«Gart» (въ словахъ «Stuttgart», «Garten» и т. п.). Но тотъ-же корень допускаетъ и въ нѣмецкомъ языкѣ еще другія заполнения гласными, причемъ получается измѣненіе значенія слова. «Gart» (какъ и Hrad) значитъ изгородь, заборъ (отсюда «Garten»), »Gert»—прутъ отъ забора, «Grat»—верхушка забора (отсюда слова «Rückgrat»—спинной хребетъ и «Gräte»—рыбья кость), быть-можетъ сюда-же относится и «Gurt» — поясъ. Въ нѣмецкихъ народныхъ правдахъ слово Gurt обозначаетъ еще колъ изъ забора, слово-же «hrot» у славянъ значитъ копые, а «hort(us)» по латыни обозначаетъ огороженное мѣсто, садъ.

Итакъ, нѣтъ ничего исключительнаго въ особенностяхъ семитскихъ нарѣчій. Они характеризуются только преобладаніемъ одной изъ двухъ группъ вспомогательныхъ средствъ, развившихся у нихъ въ законченную систему; арийцы-же пользовались въ ущербъ ей преимущественно другой группой средствъ и развили главнымъ образомъ склоненія и спряженія. Они низвели множество словъ до состоянія немѣющихся самостоятельнаго значенія звуковъ, которые прибавляются къ корнямъ словъ для выраженія различныхъ отношеній. Нѣмецъ производитъ отъ корня *w - s* слова: «weise» и «wissen», отъ нихъ «Gewissen», «gewissenhaft», «gewissenhaftig», и т. д. Но притомъ онъ составляетъ и такія слова, какъ «Fischlein», «Baumwolle», «Schaumwein», «Flaschenkork» и т. п.

Первобытный арійскій языкъ не могъ еще произвести окончательнаго выбора между этими двумя средствами; его единство ограничивалось скорѣе только всеобщимъ признаніемъ опредѣленныхъ значеній за корнями, что было необходимо напр. при веденіи торговыхъ сношеній; что-же касается того, какъ производить новыя слова отъ старыхъ, то вѣроятно въ этомъ отношеніи для отдѣльныхъ семей, этихъ истинныхъ творцовъ языка, не существовало никакихъ ограниченій, потому что каждый изъ языковъ, отдѣлившись отъ первоначальнаго арійскаго, избралъ для себя свой особый путь. Тогда какъ нѣмцы сохранили обычай составлять изъ нѣсколькихъ словъ одно сложное, у славянъ онъ въ сущности исчезъ; такъ, по-русски къ существительнымъ можно присоединить лишь слова не самостоятельныя, служащія только для выраженія какого нибудь отношенія; напр. на этомъ языкѣ нѣтъ слова подобнаго нѣмецкому «Holzstuhl» и вмѣсто того говорятъ «деревянный стулъ».

Такой-же процессъ обособленія языковъ мы наблюдаемъ и въ области флексій; въ этомъ отношеніи разница между отдѣльными вѣтвями арійской группы даже болѣе существенна, чѣмъ въ предыдущемъ. Славяне нашли способъ посредствомъ вставки и прибавленія слоговъ выражать однимъ и тѣмъ-же глаголомъ и законченность какого-нибудь дѣйствія, и самый процессъ его совершенія, и его повторяемость, и даже повторяется-ли оно часто или рѣдко; но они не создали формы, которая выражала-бы, что извѣстное дѣйствіе должно совершиться только въ будущемъ. Только въ виду крайней необходимости за послѣднее время славянскіе языки послѣдовали въ этомъ отношеніи примѣру другихъ языковъ. Отъ такой безпомощности, рядомъ съ которой встрѣчается впрочемъ въ другихъ отношеніяхъ и излишняя роскошь, очень далеко до тѣхъ разнообразныхъ способовъ различенія, которые мы встрѣчаемъ въ греческомъ языкѣ. Стало быть, въ первобытномъ арійскомъ языкѣ относительно всего этого не установилось еще единства.

Может показаться странным, что тѣ-же различія, которыя характеризуютъ разные языки, встрѣчаются также въ одномъ и томъ-же языкѣ. Такъ напр., въ нѣмецкомъ языкѣ прошедшее время нѣкоторыхъ глаголовъ можно образовывать посредствомъ перемѣны коренной гласной («schlage—schlag», «esse—ass», «thu—that»), но отъ другихъ — нельзя; тогда приходится прибѣгать къ другому способу и говорить напр.: «ich lern — that» — отсюда произошла форма «ich lerne». Чѣмъ-же объясняется подобное явленіе? Всего проще предположить, что во время процесса перехода языковъ въ устойчивое состояніе, который тянулся еще долго послѣ распада арійской расы на отдѣльныя племена, семейныя группы обмѣнивались между собою не только имѣвшимися у нихъ запасомъ словъ, но и умѣнемъ пользоваться имъ. Благодаря этому, за словомъ, ставшимъ достоиніемъ цѣлаго народа, могли сохраниться тѣ грамматическія особенности, которыми было обставлено пользование словомъ на языкѣ семьи, образовавшей его, эти особенности могли затѣмъ перейти къ другимъ словамъ, такъ какъ языкъ въ то время продолжалъ еще развиваться. Такимъ образомъ могли произойти параллельныя и такъ называемыя неправильныя формы склоненій и спряженій.

Нѣчто подобное происходитъ еще и въ настоящее время не только съ грамматическими формами, но и съ самыми коренными словами, хотя то, что мы видимъ теперь, есть, такъ сказать, только эпилогъ длиннаго процесса развитія языка. Въ настоящее время не подлежитъ сомнѣнію, что различныя нѣмецкія нарѣчія произошли вовсе не вслѣдствіе искаженія первоначальнаго обще-нѣмецкаго языка. Эти нарѣчія ничуть не представляютъ какой-то продуктъ разложенія, а напротивъ, они являются тѣми полными жизненной силы первоначальными элементами, которые еще и до сихъ поръ привлекаются къ созиданію единаго обще-нѣмецкаго языка и, по мѣрѣ его развитія, постепенно растворяются въ немъ. Эти нарѣчія суть остатки прежнихъ семейныхъ языковъ, которые, кромѣ общаго наслѣдія, полученнаго ими еще въ первобытную эпоху, выработали и извѣстныя особенности. Теперь, какъ и въ отдаленнѣйшія времена, они все еще, такъ сказать, выносятся на рынокъ свои семейныя сокровища и вступаютъ другъ съ другомъ въ обмѣнъ; и какъ было прежде, такъ и теперь. — одно принимается рынокъ, другое бракуется.

Существуетъ ложное мнѣніе, будто средне-верхне-нѣмецкій и старо-верхне-нѣмецкій языки составляли одинъ древній языкъ, которому какъ-бы соответствуетъ современный верхне-нѣмецкій; мы должны однако помнить, что «средне-верхне-нѣмецкій» и «старо-верхне-нѣмецкій» суть обозначенія для древняго верхне-нѣмецкаго языка, который былъ только однимъ изъ различныхъ діалектовъ, но вовсе не становился обще-нѣмецкимъ языкомъ потому только, что на немъ въ данное время говорили германскіе князья. Процессъ образованія такого обще-нѣмецкаго языка начался въ сравнительно недавнемъ прошломъ, и только за послѣднее время стали постепенно уничтожаться древніе семейные языки.

Итакъ, одно различіе между арійскими и семитическими языками (если даже не причислять къ бѣлой расѣ еще западную вѣтвь туранцевъ, что въ сущности было-бы правильно) заставляетъ насъ признать, что не всѣ первобытныя семьи и племена, принадлежавшія къ бѣлой расѣ, находились между собой въ такихъ сношеніяхъ, которыя могли-бы оказывать вліяніе на процессъ развитія языковъ. Но кромѣ того сохранились такіе народы, какъ черкесы на Кавказѣ, баски въ Пиренеяхъ и нѣкоторые другіе, языки которыхъ не находятся вовсе въ родствѣ съ языками арійскими. Это остатки тѣхъ племенъ, которыя переселились въ Европу еще до кельтовъ и пеласговъ. Кельтическіе языки находятся также въ очень отдален-

номъ родствѣ съ остальными арійскими. Отсюда можно заключить, что первобытное населеніе Европы должно было покинуть Азію въ то время, когда первоначальный арійскій языкъ еще не успѣлъ установиться (фиксироваться) вслѣдствіе недостаточнаго развитія сношеній между отдѣльными племенами; кельты-же, должно быть, послѣдовали за этими первыми выходцами въ то время, когда такія сношенія были еще настолько слабы, что запасъ общихъ словъ являлся крайне незначительнымъ.

П и с ь м о.

Съ древнѣйшихъ временъ люди дѣлали попытки, кромѣ языка, найти еще какое нибудь средство для передачи другъ другу своихъ мыслей, такъ какъ устной рѣчью можно пользоваться лишь въ непосредственныхъ сношеніяхъ. Далекое не случайнымъ является то обстоятельство, что древне-египетскія письмена, отъ которыхъ ведутъ свою родословную многіе изъ современныхъ шрифтовъ, находятся преимущественно въ мѣстахъ отправленія культа, и что они о немъ только и говорятъ. Дѣло въ томъ, что первые древнѣйшіе памятники, конечно еще весьма грубые, служили для религіозныхъ цѣлей. Курганъ или каменная пирамида надъ могилой умершаго служить прежде всего ему тамъ жилищемъ; но для путника, искавшаго въ степи предмета, который помогъ бы ему тамъ ориентироваться, они были вполне понятными знаками; они давали ему указанія, были для него «памятникомъ» въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Но подобно звуку первобытнаго человѣка, еще плохо владѣющаго языкомъ, эти памятники не больше какъ знаки, которые могутъ обратить на себя вниманіе, но лишены содержанія, какъ и крикъ первобытнаго человѣка. Лишь со временемъ эти знаки, какъ и звуки первобытнаго человѣка, также получаютъ путемъ соглашенія свой смыслъ и содержаніе. Только когда путникъ зналъ, что этотъ холмъ возвышается надъ могилой N, онъ могъ служить ему путеводителемъ. А потому такія мѣста весьма естественно отмѣчались какими нибудь знаками. Часто для этого достаточно было камня или палки. На островѣ св. Пасхи существуетъ множество такихъ камней, и туземцы еще и теперь знаютъ по имени каждый изъ нихъ. Незначительныя различія въ ихъ формѣ для этихъ островитянъ являются такими-же вѣрными признаками, какъ для насъ надписи на могильныхъ плитахъ.

Въ Западной Африкѣ, если жрецъ воткнетъ рядомъ съ какимъ нибудь плодовымъ деревомъ палку, то всякій знаетъ, что этимъ «жезломъ запрещенія» обозначается освященный плодъ, котораго никто не смѣетъ сорвать. Въ Германіи шесть съ пучкомъ соломы, поставленный на полѣ, служить указаніемъ того, что данный участокъ не принадлежитъ къ общему выгону, а оставленъ подъ паромъ; такимъ образомъ онъ дѣлается какъ бы «табу»; соломенное помело на деревѣ обозначаетъ, что это дерево имѣетъ своего хозяина; зарубка, сдѣланная на деревѣ, говорила нашимъ предкамъ, что у пчелинаго улья, находящагося въ этомъ деревѣ, уже есть владѣлецъ; такъ какъ такіе знаки дѣлались очень многими, то вѣроятно каждый старался найти средство легко отличить свой знакъ отъ чужого. Читатель можетъ подумать, что отсюда не далеко уже было и до изобрѣтенія простѣйшихъ письменъ. Это было бы дѣйствительно такъ, если-бы человѣкъ не встрѣтилъ здѣсь на своемъ пути довольно большой преграды, которую ему раньше слѣдовало переступить. Выше мы говорили о знакахъ, которые могли напомнить первобытному человѣку только то, что уже раньше было *известно* или что въ связи съ этими знаками было ему *устно* сообщено. На такой ступени развитія языка знаки бы-

вають связаны непосредственно съ *мыслями*. Но затѣмъ (это уже слѣдующая стадія развитія языка) знаки какъ бы сами начинаютъ говорить, такъ какъ, благо-

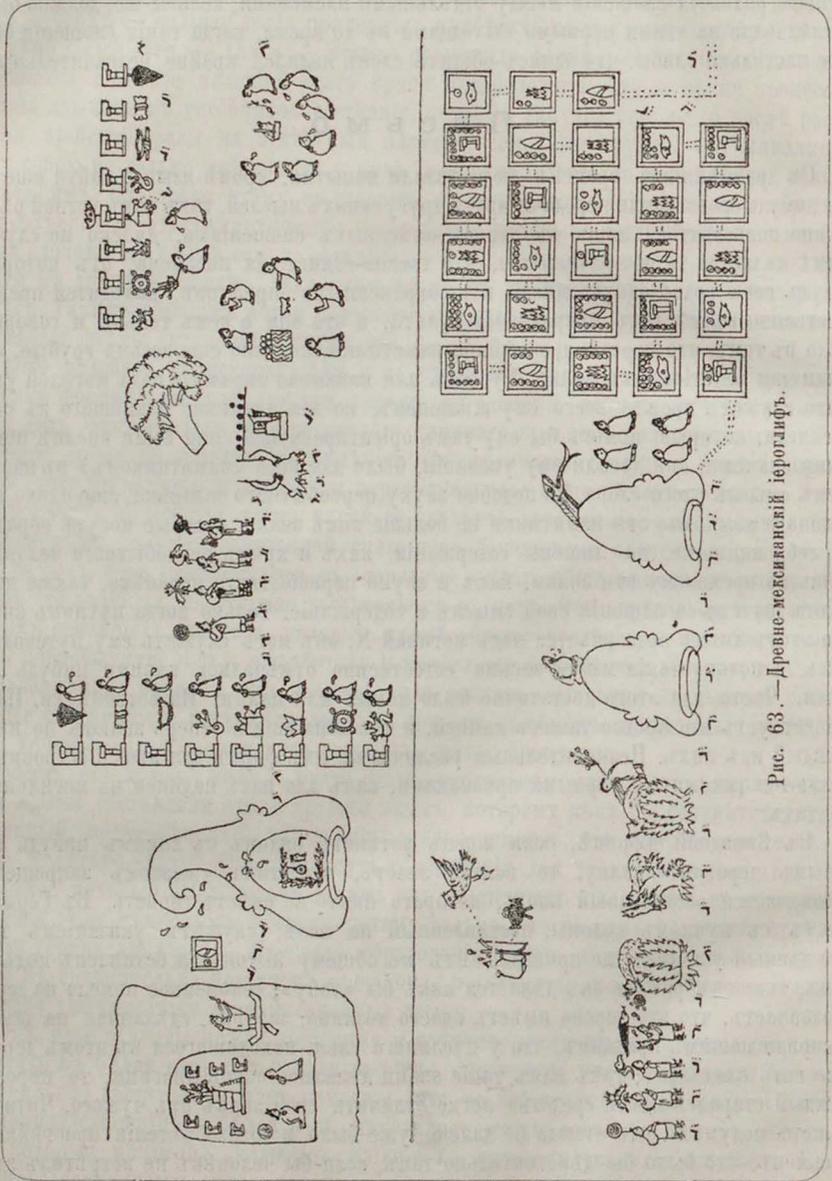

Рис. 63. — Древне-мексиканскій іероглифъ.

даря всеобщему соглашенію, они разъ на всегда связываются съ опредѣленными звуками, и извѣстная комбинація послѣднихъ дѣлаетъ для первобытнаго человѣка понятной и такую мысль, которая не была раньше ему извѣстна. Какъ бы то ни

было, изобрѣтеніе настоящаго письма становится возможнымъ только тогда, когда человѣкомъ пройдена эта вторая ступень.

Первой ступени достигли очень многіе, еще весьма низко стоявшіе народы, вторую почти переступили древніе мексиканцы; настоящее же письмо самостоятельно выработали китайцы, древніе египтяне и древніе вавилоняне; финикіяне придали ему болѣе рациональную систему, и въ этомъ отношеніи все мы являемся ихъ учениками.

63-й рисунокъ представляетъ образчикъ древне-мексиканскаго іероглифа, взятаго изъ рукописи Боттурини. Кингсбору пытался его разобрать, но самая сущность такихъ письменъ въ томъ и заключается, что объяснить ихъ можно только при существованіи къ нимъ ключа, въ видѣ какогонибудь преданія. Въ данномъ случаѣ несомнѣнно, что мы имѣемъ дѣло съ изображеніемъ странствованія или похода: изображеніе слѣдовъ, получившее уже опредѣленную форму, указываетъ намъ

Рис. 64.—Прошеніе индѣйцевъ.

направленіе пути. Исходнымъ пунктомъ представляется островъ съ шестью дворцами, храмомъ, царемъ и царицей; отсюда переправляются по водѣ на гору, служащую мѣстопребываніемъ бога; его вопрошаютъ, и онъ изрекаетъ отвѣтъ, на что указываетъ знакъ разговора. Тогда (надо думать, по приказанію своихъ вождей) собираются въ походъ восемь племенъ, которыя все ясно обозначены посредствомъ тотемовъ или гербовъ. Во главѣ шествія идутъ четыре жреца съ изображеніями боговъ. Приходятъ въ страну, гдѣ у деревьевъ такіе толстые стволы, что ихъ не обхватить руками. Но тутъ начинаются несогласія—двое обвиняютъ другъ друга, происходятъ совѣщанія и жертвенныя пиршества; четверо остаются, а четверо другихъ идутъ далѣе, предводительствуемые жрецами. Дальше изображены мѣстности, по которымъ проходятъ племена, и горы, обитаемыя фегишами; затѣмъ путь идетъ черезъ 28 областей или городовъ, обозначенныхъ повторяющимися фигурами, и такъ шествіе идетъ далѣе и далѣе... Для современниковъ описываемаго такимъ способомъ событія тотемы племенъ и изображенія боговъ и священныхъ горъ должны были быть совершенно понятны. Сопоставляя, благодаря этому, историческія имена съ той частью изображенія, которая понятна и для насъ, они могли припомнить при взглядѣ на эти рисунки цѣлый рядъ историческихъ фактовъ.

Точно также на рис. 64, представляющемъ прошеніе сѣверо-американскихъ

индѣйцевъ, поданное ими президенту Соединенныхъ Штатовъ, изображеніе нѣсколькихъ озеръ обозначаетъ предметъ просьбы; сами-же просители изображены посредствомъ своихъ тотемовъ, а единодушіе, соединяющее ихъ, обозначено линіями, проведенными отъ глаза и сердца ихъ предводителя (изъ журавлиаго племени) къ глазамъ и сердцамъ всѣхъ остальныхъ просителей.

«Бирка» представляетъ также своего рода документъ: она сообщаетъ число предметовъ, наименованіе которыхъ должно быть заранѣе извѣстно. Четки даютъ уже больше: онѣ позволяютъ отличать другъ отъ друга различныя единицы, а также сообщаютъ, какова ихъ послѣдовательность; но для того, чтобы ими пользоваться, нужно уже знать наизусть обозначаемыя ими молитвы. Въ общемъ на томъ же

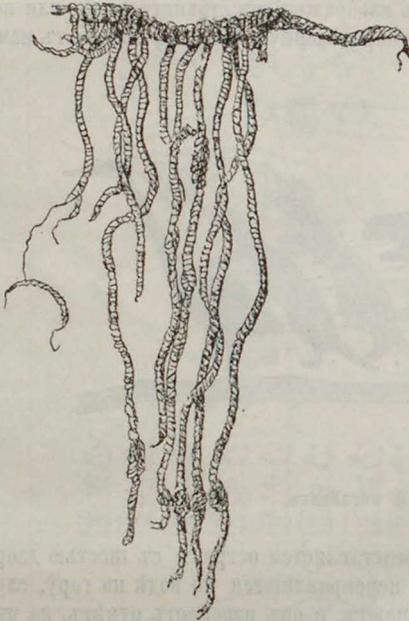

Рис. 65. — Перуанскіе счетные шнурки.

принципѣ основаны разные «жезлы приказанія» и «счетныя шнурки» (рис. 65), которыми пользовались нѣкоторые полудивилизованные народы. Узлы обозначаютъ единицы, по формѣ и цвѣту этихъ узловъ узнаются разряды.

Носовой платокъ съ завязаннымъ узломъ представляетъ какъ бы зачатокъ «счетнаго шнурка». Онъ служитъ прекраснымъ напоминаніемъ, если только знаешь, въ чемъ дѣло.

Удивительно, до какой остроты можетъ доходить память человѣка, пользующагося такими простыми средствами. Всѣ государственные документы сѣверо-американскихъ индѣйцевъ: договоры и проч., представляли просто шнурки, на которые были нанизаны раковины (рис. 66). Ихъ различали по величинѣ и цвѣту раковинъ, а также по сочетаніямъ разноцвѣтныхъ шнурковъ. Индѣйскіе послы, произнося обычную вступительную формулу: «этимъ шнуркомъ съ раковинами я открываю ваши глаза, очищаю ваши уши» и т. д., всегда старались обратить

одновременно вниманіе слушателей на свои слова и на шнурокъ, который онъ держалъ въ рукахъ. Если его предложенія принимались, то шнурокъ оставался въ качествѣ документа у вождя, и сколько бы у него ни было такихъ шнурковъ, онъ отлично помнилъ, кто именно принесъ каждый изъ нихъ, и что при этомъ говорилось. Черезъ извѣстные сроки вождь собиралъ молодыхъ людей, принадлежащихъ къ его племени, показывалъ имъ эти шнурки и заставлялъ запоминать ихъ значеніе. Такимъ образомъ каждый, кто былъ посвященъ въ тайну пониманія такихъ документовъ, могъ прочесть въ нихъ живую исторію своего племени.

Если мы обратимся теперь къ нашимъ школьникамъ, выкрикивающимъ буквы азбуки, которыя имъ показываетъ учитель, то намъ сразу будетъ понятно, въ чемъ тутъ сходство и въ чемъ различіе со всѣмъ тѣмъ, что мы только что видѣли. Почему мальчикъ говоритъ «а», когда ему показываютъ эту букву? Только потому, что учитель произнесъ звукъ «а», когда въ первый разъ показалъ ему эту букву.

Точно также и для индѣйца видъ шнурка съ раковинами связанъ съ воспоминаніемъ объ извѣстной рѣчи. Но этотъ шнурокъ изображаетъ собой цѣлую рѣчь. Если перемѣшать нанизанныя на немъ раковины и вновь нанизать ихъ въ иномъ порядкѣ, то шнурокъ этотъ потеряетъ свое значеніе для индѣйца. Каждая новая рѣчь должна быть поставлена въ связь съ особымъ шнуркомъ. Ребенокъ разъ навсегда выучиваетъ букву «а» и затѣмъ узнаетъ ее тысячи разъ; индѣецъ же долженъ отдѣльно заучивать текстъ къ каждому шнурку.

Теперь намъ уже понятно, въ какомъ направленіи должно идти совершенствованіе письма; это совершенствованіе зависитъ вполнѣ отъ того, въ какой степени удается замѣщать изображеніе цѣлой рѣчи рядомъ знаковъ, изображающихъ слова, слоги и наконецъ отдѣльные звуки. Первымъ шагомъ по пути развитія письма были рисунки, дѣлаемые для памяти. Не только индѣйцы, но даже бушмены пытаются рисовать на камнѣ разные видимые ими предметы. Если подобные рисунки служатъ для изображенія извѣстнаго происшествія, то нужно еще хранить въ памяти ключъ для ихъ пониманія. Примѣромъ такого первобытнаго письма можетъ служить изображеніе переправы индѣйцевъ черезъ Верхнее Озеро. На рисункѣ изображены: вождь, 5 лодокъ съ 51 вертикальной черточкой и еще нѣкоторые другіе предметы. Изъ этого легко понять, что однажды 51 индѣецъ подъ предводительствомъ вождя предприняли это достопамятное путешествіе.

Кто именно былъ вождемъ — это должны были помнить сами смотрящіе на рисунокъ. Однако, такъ какъ имена индѣйцевъ сплошь представляютъ названія видимыхъ предметовъ и особенно животныхъ, то и здѣсь можно было облегчить работу памяти, если удавалось изобразить рядомъ съ фигурой вождя тотъ предметъ или то животное, названіе котораго служило ему именемъ.

Дальнѣйшіе шаги въ области совершенствованія письма вполнѣ аналогичны съ ходомъ развитія языка. Одинъ и тотъ же предметъ изображался часто различнымъ образомъ; мало по малу однимъ изъ этихъ изображеній вслѣдствіе частаго ихъ употребленія стали отдавать предпочтеніе передъ остальными, и они получили, благодаря этому, широкое распространеніе. Но при этомъ очень мало заботились о томъ, чтобы рисунокъ какъ можно больше походилъ на оригиналь, а старались подражать именно тому изображенію, которое получило всеобщее признаніе. Уже мексиканцы дошли до того, что стали употреблять рисунки для выраженія посредствомъ нихъ человѣческой рѣчи, тогда какъ раньше они служили только для изображенія вполнѣ конкретныхъ предметовъ. И вотъ въ этихъ рисункахъ уже видѣли не только изображаемый ими предметъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и обозначающее его слово. Это уже значительный шагъ впередъ. Есть множество понятій, которыя нельзя изобразить при помощи рисунка. Ихъ названія можно было разбивать, разлагать на группы такихъ звуковъ, которые можно изобразить на рисункѣ; такимъ образомъ по частямъ составлялся рисунокъ, соответ-

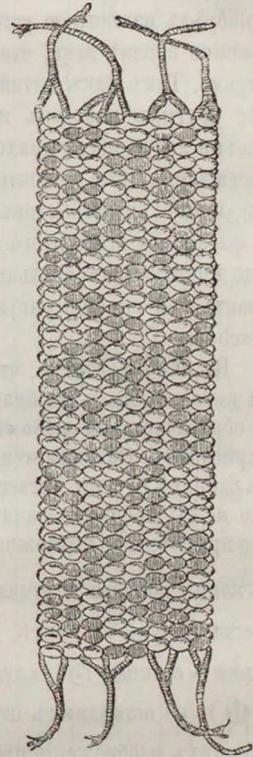

Рис. 66. — Bell of wampuns
(нитка съ раковинами).

ствующей всему слову, точь въ точь какъ мы дѣлаемъ это теперь для ребусовъ. Однако и такое письмо еще весьма несовершенно; это испытывали миссіонеры, когда имъ приходилось передавать при помощи его европейскія слова. Такъ они изображали слова «pater noster» знаками чегырехъ древнемексиканскихъ словъ, которыя произносили вмѣстѣ слѣдующимъ образомъ: «pan-te-nosch-te». Эти звуки только приблизительно напоминали читателю то, что ему слѣдовало произнести на самомъ дѣлѣ. Хотя и такое «письмо» является лишь нѣкоторымъ пособіемъ для памяти, все же оно можетъ быть весьма полезно при переговорахъ между двумя племенами, напр. при передачѣ послами своихъ вѣрительныхъ грамотъ.

Выше мы высказали предположеніе, что китайскій языкъ потому такъ рано приобрѣлъ извѣстную устойчивость, что на немъ рано стали писать. Теперь для насъ станетъ вполне ясно, что и языкъ въ свою очередь оказываетъ такое-же вліяніе на письмо. Такъ какъ китайцы рано начали пользоваться письмомъ, то они могли скорѣе другихъ народовъ и усовершенствовать его, потому что усовершенствованіе письма легче, когда приходится имѣть дѣло съ простымъ языкомъ, а не съ языкомъ, достигшимъ уже значительной сложности. Особенно трудно передать при помощи рисунковъ смыслъ словъ, выражающихъ отношенія между предметами, приставки и флексіи; а всего этого именно и нѣтъ на китайскомъ языкѣ. Но кромѣ того есть еще много самостоятельныхъ понятій, смыслъ которыхъ также очень трудно выразить при помощи рисунка; таково напр. понятіе «болтливость» — по-китайски «tschou».

Но намъ извѣстно, что китайскій языкъ стоитъ еще на той ступени развитія, на которой языкъ изобилуетъ омонимами и синонимами; поэтому надо справиться, не обозначаетъ-ли слово «tschou» еще какой-нибудь предметъ, который можетъ быть нарисованъ. Оказывается, что оно значитъ еще: корабль, пухъ, пылающій и тазъ. Въ данномъ случаѣ китаецъ, при изображеніи слова «tschou», пользовался тѣмъ, что оно между прочимъ значитъ также и «корабль», и рисовалъ его; а благодаря тому, что при этомъ по возможности упрощали и сокращали проводимыя кисточкой черты, въ концѣ концовъ получился условный знакъ , напоминающій еще развѣ только слегка парусъ на мачтѣ. Древнія формы многихъ другихъ знаковъ, каковы напр. знаки «солнца» , «луны» , «горы» (теперь пишутъ курсивомъ и) не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что и они произошли изъ настоящихъ изображеній предметовъ. Мы знаемъ, что китаецъ, для того чтобы указать, въ какомъ изъ пяти значеній онъ употребляетъ слово «tschou», долженъ былъ соотвѣтствующимъ образомъ измѣнить интонацію своего голоса. Соотвѣтственное этому средству нужно было найти и для письма. Это достигалось тѣмъ, что къ словамъ прибавляли значки, показывавшіе къ какому кругу понятій относится данный предметъ. Такіе «знаки-указатели» или «опредѣлители», бывшіе первоначально настоящими рисунками, также постепенно стали условными значками, понятными всемъ, только благодаря взаимному соглашенію. Знакъ значитъ «корабль», если рядомъ съ нимъ не стоитъ никакого «опредѣлителя»; если прибавить къ нему знакъ, изображающій два пера — , то онъ будетъ обозначать «пухъ»; если

прибавить знакъ воды 水 — тазъ и т. д. Такое письмо въ особенности при простотѣ

языка отличается замѣчательною ясностью; но при немъ число знаковъ должно быть такъ-же велико, какъ и число словъ, а число ихъ комбинацій со значками-указателями должно почти равняться числу всѣхъ значеній словъ. Во всеобщемъ употребленіи находится отъ 4,000 до 5,000 такихъ знаковъ, общее-же число ихъ, говоря, достигаетъ 100,000.

Для китайцевъ было-бы очень трудно измѣнить эту древнюю неудобную систему письма, въ виду богатства ихъ старинной литературы и того огромнаго значенія, которое она имѣетъ для всей ихъ общественной жизни. Возможностью усовершенствовать это письмо воспользовались японцы, которымъ удалось замѣнить знаки, обозначающіе дѣлыя слова, знаками отдѣльных звуковъ или группъ ихъ; всѣхъ ихъ на японскомъ языкѣ считается 47, какъ напр.: i-go-fa и т. д. (японское i-go-fa — соответствуетъ нашему — аз-буки). Всѣ слова представляютъ комбинаціи такихъ звуковъ. Для обозначенія каждаго изъ нихъ, они употребляютъ известный знакъ китайскаго алфавита; такимъ образомъ японская система письма приближается къ нашей, хотя японскіе знаки нѣсколько не похожи на наши буквы (рис. 67).

У древнихъ египтянъ одна система письма даже развилась изъ другой. Они, какъ и китайцы, несомнѣнно начали съ того что стали просто рисовать изображенія предметовъ, затѣмъ нѣкоторые изъ такихъ изображеній вошли во всеобщее употребленіе. Такъ на примѣръ знакъ ☉, изображающій солнце (Ra), обозначаетъ и божество, и солнце; знакъ ◯ Ro — значить ротъ. Но такъ какъ на египетскомъ языкѣ существовали уже не только односложные корни, но и многообразныя слова и состояющія грамматическія части рѣчи, то съ такими рисунками поступали приблизительно такъ-же, какъ это дѣлали мексиканцы: произносили только начальный звукъ того слова, которое обозначалъ рисунокъ, остальные-же звуки отбрасывали; изъ нѣсколькихъ такихъ рисунковъ, обозначавшихъ теперь только отдѣльные звуки,

イ	i	井	wi
ロ	ro	ノ	no
人	fa	オ	o
ニ	ni	ク	ku
ホ	fo	ヤ	ya
ハ	fe	マ	ma
ト	to	ハ	ke
チ	tsi	フ	fu
リ	ri	コ	ko
ヌ	nu	エ	e
ル	ru	テ	te
ウ	wo	ア	a
ワ	wa	サ	sa
カ	ka	キ	ki
ヨ	yo	ク	yu
タ	ta	メ	me
レ	re	ミ	mi
ソ	so	シ	si
シ	tsu	セ	ye
ネ	ne	ヒ	fi
ナ	na	モ	mo
ラ	ra	セ	se
ム	mu	ス	su
ウ	u	ソ	n

Рис. 67.—Японскія буквы.

составляли слова; такъ напр. знакъ произносился иногда какъ Rо и значить тогда ротъ, иногда-же какъ одно R, т. е. становился *буквой*; чѣмъ слѣдовало считать этотъ знакъ: словомъ или буквой, это было видно въ каждомъ данномъ случаѣ изъ его положенія или очевидно было по смыслу. Домъ обозначается упрощеннымъ знакомъ , а смотря по тому, нарисованы-ли надъ нимъ одна, двѣ или три черточки, можно опредѣлить, идетъ-ли рѣчь объ одномъ, двухъ или трехъ домахъ. Если-же знаки, обозначающіе ротъ и домъ изображены вмѣстѣ , то они становятся буквами и обозначаютъ слогъ «р-г» (рег). Но на египетскомъ, какъ и на китайскомъ языкѣ одинъ и тотъ-же корень можетъ имѣть нѣсколько значеній.

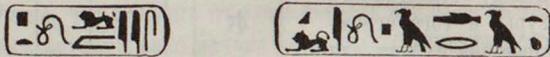

Рис. 68.—Иероглифы (Птоломей и Клеопатра).

Чтобы показать, что слогъ «рег» употребленъ именно въ смыслѣ «выходить», къ нему опять таки, какъ и на китайскомъ языкѣ, присоединяютъ знакъ, указывающій, что это слово обозначаетъ движеніе; въ данномъ случаѣ пользуются изображеніями двухъ шагающихъ ногъ и пишутъ такъ: .

На царскихъ перстняхъ (рис. 68) написаны имена Птолемея и Клеопатры. Если въ послѣднемъ имени читатель отброситъ два послѣднихъ знака, изъ которыхъ верхній t есть членъ женскаго рода, то, сравнивая слова Ptolmees и Cleopatra,

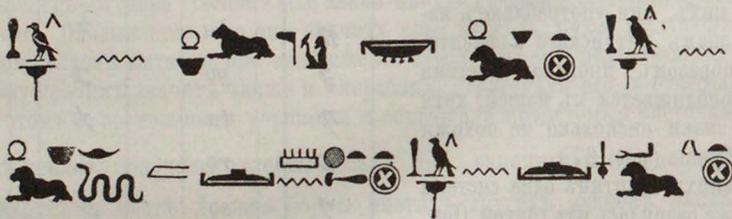

Рис. 69.—Образчикъ иероглифической надписи

можно установить значеніе каждаго изъ знаковъ. Знаки, поставленные другъ надъ другомъ, читаются сверху внизъ, а написанные рядомъ (въ данномъ случаѣ)—слѣва направо. Для буквы t есть два знака: полушаріе и протянутая ладонь.

Итакъ, существенное различіе между китайской и египетской системами письма состоитъ въ томъ, что китайцы изображали однимъ рисункомъ цѣлое слово, египтяне-же, кромѣ того пользуясь этимъ способомъ, развили изъ него-же еще другой, при которомъ знаки изображаютъ уже не цѣлыя слова, а только отдѣльные звуки. Но оба народа не могутъ обходиться при письмѣ безъ значковъ-указателей. Другія отличія, которыя съ перваго взгляда можетъ-быть гораздо больше бросаются въ глаза, не существенны. Китайскія письмена рисуются тушью при помощи мягкой кисточки и представляютъ рядъ бѣгло набросанныхъ легкихъ контуровъ съ чрезвычайно мягкими линиями. Египетскія-же письмена высѣкались на камнѣ, и контуры ихъ были замѣчательно рѣзки и точны. Но какъ только египтяне стали писать

на папирусь, эти знаки съ рѣзкими очертаніями превратились въ бѣглый и расплывчатый курсивъ, а вошедшее во всеобщее употребленіе письмо представляло весьма неясные знаки. Такое превращеніе претерпѣли и знаки, обозначавшіе звуки 𐤀 , и знаки-указатели. Такъ напр., египтянинъ, когда онъ сталъ писать на папирусь, научился изображать нѣсколькими штрихами 𐤀 значекъ, обозначающей говорящее лицо. Именно такое письмо, благодаря сношеніямъ съ чужестранцами, могло всего легче перейти къ послѣднимъ. Египетскія письма были заимствованы, находившимися съ египтянами въ торговыхъ сношеніяхъ, финикіянами, подобно тому, какъ такое-же заимствование сдѣлали японцы у китайцевъ. Положеніе финикіянъ было даже болѣе выгодное, чѣмъ японцевъ, такъ какъ они заимствовали письма у египтянъ уже въ то время, когда послѣдніе превратили ихъ въ знаки для обозначенія отдѣльных звуковъ. Финикіянамъ слѣдовательно оставалось

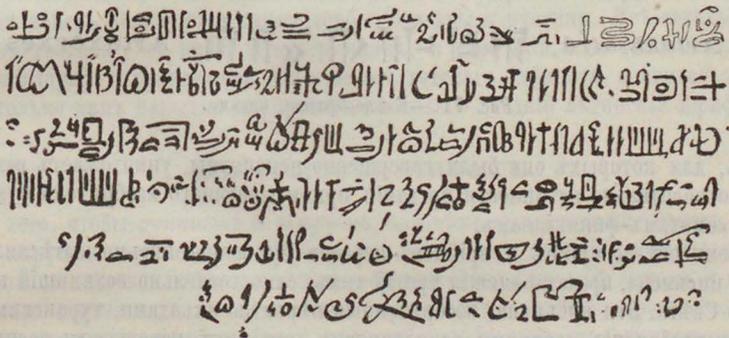

Рис. 70.—Образчикъ гіератической надписи.

только воспользоваться этими знаками, отбросивъ все излишнее, какъ-то: «опредѣлители», а также лишніе знаки въ тѣхъ случаяхъ, когда ихъ было нѣсколько для обозначенія одного и того-же звука; все это было совершенно излишнимъ въ виду того, что языкъ финикіянъ достигъ уже высокой степени развитія; имъ оставалось только опредѣлить, сколько отдѣльных звуковъ нужно имъ, и затѣмъ для ихъ обозначенія заимствовать соотвѣтствующіе египетскіе знаки, которые уже были упрощены самими египтянами, или-же изобрѣсть новыя аналогичныя египетскимъ знакамъ комбинаціи штриховъ, такъ какъ теперь уже не было надобности въ точныхъ изображеніяхъ какихъ нибудь предметовъ. Такимъ именно образомъ въ X в. до Р. X. финикіяне и создали для своего языка алфавитъ изъ 23 буквъ, часть которыхъ несомнѣнно заимствована изъ гіератическихъ курсивныхъ письменъ египтянъ (рис. 70), хотя конечно не можетъ быть и рѣчи о точной ихъ передачѣ. Заимствованные евреями и греками, эти знаки подвергаются новому выбору и новымъ измѣненіямъ и затѣмъ, постоянно снова преобразуясь, въ концѣ концовъ переходятъ по наслѣдству съ одной стороны къ намъ, а съ другой—къ племенамъ, населяющимъ Индію. Такъ, изъ гіероглифа 𐤀 получился курсивный знакъ 𐤀 , изъ этого знака получились финикійская буква א и греческая Ρ , соотвѣтствующія

русской буквѣ Р; еще примѣръ: знак курсивомъ пишется , по-финикійски , по-еврейски (соотвѣтствуетъ русскимъ с и ш), знак пишется курсивомъ , по-финикійски , по-древнееврейски , по-гречески , по латыни и т. д. — Разъ былъ данъ принципъ, на которомъ основывалось письмо буквами, то изобрѣтеніе новыхъ знаковъ, несходныхъ съ иностранными образцами, уже не представляло затрудненія. Что буквенное письмо заимствовано нами у семитовъ, всего нагляднѣе можно доказать на словѣ «алфавитъ», или по-нѣмецки «Alphabet».

На греческомъ языкѣ слова: альфа, бета, гамма, служащія названіями буквъ (но не звуковъ), не имѣютъ никакого реального значенія; по-еврейски Aleph значитъ быкъ, beth — домъ, gimel — верблюдъ и т. д. Итакъ, евреи еще знали, что буквы эти были первоначально изображеніями предметовъ и называли ихъ именами этихъ предметовъ. То обстоятельство, что мы находимъ эти-же названія буквъ и у

Artakhsatrâ *Artaxerxes*

Рис. 71.—Клинообразное письмо.

грековъ, для которыхъ они были совершенно непонятны, уничтожаетъ всякое сомнѣніе относительно истинности преданія, приписывающаго изобрѣтеніе буквеннаго письма семитамъ-финикійцамъ.

У семитовъ-ассирійцевъ и арійцевъ-персовъ буквенное письмо вытѣснило болѣе древнія письмена, представлявшія третій типъ, самостоятельно возникшій на почвѣ Старога Свѣта. Эти письмена, изобрѣтенныя вѣроятно аккадами, туранскимъ народомъ, употреблялись древними вавилонянами, отъ нихъ перешли къ ассирійцамъ, а позже—къ персамъ; по своей формѣ они называются «клинообразными». Если-бы китайцамъ, которые съ незапамятныхъ временъ рисовали свои письмена мягкой кисточкой, пришлось вмѣсто того высѣкать ихъ на твердомъ камнѣ или выводить острымъ грифелемъ на глиняныхъ доскахъ, то вѣроятно линіи этихъ письменъ потеряли-бы свою округленность и стали-бы совершенно подобны рѣзкимъ и прямымъ чертамъ клинообразнаго письма (рис. 71). Эти письмена, по сравненію съ египетскими, представляютъ гораздо болѣе низкій типъ. Очень вѣроятно, что и они были первоначально изображеніями различныхъ предметовъ, такъ напр., знакъ , обозначающій руку, еще указываетъ на подобное ихъ происхожденіе; но отъ такихъ рисунковъ не осталось ничего, кромѣ определенной группировки извѣстнаго числа отдѣльных штриховъ, имѣющихъ такую форму, при которой можно быстро высѣкать ихъ острымъ рѣзцомъ на камнѣ или выдавливать гвоздемъ въ глину. Клинообразныя письмена представляли такой-же несовершенный типъ письма, какъ и египетскіе іероглифы, такъ какъ они употреблялись и какъ знаки отдѣльных словъ, и какъ знаки, обозначающіе цѣлыя слова; впослѣдствіи, когда ими стали пользоваться персы, они превратились постепенно въ знаки, обозначающіе уже только одни звуки. Мало по малу этотъ типъ письменъ былъ вытѣсненъ другими алфавитами, развившимися изъ финикійскаго. Къ такимъ алфавитамъ должно отнести еврейскій, арабскій и сирійскій. Отъ послѣдняго произошли въ свою очередь алфавиты персидско-иран-

сихъ, индійскихъ и турецкихъ нарѣчій; отъ него-же ведетъ свое начало и древній санскритскій алфавитъ, который появляется въ Индіи въ III столѣтіи до Р. Х. Онъ въ свою очередь является родоначальникомъ нѣсколькихъ другихъ позднѣйшихъ алфавитовъ, распространившихся по Тибету и Восточной Индіи вмѣстѣ съ буддизмомъ.

Всѣ эти азіатскія письма имѣютъ одинъ общій признакъ, обличающій ихъ семитическое происхожденіе: настоящія буквы существуютъ у нихъ только для согласныхъ, гласныя-же обозначаются просто точками и черточками. Греки усовершенствовали финикійскій алфавитъ, превративъ семитическіе знаки придыханій въ буквы, обозначающія гласныя, и прибавивъ нѣсколько совершенно новыхъ буквъ. Отъ грековъ заимствовали свои письма и всѣ остальные европейскіе народы, какъ-то: римляне, этруски, галлы. «Руны» германцевъ были также подражаніемъ греческимъ буквамъ, конечно очень грубымъ, такъ какъ онѣ чертились при помощи каменнаго ножа. Точно также представляли подражаніе греческаго и тѣ два алфавита, изъ которыхъ одинъ былъ составленъ епископомъ Ульфилой для готовъ, а другой Св. Кирилломъ—для славянъ. Отъ послѣдняго произошелъ русскій алфавитъ, которымъ теперь пользуются также сербы, болгары и русины. Всѣ остальные народы заимствовали свои шрифты отъ римлянъ, и нѣмецкій, или такъ называемый готическій шрифтъ, произошелъ вовсе не отъ готскаго алфавита, а явился первоначально только какъ попытка изукрасить нѣсколько гладкій латинскій шрифтъ.

Въ области чиселъ.

Для того, чтобы *считать и мѣрить*, человѣкъ можетъ заимствовать мѣрило или отъ окружающихъ его предметовъ, или отъ самого себя. Первоначально человѣкъ конечно всѣ свои заботы и мысли сосредоточивалъ на себѣ самомъ и поэтому очень долго пользовался исключительно масштабомъ послѣдняго рода. Только недавно мы нашли въ метрѣ единицу измѣренія, связанную съ земнымъ шаромъ; прежде такія единицы человѣкъ находилъ на своемъ тѣлѣ. Это было вполне естественно и практично, покуда дѣло не шло объ географическихъ или астрономическихъ измѣреніяхъ. Если человѣку скажутъ, что комната имѣетъ 20 фут. въ длину и 2 сажени въ вышину, то онъ получитъ объ ней вполне определенное понятіе; онъ будетъ знать, что ему не будетъ слишкомъ тѣсно, если онъ захочетъ прогуляться по комнатѣ, и что комната эта вмѣщаетъ достаточное количество воздуха, такъ какъ вышина ея въ два раза больше его роста,—а это-то именно ему и надо знать, потому что комната построена для его удобства. Ему будетъ гораздо менѣе полезно узнать, что длина его комнаты, равная 5-ти метрамъ, представляетъ ровно одну 2-хъ миллионную часть разстоянія отъ экватора до сѣвернаго полюса.

Итакъ, вполне естественно, что человѣкъ старался на себѣ самомъ найти единицу для измѣренія и счета. Въ настоящее время уже очень мало осталось народовъ, на которыхъ мы можемъ наблюдать низшія ступени развитія искусства счисления, однако на основаніи такихъ наблюденій и изученія тѣхъ переживаній прошлаго, которыя сохранили новѣйшіе языки, мы можемъ составить себѣ довольно точное понятіе о ходѣ этого развитія. На нѣмецкомъ языкѣ сохранились еще выраженія: «man dächte, er könnte nicht drei zählen» или «nicht fünf zählen» (т. е. можно подумать, что онъ не умѣетъ сосчитать до «трехъ» или до «пяти»). Здѣсь мы находимъ указаніе на тѣ двѣ важныя низшія ступени, чрезъ которыя приходилось

пройти человечеству прежде, чѣмъ оно стало пользоваться теперешнимъ способомъ счисления. вмѣстѣ съ тѣмъ числа 3 или 5 являются основаніемъ для двухъ различныхъ системъ счета, которыя еще и до сихъ поръ перешлетаются между собою.

Сначала человѣкъ изъ наблюденій надъ окружающими его предметами могъ получить только неопредѣленное понятіе о «множествѣ». Этому множеству онъ противопоставлялъ себя самого, какъ единицу. Онъ одинъ представляетъ «единицу», все же остальное есть множество. Но вслѣдствіе сношеній съ другими людьми человѣкъ сталъ различать понятія «я» и «ты», а благодаря этому образовалось новое понятіе «два». Все, что больше двухъ, представляетъ «три» или множество. На этой ступени засталъ Нейвидскій князь ботокудовъ, на языкѣ которыхъ «tokenam» — значило одинъ, «hentiata» — два, все же что свыше двухъ обозначалось словомъ «uguhú», которое значило «больше» или «много». Они считали и дальше двухъ, но не словами, а указывая число предметовъ при помощи пальцевъ рукъ и ногъ. Слѣды такой системы счисления сохранили и другіе языки. Въ египетскихъ іероглифахъ I обозначаетъ единицу, II — два, III — вообще множество. Та же особенность проявляется и въ языкѣ египтянъ, которые при склоненіяхъ и спряженіяхъ различали 3 числа: единственное, двойственное и тройственное, но дальше послѣдняго не пошли; оно же было у нихъ и множественнымъ. Такимъ образомъ при дальнѣйшемъ развитіи счисления «три» становится какъ бы основнымъ числомъ, чѣмъ то вродѣ единицы высшаго разряда, подобно «десяти» у насъ. Если затѣмъ человѣкъ, подобно ботокудамъ, прибѣгалъ къ помощи рукъ и ногъ, то онъ могъ обозначить нѣсколько такихъ группъ, а именно двѣ, три или четыре; такимъ образомъ высшее число, которое могъ выразить человѣкъ при помощи словъ и жестовъ, было «двѣнадцать», и оно сдѣлалось какъ бы новой единицей высшаго разряда. И дѣйствительно, мы находимъ, что нѣкоторые народы положили это число въ основаніе своего счисления и пользуются преимущественно или даже исключительно имъ какъ единицей высшаго разряда; у другихъ слѣды подобнаго счисления сохранились еще въ такихъ мѣрахъ, каковы напр. дюймы, въ счетѣ на дюжины или въ монетной системѣ (гульденъ). Въ качествѣ единицы высшаго разряда двѣнадцать, какъ составленное путемъ сложения самыхъ мелкихъ группъ (*двѣ* руки, *двѣ* ноги, число *три*), имѣетъ то преимущество, что легче дѣлится на части, чѣмъ единица высшаго разряда того счисления, въ основаніе котораго положены группы *пять* (по числу пальцевъ) и *два*.

Насколько всякому человѣку естественно пользоваться при счетѣ своими пальцами и обозначать однимъ изъ нихъ каждый изъ считаемыхъ предметовъ, это знаетъ всякій учитель, которому пришлось на себѣ испытать, какъ трудно бываетъ отучить дѣтей отъ этой привычки. На первыхъ порахъ люди остановились на числѣ пять, т. е. на числѣ пальцевъ только одной руки, и, взявъ его какъ основную группу при счисленіи, не пошли далѣе. Это объясняется тѣмъ, что сначала одна рука всегда была занята откладываньемъ пальцевъ на другой, и что прошло не мало времени прежде, чѣмъ люди, благодаря постоянному упражненію, оставили эту привычку; первоначально же, сосчитавъ до пяти, они снова должны были начинать счетъ съ единицы.

Очень вѣроятно, что названія чиселъ свыше 3 были заимствованы людьми отъ названія руки, этой природной машины для счета, хотя въ настоящее время почти невозможно уже найти въ языкахъ культурныхъ народовъ слѣды подобнаго происхожденія. Еще теперь на языкѣ таманавовъ, живущихъ по рѣкѣ Ориноко, число «пять» обозначается выраженіемъ «цѣлая рука», а абионы вмѣсто числа «четыре»

говорят «нога страуса» (по числу пальцев). Можетъ-быть на нѣчто подобное указываютъ и славянскія названія чиселъ: такъ напр., очень вѣроятно, что слова пять, пятить, пята, пясть находятся въ родствѣ другъ съ другомъ. Кромѣ того замѣчательно различіе, существующее у русскихъ въ согласованіи числительныхъ до пяти и послѣ пяти.

Болѣе опредѣленные и ясныя указанія относительно процесса развитія численія сохранились для насъ въ римскихъ цифрахъ, которыми впрочемъ до 16-го столѣтія пользовалась почти вся Западная Европа. Римляне обозначали каждую единицу чертой: I, II, III, IIII; для пяти у нихъ былъ особый знакъ V, обозначавшій вѣроятно два крайніе пальца руки (сокращенное изображеніе всей руки), и это число представляло у нихъ уже единицу высшаго разряда. Далѣе счетъ велся по пальцамъ другой руки, причемъ для каждаго пальца къ знаку V прибавлялись по одной чертѣ: VI, VII и т. д. Наконецъ все пальцы обѣихъ рукъ обозначались цифрой X, представляющей двойной знакъ V. Десять становилось въ свою очередь единицей слѣдующаго высшаго разряда, и число такихъ разрядовъ все увеличивалось, по мѣрѣ того какъ у человѣка являлась надобность ориентироваться среди все большихъ и большихъ количествъ. Въ то время, когда десять было еще наибольшимъ числомъ, такія слова, какъ сотня, тысяча, выражали просто неопредѣленное понятіе о множествѣ, и только мало по малу они получили болѣе точный смыслъ, а именно 10×10 и $10 \times 10 \times 10$. Греки имѣли еще названіе для $10 \times 10 \times 10 \times 10$; но такъ какъ это число казалось имъ той границей, дальше которой уже невозможенъ счетъ, то названіе его—мириада—обозначало въ то же время и просто «громадное количество». Слова «милліонъ» древніе народы совсѣмъ не знали.

На менѣ развитыхъ народахъ мы можемъ еще непосредственно наблюдать нѣкоторыя изъ низшихъ ступеней процесса образованія чиселъ. Зулусы обозначаютъ 6 выраженіемъ, значущимъ «взять большой палецъ», 7—формой глагола «указывать». Они хотятъ этимъ выразить, что данное число заключаетъ, кромѣ всѣхъ пальцевъ одной руки, еще большой палецъ или большой и указательный пальцы другой руки. Къ такому же способу обозначенія прибѣгаютъ и упомянутые уже нами таманки и для 6 употребляютъ выраженіе «одинъ (палецъ) другой руки» и т. д. «Обѣ руки» значить у нихъ 10, «одинъ (палецъ) ноги»—11, «вся нога»—15, «одинъ (палецъ) другой ноги»—16, «весь человѣкъ»—20.

Также и у абионовъ «пальцы обѣихъ рукъ» значить 10, а «пальцы рукъ и ногъ»—20. Если названія чиселъ на нашихъ новѣйшихъ языкахъ не имѣютъ повидимому ничего общаго съ вышеприведенными названіями, то все же система счета осталась прежняя; разница только въ томъ, что выбираются различныя единицы высшаго разряда: 5, 10 и даже 20. Сенегальскіе негры до сихъ поръ остаются все еще при 5-ти и считаютъ по этому такъ: пять и одинъ, пять и два и т. д. То же самое дѣлаемъ мы по отношенію къ десяти, двадцати и т. д. На многихъ языкахъ «цѣлый человѣкъ», т. е. 20, играетъ роль единицы высшаго разряда. И у европейскихъ народовъ сохранились еще слѣды такой системы счисленія: по-датски 60 будетъ «tredsinstyve», т. е. трижды двадцать, по-французски 80—«quatre-vingt»—четырежды двадцать. На кой какіе слѣды и до сихъ поръ остались отъ системы счета группами въ 3 единицы,—которыя впрочемъ, благодаря тому, что впоследствии стали прибѣгать уже къ помощи обѣихъ рукъ и ногъ, замѣнились группами въ 12 единицъ. Прежде въ Германіи различали сотню въ 10 десятковъ и въ 12 десятковъ, которую въ отличіе отъ обыкновенной сотни называли большой «Grosshundert»; впрочемъ здѣсь мы имѣемъ уже комбинацію двухъ системъ: десятирич-

ной и двѣнадцатиричной. Правильнѣе счетъ на «гроссы» (12×12) = 144 (гроссъ перьевъ, т. е. 12 дюжинъ). Выборъ такой системы счета въ связи съ нашимъ способомъ обозначенія чиселъ (пришлось бы писать 10 вмѣсто 12 и вставить еще двѣ новыя цифры передъ 10-ю) оказался бы очень удобнымъ при веденіи вычисленій.

Точно также въ себѣ самомъ и въ своей дѣятельности первоначально нашелъ человѣкъ мѣрило для всего окружающаго. При послѣдующемъ развитіи искусства измѣренія повторяется то же, что мы наблюдали при развитіи языка. Сначала каждый самостоятельно выбиралъ для обозначенія разныхъ разстояній и величинъ тѣ сравненія, которыя онъ находилъ наиболѣе подходящими; притомъ всего чаще роль мѣрила приходилось играть конечностямъ самого человѣка или ихъ частямъ. Правда, благодаря этому, люди сначала употребляли самыя разнообразныя мѣры. Только при развитіи сношеній между людьми мало по малу получали всеобщее признаніе тѣ изъ этихъ мѣръ, которыя оказывались наиболѣе удобными. Поясимъ это примѣромъ. Разстоянія, напр. на полѣ, никогда не измѣрялись локтями, но ко всякаго рода матеріямъ эта мѣра прилагалась постоянно. Почему-же? А потому, что въ старину матеріи представляли очень узкія полосы, которыя удобно было отмѣривать локтемъ, т. е. наматывать на руку, начиная со сгиба большого пальца, оборачивая затѣмъ матерію вокругъ локтя и снова натягивая ее до большого пальца: длина полного оборота матеріи представляла при этомъ единицу мѣры, равную двойной длинѣ предплечія, которое, прежде чѣмъ стать мѣрой, стало вообще покрываться тканью.

Само собой разумѣется, что такая единица измѣнялась въ зависимости отъ мѣряющаго лица, и дѣйствительно есть локти короткіе и длинныя. Локоть человѣка средняго роста имѣетъ въ длину около 74 сантиметровъ. Кромѣ различія расы, могло оказывать вліяніе еще и то обстоятельство, мѣрилъ ли мужчина, или женщина, которая обыкновенно бываетъ нѣсколько меньше ростомъ; но эти различія не имѣютъ большого значенія. На рынкахъ въ Суданѣ до сихъ поръ еще продаютъ такимъ образомъ полотно; покупатель сначала осматриваетъ локоть продавца, и затѣмъ, смотря по длинѣ его, предлагаетъ ему большую или меньшую цѣну. Но когда для отмѣриванія было изобрѣтено деревянное мотовило, замѣнившее легко устающую руку, то начинаютъ наблюдать за тѣмъ, чтобы размѣры мотовила повсюду были по возможности одинаковы; для этого опредѣляютъ длину той нити, которая должна наматываться при одномъ оборотѣ его. Такимъ образомъ въ мѣстахъ, гдѣ производится торговля, устанавливаются постоянныя мѣры. Но конечно и такія мѣры могли быть очень разнообразны; такъ напр., прежде различались локти: франкфуртскій, нюрнбергскій, вѣнскій, пражскій. Но мало по малу это разнообразіе мѣстныхъ мѣръ начало исчезать, такъ какъ при торговлѣ стали отдавать предпочтеніе нѣкоторымъ изъ нихъ. Въ концѣ концовъ установились однообразныя мѣры въ цѣлыхъ странахъ и государствахъ. Древне-египетскій локоть былъ очень малъ: онъ имѣлъ въ длину всего 52,4 сантиметра, въ Германіи франкфуртскій локоть въ 54 сант. и саксонскій въ 52 сант. принадлежали къ наименьшимъ; австрійскій же въ 78 и баварскій въ 83 сант.—къ наибольшимъ. Если бы за послѣднее время въ Германіи не вошла въ употребленіе искусственная метрическая мѣра, то навѣрное тамъ установился бы одинъ общенѣмецкій локоть.

Болѣе мелкія мѣры представляетъ пядень, ширина ладони, большой палецъ (дюймъ), суставъ пальца, ноготь; наибольшую же изъ мѣръ того же рода представляетъ ростъ человѣка, который равенъ приблизительно разстоянію между концами двухъ вытянутыхъ въ противоположныя направленія рукъ. Этой длинѣ соотвѣт-

ствуютъ изъ мѣръ нѣмецкая сажень—6 фут. (маховая сажень) и пожалуй также обыкновенная сажень. Разстоянія на землѣ измѣрялись прежде всего конечно шагами, а если требовалась большая точность—длиною ступни; большія разстоянія измѣрялись «привалами» и «днями». Отъ римлянъ заимствовали другіе народы мѣры длины, равную тысячѣ (mille) двойныхъ шаговъ; отсюда происходитъ названіе «миля». Чѣмъ больше мы углубляемся въ древность, тѣмъ разнообразіе и произвольнѣе становятся мѣры. Древніе германцы называли мѣрой разстояніе, которое можетъ пролетѣть топоръ или стрѣла, позже ею становится разстояніе выстрѣла, и наконецъ даже «трубка», т. е. время, необходимое для того, чтобы ее выкурить, у японцевъ—«лошадиный башмакъ»; дѣло въ томъ, что въ Японіи не подковываютъ лошадей, а при путешествіи имъ подвязываютъ, какъ это дѣлалось впрочемъ раньше и въ Германіи, подъ копыта своего рода соломенные подошвы, которыя нужно время отъ времени возобновлять. Впослѣдствіи изъ этого безграничнаго разнообразія мѣстныхъ мѣръ мало по малу, путемъ постепеннаго выбора, выдѣлились единицы измѣренія, пользующіяся уже всеобщимъ признаніемъ въ обширныхъ областяхъ.

II. ОБЛАСТЬ КУЛЬТА.

Культъ, миѳъ и религія.

Съ теченіемъ времени по мѣрѣ осложненія общественныхъ отношеній, понятіе религіи все болѣе и болѣе расширяется, а въ наше время оно сдѣлалось даже весьма неопредѣленнымъ. Первоначально слово «религія» означало исключительно отношеніе человѣка къ какому нибудь духу или міру духовъ, находящихся внѣ его; нынѣ же, когда хотятъ узнать отъ человѣка, какой онъ «религіи» его спрашиваютъ, какихъ онъ взглядовъ относительно астрономіи, геологіи, біологіи и разныхъ другихъ предметовъ. Такъ какъ въ настоящее время думаютъ, что не только отдѣльный человѣкъ, но и вся вселенная находится въ постоянной связи съ властвующимъ надъ міромъ духовнымъ существомъ, то религіею человѣка составляетъ все его міросозерцаніе. Причины такого измѣненія или, точнѣе расширенія понятія религіи совершенно естественны и легко объяснимы: расширеніе это идетъ параллельно съ освобожденіемъ человѣка отъ его первобытнаго изолированнаго существованія, параллельно съ созданіемъ извѣстной общественной организаціи и съ возникновеніемъ понятія о вселенной.

Очевидно, что понятія о религіи должны быть совершенно различны на двухъ противоположныхъ концахъ того пути, по которому шло развитіе человѣчества. Если мы займемся вопросомъ о происхожденіи религіи, то конечно результатъ нашихъ изслѣдованій будетъ совершенно различенъ, смотря по тому, которое изъ этихъ различныхъ понятій мы положимъ въ основаніе нашихъ изысканій. Въ этомъ кроется объясненіе того несогласія между различными изслѣдователями, которое вѣроятно бросалось въ глаза читателю, если онъ занимался этимъ вопросомъ. Если изслѣдователь исходитъ изъ современнаго понятія о религіи, то его разспросы и наблюденія надъ дикими племенами приводятъ его къ тому убѣжденію, что на земномъ шарѣ существуетъ много или по крайней мѣрѣ нѣсколько народовъ, у которыхъ нѣтъ и

слѣда религіи. Тѣ-же изслѣдователи, которые понимали религію болѣе широко, находили, что нѣтъ народа, находящагося на такой низкой ступени развитія, чтобы въ мышленіи его отсутствовали совершенно всякіе религіозные элементы, хотя-бы въ самой грубой формѣ.

Изслѣдователи и того, и другого направленія могутъ сослаться въ подтвержденіе своихъ взглядовъ на вполне достовѣрныя данныя. Извѣстны факты, когда люди на вопросъ, кто, по ихъ мнѣнію, создалъ небо,—отвѣчали, что они этого не знаютъ и что имъ никогда даже не приходила въ голову такая мысль. Но изъ этого слѣдуетъ только, что не на почвѣ *такихъ* вопросовъ возникаютъ религіозныя представленія. Если читатель изъ нашего предыдущаго изложенія составилъ себѣ вѣрное понятіе о томъ, насколько заботы о пропитаніи должны были поглощать всю жизнь первобытнаго человѣка, лишеннаго всѣхъ благъ культуры,—то онъ легко пойметъ, какъ мало было времени и поводовъ у такого человѣка заниматься разными отвлеченными вопросами. До того времени, когда первобытный человѣкъ изобрѣлъ первыя орудія и научился добывать огонь, даже въ самой благодатной мѣстности матеріальныя заботы, чередуясь съ отдыхомъ, должны были наполнять все его существованіе. Да къ тому-же, какой массы работы требовали отъ его мыслительныхъ способностей употребленіе орудій и развитіе языка и общественныхъ отношеній. Такъ что, независимо отъ внѣшнихъ условій жизни, у первобытнаго человѣка не могло быть и никакихъ внутреннихъ побужденій къ умозрѣніямъ. Нашимъ дѣтямъ мы уже рано начинаемъ говорить о небѣ и землѣ, связывая съ ними понятіе о вселенной, и этимъ вызываемъ съ ихъ стороны различные вопросы такого-же рода; но какъ могъ задать себѣ такой вопросъ или составить подобное понятіе первобытный человѣкъ прежде, чѣмъ не завершился медленный процессъ его обобщенія?

Скорѣе мы должны предположить, что *человѣкъ самъ* является центральнымъ пунктомъ своего мышленія, подобно тому, какъ на себѣ онъ сосредочивалъ всѣ свои заботы; первыя робкія и безпомощныя попытки размышленія зарождаются не только въ человѣкѣ, но и первымъ ихъ объектомъ является человѣкъ; только впослѣдствіи онѣ идутъ дальше и захватываютъ постепенно другія болѣе отдаленныя сферы. Тотъ фактъ, что даже человѣкъ, стоящій на самой низкой ступени развитія, размышляетъ о самомъ себѣ и себѣ подобныхъ, не ускользнулъ отъ вниманія ни одного изъ изслѣдователей. Всѣ они согласно утверждаютъ, что даже у тѣхъ «дикихъ», у которыхъ, по ихъ мнѣнію, нѣтъ ни малѣйшаго понятія о религіи, можно найти различныя «суетврія», но эти суетврія не имѣютъ между собой никакой связи, въ нихъ нѣтъ и слѣда «системы». Здѣсь передъ нами опять-таки то-же самое явленіе, съ которымъ мы уже встрѣтились при изученіи процесса развитія языка.

Всѣ первыя попытки человѣка, на что-бы онѣ ни были направлены, представляютъ акты личнаго произвола; всякая-же система можетъ выработаться только путемъ соглашенія. Произволъ личности ограничивается лишь настолько, насколько это является необходимымъ по существу дѣла. «Суетврія» есть вообще понятіе очень шаткое, въ данномъ-же случаѣ это названіе примѣнено совершенно неправильно, такъ какъ оно выражаетъ только *наше* сужденіе о чужихъ понятіяхъ, значеніе которыхъ совершенно отъ него не зависитъ. Наша задача состоитъ не въ томъ, чтобы провести различіе между вѣрой и суетвріемъ; а въ томъ, чтобы прослѣдить ту историческую послѣдовательность, въ какой шло развитіе религіозныхъ представленій людей.

Основой всякаго религіознаго понятія, съ которымъ мы встрѣчаемся рѣшительно во всѣхъ случаяхъ, является представленіе о невидимомъ началѣ—*жизни*.

Умозаключенія, путемъ которыхъ доходить всякій человѣкъ до представленія объ этомъ принципѣ, такъ просты, что, казалось, ихъ подсказываетъ ему сама природа; о немъ говорить человѣку каждый смертный случай. Совершенно здоровый человѣкъ получаетъ рану и черезъ нѣсколько минутъ онъ уже лежитъ мертвый. Тѣло его осталось совершенно такимъ-же, какимъ оно было и при жизни; но тотъ, который еще только что былъ полонъ *жизни*, теперь *лишенъ* ея. При такихъ случаяхъ каждому человѣку приходило на умъ, что жизнь есть нѣчто отдѣльное отъ тѣла, такъ какъ тѣло можетъ быть то одарено жизнью, то лишено ея. Что-же такое жизнь? Объ этомъ могутъ быть весьма разнообразныя представленія. Намъ покуда достаточно будетъ знать, что указаннымъ путемъ человѣкъ доходитъ до представленія о жизненномъ началѣ, которое не тождественно съ тѣломъ. Представленіе объ этомъ началѣ могло быть весьма неопредѣленнымъ, и это отражается напр. въ несмѣлыхъ попыткахъ языка дать ему соответствующее названіе. Жизненное начало представляли себѣ настоящей *личностью* человѣка и называли его «онъ», какъ будто-бы тѣло есть только служебный органъ, или-же этому началу придавали особое названіе, напр. «душа», «духъ». Первое и самое неопредѣленное обозначеніе есть вмѣстѣ съ тѣмъ и наиболѣе древнее; такъ, въ надписяхъ, попадающихся на древнихъ египетскихъ гробницахъ, часто говорится объ «немъ» или объ его «личности», а не употребляется выраженіе «душа»; на позднѣйшемъ-же языкѣ есть уже особое слово, обозначающее *душу*. У насъ еще до сихъ поръ сохранилось болѣе древнее названіе въ такихъ выраженіяхъ, какъ: «онъ внѣ себя», «онъ пришелъ въ себя» и т. п. Итакъ, мы словомъ «онъ» обозначаемъ или духъ человѣка, или его тѣло, или-же наконецъ ихъ соединеніе — живую человѣческую личность, и это какъ-бы показываетъ, что человѣкъ только постепенно научился точно разграничивать другъ отъ друга эти созданныя имъ понятія.

Эти представленія связаны между прочимъ съ вопросами: «каковы свойства души и безсмертна-ли она или нѣтъ?»

На первый изъ этихъ вопросовъ уже давно существовали отвѣты, и притомъ, какъ мы увидимъ ниже, весьма разнообразные. Второй вопросъ могъ зародиться у человѣка не раньше, чѣмъ у него явилось понятіе о безконечности, а откуда могло возникнуть у первобытнаго человека такое понятіе! Онъ зналъ только, что душа въ тотъ моментъ, когда она покидаетъ умирающее тѣло, бываетъ еще жива, потому что, оставляя тѣло, она тѣмъ самымъ проявляетъ свою жизненность. Но какъ долго еще живетъ она послѣ этого? Для рѣшенія этого вопроса не было еще данныхъ; по крайней мѣрѣ пользующихся всеобщимъ признаніемъ. Человѣкъ могъ только въ отдѣльныхъ случаяхъ полагать, что онъ имѣетъ дѣло съ проявленіемъ души умершаго и заключать по этому, что она жива.

Всего болѣе согласны между собой все народы, близкіе къ первобытному состоянію, относительно того, что душа или точнѣе духъ, какъ обыкновенно называютъ душу, покинувшую тѣло, можетъ продолжать свое существованіе только при извѣстныхъ условіяхъ, а также — относительно того, каковы именно эти условія. При обсужденіи этихъ вопросовъ повсюду мы замѣчаемъ одинаковый ходъ мыслей. Для чего мы ѣдимъ и пьемъ? Для того, чтобы *жить*; жизнь-же заключается въ *душѣ*, поэтому нуждается въ пищѣ и питьѣ душа: вѣдь не безжизненное-же тѣло пить и ѣсть? Такъ рассуждали люди вездѣ, гдѣ вѣра въ духовъ находилась на самой низкой ступени развитія. Но отъ чего-же могло зависѣть существованіе духа, покинувшего свою тѣлесную оболочку? Отъ того, пользуется-ли онъ всеми необходимыми для своего существованія условіями, т. е. *заботятся-ли* объ немъ живые люди.

Духу, о котором заботятся люди, обеспечена возможность дальнѣйшаго существованія. А забота о душахъ умершаго и есть низшая форма *культы*.

Кто долженъ заботиться о духѣ? На этотъ вопросъ могло-бы явиться нѣсколько различныхъ отвѣтовъ, если-бы центромъ, вокругъ котораго сосредоточивалось все мышленіе человѣка, не былъ онъ самъ. Но не предполагалъ-ли первобытный человѣкъ, что духъ самъ можетъ заботиться о своемъ существованіи? Намъ извѣстны только отдѣльные указанія, что кой гдѣ у народовъ, стоящихъ на сравнительно низкой ступени развитія, встрѣчались сѣды подобнаго воззрѣнія. Можно скорѣе сказать, что человѣкъ повсюду считаетъ себя самого *обязаннымъ* заботиться о духахъ, такъ какъ свою зависимость отъ какихъ-то силъ, зависимость, въ которой онъ постоянно убѣждался на опытѣ, онъ относилъ къ духамъ.

Первобытный человѣкъ не доискивался причинъ тѣхъ явленій, которыя не касались его непосредственно, не причиняли ему ни вреда, ни удовольствія. Ему не приходило напр. на умъ анализировать, чѣмъ вызывается такое явленіе, какъ градъ, но его долженъ былъ занимать вопросъ, почему градины причиняютъ боль его кожѣ. Онъ долженъ былъ подозрѣвать во многихъ явленіяхъ какую-то силу, которая, не смотря на вполнѣ ощутительныя ея дѣйствія, остается для него скрытой. Мы уже знаемъ, что весь жизненный опытъ первобытнаго человѣка могъ привести его къ понятію только объ *одномъ* родѣ существъ, невидимыхъ, но въ то-же время проявляющихъ свою силу. Такими существами являлись души или духи; отсюда человѣкъ долженъ былъ неизбежно прийти къ тому выводу, что онъ находится во власти именно *этихъ* существъ, враждебному или недружелюбному дѣйствію которыхъ онъ вполнѣ предоставленъ. Но для него еще оставался нерѣшеннымъ вопросъ, совершенно-ли тождественны эти существа съ покидающими человѣческое тѣло душами, или-же онъ долженъ предполагать въ основаніи явленій, не имѣющихъ видимой причины, дѣятельность существъ, совершенно ему неизвѣстныхъ и только подобныхъ душамъ умершихъ. Первое изъ этихъ представленій свойственно народамъ, стоявшимъ на самой низкой ступени культуры, второе-же распространялось по мѣрѣ расширенія общественной организаціи. Что таковъ именно былъ порядокъ развитія представленій о невидимомъ, это доказываетъ намъ форма культы, свойственная самымъ некультурнымъ народамъ, но сохранившаяся еще и на послѣдующихъ ступеняхъ.

Дикарь отличается отъ человѣка культурнаго главнымъ образомъ тѣмъ, что опытъ перваго ограничивается только воспоминаніями изъ его собственной жизни, второй-же получаетъ въ наслѣдство весь опытъ предшествовавшихъ поколѣній. Эта разница очень сильно сказывается также и въ области религіозныхъ представленій. Воспоминанія о дѣломъ рядѣ предшествовавшихъ поколѣній становится между культурнымъ человѣкомъ и изначала существующими духами; послѣдніе, благодаря этому, очень отдаляются, вырастаютъ въ глазахъ человѣка и могутъ быть съ извѣстнымъ правомъ уже названы *богами*; но о первоначальной связи новыхъ представленій съ старыми еще ясно свидѣтельствуетъ неизмѣнившійся культъ. Поэтому-то культъ долженъ, какъ только новое понятіе о богѣ значительно удалится отъ старыхъ представленій и достигнетъ такой высоты, которая предполагаетъ уже довольно широкое міросозерцаніе, отступить на задній планъ или-же его формы должны подвергнуться *символическому* толкованію.

На этой ступени содержаніе понятія «религія» должно быть уже совершенно иное, чѣмъ на предшествующихъ; первоначальной формой религіознаго чувства всегда было, нашедшее себѣ выраженіе въ культѣ, сознаніе необходимости заботиться о духѣ умершаго, и разъ эта обязанность исполнена—притязаніе на содѣйствіе и по-

мощь со стороны духа. Совѣмъ другое — *миѳологія*: ей отнюдь нельзя придавать значенія одного изъ первоначальныхъ элементовъ религіи, а тѣмъ болѣе считать ее источникомъ этой послѣдней; она скорѣе можетъ быть сравнена съ журчаньемъ и плескомъ, съ которымъ ручеекъ бѣжитъ отъ питающаго его источника. Журчанье ручейка и теченіе воды находятся между собой въ тѣсной связи такъ-же, какъ и миѳологія съ религіозными понятіями людей; но подобно тому, какъ безъ текущей воды не было-бы журчанья, такъ и миѳологія, вопреки распространенности противоположнаго взгляда, вовсе не творитъ религіозныхъ представленій. При однообразныхъ условіяхъ первобытныхъ людей и отсутствіи у нихъ исторической жизни, когда, — прибѣгая къ нашему сравненію, — ручеекъ еще не течетъ, — не существуетъ и миѳовъ, или-же они являются въ зачаточной формѣ; но и на этой ступени развитія человѣчества существуетъ страхъ передъ духами, желаніе умолишить ихъ, существуетъ, однимъ словомъ, культъ. Но чѣмъ богаче становится религіозная жизнь человѣчества, тѣмъ громче, пока она еще не попала подъ перо историка, слышится журчаніе ручейка миѳологіи, и своимъ теченіемъ онъ срываетъ и уноситъ тысячи цвѣтовъ, которые прежде безпечно росли на берегахъ его и отражались въ его волнахъ. На этой ступени кажется очень трудно провести границу между религіей и миѳологіей. Но на самомъ дѣлѣ, пользуясь культотъ въ качествѣ пробнаго камня, можно прекрасно отличить дѣйствительную основу религіозныхъ представленій отъ мишуры миѳологіи. Въ виду того, что съ теченіемъ времени заботы объ умершихъ все возрастали и усложнялись, слѣдуетъ признать, что человѣчество, создавъ культъ, возложило на себя тѣмъ самымъ огромное бремя; богатыя гробницы, принадлежащія къ тѣмъ временамъ, когда люди жили еще въ очень бѣдной обстановкѣ, миллионы капель пота, орошавшія пирамиды, кровь жертвъ, принесеніе въ жертву многихъ другихъ жизненныхъ благъ, — все это показываетъ намъ тяжесть этого бремени. Первобытный человѣкъ, который съ такимъ трудомъ добывалъ самые необходимые для своего существованія предметы, никогда не возложилъ-бы на себя такой тяжелой обязанности только для того, чтобы символическими дѣйствіями выражать свои поэтическія представленія о вещахъ. Та религія, которая такъ глубоко захватывала, да и теперь еще захватываетъ человѣческую жизнь, сводилась не къ миѳологіи и философій, а къ *культу*. На разсмотрѣніи этой-то формы религіи и исторіи ея развитія мы и остановимся нѣсколько дольше, а затѣмъ сообщимъ необходимѣйшія свѣдѣнія объ отношеніи ея къ миѳологіи.

Вѣра въ души и духовъ.

Хотя, какъ мы видѣли, культъ и религія кукта повсюду берутъ начало изъ одного и того-же источника, однако они могутъ уже на самыхъ первыхъ порахъ принимать весьма разнообразныя формы. Культъ въ простѣйшемъ его видѣ можно опредѣлить какъ «заботу о душѣ умершаго». Отсюда понятно, что форма культа будетъ зависѣть отъ представленія о душѣ и отъ характера тѣхъ попеченій, предметомъ которыхъ является душа. Тѣ представленія объ отношеніи между душой и тѣломъ, которыя господствуютъ среди какого нибудь народа на извѣстной ступени развитія, мы будемъ называть «народной физиологіей», а характеръ и родъ попеченій о душѣ умершаго зависать всякій разъ отъ степени матеріальной культуры народа. Итакъ, форма культа опредѣляется двумя факторами: народной физиологіей и степенью матеріальной культуры.

Но такъ обстоитъ дѣло только на первыхъ ступеняхъ культуры, впоследствии

же является новый факторъ, опредѣляющій форму культа, — это духовное наслѣдіе, достающееся людямъ отъ ихъ предковъ. Дѣло въ томъ, что именно по отношенію къ культу человѣкъ является наиболѣ консервативнымъ, и это вытекаетъ изъ самой сущности дѣла. Душа, покинувшая тѣло, нуждается въ попеченіи, но не одно только благочестіе заставляетъ человѣка объ ней заботиться, а также его собственная выгода. Можно бы предположить, что благочестіе есть чувство, врожденное всѣмъ людямъ, и что человѣкъ заботится о душѣ умершаго по той же причинѣ, по которой онъ считаетъ своимъ долгомъ заботиться о своей матери или о главѣ семьи при ихъ жизни; но мы уже знаемъ, что часто крайняя нужда заставляла первобытныхъ людей оставлять на произволъ судьбы самыхъ старыхъ членовъ семьи, чтобы, благодаря этому, сохранить достаточно пропитанія для самихъ себя. Такимъ образомъ мы видимъ, что чувство благочестія является очень ненадежною опорой для культа, и опора эта легко могла бы подломиться, еслибы на помощь ей не являлось въ человѣкѣ и чувство собственной выгоды. Возврънія первобытныхъ людей на значеніе, которое имѣютъ для нихъ духи, вполне характеризуются поступкомъ того африканскаго предводителя, который покинулъ сопровождаемаго имъ путешественника, когда головная боль напомнила ему, что онъ недостаточно заботился о душѣ своего умершаго отца. Первобытный человѣкъ не знаетъ еще никакой другой, невидимо дѣйствующей силы, кромѣ той, которая исходитъ отъ души умершаго, и, благодаря этой ограниченности своего опыта, онъ и въ области духовъ знаетъ только души своихъ ближайшихъ родственниковъ, отъ которыхъ онъ при жизни ихъ находилъ въ извѣстной зависимости, опредѣляемой устройствомъ данной семейной группы. Поэтому всякую боль или несчастье, неизмѣющія видимыхъ причинъ, онъ приписываетъ дѣятельности одного изъ родственниковъ ему духовъ. Такъ, только что упомянутому африканцу головную боль причинилъ духъ его отца. Духъ можетъ причинить живому человѣку болѣзнь и даже убить его. Вообще духъ умершаго обладаетъ гораздо большимъ могуществомъ, чѣмъ духъ, связанный съ тѣломъ; онъ можетъ безпрепятственно носиться по воздуху, а бразильскіе индѣйцы думаютъ даже, что духи могутъ производить громъ. Они могутъ также, по ихъ возврнію, побивать градомъ поля, предохранять животное, за которымъ охотится человѣкъ, посылать на людей голодъ и всякую нужду, однимъ словомъ — причинять имъ всяческой вредъ.

Но зачѣмъ же духи дѣлаютъ все это? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, человѣкъ можетъ опять-таки обратиться только къ помощи своего личнаго житейскаго опыта. Самымъ естественнымъ являлось при этомъ предположеніе, что, нанося человѣку вредъ, духи показываютъ этимъ, что они имъ недовольны, что они ощущаютъ въ чемъ нибудь недостатокъ а послѣдній конечно происходитъ оттого, что человѣкъ недостаточно заботится объ нихъ. Разъ человѣкъ приходилъ къ такому заключенію, онъ дѣлалъ изъ него слѣдующій выводъ: если я хочу, чтобы со мной не случилось никакого несчастья, чтобы плоды моихъ полей благополучно созрѣвали, чтобы дичь не избѣгла моего копья, чтобы самъ я былъ здоровъ и невредимъ, то мнѣ необходимо заботиться о духахъ умершихъ. Если мы назовемъ «жертвой» тотъ даръ, который приноситъ духу дикарь, то намъ уже теперь станетъ понятнымъ, какъ могъ индусъ дойти до того заключенія, что «жертвы» поддерживаютъ существованіе міра».

А разъ такъ много зависитъ для первобытнаго человѣка отъ его заботы о душѣ умершаго, то онъ долженъ былъ очень остерегаться, чтобы не упустить или не измѣнить чего нибудь при исполненіи унаслѣдованныхъ имъ обязанностей по отно-

шенію къ душамъ умершихъ. Поэтому именно въ культѣ мы можемъ найти указанія на такіе обычаи и привычки, относительно которыхъ не сохранилось никакихъ историческихъ данныхъ. Хотя съ теченіемъ времени къ этимъ обычаямъ прибавляется и кое что новое, но тѣмъ не менѣе и старое всеми ревниво оберегается. Благодаря тому, что люди такъ строго придерживаются старины во всемъ, что касается культа, послѣдній часто въ концѣ концовъ дѣлается непонятнымъ для тѣхъ, кто соблюдаетъ его; но, несмотря на это, цѣлость культа остается неприкосновенной. Если же и дѣлаются попытки истолковать культъ съ точки зрѣнія ушедшихъ впередъ нравовъ, то въ результатѣ къ двумъ упомянутымъ нами элементамъ культа присоединяется третій, нисколько не способствующій его разъясненію.

Представленіе о душѣ, бывшее первоначально красугольнымъ камнемъ культа, сохранило это значеніе и на послѣдующихъ ступеняхъ культуры. Въ тѣлѣ человѣка, по наивнымъ понятіямъ древнихъ народовъ, были двѣ вещи, находившіяся въ непосредственной связи съ жизнью: *кровь* и *дыханіе*. Если кровь вытекаетъ, то душа покидаетъ тѣло; отсюда первобытный человѣкъ заключалъ, что жизнь и душа должны заключаться въ крови. Отъ теплой крови поднимается паръ; покуда человѣкъ живъ, изъ его рта постоянно вылетаетъ дыханіе: отсюда выводъ, что именно дыханіе человѣка, этотъ паръ, выходящій изъ его рта, и есть душа его. Читатель можетъ-быть припомнить, что ему встрѣчались еще и въ Библіи выраженія, указывающія на такія представленія. По библейскому разсказу Богъ вдохнулъ въ лицо человѣка, сотвореннаго изъ праха земного, дыханіе жизни; Духъ Божій многократно уподобляется дыму или облаку дыма. Точно также и на египетскихъ рисункахъ божество даруетъ человѣку «вторую жизнь», поднося къ его *носу* кольцо жизни.

Такое представленіе о душѣ остается господствующимъ какъ въ культѣ, который всегда стремится удержать все старое, такъ и въ народныхъ представленіяхъ; но ни научное мышленіе, ни народная фантазія не могутъ остановиться на такомъ воззрѣніи. Первое желаетъ какъ можно глубже проникнуть въ тайну жизни, вторая-же, не сходя съ разъ протореннаго пути, старается только какъ можно болѣе уяснить, расширить это созданное уже представленіе о душѣ. Что такое въ сущности дыханіе? — *Воздухъ*. Но можно ли остановиться на такомъ отвѣтѣ? Являющаяся свойства воздуха существеннымъ признакомъ дыханія и пара, поднимающагося отъ теплой крови? Не служатъ ли главной причиной жизни *влажность* того и другого? Но и этимъ не исчерпываются всевозможныя предположенія. Въ вытекшей изъ раны крови нѣтъ жизни; отъ нея слѣдовательно отдѣлилась душа; но вѣдь кромѣ пара изъ нея удалилось еще *тепло*, — и дыханіе тоже *теплое*. Можетъ-быть именно тепло то и является жизненнымъ началомъ? Конечно методъ такихъ изслѣдованій нѣсколько отличается отъ методовъ современной химіи или физиологіи, но полученные при помощи его выводы должны были неудержимо навязываться неразвитому человѣку, и пока эти вопросы о душѣ никакого другого рѣшенія не могли получить. Тѣ представленія, съ которыми мы встрѣчаемся въ библейскихъ выраженіяхъ и въ культѣ всякаго народа, мы находимъ и въ древнѣйшей философіи грековъ, умъ которыхъ также доискивался рѣшенія вопросовъ о сущности души и жизни. Развѣ не считалъ Фалесъ субстанціей души «воду», Анаксименъ — «воздухъ», а Гераклитъ — «огонь». Еще Сократъ въ юности занимался вопросомъ о томъ, что дѣлаетъ насъ разумными существами: «*кровь, воздухъ* или *огонь*?»

Подчинивъ весь міръ одной божественной душѣ, обладавшей тѣми же свойствами, которыми народное умозрѣніе надѣляло человѣческую душу, — древнѣйшая греческая философія дала отвѣтъ и на вопросъ о томъ, какова первопричина всего су-

щаго, и отвѣтъ этотъ естественно долженъ былъ быть тройкаго рода: одни считали первопричиной воду, другіе—воздухъ, третьи—огонь.

Но культу не было дѣла до такихъ умозрѣній. Онъ остановился на представленіи о душѣ отдѣльнаго человѣка и только дополнилъ это представленіе рядомъ фантастическихъ идей. Душу одни представляли себѣ въ видѣ тѣни, другіе же, подобно средневѣковымъ монахамъ, — въ видѣ прозрачнаго, какъ стекло, существа; иногда ей придавали форму птицы, всего же чаще—форму *змѣи*. По народнымъ понятіямъ душа, покинувшая тѣло, какъ существо замѣчательно *тонкое* и всюду проникающее, можетъ поселиться въ любомъ предметѣ или животномъ; но змѣю первобытные народы повидимому считали не только жилищемъ души, но и видимую формою души. Вѣроятно нѣкоторыя на первый взглядъ таинственныя свойства этого животнаго подали поводъ къ такому предположенію, а впоследствии оно стало всеобщимъ вѣрованіемъ. Покуда человѣкъ спалъ прямо на землѣ, на его ложе не разъ могла заползти змѣя; извѣстно, что и теперь ужь любятъ заползать въ самые отдаленные уголки человѣческаго жилья. Блестящіе глаза и проворство этого, лишеннаго конечностей, животнаго должны были окончательно убѣдить человѣка, что съ этимъ животнымъ что то «не ладно».

Въ генезисѣ подобныхъ представленій о душѣ не малую роль играли *сновидѣнія*. То толкованіе, которое первобытный человѣкъ давалъ этому, и теперь не совсемъ еще разъясненному, явленію, сохранилось во всей своей первоначальной чистотѣ еще въ средневѣковыхъ монастыряхъ. Видѣніямъ, которыя приносятся передъ человѣкомъ во снѣ, давали двойкаго рода объясненіе: или душа покидаетъ тѣло спящаго человѣка, и, покуда онъ лежитъ какъ бездыханный, сама странствуетъ по отдаленнымъ мѣстностямъ и посѣщаетъ тѣ предметы, воспоминанія о которыхъ потомъ являются передъ спящимъ въ видѣніяхъ; или же, наоборотъ, въ тѣло спящаго или къ его удалившейся изъ тѣла душѣ является другая душа и показываетъ ей разныя видѣнія (или говорить ей о разныхъ предметахъ). Благодетельный пріоръ Цезарій фонъ-Гейстербахъ различаетъ (діалогъ II, гл. IV), смотря по вызывающимъ ихъ причинамъ, шесть родовъ сновидѣній, и изъ нихъ одно является «откровеніемъ Святого Духа», который самъ вызываетъ извѣстныя видѣнія предъ душой спящаго «вышшняго человѣка». Но пріоръ находитъ, что гораздо выше тѣ сновидѣнія, которыя происходятъ «*per mentis excessum*», такъ какъ при нихъ душа, покинувшая тѣло, дѣйствительно посѣщаетъ тѣ мѣста, великолѣпіе которыхъ ей удается созерцать. Такой сонъ «несомнѣннѣе, рѣже и восхитительнѣе». Впрочемъ должно полагать, что въ монастыряхъ такіе сны не были рѣдкостью, такъ какъ Цезарій самъ рассказываетъ намъ цѣлый рядъ подобныхъ случаевъ. Именно такимъ то образомъ въ средніе вѣка и была узнава большая часть тайнъ «того свѣта». Знаніе, пріобрѣтаемое этимъ путемъ, достоверно, такъ какъ душа созерцаетъ тутъ не видѣнія, которыя могутъ оказаться призрачными, а видитъ непосредственно самыя предметы откровенія.

Для индѣйца еще и въ настоящее время сны играютъ большую роль. Они не открываютъ ему правда тайны «того свѣта», такъ какъ подобное понятіе еще и не сложилось у него, но они указываютъ ему на тѣ предметы, въ которыхъ поселился духъ, благосклонно относящійся къ нему за его попеченія. Даже у нѣмцевъ въ преданіяхъ и вообще въ воспоминаніяхъ народа еще до сихъ поръ сохранился такой взглядъ на сновидѣнія, равно какъ и представленіе о душѣ, какъ о существѣ, имѣющемъ форму змѣи, птицы, мыши и т. п. Такъ, извѣстны нѣсколько нѣмецкихъ легендъ, повторяющихъ мотивъ лонгобардскаго преданія о спящемъ королѣ Гунт-

рамѣ, изо рта котораго выползла змѣя и на глазахъ его оруженосца дѣлала все то, что въ это время снилось королю:—эта змѣя и была душой короля. Было время, когда и философы раздѣляли подобное воззрѣніе. Когда умеръ знаменитый философъ Плотинъ (въ 3-мъ вѣкѣ послѣ Р. Х.), то, по показанію другого философа, подъ его постелью появилась змѣя, которая тотчасъ-же уползла черезъ трещину въ стѣнѣ; по мнѣнію философа, змѣя эта была душой умершаго. Еще въ 17-мъ столѣтіи зачастую разсказывалось, какъ объ историческомъ происшествіи, что у какой-нибудь вѣдьмы черезъ ротъ вылетѣла душа въ видѣ мыши и отправилась плясать на шабашъ, въ то время какъ тѣло вѣдьмы лежало на постели какъ бездыханное.

Отчего подымается сильный вѣтеръ всякій разъ, какъ кто-нибудь повѣсится? Это объясняется тѣмъ, что вѣтеръ есть не что иное, какъ душа повѣсившагося человѣка. Упомянутый нами пріоръ фонъ-Гейстербахъ очевидно еще придерживался такого воззрѣнія, такъ какъ онъ думаетъ, что души умершихъ являются въ видѣ вихря; иногда духи собираются въ видѣ вороновъ около отходящаго человѣка,—поэтому считается зловѣщимъ признакомъ, если воронъ и тому подобныя птицы летаютъ вокругъ дома больного. Простой народъ можетъ разсказать намъ на этотъ счетъ много интереснаго.

Но мы покуда не будемъ останавливаться на всѣхъ этихъ разнообразныхъ представленіяхъ, а постараемся въ общихъ чертахъ показать читателю, для какихъ изъ безчисленнаго множества всевозможныхъ духовъ существовалъ въ древности культъ. На первый взглядъ должно казаться, что предметомъ культа была душа всякаго человѣка, оставившаго по себѣ какую-нибудь память у потомства, или же такая душа, о которой человѣкъ вспоминалъ по поводу какого-нибудь случившагося съ нимъ приключенія или несчастія, которыя онъ не могъ себѣ объяснить иначе, какъ вмѣшательствомъ этой души. Но на самомъ дѣлѣ множество душъ было лишено привилегій культа, а между пользовавшимися ею она распредѣлялась очень неравномѣрно, такъ что по отношенію къ однимъ она выражалась въ самыхъ элементарныхъ заботахъ, — по отношенію же къ другимъ она dorocлa до культа въ современномъ значеніи этого слова.

Когда японская женщина въ годовщину смерти своего ребенка посѣщаетъ его могилу и кладетъ на нее новыя красивыя игрушки,—это представляетъ несомнѣнно трогательный примѣръ заботы о душѣ умершаго, но поступокъ этой женщины никакъ нельзя отнести къ области культа. Мать вѣрить, что принесенные ею подарки доставятъ удовольствіе душѣ дитяти, которая по ея представленію носитъ среди цвѣтовъ кладбища или въ бамбуковой рошѣ, но она не ждетъ отъ его души никакой награды за свою заботливость. Когда еще и теперь мазуръ послѣ смерти одного изъ членовъ своей семьи устраиваетъ у себя угощеніе и оставляетъ за столомъ особое мѣсто для души умершаго, то такое пиршество, такъ же, какъ и всякія поминки, представляетъ, или по крайней мѣрѣ нѣкогда представляло, одинъ изъ видовъ заботы о душѣ, но и ихъ также нельзя отнести къ области культа. По нашимъ понятіямъ, душа умершаго вовсе не есть существо могущественное (не даромъ существуетъ напр. нѣмецкое выраженіе «arme Seele»), отъ этой души мы не ожидаемъ помощи, а думаемъ, что скорѣе всего она сама нуждается въ ней; а разъ отсутствуетъ взаимность, то, по понятіямъ древнихъ, не можетъ быть и рѣчи о религіи, по нашей же терминологіи—о культѣ.

Малаецъ называетъ тѣхъ изъ своихъ умершихъ предковъ, съ которыми онъ, по его мнѣнію, находится въ духовной связи, своими «анитос» и считаетъ, что дѣти, женщины, рабы и молодые люди не становятся таковыми; онъ не признаетъ за ихъ

душами могущества, а потому не считаетъ нужнымъ удостоивать ихъ культа. Отсюда мы видимъ, что очень многое изъ своихъ представлений о загробномъ мірѣ малаецъ заимствовалъ изъ минувшей дѣйствительности. Не всегда существовали рабы, а тѣмъ болѣе не всегда женщины находились въ подчиненномъ положеніи, но вѣроятно всегда несамостоятельные члены семьи не имѣли почти никакого значенія по сравненію съ главами семьи, которые полновластно распоряжались всѣмъ; ихъ то души и были въ древнѣйшее время предметами культа, и такой культъ предковъ существовалъ рѣшительно у всѣхъ первобытныхъ народовъ земного шара. Мы уже знаемъ изъ исторіи развитія формъ общественности, что не всегда главою семьи былъ мужчина. На низшихъ ступеняхъ культуры втеченіи неизмѣримаго періода времени главенство принадлежало женщинамъ.

Зачатки культа.

Бѣглый взглядъ на представленія людей о духахъ показалъ намъ, что эти представленія не разъ подвергались измѣненіямъ,—неизмѣннымъ же оставался только культъ. Въ этой области допускаются только дополненія, но не измѣненія. Культъ, достигшій высокаго развитія, можно сравнить съ деревомъ, съ котораго, несмотря на его столѣтній возрастъ, не упало никогда ни одного листочка; но листья его могли засохнуть и сморщиться такъ, что очень трудно догадаться объ ихъ первоначальной формѣ.

Если появленіе культа не совпадаетъ съ возникновеніемъ у первобытныхъ людей первыхъ представлений о душахъ, то во всякомъ случаѣ предшествовать культу могли развѣ только тѣ обычаи, которые впоследствии рядомъ съ культомъ сохранились какъ средства отвращать неудобства, причиняемыя душами умершихъ.

Сама природа вызывала въ первобытномъ человѣкѣ вѣру въ то, что душа умершаго можетъ причинять безпокойства живымъ. Такія опасенія возникаютъ чаще всего и дѣйствуютъ всего сильнѣе тотчасъ послѣ какого-нибудь смертнаго случая, но черезъ извѣстный промежутокъ времени они могутъ совершенно исчезнуть, словомъ—здѣсь происходитъ то, что бываетъ со всякимъ воспоминаніемъ. Покуда воспоминаніе объ умершемъ живо, всякій страшный шумъ, всякое несчастье приписываются его душѣ; но только благодаря этому воспоминанію и устанавливается въ представленіи человѣка причинная связь между поразившимъ его явленіемъ и дѣятельностью духа. Поэтому стоитъ только исчезнуть воспоминанію, какъ тотчасъ духъ умершаго исчезаетъ изъ круга невидимо дѣйствующихъ силъ, изъ круга тѣхъ причинъ, которыми человѣкъ объясняетъ окружающія его явленія. Степени живости воспоминанія объ умершемъ вполне соотвѣтствуетъ сила страха, внушаемаго мѣстами, ознаменованными чьей-либо смертью, а также степень живости или ужаса сновидній. Сны всегда являются для человѣка лишнимъ подтвержденіемъ его вѣры въ духовъ. Такимъ образомъ съ древнѣйшихъ временъ, когда еще могло и не существовать постояннаго культа, посредствомъ котораго пріобрѣталась благосклонность духа, человѣкъ желалъ, чтобы духъ умершаго «успокоился» самъ и далъ бы и ему спокойствіе, чтобы онъ не «возвратился», не «пугалъ» бы живыхъ, не дѣлалъ бы имъ никакого зла. Что-же могъ сдѣлать человѣкъ, не дошедшій еще до умиловительнаго культа? Средства, къ которымъ онъ прибѣгалъ для этого или по крайней мѣрѣ вымирающіе слѣды ихъ, сохранились до послѣдняго времени даже среди цивилизованныхъ народовъ и являются убѣдительными доказательствами того, до какой степени дѣтскими были представленія первобытнаго человѣка. Еще и въ на-

стоящее время у нас сохранился въ нѣкоторыхъ мѣстахъ обычай открывать окна послѣ чьей-либо смерти, чтобы душа умершаго могла улѣтѣть. У римлянъ въ такомъ случаѣ выметали комнату, чтобы душа не могла въ ней остаться; въ Германіи стучать по посудѣ и другимъ предметамъ, чтобы она не могла въ нихъ спрятаться; по нѣмецкому же простонародному повѣрью, какъ только вынесутъ изъ дому гробъ, нужно за нимъ плотно закрыть ворота и не открывать ихъ, пока не окончатся похороны, чтобы душа не вернулась въ домъ; кромѣ того порогъ обливають водой, такъ какъ она всего вѣрнѣе препятствуетъ возвращенію души. Народъ вѣритъ, что если не исполнить этихъ обычаевъ, то въ домѣ будетъ «не чисто».

По древнему народному представленію, душа носится вокругъ тѣла умершаго до тѣхъ поръ, пока на костяхъ есть хоть одинъ кусокъ мяса, и даже кости она покидаетъ неохотно; поэтому далеко не безразлично, что дѣлается съ тѣломъ умершаго: если оно будетъ уничтожено, напр. съѣдено звѣрями, то и душа не можетъ болѣе существовать самостоятельно; она переходитъ тогда въ животное, съѣвшее тѣло. Поэтому то встрѣчающаяся у Гомера угроза—бросить тѣло врага на съѣденіе собакамъ и хищнымъ птицамъ—вѣроятно была очень страшна для того, кто желалъ, чтобы душа его продолжала жить послѣ смерти, потому то и исполненіе этой угрозы считалось самой жестокой местию. Но для живыхъ людей такой поступокъ былъ самымъ вѣрнымъ средствомъ сдѣлать для себя вполне безопасной душу умершаго. Такого мнѣнія держались напр. многія племена Южной Африки, у которыхъ тѣла умершихъ выбрасываются въ кусты, чтобы ихъ здѣсь съѣли дикіе звѣри; но чтобы раньше этого душа не успѣла возвратиться, они употребляютъ слѣдующую хитрость: прежде чѣмъ отнести трупъ въ кусты, его нѣсколько разъ обносятъ вокругъ хижины. При этомъ, по понятію дикарей, душа, подобно ребенку, играющему въ жируки, теряетъ способность ориентироваться и не можетъ найти дорогу въ жилище. Съ той-же цѣлью трупъ стараются не выносить черезъ дверь изъ хижины, а продѣлываютъ обыкновенно въ стѣнѣ отверстіе, чрезъ которое его и уносятъ; этимъ достигается то-же, что и предыдущимъ средствомъ: когда задѣлаютъ отверстіе, душа не можетъ болѣе вернуться. Съ такими понятіями, которыя кажутся намъ на столько странными и дѣтскими, что съ трудомъ вѣрится въ ихъ существованіе, можно иногда встрѣтиться и въ нашемъ цивилизованномъ обществѣ. У насъ принято думать, что души людей, погребенныхъ по церковному обряду на кладбищѣ, успокаиваются вполне. Но самоубійцамъ отказывается въ такомъ погребеніи: поэтому простой народъ вѣритъ, что души самоубійцъ могутъ являться людямъ, и бывають случаи, что хозяинъ дома не желаетъ, чтобы тѣло самоубійцы выносили изъ дому черезъ дверь. Отсюда мы видимъ, что нѣкогда у нашихъ предковъ были такія же представленія, какъ и у обитателей Индіи и Южной Африки.

Всего невѣроятнѣе конечно покажется читателю существованіе народовъ, которые думали, что самое вѣрное средство оградить себя отъ всякихъ безпокойствъ со стороны духовъ—это съѣсть тѣла своихъ умершихъ родственниковъ и при этомъ обглодать какъ можно старательнѣе кости. Имѣются неопровержимыя доказательства существованія такого вѣрованія. Подобное людоедство изъ религіозныхъ побужденій основывалось на мнѣніи, что душѣ умершаго всего удобнѣе — отказаться отъ самостоятельнаго существованія и, слившись съ душами живыхъ родственниковъ, тѣмъ самымъ сдѣлать ихъ болѣе сильными. Наконецъ не все народы думали, подобно грекамъ и многимъ другимъ, что душа человѣка уничтожается, когда тѣло его съѣдаетъ животное. Существовало также и обратное вѣрованіе, что душа при этомъ продолжаетъ жить въ тѣлѣ животного, и тѣ народы, понятіямъ которыхъ не

противорѣчило это вѣрованіе и изъ которыхъ нѣкоторые считали такое «переселеніе душъ» даже неизбѣжнымъ, могли пользоваться этимъ средствомъ для огражденія себя отъ безпокойства со стороны духовъ. Такъ, у древнихъ персовъ собаки находились въ величайшемъ почетѣ, такъ какъ эти животныя, по ихъ мнѣнію, были носителями человѣческихъ душъ. Подлѣ умирающаго держали собаку, и трупъ его не зарывали въ землю для того, чтобы онъ могъ быть съѣденъ собаками, бродившими повсюду въ большомъ количествѣ.

Посты и праздники.

Въ Богеміи у крестьянъ существуетъ странное повѣрье: мать, которая потеряла ребенка, не должна собирать землянику или вовсе, или по крайней мѣрѣ пока ея не появится очень много. Почему-же? На этотъ вопросъ отвѣчаетъ небольшое преданье. Души умершихъ дѣтей живутъ въ раю, и Богородица, заботясь о нихъ, замѣняетъ имъ тамъ мать; дѣтскія души живутъ тамъ такъ-же, какъ дѣти на землѣ: онѣ также лѣтомъ ходятъ «по землянику». Однажды онѣ съ Дѣвой Маріей пошли собирать землянику. Въ то время, какъ всѣ ѣли ее веласть, одно дитя должно было стоять въ сторонѣ и не смѣло ѣсть, такъ какъ Богородица сказала ему: «для тебя нѣтъ ягодъ, потому что твою долю съѣла твоя мать». Поэтому то каждая любящая мать, въ случаѣ смерти своего ребенка, воздерживается отъ собиранія земляники.

Древній обычай, лежащій въ основаніи этого повѣрья, господствуетъ во всей своей силѣ среди дикихъ народовъ, въ формѣ-же переживаній онъ распространенъ рѣшительно по всей землѣ; для того, чтобы констатировать это, — надо только умѣть правильно понимать эти переживанія.

На островахъ Тихаго океана путешественники находили иногда около дома, хозяинъ котораго умеръ, необработаннымъ цѣлымъ участкомъ земли, и туземцы объясняли имъ, что участокъ этотъ не прикосновененъ и цѣликомъ отданъ въ распоряженіе духа умершаго. Они думали, что духъ питается плодами совершенно такъ-же, какъ живой человѣкъ, и поэтому имъ казалось, что для того, чтобы обезпечить его пищей, лучше всего отвести для него отдѣльный участокъ земли. Жители острова Гавай не ѣли вовсе одной ягоды «огело», такъ какъ она росла въ такой мѣстности, гдѣ, по туземному вѣрованію, обитало какое-то божество. Отсюда мы видимъ, что культъ выражался въ одинаковой формѣ, какъ по отношенію къ духамъ, такъ и по отношенію къ богамъ.

Путешественники, открывшіе американскій островъ Гаити, встрѣтили тамъ совершенно такой-же обычай: островитяне не ѣли тамъ С.-Домингскихъ перниковъ и объясняли это тѣмъ, что еще предки ихъ предоставили эти плоды мертвымъ, духи которыхъ по ночамъ спускаются съ горъ въ долины и питаются этими плодами. Еще недавно на островѣ Пасхи (на Тихомъ океанѣ) нашли подобный-же обычай, нѣсколько видоизмѣненный только благодаря тому, что туземцы переняли уже здѣсь отъ европейцевъ воздѣлываніе нѣкоторыхъ растений, особенно картофеля. Когда кто-нибудь изъ нихъ умираетъ, то родственники умершаго предоставляютъ его духу весь урожай картофеля. Въ то время, какъ они сами вслѣдствіе этого голодаютъ, картофель гниетъ на полѣ, они-же думаютъ, что духъ какимъ нибудь образомъ извлекаетъ изъ него пищу и вознаграждаетъ ихъ современемъ за этотъ убытокъ той разнообразной помощью, которую можетъ оказывать всякій духъ. Вѣра въ то, что духъ, подобно человѣку, сумѣетъ извлечь для себя пользу изъ картофельнаго поля, вѣроятно очень легко можетъ современемъ поколебаться въ туземцахъ вслѣдствіе расширенія

ихъ наблюденій и опыта, но существующій обычай, разъ укоренившись, поэтому все-таки не исчезнетъ. Туземцы вѣроятно будутъ разсуждать при этомъ слѣдующимъ образомъ: очень можетъ быть, что духу вовсе не нуженъ картофель, что онъ не приноситъ ему никакой пользы, но духъ имѣетъ на это право по старинному обычаю, и, предоставляя ему этотъ картофель, мы тѣмъ самымъ выражаемъ ему наше *уваженіе*. Не даромъ и у насъ слово «уважить» значитъ «оказать услугу», такъ какъ чѣмъ-же, какъ не услугами, въ древности люди выражали другъ другу свое уваженіе.

Когда на островѣ Гаваи умиралъ король, то народъ долженъ былъ прекращать всѣ работы, состоявшія здѣсь впрочемъ просто въ разыскиваніи пищи; тогда запрещалось рвать плоды, ловить и убивать животныхъ, чтобы въ то время, какъ народъ голодаетъ, или по крайней мѣрѣ питается самымъ жалкимъ образомъ, вся пища, которую доставляетъ островъ, поступала въ распоряженіе духа. Отдать кому нибудь въ собственность вещь—значитъ у полинезійцевъ «посвятить» ему эту вещь; при посвященіи-же полинезійцы употребляютъ выраженіе «табу», которое перешло и къ европейцамъ. Поэтому говорили, что послѣ смерти короля на островѣ Гаваи наступаетъ «всеобщее табу». Очень можетъ быть, что когда населеніе успѣвало приготовиться къ подобному «табу», то оно могло продолжаться нѣсколько дней или даже недѣль; но разсказы о томъ, что въ древности бывали «табу», которые продолжались цѣлые года, навѣрное преувеличены и представляютъ уже легенды. Это тѣмъ вѣроятнѣе, что большое «табу» носило очень строгій характеръ: никто не смѣлъ выйти изъ хижины, или даже шумомъ или вознею сдѣлать замѣтнымъ свое присутствіе. Островъ долженъ былъ казаться какъ-бы вымершимъ, и это обозначало, что въ это время все, что есть на островѣ, находится въ полномъ распоряженіи духа. Такимъ образомъ выражали ему свое «почитаніе» втеченіи цѣлыхъ дней и даже недѣль.

Мы не были-бы въ состояніи понять исторію развитія культа, если-бы не имѣли постоянно въ виду уже изложенный нами ходъ развитія социальныхъ отношеній. Мы знаемъ, что люди далеко не сразу стали засѣвать поля и собирать жатву въ житницы, но что долгое время безпомощный человѣкъ долженъ былъ жить изо дня въ день, довольствуясь тѣмъ, что ему удавалось найти для своего пропитанія. Вся мѣстность, по которой онъ бродилъ, была его житницей. У него не было запасовъ, часть котрыхъ онъ могъ-бы отдавать; вмѣсто того, чтобы удѣлять часть своего, онъ могъ только предоставлять другому брать то, отъ чего онъ воздерживался самъ. Онъ даритъ духу свою долю подобно той матери, которая воздерживается сама отъ земляники, чтобы оставить ее для своего ребенка. Такая форма попеченія о духахъ несомнѣнно самая древняя, такъ какъ она указываетъ на самую низкую ступень человѣческой культуры.

Но и эта простѣйшая форма попеченія о духахъ является для насъ совершенно въ иномъ свѣтѣ, въ видѣ *культа* въ болѣе тѣсномъ смыслѣ слова, какъ только предмету попеченій дается атрибутъ *божественности*. Вся разница заключается въ этомъ атрибутѣ, а не въ формѣ культа. Но переходъ отъ одной изъ этихъ ступеней къ другой совершается совсѣмъ незамѣтно. При этомъ постепенно измѣняется не самый культъ и еще менѣе его форма, а только пониманіе его. Вмѣсто того, чтобы прослѣдить здѣсь весь этотъ процессъ, мы укажемъ только на ту противуположность, которая обнаруживается между исходнымъ и конечнымъ его пунктами. Сначала на первомъ планѣ стоитъ убѣжденіе, что у духа есть извѣстныя потребности, которыя должны быть удовлетворены. Духъ, подобно человѣку, долженъ

питаться, чтобы существовать, и поэтому онъ мучаетъ и «караетъ» человѣка, отнимающаго отъ него пищу. Но чѣмъ выше становится развитіе людей, чѣмъ болѣе въ ихъ представленіи божество начинаетъ возвышаться надъ человѣкомъ и различаться отъ него, тѣмъ болѣе утрачиваютъ значеніе всея понятія, сохранившіяся еще отъ первобытныхъ временъ, и въ концѣ концовъ, когда они совершенно исчезаютъ изъ памяти людей, то сохранившіеся обычаи древняго культа начинаютъ пониматься уже просто какъ выраженіе тѣхъ чувствъ, которыя питаетъ человѣкъ къ божеству. Если мы назовемъ первоначальный смыслъ культа обыкновеннымъ, то можно сказать, что всегда развитіе культа выражается въ томъ, что въ немъ все большее и большее значеніе получаетъ элементъ субъективный. Выражать чувствуемую имъ зависимость отъ божества становится для человѣка уже врожденной потребностью; формы выраженія этой зависимости переходятъ по наслѣдству отъ одного культурнаго періода къ другому, но изъ объективнаго почитанія становится чисто субъективными. Человѣкъ теперь уже не думаетъ о томъ, что дѣлается съ той пищей, которую онъ жертвуетъ божеству, прямо отдавая ему ее или прекращая на время свою хозяйственную работу; онъ видитъ теперь въ этихъ актахъ воздержанія только выраженіе своей готовности приносить жертвы почитаемому божеству, онъ соблюдаетъ *посты* и *праздники* въ честь божества.

Итакъ посты и праздники принадлежатъ къ самымъ древнѣйшимъ формамъ культа. Но эти формы не исчезли, когда, по мѣрѣ развитія хозяйственной жизни, рядомъ съ ними развились формы болѣе новыя. Такъ обычай поститься распространенъ рѣшительно повсемѣстно. Постятся обыкновенно послѣ какого нибудь страннаго несчастія или готовясь вступить въ сношеніе съ духами или съ богомъ. Несчастія кажутся всегда первобытному человѣку, поскольку онъ не понимаетъ причинной связи между явленіями, выраженіемъ гнѣва какого нибудь духа; человѣкъ старается умилостивить его, налагая на себя лишенія. Поэтому относительно народовъ, стоящихъ на извѣстной ступени развитія, можно сказать, что постомъ у нихъ выражаются печаль и «покаяніе».

Предоставляя духамъ плоды земли, нѣкогда думали привлечь ихъ на свою сторону и добиться отъ нихъ услуги; впоследствии-же постъ является «очищеніемъ», необходимымъ для человѣка, желающаго приготовить себя къ достойному принятію божества. Такъ, католическая церковь и до сихъ поръ предписываетъ посты передъ большими праздниками, во время которыхъ, по мнѣнію древнихъ, боги посѣщали людей.

Особенно распространенъ постъ среди индѣйцевъ; у болѣе дикихъ изъ нихъ этотъ обычай коренится въ самомъ образѣ ихъ жизни. Язычникамъ-германцамъ постъ также былъ знакомъ, и извѣстно, что грубые норманы, подобно индѣйцамъ, постились передъ большими военными предпріятіями.

Близкій къ посту обычай *праздновать* нѣкоторые дни развился у древнихъ іудеевъ въ цѣлую законченную систему, которую мы переняли отъ нихъ, отчасти съ нѣкоторыми ограниченіями, отчасти дополнивъ ее новыми праздниками. Конечно отъ прежняго значенія этихъ праздниковъ сохранились только слабые слѣды. Въ пустынѣ евреи не должны были по субботамъ собирать манну, которой они питались, а въ лѣто «отпущенія» всея поля оставались у нихъ необработанными, совершенно такъ-же, какъ это дѣлалось на островѣ Пасхи съ полемъ умершаго. Но у евреевъ въ то же время праздникъ являлся отдохновеніемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ воспоминаніемъ о томъ отдыхѣ, которымъ Богъ завершилъ сотвореніе міра. День отдыха былъ особенно пріятенъ для трудившихся всю недѣлю слугъ и скота; но хозяинъ, давая имъ отдыхъ, какъ-бы лишалъ себя части своего дохода.

Культь древнихъ германцевъ также не былъ чуждъ вышеописанныхъ обычаевъ. Древнѣйшіе виды работъ и употребленіе древнѣйшихъ видовъ пищи, по обычаямъ народа, были запрещены въ тѣ дни, когда боги посѣщали людей: въ такіе дни особенно не слѣдовало пряхть и ѣсть бобы. Боги-же посѣщаютъ людей въ праздники, когда уже на позднѣйшей ступени культа является обычай приносить богамъ дары.

Позднѣйшая форма культа.

Позднѣйшая форма культа соотвѣтствуетъ тому времени, когда человѣкъ уже устраивалъ житницы и собиралъ запасы. Теперь онъ уже не представлялъ больше своего поля для пропитанія почитаемому имъ духу, а отправлялся въ свою житницу и оттуда приносилъ свой «даръ».

Но нужно имѣть въ виду, что первобытный человѣкъ и на этой ступени еще старался главнымъ образомъ такими дарами сохранить жизнь благосклоннаго къ нему духа. Онъ дѣлалъ для этого все то, что необходимо для поддержанія существованія живого человѣка, а средства пропитанія людей бывали весьма разнообразны въ зависимости отъ времени и мѣста.

Вѣсть съ тѣмъ такой культъ вовсе не представлялъ сначала ряда торжественныхъ дѣйствій; напротивъ, форма его первоначально могла отличаться чрезвычайной простотой. Человѣкъ вѣрилъ просто, что благосклонный къ семьѣ духъ какого нибудь предка, который какъ невидимый глава семьи обитаетъ въ жилищѣ, принимаетъ постоянно участіе въ ея трапезѣ, хотя никто его и не замѣчаетъ.

Тѣмъ-же духамъ, которые обитаютъ внѣ жилища человѣка, какъ-то: духу героя, обитающему въ могилѣ, духу обоготворяемаго родоначальника племени, божеству, властвующему надъ цѣлымъ островомъ или страной, — люди, зависящіе отъ ихъ милости, должны приносить дары.

У народа, среди котораго не распространенъ вовсе или мало распространенъ обычай совмѣстной ѣды, культъ выражался въ очень скудныхъ приношеніяхъ. Таитяне ограничивались тѣмъ, что клали около носилокъ, на которыхъ лежать у нихъ трупы умершихъ, нѣсколько древесныхъ плодовъ и приносили въ огороженные жилища духовъ папоротникъ и съѣдобные корни. Народы, у которыхъ существуетъ совмѣстная трапеза, считаютъ, что и боги всего болѣе цѣнятъ въ ѣдѣ именно общество людей. Когда былъ открытъ европейцами островъ Тонгатабу, то одинъ изъ офицеровъ, приглашенный на какой-то религіозный праздникъ, былъ удивленъ той простотой, которой отличалось это празднество. Дикари уѣлись въ кругъ, каждому изъ нихъ подали въ кубѣхъ, сдѣланномъ изъ банановаго листа, какой-то особенно любимый ими напитокъ, который они выпили. Въ этомъ и состоялъ весь праздникъ. Не менѣе удивлялись участники одной нѣмецкой экспедиціи, когда имъ впервые пришлось присутствовать въ Индо-Китаѣ при одной китайской религіозной церемоніи. Китайцы принесли въ храмъ жаренаго поросенка и, очень любезно пригласивъ путешественниковъ принять участіе въ ихъ трапезѣ, стали ѣсть его, весело бесѣдуя. Очевидно, какъ жители острова Тонгатабу, такъ и китайцы предполагали, что духъ невидимо присутствуетъ на пиршествѣ, и чтили его этимъ пиршествомъ совершенно подобно тому, какъ мы чествуемъ дорогаго гостя, устраивая для него парадный обѣдъ. Разница въ томъ, что мы, предлагая обѣдъ, вовсе не думаемъ, что доставляемъ чествуемому нами лицу особенное удовольствіе именно самымъ обѣдомъ, а тѣмъ болѣе не думаемъ, что это лицо не могло-бы прожить безъ нашего обѣда.

Описываемая нами форма культа сохранилась какъ выраженіе почитанія и бла-

огово́рнiя и тогда, когда представлени́е о Богѣ измѣнилось настолько, что имѣло уже очень мало общаго съ представлени́ями о всѣхъ другихъ духахъ. Знаменитое отправлени́е культа въ Иерусалимѣ было не что иное, какъ домашнее хозяйство въ обширныхъ размѣрахъ, а въ Св. Писанiи за жертвами еще сохранялось названiе «пищи» Бога. Какъ въ царскомъ домѣ, въ храмѣ ежедневно два раза готовились трапезы: утромъ и вечеромъ; къ каждой изъ нихъ приготавливали ягненка, общепотребительное блюдо, представлявшее смѣсь изъ муки и масла, и опредѣленное количество вина. Каждую недѣлю пекли свѣжiй хлѣбъ и приносили его въ храмъ. По субботамъ, когда и народъ ѣлъ лучше обыкновеннаго, закалывали двухъ лишнихъ ягнятъ и соотвѣтственно этому увеличивали также количество муки и вина. Кромѣ субботы съ древнѣйшихъ временъ все еще считался большимъ праздникомъ день новолунiя. Въ этотъ день для трапезы въ храмѣ приготавлились быкъ, баранъ и семь ягнятъ съ соотвѣтствующими приправами.

Мы уже знаемъ, какую сильную склонность имѣло большинство народовъ къ разнымъ раздражающимъ ароматическимъ веществамъ; къ нимъ прибѣгали и просто ради удовольствiя, и для того, чтобы заглушить запахъ дыма, шедшiй отъ очага. Точно также и въ храмѣ долженъ былъ куриться о́имiамъ, а чтобы не было недостатка ни въ чемъ, чѣмъ услаждаютъ себя люди при пиришестввахъ, каждая жертва сопровождалась музыкой.

Въ дни главныхъ праздниковъ, когда люди, полные надежды, отправлялись на полевья работы (Пасха), послѣ того, какъ они возвращались съ жатвы (Пятидесятница), и послѣ сбора плодовъ и винограда (Праздникъ Кущей), увеличивалась и въ храмѣ роскошь жертвоприношенiй и празднествъ. Сожженiе части кушанiй, встрѣчающееся у евреевъ и грековъ, есть особый, не очень впрочемъ распространенный жертвенный обычай. Всеобщимъ же распространени́емъ пользуется обычай устраивать веселья пирищества въ честь божества, и оно само считается участникомъ этихъ пириществъ. Этотъ обычай сохранился и у евреевъ на ряду съ характерными для нихъ «жертвами всесоженiя». Семьи, приходившiя въ храмъ для жертвоприношенiя, сами тамъ же подкрѣплялись пищей. Обычные расходы храма покрывались всѣмъ народомъ. При такихъ жертвоприношенiяхъ священники являлись замѣстителями Бога; часть жертвъ шла на ихъ пропитанiе. Когда дарами были жидкости, какъ кровь и вино, то онѣ или выливались на землю, или разбрызгивались по воздуху.

На то, какъ можетъ измѣняться пониманiе старыхъ формъ культа, не смотря на ихъ сохраненiе, указываетъ борьба пророковъ Исаи и Иеремiи, которые настаивали на символическомъ значенiи культа и отрицали существованiе у Бога человѣческихъ потребностей, въ противность другой партiи, которая смотрѣла еще на религиозные обряды глазами предковъ.

Въ Аѳинахъ при городскомъ очагѣ велось такое-же хозяйство, какъ и въ Иерусалимскомъ храмѣ; но здѣсь властвовало женское божество, игравшее роль матери. Эта богиня управляла какъ бы всей аѳинской общиной, которая вся составляла по отношенiю къ ней единую семью. Поэтому аѳиняне думали, что богиня должна ежедневно принимать участiе въ ихъ трапезѣ. Въ виду этого въ Пританеѣ, гдѣ, какъ въ хорошемъ старинномъ хозяйствѣ, цѣлый день на очагѣ поддерживался огонь, ежедневно устраивалась трапеза, за которой представителями всей общины являлись выборные граждане, не имѣвшие права отказываться отъ этой обязанности. На отказъ смотрѣли какъ на проявленiе непочтенiя къ богамъ, какъ на преступленiе противъ нихъ, такъ какъ этотъ обычай относился къ области культа. Пред-

упредить такое преступленіе или заставить преступника искупить его строгимъ наказаніемъ было въ интересъ всей общины, такъ какъ божество, разгнѣванное невниманіемъ къ себѣ, поражало людей голодомъ или заразными болѣзнями, и тогда

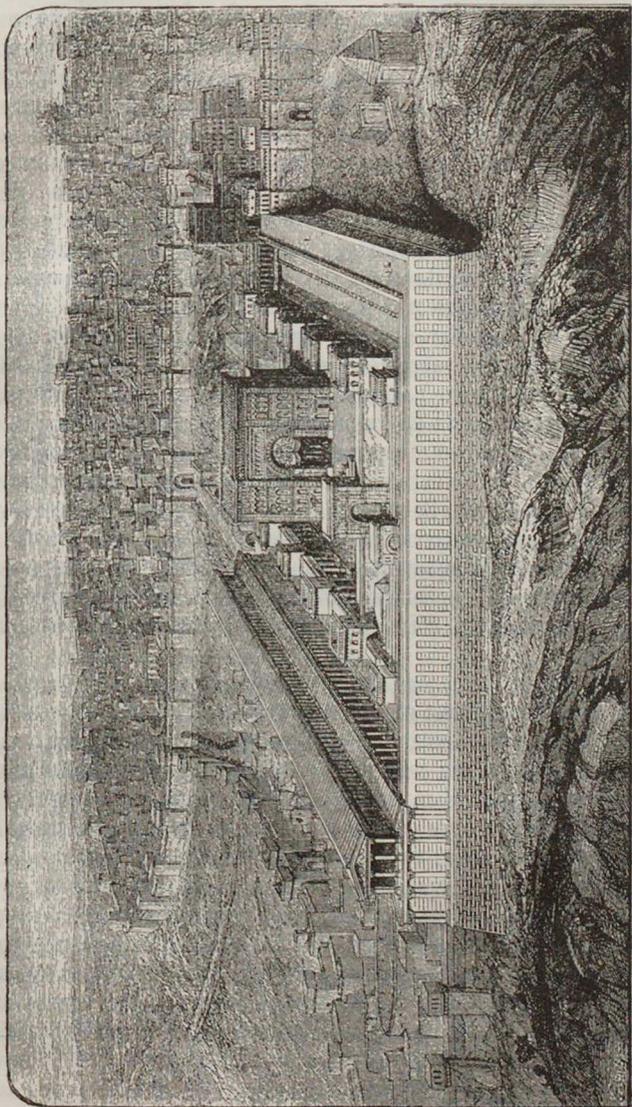

Рис. 72. — Храмъ въ Иерусалимѣ.

всѣмъ приходилось отвѣчать за поступокъ одного; поэтому всѣ чувствовали себя обязанными наблюдать за тѣмъ, чтобы никто не нарушалъ обычаевъ, предписываемыхъ культомъ.

Юпитерь, главное божество римлянъ, подобно царю, имѣлъ цѣлый штатъ все-

возможных придворных, прислужниковъ и даже парикмахеровъ; культъ сохранилъ даже неприкосновеннымъ древній обычай раскрашивать лицо, — обычай, напоминающій времена первобытной дикости людей: у древнихъ римскихъ царей лицо также раскрашивалось красной краской, какъ у индѣйцевъ. Всѣ подобные прочно установившіеся обычаи указываютъ на то, что придерживающійся ихъ народъ достигъ уже довольно высокой степени культуры, что онъ выработалъ прочный государственный строй; эти измѣненія во внѣшней обстановкѣ культа идутъ всегда рука объ руку съ развитіемъ формъ государственности. Наоборотъ, дары, которые приносятся при отправленіяхъ культа, напоминаютъ о старинѣ, когда народъ стоялъ еще гораздо ниже, и мы часто видимъ, что люди приносятъ въ даръ божеству такія яства, которыя они сами уже очень мало дѣляютъ, или даже совсѣмъ отвергаютъ.

Такъ, еще въ Греціи и Римѣ существовалъ обычай приносить въ жертву божеству собакъ, хотя люди уже давно съ омерзеніемъ отворачивались отъ такой пищи. Правда, какъ спартанцы, такъ и римляне приносили собакъ въ жертву божеству, поклоненію которому они унаслѣдовали отъ болѣе древняго народа; но они однако не забывали совсѣмъ этого божества и, по крайней мѣрѣ изрѣдка, приносили ему умилостивительную жертву. Изъ плодовъ главную роль при культѣ играли бобы и вѣроятно вообще стручковые растенія, такъ какъ они были древнѣйшей пищей человѣка. Впослѣдствіи къ этимъ плодамъ присоединяется позднѣйшій родъ пищи — хлѣбныя зерна, приготовленныя по старинному, т. е. поджаренныя или сваренныя. Въ Индіи, въ качествѣ приправы, употреблялся главнымъ образомъ сезамъ, такъ какъ онъ содержитъ въ себѣ много масла. Индѣйцы употребляютъ для куренія табакъ, перуанцы — кокку, жители Восточной Азіи — сандалъ, многіе восточные народы — ладанъ и т. п. Евреи пользовались оливковымъ масломъ, какъ приправой къ кушанью, которое они готовили изъ муки; медъ охотно употребляли всѣ народы. Такъ какъ несомнѣнно, что первоначально его приносили въ даръ прямо въ сотахъ, то и впослѣдствіи мы видимъ обычай приносить воскъ въ даръ духамъ и божествамъ.

Вообще въ жертву приносилось все, чтó служило человѣку пищей или лакомствомъ, не исключая и того, чѣмъ питались люди только въ первоначальныя времена.

Тогда какъ душа новозеландца довольствовалась еще корнями папоротника, душа египтянина требовала для себя уже преимущественно мяса быка или гуся. У египтянъ и евреевъ свинья была исключена изъ числа приносимыхъ въ жертву животныхъ; точно также и сами они не ѣли ея мяса. Напротивъ, малайцы, какъ и вообще жители Восточной Азіи, греки, со времени возникновенія у нихъ культа Деметры, а также римляне и германцы смотрѣли на свинью какъ на лучшее жертвенное животное. Такую же роль играла лошадь у приручившихъ ее кочевыхъ народовъ; германцы, древніе персы и индо-арійцы временъ переселенія народовъ чествовали боговъ, принося имъ въ жертву лошадей. При этомъ они не сжигали ихъ мяса, какъ это дѣлали евреи и греки съ мясомъ своихъ жертвенныхъ животныхъ, а готовили его совершенно такъ же, какъ для себя, и приглашали боговъ принять участіе въ пиршествѣ. Тамъ, гдѣ люди не ѣли конины, они и не приносили также лошадей въ жертву.

Нѣкоторымъ частямъ животнаго отдавалось особое предпочтеніе, потому ли, что въ древности ихъ съѣдали тотчасъ же послѣ убіенія животнаго, или же потому, что ихъ считали мѣстопробываніемъ души. При помощи очень грубыхъ пріемовъ мышленія люди заключали, что, съѣдая эти части, они могутъ съѣсть и самую душу, и думали, что это очень способствуетъ увеличенію ихъ силы, такъ какъ душа счи-

талась носителницей всѣхъ силъ, дѣйствующихъ въ организмѣ. Такимъ образомъ вѣрили не только въ возможность съѣсть душу, но и въ то, что это можетъ оказать очень полезное дѣйствіе. Въ виду этого всего болѣе предпочиталась кровь; чловѣкъ цѣнилъ ее вдвойнѣ: и какъ превосходную пищу, и какъ носителницу души. Въ преданіяхъ о древнихъ герояхъ сѣверныхъ народовъ разсказывается, что они пили кровь только что убитыхъ животныхъ, чтобы увеличить свои силы. Еще менѣе могли люди отказывать въ этой пищѣ духамъ умершихъ и богамъ даже въ тѣ времена, когда они сами уже пили ее только въ исключительныхъ случаяхъ или даже совершенно ею брезгали.

Принесеніе жертвы совершалось въ формахъ, соотвѣствующихъ самымъ первобытнымъ представленіямъ людей. Негры западнаго берега Африки, со времени своего прискорбнаго знакомства съ даромъ европейцевъ — ромомъ, считаютъ этотъ напитокъ превосходнѣйшимъ приношеніемъ, которымъ они только могутъ почтить души своихъ умершихъ родственниковъ. Такъ какъ они думаютъ, что души живутъ въ могилахъ, то они выливаютъ ромъ на могилу, чтобы онъ просочился къ духу сквозь землю. Въ виду этого въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ наблюдаютъ за тѣмъ, чтобы извѣстное пространство земли на могилѣ не заростало травой, если же она вырастаетъ, то ее выпалываютъ. Нѣкоторые негры продѣлываютъ даже въ землѣ особое отверстіе и черезъ такую земляную воронку наливаютъ ромъ для чтимыхъ ими духовъ.

Нѣкогда и греки руководствовались совершенно подобными же соображеніями при своихъ жертвоприношеніяхъ; впоследствии же они сохранили свои жертвенные обряды уже просто изъ уваженія къ древнимъ традиціямъ, а не въ силу убѣжденія въ ихъ пользѣ. Они дѣлали отверстіе въ землѣ и лили въ него кровь зарѣзанныхъ животныхъ. Евреи выливали кровь къ подножію жертвеннаго очага или алтаря. Эти обряды нужно считать древнѣйшими; позднѣйшіе же соотвѣтствовали уже тому представленію, что духъ или божество живетъ не подъ землей, а въ воздухѣ храма. Какъ извѣстно, евреи считали мѣстомъ пребыванія Бога пространство надъ крышей ковчега завѣта, почему въ опредѣленное время туда и брызгали жертвенную кровь.

Что касается до принесенія въ жертву крови, какъ наилучшей пищи, то въ этомъ обычаѣ у евреевъ соединялась древняя форма жертвы, — отреченіе отъ извѣстныхъ благъ, съ новой формой, — принесеніемъ въ даръ, такъ какъ они всю кровь посвящали *исключительно* Божеству. Оно одно должно было воспринимать въ себя всю ту жизненную силу, которая покидала его творенія; поэтому религія запрещала евреямъ употребленіе въ пищу крови въ какомъ бы то ни было видѣ. Все, что было запятано кровью, было тѣмъ самымъ посвящено Богу и неприкосновенно для чловѣка, покуда не были совершены извѣстные обряды, снимающіе это запрещеніе. Поэтому сердце, какъ вмѣстилище крови, а вмѣстѣ съ тѣмъ и жизни, конечно принадлежало также къ жертвеннымъ частямъ. Мексиканскіе жрецы вскрывали у жертвенныхъ животныхъ грудь, вынимали изъ нея еще бьющееся сердце и протягивали его къ солнцу, своему божеству, или вкладывали его въ ротъ идоламъ. На ряду съ сердцемъ и голова часто считалась мѣстопребываніемъ души: людямъ кажется, что черезъ глаза чловѣка смотритъ на свѣтъ Божій его душа. Поэтому головой убитаго звѣря или врага чествовали предводителей, поэтому же и при жертвенныхъ пиршествахъ часто пирующіе оставляли неприкосновенной голову животного, такъ какъ она считалась долей божества; у древнихъ германцевъ такую роль игралъ черепъ лошадей. У древнихъ египтянъ голова убиваемыхъ животныхъ исполняла то же назначеніе, что кровь у евреевъ; поэтому египтянамъ было строго запрещено употреблять въ пищу голову животного.

Руководствуясь теми же соображениями, на основании которых отдавали кровь, сердце и голову животного в жертву богам, иные народы считали жертвенными частями и некоторые внутренности, так как физиологические понятия у разных народов и в разные времена были очень различны. Нецивилизованные народы, подобно греческим философам, думали, что для объяснения многих жизненных явлений, происходящих в человеке, необходимо признать существование в человеке одновременно нескольких душ. По учению одной греческой философской школы, в голове человека была умственная душа, в груди или в сердце—животная, а в органах пищеварения—растительная душа. Поэтому жертвенную привилегию съ сердцем и головой раздѣляют иногда и другие органы животного. Так, у некоторых народов, стоящих на низкой ступени развития, почечный жир играет почти такую же роль, как и кровь, и выражение «кровь и жир» обозначает у них всего «внутреннего человека». Очень может быть, что первобытный человек послѣ своей сухой пищи особенно любил полакомиться почечным жиром, или что этому жиру такъ же, как и самим почкамъ, приписывалось такое физиологическое значеніе, котораго, при нашихъ научныхъ свѣдѣніяхъ, мы теперь не признаемъ за ними. Во всякомъ случаѣ этотъ жир, наравнѣ съ кровью, у некоторыхъ народовъ представлялъ жертвенную часть, а дымъ отъ сжигаемаго жира считался сперва буквально, потомъ фигурально—особенной приманкой для боговъ.

У грековъ особенно образовалась цѣлая система правилъ, позволявшихъ узнавать по внутренностямъ жертвеннаго животного благоприятенъ ли результатъ жертвоприношенія. А такъ какъ жертвы приносились обыкновенно по поводу какого нибудь обстоятельства, которое предстояло в близкомъ будущемъ и наступленіе котораго человекъ желалъ вызвать или предотвратить, то сложилось убѣжденіе, что люди, умѣющие «наблюдать внутренности» при жертвоприношеніяхъ, могутъ вообще предсказывать будущее. Такимъ образомъ развилось мало по малу искусство «гаданія», и жертвы стали тогда часто приноситься уже только съ цѣлью гадать по нимъ.

Принципъ, на которомъ основывалось гаданіе, весьма понятенъ; ко всѣмъ подобнымъ обычаямъ люди приходятъ путемъ умозаключеній, которыя на извѣстной ступени умственнаго развитія являются совершенно логичными. Въ одномъ случаѣ дѣйствовали въ сущности два принципа. Болѣе простое разсужденіе было таково: божество только въ такомъ случаѣ захочетъ исполнить желаніе человека, если приносимыя ему жертвы будутъ ему пріятны; оно не приметъ вреднаго или плохого жертвеннаго животного и не только не будетъ умилостивлено такой жертвой, но можетъ даже разгнѣваться. А тогда человеку уже нечего разсчитывать на успѣхъ въ своемъ предпріятіи. Выбирая жертву, человекъ не знаетъ, въ какомъ состояніи находятся внутренности, но лицо свѣдующее, разсмотрѣвъ ихъ, сейчасъ же можетъ сказать, удачно ли была выбрана жертва; а зная это, человекъ уже можетъ заключить отсюда и о томъ, ожидаетъ ли приносящаго жертву успѣхъ или неудача, т. е. онъ можетъ до извѣстной степени «предсказать будущее».

Очевидно, что мнѣніе, будто на намѣренія божества можетъ оказывать вліяніе удачный или неудачный выборъ жертвы, принадлежитъ такому періоду культуры, когда понятія людей о божествѣ были еще крайне первобытны. Но обычай гаданія, какъ и другія религиозныя обычаи, сохранился и тогда, когда понятія людей значительно подвинулись впередъ; измѣнилось только толкованіе этого обычая. А именно стали думать, что божество, предупреждая человека относительно того, что его ожи-

дасть въ будущемъ, дѣлаетъ это въ силу соглашенія съ людьми, состоявшагося еще въ незапамятныя времена. Поэтому теперь уже полагаютъ, что не качество приносимой жертвы вліяетъ на намѣренія божества, а что оно само руководитъ человѣкомъ при выборѣ жертвы, чтобы такимъ образомъ, согласно уговору, дать человѣку указаніе на то, что ожидаетъ его въ будущемъ.

Нѣсколько болѣе сложное толкованіе гаданья по внутренностямъ основывалось на физиологическихъ представленіяхъ. Существовало мнѣніе, что когда люди, весело пируя, ѣдятъ вмѣстѣ съ божествомъ мясо жертвеннаго животнаго, то самое существенное въ этомъ животномъ — его душа — достается цѣликомъ божеству. Что люди дѣйствительно вѣрили, будто божество питается душами жертвъ, это можно подтвердить множествомъ фактовъ, относящихся къ самымъ различнымъ мѣстностямъ и эпохамъ; съ нѣкоторыми изъ этихъ фактовъ мы еще будемъ имѣть случай познакомить читателя. Но, какъ намъ уже извѣстно, существовало убѣжденіе, что душа тѣснѣйшимъ образомъ связана съ нѣкоторыми изъ внутренностей, а отъ такого убѣжденія очень не далеко и до предположенія, что по виду внутренностей можно судить о томъ, какимъ впечатлѣніямъ подверглась душа въ моментъ разставанія ея съ тѣломъ животнаго. Платонъ напримѣръ считалъ подобнымъ зеркаломъ души печень, физиологическое значеніе которой было очень неясно для людей того времени. По его мнѣнію, на этомъ зеркалѣ сохранялось точное изображеніе волновавшихъ душу чувствъ и послѣ того, какъ она уже покинула тѣло; селезенка, этотъ еще болѣе загадочный органъ, представлялъ, по мнѣнію Платона, не болѣе какъ тряпку, предназначенную для вытиранія печени; на чисто вытертой печени отражается, по его словамъ, все то, что происходитъ съ душой. Покуда человѣкъ живъ, этими отражающимися на печени картинами и обуславливается то или другое настроеніе; такой взглядъ какъ бы подтверждался и личнымъ опытомъ людей, благодаря той связи, которая дѣйствительно существуетъ между настроеніемъ человѣка и состояніемъ его печени. Какъ видно, и философы не были чужды чисто народныхъ воззрѣній.

Итакъ, дѣло сводилось къ тому, чтобы правильно замѣтить у только что убитаго животнаго фигуры, видимыя на печени, и по нимъ рѣшить, каковъ былъ пріемъ, оказанный божествомъ душѣ, покинувшей тѣло. Намъ съ вами, читатель, такая задача была-бы конечно не по силамъ, но жрецы, изучившіе это искусство, ничуть не затруднялись въ ея разрѣшеніи; какъ именно они рѣшали ее—это зависѣло отъ того, какихъ ученій они придерживались, къ какой школѣ они принадлежали. Во всякомъ случаѣ, разъ извѣстно было настроеніе божества въ моментъ жертвоприношенія, то уже не трудно было рѣшить, ждетъ-ли жертвователь успѣхъ въ его предпріятіи и слѣдовательно, такъ или иначе, легко было предсказать будущее.

Трудно сказать, смотрѣль-ли первобытный человѣкъ на кровь, какъ на кушанье или какъ на питье. Въ Библии запрещается всегда «ѣда» крови. Достоверно и изъ предыдущаго вполне понятно, что боги и души умершихъ предпочитаютъ кровь всякой другой пищѣ. По описанію Гомера, духи влачатъ въ подземномъ царствѣ, «въ преисподней», самое жалкое существованіе, не имѣютъ возможности вспоминать или размышлять о чемъ нибудь, покуда имъ не будетъ доставлена кровь, эта пища, содержащая душу. Они съ неистовою жадностью тѣнятся вокругъ той крови, которую имъ приноситъ Одиссей, и когда они напились ее, къ нимъ вернулась память и ихъ призрачная жизнь снова стала осмысленной и сознательной.

Такое воззрѣніе распространено по всей землѣ. Но если, по понятіямъ людей, въ крови скрывалась такая удивительная сила, потому что въ ней заключалась

душа, то понятно, что для человѣка, изъ крови различныхъ существъ, всего привлекательнѣе была кровь людей. И дѣйствительно, въ первобытныя времена люди очень заботились о томъ, чтобы при отправленіяхъ культа не было недостатка въ человѣческой крови; съ теченіемъ времени однако такія жертвоприношенія принимали все менѣе и менѣе жестокія формы. Нѣкоторыя малайскія племена еще до послѣдняго времени соблюдали этотъ обычай во всей его строгости. Какъ только кто-нибудь у нихъ умиралъ, душа его требовала крови, и оставшіеся послѣ него родственники отправлялись на охоту за людьми и охотились до тѣхъ поръ, пока имъ не удавалось убить кого-нибудь; тогда голову убитаго они клали на могилу. Поэтому такія племена назывались «охотниками за головами». Въ Полинезійи онъ лѣтъ тому назадъ на этотъ обычай смотрѣли уже не такъ строго, но и здѣсь онъ несомнѣнно существовалъ въ формахъ, близкихъ къ тѣмъ, которыя мы видимъ у малайцевъ. Въ случаѣ чьей-либо смерти, ближайшій родственникъ надѣвалъ особое одѣяніе, образчики котораго еще и до сихъ поръ можно видѣть въ нашихъ музеяхъ, подъ названіемъ полинезійскихъ «траурныхъ платьевъ», и вооружался длинной палкой, булавовидный конецъ которой былъ усаженъ зубами акулы; гдѣ бы онъ ни появлялся, всѣ бѣжали отъ него и по возможности забирались даже на деревья; если же онъ достигалъ кого-нибудь, то жестоко избивалъ его: онъ искалъ крови. (рис. 73).

Такіе варварскіе обычаи стали не нужными тогда, когда человѣкъ рѣшился отдавать умершему или духу—культъ не дѣлаетъ различія между мертвыми и духами—часть своей собственной крови. На островѣ Таити туземцы, въ случаѣ смерти родоначальника, или вообще когда имъ приходилось обращаться за чѣмъ нибудь къ божеству, наносили себѣ раны зубами акулы, особенно на лбу и на груди. Если это дѣлалось по случаю чьей-нибудь смерти, то текущую изъ порѣзовъ кровь собирали, напитокывая ею тряпки, которыхъ всегда можно было во множествѣ видѣть на могилахъ; ихъ приносили сюда для того, чтобы умершіе подкрѣплялись кровью, которою онѣ были пропитаны. Рубцами отъ ранъ туземцы гордились какъ доказательствомъ своего благочестія.

Такой-же обычай мы видимъ и у древнихъ мексиканцевъ съ той только разницей, что здѣсь во время отправленія государственнаго культа и даже при жертвоприношеніяхъ, которыя совершали различныя корпораціи, текла кровь многихъ добровольныхъ жертвъ. Какъ только мексиканца постигало какое-нибудь несчастіе, онъ пускалъ себѣ кровь, чтобы умилостивить этимъ обрядомъ духовъ. Въ случаѣ чьей-либо смерти въ честь умершаго также проливалась кровь. Такъ какъ прежде всякую болѣзнь приписывали вліянію какого-нибудь духа, котораго поэтому слѣдовало умилостивить для исцѣленія больного, то болѣе чѣмъ вѣроятно, что изобрѣтеніе кровопусканія,—этого средства, употреблявшагося рѣшительно отъ всякихъ болѣзней,—произошло на почвѣ культа, хотя нѣтъ достаточно данныхъ, чтобы безусловно утверждать это.

Что описанные нами обычаи практиковались также въ культурныхъ странахъ Старога Свѣта, это доказываетъ намъ Библія, которая запрещаетъ евреямъ дѣлать порѣзы на кожѣ по поводу чьей-либо смерти. Но старые обычаи трудно искоренить путемъ запрещеній, и слѣды ихъ сохраняются непременно въ той или иной формѣ. Какъ прежде малаецъ въ своемъ жилищѣ съ гордостью выставлялъ на показъ, въ видѣ трофеевъ, головы убитыхъ имъ во время «траура» враговъ, и какъ фарисеи во времена Иисуса Христа, постясь, принимали угрюмый видъ, чтобы выставить на показъ свое благочестіе, такъ и другіе народы имѣли обыкновение сохранять на

своёмъ тѣлѣ видимые знаки своихъ заслугъ по отношенію къ духамъ, какъ будто они желали напомнить имъ при встрѣчѣ объ этихъ заслугахъ. Съ этимъ обычаемъ связанъ также и другой—посыпаніе ранъ пепломъ; дѣлается это или потому, что такимъ образомъ прекращается чрезмѣрное кровотеченіе, или потому, что отъ этого остаются на кожѣ цвѣтные рубцы, какъ при татуировкѣ. Мы знаемъ уже, что евреи, въ случаѣ смерти родственника, хотя и не били себя въ голову зубами акулы, но сохранили обычай посыпать себѣ голову пепломъ.

Въ Мексикѣ, когда одна богиня, которую тамъ чтили съ древнѣйшихъ временъ, являлась на празднество людей, всѣ приходили въ трепетъ, такъ какъ тамъ суще-

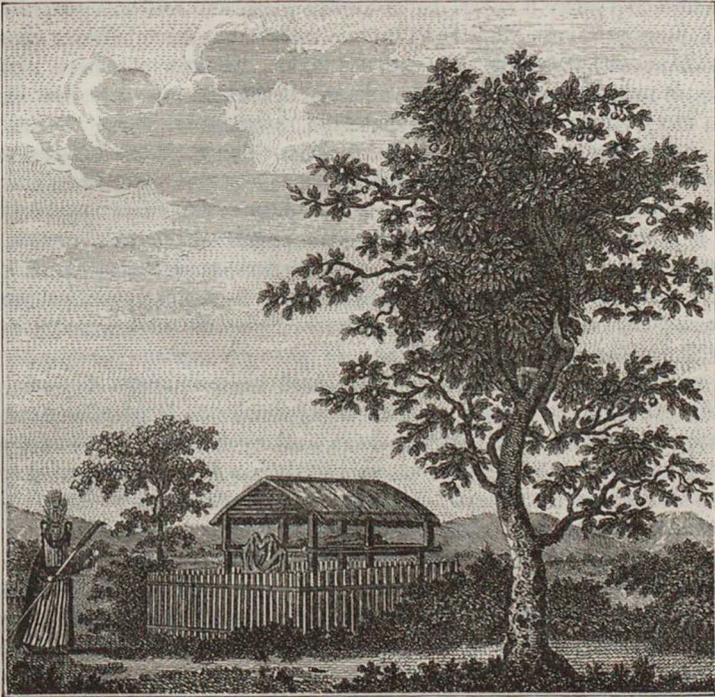

Рис. 73.—Человѣческія жертвоприношенія на островѣ Таити.

ствовало повѣрье, что эта богиня любила похищать жизнь у дѣтей. Такое вѣрованіе основывалось вѣроятно на существовавшемъ прежде у мексиканцевъ обычаѣ приносить дѣтей въ жертву этой богинѣ. Такъ какъ въ послѣдствіи такія жертвы исчезли, то, когда дѣти умирали отъ болѣзни, люди думали, что богиня сама приходила въ домъ за своей жертвой. Поэтому въ дни, когда являлась къ людямъ богиня, они пускали себѣ кровь, собирали ее въ сосудъ, сдѣланный изъ листьевъ, и вывѣшивали его на дверяхъ дома: тогда богиня, по ихъ мнѣнію, принимала эту жертву и не посѣщала дома. Слѣды подобнаго же обычая мы находимъ и у евреевъ. Однажды въ праздничный день божество посѣтило людей съ тѣмъ, чтобы убить всѣхъ перворожденныхъ; тогда каждый еврей намочилъ въ крови маленькій вѣникъ и помазалъ косякъ дверей своего дома; евреи употребили въ данномъ случаѣ уже не человѣче-

скую кровь, а кровь ягненка. Умилостивленное божество, проходя мимо домовъ евреевъ, не поражало смертью ихъ первенцевъ. Съ тѣхъ поръ этотъ обрядъ вошелъ у евреевъ въ обычай.

Геродотъ рассказываетъ, что и у карійцевъ, жившихъ въ Малой Азіи, существовали религиозные обряды, при которыхъ они «ударяли себя ножами въ лобъ». Онъ наблюдалъ кромѣ того тотъ же обычай и у египтянъ, съ той только разницей, что они не проливали крови «въ честь бога», а просто били себя по головѣ кулаками. То-же самое дѣлали и спартанцы при похоронахъ своего царя: «мужчины и женщины безъ различія усиленно били себя кулаками по лбу». Читателю извѣстно, что въ такой невинной формѣ этотъ обычай сохранился и до нашихъ дней. Теперь ударяютъ себя въ голову и грудь, когда хотятъ выразить особенно сильное раскаяніе въ какой-нибудь винѣ, тогда какъ прежде вину искупали, проливая свою кровь.

На этомъ примѣрѣ читатель можетъ увидѣть, какимъ образомъ возникаютъ «символы» и символическія дѣйствія. Рѣдко человѣкъ выдумываетъ ихъ такъ, какъ онъ выдумываетъ напр. метафорическія выраженія, когда онъ не умѣетъ выразить своей мысли иначе, какъ фигурально. Самое дѣйствіе бываетъ обыкновенно *унаследовано* отъ болѣе древнихъ временъ; человѣкъ только придаетъ ему новое толкованіе, болѣе соотвѣтствующее понятіямъ даннаго времени. Такимъ образомъ онъ находитъ мирный исходъ изъ фатальной борьбы между новымъ и старымъ,—борьбы, которая должна существовать, пока существуетъ развитие. Въ области религіи побѣда всегда остается за субъективнымъ элементомъ, который, какъ болѣе молодой факторъ, побѣждаетъ старый, объективный элементъ, требовавшій отъ человѣка извѣстной жертвы ради удовлетворенія потребности божества, а не ради самого человѣка. Приведенный нами примѣръ указываетъ и на ходъ борьбы этихъ двухъ началъ, наполняющей собой всю область религіи. Въ настоящее время среди народовъ, обладающихъ извѣстной культурой, никто болѣе не вѣритъ въ такого бога, который для своего пропитанія нуждался бы въ жертвенной крови. Поэтому тѣ самые обряды, которые прежде вызывались такимъ грубымъ представленіемъ о божествѣ, служатъ теперь для людей выраженіемъ ихъ преданности Богу, ихъ готовности принести для него всякую жертву.

Но этотъ прогрессъ въ области культа знаменуетъ собой въ то-же время измѣненіе въ понятіяхъ человѣка о божествѣ. Прослѣживая постепенныя измѣненія, которыя претерпѣвало это понятіе, мы должны начать съ того отдаленнаго и туманнаго прошлаго, когда душа умершаго и божество, по мнѣнію человѣка, предъявляютъ къ нему совершенно одинаковыя требованія. Разстояніе между этими двумя объектами культа увеличивается въ глазахъ человѣка, по мѣрѣ того какъ расширяется его умственный кругозоръ; въ концѣ концовъ для того, чтобы культъ соотвѣтствовалъ представленіямъ людей о божествѣ, приходится придавать ему только символическое значеніе.

Каннибализмъ.

Намъ кажутся совершенно непонятными то равнодушіе и та жестокость, съ которыми первобытный человѣкъ относится къ себѣ подобнымъ. Здѣсь повидимому играютъ роль два момента: отрицательный и положительный. Извѣстно, что часто животныя безъ видимаго страха идутъ на встрѣчу такимъ опасностямъ, одна мысль о которыхъ можетъ причинить намъ страданіе. Очень вѣроятно, что для приговореннаго къ смерти представленіе объ ожидающихъ его предсмертныхъ страданіяхъ

мучительнѣе, чѣмъ самая казнь. Но сила этихъ страданій, какъ показываютъ наблюденія, зависитъ отъ того, насколько развита способность представлять себѣ извѣстные ощущенія. Эта способность еще и въ настоящее время у нѣкоторыхъ грубыхъ натуръ чрезвычайно слабо развита, а между тѣмъ несомнѣнно, что отъ нея то и зависитъ пробужденіе въ человѣкѣ чувства состраданія. Это чувство можетъ проявляться только въ томъ, кто способенъ представить себѣ, чтѣ испытываетъ другой человѣкъ, и состраданіе будетъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ живѣе въ человѣкѣ соотвѣтствующее представленіе. Такимъ образомъ мы видимъ, что область чувства у человѣка вовсе не стоитъ внѣ всякой связи съ его умственными развитіемъ, какъ это часто утверждаютъ изъ различныхъ побужденій. А такъ какъ умственныя способности человѣка развиваются очень медленно и постепенно и на низшихъ ступеняхъ развитія бываютъ очень несовершенны, то нужно предположить, что и въ области чувствъ происходила та-же медленная эволюція, и что тѣ чувства, которыя во всей своей силѣ проявляются въ современномъ человѣкѣ, у первобытнаго—существовали только въ видѣ слабыхъ зачатковъ.

Съ другой стороны, развитіе способности представленія, на извѣстной ступени вызывающее въ человѣкѣ чувство состраданія или по крайней мѣрѣ являющееся необходимымъ условіемъ для возникновенія этого чувства, идетъ всегда рука объ руку съ расширеніемъ, такъ сказать, общественнаго горизонта людей. И на насъ извѣстіе о гибели людей производить совѣмъ различное впечатлѣніе, смотря по тому, принадлежали-ли погибшіе къ тому кругу, среди котораго мы сами возвращаемся и которымъ преимущественно заняты наши мысли, или къ болѣе отдаленному. Люди, погибшіе при какой нибудь катастрофѣ въ Вѣнѣ, хотя мы съ ними и не болѣе знакомы, чѣмъ съ тѣми, которые погибли-бы при подобныхъ-же обстоятельствахъ гдѣ нибудь въ Шолонурѣ, возбудили-бы однако въ насъ больше состраданія, чѣмъ эти послѣдніе, такъ какъ въ первомъ случаѣ мы могли-бы болѣе живо представить себѣ картину этой катастрофы. Между тѣмъ чѣмъ дальше мы будемъ углубляться въ исторію, тѣмъ болѣе одинокимъ мы увидимъ человѣка, тѣмъ болѣе узокъ будетъ тотъ кругъ людей, къ которымъ онъ относится сочувственно. О степени развитія въ человѣкѣ альтруистическихъ чувствъ мы судимъ по ихъ проявленіямъ. Примѣняя такую мѣрку, мы видимъ, что сначала они проявляются почти исключительно въ видѣ материнской любви; далѣе мы находимъ благожелательныя отношенія между людьми, связанными узами родства; еще позже, когда мирный договоръ связываетъ въ одно племя нѣсколько болѣе мелкихъ группъ, сочувственныя отношенія устанавливаются между всѣми, принадлежащими къ этому племени; но человѣкъ, не принадлежащій къ нему, остается «врагомъ». Религія культа ничего не измѣняетъ въ этомъ, такъ какъ и она въ своемъ развитіи возвышается вмѣстѣ съ расширеніемъ человѣческаго кругозора. Любовь ко всему человѣчеству, такъ-же какъ и высшее представленіе о Божествѣ, появляется только на очень высокой ступени общественнаго развитія; господство ихъ еще и до сихъ поръ не наступило для людей; говоря о нихъ, мы въ дѣйствительности говоримъ о томъ, что только еще вырисовывается въ будущемъ. Мы очень часто ошибаемся даже относительно характера нашего чувства состраданія. Даже самое сантиментальное проявленіе его не всегда бываетъ свободно отъ извѣстнаго оттѣнка эгоизма. Не всегда мы огорчаемся чужимъ несчастіемъ, жалѣя о самомъ пострадавшемъ человѣкѣ; иногда намъ хотѣлось-бы устранить это несчастіе, потому что видъ его или мысль о немъ вызываютъ въ насъ тягостное ощущеніе. Безконечно много хорошаго образуется именно въ томъ самомъ культѣ, который иногда можетъ принимать самыя безчеловѣчныя формы; но

первоначально во всякомъ случаѣ въ основаніи культа лежалъ эгоизмъ, а не альтруизмъ. Все это заставляетъ насъ смягчить тотъ суровый приговоръ, который мы произносимъ надъ жестокостью дикаря, дѣйствія котораго подчинены только одной мысли о самосохраненіи.

Хроника какого нибудь средневѣкового города можетъ дать намъ понятіе о той стадіи, которая лежитъ между состояніемъ первобытной дикости и нравственнымъ развитіемъ современнаго человѣчества. То обстоятельство, что рыночная площадь часто была въ средніе вѣка мѣстомъ казней, не только не уменьшало цѣнности построенныхъ на ней домовъ, но даже увеличивало ее, и въ этихъ домахъ жили только самыя знатныя семьи. Не особенно обширная «новая площадь» въ Берлинѣ видѣла разъ, какъ медленно задыхались отъ чада цѣлыхъ 40 жертвъ, и вѣроятно это зрѣлище привлекло туда громадную толпу любопытныхъ. Эти люди были принесены въ жертву вѣрованіямъ, которыя, вообще говоря, въ наше время уже отжили.

Въ старыхъ хроникахъ ничто не описывается съ такой любовью, какъ тѣ случаи, когда пріобрѣтенная людьми способность состраданія снова вытѣснялась проснувшимся въ нихъ инстинктомъ самосохраненія. Именно этотъ-то инстинктъ и заставляетъ людей прибѣгать къ человѣческимъ жертвамъ. Въ новѣйшія времена онъ является то въ видѣ политической, то религіозной необходимости, и, благодаря той и другой, падаютъ человѣческія жертвы даже и въ такія времена, которыя особенно горятся своей гуманностью. И въ настоящее время люди согласны съ тѣмъ, что въ такихъ исключительныхъ случаяхъ чувство состраданія должно быть исключено изъ числа мотивовъ, которыми мы руководствуемся; но первобытный человѣкъ постоянно находится, по отношенію къ другимъ людямъ, въ томъ положеніи, въ которое мы попадаемъ теперь только въ исключительныхъ случаяхъ, и этимъ вполне объясняется поразительная для насъ жестокость первобытнаго человѣка; кромѣ того нужно принять еще во вниманіе ту чуждую всякихъ сомнѣній вѣру, которая характеризуетъ міросозерцаніе дикаря. Это была не та вѣра, ради которой днемъ человѣкъ приноситъ гекатомбы, а ночью въ кельѣ борется съ поднимающимися противъ этой вѣры сомнѣніями.

Первобытный человѣкъ представлялъ себѣ все, что касается жизни духовъ, съ той-же ясностью, съ какой мы видимъ солнце и ощущаемъ теплоту его лучей. Если какому нибудь скептику и могло прійти на умъ, что въ сущности всѣ его представленія о мірѣ духовъ просто унаслѣдованы имъ отъ его предковъ, то, въ виду крайней примитивности этихъ представленій, онъ могъ всегда провѣрить и подтвердить ихъ рядомъ самыхъ простыхъ умозаключеній. Это придавало культу желѣзную послѣдовательность, которой не могло поколебать никакое состраданіе.

Благодаря этому, человѣческія жертвы въ той или другой формѣ существовали рѣшительно повсюду. Если противъ нихъ и боролась іудейская религія, то это доказываетъ только, что онѣ существовали нѣкогда и у евреевъ; въ Африкѣ человѣческія жертвы приносятся еще и по настоящее время; въ Австраліи также еще приносятъ въ жертву дѣтей; въ Новой Зеландіи и Полинезіи этотъ обычай существовалъ еще въ прошломъ столѣтіи; не менѣе распространенъ онъ былъ и среди красной расы въ Америкѣ, а у древнихъ мексиканцевъ онъ достигъ ужасающихъ размѣровъ. Въ Европѣ особенно прославился своей жестокостью культъ кельтовъ; но и греки, и римляне, и германцы, и славяне также приносили человѣческія жертвы, а у родственнаго имъ арійскаго населенія Индіи встрѣчаемъ особенно часто одинъ родъ человѣческихъ жертвоприношеній. То-же вліяніе, которое теперь оказываетъ Англія на Индію, оказывалъ Римъ на культъ подчиненныхъ ему народовъ. Особенно

сильно было это влияніе въ Галліи; однако и здѣсь, по свидѣтельству Порфирія, только въ царствованіе императора Адріана (около 280 года по Р. Х.) римлянамъ удалось уничтожить послѣдніе слѣды человѣческихъ жертвъ у всѣхъ подвластныхъ имъ народовъ, хотя въ самомъ Римѣ все еще приносилась ежегодно *одна* такая жертва, что подтверждаетъ еще и Лактанцій, одинъ изъ отцовъ церкви, жившій уже въ IV столѣтіи.

Слѣдуетъ различать два главныхъ рода человѣческихъ жертвъ, смотря по ихъ цѣлямъ. Однѣ жертвы приносятся съ цѣлью *снять* душу умершаго, другія-же съ тѣмъ, чтобы доставить ей *спутника* или вообще оказать ей какую нибудь услугу. Въ обоихъ случаяхъ принесеніе въ жертву можетъ считаться весьма почетнымъ для самой жертвы.

Наиболѣе извѣстный примѣръ второго вида этихъ жертвоприношеній представляетъ сожженіе вдовъ въ Индіи, — обычай, съ которымъ англійское правительство долго вело борьбу, увѣнчавшуюся успѣхомъ только въ послѣднее время. Этотъ обычай вытекаетъ изъ того очень распространеннаго представленія, что всѣ люди, которыми владѣлъ умершій, должны остаться въ его владѣніи, въ противномъ случаѣ духъ будетъ преслѣдовать своимъ мщеніемъ того, кто захватилъ его собственность. Хотя первобытный человѣкъ и вѣрилъ, что громъ и градъ посылаются духами, но онъ далекъ отъ того, чтобы отождествлять этихъ духовъ съ физическими силами, по той простой причинѣ, что о послѣднихъ онъ не имѣетъ никакого понятія; наоборотъ, проявленіе физическихъ силъ онъ объясняетъ дѣятельностью духовъ, такъ какъ только объ нихъ однихъ онъ составилъ себѣ понятіе изъ наблюденій надъ окружающимъ его міромъ.

Поэтому духи живутъ, по его представленію, не сомнительной жизнью отвлеченныхъ физическихъ силъ, а чисто человѣческой жизнью. Жены и рабы представляютъ собственность умершаго, и онъ нуждается въ нихъ одинаково какъ на этомъ, такъ и на томъ свѣтѣ. Поэтому вмѣстѣ съ умершимъ хоронились въ количествѣ, соотвѣтствующемъ его богатству и общественному положенію, также рабы, рабыни и жены, души которыхъ, по мнѣнію индусовъ, продолжали служить своему господину и на томъ свѣтѣ. При извѣстныхъ обстоятельствахъ для жертвъ такая судьба являлась даже своего рода преимуществомъ: духъ уважаемаго предводителя постоянно получалъ отъ своего племени богатые дары; часть ихъ доставалась, по представленіямъ индусовъ, и рабамъ этого предводителя, которымъ никто не пожертвовалъ-бы и пригоршни воды, если-бы они умерли естественной смертью. У народовъ, населявшихъ сѣверъ Европы, самымъ завѣтнымъ желаніемъ всякаго человѣка было попасть послѣ смерти въ общество Одина, божественнаго царя. Чтобы достигнуть этого, ускоряли даже свою кончину и самовольно лишали себя жизни, такъ какъ умершіе естественной смертью не могли попасть въ число избранныхъ.

Сожженіе вдовъ въ Индіи есть только остатокъ обычая, пользовавшагося раньше гораздо большимъ распространеніемъ; существованіе его можно объяснить себѣ только той непоколебимостью, которой отличалась вѣра первобытнаго человѣка въ духовъ. Приношеніе человѣческихъ жертвъ при похоронахъ умершаго существовало и у грековъ временъ Гомера, и у германцевъ, и у славянъ. Свѣдѣнія объ этомъ обычая существуютъ относительно германскихъ руссовъ; что-же касается славянъ, то еще христіанскіе миссіонеры сообщаютъ, что у нихъ жены слѣдовали въ могилу за своими мужьями. Въ Гренландіи эскимосы еще въ прошломъ столѣтіи хоронили живого ребенка вмѣстѣ съ матерью, если она умирала до отнятія ребенка отъ груди; кормленіе-же ребенка грудью прекращалось у нихъ только на четвертомъ году.

Есть даже такіе народы, которые изъ своихъ представлений о духахъ вполне послѣдовательно вывели, что можно убить человѣка не только для служенія духу, но и вообще чтобы дать его душѣ какое-либо полезное назначеніе. Европейцы еще въ этомъ столѣтіи встрѣтились съ подобными представленіями въ Сіамѣ. Здѣсь туземцамъ понадобилось для вновь выстроенныхъ воротъ приобрести духа-покровителя, который предупреждалъ-бы ихъ знаменіями объ угрожающихъ имъ опасностяхъ, что считалось у нихъ обязанностью всякаго добраго духа. Король назначилъ для этой цѣли человѣка, который въ это время случайно попался ему на глаза, и всѣ считали это почетнымъ для избраннаго отличіемъ. Съ нимъ тотчасъ-же начали обращаться, какъ съ божествомъ; его накормили роскошнымъ обѣдомъ, во время котораго король объявлялъ ему, въ чемъ состоятъ его будущія обязанности въ качествѣ духа-охранителя воротъ, затѣмъ — этого человѣка убили. Писатели, сообщаящіе намъ объ этомъ обычаѣ, не говорятъ, было-ли этому человѣку обѣщано также и впредь совершать въ честь его жертвоприношенія; но по всѣмъ вѣроятіямъ такое обѣщаніе давалось, такъ какъ только имъ можно себѣ объяснить, что отъ убитаго они ожидали себѣ услугъ, а не мести. Всѣ были того мнѣнія, что ему выпала на долю завидная участь. Какъ пролетарію и бродягѣ, ему вѣроятно пришлось-бы умереть гдѣ нибудь подъ заборомъ, и навѣрно никому не пришло-бы на мысль принести духу его какой нибудь даръ. Такимъ образомъ и смерть не избавила-бы несчастнаго отъ бѣдности, не сняла-бы съ него этого проклятія, тяготѣвшаго надъ нимъ всю его жизнь; теперь-же его ожидало самое завидное положеніе: всѣ будутъ приносить его духу жертвы, такъ какъ всякій дорожитъ своей безопасностью.

Многія нѣмецкія легенды доказываютъ, что въ древности и въ Германіи существовалъ обычай, подобный вышеописанному; но не слѣдуетъ думать, что этотъ обычай существовалъ все то время, покуда онъ служилъ темой для разныхъ легендъ, такъ какъ такія легенды народъ создавалъ и въ нашемъ столѣтіи по поводу сооруженія нѣкоторыхъ большихъ построекъ вроде напр. желѣзнодорожныхъ мостовъ и т. п. Читателю вѣроятно приходилось слышать не одну легенду о томъ, какъ при постройкѣ замка въ цокель его былъ замурованъ живой ребенокъ, или о томъ, какъ по окончаніи постройки владѣтель замка убилъ строителя. Въ этихъ легендахъ часто совершенно ясно указывается и на цѣль такихъ поступковъ. Особенно нуждались въ человѣческихъ жертвахъ для своей безопасности и прочности замки, городскія стѣны, мосты и плотины. Какъ разсказываютъ легенды, всего чаще для такихъ цѣлей покупали дѣтей у матерей-бродягъ или (особенно при сооруженіи плотинъ) убивали какого нибудь нищаго, предварительно напоивъ его до-пьяна.

Второй родъ человѣческихъ жертвъ имѣеть совершенно другой смыслъ и другую цѣль; его всего вѣрнѣе было-бы назвать *каннибалистическимъ*, такъ какъ онъ совершенно такъ-же связанъ съ каннибализмомъ, какъ другія жертвоприношенія съ тѣмъ или другимъ характеромъ народнаго потребленія, напр. съ преобладаніемъ мясной или наоборотъ растительной пищи. Каннибализмъ или людоедство еще и въ настоящее время встрѣчается во многихъ уголкахъ земного шара, и этотъ варварскій обычай сохранился вовсе не у народовъ, наименѣе одаренныхъ жизненною энергіей. Судя по оставшимся отъ этого обычая слѣдамъ, онъ въ древности былъ распространенъ чуть-ли не повсемѣстно. Высшаго развитія онъ достигъ въ Мексикѣ и существовалъ тамъ притомъ рядомъ съ относительно довольно высокой культурой. Вѣроятно и здѣсь онъ исчезъ-бы раньше, если-бы сохраненію его не способствовалъ культъ съ свойственнымъ ему упорнымъ консерватизмомъ. У другихъ народовъ

хотя и исчезъ обычай ѣсть человѣческое мясо, но соотвѣтствующія ему формы культа все-таки еще сохранялись и только мало по малу онѣ уничтожались или пріобрѣтали символическое значеніе.

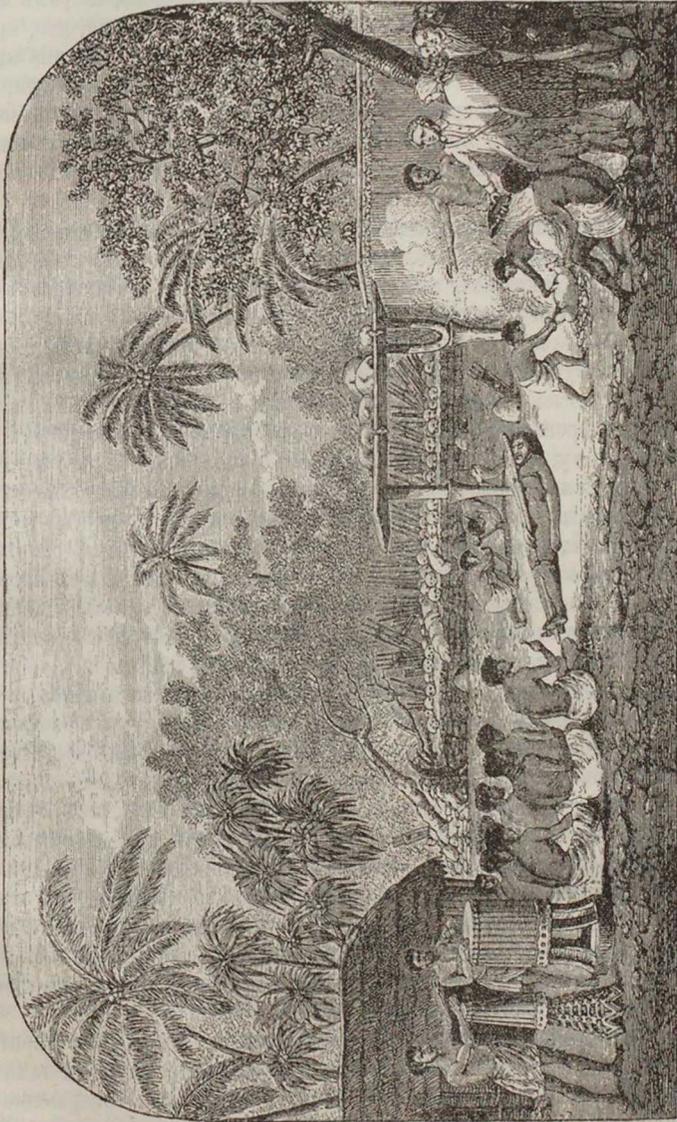

Рис. 74. — Человѣческія жертвоприношенія на о-въ Огайити.

Исключая тѣхъ случаевъ, когда человѣкъ поѣдалъ мясо умершихъ людей для того, чтобы души ихъ, слившись съ его душой, могли продолжать жить вмѣстѣ съ ней; исключая этого рѣдкаго вида каннибализма изъ дружбы, который можно было-

бы назвать «сѣданиемъ изъ любви», — каннибализмъ преимущественно является актомъ вражды. Можно предположить, что въ тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ приходилось жить людямъ въ Новой Зеландіи и древней Мексикѣ, крайній недостатокъ въ мясной пищѣ, вслѣдствіе невозможности добыть ее инымъ путемъ, заставляя чело­вѣка охотиться на себѣ подобныхъ и питаться ихъ кровью, жиромъ и мясомъ. Такое отношеніе къ другимъ людямъ было тѣмъ болѣе возможно, что, при отсутствіи сколько нибудь прочныхъ мирныхъ сношеній, всѣ, невходившіе въ составъ извѣстной семьи, считались уже въ силу этого чужеземцами или врагами, или — по греческому обозначенію — варварами. По отношенію же къ этимъ послѣднимъ чело­вѣкъ прежде не признавалъ никакихъ обязанностей; они были для него просто дичью, за которой можно охотиться; впрочемъ и европейцы очень часто точно такъ-же смотрѣли на всѣ народы, не принадлежавшіе къ бѣлой расѣ.

Но къ этому каннибализму изъ голода, который является самымъ первоначальнымъ видомъ каннибализма вообще, вскорѣ присоединяется и другой, основанный на физиологическихъ понятіяхъ народа; этотъ видъ могъ совершенно вытѣснить первый. Въ большинствѣ случаевъ дикари на разспросы о томъ, какіе мотивы за­ставляютъ ихъ прибѣгать къ людоедству, отвѣчали, что употребленіе въ пищу чело­вѣческаго мяса увеличиваетъ храбрость и силу, словомъ — умножаетъ вообще душевныя силы. Въ основѣ такихъ представленій лежитъ мнѣніе, что въ того, кто сѣдаетъ мясо или кровь, входитъ и душа — носительница всѣхъ силъ.

Стремясь къ этому, чело­вѣкъ желалъ не только увеличить свои силы, но руко­водствовался и другимъ соображеніемъ, особенно, когда дѣло шло объ уничтоженіи могущественнаго врага. Однимъ только убійствомъ его далеко еще не устраняются всѣ грозящія съ его стороны опасности; напротивъ, освобожденная смертью душа становится еще болѣе страшной, чѣмъ былъ ея носитель. Вѣдъ она-то посредствомъ сновъ и знаменій возбуждаетъ своихъ родственниковъ къ кровавой мести и даже сама — у грековъ подъ названіемъ «эриніи умершаго» — прибѣгаетъ къ особаго рода мщенію. По греческому сказанію, эриніи, не давая убійцѣ ни минуты покоя, гонятъ его изъ страны въ страну, покуда онъ, лишившись сна и покоя, не теряетъ разсудка. Какими-же способами первобытный чело­вѣкъ доводитъ свою мечь до конца и вмѣстѣ съ тѣмъ защищаетъ себя отъ враждебнаго ему духа? Онъ достигаетъ этого, поступаая съ неумолимой логичностью: онъ уничтожаетъ душу вмѣстѣ съ тѣломъ. Гомеровскіе герои для этой цѣли отказывали убитымъ въ почестяхъ культа, кото­рый одинъ только могъ поддержать загробную жизнь души. Они обыкновенно угро­жаютъ врагу погибелью его души и хвастаются, что бросятъ его тѣло на сѣденіе собакамъ. У многихъ народовъ, изъ страха передъ такой участью, уносятъ съ поля сраженія трупы родственниковъ, не смотря на то, что часто, благодаря этому, прерывается даже самая битва; тотъ-же мотивъ руководилъ старымъ царемъ Пріамомъ, когда онъ унижался передъ юнымъ Ахилломъ, вымаливая у него трупъ своего сына, чтобы воздать ему предписываемыя культомъ почести.

Но еще болѣе дикіе народы пошли еще дальше, и думая тѣмъ вѣрнѣе дости­гнуть своей цѣли, они проглатывали вмѣстѣ съ кровью и его душу и такимъ обра­зомъ окончательно утоляли жажду мщенія. Теперь врагъ былъ совершенно уничто­женъ; его душа переставала существовать, она какъ-бы пошла на усиленіе другой души, — она сливалась съ ней и подчинялась ей; тогда не угрожала болѣе никакая мечь, нечего было больше опасаться духовъ.

Чело­вѣкъ сѣдалъ въ такихъ случаяхъ преимущественно сердце, — этотъ сосудъ крови, въ которомъ содержится душа. Въ Полинези брали «сердце и глазъ» убитаго

врага и отдавали ихъ предводителю; несомнѣнно, что первоначально онъ дѣйствительно съѣдалъ ихъ, хотя въ то время, когда Полинезію стали посѣщать европейцы, предводитель дѣлалъ уже только видъ, что ѣсть эти органы, подававшіеся ему завернутыми въ листья банана.

Какъ извѣстно, въ сѣверо-германскихъ сагахъ сохранилось много чертъ изъ временъ варварства. Здѣсь мы встрѣчаемъ сказаніе о злыхъ духахъ, которые говорили въ свою пользу взрослога человѣка или ребенка и затѣмъ требовали ихъ «сердца и глаза».

При ѣдѣ мяса и крови, необходимость въ какой нибудь приправѣ сказывается очень сильно, и вѣроятно тѣмъ сильнѣе, чѣмъ рѣже вообще употребляется такого рода пища. Малайсійскія племена приправляли человѣческое мясо сокомъ одного вида лимона и вмѣсто соли употребляли разныя острыя травы. На сѣверѣ повидимому лакомой приправой считался также медъ. Такъ, въ пѣсняхъ сѣверныхъ народовъ часто древніе герои упрекаются въ томъ, что они ѣли сердца взрослыхъ людей или дѣтей съ медомъ! На то-же самое указываетъ и сказаніе о томъ, что напитокъ изъ крови и меда явился у скандинавовъ первоначальнымъ источникомъ поэтическаго вдохновенія. Подъ поэтическимъ искусствомъ или искусствомъ скальдовъ здѣсь подразумѣвается, какъ и всегда, «вдохновенная» рѣчь жреца, а она обуславливается древнимъ жертвеннымъ напиткомъ изъ крови и меда.

Описываемый нами видъ человѣческихъ жертвъ представляетъ не что иное, какъ пиршество людоѣдовъ, въ которомъ принимаетъ участіе божество. Насъ не должно удивлять, что такое угощеніе рѣшались предлагать даже божеству, не говоря уже о низшихъ духахъ. Возможно-ли было отказать божеству въ самой изысканной и, конечно въ очень грубомъ смыслѣ слова, въ наиболѣе духовной пищѣ, какую только зналъ человѣкъ? Наоборотъ, если кто нибудь могъ имѣть преимущественное притязаніе на такую пищу, то именно божество.

Поэтому, когда устраивается подобное религіозное пиршество, то божество, какъ и надлежитъ, занимаетъ мѣсто предводителя и пользуется принадлежащими послѣднему почетными правами. Ему прежде всего отдается «кровь и глазъ» или сердце и голова, остальное-же пирующіе дѣлятъ между собой. Такъ, мексиканскіе жрецы, стоя на верху ступеньчатаго храма, вынимали у жертвы сердце для божества, тѣло-же бросали внизъ по ступенямъ. Здѣсь мясо поднималъ участвовавшій въ торжествѣ народъ и, сваривъ, съѣдалъ его. Такія жертвы приносились въ древней Мексикѣ цѣлыми тысячами. Ихъ добывали, устраивая настоящія охоты на сосѣдніе народы; такая судьба постигла почти всѣхъ испанцевъ, попавшихся въ плѣнъ во время завоеванія Мексики. Каннибалы впрочемъ жаловались на то, что мясо испанцевъ не вкусно: Они предпочитали мясо людей коричневой расы и потому наложили на покоренныя ими племена налогъ, который выплачивался богамъ человѣческими жертвами. Нѣтъ сомнѣнія, что именно ужасъ передъ этимъ культомъ до того парализующимъ образомъ дѣйствовалъ на племена, населявшія горную страну, что они выносили господство небольшого племени каннибаловъ; у мексиканцевъ вовсе не замѣчалось стремленія замѣнить эти человѣческія жертвы чѣмъ-нибудь другимъ, они и не думали объ ихъ искупленіи; но это-то именно и было причиной быстрого паденія Мексики. Кортесъ явился въ ней избавителемъ.

Кромѣ такихъ государственныхъ жертвоприношеній, масса жертвъ приносилась частными лицами, общинами и корпораціями, которыя пользовались для этого купленными рабами. То же самое происходило и въ Перу. Тамъ заблаговременно запасались такими жертвами и весьма старательно заботились объ ихъ откармливаніи;

этого то и не доставало бѣднымъ испанцамъ, истощеннымъ войной. Часто такую жертву держали въ заключеніи около года; въ другихъ частяхъ свѣта мы также встрѣчаемся съ подобной утонченной жестокостью культа. Чѣмъ ближе приближалось время жертвоприношенія, тѣмъ больше заботились объ обреченномъ на жертву человѣкѣ, а подъ конецъ ему даже оказывали тѣ же почести, что и богу, для котораго онъ былъ предназначенъ, и всѣ его желанія и приказанія исполнялись съ величайшимъ почтеніемъ—за исключеніемъ впрочемъ одного желанія—желанія быть отпущеннымъ на свободу. Мы дошли здѣсь до такого пункта, съ котораго воззрѣнія людей могли развиваться въ двухъ различныхъ направленіяхъ. Очевидно, можно было смотрѣть съ двухъ точекъ зрѣнія на ту участь, которая ожидала душу жертвы. Во-первыхъ, представляли себѣ, что эта душа просто поглотилась, уничтожилась божествомъ. Поэтому то побѣжденные враги и подвергались такой участи. Но можно было попытаться составить себѣ и болѣе точное представленіе о томъ, что ожидало такую душу. Во всякомъ случаѣ она теряла свою индивидуальность, но, какъ душа, она сливалась съ душой божества, такъ что можно было сказать, что она сама до извѣстной степени становилась божествомъ. Такими представленіями объясняется то, что человѣка, предназначеннаго для жертвоприношенія, еще до смерти называли именемъ того божества, въ которое онъ долженъ былъ вселиться, и устраивали торжественныя процессіи, при которыхъ онъ являлся въ одеждахъ этого божества. Существовалъ ли подобный обычай и у древнихъ германцевъ,—намъ неизвѣстно.

Прослѣдимъ теперь развитіе этихъ обычаевъ еще нѣсколько дальше. Если какая нибудь мексиканская корпорація доставала себѣ такое *божество-жертву*, то весь городъ желалъ принимать участіе въ жертвенномъ пиршествѣ, такъ какъ это считалось весьма благодѣтельнымъ; такое мнѣніе основывалось на томъ, что жертвенное пиршество должно было умилостивить божество и сдѣлать его склоннымъ или даже обязать его отплатить людямъ за угощеніе какимъ нибудь благодѣніемъ. А кому же всего больше должно было отплатить божество за жертвенное пиршество, какъ не тѣмъ, кто принималъ въ немъ участіе? Какимъ же образомъ можно было добиться такого участія? Для этого прибѣгали къ символическимъ дѣйствіямъ. Изъ тѣста (прежде еще съ примѣсью крови, чтобы какъ можно меньше отступить отъ первоначальной формы жертвоприношенія) лѣпили и пекли фигуру жертвы въ одѣяніи и со всѣми принадлежностями соответствующаго божества и съѣдали ее; такимъ образомъ большинство могло принимать участіе въ благодѣтельномъ пиршествѣ. Фигура божества, сдѣланная изъ тѣста, носила особое названіе—«богъ, котораго ѣдятъ».

Несомнѣнно, что и у древнихъ германцевъ существовало нѣчто аналогичное этому обычаю. Уже часто указывали на то, что формы пряниковъ у нѣмецкаго простонародья, изображающія всадниковъ и людей въ остроконечной шапкѣ,—форма, сохраняющаяся неизмѣнной съ древнѣйшихъ временъ, представляютъ не что иное, какъ древнія изображенія народныхъ боговъ. Такіе пряники теперь употребляются преимущественно на тѣхъ праздникахъ, которые прежде были связаны съ жертвенными пиршествами; обыкновенно они съѣдаются тутъ же на мѣстѣ праздника, но ихъ берутъ и домой для друзей, чтобы и послѣднихъ сдѣлать участниками благодѣтельнаго торжества. Такимъ образомъ эти пряники происходятъ отъ «боговъ, которыхъ ѣдятъ», т. е. отъ изображеній подобныхъ божествъ. Это тѣмъ вѣроятнѣе, что въ другое время точно также дѣлались изображенія жертвенныхъ животныхъ: на Рождествѣ—свиньи, въ день св. Мартина—рога Мартинова быка (въ Англій память объ этомъ обычаѣ сохранилась и до сихъ поръ).

Другіе слѣды подобныхъ обрядовъ остались еще до нашего времени въ народ-

ныхъ обычаяхъ. Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что и наши предки приносили своимъ богамъ человѣческія жертвы. Откуда же они ихъ брали? Какъ добывали себѣ такія жертвы народы въ то время, когда они болѣе уже не могли брать перваго попавшагося человѣка, принадлежавшаго къ другому племени—это показываетъ намъ весьма наглядно будійская легенда объ одномъ духѣ, который желалъ ежедневно имѣть человѣческую жертву: убійцамъ и ворами общали свободу съ тѣмъ, чтобы они относили миску рису къ извѣстному дереву; здѣсь эта пища поглощалась демономъ. Когда больше не было ни убійць, ни воровъ, то стали брать въ каждомъ изъ домовъ по порядку сначала стариковъ, а потомъ дѣтей. Мы знаемъ, что древніе германцы покупали рабовъ для жертвоприношеній у сосѣднихъ племенъ; много разъ миссіонерамъ приходилось повторять запрещеніе христіанскимъ племенамъ продавать для этой цѣли рабовъ. Если вслѣдствіе такихъ запрещеній или какихъ нибудь другихъ причинъ языческому племени становилось затруднительно доставать жертвы для своихъ боговъ, то ему оставалось только приносить въ жертву своихъ преступниковъ. Такимъ образомъ понятія казни и жертвоприношенія до того сблизились, что народъ, по крайней мѣрѣ въ извѣстныхъ случаяхъ, совершенно отождествлялъ ихъ. Слѣды подобныхъ представленій живутъ еще и до сихъ поръ частью въ видѣ общепризнанныхъ обычаевъ, частью въ видѣ суевѣрій; съ приговореннымъ къ смерти все еще обращаются отчасти такъ же, какъ обращались мексиканцы съ человѣческими жертвами, которыя они обоготворяли. Для него устраиваютъ своего рода пиръ, или по крайней мѣрѣ на «последнемъ обѣдѣ» позволяютъ ему ѣсть и пить, сколько ему захочется; сохраняютъ на память его вещи и особенно его реликвіи въ качествѣ амулетовъ, которымъ приписывается сверхъестественная сила. Въ прежнія времена палачи дѣлали выгодныя дѣла даже съ веревками, снятыми съ повѣшенныхъ.

Если никогда не исчезавшій совершенно обычай приносить человѣческія жертвы могъ утратить мало по малу первоначальное свое значеніе подъ влияніемъ, каждагося намъ врожденнымъ въ человѣкѣ, отвращенія къ человѣческому мясу, то несомнѣнно, что это отвращеніе должно было проявиться въ человѣкѣ тогда, когда въ качествѣ жертвенныхъ объектовъ оставались только самые негодные люди и преступники. При этомъ мы видимъ, что люди перестали принимать участіе въ жертвенныхъ пиришестввахъ раньше, чѣмъ они совсѣмъ оставили обычай приносить человѣческія жертвы. Въ человѣкѣ наконецъ побѣдило вышеупомянутое отвращеніе, но божество ничѣмъ не указывало ему, что и оно отказывается отъ своего исконнаго права, и продолжало попрежнему получать жертвы. Такимъ образомъ исчезли людоедскія пиришества, но часть этого обычая сохранилась въ видѣ человѣческихъ жертвоприношеній. Евреи уже не приносили человѣческихъ жертвъ, но и они были знакомы съ этимъ обычаемъ. Съ согласія Давида, потомки Саула были принесены въ жертву богу Гиванитовъ—«они были повѣшены предъ Іеговой». Въ такой формѣ человѣческія жертвоприношенія существовали еще у сѣверныхъ германцевъ; люди приносились въ жертву по крайней мѣрѣ богу воиновъ, причѣмъ ихъ вѣшали на деревьяхъ въ священныя рощахъ; поэтомъ Одинъ и назывался «Hängegott».

Стоитъ только ясно представить себѣ ходъ мыслей, лежащій въ основѣ всѣхъ подобныхъ обычаевъ, чтобы понять, какимъ образомъ на той же почвѣ могло возникнуть весьма распространенное вѣрованіе, что божества вообще, или по крайней мѣрѣ извѣстныя божества, преслѣдуютъ души и стараются поглотить ихъ. Въ души считаются ихъ пищей, ибо кровь, какъ кушанье, особенно высоко цѣнится именно потому, что въ немъ заключается душа.

На островѣ Пасхи въ могилахъ предводителей оставляли два отверстія, и островитяне еще въ самое послѣднее время объясняли нѣмецкимъ изслѣдователямъ, что это дѣлается для того, чтобы душа умершаго могла спастись отъ преслѣдованій бога Маке-маке, который является въ могилу, чтобы поглотить душу. Это же вѣрованіе играло большую роль и въ представленіяхъ египтянина о будущей жизни. Всего важнѣе было для него, чтобы душу его не постигла «вторая смерть», чтобы она не была поглощена божествомъ, словомъ, чтобы она продолжала *жить!* Поэтому, какъ видно изъ египетскихъ надписей, люди, приносившіе духу въ даръ воду и дѣлавшіе разныя другія приношенія, произносили при этомъ слѣдующее пожеланіе: «пусть живетъ эта душа!» Чужеземныя злыя божества, которыя подстерегали души, чтобы проглотить ихъ, представлялись египтянамъ въ видѣ страшныхъ звѣрей; такъ напримѣръ, на картинѣ великаго суда надъ мертвыми въ «книгѣ мертвыхъ» изображена «великая поглотительница» въ видѣ гиппопотама. Могла ли душа избавиться отъ этого божества, рѣшалъ именно судъ надъ мертвымъ, и на это люди еще при жизни направляли все свои старанія.

При этомъ мы видимъ комбинацію двухъ охарактеризованныхъ нами выше различныхъ воззрѣній, изъ которыхъ, по одному, сліяніе души съ божествомъ представляется просто въ видѣ полного уничтоженія первой, по другому же—въ видѣ почетнаго и желаннаго сліянія съ богомъ. Египтянинъ, желающій избавиться отъ чуждыхъ ему и злыхъ божествъ, въ то же время надѣется попасть къ своимъ богамъ Озирису, Ра, Пта и слиться, отождествиться съ ними совершенно такъ-же, какъ по вѣрованію мексиканцевъ, отождествлялась жертва съ тѣмъ божествомъ, въ честь котораго она приносилась. Поэтому и въ «книгѣ мертвыхъ» написано, что, оставшаяся живой, душа говоритъ: «я Озирисъ, я Ра» и т. д. Все такія представленія продолжали существовать или отдѣльно, или въ связи съ другими аналогичными имъ втеченіи всехъ среднихъ вѣковъ и даже почти до нашего времени. Люди все еще не переставали вѣрить, что души и духи стремятся добыть себѣ въ пищу другія души. Когда кто нибудь умиралъ, то будили всехъ спящихъ, такъ какъ боялись, чтобы духъ умершаго не забралъ съ собой все тѣ души, которыя въ моментъ его смерти временно покинули свои тѣла. Духи, принимавшіе видъ вампировъ, уносили въ царство мертвыхъ своихъ живыхъ родственниковъ, высасывая у нихъ кровь, а вмѣстѣ съ ней и жизнь. Древнія народныя правды также указываютъ на существованіе вѣры въ то, что вѣдьмы, или вѣрнѣе тѣ духи, которыми онѣ были одержимы, «выѣдаютъ» живыхъ людей, т. е. высасываютъ изъ нихъ душу.

Тѣ злые духи, которыхъ христіане называютъ чертями, также никогда не упускаютъ случая изловить какимъ нибудь образомъ душу. Они умѣютъ даже добывать себѣ души посредствомъ обязательствъ и контрактовъ. Добродушный Цезарь фонъ Гейстербахъ не разъ рассказываетъ въ своихъ сочиненіяхъ о томъ, какъ сталъ вороновъ—въ нихъ сидятъ черти—собираются тамъ, гдѣ кто нибудь лежитъ при смерти. Случалось даже, что черти, которыми былъ одержимъ человѣкъ, оставляли его на нѣкоторое время и потомъ сознавались закладнику, что они сдѣлали въ это время большое путешествіе въ такое то и такое то мѣсто и изловили тамъ другую душу. Въ концѣ концовъ, судя по свидѣтельству того же писателя, въ средніе вѣка представленія христіанъ были совершенно тождественны съ представленіями древнихъ египтянъ; вся разница заключалась лишь въ томъ, что душу вмѣсто Озириса защищалъ Св. Михайлъ, а роль «поглотительницы» игралъ сатана. Благочестивымъ священникамъ часто у постели умирающаго случалось быть свидѣтелями такой борьбы.

Искуплѣнія.

Въ человѣчествѣ всегда жили два начала, которыя, развиваясь, должны были придти въ столкновѣніе между собой. То были принципъ обезпеченія человѣческаго благополучія установленіями культа и начало состраданія къ человѣческой личности и освобожденія ея отъ требованій культа. Для того чтобы не терять своего вліянія, культу необходимо было неизмѣнно и съ неумолимой строгостью держаться старыхъ формъ, между тѣмъ какъ другое начало—освобожденія человѣческой личности—требовало отбѣны многихъ формъ культа, которыя онъ самъ нѣкогда заимствовалъ у жизни, теперь оставившей ихъ далеко за собой. Борьба этихъ двухъ началъ могла-бы быть спокойно прекращена только откровеніемъ божества, но человѣкъ не могъ узнать его голоса въ своемъ все облагораживавшемся чувствѣ. Онъ охотнѣе останавливался на какомъ-нибудь внѣшнемъ откровеніи, преданіе о которомъ успокаивало его совѣсть и обращало его къ новымъ, болѣе мягкимъ формамъ, созданнымъ жизнью. Формы такихъ примирительныхъ откровеній, преданій и мифовъ весьма различны; но все народы, достигшіе высшей и болѣе человѣчной культуры, пережили этотъ періодъ революціи, и у большинства изъ нихъ сохранились обѣ этомъ тѣ или другія сказанія.

Наши предки, аріицы въ Индіи, не дошли самостоятельно до того, чтобы уничтожить принесеніе въ жертву жены послѣ смерти ея мужа. У всѣхъ другихъ народовъ этотъ обычай вышелъ изъ употребленія. Остатокъ этихъ древнихъ воззрѣній мы можемъ видѣть въ тяжеломъ положеніи вдовы у нѣкоторыхъ народовъ; но подъ благотворнымъ вліяніемъ времени продолжительность этого тяжелого положенія мало по малу ограничивается извѣстнымъ срокомъ. Люди облегчили себѣ свои обязанности къ мертвымъ тѣмъ, что ограничили ихъ извѣстнымъ періодомъ времени: по истеченіи этого срока, утѣшали себя люди, душа переходитъ въ другой міръ, гдѣ она сама о себѣ заботится. Такое ослабленіе требованій культа мертвыхъ благотѣльнымъ образомъ отразилось на положеніи вдовы. У сѣверныхъ индѣйцевъ, о которыхъ рассказываетъ Лоскиль, жившій между ними, жена, по старому обычаю, еще принадлежитъ умершему, и поэтому все остерегаются входить съ нею въ какое-либо сношеніе. Она считается какъ-бы отверженной, она не можетъ достать себѣ кусочка мяса, хотя-бы за плату. Ея соплеменники потеряли-бы всякую удачу на охотѣ, если-бы переступили этотъ обычай:—они страшатся духа умершаго, собственностью котораго навсегда остается его вдова. Но такъ какъ обязанности къ умершему вообще ограничивались только извѣстнымъ срокомъ, то и это положеніе вдовы также было временно; то и другое продолжалось годъ, по истеченіи котораго она становится свободной, «ибо мужъ, какъ говорятъ индѣйцы, оставляетъ ее не раньше, чѣмъ черезъ годъ. Тогда только душа его отправляется на свое мѣсто». Съ этой минуты жена его можетъ снова одѣваться, друзья ея могутъ принимать участіе въ ея судьбѣ, и тогда также она можетъ отдать свою руку другому мужчине. Аналогію этимъ обычаямъ представляетъ нашъ «траурный годъ». Нѣкогда жена навсегда принадлежала своему мужу, даже послѣ его смерти, теперь только до первой годовщины со дня его кончины.

Но какъ велика разница между формами исполненія обѣтовъ въ древнее и позднѣйшее время. Буддійскія сказанія, проникнутыя уже мягкостью и кротостью этого ученія, говорятъ о жертвоприношеніи дѣтей, какъ о крайнемъ случаѣ, когда некого принести въ жертву божеству. Но другіе источники рисуютъ передъ нами иную

жестокую картину. Фактъ безчеловѣчнаго жертвоприношенія австралійскими женщинами своихъ дѣтей представляется до того неопровержимымъ, что мы тщетно отказываемся вѣрить, чтобы эта ужасная участь нѣкогда повсюду постигала первенцовъ. При необычайномъ распространеніи въ древности дѣтоубійства, о которомъ шла рѣчь у насъ въ другомъ мѣстѣ, насъ это вовсе не должно удивлять. Если дитя и безъ того не могло остаться въ живыхъ изъ-за недостатка въ средствахъ, нужныхъ для его пропитанія, то отчего-бы не извлечь выгоды изъ его посвященія божеству? Въ Библии находимъ мы не одно указаніе на то, какъ сильно распространено было такое принесеніе въ жертву дѣтей въ Ханаанѣ даже въ болѣе позднія времена. Въ затруднительныхъ случаяхъ родители, не имѣвшіе еще дѣтей, обѣщали божеству или злему духу принести въ жертву ребенка, который родится; но совершенно другой видъ принимаетъ это жертвоприношеніе въ дохристіанское и особенно въ христіанское время! Многія скандинавскія сказанія довольно ясно отражаютъ въ себѣ слѣды этого жестокаго «обѣта». Черезъ многія такія сказанія проходитъ олинъ и тотъ-же мотивъ. Къ молодой матери, не знающей еще о своей беремености, является въ трудную минуту ея жизни духъ, который обѣщаетъ ей свою помощь, прося взамѣнъ то, что у нея есть, но чего она сама не подозрѣваетъ. Молодая женщина, думая, что духъ говоритъ о кладѣ, съ потерей котораго легко примириться, соглашается; тогда оказывается, что она обѣщала демону своего будущаго ребенка. Что-же значитъ такое обѣщаніе? Дитя рождается, вырастаетъ, и когда настаетъ время, духъ является и уноситъ сердце, молодую жизнь. Все это есть не что иное, какъ древнее посвященіе дѣтей божеству и какъ-бы ни толковали его, Библия также говоритъ о смерти одной дѣвчушки, посвященной такимъ образомъ.

Но какъ непохожа на это была судьба такого «посвященнаго» въ то время, когда тѣ сѣверныя сказанія переходили еще изъ устъ въ уста! До конца среднихъ вѣковъ, особенно въ знатныхъ домахъ, было принято «посвящать» одного изъ дѣтей Богу или одному изъ его святыхъ. Это дѣлалось для счастья всей семьи, или въ минуту опасности для отраженія угрожающаго несчастья, или же для достиженія успѣха въ какомъ-нибудь необыкновенномъ подвигѣ. Образцомъ при такомъ посвященіи служилъ извѣстный разсказъ о Самуилѣ. И на самомъ дѣлѣ часто такое посвященіе сопровождалось счастьемъ и удачей во всемъ, такъ что посвященные не могли тогда жаловаться на свою участь.

На княжескую фамилію Славниковъ обрушилось несчастье: ихъ лучшій сынъ Адальбертъ заболѣлъ. Не помогло и то, какъ гласитъ древнее жизнеописаніе, что «нянька его разодрала себѣ блѣдное лицо кривыми ногтями»; тогда рѣшились мальчика «принести Господу, какъ умилостивительную жертву, и положили его на алтарь святой Маріи». Этимъ «былъ отвращенъ гнѣвъ Господа». Но эта жертва носила, по вѣсти, довольно мягкій характеръ. Адальбертъ сдѣлался «службою» Господа и, какъ послушникъ, получилъ воспитаніе у магдебургскаго архіепископа, а современемъ вернулся въ свое отечество епископомъ. Совершенно также братоубійца Болеславъ I «посвятилъ» своего крестника, бывшаго свидѣтелемъ его злодѣянія, святому Эммерану и отдалъ его въ монастырь въ Регенсбургѣ. И онъ впоследствии былъ призванъ на епископскій престолъ въ свою родную страну. Но и помимо такихъ поводовъ въ княжескихъ домахъ вообще было принято приносить такимъ образомъ «въ жертву» одного изъ сыновей. Этимъ путемъ старались обратитъ на пользу своей собственной фамиліи всѣ тѣ матеріальныя жертвы, которые приносились князьями монастырямъ; такимъ «жертвамъ» всегда былъ обезпеченъ большой успѣхъ. Отъ такихъ посвященій можно было также и откупаться. Такъ,

набожный графъ Генрихъ фонъ-Штаде трижды посвящалъ себя Божьей Матери въ качествѣ ея «раба», и всякій разъ снова откупался драгоценными церковными украшениями. Мы видимъ такимъ образомъ, какъ съ теченіемъ времени жестокость уступаетъ мѣсто кротости.

Все это не обошлось для вѣрующаго человѣка безъ тяжелой борьбы, по крайней мѣрѣ съ его обезпокоенной совѣстью. На это указываютъ у различныхъ народовъ различнѣйшіе способы искупленія и многочисленныя сказанія о нихъ. Весь древне-еврейскій культъ сплошь представляетъ такое искупленіе. Въ основаніи его лежитъ то воззрѣніе, что первоначально человѣкъ обязанъ былъ посвятить Богу своего первенца. Библия рассказываетъ о двухъ видахъ такого искупленія и соотвѣтственно тому о двухъ различныхъ способахъ жертвоприношенія.

Все дѣло въ томъ, чтобы правильно уразумѣть смыслъ древнихъ сказаній у различныхъ народовъ. И до сихъ поръ народъ еще предпочитаетъ отвлеченному изложенію древнихъ обычаевъ живой рассказъ о какомъ-нибудь единичномъ событіи, рисующемъ извѣстнымъ образомъ всеобычій того времени. Такъ, въ Библии находимъ мы безконечное множество прекрасныхъ картинъ, изображающихъ намъ обычаи того времени. Неопровержимымъ фактомъ представляется то, что Богъ нѣкогда требовалъ отъ человѣка принесенія въ жертву его первенца. Такое требованіе всею яснѣе было обращено Богомъ къ Аврааму, который и не подумалъ отдать своего сына въ ученіе къ какому-нибудь священнику; онъ взялъ ножъ и хотѣлъ его заколотъ. Но этого не допустило само божество, которое указало Аврааму на *животное*, повелѣвъ ему *замѣнить* имъ сына. Такимъ образомъ борющаяся совѣсть человѣка нашла успокоеніе въ величій высшаго авторитета. Никто не оспаривалъ тогда того, что приношеніе въ жертву человѣка было нѣкогда желаніемъ самого божества, но божество явилось человѣку и объяснило ему, что онъ можетъ себя замѣнить при жертвоприношеніи животнымъ и что жертвоприношеніе человѣка должно главнымъ образомъ состоять въ подчиненіи его воли волѣ божества.

Подобныя же сказанія существовали у грековъ и римлянъ, п. ч. и они, можетъ-быть и не такъ рѣшительно, перешли отъ человѣческихъ жертвъ къ принесенію въ жертву животныхъ. Греки не только рассказываютъ о такомъ же случаѣ, имѣвшемъ мѣсто при принесеніи въ жертву Ифигеніи, но и заставляютъ въ одномъ сказаніи божество выразить свою волю о замѣнѣ при жертвоприношеніяхъ человѣка животнымъ. Римскіе мифы рассказываютъ, что одна добрая женщина Карна спасала маленькихъ дѣтей отъ Стриговъ — злыхъ духовъ, замѣняя ихъ внутренностями поросенка. Она, какъ говоритъ Овидій, обращалась тогда къ нимъ со словами: «пусть молодое животное замѣнитъ собой нѣжнаго ребенка, сердце за сердце, внутренности за внутренности, душа за душу».

Итакъ мы видимъ, что съ развитіемъ человѣческихъ чувствъ (на громадное вліяніе ихъ на ходъ культуры указываетъ хотя бы этотъ фактъ) люди стали за свою душу приносить божеству только символическіе дары. Но евреи весьма разсчетливо за отказъ отъ человѣческой жертвы давали божеству только кровь. Эта кровь замѣняла на алтарѣ человѣка и избавляла его отъ самой тяжелой его обязанности.

Не все народы однако дошли до такого искупленія, нѣкоторые же не ограничились при жертвоприношеніяхъ замѣной человѣка животнымъ; происходило это по мѣрѣ того, какъ общественныя и экономическія условія заставляли ихъ постоянно согласовывать свои жизненныя потребности съ требованіями религіозной совѣсти. Для примѣра возьмемъ Китай, страну, гдѣ раньше всего была извѣстна система бумажныхъ денегъ. Наилучшее тому доказательство представляетъ культъ китайцевъ; религіоз-

ные обычаи, относящіеся до почитанія мертвыхъ, вводятъ насъ буквально въ бумажный вѣкъ. Несмотря на то, что жители Китая, вслѣдствіе густоты населенія, рано приучались къ бережливости, мертвые и духи ничуть не были ограничены въ своихъ правахъ; еще и понынѣ мертвымъ кладется въ могилу все, что у нихъ было при жизни: домашняя утварь, оружіе, инструменты, животныя, люди, деньги—но все это сдѣлано изъ *бумаги*. И это также есть своего рода искупленіе, и здѣсь, какъ и всегда, оно получило въ концѣ концовъ символическое выраженіе.

Евреи знали еще другой способъ искупленія, подражаніе которому мы находимъ въ новыхъ культахъ; обычай этотъ позднѣйшаго происхожденія и ему предшествуетъ развитіе особаго класса духовенства. По позднѣйшему представленію, божество уже не требуетъ отъ человѣка его души, оно не «поглощаетъ» ея, какъ прежде, въ грубомъ смыслѣ этого слова, но дружески принимаетъ къ себѣ души посвященныхъ ему людей. Оно даже не требуетъ отъ нихъ души, а только ихъ ревностнаго и благочестиваго служенія. Въ этомъ нельзя не видѣть отраженія прогресса въ соціальной жизни. Истый сѣвероамериканскій охотникъ не знаетъ, что такое рабство. Взявъ въ плѣнъ своего врага, онъ или подвергаетъ его мучительной смерти, или же даруетъ ему жизнь и позволяетъ ему, какъ равному себѣ, жить вмѣстѣ съ нимъ. Номадъ же, напротивъ того, желаетъ пользоваться плѣнникомъ, какъ рабочей силой, онъ вовсе не желаетъ убить своего собрата, который можетъ быть ему такъ полезенъ, и дѣлаетъ его своимъ слугою. Этому соотвѣтствуетъ и въ культѣ замѣна принесенія въ жертву «посвященнаго» ребенка его обязанностью служить божеству. По этому позднѣйшему правилу каждый перворожденный изъ евреевъ долженъ былъ-бы посвятить себя служенію въ храмѣ. Но, какъ извѣстно, служители при іерусалимскомъ храмѣ составляли какъ-бы касту; итакъ, въ Иудеѣ нельзя было сдѣлать того, что дѣлали въ Средніе вѣка христіанскія княжескія фамиліи, посвящавшія одного изъ своихъ сыновей духовному званію; ибо тамъ левиты посвятили себя этому служенію и тѣмъ искупили всѣхъ своихъ соотечественниковъ.

Фетишизмъ.

Первое представленіе, которое человѣкъ долженъ былъ себѣ составить, какъ только онъ сталъ размышлять о состояніи своей души, было то, что духъ можетъ соединяться, кромѣ человѣческаго тѣла, съ другими тѣлами и предметами. Это несложное представленіе, до котораго человѣкъ дошелъ тѣмъ же путемъ, какъ и до всѣхъ своихъ представленій о мірѣ духовъ, легло въ основаніе цѣлаго круга идей, извѣстнаго подъ именемъ «фетишизма». Само названіе это ничего намъ не объясняетъ. Оно впервые появилось у португальцевъ Западной Африки и, заимствованное отсюда, какъ бы совершенно случайно сдѣлалось общеупотребительнымъ въ наукѣ. Негры Западной Африки называли первоначально фетишемъ подвижной и неоживленный предметъ, который чернокожіе чтили за его связь съ духомъ. Но чтобы не разъединять совершенно одинаковыя понятія, будемъ повсюду называть тѣ же вещи однимъ уже разъ принятымъ именемъ.

Но вообще нѣтъ такого предмета, который такимъ образомъ не могъ бы быть названъ *фетишемъ*. Почти повсюду существовало представленіе, что пока трупъ находится между людьми или вообще еще не уничтоженъ, духъ, бывший въ немъ, пребываетъ вблизи него; онъ, правда, не такъ неразрывно связанъ съ нимъ, какъ въ живомъ тѣлѣ. Если духъ могъ прежде иногда оставлять живое тѣло, напримѣръ во снѣ,— то теперь его свобода далеко ниже, но все таки онъ постоянно къ нему возвращается.

Это древнее вѣрованіе, присущее вѣмъ народамъ, несомнѣнно основывается на томъ представленіи, которое еще безъ всякой критики смѣшивало субъективное съ объективнымъ, какъ это вообще должно быть свойственно было первобытному человѣку. Въ этомъ вѣрованіи надо видѣть основаніе различныхъ обычаевъ почитанія и сохраненія въ разнообразнѣйшихъ сосудахъ череповъ, высушенныхъ труповъ и вообще всякихъ останковъ. Многіе народы возили съ собой такія святыни и сохраняли ихъ въ своихъ хижинахъ. Тамъ же, гдѣ тѣла умершихъ предавались землѣ, тамъ ко всему этому присоединялся еще культъ гробницъ и могилъ. Это почитаніе является вмѣстѣ съ пробужденіемъ въ человѣкѣ набожныхъ чувствъ. У многихъ народовъ оно сохранилось до сихъ поръ въ своемъ первоначальномъ видѣ, у другихъ оно получило измѣненіе, соответствующее вышеописанному нами ходу вещей.

Въ чистѣйшемъ своемъ видѣ оба эти культа являются у древнихъ египтянъ. Они умѣли сохранять трупы втеченіи тысячелѣтій. Устраивали они это слѣдующимъ образомъ: они опускали трупы въ углубленіе подъ землю, засыпали ихъ сухимъ пескомъ, чтобы предохранить отъ всякаго доступа воздуха. Надъ этимъ углубленіемъ они устраивали настоящей домъ съ комнатами и корридорами и со всей необходимой утварью. Они думали, что покуда сохранится мумія, въ ней останется и ея душа, и желали, чтобы это длилось тысячелѣтія, такъ какъ эта душа, вѣрили они, является покровителемъ и защитникомъ вѣхъ потомковъ. Поэтому то они и заботились такъ о тщательномъ сохраненіи тѣла, поэтому они поддерживали постоянно сношенія съ гробницами и совершали тамъ религіозные обряды. Если только душа избавилась отъ «поглотителя», то ни земля, ни вода, ни вѣтеръ не могли помѣшать ей то оставлять тѣло, то снова возвращаться въ него, не могли не дать ей наслаждаться прохладою водъ и тѣною деревъ вблизи отъ могилъ, или поѣдать потомковъ въ ихъ домахъ, или же переходить даже по звѣздному небу отъ одного свѣтила къ другому. Но если только тѣло обратится въ прахъ, то не вернуться душѣ больше на землю, и потомки лишатся ея помощи и благословенія.

Тутъ, не смотря на общность основной мысли, обряды нѣкоторыхъ другихъ народовъ удаляются отъ египетскихъ. Формы культа почитанія мертвыхъ зависѣли отъ основного возрѣнія на душу. Одни желали, чтобы она по возможности дольше оставалась на землѣ, имѣя въ виду вышеназванныя выгоды, другіе же, чтобы она поскорѣе удалялась въ тотъ міръ и тѣмъ избавляла человѣка отъ всякихъ заботъ и безпокойствъ. Смотря по тому, въ какихъ жизненныхъ условіяхъ находился народъ, онъ держался того или другого возрѣнія на этотъ вопросъ. Въ Египтѣ этотъ вопросъ нашелъ себѣ разрѣшеніе, соответствующее формамъ жизни народа, рано сдѣлавшагося осѣдлымъ, и благоприятнымъ климатическимъ условіямъ, позволявшимъ сохранять трупы. Можно было бы представить много посредствующихъ ступеней, но мы ограничимся только тѣмъ, что отмѣтимъ противоположныя крайности. Народъ, который, въ противоположность египтянамъ, велъ совершенно не осѣдлую жизнь, могъ и придти къ другой крайности, а именно—къ стремленію по возможности скорѣе освободиться отъ вѣхъ обязанностей и заботъ о душѣ умершаго, отбыть сразу всѣ повинности по отношенію къ ней и затѣмъ быть свободнымъ отъ всякихъ передъ ней обязательствъ и страховъ.

Еще въ позднѣйшее время сѣверные варяги хвастали передъ однимъ арабскимъ писателемъ, выставяя преимущества своего способа уничтоженія труповъ чрезъ *сожиганіе*, говоря, что такимъ образомъ душа быстро и сразу переходитъ въ міръ духовъ. Поэтому, надо думать, что этотъ способъ примѣняли народы въ «героическій» періодъ своей жизни.

Въ силу этихъ же представленій могилы и могильные памятники считаются мѣстопробываніемъ духовъ; формы ихъ весьма различны: начиная съ земляной насыпи и дерева или куста на ней и кончая каменными пирамидами или искусными гробницами съ драгоценными статуями. Все это разнообразіе представляетъ богатѣйшее собраніе предметовъ, относящихся къ культу различныхъ народовъ и временъ. Всѣ эти предметы носятъ на себѣ фетишистическій характеръ. Къ первой категоріи (гробницъ) относятся священные гроты — древнія пещеры, богатырскія ложа, египетскія пирамиды, громадный сфинксъ, индійскія лагопы, а также башни въ Вавилонѣ и нѣкоторыя «священные горы.» Не менѣе важными являются «памятники» на гробницахъ. Сюда относятся «священные камни», камни-маниту у индѣйцевъ, древне-римскія каменные колонны (сірри), обелиски и каменные статуи у египтянъ. Памятники эти у древнихъ не были просто изображеніями, какъ у насъ, а мѣстами, посвященными духамъ, которые ихъ дѣйствительно и занимали и въ извѣстной степени оживотворяли, по крайней мѣрѣ по временамъ, такъ напр. въ праздники и т. п. Даже было извѣстно средство введенія духа въ такой посвященный ему камень, причемъ безразлично было, находилось ли на этомъ камнѣ человѣческое изображеніе, или его не было. Камень поливали масломъ и этимъ какъ бы открывали его для божества; послѣ такого «помазанія» камень становился дѣйствительнымъ мѣстопробываніемъ духовъ. Само собой понятно, что не трудно было перейти къ ношенію такихъ предметовъ на тѣлѣ въ качествѣ украшенія, такъ какъ люди были увѣрены, что эти предметы приносятъ имъ счастье. Кромѣ камня, люди употребляли повсюду для своихъ памятниковъ и фетишей также *дерево*. Самымъ такимъ простымъ и естественнымъ памятникомъ служило живое дерево. Египтяне любили разводить деревья вблизи своихъ гробницъ, такъ какъ, говорили они, души людей любятъ качаться на вѣтвяхъ деревьевъ. Отсюда и происхождение «культа деревьевъ» во всѣхъ его видахъ—священные смоковницы въ Индіи, священные дубы и липы у кельтовъ и германцевъ. На почвѣ такихъ представленій явилось много сказаній, сохранившихся дольше самихъ представленій. Подобно тому какъ мы сами еще недавно думали, что «дикарь» въ своемъ бессмысленномъ или, если хотите, поэтическомъ поклоненіи деревьямъ почитаетъ самое дерево, а не духъ, находящійся въ немъ, такъ въ дѣйствительности довольно рано произошло смѣшеніе понятій вслѣдствіе того, что человѣкъ привыкъ въ большинствѣ случаевъ неизвѣстный ему духъ называть именемъ всегда извѣстнаго ему фетиша. Духи, представленіе о которыхъ является однимъ изъ раннихъ, считались первыми людьми, но, вслѣдствіе странной замѣны духовъ ихъ фетишами, такимъ образомъ стали считаться древнѣйшими людьми камни и деревья. Дикарь еще понималъ смыслъ такого способа выраженія, но въ позднѣйшемъ поколѣніи сохранилось только диковинное сказаніе о томъ, что «первые люди» были деревьями или произошли изъ камней. Въмѣсто этого наши предки должны были намъ передать, что было бы правильнѣе и болѣе согласно съ истиной, что люди, жившіе до насъ, или, вѣрнѣе говоря, ихъ духи имѣли свое мѣстопробываніе въ камняхъ и деревьяхъ, а поэтому мы говоримъ о нихъ, какъ бы о людяхъ: они камни и деревья.

Тотъ же ходъ мыслей привелъ первобытнаго человѣка къ весьма распространенному среди людей представленію о *животномъ фетишѣ*. Чаще всего у народовъ такимъ животнымъ считается змѣя. Извѣстными остатками этого возрѣнія у культурныхъ народовъ является почитаніе египетской очковой змѣи, изображеніе въ видѣ змѣи римскаго «genius loci» и нѣмецкая сказочная «Hauschlange» (домашняя змѣя), драконъ китайскаго герба и тому подобныя фантастическія ва-

ріації той же теми. Въ Библии есть намеки на то, что люди думали, будто змѣи питаются пылью и можетъ-быть преимущественно человѣческимъ прахомъ, какъ и теперь еще въ народѣ существуетъ повѣрье, что змѣи водятся въ могилахъ. Въ такомъ же еще болѣе тѣсномъ отношеніи къ душамъ находятся дѣйствительные истребители труповъ; такъ, полинезиецъ считаетъ акулу, а малаецъ аллигатора священнымъ животнымъ. Такими же животными фетишами были у персовъ собака и пѣтухъ, у сѣверныхъ народовъ—волкъ и медвѣдь, у жителей Аттики—сова, и вообще у всѣхъ людей—воронъ. Но при существованіи такихъ представленій не трудно было каждому животному въ извѣстномъ, хотя бы единичномъ, случаѣ прослыть за мѣстопробываніе духа обыкновеннаго человѣка или даже бога. Такъ, у сѣверныхъ индѣйцевъ было обычаемъ, переходившимъ изъ рода въ родъ, считать кого-либо изъ окружавшихъ ихъ животныхъ фетишемъ, и тутъ произошло то-же самое, что мы видѣли, когда шла у насъ рѣчь о камняхъ и деревьяхъ. Если случалось, что духъ ихъ предковъ послѣ ихъ смерти обыкновенно переходилъ въ ворона или черепаху, то индѣецъ говорилъ, что воронъ и черепаха его предки. То племя, у котораго воронъ считался фетишемъ, на самомъ дѣлѣ думало, что оно происходитъ отъ вороновъ. Въ такомъ случаѣ воронъ называется «*тотемомъ*» этого племени. Но если принять во вниманіе, что каждое племя, тщеславно считающее себя всѣмъ «человѣчествомъ», хочетъ цѣлый рядъ поколѣній произвести отъ одного родоначальника, какъ *перваго* человѣка, то и получается такимъ образомъ убѣжденіе, что въ сущности такимъ «первымъ человѣкомъ» напр., въ данномъ случаѣ, былъ воронъ. Такъ и на самомъ дѣлѣ мингосы напр. думаютъ, что первымъ человѣкомъ былъ «*волкъ*», что для нашего непривычнаго уха кажется довольно страннымъ. Римляне, какъ мы знаемъ, считали волчицу своей родоначальницей или по крайней мѣрѣ кормилицей, но индѣецъ въ своихъ представленіяхъ о мірѣ духовъ могъ считать высшимъ духомъ только перваго изъ нихъ, который представлялся ему вмѣстѣ съ тѣмъ духомъ перваго человѣка и творцомъ всѣхъ окружающихъ его предметовъ, если онъ вообще уже задавался такими вопросами. Впрочемъ надо сказать, что онъ рѣдко самъ возвышался до такого умозрѣнія, его наталкивали на такія мысли вопросы европейцевъ. Поэтому мистическая безмысленность ихъ воззрѣній кажется еще болѣе рѣзкой, чѣмъ на самомъ дѣлѣ. Такъ, проказы думали, что ихъ «великій духъ» (богъ) есть «большой заяцъ», и на томъ же основаніи другіе думали, что «*волкъ*» создалъ всѣ тѣ предметы, о которыхъ ихъ разспрашивалъ миссіонеръ. Онъ можетъ сколько угодно сомнѣваться въ вѣрности такого отвѣта, индѣецъ отлично знаетъ, что это такъ. Но это явленіе имѣло мѣсто не только въ Америкѣ, но и во всемъ Старомъ Свѣтѣ. У древнихъ египтянъ почти каждое небольшое племя, каждая община имѣла своего фетиша, который считался божествомъ. Не говоря уже о знаменитомъ Аписѣ, извѣстны были, какъ фетиши, въ Өивахъ — баранъ, въ Мемфисѣ—козелъ въ Бастѣ—кошка, въ Файумѣ—крокодилъ, равнымъ образомъ шакалъ, ибисъ, жукъ-скарабей и многіе другіе. И у грековъ сохранилось много свидѣтельствъ, напр. въ мѣтахъ, о существованіи и у нихъ нѣкогда такихъ же воззрѣній, а римскіе мѣны нѣрѣдко говорятъ о волкахъ, дятлахъ и другихъ животныхъ, подъ предводительствомъ которыхъ являлись въ Италію многія странствующія племена.

Но, кромѣ животныхъ, фетишами также почитались обыкновенные неодушевленные предметы; поэтому мы отлично знаемъ, что надо понимать подъ словами индѣйцевъ-чипеваевъ, когда они говорятъ, что происходятъ отъ собачьей шкуры, или когда онеиды называютъ себя Oniota-ang, т. е. «потомками камней». Каждый

камень, каждая тряпка, каждый горшокъ, независимо отъ того, было-ли на немъ какое-нибудь изображеніе или нѣтъ, могъ быть фетишемъ, и еще до сихъ поръ въ такой роли у чернокожихъ африканцевъ является самая разнообразная утварь. Въ Америкѣ распространеннымъ фетишемъ была такъ называемая «волшебная калабасса», бутылка, сдѣланная изъ тыквы, которая могла служить помѣщеніемъ для любого священнаго предмета.

Эта область человѣческаго мышленія началась съ разрозненныхъ, безсвязныхъ представленій, какъ они возникаютъ въ каждомъ человѣкѣ даже независимо отъ общенія съ другими людьми; только постепенно, когда люди соединяются въ болѣе обширныя общественныя группы, возникаютъ болѣе общія, болѣе цѣльныя представленія; тогда и культъ человѣка получаетъ космическую основу, такой же характеръ скоро приобрѣтаетъ религиозное умозрѣніе человѣка.

Само собой понятно, что первобытный человѣкъ не могъ разсматривать землю какъ небесное тѣло; она представлялась ему пространствомъ, понятіе о величинѣ котораго зависѣло отъ круга его наблюденій. Если съ одной стороны этотъ кругъ видимо для него замыкался моремъ, то онъ заключалъ, что съ другой стороны, на которую не простиралось его непосредственное наблюденіе, границей его являлось также море. Въ эту землю, какъ показалъ человѣку опытъ, въ концѣ концовъ попадаютъ все люди; отсюда она является для него общимъ мѣстопребываніемъ всехъ духовъ, или, чтобы сохранить нашъ терминъ, земля представляется человѣку великимъ, всеобъемлющимъ фетишемъ всего міра духовъ.

При этомъ человѣкъ былъ убѣжденъ, что все тѣ атмосферныя явленія, которыя онъ испытывалъ на себѣ самомъ, зависятъ отъ доброй или злой воли тѣхъ самыхъ духовъ, которыхъ онъ обязанъ почитать. Они могутъ, по его мнѣнію, свободно двигаться въ воздушномъ пространствѣ, въ которомъ, кромѣ нихъ, еще находятся солнце, луна и звѣзды. Первобытный человѣкъ конечно не можетъ имѣть никакого представленія о составѣ свѣтилъ и ихъ разстояніи отъ земли; онъ смотритъ на нихъ, какъ на предметы украшенія земли, на которой онъ живетъ. Духи, по его понятіямъ, безъ затрудненій могутъ попадать и на солнце такъ же, какъ они, безъ всякаго вреда для себя, живутъ въ огнѣ. Если-бы это было не такъ, то вѣдь вмѣстѣ съ трупомъ сгорала бы въ огнѣ и душа человѣка, чего первобытный человѣкъ вовсе не желалъ. Не устраняло такого воззрѣнія и громадное разстояніе солнца отъ земли, такъ какъ человѣкъ не имѣлъ о немъ никакого представленія. Когда полинезійцы въ первый разъ увидѣли бѣлыхъ людей, приплывшихъ къ нимъ по океану на громадныхъ корабляхъ, и услышали объ ихъ далекихъ путешествіяхъ, они совершенно серьезно думали, что эти бѣлые были вѣроятно и на лунѣ, и на солнцѣ. Почему же не могъ первобытный человѣкъ такимъ же образомъ воображать себѣ царство духовъ, живущихъ надъ землей, въ воздухѣ, на голубомъ небосклонѣ, на солнцѣ и звѣздахъ?

Конечно возможно, что человѣкъ представлялъ себѣ духовъ, живущими и на землѣ, и на небѣ, но исторически достовѣрно извѣстно, что представленіе о земномъ царствѣ духовъ возникло и получило распространеніе прежде, чѣмъ о небесномъ. У большинства народовъ развитіе обоихъ этихъ воззрѣній находится въ тѣсной связи съ исторической смѣной матриархата и патриархата. Подобно тому, какъ господство матери и ея культъ представляютъ древнѣйшія установленія, такъ и земной фетишъ, въ которомъ почти всюду живетъ женское божество, является болѣе древнимъ. Геллія германцевъ есть праматерь боговъ, точно также Гея—земля, Деметра—«мать земля». И здѣсь опять мы видимъ, что духъ въ данномъ случаѣ бо-

жество, называется именемъ своего фетиша, подобно тому какъ индѣецъ называетъ духъ своего предка просто волкомъ. Но это представленіе, которое вмѣстѣ съ связаннѣмъ съ нимъ культомъ называется «хтоническимъ» или земнымъ, не уступаетъ сразу мѣсто «ураническому» или небесному воззрѣнію, какъ только первенство перешло отъ женщины къ мужчинѣ. Египетскій Озирисъ является почти въ такой-же степени, какъ Изиды, хтоническимъ божествомъ, точно также индійскій Яма, греческій Гермесъ, сопровождающій мертвыхъ въ подземный міръ, римскій Сатурнъ и др.

Въ героическій періодъ у народовъ появляются новыя мужскія божества, которыя и выбираютъ себѣ болѣе возвышенное мѣстопробываніе, не въ глубинѣ могиль, а на высокихъ горахъ, близко къ облакамъ и небесному своду, и наконецъ даже на самомъ небѣ. Такъ, позднѣйшіе греческіе боги возсѣдаютъ на Олимпѣ, а нѣкоторые изъ нихъ поднимаются отсюда на небо. Точно также среди сѣверныхъ божествъ Одинъ, богъ войны, порѣшилъ оставить подземное царство Тора и Геллиа и устроить свой «городъ мертвыхъ»—валгаллу—въ облакахъ. Иногда это стремленіе къ «уранизму» сопровождается обычаемъ сожиганія труповъ и всеожженія, но это отнюдь не имѣетъ мѣсто всегда и повсюду. Такъ напр., египтяне продолжали держаться своихъ древнихъ обычаевъ, хотя ихъ позднѣйшіе боги поднялись на небо, а Ра избралъ своимъ мѣстопробываніемъ даже самое солнце. И здѣсь опять-таки именемъ Ра называлось какъ самое солнце, такъ и духъ или богъ, обитающій въ немъ. Египетскія изображенія боговъ весьма ясно показываютъ исторію успѣховъ фетишизма. Образцами для статуй древнѣйшихъ боговъ служили не столько живые люди, сколько муміи, такъ какъ онѣ первоначально имѣли фетишистическій характеръ. Такъ напр., богъ Пта въ Мемфисѣ изображался постоянно въ видѣ муміи въ стоячемъ положеніи. Но когда и животныя стали считаться фетишами, такъ какъ представленіе о духѣ не связывалось непременно съ извѣстнымъ предметомъ, то человѣческія статуи стали изображаться съ головой соответствующаго животного. Такъ напр., Аммонъ, древнѣйшимъ фетишемъ котораго былъ баранъ, изображается съ головою барана. Но когда онъ сталъ государственнымъ божествомъ, а фетишемъ его сдѣлалось солнце, то на изображеніяхъ его надъ головою барана появляется солнечный дискъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ начинаетъ называться сложнымъ именемъ Аммонъ-Ра.

Представленія о божествѣ.

Въ намѣтъ изложеніи культа мы до сихъ поръ не разграничивали понятій «духъ» и «богъ». Съ точки зрѣнія культа обѣ эти категоріи разнятся только какъ низшія или высшія ступени въ развитіи одного и того-же представленія. Культъ боговъ отличается отъ культа духовъ только болѣею обширностью и продолжительностью. Въ основаніи представленія о духѣ и его потребностяхъ лежитъ несомнѣнно понятіе о человѣческой душѣ и даже наиболѣе развитый культъ всегда остается свидѣтельствомъ этого соотношенія, на разсмотрѣніи котораго мы теперь подробнѣе остановимся.

Но прежде всего не надо забывать, что наше нынѣшнее представленіе о богѣ совершенно другое, чѣмъ оно было во времена язычества, даже и на высшей ступени его развитія. Кромѣ того не слѣдуетъ упускать изъ виду, что предметъ представленія по существу нисколько не зависитъ отъ характера тѣхъ представленій, которыя создаетъ себѣ объ немъ человѣкъ путемъ своихъ несовершенныхъ и неполныхъ наблюденій. Наше представленіе о Богѣ ясно говоритъ намъ, что не можетъ быть исторіи Бога, а только исторія человѣческихъ представленій о Богѣ, и только объ этомъ и идетъ у насъ здѣсь рѣчь.

Наука до сихъ поръ дѣлала различіе между представленіями о Богѣ у нецивилизованныхъ и цивилизованныхъ народовъ, что несомнѣнно вполне вѣрно, но ученые вмѣстѣ съ тѣмъ думали, что каждая изъ этихъ «религій» имѣетъ свое особенное происхожденіе. Такъ, думали, что религія некультурныхъ народовъ имѣетъ въ своемъ основаніи такъ называемый «культъ предковъ», а религія культуры, непосредственно предшествовавшей еврейскому и христіанскому міровоззрѣнію, основывается на такъ называемомъ «культѣ природы». Это мнѣніе было правильно, пока можно было, при недостаточности прежняго знанія, предполагать, что первобытное человѣчество, находясь на высокой степени нравственной культуры, только постепенно дошло до нравственнаго паденія и вмѣстѣ съ тѣмъ оставило свои прежнія религіозныя воззрѣнія. Но въ увеличивающееся количество фактовъ заставляетъ теперь отвергать это мнѣніе. Если даже нѣкоторые народы, достигнувъ известной степени культуры, вслѣдствіе роковыхъ случайностей лишились ея благодати, то тѣмъ не менѣе для насъ въ общемъ ясенъ тотъ путь, по которому человѣчество подымалось въ своемъ развитіи до высшихъ степеней культуры. Точно также надо думать, что религіозныя понятія культурнаго и некультурнаго человѣка находятся между собою въ связи. Религію докультурныхъ временъ слѣдуетъ считать только болѣе простой и менѣе развитой, чѣмъ религія культурнаго человѣка. Тутъ надо прибавить, что мы все это рассматриваемъ только съ точки зрѣнія человѣческаго пониманія и дѣятельности.

Но при всемъ томъ еще остается различіе между религіозными воззрѣніями того и другого періода. Это различіе въ сущности состоитъ въ слѣдующемъ. Древнѣйшія религіозныя понятія человѣка исходятъ только изъ его непосредственнаго опыта, причемъ человѣкъ довольствуется тѣмъ, что онъ только какъ бы регистрируетъ свои наблюденія. Однако и на этой первоначальной ступени своего развитія религіозныя понятія человѣка все увеличиваются путемъ унаслѣдованія ихъ. Но какъ мы уже видѣли, эти несложныя наблюденія могли развиваться только въ ученіе о душѣ или о духахъ. Культъ, возникающій вмѣстѣ съ ними, можно назвать культомъ душъ или духовъ. «Культомъ предковъ» онъ можетъ считаться только условно. На этой ступени развитіе религіозныхъ представленій идетъ шагъ за шагомъ вмѣстѣ съ начатками социальнаго порядка. Изъ массы духовъ многіе приходятъ въ забвеніе—такова же судьба людей—или же не становятся предметомъ культа, такъ какъ нѣтъ никого, кто бы считалъ себя прямо въ отношеніи къ нимъ обязаннымъ къ тому, и память о нихъ сохраняется только въ смутномъ представленіи о безпокойно блуждающей толпѣ духовъ.

Пока первобытный человѣкъ жилъ изолированно, внѣ прочной общественной организаціи, его религіозныя понятія оставались такъ же атомистическими. Но подобно тому, какъ индѣецъ, не смотря на присущія ему чувства свободы и равенства, подчиняется единоличной власти предводителя, сознавая необходимость этого для успѣшности своихъ воинственныхъ и охотничьихъ предпріятій, такъ и среди множества духовъ признаетъ онъ одного изъ нихъ «великимъ духомъ». Но власть его, какъ и ихъ «капитана», не постоянная; власть свою духъ получаетъ только во время войны, а въ другое время «великій духъ», какъ говорили они часто миссіонерамъ, вовсе и не заботится о людяхъ. Нѣкоторые другіе духи находятся въ близкихъ отношеніяхъ къ отдѣльнымъ семействамъ; подобно тому какъ среди людей слѣдуетъ поколѣніе за поколѣніемъ, точно такъ же и духи, покровители семейства, сопровождаютъ его со временемъ глубокой древности; одинъ изъ нихъ считается древнѣйшимъ и первымъ. Сообразно съ значеніемъ въ племени этого семейства, пользуется та-

кимъ же почетомъ и духъ, покровитель его. Отдѣльные семьи кочевниковъ, подчиняя себѣ тысячи рабовъ, разрастаются въ цѣлыя племена, внушающія страхъ своимъ сосѣдямъ—и боги ихъ также становятся повелителями, распространяющими далеко вокругъ себя ужасъ и страхъ.

Человѣкъ, вначалѣ наблюдавшій только самого себя и знавшій только органы своего тѣла, одушевляемые какой-то невидимой силой, и создалъ себѣ только представленіе о какомъ-то невидимомъ существѣ, носителѣ этой силы. Но когда человѣкъ увидѣлъ себя членомъ организаціи, также повинующейся какой-то одной волѣ, повторился тотъ же процессъ, и явилось представленіе о духѣ, царящемъ надъ такой организаціей. Но это созданіе его ума—свидѣтельствомъ чего служить культъ—не было еще чисто абстрактнымъ. Это до нѣкоторой степени новое—по крайней мѣрѣ въ основаніи своемъ—представленіе о духѣ-божествѣ не было создано имъ по одной только *аналогіи* съ его представленіемъ о человѣческомъ духѣ; они находились даже въ нѣкоторой исторической связи. Онъ думалъ, что божествомъ побѣдоноснаго племени должно быть ставшее столь могущественнымъ вслѣдствіе усерднаго его почитанія семейное божество его предводителя, который, благодаря своему военному счастью, сдѣлался основателемъ государства. Самъ же предводитель гордился тѣмъ, что въ этомъ божествѣ, приносящемъ счастье, онъ почитаетъ духа своего предка, ставшаго столь могущественнымъ. Если-же это маленькое племя произошло изъ древней семьи-рода, то все съ полнымъ правомъ считали это божество своимъ родоначальникомъ. А такъ какъ они, подобно всемъ варварамъ, считали себя первыми и настоящими людьми, то намъ становится понятнымъ столь странное для насъ теперь сочетаніе идей, что «первый человѣкъ» есть величайшій богъ.

Но эта генеалогическая связь могла въ своей цѣлости сохраниться только при столь несложныхъ представленіяхъ. Чѣмъ измѣнчивѣе однако становились жизнь и судьбы человѣческихъ организаціи, тѣмъ легче могла такая связь разорваться. Тогда понятіе о богѣ есть въ сущности не что иное, какъ представленіе о могущественномъ правителѣ духъ. За исключеніемъ быть можетъ княжескихъ семействъ весь народъ сохраняетъ къ нему отношеніе дѣтей къ отцу,—отношеніе, понятіе о которомъ было создано древней составной семьей. Богъ Израилевъ уже въ понятіяхъ древнѣйшаго времени не былъ больше тѣлеснымъ отцомъ народа, отъ котораго послѣдній произошелъ, но онъ «избралъ» народъ іудейскій своими «дѣтьми» точно такъ же, какъ въ кочевомъ состояніи предводитель можетъ собрать вокругъ себя «сыновей» въ древнемъ смыслѣ этого слова.

Все это дало только извѣстнымъ образомъ сырой матеріалъ для построенія понятія о Богѣ. Но такое представленіе о Богѣ лишено признака единства, такъ какъ въ основаніи его вѣдь не лежитъ понятіе о мірѣ, какъ цѣломъ; до такого понятія могъ только дойти безпокойный философскій духъ, а такіе врядъ-ли часто являлись въ то время господства грубой силы. И Богъ евреевъ, по *древнѣйшему* представленію, чему въ Библии имѣются доказательства,—не единственный только божественный духъ: такимъ духомъ является богъ сосѣдей—Кемошъ и много другихъ боговъ, въ существованіи которыхъ еврей древнѣйшихъ временъ никогда не сомнѣвался; но эти боги не могутъ сравниться съ Богомъ Израильскимъ въ его величіи. Такъ приблизительно думалъ каждый народъ о своихъ богахъ и о богахъ его сосѣдей.

По понятіямъ человѣка, опытъ котораго еще не особенно великъ, существуетъ безчисленное множество духовъ, какъ на землѣ, такъ и надъ, и подъ нею. Но, если можно такъ выразиться, лично этотъ человѣкъ знакомъ только съ тѣми изъ нихъ, которые связаны съ нимъ отношеніями культа, то и число такихъ боговъ все-таки довольно велико.

Среди послѣднихъ опять-таки выдѣляются божества семействъ, племенъ, народовъ и государствъ, которыя и пользуются различнымъ почетомъ. Всѣ вмѣстѣ они образуютъ пантеонъ *политеизма*. Каждый изъ этихъ боговъ имѣетъ свою исторію, но она не есть, какъ считаетъ эвгемеризмъ *), исторія тѣхъ людей, въ которыхъ этотъ духъ, ставшій божествомъ, жилъ нѣкогда на землѣ, это скорѣе исторія той религиозной общины, которая и является носителемъ даннаго представленія о божествѣ. Вмѣстѣ съ этой общиной могущество божества возвышается до громаднѣхъ міровыхъ подвиговъ, но оно точно также низвергается въ мракъ преисподней, когда община падаетъ. Подобно душѣ, оставшейся безъ культа, и боги боятся смерти и погибели, которая постигнетъ ихъ съ паденіемъ ихъ культа, развѣ только если община, воздвигнувшаяся на обломкахъ прежней, будетъ настолько благочестива, что по временамъ, напр. въ опредѣленные дни года, будетъ поминать низверженное божество. Такими забытыми богами у грековъ является Кроносъ, у римлянъ — Сатурнъ. Такъ, арійцы среди своего завоевательнаго движенія по Индіи оставили боговъ своей древней родины: Митра былъ почти совсѣмъ забытъ, о немъ сохранилось только смутное воспоминаніе, какъ о богѣ невоздланной страны, по которой нѣкогда кочевали ихъ предки. И по мѣрѣ того какъ арійцы въ своемъ завоевательномъ шествіи проникали глубже на востокъ, все новые и новые боги прибрѣтали среди нихъ славу и господство.

Чѣмъ же, спрашивается, различаются эти боги отъ духовъ и «героевъ»? Герои отличаются отъ боговъ тѣмъ, что въ воспоминаніи о нихъ всегда сохраняется индивидуальность человѣческой души и исторія ея земного носителя. Отъ массы духовъ божество отличается превосходствомъ своей силы и могуществомъ. Это могущество и есть то главное свойство, которое прежде всего получило дальнѣйшее развитіе въ человѣческомъ представленіи о богѣ. Неразвитый человѣкъ видитъ въ мягкости и кротости признакъ слабости, ему внушаютъ уваженіе могущество боговъ и его проявленія; даже жестокость можетъ вызывать его удивленіе. Такимъ образомъ не трудно понять, почему въ представленіи о богѣ прежде всего вошло понятіе о его могуществѣ. Подтверженіе этому мы видимъ еще въ Библии. Богъ древнѣйшихъ мѣвовъ есть богъ только силы. Не смотря на то, боги Гомера не обладаютъ всемогуществомъ, вездѣсущностью и всевѣдѣніемъ, не говоря уже о нравственныхъ добродѣтеляхъ. И въ этомъ отношеніи ихъ превосходство надъ людьми или, вѣрнѣе говоря, надъ духами только *относительно*: они же нашимъ понятіямъ только *относительно* божественныя существа и лишены всякаго признака *абсолютной* божественности.

Еще *другимъ* путемъ приводитъ человѣка цивилизація къ понятію о божествѣ. Въ умѣ некультурнаго человѣка поднимаются только тѣ вопросы, которые его непосредственно затрагиваютъ; но то, что непосредственно его касается, происходитъ и въ мірѣ духовъ, и вотъ въ ихъ вліяніи и дѣятельности онъ находитъ вполне удовлетворительное объясненіе своимъ вопросамъ. Между тѣмъ человѣкъ, или по крайней мѣрѣ отдѣльныя его единицы, достигшія извѣстной ступени культуры, ищутъ объясненія явленій исключительно ради познанія ихъ, стараясь открыть ихъ причины. Исторія показываетъ намъ, что человѣкъ при этомъ въпродолженіи необозримаго періода времени находится въ томъ же самомъ заблужденіи, на которое его натолкнулъ первый шагъ къ раскрытію причинности. Если съ древнѣйшихъ

*) Эвгемеризмъ—ученіе греческаго философа Эвгемера (жилъ въ IV в. до Р. Хр.). Согласно этому ученію, мифологическія лица это люди, — обоготворившіея древними народами.

время для человека ясно было, как будто он узнал это чрез откровение, что все явления высшей его жизни суть проявления дѣятельности духовъ, то само собой понятно, что по аналогіи человекъ долженъ былъ придти къ заключенію, что и тамъ, куда не простираются человѣческія отношенія, невидимой причиной явленій должно быть существо подобное духу. Такимъ образомъ вся природа, насколько простиралось наблюденіе человекъ, по его мнѣнію, одухотворялась и оживлялась присутствіемъ духовъ. Вполнѣ естественно, что человекъ по аналогіи съ понятіемъ, составленнымъ имъ себѣ о человѣческой душѣ, создалъ представленіе о духахъ; но отъ общаго хода его культурнаго развитія зависѣло, на сколько сознательно онъ представлялъ себѣ эту связь и продолжалъ ее усматривать въ этихъ явленіяхъ. Такъ, грекъ съ своимъ поэтическимъ чувствомъ и артистической натурой, придерживаясь старины только въ культѣ, старался по возможности отрѣшиться отъ образовъ своей фантазіи отъ всякой земной оболочки. Но въ Японіи и Китаѣ до сихъ поръ еще господствуетъ, какъ религія, простѣйшій культъ предковъ и душъ; а въ Индіи пользуется громаднымъ значеніемъ ученіе о *переселеніи* душъ, ставшее совершенно чуждымъ грекамъ. Индѣецъ и буддистъ создаютъ себѣ представленіе о душахъ, какъ высшихъ, такъ и низшихъ, живущихъ на землѣ и витающихъ надъ ней, какъ о существахъ, не только по одной *аналогіи* съ человѣческой душой, но и считаютъ ихъ дѣйствительно таковыми. Они жили нѣкогда въ человѣческомъ тѣлѣ. Переходя постепенно въ опредѣленные періоды времени изъ одного предмета въ другой, они могутъ снова вселиться въ человѣческое тѣло.

Но такой политеизмъ указываетъ, что въ сознаніи человекъ все еще отсутствуетъ представленіе о связи явленій. Наконецъ человекство, прогрессируя и увеличивая свой запасъ наблюденій и знаній, дошло до понятія о цѣломъ, до познанія высшаго единства причинъ, дѣйствующихъ повидимому независимо другъ отъ друга. Человѣчество тогда стало искать причины всѣхъ причинъ. Отвѣтомъ на это явилось *монотеистическое* міросозерцаніе.

Исторія показываетъ намъ, что монотеизмъ или по крайней мѣрѣ, начало его явилось въ двухъ видахъ. Одинъ изъ нихъ представляетъ собой греческая философія. Чѣмъ глубже проникалъ въ сущность явленій природы греческій духъ изслѣдованія, тѣмъ невозможнѣе было упорядоченному и установившемуся мышленію объяснять явленія, какъ это дѣлала толпа, независимымъ воздѣйствіемъ отдѣльныхъ самостоятельныхъ духовъ. Но тѣмъ не менѣе оставалось во всей своей неприкосновенности представленіе о существованіи этихъ духовъ и боговъ. Культъ ихъ процвѣталъ и государство заботилось о томъ, чтобы онъ не подвергался какому либо ограниченіямъ, тѣмъ болѣе забвенію, ибо опытъ столѣтій показалъ, что на народъ, относившійся съ пренебреженіемъ къ своему культу, обрушивались всевозможныя несчастія и бѣдствія. Такимъ образомъ культъ все продолжалъ держаться тѣхъ старыхъ формъ, которыя имѣло въ своемъ основаніи первобытное представленіе о душѣ. Но въ то же время было невозможно отождествить все болѣе и болѣе раскрывающіяся причины и силы, дѣйствующія въ явленіяхъ природы, съ многочисленными неприкосновенными божествами, съ ихъ заранѣе данными свойствами; точно также невозможно было отбросить эти старыя представленія о богахъ, какъ заблужденіе: одно подозрѣніе и ложное обвиненіе въ этомъ стоило жизни Сократу. Государство, заботясь о своемъ самосохраненіи, дѣлало невозможнымъ такія попытки. Поэтому философамъ не оставалось ничего другого, какъ признать этихъ боговъ и ихъ существованіе, доказательство которому народъ видѣлъ въ блестящемъ культѣ и богатой исторіи; зато конечную причину вещей они старались ис-

вать внѣ сферы этихъ божествъ, въ силѣ, превосходящей все созданное, представленіе о которой составилось по аналогіи съ человѣческой душой. Этотъ совершенно другой путь вель уже къ познанію *абсолютнаго* божества. Имъ очень много занимается Платоновская философія. Платонъ совершенно правильно отличаетъ этого «несозданнаго» бога, существованіе котораго есть необходимое условіе всякаго бытія, отъ «созданныхъ» боговъ культа и народныхъ вѣрованій.

Воззрѣніе это является вполне монотеистическимъ, такъ какъ и христіанство даже не отрицаетъ бытія «созданныхъ» духовъ. Но до такого монотеизма не могла возвыситься толпа: онъ не могъ еще удовлетворить религиозныхъ потребностей жившихъ въ народныхъ массахъ. Къ этой первопричинѣ всего сущаго толпа не могла обратиться съ своими просьбами и дарами, отъ нея она не могла получить утѣшительной надежды на исполненіе своихъ желаній. Поэтому-то и остаются въ силѣ древніе созданные боги. Но и культъ ихъ не могъ дать полнаго успокоенія душѣ, ибо умозрѣніе, направленное всецѣло на познаніе несозданнаго бога, все болѣе и болѣе должно было выяснять предѣлы ихъ власти, представленіе о которой по большей части затемнялось смутнымъ понятіемъ «рока». Этотъ процессъ и составляетъ то, что называютъ «паденіемъ язычества». Не было впрочемъ и недостатка въ попыткахъ спасти и поддержать разрушающееся зданіе язычества. Съ одной стороны, пошатнувшееся вѣрованіе въ духовъ старались поддержать легендами и разсказами о герояхъ, съ другой стороны пытались дать фетишизму рационалистическое объясненіе или представить народныхъ боговъ, какъ отдѣльныя силы одного несозданнаго бога, для чего философія поставила себѣ задачей показать генетическую связь между этими обѣими категоріями—но все неудержимо влекло къ разложенію старыхъ понятій и вѣрованій.

Совершенно иного характера, иного происхожденія былъ *монотеизмъ* евреевъ и исторія его тоже была совершенно иная. То, чего не доставало греческому монотеизму для удовлетворенія религиознаго чувства толпы, рѣзко выступаетъ въ монотеизмѣ евреевъ. Главное его основаніе, котораго евреи неуклонно держались, есть представленіе о Богѣ-Отцѣ. Но этотъ Богъ-Отецъ, къ Которому можно было возсылать свои моленія и просьбы, Который избралъ себѣ среди прочихъ народовъ народъ Израильскій, чтобъ быть ему Отцомъ, *вмѣстѣ съ тѣмъ* является великимъ, единственнымъ «несозданнымъ» Богомъ вселенной. Въ Немъ *соединились* представленія о божествѣ двухъ культурныхъ періодовъ, Онъ—конечная причина всего сущаго, былъ *вмѣстѣ съ тѣмъ* существомъ, обнимающимъ всѣхъ своею отеческою любовью; Онъ привимаетъ жертвы людей и внимааетъ ихъ молитвамъ. Къ этой идеѣ могущества присоединились и нравственныя идеи; и тѣ, и другія въ ихъ высшей и неограниченной степени служатъ характерными отличіями представленія о Богѣ. Эти понятія и легли преимущественно въ основаніе христіанскаго воззрѣнія.

«Забота о спасеніи души» въ древнѣйшемъ ея смыслѣ.

Изъ предыдущаго мы могли уже усмотрѣть то важное значеніе, какое должна была имѣть для человѣка, когда его духъ направился на религиозное мышленіе, забота о спасеніи своей души. Эта забота древняго человѣка исходила изъ побужденій двоякаго рода. Мысль о будущемъ, съ которой и начинается настоящая культурная жизнь человѣка, побудила его позаботиться о своей собственной душѣ и подумать о ея судьбѣ; всякое важное событіе въ его жизни заставляло его позаботиться о спасеніи тѣхъ душъ или духовъ, отъ которыхъ зависитъ все счастье и несчастье его жизни.

Такой мотивъ существовалъ во всё древнія времена; но способы осуществленія этой заботы измѣнялись и развивались вмѣстѣ съ развитіемъ хозяйственныхъ и социальныхъ условий человѣка. Когда человѣкъ жилъ изо дня въ день, мало заботясь о поддержаніи своей жизни, естественно, что и попеченіе о душахъ было не велико; но оно развивается въ стройную систему въ организованномъ государствѣ, какимъ является въ древности раньше всѣхъ другихъ—Египеть. Ближайшимъ послѣдствіемъ этого права души на попеченіе о ней и надежды на воздаяніе, которую питали оставшіеся въ живыхъ за свои заботы о душахъ, явилась обязанность дѣтей по отношенію къ родителямъ, которая простирается за предѣлы отеческой власти и длится дольше человѣческой жизни. Обязанность попеченія о душахъ лежитъ на дѣтяхъ и особенно на сыновьяхъ, такъ какъ они одни могли, находясь подъ отеческой властью, стать самостоятельными. Вмѣстѣ съ властью надъ семьей къ сыну переходитъ обязанность отеческаго, а затѣмъ и семейнаго культа; становясь главой болѣе обширной организаціи, онъ является представителемъ культа племени или государства, и отъ вѣрнаго исполненія этой обязанности зависитъ счастье какъ его семьи, такъ и всего государства. Какъ благословеніе, такъ и проклятіе равно нисходятъ на головы всего народа, а поэтому онъ долженъ желать имѣть во главѣ себя набожнаго попечителя о культѣ. По этой то причинѣ обязанность дѣтей, въ этомъ болѣе широкомъ смыслѣ, есть основаніе всѣхъ социальныхъ обязанностей, такъ какъ всѣ социальные организаціи развились изъ семьи или образовались по ея образцу. На постоянно изъ рода въ родъ возобновляющемся сознаніи этой связи еще теперь покоится вся организація старыхъ культурныхъ государствъ въ Восточной Азіи; объ этомъ же древнемъ законѣ говорятъ намъ гробницы египтянъ и десять заповѣдей евреевъ. Послѣ специальныхъ заповѣдей, устанавливающихъ поклоненіе Іеговѣ, эта заповѣдь является первой. Она касается семьи, какъ древнѣйшей организаціи, а послѣдующія заповѣди имѣютъ своимъ предметомъ болѣе обширную организацію, — союзъ мира, — разросшуюся изъ семьи по аналогіи съ ней. Всѣ эти заповѣди безъ исключенія имѣютъ цѣлью охрану жизни и собственности и, на первыхъ порахъ, какъ гласитъ рассказъ о богоугодномъ «ограбленіи египтянъ», только въ предѣлахъ даннаго союза мира. Всѣ эти заповѣди, имѣющія своимъ содержаніемъ установленіе такого «мира», должны быть одинаковы у всѣхъ народовъ, стоящихъ приблизительно на одной и той же ступени культуры. Такимъ образомъ еврейскія заповѣди, за исключеніемъ конечно первыхъ четырехъ о почитаніи Іеговы, повторяются почти слово въ слово у китайцевъ, японцевъ, буддистовъ и египтянъ. Всѣ эти народы впрочемъ прибавили еще заповѣдь, запрещающую употребленіе вина, ибо оно, какъ показала опытъ, мѣшаетъ сохраненію мира. Кромѣ того египтяне занялись подробнѣйшимъ анализомъ социальныхъ обязанностей. Подобно тому какъ первая изъ этихъ заповѣдей гласитъ объ обязанности почитать родителей, такъ и выполненіе законовъ мира по отношенію къ божеству данной организаціи составляетъ часть его культа. Тутъ культъ соединяется съ моралью.

Въ этомъ представленіи мы должны видѣть вмѣстѣ съ тѣмъ основаніе свойственнаго всѣмъ народамъ желанія не умереть, не оставивъ послѣ себя сына. Евреи, индійцы, китайцы и всѣ древніе культурные народы—всѣмъ имъ было равно при существе это желаніе; египтянинъ неизмѣнне сына считалъ самымъ тяжелымъ проклятіемъ. У кого не было сына, на котораго перешла бы обязанность сохраненія культа, тотъ не могъ надѣяться на дальнѣйшее существованіе своей души или же, какъ думали люди, душа его должна преждевременно снова подвергнуться мукамъ земной жизни. На этомъ же убѣжденіи основывается теперь кажущійся намъ столь предо-

судительнымъ «левиаръ» древнихъ евреевъ и индѣйцевъ. Душа человѣка, умершаго бездѣтнымъ, будетъ продолжать свое существованіе, если его ближайшій родственникъ подаритъ ему сына.

Сынъ является единственной надеждой и опорой въ такое время, когда люди еще не знаютъ никакой другой прочной организаціи, кромѣ семьи. Мало по малу человѣкъ находитъ все новыя формы, обезпечивающія ему безопасное существованіе. Болѣе продолжительнымъ, чѣмъ семья, является союзъ мира—община, народъ. И общины имѣютъ свой собственный культъ, забота о которомъ никогда не прекращается. Египетскіе цари сами не заботились о культѣ своихъ душъ, который и продолжался втеченіи тысячелѣтій. Еще и теперь читаемъ мы съ удивленіемъ памятники, свидѣтельствующіе объ этомъ богатомъ культѣ и безграничной вѣрѣ въ него.

Не говоря уже о томъ, что египетскіе цари еще при жизни строили для своей души дворцы—сперва въ видѣ пирамидъ, затѣмъ въ видѣ храмовъ—они дарили ей въ вѣчное владѣніе сады, изобилующіе водой и тѣнистыми деревьями, и своими пожертвованіями устанавливали вѣчный строго опредѣленный культъ. Но только цари

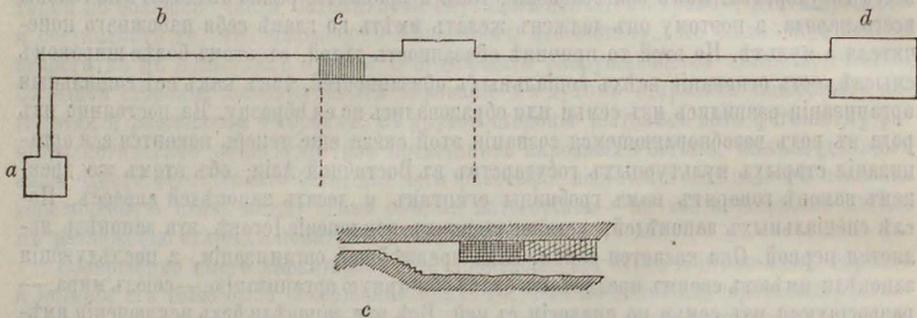

Рис. 75.—Могильный склепъ и проходъ въ него. *a*—могильный склепъ, въ который ведетъ ущелье. *b*—проходъ въ него. *c*—лѣстница съ приспособленіями для запиранія (внизу она представлена въ разрѣзѣ). *d*—могильный склепъ.

и могли располагать такими богатствами, которыхъ-бы хватило на все это; болѣе бѣдные люди осуществляли подобную надежду на спасеніе своей души путемъ религіозныхъ товариществъ, которыя являются быть-можетъ одной изъ древнѣйшихъ формъ товариществъ вообще.

Въ каждой общинѣ были служители культа, которые содержались на счетъ общины, и, само собою понятно, никогда не было недостатка въ желающихъ посвятить себя этому служенію. Человѣкъ могъ быть вполне увѣренъ, что, присоединяя къ общему культу культъ своей души, онъ доставляетъ ей такое-же спасеніе, какое обезпечивали цари своей душѣ по истинѣ царскими пожертвованіями. И поэтому ему только оставалось позаботиться о томъ, чтобы, выражаясь прозаическимъ слогомъ, сдѣлаться при жизни участникомъ въ пользованіи тѣми сокровищами, которыя накопились въ мѣстѣ общаго богослуженія. Для этого каждый по мѣрѣ своихъ средствъ старался увеличить эти сокровища, принося при жизни божеству жертвы и дары съ тѣмъ, чтобы послѣ, если такъ можно выразиться, кормиться отъ этого всегда полнаго стола. Такъ въ дѣйствительности представлялъ себѣ это египтянинъ; онъ пріобрѣталъ себѣ мѣсто для погребенія на мѣстѣ общаго богослуженія и такимъ образомъ, въ извѣстномъ смыслѣ соединяя свою могилу съ могилой боже-

ства, напоминая проходящим могильными надписями, чтобы они молили божество не оставлять мертвого без тысячи быков, тысячи гусей и прочих пищевых средств, употребительных в Египте. Египтянин имел право требовать от Бога тех даров, которые он сам приносил ему при жизни. Если-бы египетские служители культа, как это делали буддистские священники, выдавали квитанции в получении жертв, то эти свидетельства служили-бы для душ, переселяющихся в тот мир, основанием, по которому они могли-бы заявлять там свои требования. Но и без этого отношение между человеком и божеством ничуть не было иное в Египте, чем в Азии. Однако такое общинное попечение о душах несколько не устраняло религиозных обязанностей, лежавших на сын; еще менее поэтому оставались в пренебрежении обязанности, обусловливаемые требованиями общего мира. Наоборот исполненіе их и является условием принятія въ общину.

Этот ход развития культа свойствен не только одному Египту; он повсюду характеризует собой известную ступень общественной организации, но пожалуй нигде мы не встречаем такого последовательного ее развития, как в Египте.

Эта вполне развитая система имеет свою особенную терминологию; эти термины мы можем передать словами, которые во всяком случае теперь понимаются лишь в современном их значении. Удовлетворительное исполнение всего того, что требуется для предполагаемой будущей жизни души, равно как и решение, признающее достаточность всего сделанного для этого, называется, по крайней мере по наиболее общепринятому переводу египетского выражения, «оправданием» души. Неоправданная душа, как гласит

«книга смерти», достается «поглотительнице», она уничтожается или подвергается так называемой «второй смерти». Это-же название — довольно характерный факт — употребляется эскимось (по Кранцу) для обозначения того-же самого состояния. Промежуток времени до произнесения решения об оправдании души по видимому разматривается как временное состояние первой смерти. Как только произносится оправдание, душа пробуждается для совершенно новой для нея жизни. Египетские памятники говорят об этом, как об «избавлении», «торжестве», «воскресении». «Оправданную» душу ждет вѣчная жизнь, неоправданную — вѣчная смерть.

В «Книге смерти» этот акт произнесения оправдания представляется в виде сцены суда; в присутствии Озириса, бога могил, и поглотительницы взвешивается на громадных весах все, что сделано для спасения этой души. Действующими лицами здесь также являются божественные прототипы «сыноуи» и «жреца» (Toth),

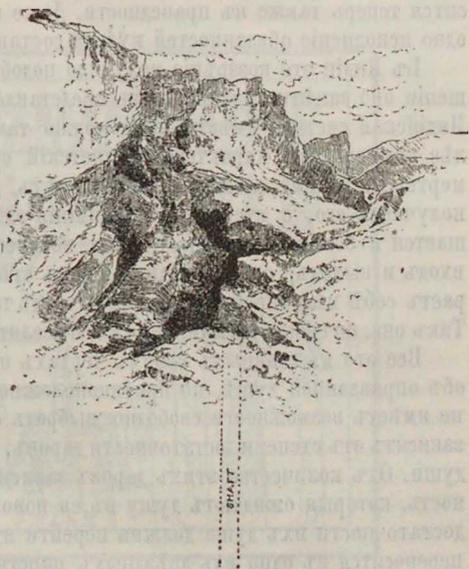

Рис. 76. — Ущелье в 15 аршинъ глубиною въ скалѣ Деръ-эль-Багари близъ Оивъ, которое ведетъ въ гробницѣ Сезостриса и другихъ египетскихъ королей.

стоящие у вѣсовъ. На верхней части прилагаемаго здѣсь рисунка изображено, какъ умершій оправдывается передъ коллегіей изъ 42 судей. (рис. 77).

Чтобъ получить «оправданіе», умершій долженъ сослаться на три категоріи фактовъ: во-первыхъ, его душѣ долженъ былъ быть оказанъ обычный культъ его сыномъ или хотя-бы нанятымъ для того служителемъ культа — священникомъ; во-вторыхъ, еще при жизни своей онъ долженъ былъ, исполняя свои обязанности культа, отложить часть своего имущества для будущей жизни, и въ-третьихъ, онъ долженъ былъ исполнить обязанности, лежавшія на немъ, какъ на членѣ организованнаго общества. Кто можетъ доказать, что онъ все это дѣлалъ, возстанетъ изъ мертвыхъ, какъ *праведникъ*. Такимъ образомъ уже въ Египтѣ въ понятіе «праведности», первоначально заключавшее въ себѣ только внѣшніе акты оправданія, привходитъ нравственный элементъ. И исполненіе социальныхъ обязанностей относится теперь также къ праведности. Даже въ Библии можно иногда видѣть, что не одно исполненіе обязанностей культа составляетъ праведность.

Въ Индіи это воззрѣніе получило подобное-же развитіе, только въ одномъ отношеніи оно замѣтно разнится отъ представленія египтянъ объ «оправданной» душѣ. Индійская система имѣетъ, если можно такъ выразиться, болѣе расчетливый, болѣе коммерческій характеръ. Египетскій судья произноситъ свой приговоръ надъ мертвымъ однимъ словомъ: да или нѣтъ. Душа или получаетъ оправданіе, или не получаетъ его, о степеняхъ оправданія здѣсь нѣтъ рѣчи. Осужденная душа поглощается и больше не существуетъ; воскресшая-же — имѣетъ повсюду свободный входъ и выходъ; она проходитъ черезъ стѣны и запертыя двери и свободно выбираетъ себѣ мѣстопробываніе повсюду, гдѣ только она можетъ быть, по мнѣнію людей. Такъ она, по своему желанію, можетъ вселяться въ звѣрей или въ зовзвѣздія небесныя.

Все это въ главныхъ своихъ чертахъ относится и къ индійскому представленію объ оправданной душѣ, но противоположно тому, какъ это было у египтянъ, душа не имѣетъ возможности свободно выбрать себѣ мѣстопробываніе; это право выбора зависитъ отъ степени достаточности даровъ, принесенныхъ въ свое время для спасенія души. Отъ количества этихъ даровъ зависитъ степень счастья и его продолжительность, которая ожидаютъ душу въ ея новой жизни. Въ случаѣ отсутствія или недостаточности ихъ душа должна перейти въ животное, въ случаѣ изобилія — она переносится въ одно изъ звѣздныхъ царствъ, въ одно изъ высшихъ небесъ. Здѣсь для своего пропитанія она снова находитъ дары, принесенные для ея спасенія еще при ея земной жизни, и она живетъ здѣсь до тѣхъ поръ, пока они не истратятся. Тогда она снова должна вернуться на землю и въ зависимости отъ той высоты, на которой уже находилась, опредѣляется та ступень, съ которой она снова начинаетъ свое «странствованіе». Такимъ образомъ болѣе значительные дары предохраняютъ душу вмѣстѣ съ тѣмъ отъ необходимости впоследствии болѣе низко опуститься; такъ что такимъ образомъ могутъ образоваться категоріи высшихъ и низшихъ духовъ. Къ высшимъ изъ этихъ категорій, по древне-индійскому вѣрованію, и къ слѣдующей за ней, по буддистскому воззрѣнію, относятся высшіе правящіе индійскіе боги, но они не считаются единственными и абсолютными существами.

Но чѣмъ-же покупалась индійская «добродѣтель»?

У насъ имѣются, какъ и въ Египтѣ, свидѣтельства, которые говорятъ намъ о стадахъ рогатаго скота, цѣлыхъ деревняхъ съ мѣстной юрисдикціей и т. п., которыя богатыми правителями жертвовались для спасенія своей души и своихъ родителей. Къ другой категоріи относятся дары, которые приносились въ качествѣ жертвы или вознагражденія за жертвоприношеніе, и такое приношеніе въ пользу

священнослужителя считалось вкладомъ для будущей жизни. Священники являются завѣдующими этимъ общественнымъ богатствомъ, они принимаютъ здѣсь на землѣ то, что душа въ другой формѣ получить въ будущей жизни. Слѣдовательно, тотъ, кто на землѣ богато одаряетъ священниковъ—а въ Египтѣ цѣлые «храмы»,—тотъ снова находитъ всѣ свои дары въ томъ мѣрѣ въ формѣ, наиболѣе приспособленной для жизни души.

Арийцы переселились въ Индію, будучи еще номадами; богатства, которыя они здѣсь приобрѣли, состояли еще долгое время преимущественно изъ скота; поэтому у нихъ единицей обмѣна служила корова, и на самомъ дѣлѣ въ древности религиозныя требы индійцевъ состояли въ принесеніи «браминамъ» въ даръ коровъ. Это была торговля совершенно особаго рода, но естественно получившая большое развитіе. Брамины были священниками по своему званію, они посвящали всю свою

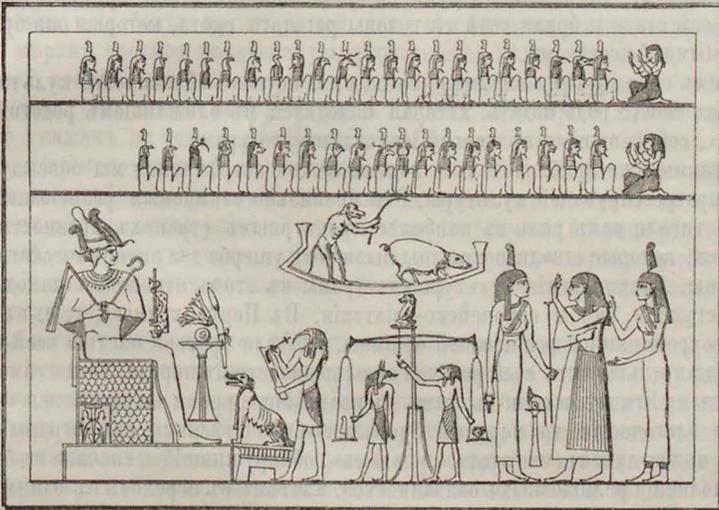

Рис. 77.—Египетскій судъ надъ мертвецами.

жизнь культу, чтó и давало имъ средства къ существованію. Ихъ жизнь проходила въ постоянныхъ жертвоприношеніяхъ и моленіяхъ къ богамъ. По понятіямъ браминовъ, никто изъ народа не можетъ самъ для себя совершать жертвоприношеніе, оно достигнетъ своей цѣли только тогда, когда будетъ сдѣлано настоящее воззваніе къ богамъ, которое знаетъ только одинъ браминъ. Слѣдовательно, народной массѣ оставалось только заботиться о томъ, чтобы приобрѣсть для себя тѣ жертвы, которыя браминъ, по своей обязанности, приносилъ богамъ; это достигалось тѣмъ, что заботились какъ о доставленіи жрецу средствъ существованія, такъ и о томъ, чтó нужно было для жертвоприношеній. Такъ что въ сущности дары приносятся жрецу съ тѣмъ, чтобъ кушть себѣ «добродѣтель» и такимъ образомъ обезпечить жизнь души, переселившейся въ тотъ міръ. Совершенно въ томъ-же смыслѣ древній персъ употреблялъ выраженіе «купля міра», «купля неба».

Итакъ, древне-индійскимъ платежнымъ средствомъ служила корова, и она имъ осталась въ культѣ долгое время особенно потому, что браминъ не любилъ въ ка-

чествъ земледѣльца «взрывать желѣзомъ мать-сырую землю», онъ предпочиталъ пользоваться доходами отъ стадъ, которыя, благодаря своей святости, находили повсюду свободныя пастбища. Поэтому только и могло явиться такое вѣрованіе, что, кто на землѣ принесетъ корову въ даръ жрецу, тотъ найдетъ за то корову на небѣ, которая будетъ удовлетворять всѣмъ его желаніямъ.

Поэтому-то и играетъ такую важную роль какъ въ культѣ индійцевъ, такъ и въ ихъ мифологіи эта «небесная корова». На землѣ ей соответствуетъ «жреческая корова», та реальная единица рогатаго скота, которую мірянинъ приносилъ брамину для спасенія своей души. Такъ какъ божество требовало для себя извѣстное количество жертвенныхъ животныхъ, то и жрецъ, какъ его земной повѣренный, не ждалъ дара, а также требовалъ. Такимъ путемъ возникъ слѣдующій специально браминскій институтъ. По ученію браминовъ божество отмѣчало особымъ знакомъ то животное, которое оно требовало себѣ отъ человѣка. А чтобы человѣкъ, во вредъ себѣ-же самому, не наложилъ руки на священное животное, брамины подвергали осмотру всѣ стада и брали себѣ тѣ головы рогатаго скота, которыя они признавали отмѣченными божествомъ.

Такимъ образомъ мы видимъ, что на этой ступени обязанность культа превращается въ своего рода подать, которая находится въ ближайшемъ родствѣ съ «десятиной», собиравшейся въ пользу іерусалимскаго храма.

Съ такимъ-же приблизительно ходомъ вещей встрѣчаемся мы повсюду въ предѣлахъ прогрессирующей культуры. Эти правильно взимаемыя религіозныя повинности достигали какъ разъ въ наиболѣе культурныхъ странахъ древности такихъ размѣровъ, которые едвали возможны были безъ ущерба для экономическаго положенія страны. Американскія культурныя страны въ этомъ отношеніи находились на той-же ступени, что и европейско-азиатскія. Въ Перу «храмы», т. е. въ данномъ случаѣ сопровищницы религіозной общины, владѣли третьей частью всей страны и поглощали третью часть всей рабочей силы подвластнаго народа. То-же самое должно было быть въ Египтѣ, и если-бы тамъ въ позднѣйшее время не проявился «упадокъ» древняго благочестія, то мертвые буквально-бы вытѣснили изъ страны живыхъ. Поэтому можно думать, что этотъ «упадокъ», обнаружившійся сначала въ болѣе слабомъ исполненіи религіозныхъ обязанностей, а затѣмъ въ переходѣ къ однимъ только символическимъ дѣйствіямъ, есть не что иное, какъ вышнее выраженіе дѣйствительной невозможности пойти на этомъ пути дальше извѣстныхъ предѣловъ. Въ Малой Азіи и Греціи лучшія земли оставались невоздѣланными, какъ имущество храмовъ, такъ какъ жрецы, завѣдывавшіе этими богатствами, въ которыхъ утопали храмы, были того мѣня, что подвергать поля обработкѣ изъ-за небольшихъ доходовъ, которые доставляеть земледѣліе, не стоить. Но въ то-же время на государствахъ, городахъ и племенахъ лежало тягостное бремя религіозныхъ обязанностей. Условія римской жизни, правда, не благоприятствовали такимъ свободнымъ храмовымъ общинамъ, которыя существовали въ Греціи, но тѣмъ больше тамъ тратились на культъ государство и семья.

Такъ какъ каждое установленіе культа создавалось на вѣчныя времена и съ паденіемъ его государство подвергалось большой опасности, то само собой понятно, что съ теченіемъ времени онъ принималъ все большіе, а не меньшіе размѣры. Размѣры-же должны были увеличиваться въ той-же степени, въ какой увеличивались человѣческія организаціи, т. е. по мѣрѣ того, какъ государства становились устойчивѣе и обширнѣе, и развивалась, и распространялась социальная культура. Но находилъ-ли человѣкъ въ такой-же степени все большее успокоеніе и удовлетвореніе въ

такомъ культѣ? Вспомнимъ, чего добивался для себя въ земной жизни человѣкъ, устанавливая культъ! Культъ долженъ былъ, коротко говоря, уничтожить всякое несчастье и зло на землѣ. Всякое бѣдствіе и зло происходятъ, какъ говоритъ зудусъ, отъ «мертваго брата.»—отъ нерасположенія духовъ къ людямъ, которые не склонили ихъ на свою сторону никакимъ культомъ. Но, не смотря на всѣ культы, что видѣлъ человѣкъ? Несчастье за несчастьемъ! Эти несчастья какъ будто даже росли вмѣстѣ съ расширеніемъ человѣческихъ организацій. Со времени основанія римской имперіи на все тѣснѣе и тѣснѣе соединявшихся людей, казалось, обрушивались все большія и большія бѣды. Напрасно старался Римъ создать специальное учрежденіе культа, которое вводило-бы все новые и новые культы для отвращенія бѣдствій, грозящихъ людямъ; напрасно Римъ во время секулярныхъ торжествъ установилъ исключительныя жертвы всѣмъ духамъ, которые почему-либо оставались неумилостивленными; напрасно эти торжества повторялись все чаще и чаще,—цѣль несчастій не прекращалась, и эта погоня за все новыми и новыми установленіями культа только еще болѣе пугала людей, какъ это бываетъ всегда съ предохранительными мѣрами противъ какой-нибудь угрожающей бѣды.

На этой почвѣ возникло два всемірно-историческихъ явленія—*буддизмъ* и *христианство*. Но мы не намѣрены здѣсь слѣдить за исторіей ихъ образованія, мы только укажемъ на тотъ переворотъ, который они произвели. Оба эти явленія раздѣлены и временемъ, и пространствомъ, точно также существенно разнятся они въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи; но тѣмъ не менѣе они сходятся въ одномъ, а именно—они оба являются реакціей противъ того страшнаго бремени религіозныхъ обязанностей, которое угнетало человѣчество культурныхъ странъ, и оба предлагаютъ новый способъ окончательнаго освобожденія отъ прежняго тягостнаго культа путемъ *искупленія*.

Но только въ этомъ сходятся обѣ эти религіозныя системы, господствующія теперь вмѣстѣ на землѣ; во всѣхъ положительныхъ частяхъ своего содержанія онѣ значительно расходятся между собой. Еще впрочемъ въ одномъ онѣ сходны: одинаково трудно въ ихъ позднѣйшемъ развитіи разглядѣть первоначальное ихъ ядро. Буддизмъ полагаетъ искупленіе въ совершенно опредѣленномъ *познаніи*, сущность котораго состоитъ въ «причинности явленій». До этого познанія дошелъ Гуатама-Будда, который сообщилъ его міру и освободилъ отъ бремени культа всѣхъ, возвысившихся вмѣстѣ съ нимъ до этого познанія. Такимъ образомъ могъ бы произойти полный переворотъ въ міросозерцаніи человѣчества, если-бы всѣ дошли до этого «познанія».

«Познаніе» это учить, что люди заблуждаются, если думаютъ, что несчастья на землѣ можно устранить посредствомъ культа; напротивъ того, несчастье есть необходимое звено въ «цѣпи причинности»; никто не можетъ избѣжать его, развѣ если навсегда разстанется съ жизнью; и что-бы ни рождалось снова и какой бы видъ оно ни принимало, оно снова рождается для новыхъ страданій.

Жизнь на землѣ и все земное неразлучно съ страданіями. Но какъ-же происходитъ то, что духъ не рождается снова или по крайней мѣрѣ въ этомъ мірѣ внѣшнихъ формъ? Не жертвы и не культъ приводятъ духъ къ этому, а только углубленіе въ познаніе и связанное съ этимъ умерщвленіе въ себѣ всякихъ желаній. На этой высотѣ, по воззрѣнію буддизма, отнюдь не стоятъ древніе боги Индіи, которыхъ онъ впрочемъ не отрицаетъ. И они, если разъ въ тысячелѣтіе приходятъ къ концу сокровища ихъ культа, должны воплотиться въ низшія существа; вѣдь и раньше уже часто имъ приходилось бывать на землѣ. Выше стоятъ тѣ духи, кото-

рے пътемъ «совершенствова́нiя» и истиннаго позна́нiя достигли той ступени, которая называется ступенюю «боддисаттвы». Онъ живеть на самомъ высокомъ небѣ и черезъ много, много лѣтъ ему предстоитъ еще однажды вернуться на землю, чтобъ преподавать людямъ законы позна́нiя. Такимъ образомъ духъ достигаетъ высочайшей ступени и дѣлается Буддой; онъ не возрождается болѣе, но переходитъ въ Нирвану; подъ Нирваной подразумѣвается или прекращенiе всякой жизни, или вполнѣ безстрастная жизнь въ совершенно ныхъ формахъ, чѣмъ земная. И только одинъ изъ многихъ Буддъ этого рода воплотился въ Готаму, царскаго сына—основателя буддизма.

Но не всѣ люди одарены такими высокими стремленiями. Многимъ кажется достойной старанiя жизнь въ болѣе низшихъ небесахъ, причемъ человѣкъ можетъ быть увѣренъ, что онъ не подвергнется несчастной судьбѣ возродиться въ видѣ какого нибудь низшаго существа или животнаго. Но и эту увѣренность, говоритъ буддизмъ, можетъ дать не культъ, а «совершенство» человѣка. И поступки человѣка составляютъ одно изъ звеньевъ цѣпи причинности, такъ какъ страданiя, постигающiя человѣка послѣ его возрожденiя, зависятъ отъ его прежней жизни. А чтобы достигнуть совершенства, человѣку нужно главнымъ образомъ стараться дѣлать добро всѣмъ существамъ, такъ какъ всѣ они относятся къ царству духовъ, непрерывно появляющихся и исчезающихъ на землѣ.

Но скоро древнiй культъ снова возвратился къ этой системѣ, чему особенно благоприятствовало то обстоятельство, что въ Индiи среди мiрянъ этотъ культъ давно превратился въ одно доставленiе вознагражденiя жрецу за совершенiе имъ жертвоприношенiй. Это именно и оказалось гибельнымъ для буддизма, и въ настоящее время онъ исчезъ изъ своей родины—Индiи, а въ большихъ сосѣднихъ государствахъ онъ существуетъ со всѣми прежними формами культа, за исключенiемъ впрочемъ кровныхъ жертвъ, которыя были разъ навсегда уничтожены.

Если же человѣкъ хотѣлъ избѣгать страданiй, неразлучныхъ съ земною жизнью, и поднять духъ свой до высшихъ ступеней, то ему оставалось удалиться отъ мiра сего и посвятить свою жизнь размышленiю для приобрѣтенiя необходимаго позна́нiя. Такiе люди не были священниками въ прежнемъ смыслѣ этого слова, такъ какъ для нихъ не существовало древняго уже культа—то были кающiеся или монахи. Но человѣкъ, не имѣвшiй такихъ высокихъ стремленiй, а желавшiй, оставаясь въ мiрѣ при своихъ занятiяхъ, только уберечь свою душу отъ злѣйшихъ бѣдъ, старался достигнуть этого благотворительностью. Но кто же во всемъ мiрѣ былъ болѣе достоинъ ихъ благодѣанiй, какъ не тѣ святые подвижники, стремившiеся къ высшимъ идеаламъ? Поэтому люди своими приношенiями поддерживали ихъ жизнь и ожидали отъ этого спасенiя для своей души. Такимъ образомъ, какъ мы видимъ, прежнiй культъ повторился только въ новыхъ формахъ.

Если исторiя христіанства и не шла путемъ совершенно отличнымъ отъ буддизма, то всетаки христіанство въ своихъ древнѣйшихъ формахъ должно было доставить душѣ человѣка безконечно больше утѣшенiя, чѣмъ буддизмъ, и самое утѣшенiе это должно было быть гораздо значительнѣе. Христіанство не освобождаетъ человѣка путемъ философствованiя отъ его грѣха, бремя котораго онъ постоянно чувствуетъ на себѣ и въ которомъ онъ видитъ причину всѣхъ бѣдъ, обрушивающихся на него. Христіанство упорно настаиваетъ на фактѣ грѣха, который и есть главная причина всякаго зла, и утверждаетъ отчаивающагося человѣка въ сознаниі, что ни всѣ его старанiя, ни постоянное исполненiе обязанностей культа не могутъ снять съ него его вины, не могутъ устранить изъ мiра зла. Но зато оно освобож-

даетъ человѣка отъ всѣхъ невыносимыхъ обязанностей прежняго культа и избавляетъ его отъ тягостнаго сознанія грѣха вѣроу въ разъ навсегда за всѣхъ людей принесенную высочайшую икупительную жертву и посредствомъ особыхъ актовъ удѣляетъ ему участіе въ этомъ искупленіи въ качествѣ члена великой общины — церкви. Буддизмъ замѣствовалъ свои представленія о Богѣ изъ древней народной религіи, христіанское же представленіе о Богѣ было подготовлено воззрѣніями еврейства и греческой философіи. Но скоро и въ христіанство проникли формы культа, и главы, и учителя общинъ превратились въ священниковъ. Въ верховномъ жрецѣ буддистовъ живеть — Боддисаттва. Римскій первосвященникъ является намѣстникомъ Бога.

КОЛДОВОСТВО.

Человѣкъ, находясь въ примитивныхъ жизненныхъ условіяхъ, самъ совершаетъ свои религіозныя требы, когда является въ этомъ надобность. Установленный и правильный культъ при этихъ условіяхъ не можетъ еще существовать. Только съ устройствомъ домашняго очага могъ также развиваться правильный домашній культъ, но такъ какъ забота о домѣ и очагѣ была дѣломъ женщины, то культъ лежалъ на ея обязанности. Здѣсь у очага женщина могла съ большей правильностью готовить свои простые обѣды, вѣруя, что въ этомъ занятіи принимаютъ участіе добрые духи, покровители дома. Мужчина же, если охота кончалась счастливо, иногда устраивалъ вмѣстѣ съ кѣмъ-нибудь изъ товарищей пиръ. Или же онъ отправлялъ обязанности культа въ случаѣ смерти, или когда на него обрушилось какое-нибудь ужасное несчастье, или же предъ выступленіемъ въ опасный походъ.

Дальше такихъ случаевъ не простирается культъ мужчины. Насколько онъ мало заботится о завтрашнемъ днѣ въ своей хозяйственной жизни, настолько же мало онъ думаетъ о томъ, чтобы постоянно стараться расположить въ свою пользу духовъ для того, чтобы они съ своей стороны приходили ему на помощь въ случаѣ нужды; забота о культѣ проявляется только временами. Вотъ что дѣлаетъ отецъ семьи, который вмѣстѣ съ тѣмъ есть попечитель культа своего дома или жрецъ.

Но наряду съ этимъ мало по малу развивается особый классъ *жрецовъ*. Весьма часто въ домѣ бываютъ случаи, которые дѣлаютъ желательной немедленную помощь духовъ; а на нее можно рассчитывать только тогда, когда человѣкъ, отправляя постоянно и непрерывно культъ, удерживаетъ вблизи себя такого духа. Къ такимъ случаямъ относятся главнымъ образомъ болѣзни, которыя неожиданно постигаютъ человѣка. Всякая болѣзнь, вѣшняя причина которой не совсѣмъ ясна, причисляется дикаремъ къ тѣмъ явленіямъ, которыя могутъ быть произведены только духами. На болѣзнь онъ смотритъ не какъ на признакъ органическаго разстройства, но какъ на живое созданіе, «злое существо», которое невидимо, какъ сами духи, вошло въ тѣло человѣка. Такой взглядъ на болѣзнь принадлежитъ не однимъ только дикарямъ, онъ встрѣчается еще въ классической древности и съ нѣкоторымъ ограниченіемъ, относясь только къ извѣстнымъ группамъ болѣзней, свойственъ даже древнимъ временамъ христіанства. Человѣкъ, подвергающійся одной изъ такихъ болѣзней, одержимъ какъ бы бѣсомъ. Злой духъ вселяется въ него, мучаетъ и уродуетъ его, причиняя ему страшныя боли. Вылечить болѣзнь значитъ изгнать этого духа. Но такъ какъ надъ духомъ имѣетъ только власть духъ, человѣкъ же не можетъ осязать эти невидимыя существа, то слѣдовательно все дѣло въ томъ, чтобы стать къ какому-нибудь духу въ такія отношенія, при которыхъ послѣдній всегда былъ-бы готовъ изгнать другого злого духа.

Но такой полезный для себя союз человекъ можетъ заключить только при помощи культа, непрерывно обращеннаго на этихъ духовъ. Такой культъ не можетъ быть дѣломъ каждаго человекъ, такъ какъ онъ требуетъ массы времени. Поэтому у народовъ, стоявшихъ даже на самой низкой ступени развитія, является въ этомъ извѣстное раздѣленіе труда. Отецъ дома вмѣстѣ съ другими мужчинами занимается своей охотой, и врядъ-ли больше заботится о своихъ богахъ, чѣмъ, какъ говоритъ индеецъ, «великій духъ» о немъ. И только тамъ и сямъ остается одинъ изъ мужчинъ дома, чтобы для общаго блага быть постоянно въ сношеніяхъ съ духами. Въ благодарность за это все остальные приносятъ ему часть своей добычи. Чаще всего это болѣзненные, слабые люди, которые посвящаютъ себя этому специальному призванію. Это занятіе, сопряженное часто съ лишеніями и напряженіемъ силъ, доставляетъ имъ только пропитаніе, освобождая ихъ, правда, отъ совершенія обыкновенныхъ работъ, къ которымъ они по большей части и не способны.

Этотъ классъ людей, хотя и подъ различными именами, встрѣчается повсюду на низшей и средней ступени культуры. Вообще они извѣстны подъ именемъ «*волшебниковъ*»; между ними наибольшую извѣстностью пользуются «врачеватели» у сѣверныхъ индѣйцевъ, «*пиаіесъ*» у карибовъ, «*фетицеросъ*» и «*ганга*» въ Западной Африкѣ и «*шаманы*» въ Сѣверной Европѣ и Сѣверной Азіи (рис. 78 и 79). Какъ показываетъ названіе ихъ у индѣйцевъ, они пользуются культомъ и вліаніемъ, связаннымъ съ нимъ, преимущественно для того, чтобы освобождать людей отъ мучащихъ ихъ болѣзней, они такимъ образомъ являются жрецами и вмѣстѣ съ тѣмъ *врачами*.

Способъ ихъ дѣйствій въ существенныхъ своихъ чертахъ удивительно одинаковъ на всей землѣ, такъ какъ онъ повсюду зиждется на томъ же самомъ простомъ ходѣ мыслей. Колдунъ долженъ прежде всего имѣть при себѣ духовъ, обязанныхъ ему помощію за оказываемый имъ культъ; затѣмъ при ихъ помощи ему нужно поставить діагнозъ, чтобы опредѣлить, сидитъ-ли въ больномъ какой-нибудь духъ, или опредѣлить, въ чемъ вообще заключается причина болѣзни, и тогда ему остается узнать, какими средствами можно вылечить больного. Все это открываютъ ему его духи, которые или сами переходятъ въ него, или же его душа оставляетъ тѣло и присоединяется къ тѣмъ духамъ. Если оказывается, что въ больномъ дѣйствительно сидитъ духъ, то колдунъ долженъ его изгнать и удалить въ такое мѣсто, откуда онъ не могъ бы вернуться.

Точка отправленія этого метода настолько логична, что легко понять, какимъ образомъ онъ могъ возникнуть совершенно самостоятельно въ разныхъ мѣстахъ земнаго шара. Но внѣшнія формы его все-таки кажутся довольно странными. Это происходитъ главнымъ образомъ отъ представленія о неразрывной связи духовъ съ опредѣленными и по большей части незначительными и невзрачными фетишами. Такими фетишами бываютъ камешки, кости, копыта, черепки и т. п. драгоценности, иногда также, какъ напр. въ Азіи, куклы, которыя суть не что иное, какъ древнія изображенія боговъ. Какъ американскій «врачеватель», такъ и индѣйскій волшебникъ и шаманъ носятъ все эти предметы при себѣ въ *мшюкѣ*. Подобнаго рода вмѣстелище всехъ этихъ предметовъ должно быть портативнымъ, такъ какъ врачеватель носѣщаетъ своихъ больныхъ у нихъ на дому.

Европейцы, которые обратили только вниманіе на способъ примѣненія этихъ фетишей, назвали ихъ «лекарствами», а этотъ мѣшокъ— «аптечкой». Призванный къ больному, колдунъ прежде всего открываетъ свой таинственный мѣшокъ и вынимаетъ фетишей. Затѣмъ онъ приступаетъ къ самому главному; онъ ищетъ «вдохновенія», которое въ данномъ случаѣ слѣдуетъ понимать въ буквальномъ смыслѣ.

Для этого существуютъ два приема. Обыкновенно богъ или духъ изъ фетиша переходитъ въ голову жреца, чтобы дать ему необходимое объясненіе, или же, какъ это особенно имѣетъ мѣсто въ Сѣверной Европѣ или Сѣверной Азій, духъ шамана долженъ выйти изъ его тѣла, чтобы найти извѣстный духъ, хотя-бы онъ и находился

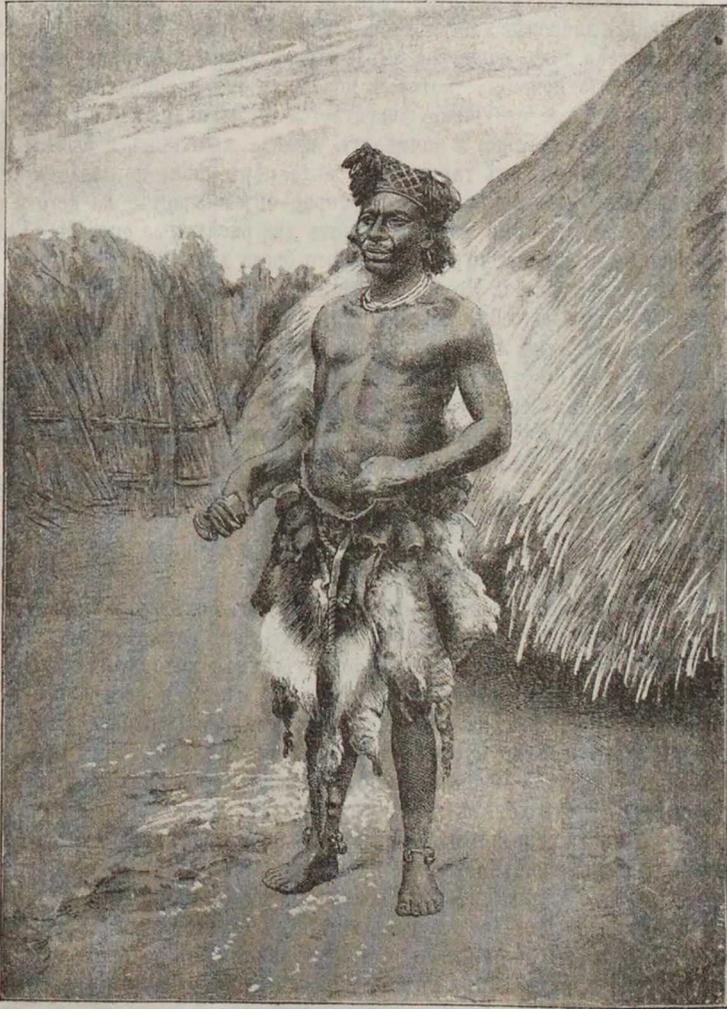

Рис. 78. — Колдунъ изъ африканскаго племени Нямъ-Нямъ.

на далекомъ разстояніи. Но въ томъ и другомъ случаѣ собственный духъ жреца долженъ быть совершенно удаленъ для того, чтобы какъ-нибудь его собственныя мысли не смѣшались съ мыслями божества.

Средства, употребляемая человѣкомъ для такого приведенія себя въ восторженное состояніе, весьма различны: выборъ ихъ зависитъ отъ богатства его личнаго опыта;

но вообще они сводятся главнымъ образомъ къ опьяненію чѣмъ-нибудь или оглушенію себя какимъ-нибудь дѣйствіемъ, которое выводитъ человѣка «изъ себя». Для этого употребляютъ опьяняющіе напитки, курятъ табакъ или разжевываютъ возбуждающія травы; но чаще всего челоѣкъ приводится въ такое состояніе музыкой и танцами. Можетъ показаться страннымъ, но тѣмъ не менѣе это фактъ, что на ряду съ индійскимъ табакомъ употреблялся тоже для этой цѣли греческій лавръ. Такъ извѣстно, что греческая Пифія жевала лавровые листья, прежде чѣмъ, оглушивъ свой собственный духъ, воспринимала въ себя духъ божества. Поэтому-то лавръ и остался средствомъ, а позже символомъ «вдохновенія», который перешелъ отъ прорицателей къ поэтамъ.

Но лучше всего такое оглушеніе достигается музыкальнымъ шумомъ и дикой пляской. Съ этого обыкновенно и начинается жрецъ: кривляясь и выдѣлывая всевозможныя штуки ногами, онъ танцуетъ до тѣхъ поръ, пока не падаетъ отъ изнеможенія. Въ этомъ состояніи бреда, въ которое онъ впадаетъ, на него и сходитъ вдохновеніе. Здѣсь опять-таки надо различать два различные способа. Если духъ божества перешелъ въ жреца, то во время этого бреда духъ шепчетъ слова, о которыхъ жрецъ ничего не знаетъ. Но окружающіе стараются ихъ запомнить и затѣмъ, когда жрецъ приходитъ въ себя, передаютъ ихъ ему. По этимъ словамъ онъ опредѣляетъ отвѣтъ духа. Если же тѣло жреца стало безжизненнымъ, потому что его душа отправилась куда-нибудь въ пустыню или въ подземный міръ для того, чтобы получить желаемое объясненіе, то оно дѣлается нечувствительнымъ къ огню, желѣзу и вообще къ чему бы то ни было. Такія испытанія производятся для того, чтобы показать, что душа дѣйствительно оставила тѣло.

У лапландцевъ и народовъ Сѣверной Азіи существуетъ вѣрованіе, что больная душа должна сама оставить тѣло, а жрецъ приноситъ изъ царства духовъ новую душу и вселяетъ ее въ больного. Поэтому-то тамъ и принято, что выздоровѣвшій отъ тяжелой болѣзни мѣняетъ свое имя.

Такъ или иначе, жрецъ узнаетъ, въ чемъ состоитъ болѣзнь, и принимаетъ надлежащія мѣры; иногда онъ прибѣгаетъ также къ помощи естественныхъ лѣчебныхъ средствъ. По большей части въ больномъ сидитъ духъ, котораго слѣдуетъ только удалить. Жрецъ начинаетъ давить по извѣстному мѣсту и сосать его и такимъ образомъ удаляетъ духа. Затѣмъ онъ подходитъ къ двери, выплевываетъ его или прогоняетъ въ какую-нибудь пустынную мѣстность. Но при этомъ вѣрованіе народа въ Сѣверной и Южной Африкѣ, равно какъ и въ Новой Зеландіи повело къ маленькому фокусу. Народъ хотѣлъ также видѣть духа, котораго жрецъ удалил изъ тѣла больного! Но духа нельзя видѣть, развѣ только если онъ соединяется съ однимъ изъ фетишей. И вотъ жрецъ долженъ народу показать духа. Возможно, что онъ прежде бралъ такого фетиша въ ротъ передъ тѣмъ, какъ начиналъ высасывать духа, быть можетъ для того, чтобы духъ перешелъ въ этотъ предметъ. Теперь же онъ сталъ это дѣлать, чтобы показать, что онъ извлекъ изъ больного весь фетишъ: и тѣло его, и духъ. Такимъ образомъ въ больномъ можетъ находиться, что угодно: кость, камень, жукъ и т. п. Когда народъ видитъ такой предметъ, то онъ убѣжденъ, что болѣзнь выведена изъ тѣла и что послѣ нея останутся развѣ только нѣкоторыя боли.

Лѣченіе болѣзней есть только одна изъ многихъ цѣлей, для которыхъ жрецъ, посвятившій себя постояннымъ заботамъ о культѣ, можетъ пользоваться своею близостью съ духами. Вообще-же онъ пользовался ею, чтобы узнавать тайны и предсказывать будущее. На этомъ основывается *оракуль*, виды котораго весьма различны. Съ двумя изъ нихъ мы уже познакомились, когда говорили о «гаданіи по жертвамъ»

и о приведеніи въ состояніе экстаза. Послѣдній способъ одинаково сохранился на низшей и высшей ступени культуры. Западно-африканскій ганга употребляетъ какой-нибудь звучащій инструментъ для того, чтобы вызвать духа. Тогда духъ входитъ въ его голову и сообщаетъ ему пророческія мысли. Этому же метода держались также нѣкоторые отдѣльные греческіе оракулы, какъ напр. въ Дельфахъ. Здѣсь въ основаніи этого способа лежитъ то же, что продѣлываетъ самый примитивный колдунъ. Пиюія, какъ и индійскій колдунъ, приводится въ состояніе опьяненія. — какое средство для этого употребляется, въ данномъ случаѣ совершенно безразлично, — въ это время въ нее вселяется духъ, и она подъ его влияніемъ совершенно безсознательно изрекаетъ пророческія слова. Такъ же какъ африканцы запоминали слова колдуна, когда онъ приходилъ въ себя, повторяли ему ихъ, требуя отъ него разъясненія, такъ и прорицанія Пиюіи записывались присутствовавшими для этой цѣли лицами, причемъ на обязанности другихъ лежало составлять изъ нихъ стихъ. И еврейскіе прорицатели, передъ тѣмъ какъ давали свои предсказанія, любили слушать игру на арфѣ.

Практичные римляне менѣе цѣнили этотъ способъ, въ которомъ сознательно или бессознательно такую большую роль игралъ субъективный элементъ; они напротивъ того предпочитали чисто объективныя заявленія бо-

говъ, причемъ у нихъ сохранились древнія фетишистическія представленія. По древнему ихъ вѣрованію среди животныхъ птицы являются фетишами, наиболѣе излюбленными духами. Если человѣкъ сумѣлъ привлечь на свою сторону такихъ духовъ, то они, появляясь въ своихъ фетишахъ, даютъ человѣку желаемыя предзнаменованія. Это вѣрованіе лежитъ какъ въ основѣ римскаго публичнаго авгуриума — предсказанія по полету птицъ, такъ и современнаго дикаго предразсудка о встрѣчѣ съ животными

Рис. 79. — Ганга, т. е. колдунъ, врачъ, жрецъ въ праздничной одеждѣ (Западная Африка).

или опасенія встрѣтить на дорогѣ старую женщину. Когда въ позднѣйшія времена изъ Азіи перенесена была въ Европу домашняя курица, вначалѣ какъ священная птица, то шницегаданіе стало легче и гораздо удобнѣе, такъ какъ каждый могъ повсюду возить съ собой эту пророческую птицу.

Еще проще былъ другой повсюду употреблявшійся оракулъ—*жребій*. Люди думали, что и въ жребіи проявляется вмѣшательство божества, которое такимъ образомъ открываетъ человѣку свою волю или то, что скрыто отъ него. При этомъ тѣ, которые посвятили себя культу, естественно должны были быть наиболѣе способны давать вѣрныя предсказанія. Поэтому то и прибѣгали къ помощи жрецовъ повсюду всякій разъ, когда надо было открыть что-нибудь неизвѣстное человѣку. Это имѣло мѣсто въ особенности въ *уголовномъ судѣ*. Здѣсь они часто рѣшали вопросъ о виновности или невинности обвиняемаго. Въ особенности процвѣтаетъ эта сторона дѣятельности жрецовъ въ Западной Африкѣ. Тамъ извѣстны различные способы для открытія воровъ, установленія вѣроломства и т. п. Одно изъ такихъ средствъ, а именно напитокъ, при помощи котораго можно было уличить жену въ невѣрности мужу, было также извѣстно евреямъ. Затѣмъ у насъ даже сохранились незначительные остатки одного такого средства, а именно—вбиваніе гвоздей. Оно указываетъ еще на весьма грубое представленіе о божествѣ и на то высокое мнѣніе жреца о своей силѣ, которой въ извѣстной степени должны были подчиняться даже его боги, какъ будто они находятся у него не только на попеченіи, но и въ услуженіи. У ганговъ есть особые фетиши, въ которыхъ они вколачиваютъ гвоздь, когда желаютъ открыть вора. Боль отъ этого, какъ они думаютъ, чувствуетъ соответствующій духъ, въ которомъ пробуждается жажда мести. Этой жаждой мести пользуются жрецы для открытія вора, причемъ они направляютъ ее на него, какъ на прямого виновника боли, испытываемой духомъ. Воръ же конечно извѣстенъ духу, который его и поражаетъ какой нибудь тяжелой болѣзью.

Такимъ же образомъ жрецъ можетъ даже предупредить совершеніе преступленія. Когда негръ Западной Африки посылаетъ своихъ рабовъ по странѣ для производства торговли великими драгоценностями, онъ прежде всего ведетъ ихъ къ жрецу, который на ихъ глазахъ вбиваетъ въ фетиша гвоздь, причемъ проситъ духъ обратиться свое мнѣніе на того, кто провинится въ какой-либо недобросовѣстности. Совершенно также поступаетъ, напр. въ Лоанго, съ своимъ фетишемъ жрецъ для охраны брака, когда онъ, внушая такимъ же образомъ страхъ передъ духомъ, содержитъ въ повиновеніи мужу жену, данную ему божествомъ Лемба, охранителемъ брака. Подобнымъ же образомъ поддерживаетъ онъ въ общинахъ порядокъ и защищаетъ правительство при помощи особыхъ корпорацій сыщиковъ. Отъ времени до времени онъ разсылаетъ ихъ по странѣ, и они своимъ ужаснымъ поведеніемъ распространяютъ спасительный ужасъ особенно среди женщинъ и рабовъ.

Безъ помощи жреца не можетъ также обойтись и юноша, когда онъ возмужаетъ. Жрецъ заключаетъ тѣснѣйшій союзъ между нимъ и божествомъ племени и, удаляя его отъ материнскаго очага, вводитъ въ общество мужчинъ. Въ этой весьма употребительной во многихъ частяхъ Африки церемоніи, присоединяющей юношу къ обществу мужчинъ, жрецъ является лицомъ, которое разными жертвоприношеніями устанавливаетъ союзъ между новымъ членомъ общины и ея божествомъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ на тѣлѣ новаго члена дѣлается знакъ племени; во многихъ мѣстахъ эта церемонія состоитъ въ «обрѣзаніи», совершаемомъ жрецомъ.

Итакъ, мы видимъ, какъ велико, даже на очень низкой ступени культуры, вліяніе и значеніе жреца.

Вышія формы жречества.

Когда человекъ достигаетъ высшей культуры, съ которой увеличиваются его жизненные потребности и упрочиваются его семейная и общественная организаціи, появляется новый видъ жречества. Жречество первой ступени характеризуется своимъ выборомъ этого занятія.

Всякій, кто только не хочетъ или не можетъ принимать участія въ охотѣ, старается быть полезнымъ себѣ и другимъ на поприщѣ культа. Но онъ посвящаетъ себя этому занятію не ради самихъ духовъ, которымъ онъ служить, а изъ своихъ собственныхъ выгодъ, его культъ превращается въ колдовство, и поэтому его можно въ отличіе отъ другихъ жрецовъ называть «колдуномъ». Въ Египтѣ подобное раздѣленіе труда явилось само собой вслѣдствіе заботы богатыхъ людей о своей душѣ. Они, какъ уже было упомянуто, оставляли своей душѣ цѣлыя имѣнія, приписывая ежегодно всевозможные доходы для поддержанія культа души. Цари обогащали плодами завоеваній эти имѣнія своихъ предковъ («имѣнія мертвой руки»). Они отдавали въ ихъ пользу налоги, собираемые съ чужеземныхъ народовъ, и посылали туда для работъ побѣжденныхъ враговъ. Но чтобы при этомъ постоянно и непрерывно совершался необходимый культъ, оставалось еще привлечь сюда извѣстныхъ лицъ, которые бы ничѣмъ другимъ не занимались, какъ культомъ и управленіемъ этими имѣніями. Для этого съ человекомъ, отъ котораго можно было ожидать добросовѣстнаго исполненія обязанностей, заключали договоръ о томъ, что онъ, равно какъ и сынъ его и дальнѣйшіе его потомки, обязываются точно исполнять всѣ дѣйствія культа, за что они могутъ пользоваться имуществомъ, посвященнымъ душѣ. Такъ возникаетъ обезпеченный и знатный классъ «жрецовъ».

Общины и волости, главные мѣста погребенія которыхъ находились подъ покровительствомъ мѣстнаго божества, обезпечивали себѣ такими же договорами служеніе богамъ. Необходимыя для этого средства доставлялись налогами и добровольными приношеніями членовъ общины. Эти богатства должны были постоянно увеличиваться, потому что всякій, кто хотѣлъ сдѣлать жреца мѣстнаго божества также попечителемъ своего культа, долженъ былъ сдѣлать новый вкладъ, хотя опредѣленной таксы на это еще не существовало. Чтобы мѣсто жреца не оставалось безъ преемниковъ, зависѣло конечно прежде всего отъ плодовитости жреца. Если же случалось, что такая семья вымирала, то и тогда мѣсто жреца не оставалось долго незамѣненнымъ.

Многія мѣста такого попеченія о душахъ умершихъ были такъ богаты, положеніе жреца было до того высоко и недосыгаемо, прочно и лишено всякихъ заботъ, что никогда не могло быть недостатка въ желающихъ занять это мѣсто. Младшіе сыновья царей и князей почитали за счастье занять такое освободившееся мѣсто; этого добивались въ средніе вѣка многіе княжескіе роды. При перемѣнѣ династїи, каждая изъ нихъ съ особеннымъ рвеніемъ старалась приобрести для одного изъ своихъ членовъ жреческое мѣсто, ибо нѣкоторыя жреческія должности имѣли чрезвычайной большое политическое значеніе. Еще со временъ чистаго культа предковъ существовала теорія, что настоящій властитель Египта есть божественный родоначальникъ царскаго рода, т. е. не дѣйствительный его властитель, а Горъ, Пта, Ра и наконецъ Аммонъ-Ра.

Видимый царь стоитъ въ такомъ же отношеніи къ богу Аммону-Ра, какъ какое нибудь другое изображеніе божества къ живущему въ немъ духу, онъ подо-

бенъ каменной статуѣ, которая есть только обиталище этого бога, онъ есть «фараонъ» — «великій домъ». Но такимъ «фараономъ» онъ становится только при посредствѣ жреца этого бога, послѣ того какъ онъ совершаетъ надъ нимъ *помазаніе* точно такъ-же, какъ надъ какойнибудь каменной статуей, которая вслѣдствіе этого дѣлается мѣстопробываніемъ бога. Хотя перевѣсъ власти склоняется повременамъ то на сторону жреца, то на сторону царя, но часто жрецъ находится въ болѣе благоприятныхъ условіяхъ, такъ что царь является только сосудомъ, въ который жрецъ вселяетъ духъ божества. Поэтому то и никогда не могло быть недостатка въ соискателяхъ жреческаго мѣста.

Наоборотъ, число ихъ всегда было больше числа мѣстъ, ибо при тѣхъ счастливыхъ условіяхъ, въ которыхъ находились жреческія семьи, онѣ были всегда очень богаты потомствомъ. Одинъ изъ сыновей всегда былъ преемникомъ своего отца, прочіе сыновья примыкали къ числу соискателей жреческаго сословія, среди которыхъ они конечно пользовались преимуществомъ, хотя первоначально никто не могъ быть принципиально лишень права домогаться такого мѣста. Если читатель представитъ себѣ все эти отношенія, то онъ легко замѣтитъ, какъ, несмотря на все это, проложилъ себѣ путь кастовый характеръ жречества. Точно также оказывается, что и въ Египтѣ на ряду съ жрецами, пользовавшимися постоянными доходами отъ пожертвованныхъ на нужды культа имѣній, всегда существовало громадное число такихъ жрецовъ, которые не имѣли опредѣленной и постоянной кліентелы. Въ этомъ отношеніи имъ очень полезны были ихъ различныя практическія знанія, въ особенности *искусство письма*. Для занятія такими искусствами и науками ни одно сословіе не располагало въ такой мѣрѣ досугомъ, какъ вполне обеспеченное жречество, и всего чаще приходилось примѣнять свои знанія именно этимъ «вольнопрактикующимъ» жрецамъ.

Во всемъ остальномъ египетское высшее жречество такъ же пользовалось своимъ отношеніемъ къ объектамъ культа, какъ и жрецы низшей ступени. Испрашиваніе оракула было очень распространено и оказывало вліяніе даже на политику. Оракулъ имѣлъ свое значеніе и примѣненіе какъ въ области права, такъ и врачебнаго искусства. На египетскихъ памятникахъ мы видимъ жрецовъ, изображенныхъ въ видѣ судей съ мѣшкомъ жребіевъ на груди. Наряду съ громадными изображениями боговъ существовали также и небольшія, которыя можно было переносить изъ дома въ домъ къ больнымъ, какъ это дѣлали американскіе врачи. Отдѣльныя жреческія корпораціи приобрѣли себѣ такимъ путемъ славу въ врачебномъ искусствѣ, и соотвѣтственно этому и въ культѣ явилось раздѣленіе труда — ихъ объекты культа получили значеніе особыхъ исцѣляющихъ божествъ. Каменные памятники показываютъ намъ, что въ отдѣльныхъ, исключительныхъ случаяхъ ихъ цѣлительные фетиши переносились даже въ Сирію.

Въ древнѣйшихъ историческихъ памятникахъ евреевъ находимъ мы еще жрецовъ, раздѣляющихся по странѣ, чтобы найти себѣ мѣсто при какомънибудь богатомъ домѣ. Но позднѣе жречество образуетъ уже здѣсь вполне замкнутую касту, исключительной привилегіей которой является служеніе культу. Мірянамъ не только не было предоставлено, но даже не дозволялось совершать жертвоприношенія безъ жреца.

Къ этому весьма опредѣленно и не безъ успѣха стремилось жречество также въ *Индіи*. Въ древнѣйшія времена здѣсь существовала масса жреческихъ кастъ, которыя представляютъ дальнѣйшее развитіе примитивнаго жречества. Въ такихъ кастахъ репутация и профессиональное знаніе переходили изъ рода въ родъ, причемъ отдѣльныя

семьи соперничали между собой, стремясь къ исключительному господству. Наибольше счастливыми оказались жрецы «огня» и «жрецы-прорипатели». Первые главное значеніе полагали въ огненныхъ жертвахъ; послѣдніе же утверждали, что жертва не имѣетъ никакого значенія, если она не сопровождается извѣстнымъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ обращеннымъ къ божеству изреченіемъ. А эти изреченія знали только *брамины*, которыми они и хранились въ тайнѣ вплоть до позднѣйшихъ временъ. Чѣмъ больше такое возрѣніе распространялось въ народѣ, дѣлаясь мало по малу господствующимъ, тѣмъ невозможнѣе было человѣку предпринять какое нибудь дѣйствіе культа безъ посредничества брамина. Главная польза, которую брамины извлекли изъ своей побѣды надъ другими жрецами, была та, что они сумѣли забрать въ свои руки все мѣсто жрецовъ въ княжескихъ семьяхъ. Такимъ образомъ въ ихъ рукахъ сосредоточились все имущества культа. Они установили за каждое дѣйствіе культа плату и стали брать на подобіе десятины «жрецскую корову».

Въ настоящее время въ сборникѣ Ведъ собраны нѣкогда хранившіеся въ тайнѣ изреченія, молитвы и гимны, употреблявшіеся не одними только браминами. Въ него вошли даже тѣ проклятія, которыя нѣкогда обрушивались на голову того, кто осмѣлился бы открыть хотя одну строчку этихъ изреченій. Между тѣмъ какъ брамины придавали такое исключительное значеніе *слову*, какъ главному элементу дѣйствій культа, они, въ противоположность шаманамъ другихъ мѣстностей Азии, отбрасывали все, имѣющее фетишистическій характеръ. Впрочемъ многое еще указываетъ на общее происхожденіе того и другого, такъ напр. обычай жрецовъ проводить свои ученическіе годы въ уединеніи лѣсовъ и удаляться туда по окончаніи мірской дѣятельности.

Привилегіи и могущество, которыми пользовались брамины, и презрѣніе ихъ къ бѣднымъ, которые ничего не могли жертвовать для культа, — презрѣніе, выразившееся съ суровой послѣдовательностью даже въ ихъ гимнахъ, и вызвали главнымъ образомъ буддизмъ, какъ реакцію противъ кастоваго жречества. Буддизмъ прежде всего обратился съ своимъ словомъ къ бѣднымъ, которые, не будучи въ состояніи изъ за своей бѣдности принимать участіе въ культѣ, по господствовавшему тогда ученію, были лишены поэтому надежды на будущую жизнь. Тѣмъ болѣе должны были бы остаться чуждыми формамъ шаманизма буддистскіе монахи, которые и не могли быть жрецами культа. Это напоминаетъ намъ сказаніе о зломъ домашнемъ духѣ (кобольдѣ). Одинъ человѣкъ, желая освободиться отъ его преслѣдованій, сломалъ свой домъ и ушелъ въ другое мѣсто. Но куда бы онъ ни приходилъ, повсюду онъ находилъ этого кобольда, который съ дружеской усмѣшкой говорилъ ему: «а я уже здѣсь». Мы познакомились съ основнымъ правиломъ шаманизма. Оно состояло въ приведеніи себя въ состояніе оглушенія, благодаря которому очищалось мѣсто для духа божества. Духъ этотъ долженъ былъ войти въ человѣка, чтобъ открыть ему какую либо тайну. Средства, употреблявшіяся для этого, могли быть весьма различны, но въ чемъ бы они ни состояли, они всегда имѣли цѣлью удалить изъ тѣла собственный духъ шамана. Однимъ изъ такихъ средствъ было «размышленіе». Монахъ долженъ былъ привести себя въ созерцательное состояніе, и тогда, какъ божій даръ, на него сниходило познаніе; здѣсь, какъ мы видимъ, соединяется новое начало со старымъ. Такъ напримѣръ, сосредоточивая все свои мысли на одномъ какомъ нибудь представленіи, монахъ устремлялъ свой взоръ на одинъ изъ находившихся передъ нимъ цвѣтныхъ круговъ. Это продолжалось до тѣхъ поръ, пока онъ не лишался чувствъ. Тогда и сходило на него познаніе.

Подобнаго же рода формы заимствовали у древних шаманов магометанскіе монахи. Одни изъ нихъ кружатся, другіе воютъ до оглушенія, третьи, подобно скорморохамъ, продѣлываютъ съ огнемъ и оружіемъ тѣ фокусы, которые шаманы употребляли для того, чтобъ показать народу, что душа дѣйствительно оставила тѣло, и что оно стало потому безчувственнымъ.

О кастахъ жрецовъ у халдеевъ въ древней Вавилоніи и магахъ, перешедшихъ къ нимъ изъ Мидіи, мы не можемъ распространяться, а должны ограничиться однимъ только упоминаніемъ объ нихъ. Подобную же кастовую замкнутость застаемъ мы также у персидскихъ жрецовъ зендской религіи. Эта религія противопоставила единству своего высшаго божества такое же единство главы всѣхъ злыхъ духовъ, но подобный дуализмъ есть въ сущности тотъ же политеизмъ.

Широкое развитіе получило жречество также въ Греціи, гдѣ, соотвѣтственно разнобразію политическихъ условій, оно приняло самыя различныя формы. И здѣсь существовали кастовыя замкнутыя жреческіе роды, но нигдѣ въ Греціи они не добились исключительныхъ привилегій. Древнѣйшіе наслѣдственные жреческіе роды частью ведутъ свое начало еще со временъ патріархальныхъ царьковъ, и въ сущности жрецы являются ихъ преемниками; среди политическихъ бурь они сохраняютъ себѣ самыя выгодныя элементы царской власти. Древніе греческіе царьки на самомъ дѣлѣ представляются не чѣмъ инымъ, какъ патріархальными главами большихъ родовъ (древнихъ семей). Эти роды вступали въ соглашеніе съ своими главами, и такимъ образомъ образовывались свободныя общины. Можно найти немало примѣровъ даже изъ историческихъ временъ такого возникновенія «республиканскихъ» организаций; всѣ они могутъ намъ объяснить, почему столь многіе жреческіе роды ведутъ свое происхожденіе отъ древнихъ царей. Эти патріархальныя главы, быть-можетъ подъ давленіемъ необходимости, лишились сначала своей власти предводителя войска, а затѣмъ и судейской, причемъ ихъ полномочія, смотря по надобности, переносились на наиболѣе способныхъ лицъ. Между тѣмъ царю и его ближайшему потомству предоставлялась забота о культѣ всей общины и выдѣлялась извѣстная часть всего имущества культа; такимъ образомъ древній родъ превратился въ республиканское государство, а царь сдѣлался наслѣдственнымъ жрецомъ. Если мѣсту отправления культа, благодаря счастливымъ отвѣтамъ оракула, удавалось пріобрѣсть широкую славу, оно могло такъ обогатиться и вмѣстѣ съ тѣмъ достичь такого могущества, что ему нетрудно было освободиться отъ всякой зависимости отъ сосѣднихъ общинъ. Такимъ образомъ возникали независимыя жреческія государства, какъ мы ихъ видимъ въ Греціи. Священный миръ охранялъ эти счастливыя области; развѣ только иногда уже слишкомъ большое выставленіе на показъ своихъ богатствъ возбуждало зависть, которая влекла за собою святотатственные посягательства. На этой почвѣ возникали священныя войны.

Нѣкоторыя жреческія организациі, начавъ очень скромно свою дѣятельность, достигли славы и богатства путемъ умѣлаго и удачнаго пользованія своими предметами культа, какъ напр. жрецы Эскулапа (Асклепія), занимавшіеся преимущественно врачеваніемъ. Позднѣйшія общины и государства Греціи возникли уже не изъ древнихъ родовъ, а образовывались путемъ соединенія и соглашенія или наконецъ благодаря колонизациі. Въ такихъ общинахъ и государствахъ, кромѣ жрецовъ, которые занимались своимъ дѣломъ на собственный страхъ и рискъ, очень часто переходя изъ одного мѣста въ другое, существовали также и избирательныя жреческія касты, отправлявшія обязанности культа по порученію общины совершенно такъ-же, какъ всякую другую должность. Нерѣдко встрѣчалось

соединеніе обѣихъ системъ такимъ образомъ, что наслѣдственные жрецы отправляли собственно обязанности культа, а какое-нибудь начальственное лицо назначалось руководителемъ культа. Но насколько часто обязанности культа понимались еще чисто внѣшнимъ образомъ и насколько исключительно обращалось вниманіе на объективную сторону этихъ обязанностей, показываютъ нѣкоторыя установленія въ Афинахъ, которыя представляютъ собой не что иное, какъ уступку независимости и самостоятельности религиозныхъ дѣйствій.

Мѣстами сохранились еще весьма древнія и примитивныя формы публичнаго отправленія культа. Въ нѣкоторыхъ маленькихъ и слабо развитыхъ общинахъ общественныя обязанности культа исполнялись такимъ образомъ, что предметы культа ежегодно отдавались попеременно на полное попеченіе кому-нибудь изъ представителей отдѣльныхъ семей, совершенно такъ-же, какъ позже въ нѣкоторыхъ южно-нѣмецкихъ мѣстностяхъ «Роландъ» ежегодно жилъ у какого-нибудь другого крестьянина. Такимъ образомъ не оказывалось надобности въ храмахъ и жрецахъ.

Римскія условія жизни не были благоприятны для процвѣтанія свободныхъ жреческихъ государствъ. Въ Римѣ, гдѣ вся жизнь текла въ строго-опредѣленныхъ формахъ, существовало три главныхъ вида культа: государственный, семейный и культъ древнихъ народныхъ союзовъ, которые сохранились изъ временъ, предшествовавшихъ основанію римской городской общины. Эти древніе виды культа, находившіе себѣ еще выраженіе главнымъ образомъ въ годичныхъ праздникахъ, отправлялись коллегіями или гильдіями. Въ случаѣ смерти одного изъ членовъ коллегіи, она пополнялась самой коллегіей, выбиравшей новаго пожизненнаго члена, такъ что среди нихъ непрерывно жили старыя традиціи, восходившія отъ временъ основанія Рима до эпохи императоровъ. Неудивительно наконецъ, если ихъ молитвы и «обращенія», совершавшіяся всегда въ одинаковомъ темпѣ и сопровождавшіяся одинаковыми тѣлодвиженіями, перестали быть понятными для кого-бы то ни было; между тѣмъ самому точному сохраненію всѣхъ принятыхъ формъ въ культѣ придавалось большое значеніе.

Коллегіи для отправленія государственнаго культа, различавшіяся по специальностямъ и формамъ культа, были государственными установленіями, причѣмъ члены ихъ избирались гражданами. Во главѣ этихъ должностныхъ лицъ стоялъ также «царь», который, какъ и въ греческихъ городскихъ республикахъ, уцѣлѣлъ изъ древней эпохи царской власти. И здѣсь также рѣшились у древняго царя, сдѣлавшагося послѣ соединенія многихъ племенъ, въ качествѣ ихъ верховнаго главы, какъ бы выборнымъ царемъ, отнять предводительство надъ войскомъ и судебную власть; но никто не отважился изъять изъ его вѣдѣнія культъ, отправлявшійся отъ имени общины въ честь божества, покровителя государства. Поэтому-то республика и выбирала постоянно для этой цѣли «царя-жреца», который былъ однако лишень всякаго политическаго вліянія, но зато былъ окруженъ ореоломъ величайшей своей святости.

Истинно-римскимъ является соединеніе всѣхъ обязанностей культа въ одномъ высшемъ *государственномъ учрежденіи* «понтифесовъ» (жрецовъ), во главѣ которыхъ стоялъ «pontifex maximus» (верховный жрецъ). Эти понтифесы, пользовавшіеся громаднымъ вліяніемъ, не были въ сущности жрецами; на ихъ обязанности не лежало самое отправленіе культа, они только регулировали государственный и частный культъ, имѣли надзоръ за нимъ и являлись судьями въ этой области. Римлянинъ смотрѣлъ на публичный культъ, какъ на обязанность въ силу вполне опредѣленнаго договора, которымъ человѣкъ связанъ съ богами. А такъ какъ вся-

кое нарушение договора со стороны людей вызывает мщеніе боговъ, то государство и старалось чрезъ своихъ надсмотрщиковъ, приставленныхъ для надзора за культомъ, удостовѣриться, что въ его предѣлахъ нигдѣ не имѣтъ мѣста подобное нерадѣніе, влекущее за собой всеобщую опасность. Поэтому-то понтифексу необходимо было слѣдить за каждымъ гражданиномъ въ отдѣльности и не допускать пренебреженія къ своимъ обязанностямъ даже въ домашнемъ культѣ, такъ какъ наказанія, которыя обыкновенно посылались богами за пренебреженіе къ нимъ, напр. неурожай, повальные болѣзни и т. п., за преступленіе одного падали на голову многихъ другихъ, совершенно неповинныхъ въ этомъ преступленіи.

Вотъ почему была такъ велика власть понтифекса, простиравшаяся даже на домашнія отношенія гражданъ, и почему позже императоры старались присвоить себѣ преимущественно власть *pontifex'a maximus'a*. У этой-то должности они и заимствовали право и обязанность преслѣдовать христіанъ, уклоняющихся отъ отправленія общепринятаго культа, и какъ разъ эту власть наслѣдовали, по паденіи Западной Римской Имперіи, римскіе епископы; въ ихъ рукахъ она расширилась и сдѣлала ихъ стражами и властителями всего христіанства.

Нравственность и культъ.

На низшихъ ступеняхъ религіи ни культъ, ни міеологія, независимо отъ того, какому изъ этихъ элементовъ принадлежало первенствующее мѣсто, не преслѣдовали никакихъ нравственныхъ цѣлей. Уже изъ всего предшествующаго изложенія намъ ясно, что нравственность съ точки зрѣнія культа имѣетъ совершенно иной смыслъ, чѣмъ тотъ, который мы ей придаемъ. Культъ не только не возставалъ противъ безнравственнаго съ нашей точки зрѣнія, а наоборотъ во многихъ случаяхъ удерживалъ его съ неумолимой строгостью, когда общественное развитіе уже успѣло уйти впередъ; такимъ образомъ можно сказать, что только въ борьбѣ съ культомъ человѣчество могло постепенно подыматься съ одной ступени развитія на другую. Всякій, кто только читалъ міеологію или аналогичные легендарные рассказы, знаетъ, какъ мало міеологія и религіозныя сказанія старались представлять идеалы нравственности. Но за это отнюдь не слѣдуетъ эти памятники упрекать въ невѣрности изложенія: ни религія культа, ни религія міеа сами по себѣ не являются ни нравственнымъ ученіемъ, ни отраженіемъ нравственныхъ понятій, они вовсе и не стремятся къ этому: ихъ цѣли и стремленія были обращены въ другую сторону. Греческій Олимпъ соединяетъ еще боговъ, принадлежавшихъ къ различнымъ ступенямъ развитія культуры, не исключая и низшихъ. Ничѣмъ инымъ, какъ своимъ необычайнымъ ростомъ, Арестъ импонируетъ дикарю, который поклоняется только тому, что поражаетъ его своими громадными размѣрами.

Инымъ представляется отношеніе морали къ религіи, если мы подъ религіей будемъ понимать все міросозерцаніе въ его совокупности. Тогда въ ней являются двѣ части: одна объективная, которая составляется изъ нашихъ представленій о вещахъ, и другая субъективная, — нормы, опредѣляющія наши поступки и даже чувствованія и мышленіе.

Первые слѣды такого соединенія религіи съ нормами человѣческихъ поступковъ уже проявляются въ простомъ почитаніи предковъ. Но содержаніе этихъ нормъ тѣмъ скуднѣе, чѣмъ болѣе изолировано стоитъ человѣкъ; однако, какъ раньше, такъ и позже, карательная власть, которая, защищая и угрожая, стоитъ за этой нормой, есть представленіе, возникшее на почвѣ культа. Съ понятіями приказанія и послу-

шанія человѣкъ долженъ былъ познакомиться во времена господства отцовскаго права. Но законъ, который онъ научался уважать, потому что ему угрожало наказаніе, долженъ былъ явиться ему извнѣ и постоянно возобновляться. И только благодаря культу, въ извѣстной степени запечатлѣлись въ его душѣ разъ навсегда тѣ или другіе законы. Онъ не зналъ духовъ своихъ предковъ, онъ не слышалъ ихъ приказаній, тѣмъ не менѣе онъ чувствовалъ на себѣ обязанность, наложенную на него какой-то невидимой волей, а въ случаѣ неисполненія ея—угрозы невидимой силы; у него явилось сознаніе обязанности поступать сообразно съ долгомъ, иногда даже безъ всякаго внѣшняго къ тому побужденія.

Такимъ образомъ человѣкъ узналъ первый для всѣхъ обязательный «законъ». Тутъ мы уже можемъ вполне ясно различить три его части: *санкцію* закона, *содержаніе* и *цѣль* его въ отношеніи къ человѣку. Цѣль этого закона въ отношеніи къ духу мы уже достаточно выяснили въ предыдущемъ изложеніи. Санкція такого первобытнаго закона, которая состояла въ представленіи о карательной власти духа, давалась идеей культа или (если вообще въ то время объ ней уже можетъ быть рѣчь) идеей религіи. Основаніемъ этого закона для человѣка была его *забота о поддержаніи жизни*, цѣлью его было благосостояніе человѣка прежде всего на землѣ. Человѣкъ, не имѣвшій никакого понятія о причинности явленій во вселенной, видѣлъ во всѣхъ фактахъ, которые ему представлялись несчастными случаями, проявленія кары неумилостивленныхъ боговъ. Отвратить отъ себя эти несчастія и имѣло цѣлью исполненіе закона. Четвертая заповѣдь содержитъ въ себѣ специальную санкцію «долгой жизни» и «земного благополучія». Почти буквально то-же самое гласятъ египетскіе тексты, ссылаясь именно на культъ родителей; нѣкоторые вводятъ насъ даже еще глубже въ міровоззрѣніе древняго времени: они говорятъ намъ, почему усердное служеніе культу и долгая жизнь на землѣ находятся во взаимной связи, они указываютъ намъ на древнее взаимное ихъ соотношеніе, которое нашло себѣ уже выраженіе хотя-бы въ страстномъ желаніи древнихъ оставить по себѣ сына. Читая эти надписи, мы какъ-бы слышимъ разговоръ египетскаго царя съ его божественнымъ отцомъ, причемъ онъ объясняетъ божеству, какъ было-бы для него выгодно, еслибы онъ даровалъ своему сыну долгую и счастливую жизнь, такъ какъ тогда-бы онъ имѣлъ на землѣ человѣка, который могъ-бы осыпать его богатѣйшими дарами культа.

Религія, какъ факторъ, устанавливающей отношенія между человѣкомъ и высшими силами посредствомъ обѣщанныхъ наказаній и наградъ, даетъ этому закону санкцію, но она далеко не опредѣляетъ его содержанія. Наказанія, опредѣляемая этой нормой, ничего не говорятъ о томъ, что гаитянину нельзя ѣсть плодовъ «мамма», а новозеландцу нужно приносить въ жертву именно папоротникъ, или что одному слѣдуетъ поститься, а другому—нѣтъ. Подобное содержаніе законъ получаетъ въ зависимости отъ того или иного состоянія экономической жизни человѣка. Основное отношеніе религіи къ нравственности остается съ этихъ поръ одинаковымъ на всѣхъ ступеняхъ развитія, но новое и весьма богатое содержаніе нравственнымъ и юридическимъ нормамъ дается только развитіемъ общественной жизни. Подобно тому, какъ законы домашней жизни подлежатъ санкціи семейнаго бога, такъ и божество семейнаго союза является мстителемъ *мира*, который и есть цѣль и основаніе такого союза,—превыше королевскаго мира стоитъ божій миръ.

Изъ понятія о мирѣ и охраняемой имъ собственности и развилось запрещеніе, гласящее: не убій (подразумѣвается: того, съ кѣмъ ты заключилъ союзъ)—не нарушай его права собственности, не посягай на его жену. Наконецъ забота человѣка

о жизни получает дальнѣйшее развитіе и выраженіе въ предупредительныхъ мѣраxъ и положительномъ содѣйствіи цѣлямъ мира: не напивайся, помогай несчастному, защищай брата своего— по союзу, да будутъ чувства твои и мысли исполнены благоволенія.

Всѣ эти болѣе и болѣе выясняющіяся обязанности приравняются къ обязанностямъ культа: они вѣдь находятся вмѣстѣ съ послѣдними подъ одной и той-же санкціей, ихъ исполненіе дѣлаетъ человѣка также «праведнымъ». Расширяющееся такимъ образомъ содержаніе обязанности создаетъ все новые «законы», и каждый изъ нихъ исходитъ отъ Бога—отъ Ману, Ормузда или Яговы, всѣ они освящены его санкціей и въ одно и то-же время суть законы гражданскіе и религіозные.

Дарованіе этому закону божественной санкціи конечно совершается только путемъ откровенія божества, а наиболѣе извѣстной формой его былъ въ древности *оракулъ*. Въ дѣйствительности же отвѣты, которыхъ ожидали отъ оракула на предложенные ему вопросы, по большей части были только утвердительными или отрицательными; да оно и понятно, такъ какъ содержаніе нравственнаго закона вырабатывалось жизнью, жрецъ-же, въ качествѣ посредника между богами и людьми, долженъ былъ получить отъ божества не этотъ самый законъ, а только узнать, желаетъ-ли оно предлагаемому закону даровать санкцію своей карательной власти, простирающейся на всѣхъ людей.

На это обстоятельство указываютъ и изложеніе древне-персидскаго «закона» Ормузда въ Вендидадѣ. Весь законъ есть не что иное, какъ діалогъ, въ которомъ жрецъ Зороастръ предлагаетъ вопросы изъ области общественной жизни и культа, а богъ, Ормуздъ, въ видѣ отвѣтовъ изрекаетъ законы. «Какому наказанію подлежить виновный въ преднамѣренномъ членовредительствѣ?», спрашиваетъ жрецъ. «Пятнадцать ударовъ ремнемъ да будетъ возмездіемъ ему», отвѣчаетъ божество. «Какъ долго должно оставаться необработаннымъ поле, на которомъ лежалъ трупъ собаки или человѣка?» «Цѣлый годъ», отвѣчаетъ Ормуздъ: «всякій Мадейеснанъ (поклонникъ Ормузда) пусть не обрабатываетъ поля, на которомъ умеръ человѣкъ или собака, и да не орошаетъ его втеченіи цѣлаго года».

Отсюда слѣдуетъ, что въ древности иные народы, по крайней мѣрѣ персы, представляли себѣ откровеніе божества происходящимъ посредствомъ оракула, причѣмъ однако, какъ можно заключить изъ приведенной формы изложенія закона, въ отвѣтъ переходитъ всегда большая часть содержанія вопроса. Но судя по тому, какъ совершались дѣйствія оракула, можно было бы скорѣе думать, что жрецъ спрашивалъ, должно-ли быть преднамѣренное членовредительство наказано пятнадцатью ударами, а божество жребіемъ или какимъ-нибудь другимъ знакомъ только отвѣчало утвердительно. Но на самомъ дѣлѣ, какъ показываетъ текстъ закона, божество само изрекаетъ тотъ законъ, который ему былъ предложенъ для полученія его санкціи.

Откровеніе «закона», по представленіямъ евреевъ, совершилось двоякимъ образомъ: подробныя постановленія культа и гражданскія установленія Ягова точно также сообщалъ народу только чрезъ посредство своихъ пророковъ; общія-же основныя требованія мира и законы, специально касающіеся богопочитанія, Онъ безъ посредства какого-либо пророка Самъ возвѣстилъ съ огненной горы старѣйшинамъ народа въ «десяти заповѣдяхъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ эти законы становятся выше всѣхъ другихъ, благодаря своей универсальности.

Итакъ, вообще среди факторовъ, имѣющихъ воспитательное вліяніе на человечество, вышедшее уже изъ первобытнаго состоянія, культъ является важнѣйшимъ и наиболѣе значительнымъ. Представленія культа выдвинули для защиты пріобрѣ-

тенных нравственныхъ понятій силу, которая была выше всякой власти на землѣ,—но, повторяемъ, только для защиты уже *приобретенныхъ* нравственныхъ понятій. Это ограниченіе имѣеть свою темную сторону, съ которой человѣчество должно было постоянно бороться. Такъ, каннибализмъ напимѣрь сохранялся еще въ культѣ въ жертвоприношеніяхъ дѣтей и людей, когда человѣкъ уже давно оставилъ людоедство. Этотъ разладъ между культомъ и жизнью долженъ былъ повторяться на каждой новой ступени развитія человѣческихъ чувствованій и познаній.

Миеологія и ея элементы.

Врядъ-ли нуждается въ какомъ-либо доказательствѣ тотъ фактъ, что представленія, находившіяся въ тѣснѣйшей связи съ культомъ, составляли первыя понятія религіи.

Нельзя сомнѣваться и въ томъ, что отправленіе культа было главнѣйшимъ средствомъ для передачи религіозныхъ представленій отъ одного поколѣнія къ другому. Тѣмъ не менѣе мы не можемъ считать этотъ способъ единственной формой передачи религіозныхъ традицій. Какъ только человѣкъ дошелъ до того, что сумѣлъ выражать словами больше, чѣмъ свои минутныя впечатлѣнія и желанія, конечно и его религіозныя представленія получили свое выраженіе въ языкѣ.

Точно также маловѣроятно, чтобы эти представленія не пошли дальше своей первоначальной формы; они конечно стремились къ развитію, и чѣмъ неопредѣленнѣе была ихъ область, тѣмъ больше вліянія на развитіе этихъ представленій имѣла фантазія. Уже судьба души, изъ которой исходилъ весь культъ, давала возможность самому разнообразному развитію представленій. Ботокудъ, который хоронитъ покойниковъ подъ листоватой крышей своей собственной хижины и затѣмъ, подаривъ эту хижину навсегда душѣ умершаго, со веѣмъ своимъ имуществомъ оставляетъ это мѣсто, можетъ себѣ составить о дальнѣйшей жизни души только весьма смутныя понятія, представляя себѣ духовъ живущими въ уединенной пустынѣ. Жители Западной Африки строятъ для своихъ духовъ внѣ деревни домики одинъ за другимъ, которые образуютъ такимъ образомъ цѣлыя улицы, деревни и даже города. Люди, которыхъ отъ времени до времени приводитъ сюда обязанность культа, находятъ здѣсь въ продажѣ все, что имъ нужно:—въ этихъ «городахъ мертвыхъ» образовались настоящіе рынки. Какъ мало похожа тутъ жизнь души на то, что представляетъ себѣ ботокудъ! И напротивъ того, какой богатый романъ переживаетъ душа египтянина! Она пашетъ и сѣетъ, занимается рыбной ловлей и охотой за звѣрами, на священной баркѣ путешествуетъ по Нилу и даже по голубому небесному своду къ самому солнцу. Чего только она не встрѣтитъ на своемъ пути, чего только она не переживаетъ! Одни народы относятъ мертвыхъ въ пустыню, на «Западъ», другіе посылаютъ ихъ на горы, чтобы освободить отъ нихъ долины для живыхъ, третьи отправляютъ ихъ на ладьяхъ въ открытое море. Такимъ образомъ и возникаютъ «царства мертвыхъ» «на Западѣ» въ пустынѣ, на горныхъ высотахъ и въ морской глубинѣ. Какая богатая тема для разсказа и вымысла! *Разсказъ* есть впрочемъ единственная форма изложенія первобытнаго человѣка. Чего только не пришлось пережить душѣ въ тѣ миллионы лѣтъ, которые такъ искусно насчитываютъ индійскіе мудрецы! Она могла пройти все ступени отъ ничтожнѣйшаго червяка до королевскаго тигра и до царя людей, затѣмъ подняться вверхъ къ звѣздамъ и перейти все небесныя сферы—развѣ мало здѣсь о чемъ разсказывать? И дѣйствительно, нѣкоторые мудрецы были такъ счастливы, что сумѣли сохранить воспоми-

наніе о прежнемъ существованіи. И вотъ они рассказывали, какъ того требоваль тотъ или другой случай: это было въ такомъ то году, я пребываль тогда въ цапль, которая жила на лугу у рѣки,—и затѣмъ слѣдуютъ самыя различныя поучительныя приключенія.

Наконецъ человѣкъ, справившійся съ наиболѣе тяжелыми жизненными заботами, сталъ раздумывать объ окружающихъ его предметахъ и ихъ происхожденіи. Отвѣты на вопросы, которые онъ могъ себѣ задать, по большей части точно также были напередъ даны культомъ, ежедневно и ежечасно напоминавшимъ человѣку, что причиной всѣхъ явленій служатъ духи, почитаемые культомъ. И въ той-же мѣрѣ, въ какой человѣкъ научался анализировать явленія, передъ глазами его раскрывалась и расширялась также дѣятельность его духа, и то, что можно было рассказать о природѣ, въ концѣ концовъ можно было всегда сказать и о богахъ.

Такимъ образомъ въ зависимости отъ степени культуры, а также отъ особой оклонности и особыхъ условий жизни народа увеличивался неисчерпаемый матеріалъ для рассказовъ, центральными фигурами которыхъ являются боги и духи, безразлично отъ того, дѣйствительно-ли рассказъ имѣеть въ своемъ основаніи представленіе о богахъ или же только то или иное лицо, о которомъ идетъ рѣчь, надѣляется болѣе привычнымъ именемъ бога. Совокупность всѣхъ такихъ рассказовъ мы называемъ *миѳологіей*, и ясно, что послѣдняя имѣла не малое вліяніе на религію въ позднѣйшемъ ея значеніи. Не менѣе яснымъ представляется ея отношеніе къ культу. Нельзя не признать той противоположности, въ которой находился культъ съ его постоянствомъ и неизмѣнчивостью къ миѳологіи съ ея подвижностью и свободой. Между тѣмъ какъ при отправленіи общественнаго культа нельзя было выбросить изъ жертвы ни одного зернышка и ни одного, хотя бы совѣзмъ непонятнаго звука изъ изреченія, приносившагося при этомъ, греческіе и римскіе поэты пользовались самой широкой свободой при обработкѣ и передѣлкѣ миѳовъ, причемъ такіе люди, какъ Геродотъ, прекрасно сознавали, что тогдашніе миѳологическіе рассказы ничуть не исходятъ и даже не соотвѣтствуютъ народнымъ вѣрованіямъ, но что они были переложены въ наиболѣе любимую тогда форму тѣми поэтами, которые разумѣлись подъ именемъ Гомера и Гезіода. Что въ культѣ было-бы преступленіемъ, достойнымъ смерти, то при изложеніи миѳовъ было не только дозволено, но даже находило себѣ поощреніе. Итакъ, мы видимъ, гдѣ намъ слѣдуетъ искать настоящаго и постояннаго содержанія народной религіи. Никакой понтифексъ никогда не заботился о томъ, какъ кто относится къ миѳическимъ рассказамъ Овидія или Виргилия о богахъ и богиняхъ, о служеніи божеству дома или рода, хотя бы его имя и не называлось ни въ одномъ миѳѣ; вотъ что составляло содержаніе практической религіи.

Тутъ же надо устранивъ еще одно недоразумѣніе, которое легко можетъ имѣть мѣсто при пониманіи и оцѣнкѣ миѳологіи. Мы весьма склонны думать, что та миѳологическая система, которая преподается въ нашихъ гимназіяхъ, должна была составлять общее достояніе греческаго народа, и что содержаніе ея имѣло почти то же значеніе, какъ наше «вѣроученіе». То и другое ошибочно. Мысль о значеніи и необходимости вѣры принадлежитъ спеціально христіанству. Христосъ принесть искупительную жертву за всѣхъ людей; сдѣлаться участникомъ этого искупленія можетъ только тотъ, кто вѣритъ въ Него; поэтому-то вѣра и есть необходимый моментъ въ христіанскомъ міровоззрѣніи. Но всего этого нѣтъ въ язычествѣ. Весьма сомнительно, сталъ-ли бы понтифексъ требовать, чтобы римлянинъ, приносившій жертвы домашнему богу, извѣстнымъ образомъ «вѣрилъ» въ существованіе этого бога; но чего онъ, дѣйствительно требоваль, это — чтобы каждый *отправлялъ* испоконъ вѣковъ уста-

новленный культъ. Этимъ онъ *объективно* исполнялъ свою обязанность. Но въ всякаго сомнѣнія, что для этого культа вполне безразлично было, вѣрить-ли римлянинъ въ Аполлона, Деметру и Вакха или въ Озириса и Сераписа и слышалъ-ли онъ вообще о нихъ что-нибудь.

Развитіе міеологіи въ ту совершенную систему, какою она представляется намъ теперь, благодаря трудамъ древнихъ и новыхъ міеологовъ и поэтовъ, требовало массы времени для разработки матеріала и не меньше времени для приданія ему связи и единства; до истеченія этого времени нельзя говорить о міеологіи, какъ о цѣльной системѣ, и нельзя считать ее общимъ достояніемъ всѣхъ.

Многія сказанія, вошедшія въ эту систему, по своему происхожденію и значенію первоначально имѣли лишь мѣстный характеръ, а если съ другой стороны многія изъ нихъ имѣютъ универсальное значеніе, то только потому, что ихъ содержаніе являлось повсюду какъ представленіе культа. Соединеніе же всѣхъ этихъ сказаній въ одну цѣльную систему могло произойти только тогда, когда народы, переносившіе отдѣльныя сказанія, соответствующимъ образомъ расширили предѣлы своихъ сношеній.

Греческая міеологія съ своей пестротой и разнообразіемъ рѣзко отличается отъ совершенно простой и неподвижной римской. Этому вполне соответствуетъ съ одной стороны разнообразіе независимыхъ греческихъ племенъ съ ихъ почти исключительно идеальнымъ единствомъ языка, искусства и обычаевъ и съ другой стороны матеріальное единство Рима, любившаго все себѣ подчинять. Грекъ, въ качествѣ пріобрѣтателя и купца, ознакомился только съ немногими странами и, не желая водворять свое господство, куда-бы онъ ни пришелъ, приносилъ съ собой на родину только рассказы о чужеземныхъ богахъ въ видѣ міеовъ и сказаній; римлянинъ же, куда ни являлся, водворялъ свой орелъ Юпитера и съ нимъ свое господство; люди и ихъ сказанія оставались имъ въ покоренной странѣ, но побѣжденные боги слѣдовали за нимъ въ Римъ—не то они могли бы стать мстителами за свободу страны—въ Римъ, гдѣ ихъ ожидало весьма почетное, но тихое существованіе. Едва-ли возможно было бы установить все тѣ отдѣльные моменты, изъ которыхъ составляется міеологія, ибо для поэта, создающаго эти міеы, какимъ являются въ особенности Гомеръ и Гезіодъ, Пиндаръ и трагики, а также Овидій и Виргилій, не существуетъ никакихъ ограниченій въ выборѣ сюжета; поэтъ можетъ любой фактъ привести въ связь съ тѣми или другими міеологическими личностями и такимъ образомъ создать новый міеъ. Тѣмъ не менѣе нѣкоторые виды міеовъ встрѣчаются такъ часто, что мы должны здѣсь на нихъ остановиться, тѣмъ болѣе, что они вмѣстѣ съ тѣмъ показываютъ, какими различными путями человѣкъ могъ придти къ созданію міеовъ.

Весьма важная группа міеовъ создавалась въ исторіи культа, благодаря тому способу изложенія, который свойственъ младенческому возрасту человѣчества. Народы, находящіеся на низшихъ ступеняхъ культурнаго развитія, весьма мало отдаютъ себѣ отчетъ о происхожденіи своихъ представленій о культѣ. Вотъ причина такъ часто наблюдаемаго въ Америкѣ отождествленія божества съ первымъ человѣкомъ. Такъ напр., на островѣ Гаити важнѣйшій культъ пріуроченъ къ пещерѣ, которая съ древнѣйшихъ временъ служила гробницей. Дальше этого факта не шло историческое сознаніе. Но такъ какъ, по мнѣнію жителей этого острова, духи находятся въ этой пещерѣ, то пока указанное нами представленіе о божествѣ оставалось тѣмъ же самымъ, то и божество должно было имѣть своимъ мѣстопребываніемъ эту пещеру. Но вотъ, какъ мы видимъ, за первоначально чисто земнымъ представленіемъ о божествѣ слѣдуетъ почти всюду болѣе высокое: дѣйствія божества показали, что оно должно находиться надъ землей, среди людей, въ воздухѣ, на небѣ. Еслибы спросить

гаитянина, который все еще отправляет свой культ божества въ пещерѣ, откуда то божество, которое теперь какъ разъ гремитъ въ воздухѣ, то онъ отвѣтилъ-бы: оно поднялось *изъ* священной пещеры на воздухъ. Но и на этомъ въ дѣйствительности не остановилось представленіе о божествѣ у гаитянъ. Можетъ быть на это оказали вліяніе побѣдители-карибы, но фактъ тотъ, что и здѣсь уже представленія о божествѣ возвысились до уранизма (*ураносъ* — по-гречески значитъ *небо*), причѣмъ мѣстопробываніе древнематеринскаго духа переносилось на луну, а древнеотеческаго — на солнце. Какъ только возникаетъ связь духа съ солнцемъ, мы можемъ съ нашей точки зрѣнія назвать солнце его фетишемъ; въ этомъ случаѣ, какъ извѣстно, одно названіе замѣняется другимъ: индѣецъ не говоритъ о духѣ своего предка, живущемъ въ воронѣ, а называетъ ворона своимъ предкомъ, точно такъ же, какъ египтянинъ одинаково обозначаетъ именемъ Ра солнце и бога солнца. Примемъ это во вниманіе, чтобы понять отвѣтъ гаитянина: «Однажды солнце и луна вышли изъ священной пещеры». Эти слова выражаютъ вкратцѣ содержаніе древняго и извѣстнаго мѣста гаитянъ, показывавшихъ трещину въ пещерѣ, черезъ которую поднялись на небо солнце и луна.

Быль-ли гаитянамъ еще извѣстенъ этотъ мѣстъ — все равно: онъ въ сущности передаетъ исторію самаго культа, а именно — переходъ хтонизма (*хтоносъ* — по-гречески значитъ *земли*) къ уранизму. Само собой понятно, что этотъ переходъ не исключается тѣмъ, что промежуточную его ступень составляло животное, какъ фетишъ; такъ, Аммонъ сначала почитался какъ богъ, живущій въ баранѣ, а затѣмъ уже — въ солнцѣ. Такимъ образомъ исторія культа, относившагося первоначально къ козѣ, а позже къ созвѣздію, можетъ себѣ найти выраженіе въ такомъ разсказѣ, какъ на примѣръ извѣстное греческое преданіе, повѣствующее, что коза Амальтея перенеслась на небо и образовала тамъ созвѣздіе. Читатель замѣтилъ уже, какъ часто повторяется упоминаніе объ этомъ мѣстѣ. Этимъ собственно и объясняется въ основныхъ чертахъ то, что нѣсколько мистически названо въ мѣтологіи «ирраціональнымъ». Но несомнѣнно также, что въ болѣе позднее время можетъ быть легко потерянь ключъ къ объясненію этого способа выраженія. Мало того, человѣкъ съ мистическими наклонностями даже самъ отбрасываетъ такое объясненіе. А какой-нибудь поэтъ опять-таки никакъ не можетъ передать подобнаго разсказа безъ того, чтобы не придать ему своего толкованія.

И позднѣйшіе факты культа являются въ томъ-же своеобразномъ, но вполнѣ естественномъ освѣщеніи. Такимъ примѣромъ можетъ служить часто встрѣчающійся у многихъ народовъ разсказъ объ уничтоженіи или скорѣе прекращеніи человѣческихъ жертвъ. Этотъ видъ разсказовъ можно было-бы выдѣлать подъ именемъ мѣстоу *искупленія*. Мы уже видѣли, что въ Мексикѣ было уничтожено принесеніе въ жертву одному женскому божеству дѣтей; но взамѣтъ этого передъ каждымъ домомъ выставлялась человѣческая кровь съ тѣмъ, чтобы богиня, появлявшаяся иногда въ городѣ, не входила въ дома жителей. Какъ люди дошли до такого способа, можно объяснить слѣдующимъ почти несомнѣнно существовавшимъ разсказомъ. Когда-то богиня ежегодно проходила по всѣмъ домамъ города и, высасывая кровь у встрѣчающихся ей дѣтей, убивала ихъ. Въ одинъ такой день кто-то взялъ человѣческую кровь и поставилъ ее передъ дверью — тогда богиня напившись, не вошла уже больше въ домъ, и дѣти остались здоровыми. Съ тѣхъ поръ такъ поступаютъ всѣ. Поэтъ конечно не удовольствовался бы такимъ разсказомъ о поступкѣ какого то неизвѣстнаго лица: онъ нашель-бы какое-нибудь подходящее имя изъ исторіи народа и всему этому приискаль-бы историческое объясненіе.

Правда, мы не видим этого въ Мексикѣ, но зато Римъ сохранилъ намъ такое историческое преданіе. Здѣсь мы снова встрѣчаемся съ тѣмъ-же самымъ явленіемъ изъ исторіи культа, дошедшемъ до насъ въ той-же формѣ изложенія. Въ Римѣ, правда, еще приносили въ жертву кровь и внутренности молодого вепря для «благоденствія дѣтей» и въ народѣ еще жило мрачное воспоминаніе, что въ противномъ случаѣ злые духи «Стриги» потребуютъ жизнь ребенка. Кто-же, долженъ былъ себя спросить человѣкъ, додумался до такой благодѣтельной отмѣны человѣческаго жертвоприношенія? Отвѣтъ на такой вопросъ не трудно было найти. Карна была богиня, которой дѣти были обязаны защитой. Кто-же другой, какъ не она, могъ изобрѣсти это средство защиты? — и вотъ рассказывали, что однажды Карна взяла вепря, подала кровь и внутренности его Стригѣ и т. д. Такъ и образовался цѣлый религіозный мифъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ случай указываетъ намъ на возможность возникновенія нѣсколькихъ мифовъ объ одномъ и томъ же предметѣ. Въ такомъ разсказѣ только самый фактъ является историческимъ, только онъ заранѣе данъ поэту, создающему мифъ; что же касается до приуроченія этого факта къ тѣмъ или другимъ обстоятельствамъ и лицамъ, то поэту представлена въ этомъ полная свобода, особенно въ выборѣ лица изъ области культа или хотя-бы изъ области историческихъ воспоминаній. Последнее имѣло мѣсто въ Римѣ въ приведенномъ нами для примѣра фактъ; наряду съ мифомъ о Карнѣ образовался и сохранился мифъ о Брутѣ. О Брутѣ въ преданіяхъ сохранилась память, какъ объ избавителѣ и благодѣтелѣ людей; поэтому онъ и является подходящимъ лицомъ, которому можно приписать и ту заслугу, о которой у насъ идетъ рѣчь, и вотъ сложился разсказъ, что злой Тарквиній былъ сторонникомъ древняго принесенія въ жертву дѣтей, добрый-же Брутъ спасалъ дѣтей отъ этой участи, а людей отъ этого варварства. Такимъ образомъ одинъ и тотъ же фактъ можетъ въ мифологіи явиться въ различномъ изложеніи.

Этихъ мифовъ искупленія существуетъ вообще такъ много, что здѣсь не мѣсто приводить ихъ каждый въ отдѣльности; образцомъ такихъ мифовъ можетъ служить сказаніе объ Ииенгени; богъ первоначально повелѣлъ принести ее въ жертву, но затѣмъ приказалъ ее замѣнить животнымъ.

Значеніе мифовъ культа ничуть не исчерпывается сказаніями объ искупленіи, хотя именно искупленіе должно было произвести особенно глубокое впечатлѣніе на людей. Существуетъ множество установленій культа, которыя, благодаря его консерватизму, оказались настолько позади жизни, все идущей впередъ, что нуждаются въ объясненіи и даже въ оправданіи. Всѣ эти объясненія и оправданія появляются во вкусѣ древняго времени въ видѣ мифическихъ разсказовъ. Незатѣйливая основная мысль этихъ объясненій весьма часто состоитъ только въ томъ, что учрежденіе существуетъ, потому что оно полезно, и это соотношеніе объясняется затѣмъ на какомъ нибудь одномъ примѣрѣ. Образецъ такого рода мифа сохранился въ Библии. Мы уже видѣли, въ какомъ отношеніи стоитъ еврейское «обрѣзаніе» къ другимъ близкимъ формамъ культа; небольшой библейскій разсказъ объясняетъ намъ цѣли и пользу этого установленія. Цинпора, жена Моисея, съ своимъ первенцемъ находится на пути изъ Мидіана въ Іудею. На границѣ ей встрѣчается богъ страны, — явленіе, весьма часто повторяющееся въ разсказахъ, — онъ требуетъ жизни первенца. Но Цинпора совершила на своемъ дитяти обрѣзаніе и можетъ сослаться на кровь, пролитую при этомъ актѣ; тогда божество оставляетъ ребенка въ покоѣ.

Не трудно видѣть, сколько жертвенныхъ обычаевъ могли создать такого рода мифы. Разсужденіямъ о происхожденіи жертвы охотно предавались индійскіе

брамины стараясь повсюду отвести себѣ первостепенное мѣсто. Исходя изъ положенія, отвергнутого буддизмомъ, что жертвы предупреждаютъ ходъ вещей и такимъ образомъ опредѣляютъ его, они постепенно пришли къ тому конечному результату, что жертвы, разумѣется только жертвы браминовъ, въ сущности двигаютъ міръ и даже болѣе того — они и привели міръ въ движеніе. А потому слѣдовало-бы собственно *первую* жертву приравнять къ созданію міра, а перваго изобрѣтателя жертвы возвысить до создателя міра. Эта мысль выражена въ нѣкоторыхъ мифахъ браминовъ. Они рассказываютъ о первой грандіозной жертвѣ и приписываютъ ей созданіе всѣхъ существъ. Народъ съ такой необузданной фантазійю, какъ индійцы, могъ допустить еще болѣе точное объясненіе событій, доходящее напримѣръ до опредѣленій, какимъ костямъ выпала на долю честь произвести на свѣтъ индійскій народъ.

Не менѣе многочисленные мифы говорятъ о спасительной силѣ жертвы и неограниченномъ, но совершенно законномъ господствѣ жрецовъ. Человѣчество безъ жреческой касты не было-бы въ состояніи сохранить землю въ ея неизмѣнности. Объ этомъ повѣствуютъ тѣ мифы, въ которыхъ рассказывается, что неоднократно земля, недовольная дурнымъ хозяйничаньемъ мірянь, намѣревалась низвергнуться въ глубину моря, что она даже сдѣлала это однажды и, только благодаря различнымъ религіознымъ дѣйствіямъ, одному жрецу удалось склонить землю еще разъ подняться изъ нѣдръ морей. Въ такихъ мифахъ земля является обыкновенно въ видѣ всплывающаго на поверхность моря жертвенника и ея прежній господинъ и повелитель даруетъ ее въ совершенно истерзанномъ видѣ тому жрецу, который одинъ сумѣлъ ее спасти. Съ тѣхъ поръ все на землѣ по праву принадлежитъ жрецамъ.

Но когда факты не согласуются болѣе съ этимъ правомъ, то мифу приходится измѣняться. Правда, вся земля, снова доставшаяся людямъ, благодаря жертвоприношенію, принадлежитъ жрецамъ, но въ то время, какъ они въ тиши, вдали отъ всѣхъ, мирно проводятъ свою благочестивую жизнь, міряне, предоставленные самимъ себѣ, стали приходить въ столкновенія другъ съ другомъ, и жрецы увидѣли себя вынужденными вмѣшаться въ ихъ дѣла. Такимъ образомъ хотя люди и подчинились снова королевской власти, жрецы остались высшими лицами въ государствѣ. Это событіе въ мифахъ связывается съ различными полусторическими именами.

Но и самый процессъ жертвоприношенія у индійцевъ сдѣлался мифомъ. Жертвоприношеніе было покрыто для мірянина таинственностью, потому что производили его только жрецы, а они считались обладающими необыкновенными средствами, вполне обеспечивавшими успѣшность жертвоприношеній. Изъ ведійскихъ притчмы узнаемъ, что индійцы, поднося божеству жертвенную чашу, думали, что она по заклинанію жреца невидимымъ образомъ возносится въ небесное жилище божества и оттуда, наново наполненная, съ его благословіемъ возвращается въ руки жреца. То же представленіе вполне логически относилось къ самому жертвенному животному, и такимъ образомъ могли возникнуть цѣлыя мифы, рассказывающіе про путешествіе на небо козла, приготовленнаго къ жертвоприношенію. Конечно индійцу было весьма интересно узнать, какъ этотъ козель, чтобъ добраться до божества, проходитъ чрезъ всѣ небесныя пространства, что онъ тамъ видитъ и встрѣчаетъ на своемъ пути. Такія представленія, облеченныя въ повѣствовательную форму, дѣлаются мифами.

Второе весьма сильное побужденіе къ созданію мифовъ исходитъ отъ фетишизма, въ особенности, когда послѣдній въ своемъ основаніи сталъ непонятенъ народу. Это должно было когда-нибудь наступить, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ болѣе древнимъ фетишамъ. Энергичные народы, особенно народы-завоеватели, съ такой исключительностью предались уранизму, что на племена, оставшіяся при почитаніи

животныхъ, деревьевъ и камней въ качествѣ фетишей, смотрѣли какъ на низшія существа, ихъ представленія культа казались имъ грубымъ суевѣріемъ. Они забывали, что сами прошли это состояніе, а чтобы переживанія, которыя у нихъ сохранились въ достаточно большомъ количествѣ, не напоминали имъ о старинѣ, они охотно толковали ихъ въ новомъ духѣ.

По всей землѣ разбѣяны простые первобытные фетиши—нарочно поставленные или даже естественные камни. Въ нихъ, по древнѣйшему представленію, живетъ душа героя или даже самъ богъ, и тогда камень носить его имя. Въ позднѣйшее время является у человѣка вопросъ, какъ камень получилъ это имя, какъ онъ отождествился съ божествомъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ намъ даютъ перуанскіе мифы, которые, рассказывая о жизни какого-нибудь героя, въ заключеніе говорятъ: наконецъ онъ пришелъ туда-то и туда-то—и превратился въ камень». И камень этотъ можно всегда видѣть на опредѣленномъ мѣстѣ.

Такіе вопросы, какъ напр.: какъ можно сказать, что лавровое дерево есть нимфа?—въ классическомъ мѣрѣ были формулированы иначе: какъ нимфа стала лавровымъ деревомъ? Такой вопросъ уже наполовину заключаетъ въ себѣ отвѣтъ на него. Рассказчику уже не трудно присочинить какую нибудь мотивировку. Та своеобразная поэзія, съ которой мы знакомимся въ «Метаморфозахъ» Овидія, почти повсюду заимствуетъ свои мотивы изъ упомянутого нами главнаго вопроса: какъ какой нибудь предметъ или животное получили человѣческое имя и почему они стали разсматриваться какъ люди?

Само собой понятно, что поэтическое творчество не всегда работало по одному и тому-же шаблону; не всѣ фетишистическіе мифы построены по типу «Метаморфозъ». Какъ въ Римѣ еще въ позднѣйшее время «Юпитеръ-Лапшъ» представлялъ каменный фетишъ Юпитера, такъ и въ Дельфахъ существовалъ весьма древній «Зевсъ-камень», который быть-можетъ, какъ это было принято въ древнѣйшее время, для обозначенія его характера былъ обернуть въ матеріи. Хотя и сохранилось воспоминаніе о тѣсной связи этого камня съ Зевсомъ, но въ позднѣйшее время было утрачено ясное фетишистическое о немъ представленіе. А въ блестящихъ Дельфахъ уже никакъ не могли вѣрить, что нѣкогда, въ древнія времена, почиталось столь невзрачное божество. Поэтому отношенію между камнемъ и Зевсомъ было дано другое, болѣе подходящее объясненіе. Этотъ «камень-Зевсъ» былъ не настоящій Зевсъ, а поддѣльный. Богъ Зевсъ былъ спасенъ этимъ Зевсомъ-камнемъ, когда ему угрожала опасность быть проглоченнымъ Кроносомъ; тогда обернули этотъ камень въ пеленки и подали его вмѣсто Зевса обманутому такимъ образомъ Кроносу.

Что касается до римской мифологіи, то безъ большой натяжки можно сдѣлать предположеніе, что какое нибудь племя, жившее до римлянъ на мѣстѣ позднѣйшаго Рима, обозначало именемъ *Assa Larentia*, матери Ларовъ, и *Dea Dia* то же самое божество, фетишемъ котораго въ то время считалась волчица. Волкъ вообще какъ въ Италіи, такъ и въ Греціи является весьма распространеннымъ фетишемъ. И тутъ опять мифъ обращается къ различнымъ средствамъ, чтобы выразить одинъ и тотъ-же фактъ, а именно, что то предшествовавшее римлянамъ племя, которое представляетъ собой двѣнадцать семей, связанныхъ союзомъ мира и культа, вначалѣ подверглось нападенію племени, представителемъ котораго является Ромуль, а позже и совершенно подпало подъ власть болѣе молодого римскаго народа.

Первоначально было безразлично, рассказывалось-ли что-нибудь о «волчицѣ» или «матери Ларовъ», такъ какъ всѣ хорошо знали, что онѣ обѣ находятся въ такомъ-же отношеніи другъ къ другу, какъ духъ человѣка къ его тѣлу. Для позд-

нѣйшаго времени, — а римляне вѣдь, какъ мы знаемъ, довольно поздно стали записывать сказанія, — такое соединеніе представлялось уже загадочнымъ, и оба эти понятія отдѣлились другъ отъ друга. Такимъ образомъ изъ одного мифа образовалось два, а скоро, благодаря толкованіямъ, и еще больше.

Одинъ мифъ рассказывалъ, будто Акса Ларентія была матерью двѣнадцати сыновей, съ которыми она вмѣстѣ устраивала ежегодныя праздничныя пиршества, какъ это было принято въ семейныхъ союзахъ. Но вотъ умеръ одинъ изъ ея сыновей и мать взяла Ромула вмѣсто сына, такъ что онъ съ тѣхъ поръ сталъ участникомъ этихъ ежегодныхъ пиршествъ. Послѣ всего вышесказаннаго читателю врядъ-ли покажется смѣлымъ названіе сыновьями всѣхъ приносящихъ жертвы какому нибудь материнскому божеству. Въ такомъ случаѣ точно также врядъ-ли подлежитъ сомнѣнію, что рассказчику было извѣстенъ тотъ фактъ, что племя, представителемъ котораго является Ромулъ, не находилось ни въ какихъ родственныхъ отношеніяхъ къ союзу мира, объединенному культамъ Акса Ларентія, но что это племя тѣмъ не менѣе, будучи чуждымъ этому союзу, было послѣднимъ принято въ свою среду.

Въ *другомъ* мифѣ божество, являющееся уже въ первомъ мифѣ матерью людей, принимаетъ еще болѣе человѣческой характеръ; остальные-же факты передаются обоими мифами совершенно одинаково: Ромулъ и Ремъ — не сыновья Акки, но, какъ это весьма часто встрѣчается въ подобныхъ сказаніяхъ, — являются подкидышами. Найденные кѣмъ-то, они были ей принесены, и такимъ образомъ она сдѣлалась ихъ пріемной матерью.

Третій мифъ, въ послѣдствіи приведенный въ связь со вторымъ, отличается только тѣмъ, что онъ вводитъ въ рассказъ названіе фетиша вмѣсто имени божества, которое впрочемъ и было только нарицательнымъ именемъ. Ромулъ и Ремъ были чужестранцами среди древнѣйшихъ племенъ Лациума, они были сюда брошены какъ подкидыши, и вотъ волчица нашла ихъ и сдѣлалась ихъ кормилицей и матерью. Но какъ мало римлянинъ, добросовѣстнѣйшимъ образомъ отправлявшій извѣстныя обязательныя религиозныя дѣйствія въ честь забытой богини, имѣлъ желанія и способность сохранить свои преданія, показываетъ все болѣе и болѣе увеличивавшееся искаженіе факта въ дальнѣйшихъ мифахъ. Исторически достоверными фактами являются паденіе того древняго союза, о которомъ мы говорили выше, и господство на его мѣстѣ новаго римскаго союза, равно какъ и то, что римское государство съ тѣхъ поръ владѣетъ храмовыми имуществами того древняго союза и за то исполняетъ его религиозныя обязательства. Такъ какъ на латинскомъ языкѣ «lupa» значитъ волчица, то мифу дѣйствительно ничего не оставалось какъ сказать, что lupa сдѣлала римское государство наслѣдникомъ своихъ богатствъ. Но это требовало слишкомъ большой вѣры, которой не было у позднѣйшихъ поколѣній.

Уже одно то, что волчица вскормила двухъ грудныхъ младенцевъ вмѣсто того, чтобы ихъ пожрать, является достаточно большимъ чудомъ, но у колыбели такого великаго государства, какимъ былъ Римъ, должны были происходить чудеса, а такое чудо вполне вѣроятно. Къ тому-же въ Римѣ хранилось изображеніе этой волчицы, и если оно не было уже какъ нѣкогда, предметомъ культа во всѣхъ отношеніяхъ, то все-таки оставалось священнымъ воспоминаніемъ, и такому разсказу охотно продолжали вѣрить. Но чтобы волчица владѣла также храмовыми землями и сдѣлала-бы завѣщаніе — этому уже не могли вѣрить! Здѣсь мы видимъ, какъ рационализмъ строитъ новые мифы взамѣнъ тѣхъ старыхъ, которые онъ хочетъ уничтожить. Такъ, въ позднѣйшія времена людямъ, замѣтившимъ, что слово «lupa», кромѣ волчицы, значитъ еще и публичная женщина, пришло на мысль дать другое

объясненіе этому факту. Найти его было вовсе не трудно для умниковъ. Публичная женщина можетъ иногда приобрести большія богатства и у нея можетъ также явиться желаніе предложить ихъ государству съ условіемъ обратить ихъ на спасеніе ея души. Поэтому наконецъ стали разсказывать, что Асса Larentia—но тогда она должна была-бы быть моложе — была женщина легкаго поведенія, отличавшаяся красотой; она нашла себѣ весьма богатаго пожилого покровителя, отъ котораго къ ней перешли громадныя сокровища; ихъ-то она и пожертвовала городу Риму передъ своей смертью. Нельзя сказать, чтобы въ этомъ римскомъ мифѣ проявился особенно широкой полетъ фантазіи.

Небольшое видоизмѣненіе фетишистическихъ мифовъ, отъ которыхъ мышьскольکو отклонились въ сторону, представляютъ тѣ, которые можно назвать *темными* мифами; впрочемъ, точнаго разграниченія между ними провести нельзя. Если фетишемъ высшаго народнаго божества, хотя бы оно было только семейнымъ божествомъ предводителя племени, служить какое либо животное, то оно въ международныхъ такъ сказать, сношеніяхъ является знакомъ, тотемомъ всего племени. Такъ, у арийцевъ, вторгнувшихся въ Индію, всѣ древніе обитатели ея обозначались тотемомъ *змеи*, они всѣ представлялись имъ *змиными* народами и ихъ сраженія съ ними были сраженія со змѣями и змѣиными царями. Индійскіе завоеватели умирали даже иногда отъ «укушенія змѣиного царя».

Такъ, по греческому преданію, въ Элладѣ появляется аиксовый или козлиный народъ, который дѣлаетъ хищническіе набѣги на берега Эгейскаго моря, названнаго по его имени. Въ этомъ мифѣ тѣмъ болѣе слѣдуетъ видѣть подобный же тотемъ, что коза, какъ фетишъ, и богъ съ козлиными ногами часто встрѣчались въ Элладѣ. Но другой вариантъ того-же мифа предпочитаетъ сохранить эту картину и изображаетъ хищническіе набѣги, которымъ подвергалась Греція, какъ опустошительное нашествіе фантастическаго чудовища, Эгиды, которая была затѣмъ побуждена афинскимъ государствомъ, представленнымъ въ мифѣ также подъ именемъ божества Паллады-Афины.

На самомъ дѣлѣ народъ, представителемъ котораго тутъ является Эгида, слился съ другими племенами Аттики. Не всегда впрочемъ мифъ употребляетъ имя животнаго-тотема для обозначенія цѣлаго народа, часто онъ выражается такъ, что животное-тотемъ былъ предводителемъ цѣлаго народа, какъ это на самомъ дѣлѣ было у египтянъ, войска которыхъ слѣдовали за своими божествами, изображенными въ видѣ животныхъ или, какъ это еще до сихъ поръ говорятъ: «орлы летѣли впереди легионовъ». Въ Италіи не только волки, но и дятлы предводительствовали переселявшимися дружинами. Такъ какъ змѣя была нѣкогда наиболѣе обычнымъ фетишемъ, то она и упоминается чаще всего какъ предводительница переселенцевъ. Поэтому часто встрѣчается сказаніе, что тамъ, гдѣ легла змѣя, построили алтарь для новой общины.

Съ распространеніемъ ураническихъ фетишей открываεται для мифовъ совершенно новый кругъ представленій. И въ самомъ началѣ мы видимъ здѣсь не одно только символическое выраженіе, а вполне реальную, историческую послѣдовательность, которая состоитъ въ томъ, что фетишемъ женскихъ и материнскихъ божествъ является земля, а фетишемъ отеческихъ божествъ, представителей развивающагося отцовскаго права, является небо. Какъ только эти факты получили мифологическое выраженіе, они послужили богатымъ матеріаломъ для умозрѣнія, колебавшагося между религіознымъ и физическимъ толкованіемъ. Позднѣйшая мифологія сдѣлала изъ этого выводъ, что небо и земля представляютъ собой супружескую чету, а потому всѣ вещи—ихъ дѣти.

Религіозное сознаніе, выросшее на почвѣ культа, было чуждо такихъ мыслей,

но для мифологического творчества, преслѣдующаго свои собственные цѣли, онѣ были весьма плодотворны.

Приуроченіе понятія о божествѣ къ созвѣздіямъ могло привести къ созданію цѣлаго ученія; это ученіе могло принять ту поэтическую форму, въ которой греки и ихъ римскіе подражатели сочиняли свои басни о поѣздкахъ бога солнца, Фаэтона, или строго точную форму, которая получила свое развитіе у египтянъ и халдеевъ, или наконецъ позднѣйшую рационалистическую форму, съ которой мы встрѣчаемся въ Индіи и въ Римѣ позднѣйшихъ временъ.

Движеніе солнца, луны и планетъ черезъ «дома» неба, какъ называли созвѣздія, въ соединеніи съ представленіями о нихъ, часто связывавшимися съ животными фетишами, однакоже послужило богатымъ матеріаломъ какъ для романтическихъ повѣствованій, такъ и календарныхъ опредѣленій и астрологическихъ комбинацій. Не подлежитъ сомнѣнію, что на этой почвѣ слѣдуетъ искать весьма многіе мифическіе элементы, но неправильно думать, что все мифологическое или религіозное мышленіе первобытнаго человѣка направлялось только на солнце и утреннюю зарю, вѣтеръ и грозу. Еслибы религія древняго человѣка была только извѣстнымъ рядомъ впечатлѣній, производимыхъ на его чувства астрономическими явленіями, то народныя массы должны были бы имѣть весьма смутное понятіе о религіи, чтó совершенно не сообразно съ громадными тратами на культъ. Напротивъ того, самое появленіе физическаго истолкованія религіозныхъ представленій есть доказательство того, что они обветшали и пережили себя. Древніе думали, что жрецы Асклепія вылечиваютъ больныхъ при помощи этого бога и что это божество ихъ семьи и предковъ есть реальная, индивидуальная духовная личность. Только болѣе позднія поколѣнія въ своемъ скептицизмѣ

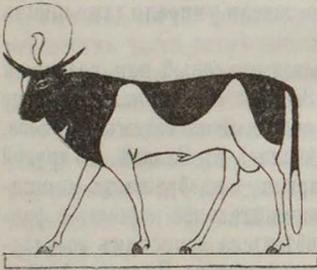

Рис. 80.—Аписъ.

стали искать другого объясненія этимъ фактамъ, и Павзанію кажется не совсѣмъ невѣроятнымъ доврѣнное ему къмъ-то по секрету предположеніе, что Асклепій въ сущности только *воздухъ*, который именно и дѣлаетъ человѣка здоровымъ. Такъ, въ Индіи, какъ и въ другихъ мѣстахъ, оставалось неопровержимымъ то древнее мнѣніе, что приносимыя жертвы божество беретъ къ себѣ и что, если онѣ ей были приятны, посылаетъ за то людямъ дождь; но позже явилось другое объясненіе, принадлежавшее жрецамъ: дымъ отъ жертвъ, говорили они, — точно существовало только всесоженіе — поднимается къ облакамъ и возвращается на землю въ видѣ дождя. Одно время, когда прежнія религіозныя понятія стали такъ разлагаться, была слѣдствіемъ попытка дать мифологическое объясненіе всей этой массѣ чудесныхъ представленій о природѣ, которыми область религіи была такъ полна во все времена и даже въ наше время. Такимъ образомъ создалось совершенно невѣрное представленіе о первобытной религіи.

Другой весьма распространенный видъ фетишистическихъ мифовъ возникаетъ такимъ образомъ, что богу приписываются свойства, дѣйствія и поступки фетишей. Въ живописи и валяніи этотъ приѣмъ почти необходимъ для болѣе точнаго изображенія личности. Различно развитый вкусъ и художественный тактъ направили при этомъ различные народы по различнымъ путямъ.

Грубые народы, лишенные художественнаго вкуса, преслѣдуя только ближай-

ную цѣль, создали болѣе или менѣе безвкусныя произведенія, причемъ у всѣхъ видна склонность сдѣлать человѣческую фигуру настоящимъ носителемъ божественныхъ свойствъ, а признаки фетиша прибавить только для болѣе точной характеристики. Они такимъ образомъ получили только придаточное, эмблематическое значеніе. Но какъ бы то ни было, умѣнье соединить одно съ другимъ служить для насъ мѣриломъ изящнаго вкуса. Одинъ перуанскій мифъ передаетъ, что «сыновей солнца» представляли себѣ въ видѣ человѣческихъ тѣлъ съ блестящими солнечными дисками вмѣсто лица. По всей вѣроятности изображенія въ храмѣ въ Кучко имѣли такой же видъ. То же самое мы встрѣчаемъ въ сущности и въ Египтѣ. Египтянина нисколько не поражаало безобразіе такого соединенія, если только оно отвѣчало его требованіямъ; вѣдь мы не должны забывать, что его изображенія боговъ прежде всего были для него предметами культа, а вовсе не произведенія искусства. Египтяне знали не только настоящихъ, живыхъ животныхъ фетишей, какъ напр. аписъ, крокодилъ, кошка и т. п., но также и изображенія ихъ, какъ напр. весьма часто встрѣчающееся изображеніе шакала, которое, подобно римскимъ орламъ и нашимъ знаменамъ, носили на древкахъ. Для боговъ же, явившихся съ опредѣленнымъ человѣческимъ именемъ, и египтянинъ также выбралъ преимущественно человѣческое изображеніе, но совершенно такъ же, какъ у перуанцевъ, они являются съ головой фетиша. А если то же самое божество соединялось съ небеснымъ фетишемъ, то, какъ украшеніе вокругъ его головы, появлялся знакъ зодіака. Въ одномъ извѣстномъ памятникѣ, который слѣдуетъ считать египетскимъ изображеніемъ божества вообще, представлены вмѣстѣ безъ всякаго соединенія съ человѣческимъ тѣломъ змѣя, крылья перепелятника и солнечный дискъ—все весьма распространенныя фетиши (рис. 82).

И даже греческое искусство древнѣйшихъ временъ не находило ничего страннаго и некрасиваго въ такихъ произведеніяхъ, служившихъ исключительно требованіямъ культа и соответствовавшихъ религіознымъ воззрѣніямъ. Но мало по малу изображенія боговъ стали получать столь совершенную форму, что художественность взяла верхъ надъ требованіями культа. Подобно тому какъ въ египетскомъ Бубастѣ кошки считались «священнымъ» животнымъ и безпрепятственно разводились въ громадномъ количествѣ, потому что мѣстное божество Бастъ имѣло своимъ фетишемъ кошку и потому изображалось съ головой кошки, такъ въ Афинахъ, гдѣ сохранилось такое же почитаніе и уходиваніе за совами, эта птица по всей вѣроятности также была фетишемъ мѣстнаго божества, на что указываютъ еще нѣкоторые другіе факты; но никакой греческій художникъ позднѣйшаго времени не рѣшился бы однако нарушить идеальную красоту Афины-Паллады, изобразивъ ее съ головой совы. Эта священная птица могла во всякомъ случаѣ сдѣлаться украшеніемъ шлема богини или же склониться къ ногамъ ея, въ качествѣ «символа», и вотъ мѣстамъ предстояла новая задача дать объясненіе этому символу.

Въ такого рода созданіи мифовъ роль фетишизма не могла быть такъ велика, какъ аналогичная его роль въ области пластики; но тамъ и самъ она все-таки за-

Рис. 81.—Анубисъ.

мѣтна, и трудно сказать, какъ часто остается для насъ скрытой степень его участія въ мифахъ, еще до сихъ поръ не поддающихся объясненію. Типичнымъ мифомъ такого рода является слѣдующій примѣръ изъ индійской мифологіи. Агни, индійскій богъ, представляется въ видѣ духа, живущаго въ фетишѣ огненнаго пламени, — роль фетишизма, который связываетъ культъ индійскихъ арийцевъ съ культомъ древнихъ персовъ, а послѣдній съ культомъ номадовъ Центральной и Сѣверной Азіи. И въ Индіи также добывался огонь по старому способу, путемъ тренія двухъ кусковъ дерева, которые такимъ образомъ воспламенялись. Стоитъ только по обыкновенію отождествить фетишъ съ духомъ, чтобы получить тотъ мифъ, который дѣйствительно разсказывается въ гимнахъ. Агни есть дитя родителей — кусковъ дерева — не имѣющихъ груди; какъ только мальчикъ рождается, онъ сейчасъ же пожираетъ собственныхъ родителей и разноситъ далеко по странѣ эту вѣсть. Если не обратить здѣсь вниманія на фактъ добыванія огня, то такой разсказъ можетъ показаться достаточно чудеснымъ, чтобы получить выраженіе въ какомъ нибудь стихотворномъ произведеніи, конечно безъ всякаго отношенія къ самому факту добыванія огня.

Возвратимся еще къ нѣсколькимъ особенно замѣчательнымъ группамъ мифовъ. Еще даже въ историческія времена четыре корпуса египетской боевой арміи не просто

Рис. 82.—Окрыленное Солнце.

назывались по имени четырехъ главныхъ боговъ, а были отданы въ обладаніе этимъ богамъ, считавшимся нѣкогда въ Египтѣ верховными предводителями. Они появлялись на полѣ сраженія въ своихъ фетишахъ, имѣли въ лагерь свои храмы, которые переносились съ мѣста на мѣсто, и въ наиболѣ критическія минуты къ нимъ можно было обращаться за разрѣшеніемъ нѣкоторыхъ вопросовъ совершенно такъ же, какъ Давидъ передъ тѣмъ, какъ предпринять что нибудь, спрашивалъ свой оракулъ: «выступить-ли мнѣ?» «выйду-ли я побѣдителемъ?» «вернусь-ли?» Слѣдовательно они дѣйствительно были предводителями. Такимъ образомъ въ Египтѣ былъ корпусъ Пта, корпусъ Ра, корпусъ Аммона и наполовину чужеземный корпусъ Сутеха.

Съ теченіемъ времени мѣнялись цари и полководцы, и не одно ихъ имя было забыто, прежде чѣмъ оно доходило до сосѣдей. Но тѣмъ не менѣ божественные предводители войска оставались всегда тѣ-же. И врядъ-ли сосѣди египтянъ въ разсказахъ о войнахъ упоминали каждый разъ о столькихъ-то и столькихъ-то корпусахъ подъ предводительствомъ полководца А короля Б. Гораздо вѣроятнѣе, что они говорили объ арміяхъ Аммона и Сутеха и о тѣхъ временахъ, когда эти боги были нѣкогда врагами и противниками другъ друга.

Такъ по крайней мѣрѣ всегда разсказывается въ древнѣйшей исторіи и сказаніяхъ. Какое нибудь племя, дружина или отрядъ викинга ничѣмъ инымъ не характеризуется такъ ясно, какъ именемъ и знакомъ предводительствующаго божества, да и корабельный знакъ и знамя суть не что иное, какъ фетишъ, измѣненный соответственно позднѣйшему представленію; поэтому то такъ часто встрѣчаются въ качествѣ подобныхъ знаковъ змѣи, драконы и хищные звѣри. Это всегда тѣ боги.

которые по древнѣйшему представленію вели войны; да и развѣ евреи не вели «войны Іеговы», гусситы не были «воинами Бога»? И даже въ Греціи позднѣйшихъ временъ это было больше, чѣмъ только извѣстный способъ выраженія: боги не только помогали на войнѣ своими совѣтами, но даже и деньгами, открывая для этого свои сокровищницы.

Въ такомъ случаѣ врядъ-ли возможно было, чтобы въ миѣи не проникла исторія народовъ и племенъ, исторія ихъ судебъ, особенно ихъ побѣдъ и завоеваній. Это было тѣмъ болѣе неизбежно, что самый культъ существеннѣйшимъ образомъ измѣнился подъ вліяніемъ такихъ событій. И въ Греціи также повсюду является наиболѣе древнимъ культомъ — культъ матери-земли и самымъ древнимъ фетишемъ — змѣя. Последняя, какъ и въ Индіи, принадлежитъ тѣмъ народамъ, которыхъ мы въ сравненіи съ позднѣйшими завоевателями можемъ назвать первобытными жителями страны. Но если такой позднѣйшій народъ завоевалъ какую-нибудь мѣстность подъ предводительствомъ бога, носящаго имя Аполлона, то къ прежнему культу необходимо присоединился также культъ Аполлона — это давало неоспоримое право рассказывать, что тогда произошла здѣсь перемѣна объектовъ культа.

Такого рода миѣи стали для насъ еще потому менѣе понятными, что почти повсюду къ нимъ присоединились затемняющіе ихъ смыслъ фетишистическіе миѣи. О змѣинныхъ сраженіяхъ въ древней Индіи уже было нами выше упомянуто. Они внѣ всякаго сомнѣнія содержатъ въ себѣ свидѣтельство о покореніи и истребленіи арійцами древняго населенія Индіи. Весьма часто рассказывается, какъ люди хотѣли сразу сжечь въ лѣсу всѣхъ змѣй и какъ тогда какой нибудь арійскій богъ спасалъ ту или другую змѣю отъ смерти.

Арійскій богъ Вишну представляется въ фетишѣ ястреба Гаруда, онъ — его носитель по воздуху, онъ — его «повозка», а въ позднѣйшее время — «эмблема». Вишну — божественный предводитель одного завоевательнаго племени, появляющагося только въ позднѣйшее время; древнѣйшіе-же пришельцы находятся подъ властью Индры. Между обѣими группами не всегда царствуютъ миръ и согласіе; равнымъ образомъ не всегда онѣ дѣйствуютъ сообща противъ первобытнаго населенія: напротивъ того, та или другая группа подчасъ временно соединяется съ этимъ самымъ первобытнымъ населеніемъ. Гаруда былъ нѣкогда самостоятельнымъ богомъ, но потомъ сталъ подвластнымъ Вишну. Объ этомъ поэма Магабгарата содержитъ слѣдующій миѣи. У Индры былъ возница, по имени Мантали. Этотъ аріецъ выбралъ себѣ въ зятя внука «змѣинаго бога», Сумукту. Ястребъ Гаруда хотѣлъ этого Сумукту — «змѣю» — съѣсть. Но Мантали удалось испросить для Сумукты защиту у Индры, и послѣдній обѣщаетъ Сумуктѣ долгую жизнь. Тогда Гаруда приходитъ къ Индрѣ и доказываетъ, что при такомъ образѣ дѣйствій они оба могутъ лишиться власти. Чтобы обезпечить себя на будущее время отъ такихъ случаевъ, онъ предлагаетъ себя въ его распоряженіе, хочетъ ему служить и обѣщаетъ больше не заботиться объ его соперникѣ, Вишну. Но объ этомъ узнаетъ Вишну, онъ подходитъ къ Гарудѣ, кладетъ ему на плечо лѣвую руку, и Гаруда падаетъ безъ чувствъ на

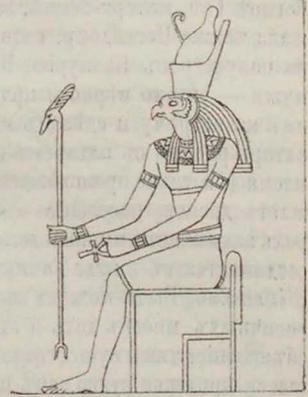

Рис. 83. — Горь.

землю. Съ тѣхъ поръ онъ безусловно признаетъ надъ собою власть Вишну и становится его союзникомъ.

Подобныя-же сказанія о змѣяхъ имѣются также у грековъ. Дельфы въ первобытную эпоху были мѣстомъ хтоническаго культа. Еще изъ тѣхъ временъ сохранилась старая могильная пещера и жрица женскаго земнаго божества. Она же была собственно посредницей оракула, а жрецы Аполлона только завладѣли этимъ мѣстомъ. Объ этомъ рассказываетъ слѣдующій мифъ: Аполлонъ удалился однажды изъ «страны у Олимпа», чтобы поискать мѣста для устройства оракула. Онъ направился черезъ Македонію и Тессалію въ Эвбею и вернувшись затѣмъ въ Беотію, наконецъ по долинѣ Кефисса прибылъ въ Криссу. Въ этой долинѣ жили флегійцы, «которые не заботились о Зевсѣ». Но у источника лежалъ здѣсь драконъ Пифонъ. Аполлонъ убилъ его, чтобы основать для себя на этомъ мѣстѣ святилище.

Этотъ переходъ Дельфовъ къ новому обладателю былъ не первый, о которомъ рассказываетъ намъ такимъ образомъ мифъ, но также и не послѣдній. Какъ гласитъ сказаніе о дельфійскомъ храмѣ, это мѣсто оракула принадлежало первоначально богинѣ Геѣ, матери-землѣ, затѣмъ Ѡемидѣ, наконецъ извѣстная доля его принадлежала также Посейдону, который впрочемъ отдалъ свою часть Аполлону въ обмѣнъ на полуостровъ Калаурію. Но потомъ къ Аполлону пришли изъ за моря критскіе мужи — они-то вѣрно и принесли съ собою Зевсъ-камень — онъ дружески пошелъ имъ на встрѣчу и сбѣлалъ ихъ стражами своего святилища, а они поставили ему алтарь рядомъ съ алтаремъ ихъ Зевса. Слѣдовательно, между тѣмъ какъ дорическое племя (на такое происхожденіе его указываетъ предводительство Аполлона) уничтожаетъ древнее населеніе — «убиваетъ дракона» — этотъ-же самый дорическій народъ заключаетъ мирный договоръ съ какимъ-то родственнымъ племенемъ и братски соединяется съ нимъ. Такимъ образомъ Аполлонъ становится *тирійскимъ* и *дельфійскимъ*. Быть-можетъ въ позднѣйшее время желали въ духѣ безчисленныхъ аналогичныхъ мифовъ дать и этому послѣднему названію Аполлона фетишистическое объясненіе; такъ существовалъ рассказъ, что когда Аполлонъ увидѣлъ приближающееся критское судно, онъ превратился въ дельфина и привелъ его къ берегу.

Въ до-эллинскую эпоху въ Греціи такъ-же господствовали змѣи, какъ въ Индіи до завоеванія ея арійцами; даже Олимпъ, позднѣйшее гомеровское мѣстопребываніе боговъ, находился въ ихъ обладаніи. Одинъ мифъ рассказываетъ, что здѣсь до временъ Кроноса господствовалъ змѣиный богъ, Офіонъ, и что только въ борьбѣ съ Кроносомъ онъ былъ побѣжденъ и удаленъ. Но имя змѣи Офісѣ, Офіонѣ всегда является свидѣтельствомъ сѣдой старины. Такъ, подъ именемъ Офісѣ была извѣстна змѣя, древнѣйшій властитель на Саламинѣ. Древнѣйшіе поселенцы Кекропесъ и Эрехтей имѣютъ змѣиныя тѣла; Кадмъ и Гармонія, какъ гласитъ мифъ, рождаются въ видѣ змѣи. Наконецъ гиганты, которые въ великой борьбѣ древнихъ и новыхъ боговъ были на сторонѣ первыхъ, какъ чисто хтоническій родъ, имѣютъ змѣиныя тѣла, а ихъ предводитель носить имя Офіона.

Подобное-же толкованіе какъ-бы само напрашивается для объясненія мифа о спорѣ Аены и Посейдона, т. е. о борьбѣ, происходившей въ Атикѣ между двумя народцами, изъ которыхъ одинъ занимался разведеніемъ маслины, другой — разведеніемъ лошадей. Но также весьма вѣроятно, что большая часть наиболѣе извѣстныхъ мифовъ о герояхъ относится къ группѣ подобныхъ-же историческихъ мифовъ. Въдъ вся исторія такъ называемаго «героническаго періода» есть одна только борьба позднѣйшихъ организацій съ первобытнымъ населеніемъ. Но эта борьба направлена преимущественно противъ тѣхъ народовъ, которые отличаются совершеннымъ отсут-

ствіемъ всякаго общественнаго устройства или-же слабой, матриархальной организаціей, а въ области культа—животнымъ фетишизмомъ. Поэтому ничуть не удивительно, если и миѳъ характеризуетъ эту борьбу такими признаками. Повсюду, гдѣ только имѣли мѣсто такія столкновенія, является индивидуализированный носитель этой борьбы и особый представитель этого воинственнаго періода. Все это миѳология сосредоточила въ одномъ Геркулесѣ, а такъ какъ миѳъ все-таки считается такъ же и съ фактами, то этому одному Геркулесу приходилось появляться всюду, гдѣ только происходили геркулесовскіе подвиги.

Наиболѣе замѣчательной чертой этого героя является его вражда къ женщинамъ; онъ, говоритъ миѳъ, «мизогинъ» (женоненавистникъ), желающій освободить весь міръ отъ будто-бы все угнетающаго «господства женщины». Въ рассказы о его «подвигахъ» и «работахъ» несомнѣнно вошли и другіе элементы, но такія сраженія его, какъ съ быкомъ, со львомъ, съ кабаномъ, съ птицами и въ особенности съ многоглавой змѣей, у которой взамѣнъ отрубленной головы выростала новая, очевидно относятся къ борьбѣ съ первобытными народами, свойства которыхъ такъ или иначе характеризуются такими животными фетишами. Особенно-же хорошо изображеніе многоглавой гидры для характеристики неорганизованныхъ толпъ, которыя кажутся непобѣдимыми именно вслѣдствіе отсутствія главы организаціи—предводителя. Сюда-же слѣдовало-бы такъ же отнести и миѳы о Тезеѣ.

Напротивъ того циклъ миѳовъ о Діонисѣ, Вакхѣ, Деметрѣ относится сюда только отчасти, главнымъ-же образомъ эти миѳы являются религіозными и изображаютъ освобожденіе человѣка отъ человѣческихъ жертвоприношеній въ эпоху побѣды новой культуры надъ старой. Побѣдоносное движеніе впередъ этой культуры, характеризующейся разведеніемъ виноградной лозы, ея триумфальное шествіе послѣ побѣды надъ амазонками, побѣжденными носительницами древняго порядка,—все это опять таки находится въ тѣснѣйшей связи съ историческими событіями героическаго періода.

Побѣдители и побѣжденные стояли въ этой борьбѣ другъ противъ друга, какъ характеризующіе ихъ культы подземнаго міра и неба... Боги живутъ наверху, на небѣ, а сыны Геи, гиганты, стремятся наверхъ снизу, съ земли. Паденіе древняго культа изображается въ миѳѣ какъ удаленіе его въ Оркъ, въ подземное царство. И народы, поклонявшіеся культу Кроноса, лишились своего господства — Кроносъ былъ низверженъ Зевсомъ въ Оркъ. Вмѣстѣ съ нимъ были туда низвержены титаны, и миѳъ старается придумать для этого изгнанія этические мотивы. Богъ, который упоминался только для полноты миѳологической системы, но не имѣлъ на землѣ ни власти, ни культа, ни сыновей, т. е. на происхожденіе отъ котораго не ссылался ни одинъ царь, подвергается въ миѳѣ, подобно Урану, кастраціи.

Наконецъ великая борьба прекращается; древнее населеніе покорено, но не уничтожено; оно вошло въ составъ новой государственной организаціи и въ ней снова сдѣлалось факторомъ, имѣющимъ извѣстное значеніе. Равнымъ образомъ къ богамъ греческаго народа присоединились боги культа древняго населенія или, говоря языкомъ миѳовъ, они заявили притязаніе подняться на Олимпъ. Здѣсь опять возникаетъ особенный видъ миѳовъ, которые можно назвать *рецепціонными* миѳами. Такой миѳъ имѣетъ цѣлью дать объясненіе противорѣчивому факту, что хтоническій богъ принадлежитъ къ сонму олимпійскихъ боговъ. Два болѣе распространенные культа древнѣйшаго населенія—это культъ Деметры и Гермеса. Эти боги, пережившіе всѣ превратности судебъ и оба принадлежащіе къ сонму олимпійцевъ, все-таки еще знаютъ, что ихъ мѣстопребываніе—царство мертвыхъ.

Миѳъ раздѣляетъ небо и подземный міръ между Деметрой и ея дочерью, но эта дочь, Персефона, есть въ сущности опять-таки сама Деметра, только подъ новымъ именемъ. Она—супруга бога подземнаго міра, но высшіе боги заставили его заключить договоръ, по которому онъ только на половину ея пользуется. Наполовину она принадлежитъ надземному міру, наполовину—подземному; она богиня какъ древняго, такъ и новаго времени. Гермесъ-же, вѣстникъ боговъ, долженъ вѣчно находиться на пути отъ надземнаго міра къ подземному: онъ допускается на Олимпъ, но тѣмъ не менѣе не долженъ забывать своей обязанности сопровождать, какъ богъ мертвыхъ, души въ царство могилъ.

Особый родъ миѳовъ образуютъ мѣстные реценціонные миѳы, объясняющіе то явленіе, что то или иное мѣсто культа въ одно и то-же время принадлежитъ нѣсколькимъ божествамъ, изъ которыхъ въ данное время всегда одно является преобладающимъ надъ другими. Миѳы объясняютъ это преобладаніе довольно различнымъ образомъ.

Дорійцы покорили и разрушили Амиклы; поэтому святилище Гіакинѳа, которому до тѣхъ поръ поклонялись амиклійцы, стало храмомъ побѣдителя Аполлона. Но у жителей Амиклъ сохранилось воспоминаніе, что подъ колонной побѣдителя находится могила ихъ героя, и съ жертвоприношеніемъ въ честь Аполлона они соединили хтоническую жертву въ честь Гіакинѳа. Въ концѣ концовъ побѣдители слились съ побѣжденными, и миѳъ довольно смѣло рассказываетъ, что Гіакинѳъ при жизни находился въ любовной связи съ Аполлономъ и поэтому былъ похороненъ въ его храмѣ.—Передъ вторженіемъ дорійцевъ подъ предводительствомъ Аполлона ахейцы почитали, какъ рассказываетъ объ этомъ Павзаній, бога, по имени Карней. Побѣдитель Аполлонъ присоединилъ его имя къ своему, и нѣкая поэтесса, Праксиха, создала по этому поводу миѳъ, который говоритъ, что Карней былъ пріемный сынъ Аполлона и Латоны. Совершенно такъ-же, какъ въ Амиклахъ, Аполлонъ водворился въ Фивахъ въ святилищѣ Исменія, и миѳъ передаетъ, что Исменій былъ сынъ Аполлона.

Всѣ эти упомянутые нами факты существовали конечно раньше миѳовъ, которые къ нимъ только были приурочены. Для того, кто въ этомъ еще сомнѣвается, доказательствомъ можетъ послужить то разнообразіе попытокъ, которыя дѣлались въ нѣкоторыхъ случаяхъ для объясненія всегда одного и того же факта.

И Паллада-Аѳина, красивѣйшее божеское изображеніе грековъ, при основаніи своего господства на аѳинскомъ акрополѣ, нашла уже тамъ предтечу; то была, называя именемъ фетиша, Змѣя, или, употребляя названіе человѣка, Эрехтей—древній обитатель. Уже въ Одиссеѣ рассказывается, что онъ жилъ въ домѣ, который стоялъ на горѣ; въ этомъ-то святилищѣ водворилась богиня Аѳина-Паллада (защитница города). Существовалъ миѳъ, по всей вѣроятности, древнѣйшаго происхожденія, рассказанный нѣкимъ Филостратомъ, который даетъ этому соотношенію самое обыкновенное объясненіе, называя Аѳину матерью Эрехтея. Но между тѣмъ изъ другихъ элементовъ составилъ миѳъ о дѣвственности богини Аѳины, покровительницы искусствъ и мужественной властительницы Аѳинъ, и тогда вышеуказанное объясненіе стало уже непригоднымъ. Поэтому еще одинъ миѳъ рассказываетъ, что туземецъ Эрехтей (или Эрехтоній) родился изъ матери-земли какъ змѣя; дѣвственная-же Аѳина сдѣлалась его пріемной матерью.

И тутъ опять пластическое искусство шло рядомъ съ поэтическимъ творчествомъ, и оно по примѣру поэзіи стало стремиться соединить историческіе факты въ одну картину.

Въ немногихъ словахъ дѣло сводится къ слѣдующему: Аѳина, представлявшаяся

первоначально человѣку въ фетишѣ совы, побѣдила въ акрополѣ фетишъ змѣи или по крайней мѣрѣ изгнала его и убила чудовище эгиду, представленіе о которой развилось изъ тотема-козы чужеземнаго народа. Потому-то Афина изображается съ совой на шлемѣ, съ змѣей, извивающейся вокругъ плечь, а грудь ея покрывается трофеей—козья шерсть, эгида.

Та мифологическая почва, которой мы до сихъ поръ занимались, находилась въ предѣлахъ области культа, хотя, изслѣдуя вліяніе фетишизма, мы, такъ сказать, приблизились къ ея границамъ. Почву, на которой развиваются такіе *адоптивные* (пріуроченные) мифы, представляетъ жизнь природы и людей. Хотя такой привитой мифъ въ его окончателной формѣ совершенно сходенъ съ самымъ настоящимъ, тѣмъ не менѣе онъ существенно отличается отъ послѣдняго тѣмъ, что не предметъ культа даетъ содержаніе всему разсказу, но какое-нибудь самодавлющее дѣйствіе приписывается тому или другому лицу изъ области культа, или вообще ставить это дѣйствіе въ связь съ извѣстной личностью и такимъ образомъ привлекаетъ вниманіе слушателя. Наибольшее распространеніе въ народѣ, разумѣется, получить тотъ разсказъ, который связанъ съ именемъ наиболѣе почитаемаго бога.

Такимъ образомъ всѣ героическія сказанія народа могутъ получить мифологическую окраску, вовсе не будучи во всѣхъ своихъ частяхъ настоящимъ мифомъ, т. е. повѣствованіемъ о предметахъ и понятіяхъ культа. Такъ, «Одиссея» заключаетъ въ себѣ превосходнѣйшія картины изъ исторіи культуры на различныхъ ступеняхъ ея развитія, которыя представляютъ вполне самостоятельный интересъ. Разсказъ о Полиемѣ изображаетъ намъ пастушескую жизнь, какой она была, по представленіямъ грековъ, въ незапамятныя времена. На островѣ феаковъ мы знакомимся съ придворной жизнью патріархальнаго царя въ то время, когда право убѣжища принадлежало еще очагу,—право, перешедшее затѣмъ къ алтарю и жрецамъ. Но эти настоящія картины культурной жизни не лишены однако и мифологическаго элемента. Боги греческаго Олимпа являются родственниками и патронами всѣхъ дѣйствующихъ лицъ въ подобныхъ мифахъ. Этимъ самымъ весь разсказъ переносится въ царство мифовъ. Но впрочемъ и въ этомъ вѣдѣ вполне вѣрно выражается народное міросозерцаніе. Дѣйствительно-же мифическимъ разсказъ становится только тогда, когда родственные боги и боги-патроны вводятся въ него въ качествѣ непосредственно дѣйствующихъ лицъ—это всюду считалось дозволительнымъ для поэтовъ.

Не изображать явленія природы, а разсказывать о нихъ свойственно дѣтскому уму. Пока при этомъ идетъ рѣчь о жизни животнаго міра, разсказъ самъ по себѣ является вполне правильной формой изложенія; человѣку оставалось только отступить нѣсколько отъ истины и заставить животныхъ говорить. Такъ возникаютъ извѣстные сказанія о животныхъ, которыя составили цѣлый эпосъ, на примѣръ въ нѣмецкомъ «Рейнике-Лисѣ». Разсказъ не нуждается ни въ какихъ дальнѣйшихъ добавленіяхъ, сюжетъ самъ по себѣ представляетъ уже эпосъ.

Но если человѣкъ хочетъ *разсказывать* о какихъ-нибудь другихъ явленіяхъ природы,—а первобытный человѣкъ любитъ только эту форму изложенія,—то ему приходится поискать вокругъ себя аналогій и вымышленныя лица сдѣлать героями тѣхъ событій, о которыхъ онъ хочетъ разсказывать. Такъ создаются фантастическіе разсказы о природѣ; но и они обращаются въ адоптивные мифы, какъ только разсказчикъ, для того чтобы привлечь вниманіе слушателя уже знакомымъ ему предметомъ, отождествляетъ героевъ своего разсказа съ извѣстными личностями изъ области культа. И иногда такой адоптивный мифъ пожалуй трудно будетъ отличить отъ настоящаго фетишистическаго мифа.

Для примѣра приведемъ одинъ эпизодъ изъ весьма извѣстной русской сказки. У Василисы Прекрасной была злая мачиха и двѣ злыя сестры, которыя хотѣли ее сжечь со свѣту. Для этого онѣ посылаютъ ее къ вѣдьмѣ (бабѣ-ягѣ) за огнемъ. Василиса идетъ черезъ лѣсъ. Тамъ попадается ей навстрѣчу всадникъ съ бѣлымъ лицомъ, въ бѣлой одеждѣ, на бѣломъ конѣ, а на конѣ бѣлая сбура, — свѣтаетъ. Идетъ она дальше и встрѣчаетъ другого всадника съ краснымъ лицомъ, въ красной одеждѣ, на красной лошади, — солнце восходитъ. Она идетъ цѣлый день и видитъ наконецъ вѣдьминъ домъ. Снова встрѣчается ей всадникъ съ чернымъ лицомъ, въ черной одеждѣ, на черномъ конѣ, — наступаетъ ночь. Василиса отыскиваетъ вѣдьму и спрашиваетъ: «кто былъ бѣлый всадникъ?» «Это мой свѣтлый день», отвѣчаетъ вѣдьма. — «А черный?» — «Это моя темная ноченька, всѣ они мнѣ други вѣрные». Все это только сказка, какія народная фантазія сочиняетъ сотнями. Но кто-же эта вѣдьма? Всѣмъ вѣдьмамъ вѣдьма у славянъ — это баба-яга; мифологически-же эта баба-яга не что иное, какъ древнее материнское кажество; такъ, пріуроченная къ подобной личности, сказка дѣлается *миоомъ*.

Прекрасную сказку о землѣ и небѣ и всѣхъ существахъ съ обозначеніемъ ихъ отношеній къ человѣку создали новозеландцы. Тутъ мы ясно можемъ видѣть, что новозеландцы, создавая ее, не исходили изъ представленій культа, а лишь хотѣли въ повѣствовательной формѣ изобразить фактическія отношенія такъ, какъ они представляются непосредственному воспріятію человѣка. Единственной цѣлью этихъ сказокъ было развлеченіе. Новозеландцы цѣлые дни и недѣли проводятъ надъ утомительнымъ плетеніемъ ковровъ и рогожекъ, работая всегда цѣлымъ обществомъ, причемъ, какъ это было и у насъ нѣкогда, когда дѣвушки сидѣли и пряли, разсказываются сказки, сюжетъ которыхъ, при большомъ недостаткѣ въ нихъ, берется откуда только можно, слѣдовательно преимущественно изъ природы. Такимъ образомъ была создана напримѣръ слѣдующая сказка.

Небо и земля, такъ разсказывается въ этой сказкѣ, суть отецъ и мать, и всѣ предметы вселенной — дѣти этой супружеской четы. Въ древнѣйшія времена между небомъ и землей не было никакого промежуточнаго пространства, а небо лежало на землѣ. Такое промежуточное пространство хотѣли создать дѣти быть можетъ для того, чтобы свободнѣе тамъ двигаться. Дѣти эти были слѣдующія: культурныя растенія, рыбы, гады, дикія растенія, люди, лѣса и вѣтеръ. Всѣ они, за исключеніемъ вѣтра, составили заговоръ расторгнуть небо и землю. И вотъ одинъ за другимъ по порядку дѣлаютъ они такія попытки, но все безуспѣшно: ни у одного изъ дѣтей не хватало-бы для этого силы, пока наконецъ не дошла очередь до *тсоевѣ*. Высоко поднявшись между небомъ и землей, они съ силой подняли кверху сопротивляющееся небо а землю придавили книзу. Такъ и понынѣ еще видимъ мы, что земля покоится подъ лѣсами, а надъ ними простирается небо. Всѣ дѣти остались внизу, только одинъ вѣтеръ, не принимавшій участія въ заговорѣ, остался вѣренъ отцу и послѣдовалъ за нимъ въ вышину; отсюда онъ спустился на землю, чтобы отомстить своимъ братьямъ за отца. Особенно онъ набросился на лѣса и опрокинулъ ихъ, а воды взмутить. Тогда великій ужасъ объялъ рыбъ и пресмыкающихся, и они пришли въ смятеніе; рыбы ушли въ глубь морей, а гады разбѣжались по странѣ. Съ тѣхъ поръ они живутъ розно: сестры — въ моряхъ, а братья — на землѣ. Когда море увидало, что амфибіи оставили его и что земля приняла бѣглецовъ, оно стало бушевать и заливать лѣса, находившіеся на морскомъ берегу. Лѣса стали мстить морю и дали человѣку дерево для барокъ, для рыболовныхъ багровъ и острогъ, которыми человѣкъ сталъ преслѣдовать рыбъ, скрывающихся въ глубинѣ моря. Зато море съ своей стороны

старается поглотить плывущія по немъ барки. Вѣтеръ не прекратилъ своего мщенія и началъ уничтожать дикія и культурныя растенія, которыя и скрылись въ нѣдра матери-земли. Такимъ образомъ вѣтеръ обратилъ въ бѣгство всѣхъ своихъ братьевъ, только одинъ человекъ стоялъ бодрый и непобѣжденный и негодовалъ, что братья такъ постыдно покинули его. Поэтому онъ также сталъ ихъ врагомъ и принялся ловить звѣрей и птицъ въ лѣсу и рыбъ въ моряхъ, выкопалъ растенія изъ земли и всѣхъ ихъ сдѣлалъ себѣ подвластными, только съ вѣтромъ онъ навсегда остался въ борьбѣ. Сказка эта такъ вѣрно передаетъ отношеніе вещей въ природѣ, что не остается никакого сомнѣнія, откуда новозеландецъ—этотъ охотникъ до сказокъ—заимствовалъ сюжетъ для своего поэтическаго созданія. Здѣсь конечно нельзя найти никакого намека на какое-либо отношеніе къ культу, и въ данномъ случаѣ совершенно отсутствуетъ намѣреніе объяснить религіозныя понятія. Тѣмъ не менѣе эта сказка стала мѣломъ, и почти навѣрное мѣломъ пріуроченнымъ. Только фетишизмъ натолкнулъ человека на мысль соединить свое представленіе о божествѣ съ явленіями природы; когда онъ говоритъ о «матери-землѣ», въ немъ по аналогіи возникаютъ представленія объ отцѣ и сыновьяхъ. Такъ какъ въ представленіяхъ культа уже существуютъ для этого готовыя понятія и имена, то, какъ только они вводятся, рассказъ пріобрѣтаетъ ту пластичность, къ которой стремится первобытный человекъ. Такъ, вмѣсто того, чтобы говорить о первыхъ рыбахъ или прародителяхъ рыбъ и гадовъ, разсказывается объ ихъ *богахъ*, которые и получаютъ опредѣленные имена, независимо отъ того, существуютъ-ли они въ культѣ сами по себѣ, или придуманы по аналогіи съ ними.

Созданіе миѣологическихъ системъ.

Наконецъ намъ остается еще разсмотрѣть, какъ особый видъ миѣологическаго творчества, попытки собрать весь разрозненный матеріалъ культа и миѣологии и придать ему единство системы.

Наиболѣе извѣстныя попытки этого рода связаны съ именами Гомера и Гезіода. Онѣ уже предполагаютъ существованіе греческаго народа и опредѣленной греческой культуры, въ предѣлахъ которой авторы собираютъ все отдѣльно возникшіе факты культа и миѣологии и изображаютъ все это съ одной какой-нибудь общей точки зрѣнія, какъ общее достояніе цѣлаго народа. Но въ этихъ попыткахъ нельзя уже искать исторической вѣрности и въ нихъ миѣологическое творчество оставляетъ реальную почву дѣйствительности. Культъ-же продолжаетъ оставаться на своемъ прежнемъ базисѣ.

Точки зрѣнія, исходя изъ которыхъ, человекъ дѣлаетъ попытку привести въ порядокъ довольно пеструю массу миѣологическихъ представленій, могутъ вызывать различныя основанія классификаціи. Весьма близкое къ истинѣ и очень часто употребляемое основаніе для классификаціи заимствуется изъ представленій фетишизма. Но фетишизмъ въ сущности покоится опять-таки на представленіяхъ о томъ, что душа человека остается на землѣ и послѣ его смерти, хотя фетишизмъ, въ слѣдствіи значительно удаляется отъ этой первоначальной мысли.

Древнѣйшіе обитатели о. Гаити хоронили мертвыхъ въ горахъ своего острова и вѣрили въ царство духовъ, обитающихъ въ горахъ и пещерахъ. Завоеватели-карибы были морскіе разбойники, которые бросали нѣкоторыхъ своихъ умершихъ въ море; по ихъ вѣрованію души жили въ глубинѣ морей. Точно также существовали горные и морскіе боги. Ассирійцы, какъ свидѣтельствуетъ Библія, считали еврейскихъ боговъ «горными богами»; а финикійскій Дагонъ съ тѣломъ

рыбы былъ несомнѣнно морской богъ, точно такъ же, какъ и греческій Посейдонъ съ трезубцемъ. На противоположеніи хтонизма уранизму было основано представленіе о богахъ подземнаго и надземнаго міра. Такимъ образомъ было положено начало системѣ и классификаціи, которая могла быть проведена по всеѣмъ направленіямъ, причѣмъ иногда классифицировались дѣйствительно существовавшія въ культѣ представленія, иногда же создавались новыя только по аналогіи съ уже существующими. Благодаря такому способу, возникъ цѣлый рядъ божествъ, которыя въ сущности существовали только по имени; ихъ можно отличить отъ настоящихъ боговъ по тому, что они не почитались народомъ и не пользовались государственнымъ культомъ.

Такимъ образомъ являются боги подземнаго міра, горъ, морей, рѣкъ и ключей, боги деревьевъ и лѣсовъ, боги воздуха и неба, вѣтровъ и созвѣздіи, боги камней, животныхъ и растений.

Всего чаще такія системы создавались для практическихъ цѣлей. Человѣкъ, приступая къ какому нибудь новому предпріятію, всякій разъ призывалъ на помощь боговъ. Первоначально хозяйственная дѣятельность у всеѣхъ народовъ была вполнѣ однообразна, она совершалась безъ всякаго раздѣленія труда, пока такое раздѣленіе, получивъ свое начало въ различныхъ занятіяхъ жены и мужа, не шло все дальше и дальше и при болѣе развитой культурѣ не раздѣлило весь народъ на профессіи и сословія. Поэтому естественно, что охотники ожидали помощи на охотѣ отъ своего бога, а кузнецы въ своемъ искусствѣ — отъ своего. Такимъ образомъ предметы культа такихъ группъ стали богами-покровителями отдѣльныхъ профессій, и слѣдовательно явилась новая система раздѣленія боговъ. Такъ, существовалъ специально богъ охоты—и соотвѣтственно древности этого промысла онъ часто еще принадлежалъ къ циклу женскихъ божествъ — затѣмъ богъ скотоводства, земледѣлія (и это божество еще часто представлялось женскимъ), богъ войны, уголовного суда, царскаго дома, города, государства и т. д. Но рѣдко удается въ болѣе или менѣе развитой міеологической системѣ вполнѣ точно провести это раздѣленіе; обыкновенно факты древнѣйшихъ временъ переносятся въ болѣе позднія времена и какой-нибудь богъ, напримѣръ Аполлонъ, приходящій на помощь во всеѣхъ бѣдахъ, является то настиху, то земледѣльцу, то художнику. Только тамъ, гдѣ какая нибудь профессія получила кастовый характеръ, какъ это было наприм. у жрецовъ и въ древнее время у кузнецовъ, о чемъ у насъ рѣчь въ первомъ отдѣлѣ, тамъ и характеръ божества носить на себѣ слѣды болѣе рѣзкой обособленности. Примѣромъ этого могутъ служить Брама и Тотъ, индійскій и египетскій богъ жрецовъ, и Гефестъ,—богъ кузнецовъ и виночерпиевъ у грековъ.

Особенное развитіе получила у римлянъ система второстепенныхъ боговъ, призывавшихся на помощь во всеѣхъ отдѣльныхъ несчастныхъ случаяхъ жизни, такъ называемыхъ *dii indigetes*, т. е. туземные боги. Такіе добрые боги *divi et divae*, которые получали свое названіе по тѣмъ услугамъ, которыя они доставляли человѣку, брали его подъ свое покровительство съ момента его рожденія: *Partula* оказывала свою помощь при рожденіи, *Vitumnus* давалъ новорожденному жизнь, *Sentinus*—чувствованіе, *Levana*—принимала его, *Opis*—ухаживала и *Rupina*—кормила ребенка. *Divus nodosus* помогалъ подняться стеблю хлѣбнаго растения, *Voluptiva* росила головку колоса, *Patelacna* открывала его.

Во всеѣмъ этомъ проявляется рѣзкое различіе между характеромъ греческаго и римскаго народа. Міеологія грековъ перешла въ поэтическую игру фантастическихъ образовъ, которая создавала все новыя и привлекательныя мотивы для поэзіи и

изящныхъ искусствъ; римская же мнѳологическая система есть не что иное, какъ собраніе практическихъ указаній на различные случаи жизни.

Обращаясь къ *третьему* способу систематизаціи всей массы мнѳовъ, мы видимъ, что древніе римляне совершенно не обращались къ нему, между тѣмъ какъ египтяне по крайней мѣрѣ пытались сдѣлать кое что въ этой области, а греки уже довольно рано создали грандіозную систему. Мы говоримъ о методѣ *генеалогическомъ*. Римляне сдѣлали на этомъ пути только одинъ шагъ: изъ массы Юнонь—каждая женская душа была Юноной—онѣ выбрала величайшую изъ нихъ въ супруги своему высшему богу—Юпитеру (*optimus maximus*)—совершенно подобно тому, какъ на землѣ во главѣ каждаго дома стоятъ господинъ и его жена.

Отсюда уже не трудно было боговъ великаго народа, хотя и раздѣлявшагося на много племенъ и общинъ, сгруппировать такимъ же образомъ по степени родства и при этомъ дать выраженіе этимъ представленіямъ приблизительно такъ же, какъ мы это видимъ въ Библии въ «таблицахъ народовъ».

Египтяне, насколько намъ извѣстно, не пытались однако привести въ одну мнѳологическую систему свои многочисленныя мѣстные божества, они даже не сдѣлали попытки сгруппировать хотя бы главныя божества отдѣльныхъ областей, число которыхъ доходило приблизительно до 42.

Правда, и у нихъ весьма часто упоминались боги попарно и изъ всей массы они пытались выдѣлить группу «великихъ боговъ». Эта попытка въ различныхъ мѣстахъ повела къ различнымъ системамъ, и число такихъ избранныхъ боговъ колеблется между шестью и десятью. При этомъ во всѣхъ этихъ попыткахъ можно замѣтить, какъ общій принципъ, стремленіе поставить на первое мѣсто боговъ господствующаго дома или племени и затѣмъ присоединить къ нимъ тѣ божества, имена которыхъ были относительно наиболѣе извѣстны. Но такъ какъ центръ господства въ различныхъ времена мѣняется, то различны также и эти системы боговъ, смотря по тому, гдѣ онѣ были составлены. Въ мемфисекій циклъ боговъ входятъ слѣдующіе боги и божественныя четы: 1) Пта, 2) Ра, 3) Му и Тефнуть, 4) Себъ и Нутъ, 5) Озирисъ и Изиды, 6) Сеть и Небти, 7) Горъ и Гаторъ. Болѣе древній циклъ боговъ въ Фивахъ составляютъ слѣдующіе: 1) Аммонъ, 2) Менте, 3) Атму, 4) Му и Тефну, 5) Себъ и Нутъ, 6) Озирисъ и Изиды (Гезиръ и Гасъ), 7) Геть и Небти, 8) Горъ и Гаторъ. Всѣ божества, названныя здѣсь попарно, суть по всей вѣроятности не что иное, какъ различныя мѣстныя обозначенія божественнаго праотца и праматери; между ними Озирисъ и Изиды являются четой, наиболѣе извѣстной подъ этимъ именемъ. Только что названныя нами боги представляютъ общенародную и въ то-же время хтоническую группу великихъ божествъ, поклоненіе которымъ было наиболѣе распространено.

Боги, стоящіе на первомъ мѣстѣ, являются богами *господствующаго* города. Они мѣняются въ зависимости отъ перенесенія центра господства. Въ Мемфисѣ обитаетъ Пта, который соединился съ прежнимъ властителемъ Геліополя, въ Фивахъ, пока ихъ господство ограничивалось Верхнимъ Египтомъ, живетъ Аммонъ.

Эти боги господствующихъ родовъ и общенародныя божества въ этихъ системахъ еще не соединены никакой родственной связью, но, начиная отъ отца Себа, бога земли, общенародныя божества связаны между собой весьма просто какъ родители съ дѣтьми. Въ одной изъ позднѣйшихъ системъ Аммонъ, господство котораго распространилось уже и на Нижній Египетъ, соединился соотвѣтственно этому уже съ Ра, и затѣмъ остальные боги слѣдуютъ другъ за другомъ какъ сынъ и отецъ:

Аммонъ-Ра, Монтъ, Шу, Себъ, Озирисъ и Горъ. А съ именами Гора и супружеской четы Озириса и Изиды связаны богатые мѣны.

Отличительной чертой всѣхъ этихъ египетскихъ попытокъ классификаціи божествъ является то, что въ основаніи ихъ еще лежитъ значеніе божества въ *культѣ*; это значеніе имѣетъ рѣшающее вліяніе на положеніе божества въ системѣ. На совершенно иномъ основаніи покоятся древнѣйшія попытки грековъ — *теогонія Гезіода*. Это сочиненіе уже есть твореніе, совершенно свободное отъ вліянія культа; оно соединяетъ дѣйствительные предметы культа съ идеями, которые никогда не пользовались такимъ культомъ, исключительно съ тою цѣлью, чтобы такимъ образомъ всю совокупность мифологическихъ представленій того времени вмѣстить въ одну кое-какъ составленную мозаичную картину. Впрочемъ все искусство въ данномъ случаѣ сводится къ довольно произвольному генеалогическому сопоставленію, причемъ изъ религіознаго сознанія народа заимствовано только то, что до господствующихъ эллинскихъ боговъ существовало множество, по большей части необыкновенныхъ, страшныхъ, божественныхъ существъ, и что всѣмъ имъ предшествуетъ, какъ прародительница, Гея, мать-земля. Гея произвела Урана, небо, а также Океанъ и множество до-эллиническихъ божествъ, между ними—Фемиду, Кроноса, Циклоповъ, Эринній, Гигантовъ и Нимфъ. Въ связи съ *моремъ* находятся всѣ ославленные фетишистическія божества, которыми для завоевателей-эллиновъ характеризовалось враждебное первоначальное населеніе, а именно: Гарпій, Грей и Горгоны, между ними Медуза, Пегасъ и Хризаоръ, «золотой мечъ», полудѣя Эхидра, собака Ортуосъ, Церберъ, лернейская гидра, Химера, немейскій левъ, а также рѣчные и земные фетиши.

Всѣ они грекамъ представлялись «прежними богами»; такъ буквально называется Гезіодъ титановъ; позднѣйшее время и позднѣйшіе боги ихъ уничтожили; только Геката, праматерь, была подобно Геѣ (которая впрочемъ есть только названіе фетиша Гекаты) богиною древнихъ временъ и осталась ею въ новѣйшее время; другія божества пали въ борьбѣ. Но никогда не уничтожался вѣчный культъ матери-прародительницы, «никогда Кронидъ ни въ чемъ ей не противился и не лишалъ того, что она приобрѣла при титанахъ, прежнихъ богахъ».

Низверженный прародитель позднѣйшихъ боговъ есть Кроносъ. Надъ нимъ стоялъ еще его отецъ, Уранъ, небо; но послѣдній не имѣетъ на землѣ ни культа, ни сыновей, такъ какъ Кроносъ его оскотилъ. Кроносъ, у котораго много дѣтей, хочетъ одинъ остаться властителемъ и проглатываетъ собственныхъ сыновей; наконецъ Зевсъ спасается отъ него, низвергаетъ Кроноса и его сообщниковъ изъ группы древнихъ боговъ, сбрасываетъ ихъ въ Оркъ и основываетъ новое государство, новый божественный родъ.

Потомками Кроноса являются слѣдующія божества: Геката, богиня всѣхъ очаговъ, Деметра, женское божество земледѣлія, Гера, госпожа, жена Зевса, Гадесъ, богъ подземнаго міра, и наконецъ самъ Зевсъ—новый властитель. Поэтѣ остается еще привести въ связь съ новымъ властителемъ наиболѣе замѣчательные эллинскіе культы. Такимъ образомъ къ многочисленнымъ дѣтямъ Зевса причисляются Музы, Персефона, Аполлонъ, Артемида, Геба, Аресъ, Афина, Тритонъ, Гермесъ, Геркулесъ. Если это соединеніе могло соответствовать позднѣйшему греческому народному сознанію, то приходилось все-таки мнѣ считать съ ясно выраженнымъ различіемъ мѣстныхъ культовъ; выраженіемъ этого является множество женъ и наложницъ, а также любовныхъ связей отца боговъ.

Подобно тому какъ во многихъ случаяхъ кузнецы, составляя касту, прикрѣпленную къ землѣ, не имѣютъ никакихъ сношеній съ господствующимъ народомъ, но, благодаря своему таинственному искусству, пользуются тѣмъ не менѣе неприкосновенностью и имѣютъ собственный культъ, такъ и Гезіодъ не могъ поэтому причислить къ сыновьямъ Зевса хромого Гефеста, склоняющаго боговъ къ громкому веселію. Онъ скорѣе въ качествѣ сына Геры, родившагося безъ отца, попалъ въ новое общество боговъ какъ подкидышъ и точно такъ-же, какъ и по сю пору въ Африкѣ кузнецы пользуются то уваженіемъ, то презрѣніемъ, такъ и этотъ богъ, бывший и виночерпѣемъ, и къ тому-же очень безобразный, то изгоняется изъ Олимпа, то снова туда допускается.

Хотя попытка Гезіода и должна была нѣсколько упорядочить мнѳологическое творчество грековъ, тѣмъ не менѣе она не имѣла руководящаго вліянія на все послѣдующія поэтическія созданія этого рода. Напротивъ того, другіе поэты всякій разъ иначе рѣшали тѣ проблемы, которыя постоянно ставились желаніемъ человѣка соединить то, что возникало независимо другъ отъ друга. Что эти попытки систематизации обыкновенно не имѣли въ своемъ основаніи никакой народной традиціи, показываетъ ихъ взаимная независимость другъ отъ друга. Такъ, беремъ ближайшій примѣръ: Гезіодъ называетъ супругу Гефеса Аглайей, Илиада — Харисъ, Одиссея—Афродитой.

Какой характеръ носила болѣе популярная систематизация мнѳологическихъ данныхъ, мы уже видѣли при разсмотрѣніи завоеваній, которыя дѣлали на чужой почвѣ отдѣльные культы вмѣстѣ съ тѣми племенами, которыя были ихъ носителями. Повсюду, гдѣ Аполлонъ овладѣвалъ святилищемъ какого нибудь героя, заключался такого рода компромиссъ, что герой этотъ становился или сыномъ, или пріемышемъ, или любимцемъ бога. Такимъ образомъ и Аполлонъ, какъ и Зевсъ, не можетъ явиться образцомъ цивилизованнаго супруга.

Вообще подъ гнетомъ этой системы греки лишились возможности дать мѣсто этическому идеалу въ мірѣ своихъ божествъ, и вотъ объ этомъ-то въ сущности и сожалѣтъ за 400 лѣтъ до Р. Хр. прямодушный Геродотъ, когда онъ воспоминаетъ о томъ пути, на который вступило мнѳологическое творчество приблизительно за 600 лѣтъ до него въ трудахъ Гомера и Гезіода.

УКАЗАТЕЛЬ СОБСТВЕННЫХЪ ИМЕНЪ.

- Абангу 68.
 Абдъ-уль-Азизъ 234.
 Абель 262, 263, 276.
 Абионы 267, 293.
 Абиссинія 31, 74, 132, 138.
 Авары 87.
 Августъ 71, 207.
 Авессаломъ 93, 173.
 Авраамъ 148, 166, 174, 188, 331.
 Австралийцы 29, 41, 48, 49, 57, 58, 64, 104, 107, 109, 113, 124, 130, 137, 138, 140, 165, 267, 269.
 Австралія 9, 21, 45, 46, 48, 49, 54, 77, 78, 84, 96, 97, 101, 107, 109, 113, 120, 178, 320.
 Агамемнонъ 174.
 Агарь 188.
 Агни 376.
 Адалъбертъ 175, 330.
 Адрианъ 321.
 Азія 6, 10, 21, 24, 35, 45, 48, 57, 59, 62, 63, 69, 70, 75, 81, 82, 83, 84, 85, 87, 91, 92, 95, 96, 102, 151, 164, 166, 218, 223, 231, 233, 243, 265, 268, 277, 281, 312, 343, 345, 352, 353, 354, 356, 359.
 Авитанія 22.
 Акка 13, 371, 372, 373.
 Аккадійцы 6, 94, 135, 290.
 Акрополь 184.
 Алгонкинсы 122.
 Алеуты 51.
 Алтай 134, 274, 275.
 Алфей 183.
 Альпы 89, 94.
 Альтмаркенъ 186, 214, 245.
 Альфонсъ Португальскій 209.
 Амацлоза 8.
 Амальтея 368.
 Америка 6, 9, 10, 14, 18, 19, 20, 21, 27, 33, 35, 42, 44, 45, 46, 75, 82, 84, 96, 97, 101, 107, 109, 118, 124, 145, 148, 154, 162, 163, 168, 170, 178, 180, 191, 209, 231, 267, 320, 335, 336, 367, 375.
 Американцы 9, 66, 355.
 Амикла 380.
 Амиклійцы 380.
 Аммонъ 232, 235, 337, 357, 368, 376, 385, 386.
 Аму-Дарья 24.
 Анаксименъ 301.
 Англичане 6, 9.
 Англія 210, 241, 242, 243, 320, 326.
 Ангола 166.
 Андри 19.
 Анды 42.
 Анубисъ 81, 375.
 Антильскіе о-ва 15, 18, 21, 30, 45, 50, 76.
 Антиопа 184.
 Аписъ 94, 335, 375.
 Аполлонъ 71, 172, 183, 367, 377, 378, 380, 384, 386, 387.
 Апшунъ 191.
 Арабы 6, 29, 34, 42, 60, 81, 82, 84, 87, 90, 91, 94, 98, 251.
 Аравія 20, 34, 86, 90, 91, 94, 133, 185, 277.
 Арагуанцы 44, 136.
 Аральское море 74.
 Арарать 277.
 Арауканцы 125, 176, 179.
 Арекуны 46.
 Аресь 184, 362, 386.
 Аристотель 68, 90, 98, 169, 203.
 Арійцы 6, 24, 48, 67, 82, 88, 93, 94, 95, 182, 222, 268, 271, 277, 278, 312, 329, 340, 347, 373, 376, 378.
 Аркона 95.
 Армения 74, 120, 135, 277.
 Армяне 69.
 Арнсбургъ 209.
 Артемида 184, 386.
 Ассинобинъ 179.
 Ассирійцы 6, 135, 290, 383.
 Ассирія 94.
 Атлантическій океанъ 28, 135.
 Атму 385.
 Атика 335, 373, 378.
 Ауладъ-Солиманъ 189.
 Афганистанъ 82.
 Африка 5, 6, 8, 10, 14, 18, 19, 20, 21, 30, 34, 35, 36, 41, 45, 48, 50, 51, 54, 56, 62, 63, 67, 68, 70, 72, 75, 76, 81, 82, 83, 84, 85, 87, 88, 89, 91, 92, 94, 96, 98, 100, 101, 102, 109, 110, 118, 124, 131, 138, 165, 177, 178, 181, 182, 185, 202, 204, 209, 214, 223, 243, 250, 281, 305, 313, 320, 332, 352, 354, 356, 365, 387.
 Африканцы 17, 48, 58, 62, 106, 110, 120, 124, 300, 355.
 Афродита 185, 387.
 Ахейцы 380.
 Ахиллесъ 324.
 Ацтеки 12, 36, 171, 195.
 Аенна 183, 373, 375, 378, 380, 386.
 Аенияне 102.
 Аенины 97, 169, 183, 184, 238, 310, 361, 375.
 Баварія 234.
 Баварцы 249.
 Баве 113.
 Багирми 166.
 Баеле 165.
 Байронъ 82, 104.
 Бактрія 94.
 Балканы 74.
 Балонда 163.
 Балтійское море 140.
 Бамбара 8.
 Банаръ 20.
 Банту 270.
 Бардай 14.
 Барп 112, 131.

- Баски 164, 181, 280.
 Басть 375.
 Башкиры 88.
 Бегуана 68.
 Бедуины 56, 75, 171, 185, 190,
 193, 199, 223, 236.
 Беккеръ 2, 113.
 Бельгия 140.
 Бенгалия 88.
 Беовульфъ 37.
 Беогиа 378.
 Берлинъ 245, 320.
 Бечуана 68.
 Богемія 140, 306.
 Болгары 291.
 Болеславъ I. 330.
 Борку 178.
 Борнео 180.
 Борну 68, 116, 166.
 Ботанибей 113.
 Ботокуды 37, 109, 292, 365.
 Боттурини 283.
 Бразилія 50, 55, 122, 165, 180,
 267.
 Брама 384.
 Бременъ 245.
 Британія 134, 140.
 Бругшъ 166.
 Бруть 174, 369.
 Бубастъ 375.
 Будда 349.
 Буддисты 10, 341, 343.
 Буддумасы 178.
 Будины 34.
 Бургунды 149, 235.
 Буртонъ 165.
 Буриаты 48.
 Бушмены 5, 13, 17, 29, 30,
 34, 46, 50, 58, 62, 80, 99,
 167, 191, 193, 256.
 Бѣлороссія 147, 217, 220.
 Вавилонія 102, 277, 360.
 Вавилоняне 6, 97, 263, 268,
 290.
 Вавилонъ 276, 334.
 Вадшидши 76.
 Вакхъ 367, 379.
 Валахи 120.
 Валла 188.
 Валлисъ 53.
 Валтелина 71.
 Вамойна 165.
 Ваника 19.
 Варронъ 89.
 Варяги 333.
 Веды 359.
 Великобританія 135, 240.
 Великобританія 145, 217, 220.
 Венгерцы 274.
 Венгрія 22, 68, 69, 72, 89,
 90, 94.
 Вендидадь 364.
 Верхнее Озеро 130, 285.
 Веста 49.
 Вестготы 235.
 Вестфалія 60, 187, 221.
 Вильгельмъ Завоеватель 241.
 Виргилий 71, 366, 367.
 Виргинія 41.
 Вишну 377, 378.
 Войай 166.
 Вѣна 319.
 Вюртембергъ 257.
 Гаваи. о. 47, 169, 306, 307.
 Гадесъ 386.
 Гаити о. 78, 100, 306, 367,
 383.
 Галтыяне.
 Гайксвортъ 48.
 Гакстаузенъ 220.
 Галле 245.
 Галлея 236.
 Галлія 67, 68, 69, 71, 75, 91,
 98, 103, 117, 321.
 Галла 31, 138.
 Галлы 87, 116, 291.
 Гангъ 16.
 Гармонія 378.
 Гарпиі 386.
 Гаруда 377.
 Гасъ 385.
 Гаторъ 385.
 Гвиінея Новая 45, 267.
 Гвіана 34, 46, 50, 67, 76, 97,
 109, 180, 267.
 Геба 386.
 Гезіодъ 91, 31, 366, 367, 383,
 386, 387.
 Гейстербахъ 302, 303, 328.
 Геката 386.
 Геліополь 7, 385.
 Геллія 336, 337.
 Генуа 97.
 Генрихъ I. 196.
 Генрихъ II. 209.
 Генрихъ фонъ-Штаде 331.
 Генъ 67, 69.
 Гера 386, 387.
 Гераклидъ Понтійскій 164.
 Гераклитъ 301.
 Геркулесъ 170, 183, 379, 386.
 Германия 7, 55, 70, 72, 89, 94,
 97, 102, 137, 204, 210, 214,
 217, 218, 220, 221, 239,
 241, 242, 281, 293, 294,
 295, 305, 322.
 Германцы 22, 25, 35, 37, 41,
 50, 51, 57, 60, 64, 68, 87,
 93, 94, 95, 98, 102, 103, 117,
 120, 123, 126, 127, 136, 139,
 151, 164, 166, 170, 174, 181,
 183, 186, 189, 196, 198, 211,
 216, 218, 231, 248, 251, 268,
 291, 308, 309, 312, 320, 334,
 346.
 Гермесъ 337, 379, 380, 386.
 Геродотъ 34, 57, 69, 74, 82,
 92, 98, 102, 134, 164, 169,
 387.
 Гетъ 385.
 Гефестъ 185, 384, 386.
 Гея 336, 378, 379, 386.
 Гивеонитяне 327.
 Гиганты 386.
 Гидатсосы 269.
 Гиксы 92, 93.
 Гильбертовы о-ва 57.
 Гималай 82.
 Гиндукушъ 82.
 Гиппократъ 98.
 Гиакинфъ 380.
 Гиаллисъ 37.
 Гомеръ 37, 91, 94, 103, 139,
 166, 185, 206, 305, 315,
 321, 340, 366, 367, 383,
 387.
 Горгоны 386.
 Горъ 357, 377, 385, 386.
 Готама 350.
 Готландъ 224, 239, 240, 241,
 245, 263.
 Готтентоты 5, 8, 13, 69, 87,
 91, 128, 348.
 Готы 89, 149, 235, 291.
 Грепъ 386.
 Греки 22, 29, 50, 52, 57, 69,
 70, 73, 89, 91, 93, 95, 97,
 98, 102, 123, 125, 127, 129,
 135, 136, 139, 150, 160, 164,
 166, 185, 203, 206, 268, 289,
 291, 293, 305, 311, 312, 313,
 314, 320, 321, 324, 331, 335,
 336, 337, 360, 384, 385, 387.
 Грендель 37.
 Гренландія 4, 97, 98, 118, 321.
 Гренландцы 118.
 Греція 56, 69, 71, 72, 87, 91,
 97, 102, 103, 128, 139, 169,
 183, 184, 185, 203, 204, 218,
 230, 238, 243, 277, 312, 348,
 360, 371, 377, 378.
 Григорій VII 238.
 Григорій XI 209.
 Гриммъ 218.
 Гулзоновъ заливъ 130.
 Гуджератъ 48.
 Гуннаръ 37.
 Гунны 22, 68.
 Гунтрамъ 302.
 Гуроны 107, 165.
 Давидъ 93, 180, 186, 327, 376.
 Дагонъ 383.
 Дакота 51, 179.

- Далай-Лама 233.
 Данія 239.
 Датчане 41, 55, 175.
 Даяки 180.
 Дебора 183.
 Делавары 18, 27, 32, 55, 56, 123, 163.
 Дельфы 355, 371, 378.
 Деметра 71, 82, 312, 336, 367, 379, 380, 386.
 Дидона 183.
 Диодоръ Сицилійскій 170, 181.
 Діонисъ 379.
 Діонъ 68.
 Доко 13.
 Доминго 75.
 Дорійцы 380.
 Дравиды 6.
 Дунай 64.
 Евреи 6, 9, 10, 29, 34, 36, 38, 42, 55, 59, 62, 64, 70, 82, 84, 87, 91, 93, 94, 98, 128, 129, 133, 135, 139, 151, 166, 167, 180, 182, 183, 187, 209, 222, 223, 232, 236, 251, 289, 308, 311, 312, 313, 316, 317, 318, 327, 331, 339, 342, 344, 356, 358, 364, 377.
 Еврона 6, 9, 24, 25, 31, 32, 45, 56, 58, 59, 69, 70, 84, 87, 89, 90, 93, 94, 95, 102, 118, 134, 145, 153, 154, 164, 192, 204, 210, 220, 221, 223, 226, 233, 243, 250, 266, 274, 280, 281, 293, 320, 321, 352, 353.
 Европейцы 6, 9, 104, 106, 107, 137, 138, 177, 192, 267, 274, 309, 322, 325, 335.
 Евфратъ 6, 24, 87, 93, 102, 135, 271, 274, 277.
 Египетъ 5, 7, 24, 31, 59, 68, 70, 74, 79, 81, 82, 84, 86, 87, 88, 89, 90, 91, 94, 97, 102, 117, 123, 129, 133, 166, 180, 182, 214, 232, 233, 263, 271, 276, 333, 343, 345, 346, 348, 357, 375, 376, 385.
 Египтяне 5, 9, 10, 22, 31, 43, 68, 79, 80, 83, 92, 93, 97, 101, 102, 106, 113, 127, 128, 129, 136, 139, 142, 263, 266, 274, 276, 283, 287, 288, 289, 292, 312, 313, 328, 333, 334, 335, 337, 342, 344, 346, 365, 373, 374, 375.
 Елизаръ 148.
 Замбезе 50, 54, 66, 90, 113.
 Зевсъ 71, 183, 371, 379, 386, 387.
 Зеландія Новая 16, 45, 54, 57, 77, 78.
 Зельфа 188.
 Зигурдь 37.
 Зулусы 8, 9, 139, 176, 188, 349.
 Иберійцы 22, 164.
 Иберія 135.
 Изиди 24, 337, 385, 386.
 Иліада 91, 387.
 Иліонъ 134.
 Индія 6, 9, 48, 67, 73, 90, 91, 98, 102, 106, 118, 134, 182, 229, 251, 275, 289, 291, 305, 312, 320, 321, 329, 340, 341, 346, 347, 349, 350, 358, 373, 374, 377, 378.
 Индійцы 185, 341, 343, 344, 347, 348, 352, 370.
 Индо-Китай 166, 309.
 Индра 67, 377.
 Индусы 9, 88, 250, 251, 321.
 Индѣйцы 12, 13, 18, 28, 30, 32, 34, 40, 41, 49, 53, 56, 57, 67, 76, 79, 80, 84, 85, 97, 99, 106, 107, 109, 110, 121, 123, 124, 130, 138, 140, 141, 153, 163, 165, 166, 168, 182, 186, 195, 231, 232, 269, 283, 284, 285, 302, 312, 329, 334, 335, 337, 338, 352.
 Индъ 90.
 Инки 30, 109, 148, 182, 185, 195, 231, 242.
 Иранцы 94, 268.
 Иранъ 81.
 Ирокезы 18, 27, 30, 37, 38, 51, 55, 56, 99, 163, 168, 335.
 Исая 310.
 Исландія 4, 47, 224, 239, 241, 245, 263.
 Испанія 22, 69, 94, 97, 102, 103, 134, 181, 218, 236, 250.
 Испанцы 325, 326.
 Истрія 97.
 Италики 57, 82, 123.
 Италия 23, 25, 69, 71, 84, 89, 90, 91, 97, 103, 140, 169, 218, 277, 335, 371, 373.
 Ифигенія 331, 369.
 Иаковъ 188.
 Геремія 310.
 Иерусалимъ 310, 311.
 Исусъ Навинъ 93.
 Іоняне 102.
 Иосифъ 232.
 Гудея 236, 332, 369.
 Кавказъ 135, 280.
 Кадмъ 378.
 Казунгу 8.
 Каиръ 81.
 Каконго 19.
 Калаурія 378.
 Каледонія 45.
 Калигула 207.
 Калифорнія 41, 120.
 Калмыки 91.
 Камбоджа 20.
 Канада 35.
 Кантабрійцы 164.
 Карагуа 9.
 Каравбы 45, 179.
 Карибы 19, 21, 113, 180, 352, 383.
 Карлъ Великій 65, 98, 189, 218.
 Карлъ II 234.
 Карна 331, 369.
 Карней 380.
 Карогаень 96.
 Каспійское море 48, 74.
 Каффы 8, 17, 18, 139, 185.
 Кацебе 69.
 Кашмиръ 82.
 Квайуру 165.
 Кекропсъ 378.
 Кельтиберійцы 181.
 Кельты 22, 23, 52, 57, 69, 75, 93, 94, 103, 111, 127, 136, 206, 268, 280, 320, 334.
 Кемощъ 339.
 Кенія 19.
 Кефиссъ 378.
 Кингсбору 283.
 Книгъ 48.
 Киргизы 90.
 Кириллъ Св. 291.
 Китай 10, 134, 135, 145, 148, 185, 187, 223, 271, 274, 309, 331, 332, 341.
 Китайцы 60, 87, 110, 133, 218, 258, 259, 273, 283, 286, 287, 290, 343.
 Клеопатра 288.
 Колумбія 13, 138.
 Колхида 74, 102.
 Комморо 2.
 Кораны 75.
 Кордофанъ 30.
 Коринѣ 169.
 Корсиканцы 181.
 Кортецъ 195, 325.
 Костарика 138.
 Кранцъ 98, 157.
 Крапфъ 13, 19.
 Крисса 378.

- Критъ 25, 166, 169.
Кронось 67, 70, 340, 371, 378, 379, 386.
Ксерофонтъ 69, 120.
Ксеркъ 94, 244.
Кукъ 98, 113, 120.
Кушиты 6, 271.
Кучко 375.
- Ладуласъ 242.
Лактанцій 321.
Лангобарды 89, 103.
Ланландцы 87, 88, 274, 354.
Латона 380.
Латтука 113.
Лаціумъ 175, 372.
Леббокъ 39.
Лейта 62.
Левиты 332, 358.
Лемба 356.
Ленорманъ 79.
Ливингстонъ 8, 50, 54, 68, 90, 113, 163, 202.
Ливійцы 5, 92.
Ливія 133.
Лигурійцы 69.
Лидія 189.
Ликійцы 164.
Ликия 166, 183.
Лимъ 87.
Литва 9, 32, 64.
Литовцы 64, 68.
Лія 188.
Лоанго 19, 165, 178.
Ломбардская низм. 71.
Лопари 122, 165.
Лоскиль 18, 27, 56, 163, 168.
Лужичане 26.
Людовикъ Благочестив. 219, 246.
- Магабгарата 377.
Магометь 94.
Мадагаскаръ 181.
Мадьяры 62, 87, 134.
Мазурія 51.
Мазаи 267.
Македонія 378.
Макузицы 180.
Малайцы 6, 162, 165, 259, 303, 312, 316, 335.
Малая Азія 59, 70, 83, 90, 91, 102, 128, 164, 277, 318, 348.
Манданы 179.
Мандинго 259.
Мангали 377.
Ману 363.
Марафонъ 136.
Маргинъ Св. 326.
Маренга 68.
Маріанскіе о-ва 82.
Марокко 66, 71.
- Марсель 71, 97.
Маршіусъ 180.
Маршалскіе о-ва 57.
Массагеты 103.
Матобелы 168.
Медуза 386.
Мегара 169, 184.
Мексика 12, 20, 21, 39, 41, 50, 78, 317, 322, 324, 325, 368, 369.
Мексиканцы 38, 45, 47, 73, 75, 316, 317, 320, 325.
Мемфисъ 7, 337, 385.
Мендесъ 335.
Менге 385.
Месопотамія 86.
Мидія 360.
Мидяне 48, 87, 93, 94.
Микадо 233.
Микронезія 41, 165.
Милеть 169, 184.
Мингосы 335.
Миссисипи 56.
Миссури 269.
Митра 340.
Михаилъ Св. 216, 218, 328.
Михмашъ 133.
Моисей 58, 369.
Моммзенъ 25.
Монголы 87, 110, 111.
Монтескье 208.
Монтъ 386.
Моравія 216.
Моръ 17, 68.
Мракотинъ 216.
Му 385.
Муази 8.
Музы 386.
Мультавъ 48.
Мундрукусы 180.
Мурадъ V. 235.
Мурзукъ 138.
Муррей 54.
Мустерсъ 54, 188.
- Намакуа 18.
Нахтигаль 48, 56, 62, 63, 68, 165, 178, 189.
Небти 385.
Негры 5, 13, 19, 31, 68, 75, 92, 95, 100, 106, 131, 160, 162, 166, 202, 293, 313, 332, 356.
Несторъ 175.
Нигеръ 8, 75.
Нидерланды 102.
Николай V—209.
Никарагуа 138.
Ниль 3, 7, 16, 24, 90, 102, 142, 271, 365.
Нимфы 386.
Ниневія 277.
- Нирвана 350.
Ніамъ-Ніамъ 353.
Ніасси 8.
Ноаре 33.
Новая Англія 122.
Новая Зеландія 100, 34, 36, 54, 57, 77, 78, 320, 324, 354.
Новозеландцы 100, 101, 103, 108, 111, 123, 124, 125, 141, 142, 312, 363, 382, 383.
Ной 277.
Норвегія 4, 60, 87, 88, 134.
Норденшельдъ 51.
Норманы 308.
Порфолькъ о. 48.
Нубійцы 30, 105.
Нубія 6.
Нугъ 385.
Ньюкатанъ 75.
Нѣмцы 139, 272, 275, 278, 279, 302.
- Овидій 331, 366, 367, 371.
Огнеземельцы 267.
Огненная Земля 32, 99, 107, 113, 120, 168.
Одинъ 321, 337.
Одиссей 91, 125, 315, 380.
Одиссея 58, 185, 381, 387.
Озирисъ 24, 328, 337, 345, 367, 385, 386.
Океанъ 386.
Олимпія 183.
Олимпъ 337, 362, 378, 379, 380, 381, 387.
Омага 179.
Онеиды 335.
Орестъ 183.
Ориноко 292.
Оркъ 379, 386.
Ормуздъ 363.
Оргуось 386.
Остзейскій край 222.
Остъ-Индія 97, 109, 162.
Отгонъ II. 197.
Офіонъ 378.
- Павель Діаконъ 103.
Павзаній 44, 184, 380.
Палаосскіе о-ва 53.
Палестина 72, 74, 89, 102, 189, 222.
Пальгрэвъ 192.
Паннонія 72, 89, 103.
Папуасы 267.
Паропамизъ 135.
Пасхи св. остр. 281, 306, 308, 328.
Патагонія 57.
Патагонцы 42, 54, 99, 104.
Пегасъ 386.
Пеласги 25, 95, 149, 280.

- Періандръ 169.
 Персефона 380, 386.
 Персидскій заливъ 134.
 Персія 74, 81, 90, 140.
 Персы 6, 48, 75, 81, 87, 90, 93, 94, 150, 290, 306, 312, 335, 347, 364, 376.
 Пертинаксъ 207.
 Перу 21, 30, 31, 127, 128, 148, 182, 206, 231, 233, 267, 325, 348.
 Перуанцы 99, 101, 109, 114, 231, 312.
 Пешель 44, 46, 267.
 Пиндаръ 367.
 Пириней 181, 280.
 Пиеагорейцы 10.
 Пнеія 354, 355.
 Платонъ 203, 315, 342.
 Плиній 32, 50, 69, 71, 102, 117.
 Плотинъ 303.
 По 140.
 Поднезійцы 13, 41, 46, 67, 100, 109, 123, 127, 130, 138, 141, 170, 335.
 Поднезія 36, 45, 48, 50, 61, 82, 84, 97, 101, 106, 124, 137, 176, 191.
 Полифемъ 381.
 Польша 222.
 Помаръ 267.
 Помпея 125.
 Португальцы 332.
 Порфирій 321.
 Посейдонъ 183, 378, 384.
 Прага 212.
 Праксиха 380.
 Пританей 310.
 Прискъ 22.
 Пріамъ 324.
 Пруссія 59, 197.
 Пруссы 69.
 Пта 337, 357, 376, 385.
 Птоломей 288.
Ра 328, 337, 357, 376, 385.
 Рагинъ 37.
 Рахиль 188.
 Регенсбургъ 330.
 Рейнъ 102, 140.
 Ремъ 8, 372.
 Реція 71.
 Рехабиты 70.
 Ригведа 25.
 Риль 157.
 Римляне 22, 23, 29, 31, 37, 50, 57, 70, 73, 82, 89, 94, 96, 97, 98, 116, 117, 125, 126, 128, 129, 136, 139, 140, 164, 166, 200, 206, 207, 238, 239, 272, 291, 293, 312, 320, 331, 335, 355, 367, 371, 384, 385.
 Римъ 25, 82, 87, 102, 150, 151, 175, 186, 189, 204, 205, 206, 207, 208, 209, 222, 231, 238, 239, 240, 244, 250, 312, 320, 321, 349, 361, 367, 369, 371, 372, 373, 374.
 Роландъ 186, 187, 245, 361.
 Ромуль 8, 371, 372.
 Россія 57, 75, 82, 89, 94, 175, 184.
 Ружмонъ 134.
 Румынія 89, 90.
 Русины 291.
 Руфъ 26.
 Рюгенъ о. 122.
 Рюссъ 234.
Сабинянки 175, 177.
 Саксонское Зерцало 117, 211, 216, 251.
 Саламинъ 378.
 Саллюстій 238.
 Салмонъ 53.
 Саломонъ 93.
 Сальвадоръ 138.
 Сандвичевы о-ва 140, 169.
 Самарія 236.
 Самуилъ 330.
 Сарацины 209.
 Сарматы 22, 44.
 Сатурнъ 337, 340.
 Сауль 133, 186, 327.
 Сахара 14, 132, 189, 199.
 Свевы 111.
 Святославъ 111.
 Себекъ 80.
 Себъ 385, 386.
 Семирамида 183.
 Семиты 93, 268, 271, 277, 278, 290.
 Сераписъ 367.
 Сербія 186.
 Сербы 291.
 Сервій Туллій 239.
 Сетъ 82, 385.
 Сибирь 134.
 Силезцы 34.
 Синайскій полуостр. 134, 135.
 Сингалезы 111.
 Сирийцы 93, 135.
 Сирія 34, 70, 90, 92, 102, 358.
 Сирмія 177.
 Сицилія 103.
 Сіамцы 111.
 Сіамъ 322.
 Сіуксы 122, 185, 269.
 Скандинавія 57, 60, 67, 89, 149, 233, 274.
 Скандинавы 60, 95, 98, 184, 234.
 Скапта р. 47.
 Скифія 64, 204.
 Скифы 36, 57, 74, 82, 87, 98, 120, 231.
 Славяне 22, 25, 26, 28, 49, 51, 57, 59, 68, 87, 98, 103, 120, 122, 139, 175, 186, 187, 200, 209, 220, 222, 232, 274, 279, 291, 320, 382.
 Соединенные Штаты 210, 243, 284.
 Сократъ 34, 301, 341.
 Солонъ 196.
 Сомали 177.
 Софокль 71.
 Спарта 169, 183.
 Спартель 71.
 Средизенное море 6, 24, 96, 97, 135.
 Страбонъ 22, 24, 68, 80, 94, 164, 169, 181.
 Стриги 331, 369.
 Суданъ 54, 60, 91, 96, 116, 132, 138, 185, 294.
 Сумерійцы 6.
 Сумукту 377.
 Сутерь 376.
Таганайка оз. 76.
 Таити о. 53, 167, 269, 315.
 Таитяне 118, 309.
 Тайкунъ 233, 237.
 Тайлоръ 30, 53, 258, 259, 269, 278.
 Таманаки 292.
 Тангатабу о. 309.
 Тасманійцы 267.
 Тацитъ 69, 103, 109, 120, 147, 149, 164, 166, 184, 189, 231.
 Тегузальхе 42.
 Тезей 184, 379.
 Телемакъ 173.
 Тейфнугъ 385.
 Тибести 20, 278.
 Тибетцы 133.
 Тибетъ 149, 233, 291.
 Тигръ р. 6, 134, 271.
 Тиль 46.
 Тироль 71.
 Тирриній 184.
 Тихій океанъ 9, 16, 21, 33, 41, 44, 45, 49, 53, 54, 78, 85, 100, 106, 107, 182, 306.
 Товарищества о-ва 15, 78, 104.
 Тонгайскіе о-ва 16, 54.
 Торъ 337.
 Тотъ 384.
 Грizenъ 184.
 Тригонъ 386.

Троя 39.
 Троянцы 93.
 Тубаль 135.
 Тубу 199.
 Тубу-Решаде 14 сл., 20, 35,
 132, 178.
 Тульский 95.
 Туписы 122.
 Туранцы 6, 134, 275, 280.
 Туранъ 86.
 Турки 134, 274, 275.
 Турція 233.
 Ульфила 291.
 Ульфилда 185.
 Уніоро 67.
 Уралъ 134, 274.
 Уранъ 379, 386.
 Уркушиты 87.
 Файумъ 80, 335.
 Фалаша 132.
 Фауа-Лоа 46.
 Фафниръ 37.
 Фазгонъ 374.
 Феаки 381.
 Феллахи 177.
 Фердинандъ Испанскій 209.
 Фецадъ 20, 66, 138.
 Фиджи о-ва 45.
 Филиппинскіе о-ва 53.
 Филиясъ 41.
 Филиппъ 48, 114.
 Филлстимляне 133.
 Филостратъ 380.
 Финикія 74, 139.
 Финикіане 6, 71, 102, 135,
 136, 140, 283, 289, 290.
 Финмаркенъ 120.
 Финны 134, 274.
 Флегійцы 378.
 Флорентинцы 209.
 Флоренція 209.
 Флорида 75.
 Фордунъ 56.
 Форстеръ 48, 78,
 Франки 149, 234, 245, 249,
 252.

Франкъ 64.
 Франція 59, 71, 102, 140, 210,
 236, 243.
 Фригійцы 69.
 Фризы 185.
 Фритшъ 191.
 Фротонъ 185.

Халдеи 87, 360, 374.
 Халдея 135.
 Ханаанеяне 135.
 Ханаанъ 86, 87, 92, 330.
 Харисъ 387.
 Химера 386.
 Хлодвигъ 235.
 Хризаоръ 386.
 Христофъ 234.

Цезарь 22, 71, 103, 206.
 Цейлонъ 50.
 Церберъ 386.
 Церветри 125.
 Циклопы 386.
 Циппора 369.
 Ципцеронъ 238.
 Цыгане 35.

Чадъ оз. 132, 178.
 Черкесы 280.
 Черное море 98.
 Черное море 74, 91.
 Чеу 133.
 Чехп 240.
 Чехія 64, 74, 187, 214, 221,
 243.
 Чилийцы 43.
 Чипеванъ 335.
 Чироки 163, 165.

Шамиссо 51.
 Швабское Зерцало 64.
 Швейцарія 89.
 Швеція 30, 134, 175, 241.
 Шейхъ-уль-Исламъ 235.
 Шлиманнъ 39, 59, 128.
 Шоа 13.
 Шолопуръ 319.
 Шомбургъ 180.

Шотландія 29, 89, 223, 241.
 Штирія 89:
 Шу 386.
 Шули 111.

Эвбея 89, 378.
 Эгейское море 373.
 Эгида 373, 381.
 Эгина 139.
 Эдда 37.
 Эзра 91.
 Эллада 25, 70, 97, 231, 373.
 Эллины 71, 82, 386.
 Энегы 91.
 Эрехтей 378, 380.
 Эрвиннъ 324, 386.
 Эскимосы 6, 32, 50, 51, 62,
 97, 98, 99, 118, 122, 141,
 156, 195, 211, 259, 321, 345.

Эскулапъ 360, 374.
 Эсты 9.
 Этрурія 128.
 Этрусски 135.
 Эфиопія 86, 166.
 Эфиопіане 5, 6.
 Эхидра 386.

Южный океанъ 169.
 Юнгъ 49.
 Юнона 385.
 Юпитеръ 231, 311, 367, 371,
 385.

Ява 34.
 Язонъ 183.
 Яма 337.
 Японія 10, 86, 99, 145, 148,
 233, 295, 341.
 Японцы 35, 59, 63, 90, 111,
 287, 343.

Оалесъ 301.
 Оемида 378, 386.
 Оессалия 378.
 Оивы 86, 235, 335, 380, 385.
 Оравійцы 69, 74, 89, 103.
 Оракія 89, 102.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

- Абрикосовое дерево** 15, 22, 34.
агава 73.
айшъ 60.
акрополь 380.
алигаторъ 35.
алфавитъ 289, 290, 291.
амазонки 184, 379.
амфора 61.
антилопа 83.
анты 125.
аракъ 73.
аронъ 16.
атриумъ 125, 126.
- Бакъ** 142.
бананъ 16.
бани 57.
баранъ 335, 337, 368.
бедуинство 170, 171.
бизонъ 8, 85.
бирка 284.
бобы 16, 22, 25, 34, 312; какъ монета 138.
боласъ 42.
бонза 10, 110.
бояла 68.
бракъ 158, способы его заключенія 173, сл. 185, сл.
браминъ 9, 88, 90, 183, 185, 186, 347, 348, 359, 370.
брандахта 141.
бронза 133, 135, 136.
буддизмъ 349, 350, 351, 359, буйволь 84, 90.
буравленіе 47, 50.
буравъ 47, 49, 51.
быкъ 88, 89, 91, 139, 312.
бѣлка 12, 15.
- Вампиръ** 328.
варка пшци 53 сл. 57 сл., ея культурное значеніе 61.
вегетарианцы 10.
верблюдъ 91, 277.
веревка 103, 112.
весло 141.
визиръ 237.
вино, его распространеніе 70, 71, 97; его культурное значеніе 72 сл.
виноградъ 69, 70, 277.
винодѣліе 71.
вира 248.
- владѣніе** 152.
воздухъ 301, 374.
волкъ 335, 371, 373.
вошь 91, 94, 130.
ворвань 96, 119.
воронъ 335.
воскъ 64.
- Гаданіе** 314.
газель, 83.
галера 142.
гальюнъ 142.
ганга 355, 356.
гашишъ 75.
гіена 155.
гладіаторы 205.
глина 58.
голотурія 35.
гончарное искусство 59.
гостепримство 192.
государство 228 сл. 236 сл.
грудилъ 35.
гуанако 42.
гусъ 312.
- Дагоны** 334.
дворянство 222 сл. 227.
деготь 58.
дефаза 83.
динго 78.
дѣадема 137.
драконъ 376, 378.
дубъ 269, 334.
дурро 30.
духи, вѣра въ нихъ 297, сл. 328, полененіе о нихъ 307, 309.
душа 297, 315, 328.
дѣтоубійство 159, 330.
дѣтель 373.
- Желуди** 25.
жельзо 130, сл. 135, 136, 269, женщина, ея заботы о пшци 14, 16, 19, 20, 23, 33, ея занятія земледѣліемъ 28, хранилищница очага 49.
жерновъ 160.
жертвоприношеніе 205, 310, 312, 313, 317, 320, 321 сл. 326, 327, 369.
жестикуляція 264.
животное и его прирученіе 76, сл. 82.
- жиръ** какъ лакомство 87, какъ приправа 96, какъ освѣтительный матеріалъ 119, религиозное его употребленіе 97, 314.
жребій 250, 356.
жрецъ 150, 151, 152, 226, 229, 235, 250, 325, 351, 353, 354, 356, 357, сл. 370, 374.
- Заборъ**, его значеніе 212, 215, 216.
задруга 190.
законъ 363.
заповѣди 363, 364.
запѣстье 131.
заступъ 30.
зебра 90.
зебу 88.
зеленый камень 138.
земледѣліе, его возникновеніе 16 сл.
змѣя 33, 35, 79, 302, 303, 345, 373, 376, 378.
зола какъ приправа 138.
золото 135, 136, 139.
зубрь 89.
- Игла** 100.
искупленіе 330, сл. 349, 369.
- Иероглифъ** 282, 288, 292.
- Каба** 67.
казнь 320, 327.
каіакъ 141.
калабасса 28, 98.
камень какъ орудіе 26, 28, какъ оружіе 37, какъ первоначальная печка 56.
канать 103.
канибализмъ 320 сл. 324, 365.
кассава 67.
каша 59, 60.
квѣга 60.
кирка 30, 31, 32, 132.
кленъ сахарный 28.
климаты, его вліяніе 6.
клиннокъ 38.
кметъ 240.
коза 83, 84, 373, 381.
козель 83, 335.

козуля 157.
кожа, ея выдѣлка 99.
кокка 75, 126, 312.
колбаса 60.
кодунъ 354, 357.
колесница 92, 93.
кольца 109, 137, 139.
коммерціумъ 239.
компасть 142.
коннубіумъ 189, 239, 246.
конопля 74 сл. 97, 103.
конфарреация 169, 175, 186.
копы 39, 41, 44, 45, 136.
кора 141.
кораблестроеніе 142.
корабль 142.
король 241, 242, 248.
корова 90, 347.
корона 137.
кошка 375.
крааль 214.
кремень 38.
кровь 301, употребленіе ея
въ пищу 10, 12, 36, 313,
314, 325, при жертвопри-
ношеніяхъ 316.
крокодилъ, его почитаніе 80,
335, 375.
крыса 9, 16, 77, 100.
кузнецъ 132, 386, 387.
кузница 131.
кукушка 261.
культъ, его начала 297, сл.
304, его развитіе 307, 309,
338, 357, 358.
кунжутъ 97.
купля 238 (см. бракъ).
курица 356.

Лавръ 354.
ладонь 312.
лама 44, 99.
левираць 344.
лемехъ 31.
лень какъ съѣдобное расте-
ніе 74; для выдѣлки тка-
ней 102, 103.
липа 334.
локоть 274.
лотосъ 16, 24, 25, 34.
лошадь 84, 91 сл. 94, 277, 312.
лукъ 41, 44, 45.
лушнъ 69.
людоѣдство 12, 78 (см. кан-
нибализмъ).
лягушка 35.

Мансъ 20, 27, 30, 55, 56,
163.
макъ 74, 75, 97.
маніюкъ 30, 67.
маслина 97, 277.

масло коровье 97, 98; олив-
ковое 312.
материнское право 19, 146,
159, 164, 165.
материнство 146, 159.
медвѣдь 11, 355.
медъ 9, какъ лакомство 63,
какъ приправа 65, 312,
какъ напитокъ 67, 97, 325.
мельница 27, 28, 29.
местъ 150, 157, 177.
металлы 129.
мечъ 39, 41, 133, 136, 194.
миръ 150, 199, 238, 363.
миѳология 299, 365, 366, сл.
могилы какъ мѣстопробыва-
ніе духовъ 334.
молоко, его доеніе 8; упо-
требленіе въ пищу 7, 9,
85, 98, 173.
молоть 39, 39, 41.
монета 138, 139.
моногамія 189.
монотеизмъ 341, 342.
мореплаваніе 340.
мотовило 139, 294.
мохъ 88.
мулъ 91.
мумія 333.
мутовка 50.
мыло 140.
мышь 12.
мѣдь 130, 131, 136, 269.
мѣна 238.
мѣра, ея виды 294.
мѣха 140.
мясо, употребленіе его въ
пищу 10, 11, 32, способы
его приготоуленія 35 и со-
храненія 53.

Набедренники 136.
правственностъ 362 сл.

Обмѣнъ, его возникновеніе
137, 138, 139.
обручъ 113.
обрѣзаніе 182, 356, 369.
обсидіанъ 38.
овесъ 23, 25.
овца 83, 84.
огонь, его первое примѣне-
ніе—46 сл.; способы его
добыванія—47 сл. 50, его
почитаніе 48, значеніе для
человѣка—49, 52; какъ на-
чало жизни—301.
ограда 214, 216.
одежда 114 сл.
ожерелье 112, 135, 136.
олень 84, 97.
олово 133, 135, 136, 137, 140.

омонимы 264, 265.
опьяненіе, стремленіе къ не-
му человѣка 65 сл.
оракуль 250, 354, 358, 364,
378.
организация общества 157,
158 сл.
ордаія 249, 250, 251.
орудіе, его появленіе 194.
оружіе, его появленіе 33,
вѣдѣлка 136.
орѣхъ 13.
осель 29, 90, 130, 277.
отець, его власть и права
146, 147, 151, 153, 155.
охра 138.

Паива 67.
паивари 67.
палка какъ орудіе 27, 29 сл.
палочникъ 54.
пальма 14, 16, 19, 20, 28,
66 сл.
памятники 334, 358.
пандагусъ 16.
панцырь 136.
папирусъ 24, 101, 103.
папиротникъ 15, 16, 64, 309,
312.
парсизмъ 48.
парусъ 142.
перепелятникъ 375.
печень 315.
печь 54 сл.
пиво 68, 97.
пирамида 281, 334.
письмена 281 сл.
пища, растительная и жи-
вотная 11 сл., 32, способы
добыванія ея 14 сл., 159
сл. моральное ея вліяніе
17, различіе ея для муж-
чины и женщины 33, спо-
собы ея приготоуленія 35
сл. 53, 54.
платеніе 100.
плагъ 30, 31, 130.
поодинокъ 251.
полба 23, 25, 59, 70.
полигамія 161, 163, 187 сл.
полотно 102.
помбе 68.
понтифексъ 361, 362.
понхо 114.
постройки 117 сл.
пость 179, 180, 308.
посуда 57, 58, 73.
праздники 308.
праца 41, 44.
приданое 162, 175.
присяга 249, 250, 251.
просо 21, 22, 25.

пума 42.
пчела 64.
пшеница 23, 25.
пытка 249.

Рабство 130, 153, 198, 202, 203, 204 сл.
рабы 200, 204, 205, 207, 208, 210, 249, 321.
Раковина какъ пища 35, орудіе—46, 141, 284, украшеніе—139.
расы, ихъ различіе и разселеніе 4, 5 сл.
растеніе, его разведеніе 16.
религія, 295 сл. 363 сл.
республика 149.
рея 142.
рисунокъ 285 сл.
рисъ 14, 21, 24, 60, 73.
рогожа 100.
родство 159.
родъ 150 сл.
рожокъ сладкій 139.
рожъ 23, 25.
ромъ 73, 313.
рубашка 117.
ружье 45.
рукоятка, ея устройство 40.
руль 142.
руны 291.
рыба 35, 39.
рѣзецъ 134, 136.
рѣпа 23.

Саламандра 35.
сало 97, 140.
сандалъ 312.
саранча 34.
сахарный тростникъ 16.
сахаръ 28.
свинья 9, 10, 78, 81, 82, 169, 269, 312, 326.
сезамъ 97, 312.
селезенка 315.
сельди 35, 60.
семья, ея образованіе 146, 158 сл. 161, ея формы—148, 149, 170, 171 сл. 190.
сенать 151, 240.
серебро 133, 136, 139.
серьги 109, 182.
символизмъ 318, 326.
синонимы 264, 265.
сисситія 169.
скотоводство, его зачатки—44, трудности—77, распространеніе 83 сл.

слива 60.
слонъ 95.
смоква 13.
смоковница 67, 334.
сновидѣнія 302.
собака 9, 11, 100, цѣль ея прирученія—77, предметъ пищи—78, 169, почитаніе ея—79, 80, сл. 269, 306, 312, 335
собственность, развитіе понятія—152, 171, 191, 193, 195 сл., 211, 212, 214, 217, 218 сл., защита ея—150.
сова 335, 375, 381.
сожженіе людей 321.
сожиганіе труповъ 333.
соль, какъ приправа 138, предметъ обмѣна 137.
сома 48, 67.
сорго сахарный 21, 24, 60, 68.
сосудъ 27, 73.
соха 32.
сошникъ 31.
страусъ 54.
стрема 95.
стрѣла 41, 136.
стунка 27, 28, 29.
судно 141.
судъ 243 сл.
судья 245, 246.
сусликъ 15.
численіе 292 сл.
сыръ 98.
сытъ 25.
сѣкура 41, 136.

Табакъ, его распространеніе 63, 65, 75, способы употребленія 76, 312, 354.
татуировка 106.
термиты 34.
тесло 39.
тканіе 100.
тобе 116, 139.
тога 114.
тонъ 264, 265, 272.
топоръ 30, 39, 40, 41.
торговля 136, 138, 140.
тогемъ 284, 335, 381.
греска 60.
трудъ, его первоначальное раздѣленіе 33 сл.
тыква 28, 57.

Украшеніе 104 сл. 113, 194.
уміакъ 141.
устрица 35.

Фараонъ 358.
фетишизмъ 148, 149, 332 сл. 335 сл. 370, 383.
фетишъ 332, 334 сл. 337, 352, 371, 374.
финикъ 14.

Хитонъ 114, 116.
хлопчатникъ 102.
хлѣбное дерево 16, 100.
хлѣбъ 32, 56 сл.
хмѣль 69.
холстъ 102, 103, 139.
хомякъ 15.
христіанство 349 сл.

Царь 230, 231, 357.
церковь 197, 208, 209, 226.
цехи 243.
циперусъ 13, 25.
цитось 69.
цѣловальники 246, 249.

Чаша 194.
челнъ 101, 141.
черепаха 335.
четки 284.
чижъ 256.

Шакалъ 335, 375.
шаманъ 352, 353, 359.
шафранъ 273.
шерсть 101, 102, 140, 381.
шефены 247.
шило 100.
шкура 139.
шлемъ 136, 381.
шлифовка камня 39.
шмель 63 сл.
шнурки счетные 284.

Ѣда, различныя ея способы 62, 63.

Эвгемеризмъ 340.
эпосъ животный 381.

Языкъ, его развитіе 255 сл. яма, ея назначеніе 37, 54, 56.
янтаръ 137, 140.
ястребъ 377.
ячмень 23, 24, 25, 26, 55, 59, 69.
ящерица 257.
ящуръ 15.

Ѣниміамъ 310.

Въ книжныхъ магазинахъ Карбасникова, «Новаго
Времени» и др. продается

НОВАЯ КНИГА

С Ч А С Т Ь Е.

Популярные очерки по нравственной философіи:

Искусство работать. — Хорошія привычки. — Искусство имѣть время. —
Мысли Эпиктета. — Счастье. — Идеализмъ въ практической жизни.

К. ГИЛЬТИ.

Профессора Бернскаго Университета.

Переводъ съ 4-го нѣмецкаго изданія и предисловіе

Александра Острогорскаго.

Цѣна 50 коп.

Выписывающіе отъ переводчика (Спб. Фурштатская, 48)
пользуются безплатной пересылкой.

Дозволено Цензурою. С.-Петербургъ, 22 Февраля 1894 года.

Типографія Училища Глухонѣмыхъ. Гороховая, 18.

Въ книжкахъ и альманахъ: Календарь, Число
Временъ и др. продается

НОВАЯ КНИГА

СЧАСТЬЕ

Полное руководство до совершенства здоровья

Известно каждому, что здоровье — великое благо,
и потому, чтобы не потерять его, необходимо знать, как
его сохранить и укрепить.

Н. ПУШКИН

Профессоръ физическаго воспитанія

Известно каждому, что здоровье — великое благо,
и потому, чтобы не потерять его, необходимо знать, как
его сохранить и укрепить.

Александръ Петровичъ

Цена 20 коп.

Выпущенный отъ редактора (См. Физическая) 17)
позволяетъ каждому узнать, как
его сохранить и укрепить.

Издательство: С. Петербургъ, 22 Февраль 1894 года

Типографъ: С. Петербургъ, 17 Февраль 1894 года

БЕРЕГИТЕ ЛЕГКИЯ! Гигиеническія бесѣды д-ра Нимейера. Съ 30 рис. Ц. 75 к.

СОХРАНЕНІЕ ЗДОРОВЬЯ. Общія гигиѣна въ прим. къ обыденной жизни. Д-ра Эйдама. Съ 7 рис. Цѣна 40 к.

БАКТЕРІИ И ихъ роль въ жизни человѣка. Дра Мигулам. Пер. съ нѣм. Съ 35 рис. Ц. 1 р.

ПРЕДСКАЗАНИЕ ПОГОДЫ. Г. Далале. Переводъ съ франц. Съ 40 рис. Ц. 1 р. 25 к.

ДАРИНИЗМЪ. Э. Феррера. Перев. съ франц. Популярное изложеніе ученія Дарвина. Ц. 60 к.

ЖИЗНЬ НА СЪВЕРЬ И ЮГЪ (отъ полова до экватора). А. Брема. Дополненіе къ его соч. "Жизнь животных*"). Со многими рисунками. Ц. 2 р.

ПЕРВОБЫТНЫЕ ЛЮДИ. Дебьера. Перев. съ франц. и допоян. М. Энгельгардтъ. Съ 84 рис. Ц. 1 р.

ФАБРИЧНАЯ ГИГІЕНА Д-ра В. Святловскаго. 720 стр. и 53 рис. Ц. 4 р.

РАБОЧИЙ ВОПРОСЪ. Его значеніе въ настоящемъ и будущемъ. А. Лянге. Ц. 1 р. 25 к.

ТРУДЪ И КАПИТАЛЬ. Первонач. свѣдѣнія по полит. экономіи. Пер. Сидерскаго. Ц. 20 к.

ОГОРОДНИЧЕСТВО. Практич. наставленія для парод. учителей. Ф. Шубелера. Съ 137 рис. Ц. 60 к.

КОТОРЫЙ ЧАСТЬ? И. Вавилова. Популярное руководство для поправки часовъ безъ помощи часовщика и для устройства солнечныхъ часовъ. Съ 13 рис. Книжка эта одобрена Академіей Наукъ. Ц. 80 к.

ЗАПИСКИ ЖЕЛУДКА. Съ англійскаго. Ц. 50 к.

МІРЪ ГРѢЗЪ. Д-ра Симона. Сновидѣнія, галлюцинаціи, сомнамбулизмъ, экстазъ, гипногизмъ, иллюзіи. Переводъ съ франц. Ц. 1 р.

ФИЗИОЛОГИЯ ДУШИ. А. Гердена. Проф. Лованскаго универ. Перев. съ франц. Ц. 1 р.

РУЧНОЙ ТРУДЪ. Составилъ Графинъ И. Руководство въ домашнимъ занятіямъ ремеслами. Перев. съ франц. Съ 400 рис. Ц. 1 р. 50 к. Въ папкѣ 1 р. 75 к. Въ переплетѣ 2 р.

ЭКСТАЗЪ ЧЕЛОВѢКА. И. Мантегацца. Переводъ съ 5-го итальян. изд. д-ра Лейненберга. Ц. 1 р. 50 к.

УМСТВЕННЫЯ ЭПИДЕМІИ. Историко-психиатрич. очерки. Д-ра Ренъяра. Переводъ съ франц. Э. Зауаръ. Съ 110 рис. Ц. 1 р. 75 к.

СВѢТЪ ВОЖИИ. Популярн. очерки мировѣдѣнія. 6-е изд. допоян. изд. иллюстр. (65 рис.). Ц. 80 к.

ОБЩЕДОСТУПНАЯ АСТРОНОМІЯ. К. Фламмаріона. Перев. съ франц. В. Черкасова. Съ 100 рис. 2-е изд. Ц. 1 р.

ТЕЛЕФОНЪ И ЕГО ПРАКТИЧЕСКІЯ ПРИМѢНЕНІЯ. Мейера и Приса. Съ 293 рис. Ц. 2 р. 50 к.

ЭЛЕКТРИЧЕСКІЕ АККУМУЛЯТОРЫ. Э. Ренъе. Переводъ и дополненія Д. Голова. Съ 76 рис. Ц. 1 р. 25 к.

ЭЛЕКТРИЧЕСКІЕ ЭЛЕМЕНТЫ ПИДЕ. Переводъ съ французск. Со многими рисунками. Ц. 2 р.

ЭЛЕКТРИЧЕСКОЕ ОСВѢЩЕНІЕ. Составилъ В. Чиколева. Съ 151 рис. Ц. 2 р. 50 к.

ДОМАШНЕЕ ЭЛЕКТРИЧЕСКОЕ ОСВѢЩЕНІЕ И уходъ за аккумуляторами. Сею мѣнса. Перев. съ 3-го англ. изд. Д. Голова. Практич. руковод. для любителей. 81 рис. и 2 диаграм. расчета диаметра проводовъ. Ц. 1 р. 25 к.

О БЕЗОПАСНОСТИ ЭЛЕКТРИЧЕСКАГО ОСВѢЩЕНІЯ. В. Чиколева. Съ 6-ю рисунками. Ц. 25 к.

ЭЛЕКТРИЧЕСТВО И МАГНЕТИЗМЪ. А. Гано и Ж. Маневръе. Переводъ Ф. Павленкова, В. Черкасова и С. Степанова. 340 рис. Ц. 1 р. 50 к.

ПОПУЛЯРНЫЯ ЛЕКЦІИ ОБЪ ЭЛЕКТРИЧЕСТВѢ И МАГНЕТИЗМѢ. О. Хвольсона. Съ 280 рис. Ц. 2 р.

ГЛАВНѢЙШІЯ ПРИЛОЖЕНІЯ ЭЛЕКТРИЧЕСТВА. Э. Госпитале. Переводъ С. Степанова, со множ. рис. 2-е изд. Ц. 2 р. 50 к.

ЭЛЕКТРИЧЕСКАЯ ПЕРЕДАЧА ЭНЕРГІИ. Составилъ Капиль. Съ 97 рис. въ текстѣ. Переводъ и дополненія Д. Голова. Ц. 2 р.

ЭЛЕКТРИЧЕСТВО ВЪ ДОМАШНЕМЪ БЫТУ. Э. Госпитале. Перев. съ франц. С. Степанова. Со множ. рис. Ц. 2 р.

ЭЛЕКТРИЧЕСКІЕ ЗВОНКИ. Боттона. Съ кратк. свѣдѣніями о воздушныхъ звонкахъ. 114 рис. въ текстѣ. Перев. съ англ. Д. Голова. Ц. 1 р

ЧТО СДѢЛАТЬ ДЛЯ НАУКИ Ч. ДАРВИНЪ? Популярный обзоръ его трудовъ, составленный Гексли, Гейки, Дайеромъ и Романесомъ. Съ портр. Дарвина. Ц. 75 к.

ПСИХОЛОГИЯ ВЕЛИКИХЪ ЛЮДЕЙ. Проф. Жоли. Перев. съ франц. 2-е изд. Ц. 1 р.

СОЦІАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ ЖИВОТНЫХЪ. Эспинаса. Перев. съ франц. Ф. Павленковъ. 500 стр. Ц. 2 р. 50 к.

ЕДИНСТВО ФИЗИЧЕСКИХЪ СИЛЪ. Ометъ популярно-научной философіи. А. Секки. 2-е изд. Ц. 2 р. 50 к.

ЧАСТНАЯ МЕДИЦИНСКАЯ ДІАГНОСТИКА. Руководство для практич. врачей. Составилъ проф. Ла-Коста. Переводъ съ нѣмц. д-ръ Д. Фридбергъ. 704 стр., съ 43 рис. Ц 3 р. 50 к.

ПСИХОЛОГИЯ ВНИМАНІЯ. Д-ра Рибо. Пер. съ съ франц. 2-е изд. Ц. 50 к.

СОВРЕМЕННЫЯ ПСИХОПАТЫ. Д-ра А. Кюллера. Переводъ съ франц. Ц. 1 р. 50 к.

ГЕНІАЛЬНОСТЬ И ПОМЪНАТЕЛЬСТВО. П. Ломброзо. Съ портретомъ автора и рисунками. 2-е изд. Ц. 1 р.

ВРЕДНЫЯ ПОДВѢЯ НАСЪКОМЪЯ. Составилъ Иверсенъ. Съ 43 рис. Ц. 80 к.

ЭЙФЕЛЕВА БАШНЯ. Состав. Г. Тисандье. Съ 34 рис. Ц. 50 к.

ХЛѢБНЫЙ ЖУКЪ. Чтеніе для народа. Съ 3 рис. Барона Н. Корфа. Ц. 10 к.

ВОЗДУШНОЕ САДОВОДСТВО. Н. Жуковскаго. Съ 73 рис. Изд. 2-е. Ц. 60 к.

ШКОЛЬНЫЙ САДОВОДЪ. Объ устройствѣ при школахъ питомниковъ и способахъ обученія садоводству. А. Волоотовскаго. Ц. 20 к.

ИГРА ВЪ ЛОШАДКИ. Краткій очеркъ риснистаго и скаковаго спорта въ Россіи. Н. А. Попова. Цѣна 50 к.

Для дѣтей и юношества.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ РОМАНЫ ДИККЕНСА въ сокращенномъ переводѣ Л. Шелгуновой: 1) Давидъ Копперфильдъ, 2) Домби и сынъ, 3) Оливеръ Твистъ, 4) Большія надежды, 5) Нашъ общій другъ, 6) Лавка древностей, 7) Бронша Дорритъ, 8) Тяжелыя времена, 9) Холодный домъ, 10) Николай Никльби, 11) Два города, 12) Мартинъ Чезливъ. Цѣна кажд. романа—40 к. Въ папкѣ 50 к., въ перепл., по 6 ром.—3 р. 25 к.

ВСЯКОМУ ГРѢШЮ СВОЕ МѢСТО. А. Круглова. Съ 46 рис. Ц. 1 р. 25 к., въ папкѣ 1 р. 50 к., въ переплетѣ 2 р.

ДѢТСКІЙ МАСКАРАДЪ. Н. Азбелева. Съ 16 рис. Цѣна 20 к.

ВЛУЖДАЮЩІЕ ОГОНЬКИ. Бъ жинной. Сборникъ дѣтск. разсказовъ. Со многими рисун. Ц. 1 р. Въ папкѣ—1 р. 25 к. Въ переплетѣ—1 р. 60 к.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ РОМАНЫ ВАЛТЕРЪ-СКОТТА въ сокращенномъ переводѣ Л. Шелгуновой и: 1) Велерей, 2) Антверпій, 3) Робъ-Рой, 4) Айвенго, 5) Астрологъ, 6) Кентинъ Дорвардъ, 7) Вудетокъ, 8) Замокъ Кенильвортъ, 9) Ламермурская невѣста, 10) Легенда о Монгрозѣ, 11) Пертека красавица, 12) Неверный Пикъ, 13) Пираты, 14) Монстиръ, 15) Аббатъ, 16) Пресвитериане, 17) Карлъ Смѣлый, 18) Обручание, 19) Ричардъ-Львиное Сердце, 20) Черный Карликъ. Цѣна впаждо романа 40 к., въ папкѣ 50 к., въ переплетѣ по 5 романовъ впаждѣ Ц. 2 р. 80 к.

ДВА ПРОКАЗНИКА. Шуточный разсказъ въ стихахъ. В. Вуша. Переводъ съ 25 нѣмец. изданія. Около 100 рис. Цѣна 60 к., въ папкѣ 75 к., въ перепл. 1 р. 25 к.

РУССКІЯ НАРОДНЫЯ СКАЗКИ ВЪ СТИХАХЪ. А. Брянчанинова. Съ предисловіемъ И. С. Тургенева. Множество рисунковъ. Цѣна 2 р. Въ папкѣ 2 р. 50 к. Въ переплетѣ 3 р.

ЧЕРНЫЕ БОГАТЫРИ. Е. Коградъ. Со множеств. рисун. Ц. 2 р. Въ переплетѣ 2 р. 75 к.

ВЪ ДОБРЫЙ ЧАСЪ! Сборникъ дѣтскихъ разсказовъ. А. Лянгиде. Съ рисунками. Цѣна 75 к., въ папкѣ 1 р., въ переплетѣ 1 р. 25 к.

ПОДРУЖКА. Книжка для маленькихъ дѣтей. Составлена Востромъ. Съ 130 рис. Ц. 75 к., въ пакѣ—1 р., въ перел. 1 р. 30 к.

ЗАДУШЕВНЫЕ РАЗСКАЗЫ. П. Засодимскаго. Два тома съ 185 рис. Цѣна каждаго 1 р. 25 к., въ пакѣ 1 р. 50 к., въ перелетѣ 2 р.

ХОРОШЕ ЛЮДИ. В. Острогорскаго. Съ 45 рисунками. 2-е изд. П. 1 р., въ пакѣ 1 р. 25 к., въ перелетѣ 1 р. 60 к.

ИЗЪ ЖИЗНИ И ИСТОРИИ. А. Арсеньева. Съ рис. Въ пакѣ 1 р. 50 к., въ перел. 2 р.

ПОСЛУШАЕМЪ! Дѣтскіе рассказы. А. Нольде. Съ 28 рис. Въ пакѣ 1 р. Въ перелетѣ 1 р. 50 к.

РОВИНЗОНЪ. Его жизни и приключенія. Рейбнера. Перев. съ нѣмец. Съ 107 рис. Ц. 30 к., въ пакѣ 40 к., въ перелетѣ 60 к.

ДОНЪ-КИХОТЪ. Сервантеса. Соврѣщ. перев. для иностранцев. Съ 43 рис. Ц. 60 к., въ перел.—90 коп.

НАГЛЯДНЫЕ НЕСОБОРАЗНОСТИ. (Дѣтскія задачи въ картинкахъ) Ф. Павленкова. 10 листовъ (на каждомъ по 20 рисунковъ). Цѣна 1 р. «Объясненіе» къ нимъ 5 к.

МАТЕМАТИЧЕСКІЕ СОФИЗМЫ. 50 теоремъ, доказывающихъ, что $2 \times 2 = 5$, часть болше своего дѣлаго, и проч. Составилъ В. Обреимовъ. 2-е изд. Цѣна 40 к.

МАТЕМАТИЧЕСКІЯ РАЗВЛЕЧЕНІЯ. Люкаса. Переводъ съ французскаго. В. Обреимова. Съ 55 фигурами и таблицами. П. 1 р.

ТРОЙНАЯ ГОЛОВОЛОМКА. В. Обреимова. Сборникъ геометрическихъ игръ. Съ 300 рисун. и 39 кастетами. Цѣна 1 р.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ. Живописные очерки отдаленныхъ странъ. С. Ворисгофера. Съ 78 рис. 2-е изд. Ц. 1 р. 50 к. Въ пакѣ 1 р. 75 к. Въ перелетѣ 2 р. 25 к.

ЧЕРЕЗЪ ДѢВРИ И ПУСТЫНИ. Скитанія молодого бѣлца. С. Ворисгофера. Съ иллюстраціями. Цѣна 2 р., въ пакѣ—2 р. 25 к., въ перелетѣ 2 р. 75 к.

ПРИКЛЮЧЕНІЯ КОНТРАБАНДИСТА. С. Ворисгофера. Съ иллюстраціями. Цѣна 1 р. 50 к., въ пакѣ 1 р. 75 к., въ перелетѣ 2 р. 25 к.

СКАЗОЧНАЯ СТРАНА. Путевыя приключенія двухъ юныхъ матросовъ. С. Ворисгофера. Съ иллюстраціями. Цѣна 2 р. въ пакѣ 2 р. 25 к. Въ перелетѣ 2 р. 75 к.

МУЧЕНИКИ НАУКИ. Г. Тисандье. Переводъ подъ редакціей Ф. Павленкова. Съ 55 рис. 3-е изд. П. 1 р. 25 к., въ перел. 2 р.

НА ЗЕМЛѢ И ПОДЪ ЗЕМЛЕЙ. Изъ воспоминаній всемірнаго путешественника. В. Галъзава. Со многими рис., цѣна 1 р. 25 к., въ пакѣ 1 р. 50 к., въ перелетѣ—2 руб.

ВЕЧЕРНЕ ДЕСУГИ. А. Круглова. Съ 70 рис. Ц. 1 р. 25 к., въ пакѣ 1 р. 50 к., въ перел.—2 р.

НАУЧНЫЯ РАЗВЛЕЧЕНІЯ. Г. Тисандье. Переводъ редакціей Ф. Павленкова. 353 рисун. 3-е изд. П. 1 р. 50 к., въ перелетѣ—2 р. 25 к.

СКАЗКИ ГУСТАФСОНА. Съ 30 рис. Ц. 1 р. 25 к., въ пакѣ—1 р. 50 к., въ перелетѣ—1 р. 75 к.

ДО ПОТОМА. Романъ изъ жизни первоначальныхъ людей. Рони. Съ 16 рис. Ц. 50 к.

РЫЖІЙ ГРАФЪ, НЕРАЗЛУЧНИКИ, ДОЧЬ УГОЛЬЩИКА. П. Засодимскаго. Съ рисунками. Цѣна каждой книжки по 35 к.

ЖИВЫЯ КАРТИНКИ. А. Смирнова. Сборникъ разсказовъ, съ 50 рис. Цѣна 1 р. 50 к., въ пакѣ 1 р. 75 к., въ перелетѣ 2 р.

ЯНКИ ВОЛОГОДСКАГО УѢЗДА. А. Круглова. Съ 6 рис. Цѣна 25 к.

НЕЗАБУДКИ. А. Круглова. Сборникъ разсказовъ. Съ 50 рисунками. Цѣна 1 р. 50 к., въ пакѣ—1 р. 75 к., въ перелетѣ 2 р.

НЕСЧАТЛИВЫ. Повѣсть для дѣтей изъ жизни нѣсныхъ. Э. Кандева. Перев. съ франц. В. Писаревой, съ 65 рис. Ц. 1 р. 25 к., въ пакѣ 1 р. 50 к., въ перелетѣ 2 р.

ДВАДЦАТЬ БИОГРАФИ ОБРАЗЦОВЫХЪ РУССК. ПИСАТЕЛЕЙ. В. Острогорскаго. 3-е изд. Съ 20 портрет. Ц. 50 к., въ пакѣ 75 к., въ перел. 1 р.

ПРИКЛЮЧЕНІЯ СВЕРЦКА. Э. Кандева. Съ 67 рис. Ц. 2 р., въ пакѣ—2 р. 25 к., въ перел. 2 р. 50 к.

ИСТОРИЯ ОТКРЫТІЯ АМЕРИКИ. Ламе-Флера. Съ 52 рис. Ц. 75 к., въ пакѣ 1 р., въ перел. 1 р. 40 к.

ПЛЮСТРИРОВАННАЯ ПУШКИНСКАЯ БИБЛИОТЕКА (40 книжекъ).

- 1) Русланъ и Людмила. Съ 8 рис. Ц. 10 к.—2) Кавказскій плѣнникъ. Съ 3 рис. Ц. 3 к.—3) Братья-разбойники. Съ 3 рис. Ц. 2 к.—4) Бахчисарайскій фонтанъ. Съ 3 рис. Ц. 3 к.—5) Цыганы. Съ 3 рис. Ц. 3 к.—6) Полтава. Съ 5 рис. Ц. 6 к.—7) Галубъ. Съ 2 рис. Ц. 2 к.—8) Сказка о царѣ Салтантѣ. Съ 3 рис. Ц. 4 к.—9) Сказка о полѣ и работникѣ его Балдѣ. Съ 2 рис. Ц. 2 к.—10) Сказка о мертвой царевнѣ. Съ 2 рис. Ц. 2 к.—11) Сказка о золотомъ пѣтушкѣ. Съ 2 рис. Ц. 2 к.—12) Сказка о рыбацкѣ и рыбацкѣ. Съ 2 рис. Ц. 2 к.—13) Пѣсни запад. славянъ. Съ 3 рис. Ц. 4 к.—14) Евгений Онегинъ. Съ 11 рис. Ц. 20 к.—15) Графъ Нулимъ. Съ 2 рис. Ц. 2 к.—16) Домикъ въ Коломнѣ. Съ 2 рис. Ц. 2 к.—17) Мѣдный всадникъ. Съ 3 рис. Ц. 3 к.—18) Анджео. Съ 3 рис. Ц. 3 к.—19) Борисъ Годуновъ. Съ 9 рис. Ц. 10 к.—20) Скупой рыцарь. Съ 2 рис. Ц. 2 к.—21) Моцартъ и Сальери. Съ 2 рис. Ц. 2 к.—22) Каменный гость. Съ 3 рис. Ц. 3 к.—23) Пиръ во время чумы. Съ 2 рис. Ц. 2 к.—24) Руслана. Съ 4 рис. Ц. 3 к.—25) Выстрѣлъ. Съ 2 рис. Ц. 2 к.—26) Метель. Съ 2 рис. Ц. 3 к.—27) Гробовщикъ. Съ 2 рис. Ц. 2 к.—28) Станціонный смотритель. Съ 3 рис. Ц. 3 к.—29) Барышня-крестьянка. Съ 2 рис. Ц. 4 к.—30) Пиковая дама. Съ 3 рис. Ц. 5 к.—31) Дубровскій. Съ 5 рис. Ц. 10 к.—32) Арапъ Петра Великаго. Съ 3 рис. Ц. 6 к.—33) Капитанова дочка. Съ 11 рис. Ц. 20 к.—34) Исторія Пугачевского бунта. Съ мног. рисун. Ц. 20 к.—35) Всѣ поэмы. Съ 21 рис. Ц. 25 к.—36) Всѣ сказки. Съ 6 рис. Ц. 10 к.—37) Всѣ баллады и легенды. Съ 4 рис. Ц. 10 к.—38) Всѣ драматическія произведенія. Съ 17 рис. Ц. 20 к.—39) Повѣсти Бѣлкина. Съ 7 рисун. Ц. 10 к.—40) Всѣ письма. Съ 26 портрет. Ц. 25 к.

Съ января 1894 года начала издаваться въ С.-Петербургѣ

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ

СКАЗОЧНАЯ БИБЛИОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА.

Въ составъ этой бібліотеки войдутъ избранныя сказки всѣхъ культурныхъ народовъ. Всѣхъ книжекъ предполагается выпустить отъ 150 до 200. Въ каждой книжкѣ помѣщается одна большая или нѣсколько мелкихъ сказокъ, иллюстрированныхъ болѣе или менѣе значительнымъ количествомъ рисунковъ (отъ 5 до 15 на книжку). Цѣна книжекъ отъ 5 до 15 коп. До февраля 1894 года вышло 15 книжекъ, въ которыхъ помѣщены доступныя для дѣтей сказки Андерсена. Новыя книжки будутъ выходить по 4 въ мѣсяцъ.

2007334170